

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМКЕ

Том XI

Литературно-Издательский Отдел
Народного Комиссариата по Просвещению

ПЕТЕРБУРГ • 1919

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ XI

1861 г.

(№№ 1531—1765)

*Литературно-Издательскій Отдѣлъ
Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію*

Петроградъ.—1919.

От Комиссариата Народного Просвещения

Все сочинения А. И. Герцена монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

Оглавленіе.

1861.

№№		СТР.
**1531.	Гоненіе христіанъ папскихъ христіанами полицейскими	3
**1532.	Тимашевъ, сидите дома, какъ Бейстъ,—не ѣздите, какъ Гайнау!	—
*1533.	Письмо къ С. Тхоржевскому	4
*1534.	То же	5
**1535.	Письмо къ И. С. Тургеневу	6
*1536.	Письмо къ М. К. Рейхель	8
**1537.	Письмо къ И. С. Тургеневу	9
*1538.	Письмо къ сыну	—
**1539.	Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ	11
**1540.	Собственное сознаніе о взрывѣ „Пластуна“	13
**1541.	[Комментаріи къ примѣчаніямъ]	14
**1542.	Семейный очагъ патріарховъ и патриціевъ незабвеннаго Николая	—
**1542 bis.	Поль парке въ гимназіи и потолокъ въ мозгу Фишера	—
**1543.	Тифлисъ и покореніе „Колокола“	—
**1544.	Предисловіе	15
**1545.	Письмо къ Т. П. Пассекъ	19
**1546.	(Провинціальныя университеты)	21
**1547.	Злодѣйство Долгорукова	27
**1548.	Крайне нужно.	—
**1549.	Одесную и ошую	—
**1550.	Императрица Мярія Александровна	28
**1551.	Доносъ (разумѣется, Тимашеву).	—
*1552.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
**1553.	Письмо къ И. С. Тургеневу	29

№№	стр.
*1554. Письмо къ сыну	30
*1555. То же	—
**1556. Сто пятнадцать благородныхъ офицеровъ	31
**1557. Сенатскія арестантскія роты (осужденный Переверзевъ)	32
**1558. Козель и осель	33
**1559. Клоповникъ (не растительнаго царства, а царства русской полиціи)	—
*1560. Письмо къ М. К. Рейхель	34
*1561. Письмо къ сыну	—
**1562. Наканунѣ	37
**1563. Послѣднее убѣжище изгнанниковъ закрыто	38
**1564. Слухъ о заговорѣ противъ императора австрійскаго и эрцгерцогини Софіи	39
**1565. Доносъ на „Морской Сборникъ“	—
**1566. Фрегатъ „Генераль-Адмираль“ и швабра	40
**1567. Харьковскимъ студентамъ	41
**1567 bis. Языковъ, директоръ Правовѣдѣнія	—
**1568. Цензурные зуавы	42
**1568 bis. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
**1569. То же	43
**1570. То же	45
1571. Духу не достало!	46
**1572. Vivat Polonia!	47
**1572 bis. Плугъ уступаетъ аксельбанту	52
**1573. Madame Шпееръ и 15 розогъ	—
**1573 bis. 15 марта. Послѣднія новости	—
**1574. Письмо къ И. С. Тургеневу	53
**1574 bis. Отъ издателя	—
*1575. Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*1576. То же	54
*1577. Письмо къ сыну	55
*1578. То же	56
**1579. Отъ издателей	—
*1580. Письмо къ С. Тхоржевскому	57
**1581. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
**1582. Письмо къ Н. И. Тургеневу	58
1583. Манифестъ!	59
**1584. Панихида въ Петербургѣ	60
**1585. Т. Шевченко	61
**1586. Исправительныя письма!	—
**1587. День страха	63
**1588. Розги и плети, употребляемая международно	—

№№	стр.
**1589. Орлы, львы и жандармы корпуса генераль-басъ	64
**1590. (Мухановъ съ Вислы уѣхалъ!)	—
**1591. Et toi, Brute?	65
**1592. Издателямъ журналовъ въ Россіи	—
**1593. Освобожденіе крестьянъ	—
*1594. Письмо къ М. К. Рейхель	66
**1595. 10 апрѣля 1861 и убійства въ Варшавѣ	67
**1596. Листъ шпионовъ и „нордовское“ обвиненіе рус- скихъ офицеровъ въ кровожадности	69
**1597. Новые мѣхи для новаго вина	71
**1597 bis. „Колоколь“, Ковалевскій, Костомаровъ, Копія, Каннибалы	—
**1598. Злоупотребленіе пятидесятилѣтїями	73
**1599. Еще о Шестаковѣ и кротости его	74
**1600. (Присланныя деньги)	—
**1601. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
*1602. Письмо къ Н. Ѳ. Щербинѣ	75
**1603. Garibaldi and the Warsaw Massacre	79
Гарибальди объ убійствахъ въ Варшавѣ	—
**1604. To the editor of „The Daily News“	80
Письмо къ издателю „The Daily News“	—
*1605. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
*1606. Письмо къ С. Тхоржевскому	81
**1607. Mater dolorosa	82
**1608. (Гарибальди и „Колоколь“)	84
**1609. Кончина Басаргина	88
**1610. Рейтернъ	89
**1611. Александръ II и Мухановъ съ Вислы	—
**1612. Урокъ изъ географіи	—
**1613. Прусскій консулъ Бергеръ, исправляющій долж- ность намѣстника Царства Польскаго, и храбрый генераль Мейендорфъ изъ Курляндіи	—
**1614. У Кокорева свой Хрулевъ	90
**1615. (Изъ „Спб. Вѣдомостей“)	—
**1616. Ю. Н. Голицынъ	91
**1617. Царское самодержавіе и студентское самоупра- вленіе	—
**1618. Крѣпостное состояніе въ Ниццѣ и зодчій-боецъ въ Петербурѣ	—
**1619. Отъ издателей „Полярной Звѣзды“	92
**1620. Благодарность отечественной почтѣ и редакторамъ	—
*1621. Письмо къ М. К. Рейхель	93

№№	Стр.
**1622. Русская кровь льется!	94
**1623. Отеческій совѣтъ	—
**1624. Духовные и свѣтскіе доносы, цензороквизиція литературы, рачители и попечители.	97
**1625. Гоненіе на университеты	98
**1626. Секретный манифестъ	99
**1627. Васильчикова и Рейнгардтъ доѣхали Пирогова	—
**1628. Финляндская конституція	—
**1629. Игнатъевъ заказываетъ бунтъ	—
**1630. Buona notte, buona pottel!	100
**1631. (Министръ Ланской)	101
**1632. Письмо къ К. Д. Кавелину	101
**1633. Надпись для К. Д. Кавелина	103
*1634. Письмо къ М. К. Рейхель	—
**1635. Отъ издателей	104
**1636. Кіевскій университетъ и Н. И. Пироговъ	—
**1637. „Эй, просвѣщенье!—гисы!—гисы!“	105
**1638. Инквизиція Строганова	—
**1639. Духъ сигаръ и вонь государственнаго совѣта	—
**1640. Слухъ	106
**1641. Поправка	—
**1642. 12 апрѣля 1861	—
**1643. Шляхетно-революціонная демонстрація крѣпостниковъ	110
**1644. (Іоакимъ Лелевель).	—
**1645. (Герой нашего времени)	111
**1646. Къ издателю „Przegląd Rzeczy Polskich“	—
**1647. Крайне нужно	128
**1648. [Пожертвованіе]	—
**1649. [VI книжка „Полярной Звѣзды“].	—
**1650. Отъ издателей	129
*1651. Письмо къ М. К. Рейхель	—
*1652. Письмо къ Ж. Мишле.	130
*1653. Письмо къ Владиславу Мицкевичу	131
*1654. То же	133
**1655. (А. Салтыковъ)	134
**1656. (Правда ли?)	—
**1657. Дѣти, загрызенныя крысами	—
**1658. Инквизиторъ В. Аскоченскій и его жертва	135
**1659. Отъ издателей	136
**1660. VII книжка „Полярной Звѣзды“	146
*1661. Письмо къ сыну	—

№№	стр.	
1662.	Изъ воспоминаній объ Англии	150
**1663.	Надпись для Т. П. Пассекъ	156
**1664.	Польскій адресъ	—
**1665.	Русскія женщины—женщинамъ польскимъ	159
**1666.	Крестный ходъ бого-мокриць въ гору просвѣщенія	162
**1667.	Книга К. С. Аксакова	—
*1668.	Письмо къ Н. Ѳ. Щербинѣ	—
*1669.	Письмо къ декабристу	163
*1669 bis.	Письмо къ Н. А. Герценъ	479
**1670.	(Храбрый Дренякинъ).	—
**1671.	Отъ издателей	164
**1672.	List do redakcji	167
	Письмо въ редакцію	168
*1673.	Письмо къ Н. А. Огаревой и дочерямъ	—
*1674.	Письмо къ М. К. Рейхель	170
**1675.	Заводите типографіи! Заводите типографіи!	171
**1676.	Ископаемый епископъ, допотопное правительство и обманутый народъ	192
**1677.	Разбой въ больницахъ	198
**1678.	Свирѣпый Теофилактъ	—
**1679.	Аскоченскій II.	—
**1680.	Заговоръ	211
**1681.	Приписка къ Н. Н. Обручеву	212
*1682.	Письмо къ Н. П. Огареву	217
**1683.	То же	220
*1684.	То же.	—
**1685.	[Отъ редакціи]	221
**1686.	Мракобѣсіе цензуры	—
**1687.	Путятинъ молчитъ	224
**1688.	Позднее, но существенное дополненіе	—
**1689.	Правда ли?	225
**1690.	(Бердинское изданіе стихотвореній А. Пушкина, Р. Вагнера)	—
**1691.	Письмо къ Н. П. Огареву	225
*1692.	Надпись для Н. А. Герценъ	227
1693.	Repetitio est mater studiorum	—
**1694.	Генераль Филипонъ — попечителемъ петербургскаго университета	233
**1695.	На что употребляются почтовые чиновники.	—
**1696.	Съ кѣмъ Литва?	234
**1697.	Письмо къ В. Н. Кашперову	238
*1698.	Письмо къ В. И. Кельсіеву	—
*1699.	Письмо къ кн. П. В. Долгорукову	239

№№	СТР.
**1700. Васильевъ и Назимовъ	241
**1701. Подметныя письма.	—
**1702. Къ хроникѣ прогресса: владимірскій крестъ на владимірской дорогѣ	242
**1703. Curriculum vitae Ламберта	—
**1704. Увѣдомленіе	—
*1705. Письмо къ Н. П. Огареву	—
**1706. То же	243
**1707. То же	245
*1708. Письмо къ сыну	247
**1709. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
*1709 bis. Письмо къ Н. П. Огареву	480
**1710. Бруты и Кассіи III Отдѣленія	248
**1711. Графъ Муравьевъ-Амурскій и его поклонники	250
**1712. Наши консулы	252
**1713. „Олеги“ и Андреевъ	253
**1714. За что Путятинъ?	—
**1715. Нѣмцы радуются—„гисы!—гисы!“	254
**1716. Петербургскій университетъ закрытъ!	—
**1717. Человѣкъ, рожденный быть товарищемъ	—
**1718. Польскимъ изгнанникамъ въ Генуѣ	255
**1719. Насчетъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ и молчаливости журналовъ	—
**1720. Письмо къ И. С. Тургеневу	256
*1721. Письмо къ москвичу	—
*1722. Письмо къ И. С. Тургеневу	257
**1723. Письмо къ П. А. Мартыанову	—
**1724. Исполинъ просыпается!	258
**1725. Клеветы на поляковъ	266
**1726. „Великоруссъ“ въ ученой Москвѣ	—
**1727. Артиллерія и Лицей	267
**1728. (Извѣщеніе)	—
*1729. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову	268
*1730. Письмо къ М. К. Рейхель	275
*1731. То же	—
**1732. Преображенская рота и студенты	283
**1733. По дѣлу Брутовъ и Кассіевъ III Отдѣленія	—
**1734. Изъ Ковно	304
**1735. Петербургскія письма	311
**1736. Оскорбленіе бѣдности и подлая месть	314
**1737. Третья кровь!	325
**1738. Сѣкли или не сѣкли?	336
**1739. Подробности о 12/24 октября	337

№№	СТР.
**1740. Шуваловская эмансипація женщинъ	—
**1741. Война съ дамами	338
**1742. Письмо къ А. Бени	341
**1743. The Russian Universities	324
Русскіе университеты	344
*1744. Письмо къ А. Рейхелю	346
**1745. Бакунинъ свободенъ	—
**1746. По поводу студентскихъ избіеній	—
**1747. Послѣднія извѣстія	350
**1748. Брадке и Левшинъ	352
**1749. (Адресъ польскихъ дамъ)	353
**1750. (Дамы и преображенцы)	—
**1751. (Извѣщеніе)	354
**1752. [Грубое обращеніе на „Генераль-Адмиралъ“]	—
**1753. Письмо къ И. С. Тургеневу	355
**1754. Памятная записка для Н. М. Владимірова	360
**1755. Приписка къ А. Запаснику	361
**1756. Письмо къ Н. М. Владимірову	—
*1757. Письмо къ М. К. Рейхель	362
**1758. Оклеветанный графъ	—
**1759. По поводу письма изъ Волыни	364
**1760. Шуваловцы въ Кронштадтѣ	366
**1761. Notre premier primier и пути разобщенія	—
**1762. Кончина Добролюбова	—
**1763. Лѣкаръ Озерскій и его сообщники	368
**1764. „Квартетъ“ Крылова	372
*1765. Письмо къ сыну	—
Библиографическій комментарий	462
Дополненія	471
Опечатки	480

1861

1531. Гонение христіанъ папскихъ христіанами полицейскими.

Въ мѣстечкѣ Клещеляхъ Бѣльскаго уѣзда Гродненской губерніи крестьяне перестали ходить въ *полицейскую* церковь. Квартальный священникъ Гоголевскій донесъ объ этомъ дивизионному архіерею Желяговскому, но и его бого-полицейское увѣщаніе не удалось. Тогда самъ гродненскій епископъ и губернаторъ Шпееръ ¹⁾ (какого исповѣданія—неизвѣстно) явился въ должности апостола, проповѣдуя церковь, поддерживаемую розгами и Сѣмашками. Уніаты не поддались,—честь имъ и слава: какая бы религія ни была,—горе человѣку, позволяющему до нея дотрогиваться земскимъ ярыгамъ и царскимъ холопамъ. Такъ какъ это было передъ прїѣздомъ государя, то преосвященнѣйшій Шпееръ (неизвѣстнаго вѣроисповѣданія) замаялъ дѣло, отославъ *зачинщиковъ* въ духовныя сѣѣзжія, называемыя православными монастырями.

Объ этомъ дѣлѣ въ Бѣльскѣ производится слѣдствіе. Просимъ убѣдительно гродненскихъ читателей увѣдомить насъ, какимъ сѣченіемъ окончится торжество святыхъ и православныхъ церкви.

1532. Тимашевъ, сидите дома, какъ Бейстъ,—не ѣздите, какъ Гайнау!

Будущій графъ и настоящій, но не безкорыстный защитникъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ шатается по Европѣ, распроstrаняя запахъ шпіонства, застѣнка, орудій пытки и проч. Говорятъ, что онъ былъ здѣсь... Много ли видно въ щели? хорошо ли слышно за дверьми?

Вотъ тоже графъ да еще настоящій,—графъ Гайнау ²⁾ былъ однажды въ Лондонѣ и, какъ настоящій нѣмецъ, сходилъ на покло-

¹⁾ Иванъ Абрамовичъ.

²⁾ Австрійскій фельдмаршалъ; въ Италіи и Венгріи дѣйствовалъ крайне жестоко; при посѣщеніи лондонской фабрики подвергся избіенію.

неніе мѣсту зачатія пива и портера—въ Берклееву пивоварню—и вышелъ оттуда *усомн* меньше...

Молодой человекъ, III Отдѣленія человекъ, да послужить сей *односторонній* примѣръ внушительнымъ назиданіемъ «для собственной вашей пользы», какъ выразался достойный предслушникъ вашъ, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ. Сидите дома и кланяйтесь отъ насъ Лужину.

Какъ только заговоришь о шпионахъ и палачахъ, такъ въ голову и идетъ нашъ добрый, почтенный, бидерманъ, kreuzbraver ¹⁾. Бейстъ. Представьте положеніе этого почтеннаго бидермана: король его служитъ въ австрійскихъ шпионахъ,—ну, ему и приходится играть роль шиндеркнехта ²⁾. Такъ, какъ они въ 1849 году выдали нашего Бакунина, такъ теперь передали графа Телеки ³⁾ въ Вѣну своимъ господамъ. *Король-шпион!*... Это—совершенно новое сочетаніе должностей. Зачѣмъ же Тимашеву въ графы,—ему ужъ прямо въ королі саксонскіе.

Какое постоянство въ злодѣйствѣ и какое... терпѣніе у этого нѣмецкаго народа—zu christlich ⁴⁾!

1533. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(Январь 1861). Понед., 11 часовъ.

Огаревъ боится, не будетъ ли просвѣчивать бумага. Надобно бы попробовать, а то она недурна. Вотъ для Трюбнера записка о моихъ *запискахъ*. Спросите у него счетъ (пока хоть en gros) да и вашъ счетъ приготовьте. Я сказалъ Чернецъ, что, какъ въ прошломъ году, тоже и въ нынѣшнемъ вамъ выдавать 25 экз. «Колокола» безъ денегъ. Прошу ихъ принять.

Засимъ прощайте. ¹

◆ 1. Трюбнеръ предложилъ Герцену продать ему изданіе I и II тт. «Былого и думъ». Герценъ поручилъ Тхоржевскому выработку условій. Бумага разсматривалась имъ съ Огаревымъ. Изданіе было продано, но отпечатано въ Вольной русской типографіи. Слѣдующее письмо и есть названная здѣсь «записка», написанная для Трюбнера.

¹⁾ Biedermann—честный, kreuzbrav—безупречно честный.

²⁾ Работникъ на живодернѣ, палачъ.

³⁾ Владиславъ, графъ; венгерскій полит. дѣятель; въ декабрѣ 1860 г. былъ схваченъ въ Дрезденѣ и выданъ австрійцамъ; 8 мая покончилъ съ собой.

⁴⁾ Слишкомъ по-христіански.

1534. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(Январь 1861).

Cher Thorzewski, 1-o. Je ne me presse pas du tout avec l'impression de mes mémoires.

2-o. Je ne changerai rien dans les conditions.

3-o. Les conditions sont, Je propose à M. Trübner les deux premiers volumes de mes mémoires—de 40 à 45, peut être jusqu'à 50 feuilles—format «За пять лѣтъ»—pour un honoraire de 10 liv. par feuille.

M. Trübner peut tirer autant d'exemp. que cela lui plaira.

Mais dès que le 1-r vol. sera imprimé, — il m'ouvre un crédit de 200 liv. Dès que le 2-e sera imprimé—200. (S'il y a plus de feuilles—nous compterons après).

Cet argent ne sera payé que par petites sommes—de 25 à 30 liv.—et avec toutes les facilités possibles, mais sans changement des conditions.

Переводъ.

Дорогой Тхоржевскій, 1). Я вовсе не тороплюсь съ печатаніемъ своихъ «Записокъ».

2) Въ условіяхъ ничего не измѣню.

3) Условія таковы. Я предлагаю г. Трюбнеру первые два тома моихъ «Записокъ»,—отъ 40 до 45, быть можетъ, до 50 листовъ, формата «За пять лѣтъ»; гонораръ—10 фунтовъ за листъ.

Г. Трюбнеръ имѣетъ право напечатать экземпляровъ сколько ему угодно.

Но, какъ только будетъ отпечатанъ 1-й томъ, г. Трюбнеръ долженъ открыть мнѣ кредитъ въ 200 фунтовъ; какъ только будетъ отпечатанъ 2-й—200. (Если листовъ окажется больше, мы потомъ разсчитаемся).

Эти деньги будутъ выплачиваться лишь маленькими суммами, отъ 25 до 30 фунтовъ, и со всѣми возможными облегченіями, но безъ измѣненія условий.

1535. Письмо къ И. С. Тургеневу. ¹

5 янв. 1861.

Orsett House, Westb. terrace.

Здравствуйте, Иванъ Сергѣевичъ,—и вплоть до 1862, а тогда я снова вамъ пожелаю всякаго благополучія. «Стрикаловскихъ-помѣщиковъ» я прежде читалъ, а «Гаваньскихъ чиновниковъ» прочелъ теперь. Хоть и видно, что еще перо не устоялось, а хорошо ¹⁾. Стрикал. подражаетъ тебѣ. Ну, а Порошинъ-то ²⁾ порошинки не выдумаетъ,—за коимъ Булгаринымъ онъ въ «Нордъ» посылаетъ дребедень, да еще противъ Кавелина? Повѣрь, что у Россіи будущей нѣтъ хуже враговъ, какъ доктринѣры и западотѣры.

Затѣмъ благодарю Рюрикова потомка за обломокъ корабля ³⁾.

Видѣла... но по что?

«Морской Сбор.» мнѣ пригодится (впрочемъ, онъ здѣсь былъ). А пусть Рюрикъ напишетъ Головнину, что за пять лѣтъ не было такого неистовства во флотѣ, какъ теперь: они одурѣли. Я напечатаю сборникъ именъ въ родѣ Шестакова, Крузенштерна, Дис-терло etc., etc. Ты это непременно скажи. Прежде эти разбойники стыдились или боялись огласки, а теперь говорятъ: «велика важность, что въ «Колок.» напечатаютъ,—плевать намъ на „Колоколъ“».. (Я исключая нѣкоторыхъ молодыхъ и одного почтеннаго сѣдого моряка, который съ пѣной у рта мнѣ рассказывалъ это).

А что Труб—у, какъ пришелся побѣгъ *Орлихи* ⁴⁾? Эта исторія zu schön ⁵⁾. Не съ того ли онъ сталъ писать глупыя брошюры ⁶⁾?

Маццини пріѣхалъ. Я вчера пробылъ у него весь вечеръ и былъ очень доволенъ имъ. Да, это величіе,—онъ совершенно по-

¹⁾ «Стрикаловскій баринъ» А. Сниткина помѣщенъ въ X кн., а «Гаваньскіе чиновники въ домашнемъ быту»—въ XI кн. «Библиотеки для Чтенія» 1860 г.

²⁾ Викторъ Степановичъ, бывший профессоръ, публицистъ. авторъ нелѣпыхъ французскихъ брошюръ о тогдашнихъ русскихъ вопросахъ.

³⁾ Т.-е. Н. И. Трубецкого, за присылку отрывка изъ «Морского Сборника».

⁴⁾ Жена кн. Н. А. Орлова, дочь Н. И. Трубецкого.

⁵⁾ Слишкомъ прекрасна.

⁶⁾ Шутка,—Герценъ зналъ, что кн. Ник. Ив. Трубецкой брошюры выпустилъ раньше. Подъ псевдонимомъ Olgherdowitch въ Парижѣ въ 1858 г. вышла. «Les questions du jour en Russie: abolition du servage, liberté individuelle», въ 1859 г.—«Les chemins de fer russes».

забылъ о существованіи Маццини и въ восторгѣ отъ успѣховъ въ Италіи, безъ малѣйшей гансупе ¹⁾. Но дѣло не кончено, и очень.

Хочешь ли теперь *Раскольниковъ* ²⁾? Я Трюб. ³⁾ разругалъ онъ и прислалъ мнѣ еще 6. А «Полярн. Звѣзду» онъ ужъ купилъ на кормю всю. Къ 15 мар., навѣрно, будетъ у тебя.

Крузе ⁴⁾ мнѣ рассказывалъ одну продѣлку Некрасова съ Кулишомъ ⁵⁾; вѣроятно, ты ее знаешь. И съ эдакимъ-то сукинымъ сыномъ вы всѣ якшаетесь. Характеры вы мои, характеры...

Прощай. Напиши мнѣ твое мнѣніе о статьѣ Огарева ⁶⁾ и о статьѣ въ 15 янв. на смерть Константина Аксакова ⁷⁾.

За Ольгу благодарю. Женись-ка на ней да и живи домкомъ. Что Бени, доставилъ ли портретъ? ²

◆◆ 1. Послѣ напечатанія въ «Колоколѣ» № 1522, высшія морскія сферы были взволнованы; близкій къ вел. кн. Константину Николаевичу А. В. Головинъ взялъ на себя предотвращеніе грозившаго обличенія и, какъ всегда, обратился за содѣйствіемъ къ И. С. Тургеневу. Получивши свѣдѣнія и матеріалы, послѣдній писалъ Герцену 1 января 1861 г. изъ Парижа: «Съ новымъ годомъ! Посылаю тебѣ, дражайшій amico, письмецо Головина къ кн. Н. И. Трубецкому по поводу твоего вопроса въ «Колоколѣ» и посылаю также sous bande отрывокъ изъ «Морского Сборника», въ которомъ находится подробное и, сколько могу судить, откровенное слѣдствіе о гибели «Пластуна». Также просятъ тебя очень шадить велик. кн. Конст. Ник. въ твоемъ журналѣ, потому что, между прочимъ, онъ, говоря, ратоборствуетъ, какъ левъ, въ дѣлѣ эмансипаціи противъ дворянской партіи, и каждое твое немилостивое слово больно отзывается въ его чувствительномъ сердцѣ. Просятъ тебя также, по прочтеніи отрывка изъ «Мор. Сбор.», непременно и немедленно возвратить его мнѣ. Твоя Ольга процвѣтаегъ, и у ней квартира очень хороша. Больше пока писать нечего. Жду статью объ Оуэнѣ. P. S. Прочти «Стрикаловскаго барина» и «Гаваньскихъ чиновниковъ» въ «Биб. для Чт.». Кажется, не за чѣмъ напоминать тебѣ, что *эдакою рода* наши отношенія должны храниться въ тайнѣ» («Письма», 132—133).

¹⁾ Злобное чувство.

²⁾ Сборникъ, составленный В. И. Кельсіевымъ.

³⁾ Трюбнеръ, издатель этого «Сборника».

⁴⁾ Н. Э. фонъ Крузе, бывший цензоръ.

⁵⁾ Пантелеймонъ Александровичъ, малорусскій писатель и историкъ.

⁶⁾ «На новый годъ», № 89 «Колокола».

⁷⁾ № 1539.

2. 9 января Тургеневъ отвѣтилъ: «Комиссію твою передалъ Юриковичу, который, въ сущности, не Юриковичъ, а Гедиминовичъ. Онъ обѣщалъ передать твои слова по принадлежности и просилъ о возвращеніи отрывка... Бени былъ, доставилъ портретъ, очень понравился и исчезъ. Надо его отыскать. Ольга обѣдала у меня въ воскресенье съ другими дѣтьми. Я представлялъ медвѣдя и ходилъ на четверенькахъ. Это dans mes moyens, но жениться! О, жестокая насмѣшка! Съ «Современникомъ» и Некрасовымъ я прекратилъ всякія сношенія, что, между прочимъ, явствуетъ изъ ругательствъ à mon adresse почти въ каждой книжкѣ. Я велѣлъ имъ сказать, чтобъ они не помѣщали моего имени въ числѣ сотрудниковъ, а они взяли да помѣстили его на самомъ концѣ, въ числѣ прохвостовъ... Статью Огарева я еще не успѣлъ прочесть, напишу тебѣ свое мнѣніе непременно» («Письма», 133—134).

1536. Письмо къ М. К. Рейхель.

9 января 1861 г.

Zum neuen—Anno 1861—Jahre
Glückwunsch von einem warmen (und.. ¹⁾) Herzen
der G. Frau Maria Kasparowna
gewidmet
sammt Gemahl und lieben Kindern ²⁾.

Vom warmen Herzen ³⁾—это неправда. Я могъ бы сказать—kalten ⁴⁾. Какъ мы живы, я не понимаю: съ 18-го числа здѣсь морозы—вы знаете дома англійскіе. Всѣ въ комнатѣ въ шинеляхъ, Лиза больна, вокругъ все кашляетъ, сморкается, хрипитъ, сопить... И это называется комфортабельной страной, гдѣ, тратя на квартиру 7000 фр., нельзя найти комнату.

А что, каково я одолжилъ вашего подлеца дрезденскаго ⁵⁾

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Къ новому 1861 году наилучшія пожеланія отъ горячаго (и...) сердца (по-нѣмецки «отъ сердца»—«vom Herzen») посвящается Милостивой Государынѣ Маріи Каспаровнѣ купно съ супругомъ и милыми дѣтками.

³⁾ Отъ горячаго сердца.

⁴⁾ Отъ холоднаго.

⁵⁾ Бейстъ.

въ «Колоколѣ»? Я такъ и думалъ, что душа у васъ въ пятки ушла. Для него, говорите вы, на старости лѣтъ ничего святого не осталось—er bellt und beisst ¹⁾).

So geht's in der Welt! ²⁾).

1537. Письмо къ И. С. Тургеневу.

(Январь 1861).

О смерти Аксакова ³⁾ писалъ мнѣ Иванъ Сергѣев. ⁴⁾ Онъ умеръ на островѣ Зандѣ, куда его послалъ Шкода для лѣченья. Ив. Серг. его перевезъ въ Триестъ и тѣперь поѣхалъ въ Россію съ нимъ. Письмо его ужасно gloomy ⁵⁾, даже фризируетъ ⁶⁾ отчаяніе. Я написалъ отъ души нѣсколько строкъ ему въ память.

Ну, и съ русскимъ новымъ годомъ. Я вѣрю и такъ же готовъ на трудъ, какъ прежде. Въ Россіи все закипаетъ,—какія письма приходятъ иногда, и чортъ знаетъ откуда—изъ Казани, изъ Оренбурга; изъ Казани намъ пишутъ такія симпатіи, что чудо.

Nein, nein, es sind keine leere Träume ⁷⁾, какъ мы говорили студентами.

«Пластуна» пришлю ⁸⁾.

1538. Письмо къ сыну.

11 янв. (1861).

Orsett House, Westbourne ter.

Such es nicht draussen—da sucht es der Tor,
Such es drinnen—du bringst es immer hervor ⁹⁾).

Помнится, такъ сказалъ Шиллеръ, а я скажу тебѣ. Совершенно не понимаю (и никогда не понималъ), что значить скука, и

¹⁾ Онъ лаетъ и кусаетъ.

²⁾ Такъ ведется на свѣтѣ!

³⁾ Константинъ Сергѣевичъ.

⁴⁾ Аксаковъ.

⁵⁾ Мрачно.

⁶⁾ Friser—граничить.

⁷⁾ Нѣтъ, нѣтъ, это—не пустая мечта.

⁸⁾ Т.-е. документы, полученные отъ кн. Н. Трубецкого черезъ Тургенева.

⁹⁾ Не ищи его во внѣ,—тамъ его ищетъ глупецъ,
Ищи его въ себѣ,—ты самъ его вѣчный творецъ.

отчего тебѣ въ Бернѣ скучно. Когда я говорилъ тебѣ, и очень часто, что только научные вопросы, взошедшіе въ плоть и кровь, только общіе интересы могутъ человѣчески наполнить грудь,—ты мнѣ не совсѣмъ довѣрялъ. Да, Тринидадъ и все это—draussen. Конечно, можно сдѣлать для себя цѣлую жизнь агитаціи,—не Тринидадъ, такъ Фифтидадъ, Твендидадъ,—но гдѣ центръ-то нравственной тяжести, гнѣздо, поуау? Я смотрю на Natalie и думаю: сколько преданной любви къ Лизѣ, сколько того и другого, и въ сущности она и теперь не очень счастлива, а впередъ страшно глядѣть... (разумѣется, это я тебѣ одному пишу),—почему? У нея все основано на лицахъ, на семьѣ, на себѣ,—общее ее занимаетъ, какъ газеты; искусство и пр.,—все на второмъ планѣ.

Ты можешь сказать, какъ же я говорю «на себѣ»; ну, да, вѣдь, это mein Inneres ¹⁾ и есть. Нѣтъ, только то внутреннее хорошо, которое обобщило себя, и только одно оно не скучаетъ. У него есть интересы вѣчные, страсти неизсякаемыя. Подумай еще и еще объ этомъ. Въ твои лѣта люди всего больше отдаются дѣлу.

Лиза очень нездорова,—сегодня рѣшится: коклюшъ или корь. Морозы страшные; вчера опять весь день горѣлъ огонь, т.-е. свѣчи; я рѣшительно думаю, что, кромѣ Россіи, нигдѣ жить нельзя.

Морозъ стоитъ съ 18 числа. Толпы нищихъ ходять по улицъ съ крикомъ; работать въ комнатахъ почти невозможно... И это все въ странѣ комфорта. А прогроз, возлѣ нашего дома огромнѣйшій и, вѣроятно, лучшій въ Лондонѣ отель—при Paddington Str.—рекомендуй его Урихамъ, а не то и квартиру можно найти возлѣ или близко,—надобно знать цѣну.

Въ отелѣ все будетъ двоимъ стоить 25 шил. въ день и даже 30.

15 января.

Письмо это залежалось. Съ тѣхъ поръ Лиза поправилась. У нея была лихорадка, и, несмотря на ожиданіе Девиля, до сихъ поръ равно ни кори, ни коклюша нѣтъ.

Такой зимы мы съ тобой въ Лондонѣ не видывали. Холодъ невыносимый, въ большихъ комнатахъ сидѣть нельзя; по улицамъ ходять толпы голодныхъ съ крикомъ и пѣснями. Неужели это—результатъ цивилизаціи, и только-то люди выработали? А «Таймсъ» подхваливаетъ народъ: такой, говоритъ, добрый: голоденъ, а смиренъ.

Читалъ ли ты Ог. статью на 1 января?

Затѣмъ прощай. Очень, очень налегай теперь на занятія,—все же въ путешествіи многого не сдѣлаешь.

¹⁾ Мое внутреннее.

·Мейзенб. хлопочеть, чтобъ мнѣ былъ разрѣшенъ вѣздъ въ Парижъ; тогда я, можетъ, прїѣду и въ Швейцарію. А что, убѣдился ли К. Фогтъ примѣромъ Телеки, что съ нѣмцами плохая шутка?

Обнимаю тебя.

Тата ѣдетъ въ Geological Inst. на лекцію электричества.

1539. Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Вслѣдъ за сильнымъ бойцомъ славянизма въ Россіи, за А. С. Хомяковымъ, угасъ одинъ изъ содвигниковъ его, одинъ изъ ближайшихъ друзей его: Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ скончался въ прошломъ мѣсяцѣ.

Рано умеръ Хомяковъ, еще раньше—Аксаковъ; больно людямъ, любившимъ ихъ, знать, что нѣтъ больше этихъ дѣятелей, благородныхъ, неутомимыхъ, что нѣтъ этихъ *противниковъ*, которые были ближе намъ многихъ *своихъ*. Съ нелѣпой силой случайности спорить нечего; у нея нѣтъ ни ушей, ни глазъ, ее даже и обидѣть нельзя, а потому, со слезой и благочестіемъ закрывая крышку ихъ гроба, перейдемъ къ тому, что живо и послѣ нихъ.

Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ *сдѣлали свое дѣло*; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывши глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить Фельдъегерской тройки, посланной Петромъ и въ которой сидитъ Биронъ и колотитъ ямщика, чтобъ тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей, то они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей.

Съ нихъ начинается *переломъ русской мысли*. И когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи.

Да, мы были противниками ихъ, но очень странными: у насъ была *одна любовь, но не одинакая*.

У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, фізіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы—за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существованіе, любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ *сердце билось одно*.

Они всю любовь, всю нѣжность перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были

на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ да по тому, что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнаткѣ было намъ душно: все почернѣлыя лица изъ-за серебряныхъ окладовъ, все попы съ причтомъ, пугавшіе несчастную, забитую солдатами и писарями женщину; даже ея вѣчный плачь объ утраченномъ счастьи раздиралъ наше сердце; мы знали, что у ней нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній; мы знали и другое,—что ея счастье впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ, это — нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство. А пока—

Mutter, Mutter, lass mich gehen,
Schweifen auf den wilden Höhen! ¹⁾

Такова была наша семейная разладаца лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, и мы встрѣтили *горный духъ*, остановившій нашъ бѣгъ, и они, вмѣсто міра мощей, натолкнулись на живые русскіе вопросы. Считается намъ странно, патентовъ на пониманіе нѣтъ; время, исторія, опытъ сблизили насъ, не потому, чтобъ они насъ перетянули къ себѣ или мы — ихъ, а потому, что и они, и мы ближе къ истинному воззрѣнію теперь, чѣмъ были тогда, когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомнѣвались въ ихъ горячей любви къ Россіи или они—въ нашей ²⁾.

¹⁾ Мать, мать, отпусти меня, позволь мнѣ блуждать по дикимъ высотамъ! (изъ стихотворенія Шиллера «Der Alpenjäger» — «Альпійскій охотникъ»).

²⁾ Разъ только Н. Языковъ «стегнулъ» оскорбительно Чаадаева, Грановскаго и меня. К. Аксаковъ не вынесъ этого, онъ отвѣчалъ поэту своей партіи рѣзкими стихами въ нашу защиту (V «Пол. Зв.», стр. 137). Аксаковъ такъ и остался вѣчнымъ восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей; онъ увлекался, былъ увлекаемъ, но всегда былъ чистъ сердцемъ. Въ 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться, я какъ-то шелъ по улицѣ; К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ, было, проѣхалъ, но вдругъ остановилъ вучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ. «Мнѣ было слишкомъ больно,—сказалъ онъ,—проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься». Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнял меня и крѣпко поцѣловалъ. У меня были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его въ эту минуту ссоры! А. И. Г.

На этой вѣрѣ другъ въ друга, на этой общей любви имѣемъ право и мы поклониться ихъ гробамъ и бросить нашу горсть земли на ихъ покойниковъ съ святымъ желаніемъ, чтобъ на могилахъ ихъ, на могилахъ нашихъ расцвѣла сильно и широко молодая Русь.¹⁾

1/13 января 1861.

◆◆ 1. 7 іюня 1861 г. И. С. Аксаковъ писалъ Герцену: «Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, нынче ровно полгода, какъ братъ скончался, и почти полгода, какъ мы въ послѣдній разъ перекликнулись за границей. Вы на мое письмо отвѣчали такой статьей въ «Колоколъ», за которую я Васъ еще крѣпче полюбилъ и которая безконечно лучше всего, что было сказано и написано о братѣ и Хомяковѣ у насъ, въ Россіи, друзьями» («Вольное Слово» 1883, № 60).

12 февраля Тургеневъ писалъ Герцену: «Я долженъ довести до твоего свѣдѣнія, что твои статьи въ «Колоколъ» о смерти К. С. А. и объ Академіи—прелесть, особенно первая, про которую я знаю, что она произвела глубокое впечатлѣніе въ Москвѣ и Россіи» («Письма», 135).

1540. Собственное сознание о взрывѣ „Пластуна“.

Мы собирались помѣстить рассказъ о томъ, какъ чудовищное обращеніе съ матросами довело до умышеннаго взрыва клипера. Но, видя, что «Морской Сборникъ» признался въ этомъ, мы беремъ офиціальныя рассказы, безъ комментариевъ: все это такъ гнусно и гадко, особенно сентиментальное мнѣніе аудиторіата, хранящаго драгоцѣнную память казненныхъ матросомъ злодѣевъ, что комментарии не нужно.

Жаль невинно погибшихъ; а хорошо бы было, если-бъ матросы помогли Константину Николаевичу бросить за бортъ или поднять на воздухъ всѣхъ этихъ «затыкающихъ рты» и морскихъ чудовищъ, съкущихъ гардемариновъ и стариковъ съ крестами¹⁾.

Ну, и какъ слѣдуетъ: «быть по сему», а потомъ—дѣтскія игры съ колпачками, перышками, угольками, въ которыхъ участвовали *Панфиловъ, Бутаковъ, Мещериновъ, Кернъ, Мартыновъ, Штоф-регенъ и Римскій-Корсаковъ*.

¹⁾ Слѣдуетъ офиціальныя отчеты о дѣлѣ.

1541. [Комментаріи къ примѣчаніямъ].

*) Вотъ что значить переводить «Колоколъ»!

**) Такъ вотъ изобрѣтатель-то! Ну, съ этимъ можно итти въ храмъ безсмертія! Впрочемъ, о вкусахъ и цвѣтахъ спорить нельзя; безумное и пошлое изобрѣтеніе масокъ понравилось одному почтенному господину, упрекающему насъ въ своемъ письмѣ за наши строки. Мы очень жалѣемъ, но онъ насъ не убѣдилъ.

1542. Семейный очагъ патріарховъ и патриціевъ незабвеннаго Николая.

Мы получили рассказъ о новыхъ романахъ въ петербургскомъ high life¹⁾; мы не рѣшаемся ихъ передать: только де-Садъ въ «Жюстинѣ» имѣлъ отвагу печатать такія эксцентрическія любезности!

Ничто имъ—въ срамѣ, въ позорѣ пусть погибнуть ихъ имена и гербы!

1542 bis. Полъ парке въ гимназіи и потолокъ въ мозгу Фишера.

Директоръ Ларинской гимназіи Фишеръ, на просьбу о дозволеніи открыть воскресную школу въ этой гимназіи, отвѣчалъ: «Нельзя, грязные мальчишки съ улицы паркетные полы испортятъ».

1543. Тифлисъ и покореніе «Колокола».

Намъ пишутъ: «Ни въ «Колоколѣ», ни въ «Подъ Судь!» не является изобличительныхъ статей съ Кавказа. Жители Тифлиса, видя множество злоупотребленій и не видя изобличенія ихъ, убѣждены, что Барятинскій купилъ Колоколъ за большую сумму денегъ. Такое мнѣніе мнѣ приходилось неоднократно слышать въ Тифлисѣ. Такъ какъ я не раздѣляю этого мнѣнія, то намѣренъ сообщить вамъ нѣсколько извѣстныхъ мнѣ фактовъ» и пр.

*) Примѣчаніе къ статьѣ «Профессоръ П. В. Павловъ и Тимашевка» гласитъ, что принцъ Ольденбургскій, переведшій шиллеровскую «Пѣснь о колоколѣ», написалъ проектъ объ обложеніи налогомъ содержательницъ публичныхъ домовъ.

**) Въ примѣчаніи сказано, что мысль о введеніи масокъ для арестантовъ подалъ Игнатьеву директоръ училища правовѣднія А. П. Языковъ.

¹⁾ Высшій свѣтъ.

Мы помѣщаемъ это письмо съ улыбкой. Тифлисское предположеніе *даже не обидѣло* насъ. Мы еще не въ положеніи Шамиля и въ плѣнъ князю Бяратинскому не сдадимся, предпочитая рѣшительно лондонскій пуддингъ калужскому тѣсту ¹⁾. Пусть почтенный корреспондентъ присылаетъ статьи,—мы ихъ помѣстимъ, если онѣ интересны, и просимъ извинить насъ, если мы не найдемъ ихъ такими,—и все это совершенно даромъ!

1544. Предисловіе.

Второй выпускъ «Историческаго сборника Вольной русской типографіи» доставитъ нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ для уголовного слѣдствія, теперь начавшагося надъ петербургскимъ періодомъ нашей исторіи. Золотыя времена петровской Руси миновали. Самъ Устряловъ наложилъ тяжелую руку на нѣкогда боготворимаго преобразователя. За нимъ послѣдовали въ опалу не только Анна съ Бирономъ, но и Меншиковъ съ Волинскимъ, потомъ благодущная Елисавета Петровна и еще больше благодущный Петръ Федоровичъ. Далѣе еще не позволяютъ намъ знать исторію. Русское правительство, какъ *обратное провидѣніе*, устраиваетъ къ лучшему не будущее, но прошедшее. Въ дозволенной исторіи все сохранилось,—отъ «гастрической болѣзни» Петра III и «апоплексическаго удара» Павла I до «изумительныхъ побѣдъ» Паскевича и пр.

Вотъ этому-то пробѣлу и помогаютъ нѣсколько статей нашего «Сборника». Имѣютъ ли нѣкоторыя изъ нихъ полное историческое оправданіе или нѣтъ, какъ, напр., статья о *финскомъ* происхожденіи Павла I, не до такой степени важно, какъ то, что такой слухъ былъ, что ему не только вѣрили, но вслѣдствіе его былъ поискъ, обличившій сомнѣніе самыхъ лицъ царской фамиліи. И не мудрено, если вспомнить неслыханный сборъ всевозможныхъ подлоговъ и незаконнорожденій спутаннаго родства и сомнительныхъ происхожденій этой династіи, которая при Николаѣ, съ бурбонской аристократіей, ставила себя представителемъ легитимизма ²⁾).

¹⁾ Въ Калугѣ жилъ взятый Бяратинскимъ въ плѣнъ Шамиль.

²⁾ Поневолѣ вспоминаются стихи Байрона:

But oh, thou grand legitimate Alexander!

Her son's son, let not this last phrase offend^o). А. И. Г.

^o) Но, о, ты, великій, законный Александръ,

Сынъ ея сына, да не оскорбитъ тебя эта фраза!

Династія, *исправляющая*, по выраженію князя П. Долгорукова, *должность* Романовыхъ,—не только не Романовская, но и не Голштейнъ-Готторпская, даже и не Салтыковская,—кажется, этого было бы довольно: по крайней мѣрѣ, съ материнской стороны императорскій домъ въ родствѣ съ Ангальтъ-Цербстомъ. Мать у каждого бываетъ *своя*,—напр., кто была мать Бобринскаго, никто не сомнѣвается ¹⁾. Но послѣ разныхъ сомнѣній въ отцѣ Павла, оказывается, что онъ не отъ своей матери, и Петровская династія становится *династіей, родства непомнящей*.

Точно такъ, какъ ея члены не вѣрятъ, что они — они, такъ не вѣрятъ они и въ ту власть, которая у нихъ въ рукахъ; отсюда — постоянныя попытки террора, страхъ и готовность уступить.

Между двумя Геркулесовыми столбами деспотизма: между приказами Павла, обличающаго больше бѣлую горячку, чѣмъ черную душу, и увеличеніемъ приговоровъ по дѣлу Петрашевскаго, обличающимъ гораздо больше черной души и не меньше бѣлой горячки въ Николаѣ, — читатели, между прочимъ, найдутъ государственную уставную грамоту Россійской имперіи. У Александра I было такъ велико сомнѣніе въ прочности этой искусственной машины граненыхъ штыковъ и чиненыхъ перьевъ, что онъ боялся, что не сегодня-завтра этотъ наскоро сколоченный острогъ развалится. Ссылая съ жестокостью трусости и неспокойной совѣстью на каторжную работу за либеральное слово, за смѣлый стихъ, самодержцы, на всякій случай, сами втихомолку заказываютъ проекты, и вы не думайте, что это было только при Александрѣ: Николай, этотъ человекъ, котораго рука не дрогнула, подписывая приговоры на ссылку за то, что человекъ «слушалъ разговоры» или присутствовалъ при «чтеніи письма В. Бѣлинскаго къ Гоголю», — поручалъ особому секретному комитету составлять какое-то новое уложеніе въ 1829 году.

Читатели наши, конечно, не ждутъ, что самъ Павелъ чуть не сдѣлался конституціоннымъ императоромъ. Вотъ что мы читаемъ въ запискахъ одного изъ героевъ 14 декабря:

«Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель великаго князя наслѣдника Павла Петровича, провелъ молодость свою въ Швеціи. Долго оставаясь тамъ посланникомъ и съ любовью изучая конституцію этого государства, онъ желалъ ввести нѣчто подобное въ Россію: ему хотѣлось ограничить самовластіе твердыми аристократическими институтами. Съ этою цѣлью Панинъ предлагалъ

¹⁾ Екатерина II.

основать политическую свободу сначала для одного дворянства, въ учрежденіи верховнаго совѣта, котораго часть несмѣняемыхъ членовъ (inamovibles) назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія лицъ. Синодъ также бы входилъ въ составъ общаго собранія сената. Подъ нимъ (то-есть подъ верховнымъ сенатомъ) въ іерархической постепенности были бы дворянскія собранія, губернскія или областныя и уѣздныя, которымъ предоставлялось право совѣщаться объ общественныхъ интересахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять объ нихъ сенату и предлагать ему новые законы.

«Выборъ какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ чиновниковъ мѣстныхъ администрацій производился бы въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы облеченъ полною законодательною властью, а императорамъ оставалась бы власть исполнительная, съ правомъ утверждать сенатомъ обсужденные и принятые законы и обнародовать ихъ. Въ конституціи упоминалось и о необходимости постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Проектъ былъ написанъ Д. И. Фонъ-Визинимъ подъ руководствомъ графа Панина. Введеніе или предисловіе къ этому акту—родъ *considérants* ¹⁾—сколько припомню, начиналось такъ: «Верховная власть ввѣряется государю для единого блага его подданныхъ. Сію истину тираны знаютъ, а добрые государи чувствуютъ. Просвѣщенной ясностью сея истины и великими качествами души одаренный монархъ, принявъ бразды правленія, тотчасъ почувствуетъ, что власть дѣлать зло есть несовершенство, и что прямое самовластье тогда только вступаетъ въ истинное величіе, когда само у себя отъемлетъ власть и возможность къ содѣянію какого-либо зла и т. д.». За этимъ слѣдовала политическая картина Россіи и исчисленіе всѣхъ золъ, которыя она терпитъ отъ самодержавія.

«Списокъ съ конституціоннаго акта хранился у роднаго брата его редактора Петра Ивановича Фонъ-Визина. Когда, въ первую французскую революцію, извѣстный масонъ и содержатель типографіи Новиковъ и московскія масонскія ложи были подозрѣваемы въ революціонныхъ замыслахъ, генераль-губ. князь Прозоровскій, преслѣдуя масоновъ, считалъ сообщниками или единомышленниками ихъ всѣхъ, служившихъ въ то время въ московскомъ университетѣ, а П. И. Фонъ-Визинъ былъ тогда его директоромъ. Предъ самымъ прибытіемъ полиціи для взятія его бумагъ ему удалось истребить конституціонный актъ, который братъ его

¹⁾ Мотивъ, основаніе.

ему ввѣрилъ. Но третій братъ, Александръ Ивановичъ, случившійся въ то время у него, успѣлъ спасти введеніе, или *considerants*, котораго начало я выписалъ выше. Въ 1826 г., при арестованіи Михаила Александровича Фонъ-Визина, эту бумагу взяли вмѣстѣ съ прочими; объ ней спрашивали его въ извѣстномъ комитетѣ, и онъ разсказалъ всю исторію, какъ зналъ. Покойному Никитѣ Михайловичу Муравьеву онъ сообщилъ съ нея копію, и тотъ передѣлалъ ее, приспособивъ содержаніе этого акта къ царствованію Александра. Разошлось нѣсколько экземпляровъ этого сочиненія, которое стали приписывать М. И. Фонъ-Визину. Въ 1825 году князь М. Д. Горчаковъ, нынѣшній намѣстникъ въ Польшѣ, признавался, что онъ въ восторгѣ отъ него (*каковъ!*). Подлинное *оведеніе*, писанное рукою Д. И. Фонъ-Визина, послѣ какъ-то досталось И. П. Бекетову и должно храниться въ его бумагахъ.

«Александръ Ивановичъ Фонъ-Визинъ разсказывалъ, что въ 1773 и въ 1774 году, когда цесаревичъ Павелъ Петровичъ достигъ совершеннолѣтія и женился на дармштадтской принцессѣ, названной Наталією Алексѣвною, графъ Н. И. Панинъ, братъ его фельдмаршалъ П. И., княгиня Дашкова, князь Н. В. Репнинъ, кто-то изъ архіереевъ, чуть ли не митрополитъ Гавріилъ, и многіе изъ тогдашнихъ вельможъ и гвардейскихъ офицеровъ вступили въ заговоръ съ цѣлью свергнуть съ престола царствующую безъ права Екатерину II и, вмѣсто ея, возвести совершеннолѣтняго ея сына. Павелъ Петровичъ зналъ объ этомъ, согласился принять предложенную ему Панинымъ конституцію, утвердилъ ее своею подписью и далъ присягу въ томъ, что, воцарившись, не нарушитъ этого коренного государственнаго закона, ограничивающаго самодержавіе. Душою заговора была супруга Павла в. к. Наталья Алекс., тогда беременная.

«При графѣ Панинѣ были довѣренными секретарями Д. И. Фонъ-Визинъ и Бакунинъ (Петръ Васильевичъ), оба участники въ заговорѣ. Бакунинъ изъ честолюбивыхъ, своекорыстныхъ видовъ рѣшилъ быть предателемъ. Онъ открылъ любовнику императрицы князю Г. Г. Орлову всѣ обстоятельства заговора и всѣхъ участниковъ—стало быть, это сдѣлалось извѣстнымъ и Екатеринѣ. Она позвала къ себѣ сына и гнѣвно упрекала ему его участіе въ замыслахъ противъ нея. *Павелъ испугался, принесъ матери повинную и списокъ всѣхъ заговорщиковъ*. Она сидѣла у камина и, взявъ списокъ, не взглянувъ на него, бросила бумагу въ каминъ и сказала: «Я не хочу и знать, кто эти несчастные». Она знала всѣхъ, по доносу измѣнника Бакунина. Единственною жертвою заговора была великая княгиня: полагали, что ее отравили или извели дру-

тимъ образомъ. Изъ заговорщиковъ никто не погибъ. Екатерина никого изъ нихъ не преслѣдовала. Графъ Панинъ былъ удаленъ отъ Павла съ благоволительнымъ рескриптомъ, съ пожалованіемъ ему за воспитаніе цесаревича 5.000 душъ ¹⁾, и остался канцлеромъ. Братъ его фельдмаршалъ и княгиня Дашкова оставили дворъ и переселились въ Москву. Князь Репнинъ уѣхалъ въ свое намѣстничество, въ Смоленскъ, а надъ прочими заговорщиками учрежденъ тайный надзоръ».

Не знаю, можемъ ли мы, должны ли благодарить особъ, при-
славшихъ намъ эти матеріалы, т.-е. имѣемъ ли мы право на это. Во всякомъ случаѣ, они должны принять нашу благодарность, какъ отъ читателей, за большее и большее обличеніе канцелярской тайны Зимняго дворца.

Мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣемъ къ нимъ просьбу. Первая статья о Павлѣ, статья о его происхожденіи, нѣсколько рѣзкихъ страницъ о А. П. Ермоловѣ присланы намъ безъ всякаго означенія, откуда онѣ взяты и къмъ писаны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ особыхъ препятствій, мы очень желали бы знать источники или имя автора, если не для печати, то для насъ. Тимашевъ, какъ ни ѣзди въ Лондонъ и какихъ мошенниковъ III Отдѣленія ни посылай, *ничего не узнаетъ*,—за это мы ручаемся.

24 декабря 1860.

1545. Письмо къ Т. П. Пассекъ.

27 января (1861), воскресенье.
Orsett House, Westbourne ter.

Тетушка-племянница,—я готовъ назвать васъ бабушка-внучка,—изъ-за чего же вы худѣете и въ тоску впадаете и пр.?—Великое дѣло во-время отпускать на волю дѣтей, рабовъ и все, что въ неволѣ. Я родительское бѣшенство не ставлю въ добродѣтель; сидѣть и думать, что дитя въ гололедицу упадетъ,—а дитя 25 лѣтъ,—вѣдь, это нелѣпость. Оставьте пока волю, перебѣсится—лучше будетъ. Если же (по всему виденъ слабый характеръ) нѣтъ, вы не поможете ничѣмъ.

Писать, добрый и старинный другъ мой, я не стану и не могу,—что же я скажу? Васъ они опять надувають; я зналъ уже

¹⁾ Можетъ быть, оттого-то графъ Панинъ и не захотѣлъ принять этихъ пяти тысячъ душъ. А. И. Г.

прежде, что М. А. ¹⁾ ѣдетъ въ Италию. Я радъ, что она оказывается очень плохимъ субъектомъ,—оттого-то и не выйдетъ ничего. Понадѣйтесь на меня и на то, что трусъ между народомъ и вижу то да сѣ. Итакъ, оставьте дѣло это, не мѣшайтесь, не давайте много денегъ, а сколько нужно.

Не думаю, чтобъ легко было издавать J.-J. Rousseau «Contrat social» ²⁾; печать здѣсь страшно дорого. Знаютъ ли въ вашихъ странахъ, что листъ печатный, 2,000 экз., здѣсь стоитъ 8 liv., т.-е. 200, а чуть много поправокъ да больше форматъ—225? Не лучше ли попробовать сходить Ч. къ Линднеру, отъ моего имени (я, пожалуй, и записку напишу)? Это—преемникъ книжной лавки Франка (Rue Richelieu); онъ жидокъ и жидокъ, ему печать въ Нѣмечинѣ обходится отъ 75 до 80 фр. Трюбнеръ въ нынѣшнемъ году не возьметъ ничего, онъ печатаетъ:

«Полярную Звѣзду»,

2-ой томъ «Раскольниковъ»,

два тома (I, II) «Былого и думъ»,

Фейербаха ³⁾,

2-ю часть «За пять лѣтъ»—Огарева,

Финансы при Людов. XV;

«Колоколь» печатаю я. Все занято до новаго года.

Пошлю вамъ сегодня «Колок.». Обратите вниманіе на то, какъ я уважилъ Академію наукъ.

Читаете ли вы «Будущность» фюрста Долгорукова? Имѣете ли русскіе журналы?

Знаете ли, что вамъ надобно отколоть? Оставьте вы вашего Вертера съ упрощенной Шарлоттой, садитесь-ка однѣ на шлюпку, побывайте въ Лондонѣ,—вы увидите, все пойдетъ, какъ по маслу, и старину вспомняемъ и новину забудемъ.

Прощайте.

Всѣ кланяютсѣ, и все идетъ тихо и такъ себѣ.

◆ 1. 31 октября 1861 г. Л. Фейербахъ писалъ, между прочимъ, Трюбнеру: «За достоинство перевода моей «Сущности христіанства» говорить одобреніе и рекомендація знаменитаго писателя Александра Герцена». На его продолженіе издать въ переводѣ Якова Владиміровича Ханькова (оренбургскій губернаторъ) остальные его сочиненія, Трюбнеръ отвѣчалъ уклончиво, говоря, что

¹⁾ Марковичъ.

²⁾ Литературно-компилятивная работа А. В. Пассека.

³⁾ «Сущность христіанства», переводъ Филадельфа Теомахова (псевд.). ¹

прежде рѣшенія будетъ ждать, «когда русская публика не только будетъ высказывать пожеланія, но и имѣть живое желаніе получить ваши сочиненія во что бы то ни стало, какъ это имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ сочиненіямъ Герцена» («Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass, sowie in seiner philosophischen Charakterentwicklung dargestellt von Karl Grün», II, 1874, 144—145).

1546. (Провинціальные университеты).

Прошло *сто лѣтъ*...
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиноносная вдова.

Прошло еще и не сто лѣтъ, а *четверть* вѣка, и *новой царицы*, кажется, скоро придется склониться, и не передъ порфиноносной соперницей... а передъ цѣлымъ хороводомъ дальнихъ столицъ, не богатыхъ, не важныхъ по происхожденію и скорѣе степныхъ... чѣмъ великосвѣтскихъ.

Вездѣ на Руси закипаетъ жизнь, вездѣ обнаруживается дѣятельность, иногда нескладная, но здоровая, молодая и само-бытная.

Петербургъ, какъ глава Россіи, какъ средоточіе умственной и гражданской дѣятельности, не можетъ пережить петровскую эпоху: ея мысль истощилась. Петербургъ можетъ оставаться правительственнымъ городомъ по той мѣрѣ, по которой правительство пойдетъ врозь съ народомъ. Сила захваченная, собранная имъ велика; она можетъ, безъ сомнѣнія, поддержать власть и задержать развитіе частей. Борьба бюрократіи, поддерживаемой штыками и поддерживающей централизацию противъ областной самобытности, имѣетъ за себя много шансовъ. Мы обращаемъ вниманіе на живые зародыши, а вытравить ихъ мать или нѣтъ,—это внѣ нашей фізіологіи.

Вотъ, что мы видимъ издали. Какъ только пахнетъ свѣжимъ воздухомъ, здоровымъ, обѣщающимъ весну, то это, навѣрное, съ Урала или изъ Казани, изъ Кіева или изъ Харькова, изъ Малороссіи или изъ Сибири, но не изъ Петербурга и не изъ Москвы. Стоитъ читать наши русскіе журналы и нѣсколько брошюръ, вышедшихъ за границей, чтобъ видѣть, какъ рядомъ съ олигархическими притязаніями потомковъ столбовыхъ петербургскихъ писцовъ, перемѣшавшихся съ флигель-адъютантами, дѣйствуетъ тверской

комитетъ съ Унковскимъ и съ Европеусомъ, съ выработанной мыслью, съ проектомъ земскаго банка, съ готовностью освободить крестьянъ и отдать имъ ихъ землю; какъ рядомъ съ котошихинскими *князьями*, *боярами* и *воеводами* первопрестольной столицы, дошедшими до того, что самъ государь пристыдилъ ихъ за упорную отсталость— владимірскій адресъ, который пристыдилъ государя до несправедливаго поступка.

И люди, приѣзжающіе изъ дальнихъ мѣстъ Россіи, энергичнѣе, юнѣе; безъ невскаго отчаянія, безъ большихъ нервъ и сломанности, безъ московскаго столичнаго провинціализма, они имѣютъ больше своихъ чертъ. Иногда они наивны, иногда ошибаются, но имъ не до такой степени страшны, какъ петербуржцу, вельможи и генералы отъ III-го Отдѣленія, и они не до такой степени подавлены авторитетомъ сановниковъ московскаго журнализма ¹⁾ и англійскаго клуба.

Все это заставляетъ насъ думать, что будущность Россіи не въ Петербургѣ и не въ Москвѣ. Конецъ Петербургомъ начатаго дѣла *освобожденія крестьянъ* будетъ началомъ *освобожденія областной жизни*. Петербургскій періодъ можетъ только продолжаться *періодомъ николаевскимъ*.

— Но отчего же и вдовствующая столица должна съ нимъ вмѣстѣ сойти со сцены?

Мы этого не говоримъ. Такія средоточія народонаселенія, дѣятельности и торговли не сходятъ со сцены такъ быстро. Мы говоримъ о ихъ значеніи метрополии, о ихъ нравственномъ самодержавіи, въ которомъ, въ сущности, и нужды нѣтъ никакой. Вопросъ, почему эта власть не переходитъ въ Москву?—трудень. Но факты передъ глазами.

Возьмемъ одинъ очень не важный, но близкій намъ. Какъ ни молодъ «Колоколь», но онъ уже имѣетъ свою хронику, свои наблюденія и выводы. Изъ самыхъ дальнихъ концовъ Россіи мы получаемъ—*dann und wann* ²⁾—письмо, слово симпатіи, рассказъ, вопль негодованія; на Петербургъ тоже жаловаться нельзя, хотя отъ его общественнаго положенія и можно было бы больше требовать (въ невозможность посылать ни мы не вѣримъ, ни Тимашевъ), все же изъ Петербурга посылаютъ.

Изъ Москвы почти никогда ни строки, цѣлые годы проходятъ безъ вѣсти. Москва любитъ поболтать, писать не охотница, да и недосугъ: время скоро идетъ, пора обѣдать, а тутъ тяжесть, такая усталъ да ищи, какъ послать, хлопоты...

¹⁾ Первый выпадъ Герцена противъ М. Н. Каткова относится и къ Чичерину.

²⁾ Время отъ времени.

Спите, братцы, почивайте!

И отчего Москвѣ не отдохнуть? Самъ Христось только *одинъ* разъ воскресаль, и то не надолго. Москва совершила свой второй подвигъ. Она была во все продолженіе несчастнаго тридцатилѣтія воспитательнымъ домомъ Россіи, послѣднимъ убѣжищемъ мысли, науки, человѣческихъ убѣжденій. Она обучала иногда тайкомъ отъ отца, какъ жена Людовика XI. Въ Москвѣ возникла, развилась, расщепилась и возмужала современная русская мысль, качаясь въ своей колыбели между протестомъ Чаадаева и воззрѣніемъ славянофиловъ. И если впослѣдствіи *исполнительная* часть литературы, ея прилавокъ, перешель въ Петербургъ, то ея тема, мысль, задача—изъ Москвы, то ея люди—изъ Москвы. Лермонтовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Кавелинъ, все это—наши товарищи, студенты московскаго университета.

Этотъ каедральный соборъ новаго русскаго образованія былъ больше, чѣмъ кѣмъ-нибудь, оцѣненъ императоромъ Николаемъ. Онъ, мнительный и трусъ, ясновидѣніемъ ненавидя понять, что значатъ эти бѣдныя каедры, на которыя вѣсходили люди, изуродованные *малиновыми* воротниками на фракѣ, и которыхъ слушали какіе-то юноши, одѣтые конно-егерскими юнкерами. Онъ чуяль, что въ этихъ аудиторіяхъ, какъ нѣкогда въ римскихъ катакомбахъ, есть молодые учителя, крестившіе безшумно наукой и свѣтомъ истины одно поколѣніе за другимъ, и что эти ставленники ихъ ежегодно разсыпались во всѣ четыре стороны. Юбилей московскаго университета праздновался всей Россіей, и, читая рѣчи, произнесенныя въ губернскихъ городахъ, у насъ вдали сильно билось сердце.

Чтобъ понять все различіе живой цистерны, въ которую каждая вена торопится снести свою кровь, и изъ которой черпаетъ каждая артерія, съ искусственной поддѣлкой органа, не срастающагося съ тѣломъ, но иногда полезнаго ему, стоитъ вспомнить рядомъ съ московскимъ университетомъ *петербургскую Академію наукъ*. Безъ сомнѣнія, академики во всѣ времена были гораздо ученѣе московскихъ профессоровъ, но почему эта Академія *русская*? Перевезите ее въ Пекинъ, въ Испагань, въ Александрію,—ничего не перемѣнится: вмѣсто Владиміра имъ будутъ давать Льва и Солнца, вмѣсто портрета Александра Николаевича—портретъ китайскаго императора, и сердце ихъ также будетъ тронута. Палласу и Гмелину вовсе не нужно было быть петербургскими академиками для того, чтобъ совершить свое путешествіе. Гумбольдту, Гакстгаузену и Тенгоборскому такъ же мало было надобности для ихъ изученія Россіи, чтобъ на Васильевскомъ острову былъ академическій скитъ,

какъ Ливингстону,— чтобъ въ Африкѣ была какая-нибудь кафрская Сорбона.

Московскій университетъ соотвѣтствовалъ возникавшей народной потребности образованія; то же должно сказать о всѣхъ остальныхъ русскихъ университетахъ. Петербургская Академія была вызвана потребностью орнаментировки цивилизующаго самодержавія, какъ циркуль и глобусъ, который ваятели прибавляли къ статуямъ самодержцевъ. Въ XVIII столѣтіи вельможи, богатыри, проходившіе спальной Екатерины II, любили заводить себѣ, на заработную плату, малороссійскіе и великороссійскіе Версали, и при нихъ непременно «избранную бібліотеку», при которой содержался французъ - бібліотекаръ, являвшійся на большихъ выходахъ безграмотнаго барина для вящшаго благолѣпія. На томъ же основаніи зазвали въ Петербургъ нѣсколько иностранцевъ ученыхъ и бездомниковъ (Лейбницъ, небось, не поѣхалъ!) для того, чтобъ они тѣ ученые вещи, которыя бы писали въ Геттингенѣ или Тюбингенѣ, писали бы на Васильевскомъ острову. Каковы были эти колонисты науки, про то знаетъ М. В. Ломоносовъ. Заведеніе это съ тѣхъ поръ такъ и осталось и, какъ всѣ нѣмецкія заведенія, напримѣръ, Зимній дворецъ, не только не обрусѣло, но онѣмечило всѣхъ русскихъ, случайно попадавшихъ въ храмъ Минервы-Германики.

Второй вѣкъ идетъ съ ея открытія, но она такъ и осталась какой-то баркой, на которой плывутъ эмигранты-эксперты изъ любви къ наукѣ и къ злату, гдѣ - нибудь въ Калифорніи, нисколько не заботясь ни о берегахъ, ни о мутной водѣ около нихъ.

Если Россія когда - нибудь придетъ въ себя подъ бременемъ своего креста и скажетъ академикамъ, между прочимъ, отирая кровавый потъ: «Ученые нѣмцы, что вамъ до меня? я васъ не знаю, и вы меня не знаете. Изучайте меня, живите, пишите, наблюдайте, считайте, но за что же мнѣ платить-то вамъ за это?»—она будетъ права!

Былъ ли со стороны Академіи наукъ хоть одинъ протестъ, хоть одна слабая попытка защитить слово, образованіе, мысль во все время николаевской аракчеевщины? Что она сдѣлала для народа, кромѣ изданія мѣсяцеслова? Мы знаемъ имя того дерптскаго ректора, который не хотѣлъ склонить своей головы подъ фельдфебельское иго. Мы знаемъ профессора иностранца, высланнаго изъ московскаго университета за то, что онъ сочувствовалъ германскому движенію. Укажите академика, пострадавшаго отъ чего-нибудь, кромѣ гемороя, укажите живое слово, живой интересъ, человѣческое сочувствіе Академіи... Ей было не до насъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ *академикъ Якоби* ¹⁾, посланный министерствомъ финансовъ въ Германію по экономическому дѣлу, съ такимъ усердіемъ занялся «платиной», что предложилъ, обобщая свое порученіе, и при томъ Княжевичу, которому дѣла нѣтъ до этого, устроить *плотину* противъ *распространенія* книги кн. П. Долгорукова въ Германіи ²⁾. Химикъ находилъ это броженіе *zu gefährlich* ³⁾ для русско-нѣмецкихъ соединеній.

Если это правда (можетъ, Академія напечатаетъ это въ своихъ «Bulletins»), то это единственный случай извѣстный, въ которомъ Академія сдѣлала что-нибудь для русской гражданственности.

Переходя снова къ московскому университету и признавъ его огромное значеніе, мы должны сознаться, что онъ пережилъ свою героическую эпоху, свою исключительную гегемонію просвѣщенія. Его юбилей былъ его лебединой пѣснью: съ похоронъ Грановскаго онъ не оправлялся. Но въ то самое время, какъ его уровень мельчаетъ, уровень провинціальныхъ университетовъ подымается выше и выше, и подымается безъ малѣйшаго содѣйствія правительства, бросающаго деньги на одни вредныя и ненужныя школы, въ родѣ школы *ольденбургскаго правовѣдѣнія*, юнкерскаго марсоводства и пр.

Провинціальные университеты забыты, министерство Ковалевскаго съ *наръэчникомъ* Мухановымъ занято не тѣмъ. Ковалевскій, напримѣръ, видѣлъ своими глазами, что въ казанскомъ университетѣ *восемь* пустыхъ кафедръ и не меньше *пустыхъ* профессоровъ ⁴⁾,

¹⁾ Морицъ-Германъ (Борисъ Семеновичъ).

²⁾ «La vérité sur la Russie».

³⁾ Слишкомъ опаснымъ.

⁴⁾ Намъ рассказывалъ одинъ бывший казанскій студентъ о составѣ ихъ медицинскаго факультета... Тѣнь Побѣдоносцева ⁹⁾ и тѣни Котельницкаго, Ивановскаго, Ульрихса (отца,—сынъ тоже нѣмецъ, но служить по тайной исторіи, а не по всеобщей и читаетъ не лекціи по Шрекку, а чужія письма по *Шпекину*), гордо улыбаясь, пронесли мимо насъ. Отъ *генерала* (отъ хирургіи) и *плантатора Франца Іосифовича Іелачича* (такъ и по-несло Австріей), занимающагося накожной хирургіей съ своими мужиками и вовсе не занимающагося университетомъ, до *Еюра Іоакимовича Блосфельда*, называющаго микроскопическія наблюденія *опанія moralis* ¹⁰⁰⁾ (Господи, что же послѣ этого телескопическія наблюденія? развѣ *sodomia sideralis* ¹⁰⁰⁰⁾ ?), и отъ Блосфельда до нѣмца изъ казанскихъ уроженцевъ *Соколовскаго* ¹⁰⁰⁰⁰⁾, говорящаго, что критика теперь не въ модѣ, что ея даже нѣтъ и за границей! (должно быть, она, какъ Илія пророкъ, взята на небо)—все такъ и просится на исключеніе изъ университетскаго вѣдомства и на опредѣленіе къ другимъ дѣламъ и должностямъ. А. И. Г.

⁹⁾ Петръ Васильевичъ.

¹⁰⁾ Моральный онанизмъ.

¹⁰⁰⁾ Звѣздный содомизмъ.

¹⁰⁰⁰⁾ Алексѣй Андреевичъ.

и что же сдѣлать? Тотчасъ сталъ хлопотать объ арендѣ, не казанскому университету, *а себѣ*. Учителя гимназіи въ Петербургѣ и Москвѣ не идутъ въ провинціальныя университеты, потому что оклады малы. Провинціальныя профессора, напротивъ, при первой возможности переходятъ въ столицы. И со всѣмъ съ этимъ духъ этихъ университетовъ, духъ молодыхъ профессоровъ и студентовъ превосходенъ.

Каждая новость изъ дальнихъ университетовъ проникнута свѣжей жизнью аудиторіи. Сколько юной страсти къ наукѣ, негодованія за скверное преподаваніе! Какъ бьются эти молодые люди, чтобъ замѣнить бездарныхъ, тупыхъ, отсталыхъ преподавателей людьми свѣжими и молодыми мыслью; какъ дружно протестуютъ они, какъ составляютъ свои братскіе круги для выписки книгъ, журналовъ! Этого развитія скоро не искоренятъ ни сыщики Тимашева à la Лужинъ, ни сродники бывшего дядьки наслѣдника à la Зиновьевъ, ни золотушная язва нѣмецкихъ вѣчно-цеховыхъ ремесленниковъ науки съ ихъ русскими подмастерьями на манеръ нѣмецкій. Тамъ, гдѣ жизнь круто завязывается, она чрезвычайно упорна, и дѣлай что хочешь,—она найдетъ себѣ и щель къ свѣту и дорогу впередъ; противъ нея ни преступная небрежность министерства, ни преступное вниманіе шпіонства ничего не сдѣлаютъ. Университетъ учить столько же или еще больше аудиторіей, сколько кафедрой, юнымъ столкновеніемъ, горячимъ обмѣномъ мыслей. Если есть два-три доцента, умѣющіе возбудить вопросы, научить ихъ ставить, умѣющіе указать, что дѣлаетъ наука на волѣ, то и довольно!

Если разсудить, то почти лучше, что правительство ничего не дѣлаетъ для провинціальныя университетовъ. Оно ихъ завело изъ хвастовства и поддерживаетъ настолько, чтобъ стѣны не упали *отъ стыда*. Пусть же молодежь пробивается сама, учится сама; за лишній трудъ она пріобрѣтетъ великое *право неблагодарности*, у ней не будетъ одолженій Петербургу, она себѣ и молодымъ труженикамъ науки будетъ обязана своимъ образованіемъ ¹⁾. Пусть же она отрясетъ прахъ со своихъ ногъ и приметъ нашъ братскій совѣтъ: итти, не останавливаясь на препятствіяхъ, впередъ и впередъ!

Отъ души, съ глубокой любовью привѣтствуемъ мы изъ нашей дали новыя фаланги будущей Руси, идущія намъ на смѣну;

¹⁾ Одно рекомендовали бы мы молодымъ ученымъ провинціальныя университеты: они должны оставаться въ своемъ краю, въ родной средѣ, а не тотчасъ переѣзжать, по первому зову, въ Петербургъ или Москву. Можетъ, это и не совсѣмъ выгодно, но теперь не до домашней экономіи. *А. И. Г.*

ихъ дружескія слова долетаютъ до насъ, снимаютъ много тяжелаго и скорбнаго; мы себя чувствуемъ съ ними какъ-то снова молодыми.

1547. Злодѣйство Долгорукова.

Кн. Долгоруковъ-жандармъ подалъ государю докладъ, что воскресныя школы—зародышъ огромнаго тайнаго общества (ужь не огромный ли тайный это... вождь Тимашевъ придумалъ?). Государь—сейчасъ за Ковалевскимъ. «Какъ,—говоритъ,—тайное общество въ воскресныхъ школахъ?»—«Никакого тайнаго общества въ воскресныхъ школахъ нѣтъ,—отвѣчаетъ Ковалевскій,—а что,—говоритъ,—есть, точно, надзоръ тайной полиціи, больше, де, никакой тайны нѣтъ; тоже министерство народнаго просвѣщенія и министерство внутр. дѣлъ за ними присматриваютъ, явно только». Но Долгоруковъ закусилъ удила—и снова съ доносомъ на школы. Тимашевъ на этомъ *хочетъ зашибить графа* (Тимашевъ—графъ Школинскій!). Результатъ этого тотъ, что слабѣйшій Ковалевскій сдѣлалъ разныя затрудненія при открытіи воскресной школы за Шлиссельбургской заставой, наконецъ, разрѣшилъ по *оригинальному* ходатайству одного чиновника, а начальникъ корпуса духовныхъ жандармовъ—митрополитъ не велѣлъ открывать школы раньше 12 часовъ. Бѣдный русскій народъ, недалеко уйти тебѣ съ такими пастухами!

1548. Крайне нужно.

«Колоколь» собираетъ небольшой альманахъ подъ заглавіемъ «Скотный дворъ» или «Отечественная фауна». Одно изъ главныхъ мѣстъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ тому почтенному просвѣтителю бѣлгородскихъ дѣвицъ, о которомъ говорить «Le Nord» отъ 18 января, скрывая экземпляръ подъ буквами S. S. Этотъ, сохранившій во всей чистотѣ породу русскаго барина, въ которой соединено такъ прочно и уютно все рабское татарина и все дерзкое нѣмецкаго лакея, оборвалъ г. Казанскаго за куреніе сигаретки въ присутствіи его особы; породистому S. помогали еще двое. Каждый зоологъ пойметъ, съ какимъ нетерпѣніемъ мы желаемъ получить имена этихъ неподдѣльныхъ сыновъ пространнаго отечества нашего.

1549. Одесну и ошую.

Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу раздѣлился на двѣ партіи: первая за мнѣнія редакціонной комиссіи—Константинъ Николаевичъ, Блудовъ и Чевкинъ; вторая партія—противъ надѣла землей. Пріятно знать, что въ этой враждебной русскому народу партіи находятся люди, совершенно достойные ея: жандармъ *Долгоруковъ*, ренегатъ *Муравьевъ* и извѣстный *Павелъ Гагаринъ*. Между этими крайними партіями есть щель,—ее въ длину занимаетъ *Панинъ* и съ нимъ престарѣлый вождь финансовъ Княжевичъ. Этотъ съ чего?

1550. Императрица Марія Александровна.

Императрица Марія Александровна препроводила экземпляръ русскаго перевода Библии въ духовную академію съ примѣчаніемъ, чтобъ академія торопилась съ своимъ переводомъ. Таковое поощреніе обяываетъ Русскую типографію въ Лондонѣ искренно благодарить Е. И. В.

1551. Донось (разумѣется, Тимашеву).

Графа! мы хотимъ съ вами мириться и, въ доказательство нашего исправленія, посылаемъ вамъ донось. Говорятъ, что вы ищете, кто эти *содержательницы* магазиновъ или чего-то такого галантерейнаго, о которыхъ было въ «СПБ. Вѣдомостяхъ»,—ну, знаете, насчетъ швеи, сыновней любви и внучатныхъ послѣдствій?

Видите, это совсѣмъ не содержательницы магазиновъ, а государственные сановники женскаго пола: одна изъ нихъ Дараганъ, сдавшая магазинъ, а другая—Замятнина, принявшая его.

Р. S. Назначенные за донось деньги просимъ выслать черезъ Ульрихса его высокопр. Бейсту (Dresden, poste restante); мы ихъ жертвуемъ этому мученику шпіонства, пострадавшему за Телеки.

1552. Письмо къ М. К. Рейхель.

2 Feb. 1861.

Orsett House, Westbourne terrace.

Lassen Sie Miss Rutzine in Ruhe ziehn ¹⁾—ужъ здѣсь приѣмъ будетъ—финзербъ ²⁾). А Татьяна Петр. только и пишетъ о интрижкѣ своего юноши съ Мар. Алекс., а Мар. Алекс. избаловалась совсѣмъ и пошла писать, да не повѣсти, а были.

Тата собирается вамъ послать разныя бездѣлицы (на свои собственныя деньги): иголки и нитки, да нѣтъ оказіи. Затѣмъ посылаю Рейхелю отличный подарокъ—Бакунина портретъ, снятый въ Иркутскѣ 1860 года; въ слѣдующемъ письмѣ будетъ для васъ. ¹

Читали ли вы въ «Кол.», какъ я огрѣлъ Москву и Академію? За симъ униженно кланяюсь.

¹⁾ Пусть миссъ Рутцинъ ѣдетъ съ миромъ.

²⁾ Aux fines herbes—на пряныхъ травахъ; здѣсь—въ переносномъ смыслѣ: очень тонкій.

◆◆ 1. 15 ноября 1860 г. М. А. Бакунинъ писалъ Герцену изъ Красноярска: «Пришло вамъ также свой портретъ и портретъ жены съ письмомъ для милаго и неизмѣннаго друга моего Рейхеля». Очевидно, въ это время Герценъ получилъ и портреты и письмо для мужа М. К.

1553. Письмо къ И. С. Тургеневу.

(† февраля 1861), Понедѣльникъ.
Orsett House, Westbourne terrace.

Любезный Тургеневъ, ты мнѣ долженъ сослужить службу, и даже попрошу тебя сослужить ее поскорѣе. Мѣсяца полтора тому назадъ явился здѣсь одинъ русскій, сначала подъ псевдонимомъ, потомъ, какъ Николай Платоновичъ Трубецкой, штабсъ-капитанъ гвардейской артиллеріи, réfugié ¹⁾, безъ денегъ, безъ рекомендацій. Онъ поселился здѣсь. Не можетъ ли парижскій Трубец. ²⁾ догадаться, кто онъ, что онъ, зачѣмъ онъ? Или не знаетъ ли кн. Долгоруковъ ³⁾? Мнѣ это очень нужно. Къ тому же разные слухи, ех. гр., не знаетъ ли Долг. или Обручевъ ⁴⁾, были ли въ прошломъ сентябрѣ или октябрѣ аресты офицеровъ въ Петерб. и преимущ. изъ аристократовъ? Все это мнѣ нужно, и очень, заставь Богу молить за себя и свѣчку поставить.

А прогос, можетъ, Слѣпцовъ ⁵⁾ тебѣ говорилъ или кому о нашемъ діаконѣ? По строжайшему слѣдствію (style Wiatka & Chancelerie ⁶⁾) оказалось, что онъ не виноватъ, а просто болтунъ и сплетникъ, какъ всѣ монахи.

Какъ тебѣ моя статья объ Академіи и Москвѣ casanoque? ⁷⁾ Умеръ старикъ Фогтъ,—отличный старикъ былъ.

Прощай. «Полярн. Звѣз.» печатается; я «Оуэна» тебѣ пришлю въ листахъ.

Будь здоровъ.

Есть и еще офицеръ, съ неба свалившійся: Дубровинъ, тоже экспатрировавшійся. ¹

¹⁾ Эмигрантъ.

²⁾ Николай Ивановичъ.

³⁾ Петръ Владиміровичъ.

⁴⁾ Николай Николаевичъ.

⁵⁾ Александръ Александровичъ.

⁶⁾ Стилъ Вятки и канцеляріи.

⁷⁾ Игра словъ: показалась и вмѣстѣ съ тѣмъ -- казанскій университетъ, о которомъ сказано въ статьѣ.

◆◆ 1. Тургеневъ отвѣчалъ изъ Парижа: «Милый А. И., вотъ свѣдѣнія, которыя я могъ собрать: кн. Н. П. Трубецкой, бывший адъютантъ герцога Мекленбургскаго (мужъ дочери вел. кн. Елены Павловны), по всѣмъ признакамъ, человѣкъ хорошій и благородный. Кн. Долгоруковъ отзывается о немъ очень хорошо; онъ лично его не знаетъ, но знаетъ семейство, гдѣ онъ воспитывался, и т. д. О Дубровинѣ никто ничего не знаетъ... Слѣпцовъ мнѣ ничего не говорилъ о діаконѣ» («Письмо», 136).

Кн. Трубецкой не эмигрировалъ и вскорѣ вернулся въ Россію, гдѣ въ 1862 г. принималъ участіе въ организаціи «Земли и воли», помогая Падлевскому. Во время пребыванія за границей оказалъ помощь Гарибальди обученіемъ его артиллеріи.

1554. Письмо къ сыну.

5 февраля (1861).

Orsett House, Westbourne ter.

Любезный Саша, вѣсть твоя огорчила насъ всѣхъ. Конечно, старшкѣ ¹⁾ было 73 года, но какъ онъ былъ бодръ и уменъ въ 1852 году! Пожми дружески и крѣпко руку M-me Vogt...

Смерть второй разъ прошла мимо тебя, т.-е. возлѣ. Смерть—страшно скверная вещь, и всѣ мы уберемся,—вотъ почему особенно надобно баловать старость.

Что будетъ дѣлать старушка?

Теперь тебѣ случай уходомъ и любовью поплатиться съ ней. Опиши мнѣ послѣднія минуты его, его слова и вообще подробности.

Скажи Em. Vogt, что я постараюсь черезъ Саффи или еще одного г-на, который тамъ, узнать о дѣлѣ, но полагаю, что это не такъ легко, какъ кажется.

Прощай. У меня все идетъ тихо.

Полагая, что К. Фогтъ у васъ, я ему прилагаю записку. Если онъ въ Женевѣ, отошли ее сейчасъ.

1555. Письмо къ сыну.

11 февраля (1861).

Orsett House, Westbourne ter.

Письмо твое съ приложеніями я получилъ. Ты очень хорошо сдѣлалъ, принявши свой пай въ дѣлѣ Фогтовъ. Я тебѣ совѣтую

¹⁾ Фогтъ.

теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, тѣсно сблизиться съ бѣдной М-me Vogt. Скажи ей, что я къ ней не пишу потому, что не могу въ этихъ случаяхъ говорить фразы, а просто жму ея руку. Устраивай твою жизнь такъ, чтобы она осталась съ тобой; я думаю, ты будешь нѣжиѣе ее покоить, чѣмъ другіе, и тогда ея домикъ и твой могутъ быть иной разъ и мѣстомъ отдыха для меня и мѣстомъ перемѣны для Таты и Ольги.

Можетъ, я скажу слова два въ «Полярной Звѣздѣ», но въ «Колоколѣ» нельзя: ты видишь, что специальный характеръ «Кол.» не допускаетъ такихъ статей. А прогос, ты могъ бы перевести нѣсколько строкъ моихъ изъ «Полярн. Звѣз.»—можетъ, онѣ пригодятся.

Позже. А вотъ и второе письмо твое. К. Фогтъ недавно писалъ ко мнѣ, спрашивая, не могу ли я его ссудить еще 4,000 фр. (можетъ, это—секретъ, такъ ты не говори) въ дополненіе къ прежнимъ, и это—на домъ, кажется, его тещѣ. Деньги я могу ему дать; не хочешь ли, чтобъ онъ ипотеку далъ на твое имя, или думаешь, что это затруднитъ ваши сношенія? Il faut s'initier peu a peu ¹⁾ въ дѣла. Очень можетъ быть, что наши финансы пойдутъ поплосше: я ужъ теперь въ большой былъ бы потерѣ по американскимъ бумагамъ, а продавать ихъ теперь, это—разореніе. Вотъ почему я говорилъ (а ты своими глазами видишь теперь примѣръ), что чело-вѣкъ долженъ стоять какъ можно независимѣе отъ денегъ. Семья Фогтовъ вырастаетъ отъ ихъ безденежья и труда.

Будь здоровъ. Прощай, обнимаю тебя.

У Таты болитъ голова.

1556. Сто пятнадцать благородныхъ офицеровъ.

Россія можетъ радоваться и гордо смотрѣть на свою молодежь: въ одномъ военно-учебномъ заведеніи ²⁾ нашлось *сто двадцать шесть* офицеровъ, которые предпочли обрушить на себя всяческія гоненія военнаго начальства, испортить свою карьеру, чѣмъ молчать передъ нелѣпыми поступками начальства. Только *одиннадцать* раскаялись. Недаромъ мы съ такой теплой надеждой смотримъ на молодое поколѣніе военныхъ. Честь имъ и слава!

Въ академіи осталось теперь *двадцать чело-вѣкъ*. Закрыть бы ее, а юному, но не подающему никакихъ надеждъ генераль-фельд-

¹⁾ Надо понемногу входить.

²⁾ Николаевская инженерная академія.

цейхмейстеру ¹⁾ заняться бы въ ней съ братцемъ ²⁾ воспитаніемъ голубей и куръ (цесарскихъ).

Странное свойство этой *плоской* машины, называемой русскимъ правительствомъ: оно не правитъ, а все на свѣтъ дѣлаетъ *плоскимъ*. Чтò бы ни попало подъ его валъ, выйдетъ по другую сторону передней Зимняго дворца не только обложенное, но и сплюснутое въ ленту.

Приказъ, который мы печатаемъ, говорятъ, будто, писанъ подъ редакціей *Тотлебена* ³⁾, послѣ зрѣлыхъ и глубокомысленныхъ совѣщаній съ *Милутинымъ* ⁴⁾, *Васильчиковымъ* ⁵⁾, *Путятой* ⁶⁾, *Шарнгорстомъ* ⁷⁾... Первые-то двое могли бы лучше писать, а главное—лучше думать.

Всѣхъ офицеровъ относительно этого дѣла приказъ дѣлитъ на три *каттегоріи* (какое обиліе твердости,—ужь не думаютъ ли они, что слово „каттегорія“ происходитъ отъ слова «каттегать»?): 1) офицеры, подавшіе просьбы по убѣжденію, 2) подавшіе (безъ убѣжденія!) и раскаявшіеся, 3) *вовсе не участвовавшіе!* Стало, и мы принадлежимъ къ третьей каттегоріи?... Это напоминаетъ тотъ старинный анекдотъ, какъ скрипачъ Жерновикъ сказалъ королю Георгу III, отвратительно игравшему на скрипкѣ, на вопросъ: «Что вы думаете о моей игрѣ?»: «Вы, ваше величество, принадлежите ко второму разряду» (Жерновикъ Канта не читалъ и потому слово «каттегорія» не употреблялъ).—«Кого же вы еще причисляете?»—«В. В.,—сказалъ Жерновикъ,—весь родъ человѣчскій, относительно скрипичной игры, дѣлится на три разряда. Первый составляютъ съ дюжину музыкантовъ, превосходно играющихъ; ко второму принадлежатъ очень много музыкантовъ, дурно играющихъ, а къ третьему—всѣ остальные люди, совсѣмъ не играющіе» ⁸⁾.

1557. Сенатскія арестантскія роты (осужденный Переверзевъ).

Директоръ департамента податей и сборовъ Переверзевъ ⁹⁾, обвиненный, наконецъ, самимъ Княжевичемъ, который все терпитъ и все лю-

¹⁾ Вел. кн. Михаилъ Николаевичъ.

²⁾ Николай Николаевичъ.

³⁾ Эдуардъ Ивановичъ.

⁴⁾ Дмитрій Алексѣевичъ, воен. министръ.

⁵⁾ Кн. Викторъ Илларионовичъ.

⁶⁾ Дмитрій Васильевичъ, нач. штаба военно-учебн. заведеній.

⁷⁾ Василій Львовичъ.

⁸⁾ Слѣдуетъ приказъ главнаго начальника военно-учебн. заведеній отъ 11 января, изъ котораго видно, что офицеры академіи вступились за своего товарища, испытавшаго на себѣ несправедливость начальства академіи.

⁹⁾ Федоръ Лукичъ.

бить,—взяточниковъ и откупщиковъ, былъ осужденъ въ исправительныя сенатскія роты. Панинъ, сосредоточивъ все вниманіе на уменьшеніи земли крестьянамъ, въ разсѣянности поступилъ очень хорошо и, полагая, что почтенный директоръ больше заслуживаетъ въ смиренный домъ, чѣмъ въ смиренный сенатъ, отказалъ. Но государь, съ той ненавистью, которую имѣютъ всѣ самодержцы къ сенату (смѣшивая его, разумѣется, съ римскимъ сенатомъ времяъ Сципіона Назики), сказалъ Княжевичу, «что онъ проситъ Панина объ этомъ». Когда человекъ, который можетъ послать своего ближняго не только на каторгу, но къ Тимашеву въ застѣнокъ, проситъ, какъ-то неделикатно отказать. Панинъ отослалъ тотчасъ Переверзева въ сенатскія исправительныя роты *съ тѣмъ, чтобы онъ не присутствовалъ*. Топильскій, Михаилъ Ивановичъ! если вы это выдумали, примите нашу искреннюю благодарность. Это—просто прелесть! и напоминаетъ, какъ Фридрихъ II назначилъ за деньги (тоже на руку былъ не чистъ) какого-то еврея-банкира *тайнымъ* совѣтникомъ, но для испытанія, умѣетъ ли онъ хранить тайны, не велѣлъ ему *никому объ этомъ сказывать*. А прогос, усмиритель нарвскихъ крестьянъ Кавеньякъ-Смирновъ (см. «Кол.» л. 91), тоже за неспособность быть губернаторомъ, сдѣланъ членомъ исправительнаго сената.

1558. Козель и осель.

Бывшій митрополитъ кievскій, нынѣ школоборецъ Исидоръ, отправляясь въ прошломъ году въ С.-Петербургъ на очередь для присутствованія въ синодѣ, съѣхался на одной изъ почтовыхъ станцій съ генераль-адъютантомъ Ржевускимъ ¹⁾, который, видя, что послѣднихъ лошадей запрягаютъ подъ экипажи его высокопреосвященства и что ему, *генераль-адъютанту*, приходится ждать на станціи, справедливо разсердился на смотрителя и въ порывѣ гнѣва громко сказалъ: «Лошадей! Не сидѣтъ же мнѣ на станціяхъ для всякаго козла!»

Исидоръ, который кушалъ чай въ сосѣдней комнатѣ, услышавъ это восклицаніе, вышелъ и сказалъ съ христіанскимъ смиреніемъ: «Такихъ *козловъ*, какъ я, въ Россіи всего трое, а такихъ *ословъ*, какъ ваше превосходительство, очень много».

Отвѣтъ понравился en hauts lieux ²⁾ и козла назначили митрополитомъ въ С.-Петербургъ, на мѣсто въ Бозѣ почившаго Григорія, прославившагося своимъ *крестовымъ* походомъ противъ журнальныхъ картинокъ. Ну, что бы козла-то за его остроуміе сдѣлать генераль-адъютантомъ, а его противника—митрополитомъ!..

1559. Илоповникъ (не растительнаго царства, а царства русской полиціи).

Потаповъ вступилъ въ должность московскаго оберъ-полицмейстера. Въроятно, ему пріятно осмотрѣть всѣ историческіе памятники своего вѣ-

¹⁾ Гр. Адамъ Адамовичъ.

²⁾ Въ высшихъ сферахъ.

домства и еще пріятнѣе начать съ чего-нибудь путнаго. Это не мѣшаетъ потомъ воротиться къ игнатъевскимъ маскамъ и пр. Знаетъ ли онъ, что при Ямѣ (да чуть ли нѣтъ чего-то подобнаго въ острогѣ) есть *клоповники*, особья конуры, въ которыя бросаютъ колодниковъ, по усмотрѣнію тюремнаго начальства, на съѣденіе клопамъ точно такъ, какъ въ Римѣ христіанъ отдавали на терзаніе другимъ свирѣпымъ звѣрямъ крупнѣйшаго роста, но безъ сквернаго запаха? Языческое наказаніе это, совершающееся въ виду Успенскаго собора, тѣмъ хуже, что животныя, которыми травятъ русскихъ, не имѣютъ религиозныхъ чувствъ львовъ въ пещерѣ Даниила, ни чувствъ благодарности Андроникова льва. Въ нихъ нѣтъ благородныхъ порывовъ. Они, какъ русскій чиновникъ, какъ русскій полицейскій, кусаютъ постоянно, сосутъ кровь понемногу и отвратительно пахнутъ всегда.

Р. S. Вѣроятно, Сечинскій будетъ противъ этого, это—личность; онъ не можетъ простить погребальный звонъ «Колокола» объ несчастной дѣвушкѣ, замученной имъ изъ дружбы къ почтенной матронѣ Маріи Бредау.

1560. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 фев. (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Вижу, всемилостивѣйшая государыня, завелась у васъ страстишка къ патретама; думаю, что долго посылать по одиночкѣ — я вамъ на сей разъ и вздумалъ поклониться (и не то что сегодня выдумалъ, а съ 9 дек.) двумя старцами, что и прошу благосердо принять ¹⁾.

1) Анненковъ ²⁾ женился.

2) Боткинъ (В. П.)—пріѣхалъ изъ Флоренціи въ Парижъ очень больной и почти слѣпой.

3) Указъ объ освобожд. будетъ 3 марта.

Тюки вздору отправляетъ къ вамъ Трюбнеръ на дняхъ.

1561. Письмо къ сыну.

24 февраля (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Любезный Саша, работай и работай; это — дѣло хорошее. Я одного теперъ въ толкъ не возьму: для чего вы не отмѣните поѣздку въ Тринидадъ? И какъ же всѣ оставляютъ старушку? Мое мнѣніе

¹⁾ Послана фотографія Герцена и Огарева вмѣстѣ, сдѣланная въ концѣ 1860 г.

²⁾ Павелъ Васильевичъ.

не совсѣмъ таково: ее слѣдуетъ сдѣлать вашимъ центромъ. Объ этомъ обо всемъ ты мнѣ напиши. Съ Фогтомъ имѣть дѣло тебѣ я *потому* и предложилъ, чтобъ ты пріучался ихъ вести. Мы можемъ довольно много потерять, если въ Америкѣ дѣла сильно ухудшатся,—продавать поздно, надобно ждать.

Здѣсь послѣдніе дни бури и проливной дождь, а, впрочемъ, тепло. Я писалъ (это между нами) два мѣсяца тому назадъ о разрѣшеніи ѣздить по Франціи,—и отвѣта нѣтъ, а К. Фогтъ все думаетъ, что это «машинанція» дѣйствуетъ, какъ говорила старая нянюшка.

Ты, вѣроятно, знаешь, что 4 марта провозглашается *освобожденіе съ землей* (доля земли неизвѣстна). Это, навѣрное, съ освобожденіемъ Италіи—важнѣйшія событія въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ. Старайся прочесть какъ можно скорѣе. «Nord» пишетъ, что въ Петербургѣ вездѣ толпится народъ—въ кабакахъ, церквахъ, баняхъ, на торгу, въ театрѣ,—все говоритъ объ освобожденіи.

Дома у насъ тихо. ¹ Лиза необыкновенно мила и умна, хотя и капризничаетъ сильно. Ольга въ грань-мондѣ: ѣздитъ въ «Тангейзеръ», въ ложу самого Вагнера ¹). Татой я тоже доволенъ, какъ всегда, только слишкомъ часто болитъ голова.

Вчера обѣд. у насъ Мац. и спрашивалъ объ тебѣ. Сегодня я обѣдаю у Ните ²), который призываетъ духовъ... Вотъ и наши новости, да еще я познакомился съ генер. Эберъ; онъ—венгерецъ (корреспондентъ «Таймса» при Гарибальди), очень милый человѣкъ; я начинаю думать, что всѣ люди, кромѣ французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, похожи на людей.

Прощай. Кланяйся старушкѣ.

«Полярн. Звѣзда» выйдетъ къ 15 марта. Я очень желаю, чтобъ ты серьезно изучилъ статью о Р. Оуэнѣ.

Обнимаю тебя.

◆◆ 1. Въ періодъ конца февраля—начала апрѣля Огаревъ писалъ Герцену очень интересную записку:

«Герценъ, я не хотѣлъ, не перечитавши, отпустить послѣдняго листа «Былого и думъ»; я узналъ, что онъ относится ко мнѣ, и на меня отъ него повѣяло такой весной, какой я давно не чувствовалъ. И тѣмъ больнѣе взглянулъ я на настоящее. Что мы остались вѣрны другъ другу и нашей святынѣ, объ этомъ и говорить нечего; отъ этого мы еще и способны чувствовать весну, отъ этого мы

¹) Рихардъ, композиторъ, другъ М. Мейзенбургъ.

²) Даніель Дунгласъ Юмъ.

не состарѣлись еще и можемъ работать. Но все же настоящее одной ногой страдаетъ. Мысль, что я невзначай внесъ въ твою жизнь страсти и страданія, безъ которыхъ ты былъ бы свѣтлѣе, меня преслѣдуетъ. Почему я не уѣхалъ съ ней? Зачѣмъ эта смѣсь, хаосъ чувствъ и мыслей? Какъ разомъ предаться фантазіи тройного союза и рассчитывать аналитически, что страсть непременно требуетъ удовлетворенія и что ее не остановишь?.. Ну, а если во время оно мое согласіе, мое благословеніе только увѣнчало растущее равнодушіе и усталъ? Это страшно! Ну, а если увлеченіе, анализъ и смутный эгоизмъ,—все такъ хаотически уживалось вмѣстѣ, что обусловило неразумный поступокъ, который въ такую-то минуту кажется изящнымъ, а въ другую минуту заставляетъ спрашивать себя: да не изъ равнодушія ли я допустилъ все? не имѣлъ ли я темнаго чувства жажды личной свободы? И вдругъ меня обдаеть ужасомъ. Что я брежу, съ ума схожу или я былъ безсознательной смѣсью изящества съ подлостью? Вспоминая мою прошлую жизнь и Сазонова, которому я отдавалъ М. Л. (Марья Львовна, первая жена—М. Л.), а потомъ разсердился, я вижу, что, несмотря на всѣ мои изящныя стороны, я былъ способенъ на неимовѣрныя подлости. Одно меня спасаетъ отъ мучительнаго сомнѣнія въ собственной чистотѣ, это—Лиза. Нѣтъ, я не могъ бы такъ любить ее, если-бъ мой поступокъ былъ не чистъ!

«Но внезапная любовь, или быстрый переходъ въ любовь къ Мэри, не доказываетъ ли, что во мнѣ была тогда потребность иной любви? И въ такомъ случаѣ, что жъ я такое дѣлалъ? Придалъ, даже въ своихъ глазахъ, лоскъ любви и чистоты простой жаждѣ перемѣны?..

«Видно, я еще не забылъ гнусную привычку производить надъ собой то, что Кетчеръ надъ друзьями, т.-е. копать, пока докопашься до мнимой или реальной подлости.

«И все это меня такъ жестоко, сильно взволновало сегодня по странному сдѣленію психологической безсвязицы: она беременна. Отчего это мнѣ грустно? Ужъ не ревность ли?.. Или новый страхъ передъ усложненіемъ жизни, въ особенности твоей жизни?.. И мысль, что въ этомъ виноватъ я,—да ну, какъ еще изъ эгоизма, а не изъ преданности? Признаться, лихорадку вынести легче, чѣмъ эту странную мысль. Таковъ ли былъ я расцвѣта!..

«Разрѣши самъ мою внутреннюю задачу, но во всякомъ случаѣ,—глупое или черное отыщешь,—прости, прости за эту примѣсь къ тому или другому дѣйствительной любви и къ тебѣ, и къ ней. Не удивляйся этому разсужденію, не оскорбляйся имъ: человѣкъ,—если не потемки, то такая сложная машина, что мнѣ всѣ.

1861 Лондонъ

колеса подозрительны, а не умѣть стать самому себѣ объектомъ тоже будетъ трусость и жмурки.

«Что любовь моя къ тебѣ такъ же дѣйствительна теперь, какъ на Воробьевыхъ горахъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь; отъ этого я и не сомнѣваюсь, что мое первоначальное побужденіе было чисто, но чтобъ послѣ не пришло заднихъ мыслей, за это я не поручусь. Вскорѣ послѣ того времени, даже какъ-то очень близко,—не припомню когда, гораздо прежде Мэри—я имѣлъ страсть влюбиться, но не удалось. Съ чего эти страсти въ мои лѣта? Если я былъ больше огорченъ и ревнивъ, чѣмъ преданъ поэтичности союза, зачѣмъ я не сказалъ? А тутъ-то, можетъ, и всплыло несознанное чувство свободы отъ всякаго долга? Вѣдь, я внутренно дикъ,—отъ этого мое пьянство, и отъ этого я себя подозреваю...

«Я не отдамъ тебѣ этой записки. Съ чего я нанесу тебѣ еще огорченіе? Я пишу взволнованный... Ну, а если въ этомъ волненіи есть литературная потребность, что вотъ, де, у меня [какое волненіе и хорошо написано...

«Ужасно гадко, Герцень! Какъ бы хотѣлось молча склонить голову на твое плечо. Но мое спасенье—математика и борьба» («Рус. Пропилеи», IV, 263—266).

1562. Наканунѣ.

Пришла великая суббота, скоро ударить колоколь къ заутренѣ... а на душѣ страшно и тяжело. Зачѣмъ намъ отравляютъ эту праздничную минуту? И мы, какъ наши бѣдные крестьяне, стоимъ въ раздумьи, съ неполной вѣрой, съ глубокимъ желаніемъ любви и съ непреодолимымъ чувствомъ ненависти.

Если-бъ можно было еще разъ сказать: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!», какъ громко и какъ отъ души сказали бы мы это, и пусть какой-нибудь одностворчатый доктринеръ, неподвижный фронтовикъ школьной науки, издѣваясь надъ нами, вывелъ бы на справку, что мы не все *одно и то же* твердимъ.

Столько для Россіи никогда не стояло на картѣ,—ни въ 1612, ни въ 1812 году.

И хорошо, что въ день смерти Николая похоронятъ и петровскую эпоху. Спасибо ей за тяжелую науку и забвеніе злу, причиненному ею!—сказали-бы мы. Но для этого зло должно умереть въ преступныхъ, нечистыхъ старикахъ, нераскаянныхъ въ стяжаніи алчности.

Иностранные журналы говорятъ уже о плантаторской оппозиціи инвалидовъ. Тяжела будетъ могила этимъ сѣдымъ скопцамъ, если имъ удастся изуродовать нарождающуюся Русь. Вѣдь, это—не просто взятки, не просто грабежъ, это — ножъ, воткнутый въ будущее. Смотрите, Муравьевы ¹⁾ и Гагарины ²⁾, двойные измѣнники: народа, который грабите, и царя, котораго обираете,—если вы и успѣте перебраться на болотистыя петербургскія кладбища, родъ вашъ ³⁾ будетъ отвѣчать передъ русскимъ народомъ.

Есть святая, торжественныя минуты въ жизни людей и народовъ, въ которыя обиды не прощаются!

1563. Послѣднее убѣжище изгнанниковъ закрыто.

У г-жи Замятниной есть мужъ, исправляющій должность великана и нѣмого внуха при императорскомъ сералѣ юстиціи. Оказывается, что нѣбольшого роста великанъ и въ нѣмые не годится: онъ такъ громко сталъ вздоръ молотъ, что даже въ «Таймсѣ» раздалось («Times» 16 February). «Сенатскія Вѣдомости» обнародовали *законъ* (англичане не имѣютъ другого слова для этого рода бумагъ), утвержденный государемъ, по представленію Замятнина, о преслѣдованіи преступленій противъ монарховъ, находящихся въ дружескихъ сношеніяхъ съ Россіей. На основаніи этого закона будетъ сдѣлана конвенція *между Россіей и Австріей* о наказаніи государственныхъ преступниковъ».

Ну, что мы будемъ дѣлать!? Единственное убѣжище, куда могли спастись изгнанники,—Россія, страна свободы, покрывавшая своимъ огромнымъ щитомъ всякаго, яскаваго въ ней защиты, погубило! Неаполитанскому королю, папѣ хорошо,—у нихъ есть Баварія, а у другихъ только и было надежды, что на красную Россію,—что не значитъ вовсе Червонная Русь, какъ смѣшиваютъ французы, читавшіе: «La Russie rouge»!

Какое счастье, что Théophile Henri, vicomte de Blangy скончался въ 1799 г.,—тотъ самый графъ Бланжскій, французскій *эмигрантъ*, который.

Супругу и семью, оплакавъ избіянно,
Покинулъ родину, тиранами погранну;
Россійскія страны достигнувъ береговъ,
Обрѣлъ на старости гостепримный кровъ.

Увы, гдѣ этотъ кровъ?—Ха! ха! ха! Да полноте вы себя дурачить передъ всѣмъ свѣтомъ! Ну какой же идиотъ пойдетъ у васъ искать убѣжища! Своимъ жить тошно, а тутъ еще пойдетъ чужой ⁴⁾!..

¹⁾ Михаилъ Николаевичъ.

²⁾ Павелъ Павловичъ.

³⁾ Мы хотѣли сказать «въ сыновьяхъ», но въ сыновьяхъ они уже наказаны: Россія знаетъ, кто такой рязанскій губернаторъ Муравьевъ, о которомъ въ «Матеріалахъ по дѣлу освобожденія» сказано: «одинъ изъ подлѣйшихъ людей и сквернѣйшихъ губернаторовъ» (стр. 265); а кто такой Гагаринъ, бывшій пензенскій вице-губернаторъ, знаютъ читатели «Колокола» (лис. 35). А. И. Г.

⁴⁾ См. № 1587.

1564. Слухъ, о заговорѣ противъ императора австрійскаго и эрцгерцогини Софіи.

Въ Петербургѣ существуетъ заговоръ противъ дней и ночей Франца-Иосифа и преимущественно матери его Софіи. Заговоръ этотъ составленъ Бутковымъ и, чтобы отвести глаза, въ домѣ Мины Ивановны. Цѣль этого заговора—возведение на австрійскій престолъ князя Орлова ¹⁾, который для этого размягчилъ мозгъ и сложилъ съ себя всѣ должности. Участниками—Муравьевъ-Вѣшатель, Адлербергъ sen. ²⁾, теоретическій плантаторъ Гагаринъ, практическій плантаторъ и помѣщикъ Гутцейтъ, митрополитъ Исидоръ, желающій быть провозглашеннымъ Бѣлокриницкимъ патріархомъ; всѣ сношенія идутъ черезъ Тимашева, которому обѣщано цезарское графство.

Всѣхъ выдать въ Австрію!

1565. Доносъ на «Морской Сборникъ».

«Морской Сборникъ» написалъ превосходную программу; всѣ порядочные люди прочли ее съ искреннимъ удовольствіемъ, но какой-то соленый Тимашевъ или морской Липранди надулся, скрѣлъ имя и сдѣлалъ доносъ. Это совершенно въ порядкѣ службы. Но гораздо страннѣе то, что нашелся сухопутный редакторъ не «Журнала III Отдѣленія», а «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» ³⁾, помѣстившій доносъ, оставляя въ подозрѣніи, что адмиралъ, писавшій это—самъ издатель; доносъ напечатанъ безъ подписи и безъ знаменитаго *сообщено* ⁴⁾. Поползновение это не *выкидывать* такого рода статей, а ихъ *доносить* надобно остановить съ самаго начала. III Отдѣленіе вовсе не въ такомъ безпомощномъ положеніи, чтобы нужно было статскимъ и партикулярнымъ газетчикамъ ему помогать. Если же редактора *заставили* помѣстить (хоть такого закона и нѣтъ на безыменные письма и подметныя статьи, и мы знаемъ, какъ три года тому назадъ одинъ московскій издатель рѣшительно отказался помѣстить втѣсняемую ему статью), то онъ долженъ былъ или отмѣтить ее или *оставить редакцію*. Никакой нѣтъ необходимости цѣлюю историческую эпоху быть издателемъ, какъ Гречъ и Булгаринъ. Передаемъ почти вполнѣ статью «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» ⁵⁾.

И это печатается послѣ слѣдствія по дѣлу «Пластуна», послѣ Крузенштерновыхъ побоевъ, сѣченій, истязаній, послѣ того, что мы видали, краснѣя, въ лондонскихъ докахъ, когда бывають русскіе пароходы.

Кого обманываютъ? Или какимъ образомъ этого новаго рода скопцы вытравлиють въ груди своей всякій слѣдъ совѣсти?

¹⁾ Алексѣй Федоровичъ.

²⁾ Старшій, Владиміръ Федоровичъ.

³⁾ А. А. Краевскій.

⁴⁾ Такъ означались официально полученныя сообщенія.

⁵⁾ Слѣдуетъ статья, доказывающая, что «Морской Сборникъ» напрасно уличаетъ флотъ въ злоупотребленіи тѣлесными наказаніями,—ихъ вовсе нѣтъ или бывають въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

1566. Фрегатъ «Генераль-Адмираль» и швабра.

Мы получили письмо, въ которомъ отрицають свѣдѣнія, доставленныя намъ о томъ, что на фрегатѣ «Генераль-Адмираль» «сѣкли гардемарина и матросамъ затыкали рты швабрами» («Кол.» № 87 и 88). Въ концѣ письма (подписаннаго) сказано, что если мы желаемъ, мы получимъ цѣлый листъ подписей офицеровъ и гардемариновъ въ удостовѣреніе, что ничего подобнаго на фрегатѣ не было. Безъ всякаго сомнѣнія, желаемъ. Мы и думать не хотимъ, чтобы большое число офицеровъ и гардемариновъ подписало актъ, несогласный съ истиной. Мы вѣримъ и тому, который писалъ письмо, но одинъ легче можетъ ошибаться. Сомнѣваться въ первомъ корреспондентѣ также не было причины: все, сообщенное имъ о злодѣйствахъ, бывшихъ на «Пластунѣ», мы прочли потомъ въ «Морскомъ Сборникѣ» съ такими подробностями, которыхъ у корреспондента не было. Когда мы получили въ первый разъ письмо о неистовыхъ и безчеловѣчныхъ наказаніяхъ Крузенштерна, мы приостановились и не напечатали его фамилію. Но когда на сдѣланный вопросъ мы получили нѣсколько писемъ подтверждающихъ, для насъ была достаточная достовѣрность, чтобы напечатать фамилію. Пусть офицеры, гнушающіеся должностью палача, убѣдятся, что одна полная, чистая любовь къ русскому народу заставила насъ поднять обличительный голосъ противъ звѣрской жестокости помѣщиковъ, офицеровъ, полиціи и вообще всего сѣкущаго сословія. Противодѣйствовать тѣлеснымъ наказаніямъ надобно всѣми силами, всѣми помышлениями, страстно, настойчиво. Съ розгой и палкой въ рукахъ не добратся намъ до человѣческихъ правъ. Нельзя требовать признанія своего лица и драть солдатъ и сѣчь женщинъ (даже *дѣтски ми* розгами). Это такъ вѣрно, что наши заплечные генералы не себѣ требуютъ уваженія, а генеральскому чину. Пора съ омерзѣніемъ и раскаяніемъ отречься отъ прошедшихъ злодѣйствъ. Мы совѣтуемъ офицерамъ, вмѣсто протестовъ и опроверженій (хотя и это недурно, какъ отрицательное сознаніе, что все это гнусно), соединиться тѣснѣе и тѣснѣе для защиты бѣднаго, голоднаго русскаго солдата, противъ воли оторваннаго отъ домашняго очага, обворованнаго всѣми—отъ морскихъ и сухопутныхъ чудовищъ и гадовъ съ толстыми эполетами и съ еще болѣе толстой шкурой на сердцѣ до вахмистровъ и фельдфебелей. Офицеры могутъ больше сдѣлать, чѣмъ правительство, и на это ненадобна десятая доля того мужества, которое они вездѣ и всегда показываютъ съ такимъ избыткомъ.

1567. Харьковскимъ студентамъ.

Наше мнѣніе о новомъ значеніи провинціальныхъ университетовъ мы высказали недавно. Вѣра наша въ великую роль, открывающуюся для нихъ, заставляетъ насъ быть откровенными. Если исторія, бывшая на харьковскомъ маскарадѣ 1 января 1861 г., рассказанная въ 23 № «Сѣверной Пчелы», *справедлива*, то она поселяетъ глубокое отвращеніе къ молодежи, замѣшанной въ ней.

Положимъ, что большинство харьковскихъ студентовъ порицаетъ поведение, вѣроятно, пьянаго студента Страхова и несогласна съ дрянью, которая помогала ему и защищала его. Мы готовы даже сомнѣваться, чтобъ были такіе негодяи изъ студентовъ, которые, въ оправданіе ёрничества Страхова, говорили, что маска *была просто модистка изъ магазина*,— это было бы слишкомъ отвратительно. Но келейное порицаніе недостаточно.

Въ такого рода дѣла начальство у насъ не мѣшается, напротивъ, оно должно быть довольно: вмѣсто дѣла, студенты заняты вздоромъ; вмѣсто того, чтобъ дружно стоять за благородныя убѣжденія, они дружно стоятъ *за мундиръ*; вмѣсто того, чтобъ гнущаться сословными различіями, они имѣютъ шляхетскій гоноръ и презираютъ не-дворянъ. Но именно потому, что начальство не вступается въ такого рода дѣла, общественное мнѣніе студентовъ должно было вступить за обиженную не-дворянку, дѣвушку или доказать, что на ихъ товарищей наклеветали. Почему студенты не назначили свой судъ и не разобрали дѣла? Если въ юности такого рода поступки не вызываютъ вашего страстнаго негодованія,— незавидно будетъ ваше совершеннолѣтіе!

1567 bis. Языковъ, директоръ Правовѣдѣнія.

Мы получили письмо, опровергающее отвѣтъ Языкова правовѣдамъ, желавшимъ принять участие въ воскресныхъ школахъ. Если мы получимъ оправданіе его въ навѣтахъ на профессора Павлова, мы тоже помѣстимъ съ удовольствіемъ.

1568. Цензурные зуавы..

Рахманиновъ, Лебедевъ неистовствуютъ въ цензурѣ; имъ помогаютъ изъ *иностранную* министерства Бюлеръ ¹⁾ и *внутреннюю*—докторъ *правъ* Варадиновъ ²⁾.

1568 bis. Письмо къ И. С. Тургеневу.

1 марта (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Письмо твое я въ надлежащее время получилъ. За свѣдѣнія благодарю. Завтра ты получишь «Кол.» съ довольно подробнымъ описаніемъ двухъ засѣданій въ Петерб. ³⁾. Алекс. Ник.—молодцомъ. Источникъ вѣренъ. Мы ждемъ, не переводя духа. Освобожденіе крестьянъ и поступленіе Анненкова въ крѣпостную зависимость ⁴⁾ совершаются почти въ одно время. А ты еще перфидно ⁵⁾ радуешься, старый bachelor ⁶⁾. Ну, а Боткина не женилъ еще? Девиль взбѣсился на тебя за то, что ты писалъ о его болѣзни; онъ говоритъ, что Боткинъ здоровъ, что у него глаза не болятъ, — каковъ?

Не постигаю, какимъ образомъ я въ свое время не прочиталъ Анненкова книгу «О Станкевичѣ» ⁷⁾. Это—чрезвычайно важная публикація. Такъ и пахнетъ чистымъ роднымъ воздухомъ отъ этой кучки людей благородныхъ, идеалистовъ. Ну, гдѣ же въ Европѣ (кромѣ Италиі) вы встрѣтите что-нибудь подобное? Въ Германіи идеалисты есть, но они думаютъ о кухнѣ и мѣстѣ.—Оттого, что бѣдны...—А Бѣлинс., Красовъ ⁸⁾, Кольцовъ—не Миресы ⁹⁾.

Засимъ прощай. М. Ал. ¹⁰⁾ велѣла прислать письмо на твое имя. Я недоволенъ ея письмами, недоволенъ ею,— и это не такъ,

¹⁾ Федоръ Андреевичъ.

²⁾ Николай Васильевичъ.

³⁾ Въ № 93 описанія засѣданій: соединеннаго совѣта министровъ и членовъ главнаго крестьянскаго комитета 26 января 1861 г. и государственнаго совѣта 28 января.

⁴⁾ Т.-е. женитьба.

⁵⁾ Коварно.

⁶⁾ Холостякъ.

⁷⁾ «Николай Владиміровичъ Станкевичъ и его переписка», Москва, 1857.

⁸⁾ Василій Ивановичъ, талантливый поэтъ, умеръ въ 1855 г.

⁹⁾ Mirés, Jules-Isaac, франц. банкиръ, о которомъ тогда много говорили.

¹⁰⁾ Марковичъ.

какъ ты иногда съ женщинами капризничаешь и ломаешься, а недоволенъ серьезно. Имѣй она себѣ десять интригъ,—мнѣ дѣла нѣтъ и, конечно, я не брошу камня, но общая фальшивость—дѣло иное. Ты на нее имѣешь вліяніе (вѣроятно, она на тебя—больше); если хочешь быть ей полезенъ, поставь ее на ноги и выпутай изъ міра дрянныхъ сплетенъ, двойныхъ любвей, кокетства и лжи.

Само собою разумѣется, что это *strictement* ¹⁾ между нами.

Вѣдь, Ж. Сандъ не оттого великая писательница, что много пакостей дѣлала.

Кину ²⁾ кланяйся.

1569. Письмо къ И. С. Тургеневу.

7 марта (1861).

Orsett House, Westb. terrace.

Ты понимаешь, *сара тіо*, что эти дни—не жизнь, а судорожное пережиганіе себя... Прочитайъ вечернюю газету, я мечтаю, что завтра, въ 9 будетъ «Таймсъ» ³⁾.

Это—наше время, наше послѣднее время, эпилогъ.

Иногда вѣрится, что мы будемъ въ Россіи, чаще,—что мы совсѣмъ не будемъ.

Въ прошлую субботу я попросилъ графа Кушелева ⁴⁾ телеграфировать вопросъ въ Питеръ, и отвѣтъ пришелъ правильно: «*regarde 3 mars bientôt*» ⁵⁾. Опять мученье. А *groros*, ты знаешь Желиговскаго ⁶⁾. Онъ, я полагаю не безъ резона, одинъ изъ поляковъ имѣетъ настоящія свѣдѣнія. Ты бы у него поспрошалъ да мнѣ бы отписалъ. Вообще, Тургеневъ, ты ужъ теперь насъ не забывай, и какъ что—пиши, а, если очень важно, то и въ телеграфъ сыграй.

Толстой ⁷⁾—короткій знакомый; мы ужъ и спорили; онъ упоренъ и говоритъ чушь, но простодушный и хорошій человекъ; даже Лиза Ог. его полюбила и называетъ «Левстой». Что же больше?

¹⁾ Строго.

²⁾ Передъ этимъ нарисованъ ботинокъ, поэтому нужно читать: Боткину.

³⁾ Со дня на день ожидался манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

⁴⁾ Гр. Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко.

⁵⁾ Говорятъ, 3 марта, скоро.

⁶⁾ (Zeligowski) Эдуардъ, литовскій поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ «Антоній Сова», пробывшій 10 лѣтъ въ Сибири, амнистированный въ 1857 г. и выпустившій двѣ свои книжки въ 1858 г. въ Спб. Въ 1861 г. выѣхалъ за границу.

⁷⁾ Левъ Николаевичъ.

Только зачѣмъ онъ не думаетъ, а все, какъ подъ Севастополемъ, беретъ храбростью, натискомъ? ¹

Слышу о вашихъ раутахъ съ князьями, боярами и воеводами; слышу о томъ дружественномъ бесѣдствѣ о предметахъ важныхъ съ Чичериными и пр.

А, вѣдь, хороши вы всѣ, таскающіеся въ Европѣ для ради прохладенія, когда долгъ, разумъ и сердце (ты не говори Чичерину, что я помянулъ сердце,—вообще, ничего ему не говори обо мнѣ) заставляють быть въ Россіи...

Радостное явленіе въ русской литературѣ—полемика Корша съ Лохвицкимъ ¹). Они, особенно послѣдній, ѣздятъ себя чернилами по сусаламъ. «Вы,—говоритъ Лох.,—вы думаете, что вы редакторъ? вы—чиновникъ, ваше дѣло смотрѣть, чтобы бумага казенной не выходило больше, чѣмъ надобно». Что скажете?

Вашъ рабъ А. Г.

P. S. Имѣешь ли ты сношенія съ Генрихомъ шестымъ, т.-е. Delaveau? Я ему прислалъ бы «Кол.» (слѣдующ.), чтобы онъ сунулъ во француз. журналы статью о Польшѣ. ²

◆◆ 1. «Толстой прожилъ въ Лондонѣ полтора мѣсяца и видался съ Герценомъ почти каждый день. Они много бесѣдовали и касались въ своей бесѣдѣ самыхъ интересныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, ни у Герцена, ни у Льва Николаевича ничего не осталось записаннымъ изъ этихъ бесѣдъ» (П. Бирюковъ «Л. Н. Толстой», I, 388). Дальше біографъ Толстого сообщаетъ слышанный имъ рассказъ отъ Н. А. Герцень, ошибочно названной имъ для того времени «маленькой дѣвочкой»—ей было 16 лѣтъ. При разставаніи Герцень снабдилъ Толстого письмомъ къ Прудону. Н. А. Огарева неясно помнитъ пріѣздъ великаго писателя и заставила его «горячо бесѣдовать съ Тургеневымъ», котораго тогда въ Лондонѣ не было (стр. 188—189). Въ одно изъ своихъ посѣщеній Толстой выпросилъ у Герцена полученную послѣднимъ при немъ записку Маццини и долго ее сохранялъ («Рус. Прописки», II, 333).

До поѣздки въ Лондонъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, Г. П. Данилевскій встрѣтилъ Толстого въ одномъ домѣ. «Какъ теперь помню, онъ вошелъ тогда въ гостиную хозяйки дома во время чтенія вслухъ новаго произведенія Герцена. Тихо ставъ за кресломъ чтеца и дождавшись конца чтенія, онъ сперва мягко и сдержанно, а потомъ съ такою горячностью и смѣлостью напалъ на Герцена

¹) Александръ Владиміровичъ, юристъ, писатель.

и на общее тогдашнее увлеченіе его сочиненіями и говорилъ съ такою искренностью и доказательностью, что въ этомъ семействѣ вполсѣдствіи я уже не встрѣчалъ изданій Герцена» (Сочиненія, 1892 г., VI, 319).

Въ іюлѣ 1862 г. Толстой писалъ А. А. Толстой: «Я имѣю злобу и отвращеніе, почти ненависть къ тому милому правительству, которое обыскиваетъ у меня литографскіе и типографскіе станки для перепечатаванія прокламацій Герцена, которыя я презираю, которыя я не имѣю терпѣнія дочестъ отъ скуки. Это—фактъ, у меня разъ лежали недѣлю всѣ эти прелести—прокламаціи и «Колоколъ», и я такъ и отдалъ, не прочтя. Мнѣ это скучно, я все это знаю и презираю не для фразы, а отъ всей души» («Толстовскій музей», I, 162—163).

Въ томъ же году и тому же адресату: «Къ Герцену я не поѣду: Герценъ самъ по себѣ, я самъ по себѣ. Я и прятаться не стану, я громко объявлю, что продаю имѣнья, чтобы уѣхать изъ Россіи, гдѣ нельзя знать минутой впередъ, что меня и сестру, и жену, и мать не скуютъ и не высѣкутъ,—и уѣду» (тамъ же, 164).

2. Въ отвѣтъ Тургеневъ писалъ 9 марта изъ Парижа: «Прежде всего долженъ тебѣ сказать, что ты ужасный человѣкъ. Охота же тебѣ поворачивать ножъ въ ранѣ! Что же мнѣ дѣлать, коли у меня дочь, которую я долженъ выдавать замужъ, и потому поневолѣ сижу въ Парижѣ. Всѣ мои помыслы, весь я въ Россіи... Присылай «Колоколъ» Делавойю. Онъ все помѣститъ, что слѣдуетъ и гдѣ слѣдуетъ. Но вообрази, вѣдь, онъ не Генрихъ, а Гипполитъ. Я самъ недавно узналъ этотъ потрясающій фактъ... Желиговскаго я очень хорошо знаю и способствовалъ его свадьбѣ, которая должна совершиться на дняхъ» («Письма», 137—138).

1570. Письмо къ И. С. Тургеневу.

12 марта (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Ты меня, дѣйствительно, огорчилъ, принявъ какъ-то дурно естественный упрекъ, особенно естественный человѣку, не имѣющему возможности ѣхать и завидующему вамъ. Я писалъ въ «Кол.» статью ¹⁾ вмѣстѣ съ письмомъ къ тебѣ. Въ статьѣ я упрекнулъ русскихъ туристовъ, а въ письмѣ—тебя. Только, саго тію, жги

¹⁾ См. № 1571.

меня, рѣжь меня, но твой резонъ резона не имѣеть: будто, на два мѣсяца ты не могъ бы отлучиться? Мы всѣ не привыкли жертвовать общему—that is the question ¹⁾).

Гр. Толстой сильно завирается подчасъ; у него еще мозговареніе не сдѣлалось послѣ того, какъ онъ покушалъ впечатлѣній.

Пишу къ тебѣ только, чтобъ ты гнѣвъ сложилъ на милость. Извѣстенъ ли тебѣ фактъ, что одинъ изъ офицеровъ въ Варшавѣ отказался командовать «пли!»?

Пришли мнѣ, если есть, новости,—всѣ ждутъ къ 18. Я одурѣлъ отъ безпокойнаго ожиданія и отъ досады, что не могу ѣхать.

Если кто поѣдетъ сюда, пришли мнѣ, пожалуйста, $\frac{1}{2}$ фунта лучшаго француз. нюхательнаго табаку.

Объясненіе, почему Делаво—Ипполитъ, не понялъ; развѣ его Бунзенъ ²⁾ писалъ?

1571. Духу не достало!

Отложили!.. Зачѣмъ?.. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, по случаю масленицы? Что за пансіонскія затѣи! Развѣ они не знаютъ, что между кубкомъ и губами есть всегда мѣсто бѣдѣ.

Эта отсрочка, это ожиданіе—сверхъ силъ человѣческихъ. Тоска, тоска и страхъ! Если-бъ было возможно, мы бросили бы все и поскакали бы въ Россію. Никогда не чувствовали мы прежде, до какой степени тяжела жертва отсутствія. Но выбора нѣтъ! Потерянный вдали ведетъ ³⁾), мы не можемъ безъ смѣны оставить нами самими избранный постъ и желали бы только, чтобъ помянулъ насъ кто-нибудь въ день великаго народнаго воскресенія.

Зачѣмъ русскіе, которые могутъ ѣхать и живутъ безъ дѣла, скучая и зѣвая въ Парижѣ, въ Италіи, въ Лондонѣ... не ѣдутъ? Что за умѣренность и воздержности! Англичане ѣздили вагагами взглянуть на Гарибальди, на свободный Неаполь; а наши туристы тянутъ канитель за границей, какъ будто обыкновенное, будничное время! Что это: эгоизмъ, неразвитіе общихъ интересовъ, разобщенность съ народомъ, недостатокъ сочувствія?

Мы, разумѣется, не говоримъ о дикихъ крѣпостникахъ, кричащихъ въ парижскихъ кабакахъ и лупанаріяхъ противъ освобожденія съ остервенѣніемъ, возбуждающимъ отвращеніе гарсоновъ.

¹⁾ Вотъ, въ чемъ вопросъ! («Гамлетъ»).

²⁾ Христіанъ-Карль, извѣстный историкъ церкви и археологъ, авторъ книги: «Hippolytus und seine Zeit», 1860 г.

³⁾ La vedette—передовой конный караулъ.

Этимъ чужеднымъ татарамъ надобны деньги, и какими бы злодѣйствами они ихъ ни получали, имъ все равно. Насъ удивляютъ люди образованные, люди, скорбящіе о народѣ, вздыхающіе о его несчастіяхъ, но не настолько, чтобъ побезпокоить себя бросить привычную жизнь и явиться налицо въ дни великаго историческаго событія.

1572. Vivat Polonia!

И да здравствуетъ русскій воинъ, который отказался стрѣлять въ безоружныхъ ¹⁾, несмотря на приказъ какого-то спадасина Заблоцкаго ²⁾!

Передъ этимъ великимъ гражданскимъ подвигомъ мы съ умиленіемъ склоняемъ голову.

Не думалъ, вѣроятно, Заблоцкій, совершая преступленіе, что онъ совершилъ историческое событіе. Его залпъ разбудилъ многихъ, онъ показалъ, какія звѣринныя возможности гнѣзятся и живутъ, притаившись, въ кавернахъ Зимняго дворца, и какія инструкціи даны полубезумнымъ и полутатарскимъ намѣстникамъ и баскакамъ. И не это одно обличилъ набольшій царскихъ убійць: онъ обличилъ, что ихъ время миновало, что русскій офицеръ пересталъ быть рабомъ, палкой, штыкомъ въ рукахъ Заблоцкихъ и другихъ негодяевъ, выслуживающихся кровью невинныхъ жертвъ. Отказавшійся исполнить преступный приказъ *спасъ честь Россіи!* Ему слѣдовалъ тотъ Георгій, который, на смѣхъ общественному мнѣнію и въ поруганіе статута, брошенъ эксъ-королю неаполитанскому не за взятіе крѣпости, а за сдачу ея.

Вѣроятно, герой этотъ погибнетъ за Польшу, какъ погибъ Караваевъ за Конарскаго. Дайте намъ его имя, чтобъ мы могли святить его, чтобъ мы могли записать его въ наши святцы!

Съ безконечною гордостью видимъ мы, что мы не ошиблись въ упованіи нашемъ на молодыхъ офицеровъ. Съ гордостью видимъ, какой огромный успѣхъ сдѣлало нравственное развитіе съ 1831 и 1849 г. Тогда офицеры не выходили изъ рядовъ, не подавали въ отставку, но иногда раскаивались *потомъ*, получивши крестъ и

¹⁾ «Таймсъ» 14 марта подробно рассказываетъ, какъ офицеръ или *сержантъ*, которому Заблоцкій велѣлъ командовать пальбу, отказался и вышелъ изъ рядовъ, а солдаты стрѣляли на воздухъ. А. И. Г.

²⁾ Василій Ивановичъ, генералъ, командовалъ войсками, усмирявшими демонстрантовъ въ Варшавѣ 15(27) февраля; было убито 5 человекъ.

чинъ; это легкое и дешевое раскаяніе мы нѣсколько разъ сами слышали отъ участниковъ въ Венгерской кампаніи.

Не таковы офицеры, закаленные въ Севастополѣ, не таковы молодые товарищи ихъ. Они поняли, что довольно усмиряли *своихъ и чужихъ*; они почувствовали, что николаевскіе лавры вышли на нашемъ лбу какимъ-то каторжнымъ клеймомъ, и хотятъ стереть его.

Гибнущіе братья-искупители! тяжела ваша участь, но идите въ арестантскія роты, въ крѣпости, казематы, на смерть—только не убивайте ни поляка, который хочетъ быть самимъ собой, ни крестьянина, требующаго свободы.

Напомните нашимъ воинамъ въ Польшѣ, что мы имъ говорили въ 1854 г. ¹⁾.

«Ваша участь всѣхъ хуже. Товарищи ваши въ Турціи—солдаты, вы въ Польшѣ будете палачами. Ваши побѣды покроютъ васъ позоромъ, вамъ придется краснѣть вашей храбрости. Родная кровь трудно отмывается; не берите вторично грѣха на душу, не берите еще разъ на себя названіе Каина, — оно, пожалуй, останется навсегда при васъ.

«Знаемъ мы, что вы не по доброй волѣ пойдете на поляковъ, но въ томъ-то и дѣло, что пора вамъ имѣть *свою* волю. Не легко неволить десятки тысячъ людей, съ ногъ до головы вооруженныхъ, если-бъ между ними было какое-нибудь едиனுшіе...

«Разъ, не помню: въ какой губерніи, когда вводили новое управление государственныхъ имуществъ, крестьяне взбунтовались, какъ почти во всѣхъ губерніяхъ было. Привели войска, народъ не расходился. Генеральъ пошумѣлъ да и велѣлъ солдатамъ ружья зарядить; тѣ зарядили, думая, что это для острастки. Народъ все не шельъ. Тогда генераль далъ знакъ полковнику, чтобъ онъ велѣлъ стрѣлять, полковникъ скомандовалъ, солдаты приложились и—не выстрѣлили. Оторопѣлый генераль подскакалъ къ фронту и закричалъ «жай! пли!...». Солдаты опустили ружья и неподвижно остались на своемъ мѣстѣ.

«Что же вы думаете было съ ними?—ровно ничего. Генеральъ и начальство такъ перетрусили, что дѣло замаяли.

«Вотъ вамъ опытъ вашей силы.

«...Поглощеніе Польши царской Россіей—нелѣпость, насиліе,—насиліе очевидное по количеству войска, которое стоитъ въ Польшѣ съ 1831 года. Естественное ли это дѣло, что черезъ 23 года пра-

¹⁾ Два года тому назадъ «Przegląd Rzeczy Polskich» спрашивалъ, почему мы не перепечатаемъ нашего воззванія; мы отвѣчали ему: «Развѣ есть возстаніе въ Польшѣ, развѣ русскіе приготовляются къ отпору? Зачѣмъ уговаривать не поднимать оружія, когда оно спокойно стоитъ въ сошкахъ?». А. И. Г.

вительство не смѣтъ вывести одного полка изъ Польши, не замѣнивъ его сейчасъ другимъ?

«Всѣ эти грубья, насильственныя соединенія ведутъ не къ единству, а увѣковѣчиваютъ ненависть. Что, Ломбардія и Венгрія стали австрійскими? или Финляндія—русской? Однимъ балтійскимъ нѣмцамъ пришлось по вкусу голштинъ-татарское управленіе, такъ что они первыя послали дѣтей своихъ защищать православную церковь съ лютеранской библіей въ карманѣ.

«...Вы не русскій народъ защищаете въ Польшѣ. Русскій народъ не проситъ васъ объ этомъ, — при первомъ пробужденіи своемъ онъ отречется отъ васъ и проклянетъ ваши побѣды. Вы въ Польшѣ защищаете неправое царское притязаніе.

«...*На польской землѣ не растутъ лавры для русскихъ воиновъ*, она слишкомъ облита женскими слезами и мужскою кровью, пролитыми по винѣ вашихъ отцовъ, васъ самихъ, можетъ быть; на берегахъ Вислы, близъ пражскаго кладбища и на кладбищѣ Воли... нѣтъ боевой славы для васъ. Но на нихъ васъ ждетъ иная слава,—слава примиренія и союза!

«Что и какъ дѣлать, вы узнаете, когда придетъ время.. Исполнитесь въ ожиданіи событій истинною нашихъ словъ и присягните во имя всего святаго вамъ *не поднимать оружія противъ Польши*.

«Эту присягу требуетъ не царь, а совѣсть народная, народное раскаяніе, и, если васъ ждетъ самая гибель за это, она свята, вы падете жертвой искупленія, и вашей мученической кровью запечатлѣтся неразрушимый свободный союзъ Польши и Россіи, какъ начало вольнаго соединенія всѣхъ славянъ *въ единое и раздѣльное Земское Дѣло*».

Говорятъ, что Александръ II хочетъ поступить *великодушно*. Это очень хорошо, но, по несчастью, тутъ нѣтъ мѣста великодушію. Что за рабское смѣшеніе понятій! Прощенія надобно ему просить у Польши, передъ лицомъ всего свѣта, за кровь пролитую въ Варшавѣ, за то, что у него звѣри между генералами. Надобно быть справедливымъ, а не великодушнымъ!

Быть виноватымъ и прощать—что за вѣчная ложь и лесть! Время этихъ фантазмагорій миновало, да и многого другого. Русскіе офицеры отказываются стрѣлять въ польскихъ братій. Польскіе выходцы, собравшись при первой вѣсти о движеніи въ Варшавѣ, въ Виттингтонскомъ клубѣ, начали съ того, что еще разъ засвидѣтельствовали не только отсутствіе вражды къ русскому народу, но сочувствіе съ нами. «Мы, — сказалъ въ своей рѣчи г. Бенъевскій, — *мы разстанемся съ ними дружески, безъ вражды, какъ два брата, которыхъ рука тюремщика сковала въ общія*

цѣпи, и которые стали въ тягость другъ другу, потому именно, что они были скованы влѣсть. Намъ нужно разстаться, чтобы вздохнуть свободно, чтобы расправить онѣмѣвшіе члены».

Они совершенно правы: намъ *надобно разстаться* для того, чтобы иначе посмотреть другъ на друга, чтобы свободно подать другъ другу руку.

Мы много разъ говорили о будущемъ союзѣ всѣхъ славянскихъ племенъ, мы и теперь вѣримъ въ него, но теперь *на череду не этотъ вопросъ*: ближайшее будущее, наступающее историческое дѣло славянскаго міра—*юсударственная самобытность Польши и соединеніе отрѣзанныхъ частей ея*.

И какъ величественно начала Польша свое новое воскрешеніе, если въ *самомъ дѣлѣ* въ засѣданіи *Земледѣльческаго общества* въ Варшавѣ польскіе помѣщики рѣшили *отдать* крестьянамъ полный надѣлъ земли!

Первый актъ возстановленія Польши долженъ былъ быть актомъ очищенія передъ земледѣльцемъ, актомъ искупленія, покаянія, справедливости. Надобно было доказать обдѣленному народу, что онъ не забыть, что на этотъ разъ идетъ дѣло *общее*, земское, дѣло всей Польши, а не *одной шляхты*.

Сила народа въ землѣ. Мы не вѣримъ больше въ перевороты: аристократическіе, муниципальные, военные и статскіе, т.-е. не вѣримъ въ ихъ прочность; то только прочно, что запахано въ землю; то взойдетъ плодотворно, что посеяно на нивѣ, что выросло на свѣжемъ воздухѣ полей и лѣсовъ. Не для народа то, что идетъ черезъ голову крестьянина, что съ трескомъ и пылью проѣзжаетъ мимо деревни, какъ курьеръ, не останавливаясь. Мы придаемъ величайшее значеніе рѣшенію польскихъ помѣщиковъ. На этомъ святомъ актѣ справедливости и гражданскаго совершеннолѣтія мы привѣтствуемъ ихъ.

Какъ *русское* правительство поступитъ? Трудно сказать, потому что въ Петербургѣ нѣтъ русскаго правительства. Изъ русскихъ тамъ одинъ Александръ Николаевичъ, а извѣстное дѣло—одинъ въ полѣ не ратникъ.

Бѣда наша въ томъ, что вся эта богадѣльня эполетъ, чающихъ движенія воды, несмышленныхъ стариковъ совѣта, сенаторовъ за негодность на всякую другую службу и пр. состоитъ изъ нѣмецко-русскихъ татаръ. Чисто русское въ нихъ только—невѣжество, привычка драться и говорить «ты».

Правительство на нѣмецкій манеръ никогда не пойметъ, что для Россіи *сильная, независимая Польша, какъ союзница*, гораздо выгоднѣе, чѣмъ Польша четвертованная, оскорбленная, ненавидящая.

Познань и Галиція, это—четвероугольникъ *съ другой стороны*, это — *нѣмецкая* военная граница, а не русская; но петербургскіе нѣмцы не понимаютъ разницы между русскимъ и прусскимъ—однихъ господъ... А въ Австріи венгерцы шалили въ 49-мъ, такъ *наши* господа посылали ихъ унимать...

И вотъ почему у насъ нѣтъ ни малѣйшаго довѣрія къ такту, къ пониманію нравственныхъ калѣкъ, пасущихъ Россію; а въ ихъ готовность наказывать, пытаться, ссылатъ мы безусловно вѣримъ: они всю жизнь дѣлали одно и то же.

Пренія по крестьянскому вопросу, въ которыхъ Александръ боролся съ цѣлой стаяй жадныхъ крѣпостниковъ и кончилъ тѣмъ, что ихъ побилъ, подняли снова его акціи. И намъ иной разъ хочется сказать: будьте откровенно *русскими* на одинъ мѣсяць, и вы будете знать, какъ слѣдуетъ поступить съ Польшей и какъ довершить начатое вами; вамъ это легко, — дайте волю себѣ. Въ душѣ вы русскій, оттого вамъ стало жаль мужика и двороваго, оттого вы хлопотали, чтобъ у крестьянина осталось землицы. Старики изъ нѣмцевъ и татаръ никогда не жалбуютъ русскій народъ. Вы видѣли, какъ они шипѣли противъ васъ въ совѣтѣ; вы видѣли, какъ ваши собственные министры измѣнили вамъ. Вамъ мѣшаютъ ложный стыдъ, предразсудки, воспитаніе... Мы все это знаемъ... Одно усиліе... Вы освобождаете крестьянъ отъ старыхъ помѣщиковъ,—освободите отъ нихъ и себя!

Свободная Польша исторгнетъ Россію изъ нѣмецкихъ объятій. Разставшись съ нею, Русь пойдетъ мирно и вольно къ своему будущему, пойдетъ не дипломатическими закоулками, не международными грабежами, не канцелярскими уловками Остермановъ и Нессельродовъ, а открытой столбовой гатью развитія и свободы! ¹

◆◆ 1. Эта статья заслужила благодарность со стороны «Przegląd Rzeczy Polskich» и лично по адресу Герцена и какъ представителя либеральной партіи въ Россіи; журналъ высказалъ надежду, что вскорѣ между нимъ и «Колоколомъ» возстановится полная солидарность, такъ какъ уже нѣтъ возможности говорить объ ихъ различныхъ путяхъ (1861 г., № отъ 6 апрѣля). 11 ноября Назимовъ сообщилъ министру вн. дѣлъ, что статья эта разослана войсковымъ частямъ Сѣв.-Зап. края въ пакетахъ по почтѣ (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц., 1861 г. № 109).

1572 bis. Плугъ уступаетъ аксельбанту.

Говорятъ, что для приведенія въ исполненіе освобожденія крестьянъ назначатся на пять губерній по одному генераль-адъютанту и на каждую—по флигель-адъютанту. Огромный успѣхъ въ дѣлахъ, порученныхъ Толстому, Эльстону-Сумарокову, Бобринскому, увлекъ государя. Какъ же они будутъ сѣчь мужиковъ—эти *эмансипационсв-адвютанты!* какъ запутають дѣла!

1573. Madame Шпееръ и 15 розогъ.

Жена гродненскаго губернатора Шпеера недавно, въ поѣзду свою изъ Гродно въ Вильно, приказала на первой станціи дать ямщику 15 розогъ за то, что онъ плохо везъ начальницу губерніи. Это очень любезно съ ея стороны: она могла ему влѣпить 51 розгу. Въ женскомъ сердцѣ всегда найдется что-нибудь мягкое.

1573 bis. 15 марта. Послѣднія новости.

Главныя основанія Редакціонной комисіи приняты. Переходное время будетъ продолжаться *два года* (а не девять и не шесть). *Надѣлъ остается весь*, съ правомъ выкупа. Манифестъ выйдетъ 12/24 марта. Государь до конца отстаивалъ крестьянъ съ величайшею твердостью противъ разсвирѣпѣвшихъ крѣпостниковъ. Со стороны освобожденія были: *Константинъ Николаевичъ, Блюдовъ, Ланской, Бахтинъ* ¹⁾ и *Чевкинъ*. ¹

◆◆ 1. Эта замѣтка составлена Герценомъ по письму И. С. Тургенева; первая фраза является даже прямой выпиской оттуда. Манифестъ ожидался со дня на день. Сконфуженный упрекомъ Герцена, Тургеневъ писалъ: «Дожили мы до этихъ дней, а все не вѣрится, и лихорадка колотить, и досада душить, что не на мѣстѣ. Впрочемъ, если я не увижу перваго момента, я, все-таки, буду свидѣтелемъ *первыхъ прилѣтнений*: я въ концѣ апрѣля—въ Россіи» («Письма», 141).

¹⁾ Николай Ивановичъ.

1574. Письмо къ И. С. Тургеневу.

15 mars (1861).

Orsett House, Westbourne ter.

Иванъ Сергѣевичъ Divus ¹⁾,

Получивъ таковое отъ васъ письмо, я желаю обнять и поцѣловать ваши сѣдины. Но это не все. Не сокращеніе, а копію или оригиналъ надобно; какъ можно скорѣе найми писца, заплати ему цѣною злата и платины ²⁾. Бога ради достань. А то ваши тамъ лежать à la песь на Сенѣ (рѣкѣ и травѣ), а намъ необходимо.

Да, вѣдь, Галилеянинъ-то побѣдитъ.

Ну, а ваши рѣчи въ Сенатѣ ³⁾—ахъ, мать ихъ въ Сену, какіе мерзавцы!

Присылай же, не забывай.

1574 bis. Отъ издателя.

На этомъ мѣстѣ обрывается этотъ рассказъ. Говорятъ, что онъ потерянь, это—страшное несчастье. Нѣтъ ли у кого другого списка? Мы просимъ его прислать: это единственное святое наслѣдство, которое наши отцы завѣщали намъ; всякая строка дорога намъ.

Авторъ этихъ воспоминаній—Николай Александровичъ *Бестужевъ*, писалъ ихъ въ Петровскомъ заводѣ въ 1835. Онъ скончался на поселеніи въ Селенгинскѣ 15 мая 1855.

1575. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(Середина марта 1861).

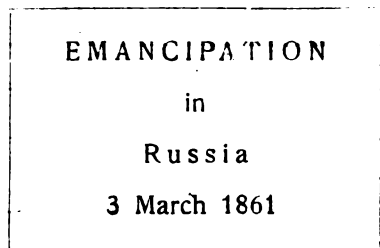
Любезнѣйшій Тхоржевскій, мы передумали и иллюминацію хотимъ дѣлать въ день общаго праздника типографіи, а потому

¹⁾ Божественный.

²⁾ Герценъ хотѣлъ получить полный текстъ «Высочайше утвержденныхъ Е. И. В. 19 февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», отпечатанныхъ въ небольшомъ сравнительно числѣ экземпляровъ. Тургеневъ обѣщаль ему списать и послать главные пункты изъ полученнаго въ Парижѣ экземпляра.

³⁾ Сенатъ здѣсь означаетъ Парижъ, стоящій на Сенѣ; Тургеневъ сообщилъ о рѣчахъ находившихся въ Парижѣ крѣпостниковъ.

я васъ прошу узнать, какъ можно лучше, цѣны, но дня не назначать.

Вотъ бы что надобно сдѣлать газомъ и домъ освѣтить съ трехъ сторонъ. Я долженъ ѣхать къ Ротшильду; вечеромъ зайду, т.-е. въ седьмомъ часу. Если можно, вручите г. Трубецкому 1 фунтъ за переводъ ¹⁾.

Г. ²⁾

1576. Письмо къ С. Тхоржевскому.

20 march. (1861).
Orsett House.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, завтра, я полагаю, Тата не раньше можетъ васъ переводить на бумагу, какъ *въ часъ* ³⁾. Мы отправляемся съ нею въ Warwick Str. на панихиду.

Сдѣлайте одолженіе, пошлите весь «Колок.» за 1861 (и впередъ посылайте безденежно):

M-r le prince
Pitzipio,

4, Charles street, Eastbourne terrace, W.

Нѣтъ ли у васъ его «Revue d'Orient»? У меня одна книжка. А что «Полярн. Звѣзда» VI кн.? Мнѣ ее очень нужно.

¹⁾ Кн. Н. П.; перевелъ для VI кн. «Пол. Звѣз.» письма Лунина.

²⁾ 19 февраля ст. ст. приходилось на 3 марта нов. ст. Какъ только стало извѣстно изъ англійскихъ газетъ о подписаніи «Положенія» объ освобожденіи крестьянъ, Герценъ задумалъ устроить у себя праздникъ.

³⁾ Н. А. Герценъ хорошо рисовала и потому принимала дѣятельное участіе въ готовящемся украшеніи ихъ дома къ празднику.

1577. Письмо къ сыну.

21 марта (1861).

Orsett House, Westb. terrace.

Geehrtester Herr Sohn und Medicinæ et Chirurgiæ Doctor! ¹⁾

Письмо твое, разумѣется, насъ очень обрадовало, хотя я кое-что ждалъ въ этомъ родѣ, по одному выраженію Форта ²⁾. Ты знаешь, что дипломомъ оканчивается школьное ученіе и начинается самобытное занятіе наукой.

Совѣтую тебѣ очень отдохнуть отъ усиленныхъ занятій.

Теперь, другъ мой и докторъ, на досугѣ разсуди самъ съ собою тихо, кротко и всесторонне, зачѣмъ ты ѣдешь въ Тринидадъ. Я тебѣ впередъ говорю, что я не поставлю матеріальнаго препятствія, а прошу тебя обратить вниманіе на пустоту этой поѣздки. Ты года черезъ два женишься, т.-е. на худой конецъ имѣешь передъ собой лѣтъ тридцать семейной жизни. Для чего же ты натягиваешь еще годъ, съ океаннымъ путешествіемъ, съ климатомъ жаркимъ и пр.?

Я не зову тебя на политическую работу,—ты не имѣешь для нея ни достаточной связи съ Россіей, ни влеченій. Но если сообразить, что весь міръ не представляетъ теперь больше интереснаго зрѣлища, какъ Россія, входящая клиномъ социальнаго переворота въ совершенно новую фазу; если подумать, что путешественнику тамъ необъятное поле,—то я сталъ бы хлопотать на твоемъ мѣстѣ о разрѣшеніи съѣздить въ Россію и поѣздилъ бы à la Borchtcheff ³⁾.

Я тебѣ это предлагаю на размышленіе.

Каждая недѣля приноситъ новости огромныя, — вѣка будутъ о нихъ говорить, а ты безъ нужды поѣдешь жить въ свое удовольствие въ Тринидадъ.

Я тебя буду ждать. Напиши, впрочемъ, день; комната есть небольшая наверху—à la guerre comme à la guerre ⁴⁾.

Заѣзжай къ Ольгѣ. Объ ней очень хорошіе слухи. Мейзенб. не хочется очень возвращаться. Я думаю, что позволю имъ остаться до 1 июня.

У насъ будетъ праздникъ. Можетъ, ты успѣешь къ нему. Весь домъ будетъ иллюминированъ газомъ съ надписью:

¹⁾ Почтеннѣйшій господинъ сынъ мой и докторъ медицины и хирургіи!

²⁾ А. А. Герценъ блестяще окончилъ бернскій университетъ и получилъ указанную выше ученую степень.

³⁾ На манеръ Борщова.

⁴⁾ На войнѣ, какъ на войнѣ.

3 марта 1861.

И знамя съ «Emancipation in Russia».

Обѣдъ для всѣхъ работниковъ типографіи и вечеръ для всѣхъ неработающихъ, т.-е. раутъ. Будутъ и Ашурстъ, и Бигсы, и Маццини, и Девиль (тоже докторъ). День не назначенъ, потому что мы ждемъ подробности постановленій для того, чтобъ знать, стоитъ ли Алекс. П, чтобъ я предложилъ его тостъ.

Затѣмъ обнимаю тебя и посылаю слѣдующій рескриптъ:

«Господинъ докторъ,

«Новое званіе ваше обязываетъ васъ какъ къ покупкѣ хирургическихъ инструментовъ, такъ сигаръ и иныхъ лѣкарствъ,—мы признали необходимымъ увеличить окладъ вашъ до пяти тысячъ франковъ, считая со дня полученія вами диплома. Остаемся, впрочемъ, благосклоннымъ къ вамъ...»

1578. Письмо къ сыну.

(Мартъ 1861).

Господинъ Докторъ, Николай Платоновичъ посылаетъ вамъ слѣдующее напутственное стихотвореніе:

Лжетъ нашъ вѣкъ, вездѣ личины,
Сердце шатко, умъ лукавъ.
Подъ ударами судьбины,
Саша, *доктора медицины,*
Будь всегда мой *доктора правъ.*

Я пишу тебѣ, чтобъ сказать, что нашъ праздникъ можетъ быть отложенъ до 5 апрѣля, но не дальше. Напиши тотчасъ, когда ты будешь и застанешь ли иллюминацію.

Всѣ здоровы.

1579. Отъ издателей.

«Письмо» П. Я. Чаадаева—историческое событіе; оно должно быть сохранено, и мы перепечатаваемъ его потому, что оно стало въ Россіи библиографической рѣдкостью. «Полярной Звѣздѣ» каждый памятникъ развитія русской мысли, отъ декабристовъ до смерти Николая, святъ и дорогъ. Наше воззрѣніе на Русь несогласно съ воззрѣніемъ Чаадаева, но мы его помѣстимъ безъ всякой критики.

Важность этого «Письма», какъ мрачнаго протеста, вполне опредѣлилась его вліяніемъ: съ него начинается точка перелома общественнаго мнѣнія.

Мы говорили подробно и объ этомъ «Письмѣ» и о самомъ Чаадаевѣ въ I кн. «Полярной Звѣзды» и въ «Développement des idées révolutionnaires en Russie». Повторять сказанное намъ кажется излишнимъ ¹⁾.

1580. Письмо къ С. Тхоржевскому.

25 марта (1861).

Манифестъ полученъ ²⁾.

Онъ не дурень,
а потому

нашъ праздникъ назначается

5 апрѣля.

Проведите г. ³⁾ иллюминацію и узнайте, что будутъ стоить музыканты отъ 8 до 11.; я думаю, 4 ф.

Мнѣ нужно 5 экз. «Записокъ» ⁴⁾.

1581. Письмо къ И. С. Тургеневу. ¹⁾

28 марта (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Спасибо за забвеніе. Прошу тебя отослать приложенное письмо сейчасъ къ таковому же Николаю Ивановичу ²⁾. Далѣе, пришли, если у васъ тамъ есть, полный уставъ,—въ газетахъ печатать будутъ сто лѣтъ. Что за слогъ въ манифестѣ!.. Это писалъ Пименъ Араповъ съ Ловецкимъ ³⁾. Объ Оуэнѣ, все-таки, жду ⁴⁾. Съ Тол-

¹⁾ Дальше слѣдуетъ первое «Философическое письмо» Чаадаева, напечатанное въ «Телескопѣ» 1836 г.

²⁾ Опубликованъ былъ 5/17 марта.

³⁾ Газовую.

⁴⁾ «Былого и думъ», т. I, тогда еще печатавшійся; нужны были чистыя листы.

⁵⁾ См. № 1582.

⁶⁾ Араповъ—новгородскій вице-губернаторъ при Герценѣ; Ловецкій—профессоръ московскаго университета. Ихъ «краснорѣчіе» Герценъ уподобилъ «краснорѣчію» митрополита Филарета, написавшаго манифестъ.

⁷⁾ Т.-е. мнѣнія Тургенева.

стымъ мы въ сильной перепискѣ и портретами обослались, а только у него въ головѣ не прибрано еще, не выметено, а что мебель-то, можетъ, и того-съ.

У насъ 5 или 8 въ Orsett House праздникъ-monstre эмансипаціонный. Приглашаются всѣ русскіе, кто бы ни были. *Обѣда* съ съ тостомъ, коего рѣчь придется на галльскомъ языкѣ. Иллюминація газомъ, со щитами, знаменами, надписями etc, etc...

Музыка на улицѣ, Марсельеза, «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ» (Голиц. ¹⁾ аранжирментъ), «Еще Польша не сгинела», «Мазурка» Хлопицкаго, изъ «Вильгельма Телля».

Вечеромъ яблоки ²⁾ и дамы.

Прощай.

Кажется, праздникъ не совсѣмъ идетъ на ладъ: грабить хотятъ ³⁾.

◆◆ 1. Въ 20-хъ числахъ марта И. С. Тургеневъ писалъ Герцену изъ Парижа: «Мы здѣсь третьяго дня отпѣли молебенъ въ церкви, и попъ произнесъ намъ краткую, но умную и трогательную рѣчь, отъ которой я прослезился, а Ник. Ив. Тургеневъ чуть не рыдалъ. Тутъ же былъ и старый кн. Волконскій (декабристъ). Много народа передъ этимъ ушло изъ церкви. За «Полярную Звѣзду» спасибо, которую я читаю съ удовольствіемъ. Твои отрывки (изъ «Былого и думъ»—*М. Л.*) по обыкновенію прелестны; записки Бестужева очень интересны; письмо Лунина я уже зналъ; стихотворенія Печерина показались мнѣ au dessous de leur réputation (ниже ихъ репутаціи—*М. Л.*); объ «Оуэнѣ» (въ «Быломъ и думахъ»—*М. Л.*) я еще не успѣлъ прочесть» («Письма», 139).

1582. Письмо къ Н. И. Тургеневу.

28 марта 1861.

Orsett House, Westbourne terrace.

Милостивый государь, Николай Ивановичъ. Вы были однимъ изъ первыхъ, начавшихъ говорить объ освобожденіи русскаго народа; вы недавно, растроганные, со слезами на глазахъ, праздновали первый день этого освобожденія. Позвольте же намъ, питомцамъ вашего союза, сказать вамъ наше поздравленіе и съ чувствомъ братской или, лучше, сыновней любви пожать вамъ руку и обнять

¹⁾ Кн. Ю. Н. Голицынъ.

²⁾ Римскія свѣчи.

³⁾ Т.-е. дорого все будетъ стоить.

вась горячо, отъ всей полноты сердца. Тотъ же нашъ привѣтъ просимъ передать князю Волконскому.

Съ живымъ умиленіемъ мы написали эти строки и подписываемъ наши имена съ той глубокой, религіозной преданностью, которую мы во всю жизнь сохранили къ старшимъ дѣятелямъ русской свободы.

Александръ Герценъ.

Николай Огаревъ.

1583. Манифестъ!

Первый шагъ сдѣланъ! Говорятъ, что онъ труднѣе прочихъ; будемъ ждать *второго* съ упованіемъ; хотѣли бы ждать его съ полной увѣренностью, но все дѣлается такъ шатко, такъ половинно и тяжело!

Освобожденіе крестьянъ только *началось* съ провозглашенія манифеста. Не отдыхъ, не торжество ждетъ государя, а упорный трудъ; не отдыхъ, не воля ждетъ народъ, а новый страшный искусь.

Скорѣе, скорѣе *второй* шагъ!

Александръ II сдѣлалъ много, очень много: его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ; во имя состраданія противъ хищной толпы законсѣльныхъ негодяевъ и сломилъ ихъ! Этого ему ни народъ русской, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ, рѣдко встрѣчавшимся съ самодержавіемъ, не возбуждая горькой улыбки,—мы привѣтствуемъ его именемъ *Освободителя!*

Но горе, если онъ остановится, если усталая рука его опустится. Звѣрь не убитъ: онъ только ошеломленъ! Теперь, пока стоглавая гидра, которой голова—или Муравьевъ, или Гагаринъ, не совсѣмъ опомнилась, надобно докончить ее и освободить вмѣстѣ съ русскимъ крестьяниномъ новую русскую государственную мысль и отъ нѣмецкихъ колодокъ, и отъ русскихъ татаръ, тучныхъ нашей кровью, нашими слезами, нашимъ изнуреніемъ.

Слово *освобожденія* сказано. Государь признался. Это—дѣло великое, но не все: слово должно стать дѣломъ, освобожденіе—быть истиной!

Выборъ в. кн. Константина Николаевича, кажется, удаченъ. Онъ необыкновенно выросъ, явившись опорой своего брата въ дѣлѣ освобожденія, и когда Александръ его обнялъ въ первомъ засѣданіи, его обняла вся Россія.

Какая огромная полоса славы передъ обоими! Вы оба, какъ говорятъ русскіе, родились въ сорочкѣ.

Борьба ваша, Константинъ Николаевичъ, легка: съ вашей стороны не только справедливость, но все думающее и все страдающее, меньшинство образованныхъ людей и большинство массы. А противъ васъ кто? Горсть пустыхъ стариковъ, алчныхъ невѣждъ, мощныхъ звѣздами и переплетенныхъ лентами; вѣдь, они только сильны вами; у нихъ опоры нѣтъ, кромѣ дворовыхъ людей, которыхъ рабство они зажилили еще на два года,—ихъ бояться нечего. Затѣмъ остается дикій, лѣсной помѣщикъ, еще менѣе опасный,—на такихъ ли медвѣдей ходить вашъ братъ. Лѣсной, степной помѣщикъ былъ своеволенъ и неукротимъ подъ материнскимъ крыломъ полиціи, онъ буйствовалъ на основаніи царскихъ льготъ; отнимите отъ него руку—и вы увидите, какъ онъ присмирѣетъ...

Но врядъ ли можно успѣть во многомъ однимъ канцелярскимъ порядкомъ, одной бюрократіей. Окружите себя свѣжими, живыми людьми, не рутинистами, не доктринерами, а людьми, понимающими, любящими Россію, и, главное, не бойтесь гласности, какъ бы она ни была рѣзка!

Вспомните одинъ примѣръ.

Вольнѣ нашего никогда не раздавалась русская рѣчь. Что же говорила она, что распространяла, что поставила на своемъ знамени?

Нѣсколько дней послѣ 3 марта (19 февраля) 1855 года мы писали, что Россія ждетъ отъ новаго государя: *освобожденія крестьянъ съ землею, уничтоженія тѣлесныхъ наказаній и гласности во судѣ и печати.*

Прошло шесть лѣтъ, и нѣсколько дней спустя послѣ 3 марта (19 февраля) 1861 всенародно возвѣщено уничтоженіе крѣпостного права. Вы сами стараетесь вывести во флотъ тѣлесныя наказанія.

Чередъ за гласностью!

1584. Панихида въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ служили торжественную панихиду въ память жертвъ, павшихъ въ Варшавѣ. И полиція допустила, не воспрепятствовала? И это было въ Петербургѣ?!

Наконецъ-то наступаетъ время, въ которое русскій можетъ, не краснѣя больше за старые грѣхи ея, гордо признаваться, кто его мать.

Эдакъ, господа, вѣдь *Галилеянинъ*-то, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ побѣдить!

1585. Т. Шевченко.

26 февраля (10 марта) угасъ въ Петербургѣ малороссійскій пѣвецъ Т. Шевченко. Жаль, что бѣдный страдалецъ закрылъ глаза такъ близко къ обѣтованному освобожденію. Кому было больше по праву пѣтъ этотъ день, какъ не ему? Но хорошо и то, что утрення заря этого дня занялась при его жизни и освѣтила послѣдніе дни его.¹

◆◆¹. Очень трогательны записи Шевченка въ своемъ дневникѣ 1857—58 гг. Пріятель Варенцовъ привезъ ему (уже свободному, въ Нижній-Новгородъ) портретъ Герцена. «Портретъ нарисованъ карандашомъ и, вѣроятно, похожъ, потому что отличается отъ обычныхъ рисунковъ этого рода. Но, если бы онъ даже и не походилъ, я, все-таки, перерисую его въ свой дневникъ, почитая имя этого святого человѣка», и дальше, дѣйствительно, идетъ перерисованный портретъ. «Встрѣтилъ своего стараго знакомаго Шумахера. Онъ только что возвратился изъ-за границы и привезъ четыре №-ра «Колокола». Я впервые увидаль эту газету и благоговѣнно поцѣловаль ее» («Кобзарь», Львовъ, III, 150—151, 168).

1586. Исправительныя письма!

Мы получаемъ довольно часто письма, назначаемыя намъ въ исправленіе и поученіе, въ наказаніе и выговоръ. Письма эти, не ограничиваясь келейной и скромной пользой, приносимой ими намъ, изъясняютъ, по большей части, сильное желаніе (вѣроятно, для вящаго наказанія нашего) быть «отпечатанными на страницахъ «Колокола». До сихъ поръ, за исключеніемъ одного «обвинительнаго акта», мы не печатали эти ортопедическія посланія и исправлялись ими, насколько силъ было, не всенародно, а *privatim* ¹).

Но исправители, какъ всѣ люди, имѣющіе высшую нравственную цѣль, не унывають и хотятъ непремѣнно сдѣлать изъ «Колокола» стокъ консерваторской, доктринерской и бюрократической мыльной воды. Зачѣмъ? Ихъ *безопаснiя* мнѣнія могутъ печататься вездѣ. Русскихъ буквъ развелось много въ Европѣ, да и ходить такъ далеко не стоитъ: при III Отдѣленіи есть своя типографія, при московскомъ оберъ-полицмейстерѣ тоже... Отъ добра добра не ищутъ!

Чтобъ ознакомить нашихъ читателей съ исправительными письмами и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать нашимъ неумытнымъ су-

¹) Частнымъ образомъ.

дьямъ, что мы не хотимъ скрывать рубцовъ, нами заслуженныхъ, мы просимъ ихъ прочесть три письма, которыя помѣщаемъ почти цѣликомъ ¹⁾.

Для начала возьмемъ самое дальнее и самое взволнованное, несмотря на то, что оно пришло съ береговъ Тихаго океана. Выписываемъ, не измѣняя ничего, и, слѣдовательно, не отвѣчая за сильную качку словъ ²⁾.

Но если линьки и розги нашли такого фанатическаго друга, то московскій оберъ-полицмейстеръ Потаповъ ³⁾ нашель двухъ.

Въ розгахъ мы не оправдываемся: «можетъ, *на суднѣ* другое дѣло», какъ выражается нашъ морякъ, но на всякомъ другомъ мѣстѣ розги кажутся отвратительными, сѣкущіе офицеры—палачами, и мы тутъ смѣло беремъ Константина Николаевича подъ защиту отъ линька (хотя и обернутаго ватой), которымъ его стегнула другъ флота, другъ *судна*, но еще больше другъ розогъ.

Въ Потаповѣ, совсѣмъ напротивъ, мы вовсе не виноваты, ей-богу не виноваты: мы его разъ помянули по поводу дурацкихъ масокъ, выдуманныхъ Игнатьевымъ ⁴⁾—онъ не отвѣчаетъ за своихъ начальниковъ. Петербургское генералъ-губернаторство, какъ англійская корона при Георгахъ, переходитъ отъ идіота къ сумасшедшему и отъ сумасшедшаго къ идіоту. Но въ Потаповѣ-то мы, все-таки, не виноваты.

Предполагая все на свѣтѣ: защитника Гутцейта, насильно любящаго, и помѣщицы, поджаривавшей, тоже безъ полюбовнаго согласія, свою горничную,—мы никакъ не ожидали, что статья наша о «клоповникахъ» вызоветъ намъ строгій выговоръ, два строгихъ выговора: насъ упрекають, что мы, отдавая полную справедливость клопамъ, не хотимъ ее отдать Потапову.

Помилуйте, господа, да мы Потапова не знаемъ, готовы вѣрить, что онъ будеть хорошій оберъ-полицмейстеръ, особенно при

¹⁾ Иногда, впрочемъ, совершенно достаточно указать на содержание писемъ. Напр., одинъ почтенный соотечественникъ наградилъ меня толстой эпистолой, въ которой сильно упрекаетъ меня въ томъ, что во всѣхъ сочиненіяхъ и статьяхъ я стою со стороны поляковъ, а что они всегда не любили русскихъ и *даже оклеветали въ Европѣ такого монарха, какъ Николай Павловичъ!* Заключение этого письма совершенно неожиданное: авторъ, сказавъ это, соглашается, что въ школѣ правовѣдѣнія дурно учать! А. И. Г.

²⁾ Слѣдуетъ письмо о томъ, что тѣлесныя наказанія во флотѣ вовсе не ужасны и необходимы для поддержанія дисциплины, которая уже теперь, съ ихъ уменьшеніемъ, падаетъ.

³⁾ Александръ Львовичъ.

⁴⁾ А прогос, мы даже имѣли письмо въ защиту этихъ масокъ. А. И. Г.

Тучковѣ, а свойство клоповъ знаемъ очень хорошо! Что за странный оборотъ—выставлятъ добродѣтели Потапова тѣмъ, что мы дурно говоримъ о клопахъ!

Да, Потаповъ добродѣтельный оберъ-полицмейстеръ, мы не споримъ,—мало что есть въ Москвѣ: тамъ еще есть Степанъ Петровичъ Шевыревъ, тоже очень хорошій человекъ; тамъ есть Марія Бредау, не совѣмъ хорошая женщина, но уважаемая Сечинскимъ; тамъ есть соборный протодіаконъ съ басомъ и колоколь безъ языка. Вотъ первое письмо ¹⁾).

Отъ издателей. Моего отвѣта не было *приложено*, писать же къ этому господину я вовсе не намѣренъ, равно и къ его товарищу ²⁾).

На первый разъ достаточно.

1587. День страха.

Чего боялся государь 5 марта и 6? Зачѣмъ Адлерберги, Огаревъ... ночевали во дворцѣ? Зачѣмъ казачій полкъ стоялъ наготовѣ? Зачѣмъ не торжествовали великое событіе освобожденія, а украли у народа его праздникъ? Зачѣмъ такъ скомкали объявленіе? кто же сообщаетъ радость, какъ горькую пилюлю. Чего боялись? Народа. Да гдѣ же здравый смыслъ? какъ же народъ взбунтуется, когда его освобождаютъ? Мы знаемъ, что здраваго смысла искать нельзя у этихъ Игнатьевыхъ и Долгоруковыхъ, да Александру Николаевичу какъ не стыдно? Не народа ему надобно бояться, не литературы, не аудиторій: ему надобно бояться татарвы плантаторовъ, его окружающихъ—они пройдутъ и между казаками, и за кавалергарды. Александръ Николаевичъ можетъ богу свѣчку поставить, если онъ проживетъ два года съ своей обстановкой. Отчего его докторъ не пропишетъ ему для здоровья удаленіе *встѣхъ крѣпостниковѣ*, имѣющихъ входъ во дворецъ, начиная съ Муравьева-Вѣшателя и Долгорукова-Слушателя?

1588. Розги и плети, употребляемая международно.

Иностранная газеты, передавая русскія новости, часто вводятъ насъ въ ошибки. Такъ, «Таймсъ» рассказалъ совѣмъ невѣрно замятнинскій за-

¹⁾ Слѣдуетъ славословіе Потапову и указаніе на плохой языкъ, «тяжелый, непонятный иногда»; авторъ проситъ помѣстить его письмо съ отвѣтомъ.

²⁾ «Колоколь» не интересенъ, читаютъ его только потому, что запрещенъ; надо вѣрить въ будущность Россіи, а «Колоколь» не вѣрить; надо любить государя, а «Колоколь» его бранить.

конь о наказаніи государственныхъ преступниковъ противъ другихъ государствъ (см. «Кол.» 93) ¹⁾. На дѣлѣ онъ гораздо гнуснѣе. Вотъ что напечатано въ «Петербург. Вѣдомостяхъ» ²⁾.

1589. Орлы, львы и жандармы корпуса генераль-бась.

На Алексѣевъ Ѳедоровичей пошла повальная болѣзнь: вслѣдъ за размягченіемъ мозга у Алексѣя Ѳедор. Орлова, отмякъ мозгъ у Алексѣя Ѳедор. Львова. Этотъ возсочинитель съ *нѣмецкаго* русскаго гимна окончательно бредитъ. Онъ объявилъ и вывѣсилъ публично приказъ придворной капеллѣ, что каждый пѣвчій, который станетъ посѣщать вновь образовавшееся музыкальное общество, будетъ *исключенъ* изъ капеллы! А туда жъ—при болѣзненномъ состояніи мозга есть свои хитрости (фактъ, часто замѣчающійся докторами въ сумасшедшихъ домахъ)—сочиненія Бортнянскаго не велѣлъ перепечатывать, чтобъ спустить свою музыку *по ключу* III Отдѣленія.

Знаете, какъ эдакъ генераль пришлетъ изъ III Отд. фугу: «не хотите ли, молъ, для собственной вашей пользы и образованія?» У человѣка жена, дѣти, онъ и проситъ: «дайте лучше двѣ фуги, три фуги (для каждаго Отдѣленія по фугѣ)»...

Вотъ Якоби, академикъ-патріотъ, предлагавшій (см. «Кол.» л. 91) министру финансовъ, основываясь на томъ, что Княжевичъ пятьдесятъ лѣтъ (въ чемъ самъ публично сознался) съ Гречемъ хлѣбъ-соль водить, — какія-то мѣры противъ книги Долгорукова, — занялся бы изобрѣтеніемъ *мозгометра*, чтобъ узнавать градусъ размягченія мозга, какъ узнаютъ градусъ разжиженія спирта. Тимашевъ ходилъ бы, постукивалъ бы, да послушивалъ бы, да графское достоинство заслуживалъ бы!

1590. (Мухановъ съ Вислы уѣхалъ!).

Мухановъ съ Вислы уѣхалъ! Счастливаго пути! Итакъ, надобно было возстаніе, стрѣльбу на улицахъ, телеграфическія депеши съ комментаріями Карницкаго ³⁾ и собственные его картушевскіе циркуляры, чтобы убѣдить правительство, что Мухановъ былъ вредный и злонамѣренный чиновникъ. Точно, будто, у царей до того уши заложило, что они до ружейнаго выстрѣла ничего не могутъ слышать.

¹⁾ См. № 1563.

²⁾ Слѣдуетъ неточный текстъ высоч. утвержденнаго 16 іюня 1858 г. мнѣнія государственнаго совѣта «о мѣрѣ наказанія за преступленіе противу безопасности дружественныхъ Россіи державъ», находящагося во второмъ Полномъ собр. законовъ Рос. имперіи подъ № 33302.

³⁾ Иванъ Николаевичъ, управляющій комитетомъ дѣлъ Ц. Польскаго.

1591. Et toi, Brute?

Чиновникъ Тимаевъ ¹⁾ просилъ министра просвѣщенія объ уничтоженіи въ школахъ слова «вы». Каковъ римлянинъ! Брутъ—да и только. Ежели ему непременно надобно было просить вздора, онъ лучше бы просилъ, чтобы министр (министръ все можетъ) перемѣнилъ его фамилію на *Вымаевъ*. да и говорилъ бы дотямъ «вы».

1592. Издателямъ журналовъ въ Россіи.

Кто васъ обманываетъ? или кто обманываетъ вашихъ читателей? Во всякомъ случаѣ не мѣшало бы издателямъ «Современника», «Отечественныхъ Записокъ», «Библиотеки для Чтенія», «Русскаго Вѣстника» и пр. заняться безобразнымъ полученіемъ ихъ журналовъ за границей. 25/13 марта *нѣтъ еще ни одной книжки за 1861 въ Лондонѣ!* Вывозъ что ли ихъ запрещенъ по тарифу или Европа запретила ввозъ?

1593. Освобожденіе крестьянъ.

Вольная русская типографія въ Лондонѣ и издатели «Колокола» празднуютъ вечеромъ 10-го апрѣля начало освобожденія крестьянъ въ Orsett House, Westbourne terrace. *Каждый русскій*, какой бы партіи онъ ни былъ, сочувствующій великому дѣлу, будетъ принять братски. ¹

◆◆ 1. Н. А. Огарева посвятила описанію праздника нѣсколько страницъ, въ которыхъ не мало деталей продиктовано ея памятью совершенно невѣрно. Поэтому я не буду цитировать это мѣсто ея «Воспоминаній» (стр. 190—193), а передамъ лишь нѣсколько штриховъ. Герценъ и Огаревъ читали манифестъ съ большимъ волненіемъ, особенно первый. Дамская часть домашняго общества шила цвѣтныя знамена; на одномъ изъ нихъ было нашито бѣлыми коленкоровыми буквами: «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи 19-го февраля 1861 года», на другомъ: «Вольная русская типографія въ Лондонѣ». Днемъ былъ обѣдъ для русскихъ. Кн. Голицынъ написалъ къ этому дню фантазію «Emancipation», которая и была исполнена. Во время праздника стало извѣстно о событіяхъ въ

¹⁾ П. М. Тимаевъ.

Варшавѣ 8 апрѣля н. ст.: замковый комендантъ генераль Хрулевъ разстрѣливалъ толпу манифестантовъ. Когда Герцену доложили, что обѣдъ поданъ, «всѣ спустились въ столовую, на всѣхъ лицахъ замѣтно было тяжелое настроеніе. Обѣдъ прошелъ тихо. Когда подали шампанское, Герценъ всталъ съ бокаломъ въ рукѣ и провозгласилъ тостъ за Россію, за ея преуспѣяніе, за ея благоденствіе, совершенствованіе и пр. Всѣ встали съ бокалами въ рукахъ, горячо отвѣчали, провозглашая другіе тосты, и чокались горячо. У всѣхъ сердце усиленно билось... Герценъ сказалъ краткую рѣчь, изъ которой помню начало: «Господа, нашъ праздникъ омраченъ неожиданной вѣстью: кровь льется въ Варшавѣ, славянская кровь, и льютъ ее братья-славяне!»... Все стихло, всѣ молча усѣлись на свои мѣста... Вечеромъ собрались иностранцы: Мацинини, Саффи, Луи Бланъ, Таландье и много другихъ. «Минутами казалось, что Герценъ забывалъ о варшавскихъ событіяхъ, оживлялся. Разъ даже сталъ на стулъ и съ одушевленіемъ сказалъ: «Новая эра наступаетъ для Россіи, и мы будемъ, господа, въ Россіи, я не отчаиваюсь, 19 февраля—великій день!». Ему отвѣчали восторженно Кельсиевъ и какіе-то незнакомые соотечественники. Было такъ много народу на этомъ праздникѣ, что никто не могъ сѣсть. Даже кругомъ нашего дома стояла густая толпа, такъ что полицейскіе во весь вечеръ охраняли нашъ домъ отъ воровъ».

1594. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 апрѣля (1861).

Orsett House, Westbourne ter.

Шерѣйшая ¹⁾ Марья Каспаровна,

Въ ожиданіи Саши,

въ ожиданіи праздника,

пишу къ вамъ нѣсколько строкъ, чтобы заявить, что я живъ и письмо ваше, въ которомъ браните (справедливо, это-то и досадно) за долгое неписаніе, получилъ.

Саша пріѣдетъ сегодня вечеромъ.

Тата хочетъ описывать вамъ банкетъ. Чудеса, Марья Каспаровна, да и только. Въ Лондонѣ, на банкетѣ карбонщиковъ и якобинцевъ (жакобинъ, какъ говорилъ деръ-геръ ²⁾), подъ красными

¹⁾ Дрожайшая; отъ chère—дорогая.

²⁾ И. А. Яковлевъ, отецъ.

знаменами и газовыми беками (домъ будетъ илл. 7,000 беками ¹⁾), я публично провозглашаю тостъ, какъ Закревскій—за *Александра Николаевича*....

Zu wunderbar! ²⁾

Вы видѣли въ «Колок.» приглашеніе?

Затѣмъ и прощайте.

Я съ числами и переводами сбился опять съ толку; ваше рожденіе въ апрѣлѣхъ какъ-то. На всякій случай, пожалуйста ручку и супруга съ дѣти.

1595. 10 апрѣля 1861 и убійства въ Варшавѣ.

Праздникъ нашъ былъ мраченъ. Я не знаю дня, въ который бы разорванность давила безпощаднѣе и тяжелѣе, гдѣ бы площадки были такъ близки къ слезамъ.. Нѣтъ, русскій не долженъ забываться: не пришло еще время намъ торжествовать свѣтло и беззаботно, не пришло время прямо и гордо подымать взглядъ; нѣтъ, еще не отъ избытка радости, а съ горя и заглушая боль и стыдъ, будемъ мы пить наше вино!

Мы, какъ будто, помолодѣли вѣстью освобожденія крестьянъ. Все было забыто; съ упованіемъ на новую поступь Россіи, съ бьющимся сердцемъ ждали мы нашъ праздникъ. На немъ *въ первый разъ отъ роду*, при друзьяхъ русскихъ и польскихъ, при изгнанникахъ всѣхъ странъ, при людяхъ, какъ Маццини и Луи Бланъ, при звукахъ Марсельезы, мы хотѣли поднять нашъ стаканъ и предложить неслыханный при такой обстановкѣ тостъ за *Александра II—Освободителя крестьянъ!* Мы очень хорошо знали отвѣтственность, которую на насъ обрушивалъ этотъ тостъ: мы подвергались тулому порицанію всѣхъ ограниченностей, желчной клеветѣ всѣхъ мелкихъ завистей. Намъ до этого дѣла не было; поступокъ нашъ казался намъ чистымъ и справедливымъ. Мы знали и другое: мы знали, что этотъ тостъ, произнесенный *нами* и *у насъ*, отозвался бы инымъ образомъ въ сердцахъ государя, чѣмъ подцензурная риторика допускаемыхъ похвалъ и отдаваемыхъ въ казенные проценты восторговъ.

Но рука наша опустилась: черезъ новую кровь, пролитую въ Варшавѣ, нашъ тостъ не могъ итти. Преступленіе было слишкомъ свѣжо, раны не закрылись, мертвые не остыли, имя царя замерло

¹⁾ Вес—газовый рожокъ.

²⁾ Слишкомъ удивительно!

на губахъ нашихъ. Выпивши за *освобожденную русскую крестьянина*, безъ рѣчей, безъ шума, съ тѣмъ печальнымъ благоговѣніемъ, съ которымъ люди берутъ иную чашу, иного воспоминанія, въ которомъ также смѣшаны искупленіе и казнь, мы предложили одинъ тостъ:

За полную, безусловную независимость Польши, за ея освобожденіе отъ Россіи и отъ Германіи и за братское соединеніе русскихъ съ поляками!

На разрывѣ, только на разрывѣ Польши съ Россіей мы пойдемъ другъ друга! Офицеръ, переломившій шпагу, началъ новое братство.. Если онъ погибъ, какъ говорятъ журналы, если его въ самомъ дѣлѣ разстрѣляли, мы ему съ поляками воздвигнемъ пограничный памятникъ: его именемъ начнется новая эра!

А вы, Александръ Николаевичъ,—зачѣмъ же вы отняли у насъ праздникъ, зачѣмъ вы отравили его? Развѣ у насъ ихъ такъ много, развѣ съ нашего рожденія мы что-нибудь праздновали, кромѣ похоронъ?

Вѣдь, и тогда, когда Россія семь лѣтъ тому назадъ торжествовала ваше восшествіе, она, собственно, торжествовала смерть.

Зачѣмъ же вы отняли у насъ нашъ праздникъ? Зачѣмъ же грубо захлопнули наше сердце, лишь только оно стало открываться чувствамъ примиренія и радости?.. Снова сжатое, оно болѣзненно подсказываетъ горькія слова.

Sire, pas de rêveries! pas de rêveries! ¹⁾ *Вы Польшу потеряли.* Вы могли стать во главѣ славянскаго движенія, вы могли возстановить Польшу безъ капли крови,—вы предпочли австрійскія драгонады. Pas de rêveries, sire! Вы Польшу потеряли, т.-е. *живую*: зарѣзанная, она, можетъ, и останется трофеемъ побѣдоносному войску вашего величества.

...Хоть бы вы положили какой-нибудь срокъ между освобожденіемъ крѣпостныхъ и убійствомъ безоружныхъ, чтобъ мы, обратнымъ хозяйствомъ Гамлетовой матери, не ѣли праздничныхъ пироговъ у открытаго рта, куда прячетъ наша полиція убитыхъ.. Видно, гдѣ есть въ основѣ неправда, тамъ ее трудно спрятать и надобно ждать каждую минуту бѣды.

Лучше кончимъ нашъ праздничный рассказъ. Только слова два тѣмъ изъ поляковъ, которые, изъ чувства глубокаго состраданія къ намъ, не отказались присутствовать на пиру.

Вамъ, друзья, безконечная благодарность. Мы видѣли ваши лица и ваши слезы. Вы видѣли наши лица и наши слезы. Печаль-

¹⁾ Государь, никакихъ мечтаній, никакихъ мечтаній!

нымъ пиромъ нашимъ мы заключили, не говоря ни слова, новый союзъ. Вы въ нашемъ сѣтованіи не отказались выпить за освобожденіе русскаго крестьянина. Наша радость поблѣднѣла передъ вѣстью о варшавскихъ убійствахъ, и что-то свято-торжественное, печальное и полное глубокаго смысла обняло всѣхъ!

Пойдемте же вмѣстѣ! И пусть насъ сопровождаетъ брань дикихъ и узкихъ націоналистовъ обѣихъ странъ, дѣлающихъ изъ своего ревниваго, алчнаго и тупого патріотизма какое-то нечеловѣческое, исполненное эгоизма и ненависти, преступленіе!

11 апрѣля 1861.

1596. Листъ шпионовъ и „нордовское“ обвиненіе русскихъ офицеровъ въ кровожадности.

Со времени послѣдняго тимашевскаго путешествія по странамъ, не подлежащимъ вѣдѣнію III Отдѣленія, бродитъ въ совѣсти невскихъ шпионовъ и мѣшаетъ имъ спать какой-то *листъ именов.* напечатанный нами. Листъ этотъ снится имъ, какъ кровавый кинжалъ Макбету, и заставляетъ ихъ дѣлать всякія глупости. «Кельнская Газета» написала объ этомъ цѣлый романъ, какъ Тимашевъ подсылалъ къ намъ шпиона, какъ у насъ былъ его портретъ, — очень занимательный. Но, что лучше кельнской сказки, это то, что въ Петербургѣ шпионы, въ силу этого несуществующаго листа, стали доносить на себя, спрашивая въ порывѣ благороднаго негодованія другъ друга: «Правда ли, что и *мое* имя въ этомъ гнусномъ листѣ? Послѣ этого, надобно признаться, ничего нѣтъ святого, — это изъ рукъ вонъ; при покойномъ государѣ этого не могло быть, да и какъ Брунновъ допускаетъ такой Содомъ!»

Нужно ли прибавлять, что посольство наше, немѣшающееся вообще ни въ какія дѣла, касающіяся до русскихъ, и Брунновъ, нѣсколько враждебный этому народу, можетъ, по германскому происхожденію, вовсе не виноваты, потому что листа этого никогда не было. И мы искренно сожалѣемъ объ этомъ.

Тѣмъ не меньше *литвицкій* листъ дѣлаетъ свою карьеру. Въ 77 № «Ежедневной Варшавской Газеты» напечатано: «Нѣсколько дней тому назадъ разошлась вѣсть въ Варшавѣ о спискѣ *зломоторенныхъ* лицъ, напечатанномъ въ *русскомъ журналѣ*, издаваемомъ въ Лондонѣ. Лица *свѣдущія* свидѣтельствуютъ, что списокъ этотъ никогда не былъ напечатанъ. Вѣсть эту пустилъ въ ходъ, вѣроятно, какой-нибудь челоуѣкъ, заслуживающій стоять во главѣ списка, желая возбудить неблагородныя страсти гнѣва и мести».

Можеть, «Варшавская Газета» и права: можеть, теперь не надобно ничѣмъ дразнить дремлющую николаевскую стихію въ правительствѣ, но мы вовсе не раздѣляемъ ея снисходительность къ лазутчикамъ, шпіонамъ и ихъ атаманамъ, и если бы, вмѣсто стеколъ, поколотили бы Мухановыхъ и Абрамовичей, это было бы очень хорошо.†

Но, соглашаясь съ лихорадочной гигиеной «Варшавской Газеты», мы съ тѣмъ большимъ негодованіемъ обличаемъ преступныя клеветы *белыйскаго* журнала «Le Nord» на поляковъ и на русскихъ офицеровъ.

Въ то время, какъ удивленная Европа едва начинаетъ вѣрить, что русскіе офицеры перестали быть свирѣпыми усмирителями и палачами; въ то время, когда не только «Indépendance», но «Times», «Daily News», «Star» наперерывъ печатають статьи, доказывающія, какой огромный шагъ впередъ сдѣлало гражданское пониманье нашихъ офицеровъ; въ то время, когда сами поляки (письма передъ нашими глазами) начинаютъ убѣждаться въ томъ и протягиваютъ руку русскимъ,—корреспондентъ «Норда» ¹⁾ раздуваетъ съ обѣихъ сторонъ злѣйшія чувства ненависти, то рассказывая о подметныхъ письмахъ, въ которыхъ грозятъ русскимъ перебить, то говоря о какихъ-то *впередъ назначенныхъ* дняхъ *рѣзни*.

Принимая глубокое участіе въ стеклахъ мухановскаго вагона и Абрамовичева дома, корреспондентъ «Норда» прибавляетъ въ своемъ сестринскомъ попеченіи о какомъ-то Энохѣ ²⁾ и какомъ-то Розенгельдѣ ³⁾, qui n'appartenait pas à la police politique, mais à la police de sûreté (мы знаемъ кое-что о sécurité publique вообще и даже о sicurezza pubblica въ Туринѣ ⁴⁾) слѣдующее: «Въ тотъ же вечеръ былъ оскорбленъ русскій офицеръ (*кто онъ? еіо имя?*) тремя молодыми людьми, убѣжавшими отъ него прежде, нежели онъ успѣлъ отмстить за обиду *эполетъ* и *чести*. Эти и подобныя обстоятельства, само собою разумѣется, волнуютъ все населеніе и бесполезно раздражаютъ офицеровъ, которые уже *негодуютъ на страдательную роль*, внушаемую имъ духомъ благородной умѣренности».

¹⁾ «Кельнская Газета» пишетъ, что это—нѣкій французъ Gignet, служившій по части иностранной цензуры. А. И. Г.

²⁾ Юлій Яковлевичъ, оберъ-прокуроръ общаго собранія варшав. департаментовъ прав. сената.

³⁾ Богатый еврей, близкій къ варшавскимъ властямъ.

⁴⁾ Не служившемъ въ политической полиціи, — но въ полиціи общественной безопасности..... общественной безопасности..... общественной безопасности.

Этого мы не можемъ и не должны вынести. Мы обращаемся къ вамъ, офицеры, находящіеся въ Варшавѣ, къ вамъ, офицеры путешествующіе,—неужели вы позволите, чтобъ на васъ клеветали звѣрину свирѣпость въ то время, какъ, за исключеніемъ какого-нибудь Заблоцкаго, вы показали столько благородства и гуманности?

Тутъ оскорбляются не «эполеты», не шпоры, а человѣческое достоинство ваше. Вамъ надобно протестовать противъ такихъ ужасныхъ намековъ!

(Это писано прежде новой бойни въ Варшавѣ).

1597. Новые мѣхи для новаго вина.

Носятся слухи о перемѣнѣ нѣкоторыхъ министровъ и о замѣщеніи ихъ людьми свѣжими. Это такъ естественно послѣ манифеста, такъ необходимо, что мы вѣримъ. Нельзя же оставить *оппозиціонныхъ* министровъ въ родѣ Муравьева, *оппозиціонныхъ* жандармовъ въ родѣ Долгорукова,—по правдѣ сказать, Третьяго Отдѣленія вообще нельзя оставить. Пора, пора итти открытой дорогой, гласностью замѣнить тайную полицію, а Тимашева и замѣнять не нужно.

1597 bis. «Нолоколь», Ковалевскій, Ностомаровъ, Копія, Канибалы.

Въ Лондонѣ запрещаютъ на стѣнахъ вѣшывать неприличныя афиши; въ петербургскомъ университетѣ такая вольница, что какой-то шалунъ Плетневъ¹⁾ вѣвѣсилъ слѣдующее объявленіе:

«По приказанію г. министра народнаго просвѣщенія, г. попечитель СПб. учебнаго округа предложеніемъ на мое имя, даннымъ 11 февраля 1861 г. за № 782, предписалъ сдѣлать по университету слѣдующее за симъ объявленіе.

Ректоръ университета Плетневъ.

(Копія).

«Всякому образованному человѣку извѣстно, что законныя просьбы должны быть обращаемы къ начальству установленнымъ путемъ. На этомъ основаніи студентамъ СПб. университета, какъ неоднократно было имъ подтверждаемо, слѣдуетъ о каждомъ желаніи своемъ объявлять начальству черезъ избранныхъ своихъ товарищей.

«Между тѣмъ, происшествіе на актѣ университета 8 февраля, къ крайнему сожалѣнію, показало, что студенты не послѣдовали этому единственно законному пути для разъясненія своего недоумѣнія.

¹⁾ Петръ Александровичъ.

«Это грустное происшествіе, унижающее достоинство университета, хотя совершенно меньшинствомъ студентовъ, но тѣмъ не менѣ наноситъ безславіе всему обществу студентовъ.

«Люди, считающіе себя по преимуществу образованными, показали явный примѣръ неуваженія закона и грубаго неприличія.

«Для предупрежденія подобныхъ происшествій на будущее время, въ дополненіе къ объявленію 18 декабря 1858 года, запрещающему всякія демонстраціи подъ опасеніемъ исключенія виновныхъ изъ университета, *не смотря на то, какое-бы ни было ихъ число*, по распоряженію высшаго начальства, симъ объявляется:

«1. Если будутъ произведены подобныя вышеозначенному безпорядки студентами въ массѣ на лекціи, то немедленно будутъ удалены изъ университета студенты того факультета и курса, которые, по расписанію, обязаны были слушать эту лекцію, за исключеніемъ лишь тѣхъ, кои представятъ положительное доказательство, что они въ то время въ университетѣ не находились.

«2. Если же подобный безпорядокъ будетъ произведенъ массою студентовъ на актѣ или въ другомъ публичномъ университетскомъ собраніи, то подвергнутся удаленію изъ университета всѣ вообще студенты, которые не представятъ означеннаго въ пунктѣ 1-мъ положительнаго удостовѣренія, что ихъ во время происшествія на актѣ не было.

Съ подлиннымъ вѣрно.

Секретарь совѣта А. Савинскій».

Начальство велѣло снять черезъ нѣсколько дней это объявленіе, которому мы только и вѣримъ по скрѣпѣ секретаря Савинскаго. Если бы все это можно было принять не за *espèglerie* ¹⁾ Плетнева и Ковалевскаго, то, основываясь на просвѣщенномъ распоряженіи такового же министерства, сѣдовало бы, если вся Россія сдѣлаетъ какую-нибудь демонстрацію, *удалитъ* всю Россію, за исключеніемъ тѣхъ русскихъ, которые представятъ положительныя доказательства, что они живутъ за границей.

Вся эта кутерьма вышла изъ того, что Костомаровъ хотѣлъ прочесть рѣчь о трудахъ покойнаго К. Аксакова, но отцы просвѣщенія вмѣстѣ съ отцами III Отдѣленія нашли невозможнымъ, чтобы въ университетѣ профессоръ публично похвалилъ челоуѣка, о которомъ *«Колоколъ» хорошо отзывался*. Отсюда—запрещеніе рѣчи, отсюда—неудовольствіе студентовъ, отсюда угроза удаленія нѣсколькихъ сотъ слушателей, ходящихъ въ университетъ, и предоставленіе остаться въ университетѣ тѣмъ, которые докажутъ, *что они не ходятъ въ него*."

Замѣчательно, что во всемъ этомъ проигралъ ни Ковалевскій, ни Костомаровъ, ни «Колоколъ», ни Копія, ни Канибалы, а Александръ Николаевичъ. Теперь цензура не пропуститъ объ немъ ни одного слова: мы ему больше справедливости отдали, чѣмъ Аксакову,—а бранить его и безъ того не позволяли.

А когда юбилей Плетнева?..

¹⁾ Шутка.

1598. Злоупотребленіе пятидесятилѣтіями.

Для насъ такъ ново еще и необычно всякое публичное заявленіе радости, горя, сочувствія, отвращенія, что мы, какъ дѣти, не знаемъ никакой мѣры и дѣлаемъ противной самую невинную игру. Послѣ высочайшаго путешествія по Россіи Александра Дюма и возведенія въ дѣйствительно тайные великіе люди Молинару ¹⁾, бросились на *пятидесятилѣтія*. Гречъ подряжаетъ стариковъ, Гречъ читаетъ старикамъ, Гречъ жуеетъ старыми зубами яства юбилейныя, потомъ описываетъ блюда и стариковъ и свои собственные сѣдья рѣчи. Появленіе Греча за столомъ скоро будетъ наводить ужасъ на семью, напоминая, что кому-нибудь за семьдесятъ лѣтъ. Едва мы успѣли оправиться отъ сладостныхъ чувствъ, возбужденныхъ въ насъ повѣстью Греча о томъ, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ заставу Петербурга входилъ юный казанскій студентъ, бѣдный деньгами, но богатый *чистой* математикой, какъ онъ сдѣлался профессоромъ, несмотря на то, что зналъ свою часть, какъ онъ, — болѣе художникъ и поэтъ, — не могъ долго довольствоваться *чистой* математикой и пошелъ въ министерство *нечистой* математики и теперь самъ сдѣлался министромъ, и самъ празднуетъ юбилей и все еще, могъ бы сказать старый Несторъ юбилеевъ, имѣетъ отвращеніе отъ всего *чистаго* и въ силу того мѣшалъ освобожденію крестьянъ... — итакъ, едва мы успѣли оправиться отъ повѣсти объ юномъ казанскомъ студентѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ входившемъ въ петербургскую заставу, — Гречъ поставилъ на юбилей свѣжаго старика — П. А. Вяземскаго. Что же онъ сдѣлалъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Тутъ и петербургской заставы нѣтъ. Что значитъ *начало* литературной дѣятельности пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Но этотъ вопросъ былъ бы не важенъ, если бы онъ сдѣлалъ что-нибудь путнаго въ продолженіе этихъ пятидесяти лѣтъ. Его литературная дѣятельность точно такъ же, какъ служебная, извѣстна всѣмъ, кромѣ трубадура, воспѣвашаго его страшно плохими стихами. Какую мысль или какія мысли бросилъ этотъ юбилейный князь молодому поколѣнію? Какой трудъ совершилъ онъ въ полстолѣтія? Быть «братомъ Карамзина, другомъ Пушкина» и товарищемъ министра просвѣщенія не даетъ еще право на такое признаніе ²⁾; Мы не знаемъ, какимъ онъ былъ братомъ и какимъ другомъ, но товарищемъ министра онъ былъ плохимъ. Зачѣмъ все это безпокойство? Человѣкъ не успѣлъ пообѣдать и послушать, какъ ему поетъ министрелль, а его старика — на чай къ Еленѣ Павловнѣ, а тутъ государь пьетъ его здоровье. Самъ Погодинъ пріѣзжалъ изъ Москвы. Что же можно было бы прибавить для пятидесятилѣтія Пушкина? Развѣ только убавить прозу Греча и стихи Соллогуба ³⁾.

¹⁾ Густавъ, бельгійскій политико-экономъ манчестерской школы; сотрудничалъ въ «Москов. Вѣдомостяхъ» и «Рус. Вѣстникѣ».

²⁾ Нарѣзчикъ дичи Мухановъ — тоже товарищъ и тоже изъ рукъ вонъ плохой. Ну и что же? онъ будетъ праздновать, когда наступитъ пятидесятилѣтіе тому обѣду, на которомъ онъ взрѣзалъ перваго тетерева? А. И. Г.

³⁾ Гр. Владиміръ Александровичъ.

1599. Еще о Шестаковѣ и кротости его.

Сообщаемъ защитнику г. Шестакова и его кротости на «Генераль-Адмиралѣ», общавшему намъ подписку офицеровъ, что мы получили *третье* письмо, снова обвиняющее Шестакова и какую-то *датскую* методу наказаній.. Письмо написано превосходно. Мы его напечааемъ вмѣстѣ съ подпиской. ¹

◆ 1. Н. В. Бергъ, бывший въ составѣ бейрутской эскадры, которой командовалъ «морской богъ» Иванъ Ивановичъ Шестаковъ, рассказываетъ, что, вслѣдствіе статей «Колокола», адмиралу было сдѣлано замѣчаніе изъ СПб. и «Шестаковъ сталъ совѣмъ другимъ человѣкомъ, даже, какъ говорили офицеры и какъ это вообще бываетъ, пересолилъ въ нѣжностяхъ, что главному командиру неприлично» («Рус. Старина» 1891, III, 595).

1600. (Присланныя деньги).

Мы получили при запискѣ, въ которой написано по-русски: *отъ небогатаю бѣднымъ двадцать пять фунтовъ*, для извѣстнаго благотворительнаго употребленія. Мы исполнимъ по совѣсти возлагаемое на насъ и доставимъ отчетъ приславшему, котораго благодаримъ впередъ отъ имени несчастныхъ.

1601. Письмо къ И. С. Тургеневу.

15 апрѣля (1861).

Orsett House, Westbourne terrace, W.

Я не писалъ тебѣ, потому что не могъ сказать ничего хорошаго о русскомъ праздникѣ; онъ случайно вышелъ великолѣпнѣе—погодой, количествомъ гостей и количествомъ совершенно незнакомыхъ русскихъ (навѣрное, до 50 челов. были въ первый разъ), и все было убито варшавской кровью, все походило на похороны. Завтра ты получишь «Кол.» и увидишь, если Бени не рассказалъ еще.

Нѣтъ, съ ними намъ, все-таки, не итти: они, все-таки,—нѣмцы.

Далѣе, отъ Аннен. получилъ письмо и порт. его жены ¹). Онъ пишетъ, что наше описаніе засѣд. госуд. сов. поразило въ Петерб. Горчаковъ сказалъ: «да это слово въ слово».

¹) Глафира Александровна.

Теперь къ тебѣ двѣ просьбы. Достань мнѣ вѣрный адресъ *Желтиовскаю*. И, если поѣдешь сюда, привези $\frac{1}{3}$ фун. лучшаго и крѣпкаго французскаго нюхательнаго табаку. Не забудь.

Теперь я тебѣ ставлю строжайше *секретный* вопросъ, и такъ какъ объ немъ никто не знаетъ и не будетъ знать, то и ты не говори никому.

Съ прошлаго твоего приѣзда я замѣтилъ какой-то разладъ твоихъ отношеній съ Огаревымъ. Мнѣ это было больно, но я молчалъ, зная, что ты любишь капризные отношенія съ людьми и демонстраціи не безъ кокетства. Переписка твоя мнѣ доказала, что я былъ правъ. Клянясь и спрашивая о какомъ-нибудь Крузе (крошечномъ и пустомъ человѣкѣ), я не могъ добиться у тебя отвѣта на вопросъ о статьѣ Ог., которая стоила вниманія, безъ сомнѣнія, наравнѣ съ проектомъ школь. Я молчалъ и молчалъ бы теперь, но какъ ты ѣдешь сюда, то я и счелъ необходимымъ тебя спросить, въ чемъ дѣло? Вѣдь, вѣроятно, ты не брюхомъ, какъ беременныя женщины, опредѣляешь симпатіи.

Такъ какъ это останется между нами двумя, то отвѣчай мнѣ откровенно, но только объ одномъ я тебя прошу—безъ демонстраціи, когда будешь здѣсь. Я, чѣмъ старѣе становлюсь, тѣмъ менѣе могу сжать себя, чтобъ не протестовать.

Письмо сожги, а руку пожми.

1602. Письмо къ Н. Ѡ. Щербинѣ.

15 апр. 1861.

Orsett House, Westb. terrace.

Я виноватъ передъ вами, что не тотчасъ отвѣчалъ, а теперь не знаю, въ Парижѣ ли вы, и посылаю записку черезъ Ив. Сер. На душѣ, вмѣсто свѣта, темъ: лишь только хотѣли мы расправить крылья, а тутъ варшавская бойня...

Какъ вы хотите издавать народныя пѣсни: разумѣется, текстъ и музыку? Я думаю, что это—дѣло возможное. Но не дороже ли будетъ въ Лондонѣ, чѣмъ въ Россіи; на иностранный сбытъ не надѣйтесь: для нихъ это—*ein Kuriosum*¹⁾. Огар. и я, мы совершенно согласны съ вашимъ мнѣніемъ насчетъ русской народной пѣсни. Русская пѣснь вызываетъ въ степи живого человѣка, тоскуетъ по немъ, ждетъ его. Да и вся наша жизнь—въ будущемъ, лишь бы сбросить скорѣе нѣмецкую куртку.

¹⁾ Курюзъ.

Во всякомъ случаѣ теперь мы пойдемъ скорѣе,—одной жабой меньше на груди.

Пріѣзжайте же въ Лондонъ. Мы васъ ждемъ (вы почти всегда застанете насъ вечеромъ).

Весь вашъ

Ал. Герценъ. ¹

◆◆ 1. Письмо послано черезъ Тургенева, бывшего тогда въ Парижѣ. Оно адресовано имъ, въ свою очередь, на имя Charles Ebers для передачи Щербинѣ, а въ адресъ, написанномъ Герценомъ, указаны «Hôtel Westminster, dans l'appartement de M-r Djouritch».

Щербина путешествовалъ именно въ 1861 г.; впечатлѣнія его изложены въ «Путевыхъ наброскахъ русскаго лѣнивца и ипохондрика»; тамъ встрѣчаются мѣста самаго безудержнаго націонализма. Въ это время онъ, вообще, былъ очень занятъ мыслью о возможно широкомъ ознакомленіи Запада съ русской народной пѣснью. Впечатлѣнія отъ пребыванія близъ Лондона отражены имъ въ «Лѣто на островѣ Уайтѣ». Въ архивѣ Никитенка имѣются нѣкоторыя внѣшнія данныя его біографіи, повидимому, неизвѣстныя біографамъ. Свидѣтельство на званіе домашняго учителя русскаго языка и словесности выдано Щербинѣ харьковскимъ университетомъ 7 іюня 1847 г.; въ 1848—49 гг. давалъ уроки въ частныхъ харьковскихъ учебныхъ заведеніяхъ Сокальской и Мартелли; въ гражданскую службу вступилъ въ Москвѣ 16 ноября 1850 г. и состоялъ въ ней по 2 марта 1853 г., въ должности помощника начальника газетнаго стола московскаго губернскаго правленія, гдѣ и выслужилъ узаконенные годы на первый гражданскій чинъ.

Желаніе Щербины познакомиться съ Герценомъ очень симптоматично для того времени,—казалось бы, между ними не было ничего общаго. Но, разумѣется, кромѣ «моды», когда быть за границей и не видѣть Герцена было равносильно тому, что быть въ Римѣ и не видѣть папу, Щербиной руководило сознаніе истинной его любви къ русскому народу.

Въ дополненіе къ сказанному раньше приведу свидѣтельство Кельсіева о способѣ пріема гостей лондонскими эмигрантами.

«Пріѣзжій въ Лондонъ обыкновенно изъявлялъ Трюбнеру желаніе удостоиться счастья познакомиться съ Герценомъ. Трюбнеръ давалъ адресъ и приглашалъ написать записку. Въ отвѣтъ на эту записку Герценъ назначалъ свиданіе или у себя или у пріѣзжаго, если послѣднему почему-нибудь не хотѣлось, чтобъ его видѣли въ домѣ Герцена. Такіе случаи бывали очень часто,—лица, очень высоко поставленныя, никогда не входили въ домъ Герцена, и тайна

свиданія ихъ съ нимъ такъ и остается тайной... Собственныя имена въ домѣ Герцена не произносились или произносились очень рѣдко. Кто самъ не хотѣлъ скрывать своихъ визитовъ, тотъ самъ себя называлъ; кто конфузился или просилъ, чтобъ его не выдавали, того имя или мы перемѣняли, что было, впрочемъ, рѣдко, или обыкновенно отдѣлывались отъ нескромныхъ вѣщаній тѣмъ, что «не помнимъ, не знаемъ, трудное имя» и т. п. Да и трудно было помнить всѣхъ прїѣзжавшихъ на поклоненіе, — такъ много ихъ было. Они мелькали одинъ за другимъ, входили съ трепетомъ благоговѣнія, слушали и врѣзывали себѣ въ память каждое слово Герцена, сообщали ему свѣдѣнія словесно или въ запискахъ, выражали ему собственное сочувствіе и сочувствіе своихъ знакомыхъ, благодарили за пользу, приносимую обличеніями Россіи, и за страхъ, который «Колоколъ» навелъ на все нечестное и нечистое, — затѣмъ раскланивались и исчезали. Кого только не перебивало при мнѣ у Герцена! Бывали губернаторы, генералы, купцы, литераторы, дамы, старики и студенты, — точно панорама какая-то проходила передъ глазами, точно водопадъ лился, и это не считая тѣхъ, съ которыми онъ видался съ глазу на глазъ. Много разъ, стоя у камина въ его кабинетѣ въ Fulham'ѣ, я хохоталъ въ душѣ, смотря на какого-нибудь капитана въ отставкѣ, который нарочно поѣхалъ въ Лондонъ изъ такой глуши, какъ Симбирскъ или Вологда, заявить свое сочувствіе, объяснить, что онъ не ретроградъ, какъ и сосѣдъ его Степанъ Петровичъ и какъ кумъ его Петръ Степановичъ. «Это все, доложу вамъ, золотой нашъ Александръ Ивановичъ, люди благородные, свободомыслящіе-съ, да-съ, этими людьми вся губернія наша можетъ гордиться! И если-бъ правительство умѣло выбирать людей, цѣнить бы-съ умѣло благородство характера, — давно бы-съ они важныя мѣста занимали въ государствѣ! Но у насъ-съ, какъ вы и сами изволили замѣтить, больше на низкопоклонствѣ можно выѣхать! Вотъ, напримѣръ, нашъ исправникъ, — ужъ вы его отдѣляйте въ «Колоколѣ», вамъ за это весь уѣздъ благодаренъ будетъ; мнѣ даже поручено просить васъ объ этомъ: человѣкъ развратный, жену свою бьетъ, проигралъ въ карты прокурору 4 рубля и не платитъ!»... Являлись дамы съ дочерьми и съ сыновьями, просили написать имъ въ альбомы; являлись люди просить совѣта въ своихъ семейныхъ дѣлахъ. Какой-то господинъ, отправляясь въ Іерусалимъ, писалъ письмо съ извѣстіемъ о своемъ намѣреніи и съ изложеніемъ своего взгляда на ничтожество жизни. Все это, разумѣется, сильно надоѣдало Герцену и Огареву и постоянно ставило ихъ въ самое неловкое положеніе. Печатать всего,

что присылалось или что сообщалось, не было возможности: «Колоколъ» долженъ бы былъ принять размѣры «Times'a», а содержаніе его состояло бы изъ невѣроятныхъ процессовъ, слетень и всякой дряни; онъ потерялъ бы мигомъ все значеніе, превратясь въ органъ личныхъ неудовольствій, Богъ знаетъ, кого, Богъ знаетъ, противъ кого. Клевета и такъ въ него попадала, а что было бы, если бы все печаталось?

«Серьезныя свиданія составляли, какъ я сказалъ, тайну Герцена и Огарева; свиданія и приемы не серьезныя дѣлались разъ въ недѣлю (впослѣдствіи два раза), въ назначенный день, обыкновенно въ воскресенье, съ пяти часовъ вечера. Тутъ-то и была каторжная работа обоимъ издателямъ «Колокола»: занимать гостей, быть любезными со всѣми, выслушивать всякій вздоръ и не показывать вида, что скучно. А не принимать тоже было нельзя: каждый пріѣзжій, все-таки, привозилъ какія-нибудь новыя свѣдѣнія да и въ интересахъ пропаганды необходимо было знакомиться съ каждымъ, ищущимъ знакомства. Эти люди, все-таки, были передовыми въ своихъ кружкахъ, были смѣлѣе другихъ, рѣшаясь являться публично въ обществѣ изгнанниковъ, и, воротясь домой, могли усилить свой авторитетъ извѣстіемъ, что они обѣдали у Герцена, указали ему на нѣкоторыя злоупотребленія, дотолъ ему неизвѣстныя, и вообще говорили съ нимъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ» («Исповѣдь»).

Приведу еще свидѣтельство Мэкензи Уоллеса: «Наиболѣе вліятельною газетою былъ «Колоколъ», издававшійся въ Лондонѣ Герценомъ, одной изъ наиболѣе выдающихся личностей политической эмиграціи того времени... Его интимныя отношенія со многими вліятельными лицами въ Россіи дали ему возможность получать тайныя свѣдѣнія всякаго рода, а его богатое остроуміе, ѣдкая сатира и ясный, плавный и блестящій стиль обезпечивали ему большой кругъ читателей. Онъ, казалось, зналъ все, что происходило въ министерствахъ и даже въ кабинетѣ императора, и онъ безпощадно выставлялъ на видъ всякія злоупотребленія. Какъ люди, привыкшіе къ свободнымъ политическимъ преніямъ, мы едва ли можемъ представить себѣ, съ какою жадностью читались его статьи и какое онѣ производили дѣйствіе... Люди, которые храбро пошли бы въ огонь на полѣ битвы, боялись ядовитыхъ стрѣлъ Герцена въ «Колоколѣ». При этихъ условіяхъ даже тѣ немногіе, у которыхъ были кое-какія смутныя консервативныя убѣжденія, не рѣшались высказывать эти убѣжденія публично» («Россія», II, 215—216, 218).

1603. Garibaldi and the Warsaw Massacre.

To the editor of «The Daily News».

Sir,—A telegram which appeared in your estimable journal o this morning contains an extract from a letter my venerated friend Garibaldi has, it seems, addressed to me and published in the *Diritto*. I have satisfaction in stating that before the knowledge of this letter we understood our position precisely in the same manner as the great Italian; and, in proof, permit me to beg your insertion of a few lines translated from Russian, and published in the last number of the «Kolokol» (№ 96, april 15). It is necessary to explain that on the 10 th of april we had designed to celebrate with our fellow-labourers in the Russian printing-office and our friends the event of the emancipation of the peasants in Russia, and on the morning of that day arrived by telegraph the account of the massacres at Warsaw. We quote from the article referred to ¹⁾.

I am etc.

Alexander Herzen.

Editor of the «Kolokol».

Orsett House, Westbourne terrace, april 16.

Переводъ.

Гарибальди объ убійствахъ въ Варшавѣ. ¹

Письмо къ издателю «The Daily News».

«Сэръ! Въ телеграммѣ, напечатанной въ сегодняшнемъ номерѣ вашей уважаемой газеты, воспроизведена выдержка изъ письма, которое мой почитаемый другъ Гарибальди, повидимому, адресовалъ ко мнѣ и которое напечатано было въ «Diritto». Мнѣ пріятно сообщить, что еще до знакомства съ этимъ письмомъ мы поняли наше положеніе именно такъ, какъ его понялъ великій итальянецъ. И, въ доказательство, позвольте мнѣ попросить васъ помѣстить нѣсколько строкъ, переведенныхъ съ русскаго и напечатанныхъ въ послѣднемъ номерѣ «Колокола» (№ 95, 15 апр.). Необходимо объяснить, что 10 апрѣля мы намѣревались отпраздновать съ товарищами-рабочими изъ Русской типографіи и нашими друзьями со-

¹⁾ Слѣдуетъ переводъ отрывка изъ № 1595.

бытіе освобожденія крестьянъ въ Россіи, а утромъ того дня телеграфъ принесъ отчетъ объ измѣненіяхъ въ Варшавѣ. Мы цитируемъ изъ упомянутой выше статьи.

16 апр.

Александръ Герцена.
Издатель «Колокола».

◆◆ 1. 16 апрѣля 1861 г. въ «The Daily News» напечатана телеграмма изъ Турина о томъ, что наканунѣ «Il Diritto» опубликовала письмо Гарибальди къ Герцену, «знаменитому русскому эмигранту, проживающему въ Лондонѣ».

1604. To the editor of «The Daily News».

Sir—I have the honour of sending you the full text of the letter addressed to me by Garibaldi, and my answer to it. You will oblige me by the insertion of them in your estimable journal. I am, etc.

Alex. Herzen.

Orsett House, Westbourne terrace,
April 20.

Переводъ.

Письмо къ издателю «The Daily News».

Сэръ, имѣю честь послать вамъ полный текстъ письма, адресованнаго ко мнѣ Гарибальди, и мой отвѣтъ на него. Вы меня обяжете помѣщеніемъ ихъ въ вашей уважаемой газетѣ.

Алекс. Герцена.

Апрѣля 20.

1605. Письмо къ И. С. Тургеневу.

30 апрѣля (1861).

Вотъ тебѣ письмо къ Гарибальди. Досадно, что ты ѣдешь, не захавъ сюда, но дѣлать нечего. Шалунъ ты эдакой, сѣдовласый. И письма прошлаго твоего я не понялъ. Въ Россіи такъ бѣдно людьми, что видѣть, какъ расходятся благородные и чистые дѣятели, противно и грустно. Да, тутъ есть и равнодушіе и гетерство. Вонъ, моль, Некрасовъ—воръ и подлець, но онъ меня забавляетъ, и я съ нимъ другъ. Что такое натяжка?..... Ей Богу, не знаю.

Можетъ ларпурларчикамъ ¹⁾ кажется натяжкой единство какого-нибудь убѣжденія, поднимающаго пульсъ черезъ всю жизнь. Ну, такъ въ Гарибальди тебя такъ и обдасть натяжкой.

Въ Россіи поручаю тебѣ сказать Кв. ²⁾, что мы были поражены смертью его сына ³⁾. Скажи, что ст. моя объ Оуэнѣ (о которой я не добился твоего мнѣнія, несмотря на десять вопросовъ) ему посвящена.

Затѣмъ будь здоровъ... Видно, намъ Россіи еще долго не видѣть. Кровь въ Варшавѣ страшно изгадила все.

Уваровъ ⁴⁾ говорилъ, что есть слухи объ уничтоженіи цензуры.

Прощай.

Я запечаталъ письмо къ Г. для того, что стыдно признаться, какъ я тебя окомплиментовалъ.

1606. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(Апрѣль 1861).

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Тхоржевскій, опять васъ мучить и терзать комиссіями. Посылаю вамъ (на оборотѣ) чекъ въ 10 ливр. на Трубнера и прошу отдать, во-первыхъ, знаменному мастеру; но я не согласенъ съ его счетомъ: онъ считаетъ 6 шил. за повозку; да развѣ это слыхано, чтобъ изъ лавокъ не посылали? За это я не плачу. Думаю даже, что и 4 шил. за работу дорого,—ему слѣдуетъ 3 ф. 5 ш. или, наконецъ, 3 ф. 9 ш. Второй счетъ—сигарочника, прошу просто заплатить.

Касаткинъ ⁵⁾ пишетъ вамъ поклонъ и просить извинить, что долго не писалъ. Онъ пишетъ, что деньги вамъ послалъ съ знакомымъ.

Видѣли ли вы въ «Таймсѣ» письмо ко мнѣ Гарибальди?

¹⁾ «L'art pour l'art»—искусство для искусства; ларпурларчики—послѣдователи чистаго искусства.

²⁾ К. Д. Кавелинъ.

³⁾ Дмитрій К. Кавелинъ, чрезвычайно даровитый юноша.

⁴⁾ Гр. Алексѣй Сергѣевичъ.

⁵⁾ Викторъ Ивановичъ, пріятель Унковскаго и Европеуса, сотрудникъ «Библиограф. Записокъ» 1858—59 гг., былъ въ Лондонѣ еще въ 1860 г. Въ характеристикѣ Тургенева, «человѣкъ съ противнымъ лбомъ и невозможностью окончить рассказомъ начатый анекдотъ» («Рус. Обзоріе» 1894. II, 488).

Пошлите Абихту поклонъ. Да, мнѣ необходимъ адресъ Л. Мѣро-славскаго ¹⁾.

Прощайте.

А. Г.

1607. Mater dolorosa ²⁾.

Какъ все измѣнилось въ такое короткое время! Гдѣ надежды, приподнявшія голову, гдѣ свѣтлый взглядъ? Опять страшно встрѣтить свободнаго человѣка: все кажется, что онъ упрекаетъ. Неужели и на насъ отбрызнула кровь съ грязью?

Польша, Mater dolorosa, мы, скрестивъ руки на груди, просимъ тебя объ одномъ: не упрекай насъ съ высоты, на которую тебя поставило твое новое мученичество, пропастью, въ которую насъ стащили единокровные намъ палачи твои. Забудь твою правоту! Не пользуйся нашимъ позоромъ! Твое грустное молчаніе мы поймемъ, оцѣнимъ, а слова проклятѣя и порицанія, которыя мы скажемъ, будутъ чернѣе всѣхъ твоихъ словъ.

... «Въ семь часовъ взвились три ракеты, и раздались три пушечныхъ выстрѣла; проскакали во всѣхъ направленіяхъ казаки и конница, занимая *впередъ назначенныя мѣста*; затѣмъ раздались ружейные выстрѣлы... безоружныхъ гражданъ пристрѣливали, *какъ собаки, like dogs* (это говоритъ корреспондентъ «Таймса»)... Женщины подняли дѣтей, мужчины стояли твердо передъ дулами, повторяя слова команды и читая «Святой Боже, святой крѣпкій!». Послѣ залпа толпа отступила, но войско заперло улицы; пойманные люди опустили на колѣни и запѣли молитвы... солдаты сдѣлали по нимъ еще нѣсколько выстрѣловъ... потомъ схватили мертвыхъ и раненыхъ».

Позоръ! Позоръ!..

Что за величіе, что за поэзія, съ одной стороны, отъ женщинъ, одѣтыхъ въ трауръ, отъ почталіона, протрубившаго «Еще Польша не сгинела», до этой средневѣковой картины—толпы ко-

¹⁾ Людвигъ, генераль и польскій публицистъ, родился въ 1814 г. во Франціи, участникъ возстанія 1831 г., одинъ изъ основателей въ 1844 г. «Польскаго Демократическаго Общества», однимъ изъ предсѣдателей котораго былъ въ 1846 г.; участникъ берлинскихъ и польскихъ событій 1848 г., сицилійскихъ—1849 г., командовалъ революц. арміей баденцевъ противъ пруссаковъ; удалился отъ боевой жизни въ 1850 г. и занялъ видное мѣсто во главѣ польской эмиграціи. Письмо къ нему Герцена отвезъ А. Бени.

²⁾ Матерь (Божія) Скорбящая.

лѣнодреклоненной у подножья Мадонны, передъ звѣрьми, передъ бессмысленной стихіей убійства!

Читали вы это, Александръ Николаевичъ? Такихъ ужасовъ вы не найдете въ балладахъ Жуковскаго... Если все это сдѣлано помимо вашей воли, обличите виновныхъ, укажите злодѣевъ, отдайте ихъ на казнь или—снимите вашу корону и ступайте въ монастырь на покаяніе: для васъ нѣтъ больше ни чистой славы, ни спокойной совѣсти. Вамъ достаточно было сорока дней, чтобъ изъ величайшаго царя Россіи, изъ Освободителя крестьянъ сдѣлаться простымъ убійцей, убійцей изъ-за угла! Кровь выступаетъ обвинительными пятнами сквозь лучи славы, но слава, залитая кровью, *подло* пролитой, тухнетъ навсегда. Да, *подло*,—я не обмолвился.

Что же иначе значили уступки? Одинъ Горчаковъ сталъ кротокъ, какъ ягненокъ, другой Горчаковъ пѣвучъ, какъ любовникъ розы—соловей, и защелкалъ свои ноты и свои трели о кротости царя, о его любви къ народу польскому, а царь въ это время, улыбаясь и кивая добродушно народу, *отпускалъ* за спиною Хрулева!

Что такое Хрулевъ? Кто такой Хрулевъ? Почему выборъ палъ на Хрулева? Что онъ извѣстенъ, какъ знатокъ польскихъ законовъ? какъ администраторъ? какъ государственный челоѣкъ? Нѣтъ, онъ извѣстенъ, какъ отличный севастопольскій генераль. На что же было отважнаго бойца для оливковыхъ новостей и царскихъ милостей?

И вы воображаете тамъ, на Невѣ, что это бездушное мошенничество—государственная мудрость, *die hohe diplomatische Kunst* ¹⁾? Вы, можетъ, довольны, что ловко надули?... Какъ будто трудно украсть платокъ, когда васъ не считаютъ воромъ! За такую государственную мудрость въ частной жизни въ Англии вѣшаютъ, а во Франціи рубятъ голову.

И только сорокъ дней!

Зачѣмъ *этотъ челоѣкъ* не умеръ въ тотъ день, когда былъ объявленъ русскому народу манифестъ освобожденія! ¹

◆ 1. «Przegląd Rzeczy Polskich», перепечатывая статью по-польски, сказалъ, что она доказываетъ, что всякое разномысліе его съ «Колоколомъ» исчезаетъ (№ отъ 22 мая).

Н. А. Огарева рассказываетъ, что, прочитавъ эту статью, пріѣхавшій незадолго до того въ Лондонъ, крестьянинъ П. А. Мартыановъ пришелъ къ Герцену и сказалъ ему: «Похоронили вы,

¹⁾ Высшее дипломатическое искусство.

Александръ Ивановичъ, сегодня «Колоколъ»; нѣтъ, ужъ теперь вы его не воскресите, похоронили». Отсюда Огарева сразу начинаетъ похоронную «Колоколу»... На причинахъ, въ силу которыхъ позже «Колоколъ» сталъ терять свое вліяніе, мы остановимся въ своемъ мѣстѣ подробно, а теперь надо только замѣтить, что все это пророчество Мартыанова, которое такъ часто цитируется въ литературѣ, просто не могло имѣть мѣста: Мартыановъ прибылъ въ Лондонъ только въ августѣ 1861 г., выѣхавъ изъ Россіи въ іюль...

1608. (Гарибальди и „Колоколъ“).¹

Отвѣтъ¹).

Любезный Гарибальди,

Я передалъ ваши симпатическія слова полякамъ и русскимъ офицерамъ. По счастью, мы поступили согласно съ вашимъ со-вѣтомъ, прежде чѣмъ получили его. Достоинства въ этомъ большого нѣтъ: намъ выбора не было. Правда, что мы мечтали о будущемъ союзѣ всѣхъ народовъ славянскаго происхожденія, но мы оставляемъ эти *ria desideria* иному, дальнему грядущему. Настоящія событія требуютъ полную самозаконность Польши—*безъ фразъ*, ея безусловную независимость отъ Россіи и нѣмцевъ. Можно было думать, что императоръ Александръ, который такъ славно поступилъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, пойметъ историческую необходимость возстановленія Польши. По несчастью, въ немъ слишкомъ много прусскаго, австрійскаго и, сверхъ того, монгольскаго. Холодно разсчитанный капканъ, разставленный Польшѣ съ бездушнымъ восточнымъ лукавствомъ, въ которомъ характеръ кошки беретъ верхъ надъ тигромъ, ставитъ его внѣ вопроса.

Прежде полученія вашего письма я прочиталъ отрывокъ изъ него въ телеграфическихъ новостяхъ и тотчасъ послалъ въ лон-

¹) Мы надѣемся, что кн. Трубецкой изъ Блевіо²), отвѣчавшій въ «Le Nord» на письмо Гарибальди ко мнѣ, не будетъ сѣтовать на меня, что я самъ отвѣчаю на него, тѣмъ больше, что его вѣрноподданническія мнѣнія не ближе ко мнѣ мнѣнія «Journal de S.-Petersbourg», который въ польскихъ дѣлахъ дошелъ до того цинизма, что обвиняетъ женщинъ въ томъ, что ихъ убивали. Князь Трубецкой изъ Блевіо, вѣроятно,—тотъ самый, который нѣкогда учился военному ремеслу подъ руководствомъ Радецкаго и потомъ (какъ было сказано въ «Колоколѣ» л. 54, окт. 1859) уговаривалъ архіерея въ Комо итти на встрѣчу Урбана, какъ намъ подтвердилъ подеста и сардинскій комиссаръ Веноста. А. И. Г.

²) Александръ, авторъ «La Russie rouge».

донскіе журналы небольшой отвѣтъ. Посылаю вамъ «Daily News»; если вы не имѣете ничего противъ, напечатайте его въ «Diritto». Сверхъ того, прилагаю небольшое воззваніе наше къ русскимъ войскамъ, стоящимъ въ Польшѣ, сдѣланное въ 1854 году.

Пользуюсь симъ случаемъ, любезный Гарибальди, чтобъ вамъ повторить то, что вамъ говоритъ весь свѣтъ: что мы удивляемся вамъ со всей полнотой симпатіи и любви.

Жму вашу руку

А. Герценъ.

Orsett House. 19 апрѣля.

◆◆ 1. Въ томъ же листѣ «Колокола» было помѣщено сначала письмо Гарибальди, напечатанное въ № 104 «Il Diritto» отъ 15 апрѣля:

«Любезный Герценъ, недавно слово освобожденія крестьянъ въ Россіи было принято съ восторгомъ и удивленіемъ всей Европой. Государь, начавшій и совершившій это великое дѣло, однимъ этимъ ужъ поставилъ себя въ числѣ величайшихъ благодѣтелей человѣчества. А теперь—я это говорю съ горестью—доброе дѣло запятнано невинной кровью. Теперь долгъ всѣхъ, которые рукоплескали великому поступку, поднять голосъ проклятія на совершителей отвратительнаго злодѣйства.

«Пусть вашъ журналъ, справедливо оцѣненный въ Россіи, передастъ слово сочувствія отъ народа итальянскаго несчастной и героической Польшѣ и слово благодарности храбрымъ воинамъ русскимъ, которые, какъ Поповъ, сломали свою саблю, чтобъ не обагрить ее въ крови народа; передайте съ тѣмъ вмѣстѣ крикъ негодованія народовъ европейскихъ противъ виновника гнусной бойни.

«Преданный вамъ

Д. Гарибальди».

Туринъ, 13 апрѣля 1861 г.

Привожу французскій текстъ письма съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена:

Turino, 13 avril 1861.

«Mon cher Herzen, il n'y a pas longtemps la parole d'émancipation des serfs en Russie fut saluée en Europe avec admiration et reconnaissance. Le prince, initiateur de cette grande oeuvre, se posa par ce seul fait à côté des plus illustres bienfaiteurs de l'humanité. Aujourd'hui je le dis avec douleur!... L'oeuvre de bienfaisance a été souillée par le sang répandu d'une population innocente, et c'est le devoir

des ceux qui applaudirent au bienfait, de jeter la voix de malédiction sur la consoination du plus détestable des crimes.

«Que votre journal justement apprécié dans ce grand Empire, porte un mot de sympathie de la nation italienne à la malheureuse et héroïque Pologne, un mot de gratitude aux braves de l'armée russe, qui, comme Popoff, ont brisé leurs sabres plutôt que de les tremper dans le sang du peuple—et un cri de réprobation des nations soeurs de l'Europe contre les auteurs de l'effroyable massacre. Votre dévoué

G. Caribaldi.

Здѣсь же надлежитъ ознакомиться съ письмомъ Прудона къ Герцену отъ 21 апрѣля 1861 г: «Дорогой г. Герценъ! Въ вашемъ письмѣ отъ 13-го сего мѣсяца вы сообщаете мнѣ нѣчто, въ одно и то же время радующее и огорчающее меня, именно, вѣсть о томъ, что вы не уѣзжаете въ Россію. Радуюсь я потому, что мнѣ пріятно сознавать себя недалеко отъ васъ; огорчаюсь потому, что извѣстіе это указываетъ, что вы такъ же мало довѣряете либерализму вашего царя, какъ я—либерализму моего императора.

«Итакъ, мы оба остаемся въ оппозиціи. Что касается меня, то я имѣю полное основаніе сказать, что отношеніе ко мнѣ—открыто-враждебное, какъ это явствуетъ изъ выраженій антипатіи со стороны французской полиціи, невиннымъ объектомъ которой я имѣлъ честь быть еще весьма недавно. Одно лицо, находящееся въ фаворѣ при дворѣ, получило разрѣшеніе на изданіе газеты—выдающаяся милость въ нашей императорской Франціи. Разрѣшеніе было взято обратно, когда стало извѣстно, что и я долженъ былъ писать въ этой газетѣ. Теперь вы поймете, что я отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ на всѣ просьбы предпринимателя!..

«Такъ какъ я не рассчитываю, что увижу конецъ этого режима, то и смотрю на себя, какъ на отлученнаго на вѣки. Дай Боже, чтобы со мною не случилось еще чего-нибудь плохого, потому что, будучи болѣе дерзкимъ, чѣмъ вы, я рѣшилъ поѣхать во Францію съ цѣлью подышать ея воздухомъ и, если представится случай, напасть на чудовище въ его берлогѣ.

«Что я написалъ такого въ своемъ послѣднемъ письмѣ, что вы такъ плохо истолковали? Развѣ вы думаете, что я, по своему эгоизму француза, изъ ненависти къ свободѣ, презрѣнія къ полякамъ или итальянцамъ, насмѣхаюсь и не довѣряю всеобщему союзу національностей, слухъ о которомъ распространяется по всему бѣлому свѣту и о которомъ говорятъ столько глупостей всякіе плуты а также и честные люди!

«Пощадите, дорогой «Колоколь»! Не теряйте терпѣнія такъ скоро; иначе я буду вынужденъ сказать о васъ то же самое, что я сказалъ полгода тому назадъ о вашемъ другѣ Гарибальди: «великое сердце, но ни капли мозга».

«Да, дорогой другъ, *принципъ національности*, уличенный во лжи, отрицаемый военнымъ правомъ, правами человѣка, исторіей, политикой, закономъ прогресса, въ настоящее время есть только военная и революціонная машина. Это справедливо по отношенію къ Италіи, Венгріи, Польшѣ и проч.

— «Значить, я имѣю право спросить себя, соотвѣтствуетъ ли эта машина цѣли, для которой ее употребляютъ? не производитъ ли она больше шума, чѣмъ приноситъ пользы? не слѣдуетъ ли, по послѣднему произведенному разслѣдованію, бросить эту глупую затѣю и, въ интересахъ свободы и революціи, возвратиться къ чистой и ясной истинѣ международнаго права, того права, которое намъ преподносятъ государственный разумъ и исторія? Вотъ, на чемъ я особенно энергично настаиваю. Рѣчь идетъ о томъ, стоятъ ли Мацини и Гарибальди какого-нибудь Бароша или Мухацова, и не можетъ ли бургомистръ Варшавы такъ же хорошо управлять своимъ городомъ, какъ какой-нибудь русскій генераль. Сравниваніе индивидуальностей здѣсь совсѣмъ неумѣстно.

«Полагаю, что я не хуже другихъ освѣдомленъ въ итальянскихъ дѣлахъ, и утверждаю, что военная система, направленная сейчасъ противъ папы, Австріи и Франціи (Италія предоставлена самой себѣ), долго не продержится. Единство это является плодомъ интриги, и, какъ отъ всего ложнаго и насильственнаго, я жду отъ нея только зла для Италіи и для Революціи. Вы съ вашимъ другомъ Гарибальди можете не раздѣлять этого мнѣнія, но оно остается моимъ и не навязывайте мнѣ, пожалуйста, другого. Въ Венгріи, какъ вы видите, большинство магнатовъ и буржуазіи смотритъ на свое положеніе тѣми же глазами, что и я. Преслѣдуя всѣми силами установленіе свободъ и гарантій, они, съ одной стороны, придерживаются федеративной системы и отталкиваютъ ту централизацию, къ которой ихъ побуждаетъ императоръ, а съ другой,—они поддерживаютъ императорское достоинство, какъ самую крѣпкую преграду противъ московскаго царизма и французскаго цезарства. Можетъ быть, вы случайно—приверженецъ секретнаго тильзитскаго трактата, старающагося поправить дѣла двухъ нашихъ самодержцевъ противъ свободы всей Европы?.. Что касается Польши, то неужели вы ее такъ плохо знаете, что вѣрите въ ея возрожденіе? Польша во всѣ времена являла зрѣлище самой развращенной въ мірѣ аристократіи и самаго недисциплинированнаго изъ государствъ.

И нынѣ она не можетъ еще ничего предъявить, кромѣ своего католицизма и своего дворянства,—ей Богу, хорошенькія двѣ вещицы!.. Проповѣдуйте ей свободу, равенство, философію, экономическую революцію,—въ добрый часъ! Помогите ей добиться конституціонныхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, характеризующихъ нашу эпоху; приготовьте ее этимъ къ болѣе коренной революціи, послѣ которой исчезнуть, вмѣстѣ съ крупными государствами, всѣ національныя различія, отнынѣ лишенныя основанія. Толкая поляковъ на этотъ путь, толкайте туда же и русскихъ,—вотъ настоящая дорога. Но не говорите намъ о возстановленіи національностей, что въ сущности является ретроградствомъ, а по формѣ это—бильбокэ, при помощи котораго партія интригановъ старается, дѣля прибыли и убытки съ Тюльери, Кавуромъ и проч., отклонить въ сторону социальную революцію.

«Вотъ, дорогой другъ Герценъ, мои взгляды и моя политика, и я надѣюсь, что внушу ихъ лучшей фракціи нашей демократіи. Мнѣ кажется, что всякая другая тактика будетъ служить исключительно интересамъ деспотовъ и ввергнетъ Европу въ двумвиратъ Голштейнъ-Готторповъ съ Бонапартами. И все это—посредствомъ войнъ и убійствъ, которыя на цѣлые вѣка раздавятъ то минимальное количество свободы духа, которое еще уцѣлѣло въ Европѣ.

«1848 годъ подчинилъ вопросъ политической экономическому. 1851, 1855 и 1859 года дѣйствовали, къ большой радости французскихъ и иностранныхъ якобинцевъ, въ противоположномъ смыслѣ. Теперь стараются утопить въ крови рабочій вопросъ. Вотъ успѣхъ, котораго только и можетъ добиться нашъ великій бунтовщикъ Гарибальди!

«Я въ отчаяніи отъ того, что расхожусь съ вами во взглядѣ на современное положеніе вещей, но опасность становится угрожающей: нельзя молчать. Скоро, я надѣюсь, мнѣ представится случай публично высказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ; я сдѣлаю это со всей энергіей сознанія и слова, на какую только способенъ. Дружески жму вашу руку» («Correspondance de P.-J. Proudhon», XI).

1609. Кончина Басаргина.

Еще одинъ изъ нашихъ старцевъ сошелъ въ могилу,—Николай Васильевичъ Басаргинъ¹⁾. Правительство и его взыскало своей милостью: на похороны московскій оберъ-полицмейстеръ послалъ переодѣтаго кварталь-

¹⁾ Декабристъ.

наго и четырехъ жандармовъ; у родственниковъ покойника тайная полиція дѣлала обыскъ... А, вѣдь, какъ ни выкрадывайте истину, исторію вамъ не украсть!

1610. Рейтернъ.

Полковникъ Рейтернъ застрѣлился въ Варшавѣ, чтобъ не быть помощникомъ палачей. Миръ его праху, онъ—герой, но зачѣмъ эта казнь, обращенная на чистую грудь? Если разстрѣливать, такъ лучше разстрѣливать тѣхъ генераловъ, которые велятъ стрѣлять по безоружнымъ. Два-три примѣра остановятъ бездну мерзавцевъ. А что будетъ послѣ? Хуже смертной казни Рейтерна не будетъ.

1611. Александръ II и Мухановъ съ Вислы.

Мухановъ былъ очень хорошо принятъ Александромъ II и приглашень имъ еще разъ для совѣщанія о Польшѣ!!! Sehr gut!

1612. Урокъ изъ географіи.

Der Utschitel. Wo ist die Haupt-Stadt von Petersburg?
Der Utschenik. In Berlin... oder vielmehr in Wien.
Der Utschitel. In beiden, mein Bursch! ¹⁾

Такъ вотъ отчего «Allgemeine Zeitung», эта сѣдая баварская куртизанка на содержаніи у австрійскаго правительства, не можетъ скрыть радости, что въ Польшѣ начали рѣзню! Вотъ кому, стало, польза! Вотъ откуда приказъ! Хрулева и Александра Николаевича винить нельзя: дѣло подчиненное—велѣно, они и стрѣляютъ.

1613. Прусскій консулъ Бергеръ ²⁾, исправляющій должность намѣстника Царства Польскаго, и храбрый генералъ Мейендорфъ изъ Курляндіи.

Чтобъ не было ни одного срама, ни одного позора, которымъ бы не покрыли Россію варшавскіе мясники, прибавляется еще одна гнусность внѣ

¹⁾ *Учитель.* Гдѣ столица Петербурга?

Ученикъ. Въ Берлинѣ... или, правильнѣе, въ Вѣнѣ.

Учитель. И тутъ и тамъ. мой мальчикъ!

²⁾ Ошибка—Термень.

мѣръ и вѣса: прусскій консулъ Бергеръ ¹⁾ *убѣдилъ* Горчакова стрѣлять Горчаковъ, три раза искушаемый Хрулевымъ, покорился прусской сиренѣ. Какъ Горчаковъ, Панютинъ, Липранди и не знаю кто унизились до того, что допустили подобное вмѣшательство бюргера Бергера?! Или русскому правительству нужна прусская виза для своихъ дѣйствій? Вотъ куда они насъ стащили! Россія стала какой-то Ost-Ost-Preussen!

Нѣмецъ нѣмцу вѣсть подаетъ... «Indépendance» отъ 19 апрѣля говорить, что при избіеніи безоружныхъ особенно отличился генераль Меиендорфъ-Биронъ, добрый берейторъ германскій, объѣзжавшій по правиламъ нѣмецкаго рейткунста Россію, милый герцогъ курляндскій, да утѣшится тѣмъ твоимъ! Невзгоды твои и твоя длинная ссылка отмщены Россіи!

1614. У Кокорева свой Хрулевъ.

На Волжской желѣзной дорогѣ, гдѣ участвуетъ Кокоревъ и К^о, работники стали разбѣгаться отъ скверной пищи, бросая свои заработки. Контора дала объ этомъ знать подрядчику, тотъ бросился къ исправнику; исправникъ вытребовалъ команду и перерѣзалъ дорогу работникамъ, заставляя ихъ силою возвратиться. Работники отказались итти назадъ. Дошло до матеріальнаго сопротивленія: исправникъ велѣлъ солдатамъ выстрѣлить, и двое работниковъ были убиты, остальные разбѣжались. Слѣдствіе кончилось тѣмъ, что *исправникъ и офицеры* отставлены отъ службы, и только: Кокоревъ-Горчаковъ остался въ сторонѣ. Г. Кокоревъ, любитель гласности и поклонникъ русскаго народа, правда ли это?

1615. (Изъ „Спб. Вѣдомостей“).

Въ цинически грубой статьѣ горчаковскаго «Монитера»—«Journal de St-Petersbourg», помѣщенной также въ «Спб. Вѣдомостяхъ» (5/17 апрѣля, между прочими полицейскими гнусостями, которыми хотятъ отвести глаза отъ кровавыхъ пятенъ), напечатано слѣдующее:

«Женщины изъ народа выказали наибольшее изступленіе. Нѣкоторые до послѣдней минуты оставались на площади. Солдаты съ величайшимъ трудомъ только разсѣяли ихъ. Къ несчастію, одна изъ нихъ была ранена во время стрѣльбы, которою войска должны были отвѣчать на нападеніе массъ. Ее перенесли въ замокъ, гдѣ она черезъ нѣсколько часовъ и скончалась.

«Вотъ что и затрудняетъ дѣйствія начальства, желающаго избѣгати пролитія невинной крови, но въ то же время подавлять безпорядки».

¹⁾ См. № 1641.

Однако, видно, не очень затрудняетъ. Забудьте, что въ той же статьѣ сказано, что демонстрація была безсвязна. «Очевидно, что имѣли дѣло съ толпой, которая сама не знала, чего хотѣла».

И разбойники эти знали это и стрѣляли по женщинамъ!

Этого не смоешь всей водой, подбавляемой откупщиками въ вино ¹⁾.

1616. Ю. Н. Голицынъ.

Князь Ю. Н. Голицынъ написалъ для нашего праздника освобожденія крестьянъ превосходную фантазію для оркестра, составленную изъ «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ», «Ахъ, вы, сѣни, мои сѣни», и «Славься» изъ оперы Глинки. Послѣдній мотивъ накануне шель бы царю-освободителю, но 10 апрѣля звучалъ Марсельезой. Мы съ большимъ удовольствіемъ слышали, что «Фантазія Освобожденія» ²⁾ князя Голицына печатается.

1617. Царское самодержавіе и студентское самоуправленіе.

Кіевскій генераль-губернаторъ Васильчиковъ въ своемъ отчетѣ государю напуталъ какой-то неясный вздоръ о томъ, что попечитель учебнаго округа Пироговъ «устроилъ студентское самоуправленіе, судъ и расправу», но что министръ возстановилъ обычный порядокъ. На первомъ замѣчаніи сдѣлана отмѣтка: *Ни съ чѣмъ несообразно*, на второмъ—*Слава Богу, давно лора*,—и сдѣланы онѣ той рукой, которая такъ недавно подписала освобожденіе крестьянъ!

Что за смѣсь Иисуса Христа съ императоромъ Николаемъ въ этомъ человѣкѣ! И отчего же нѣтъ никого настолько ему приверженнаго, чтобы сказать ему, что если онъ не умѣетъ итти по одной доскѣ, то никогда не попадетъ въ двери? Царскихъ мантий въ два цвѣта нѣтъ, и то, что считалось величайшимъ достоинствомъ Гаррика,—что онъ одной половиной лица смѣлся, а другой плакалъ,—вовсе не идетъ къ Мономаховой шапкѣ.

Пироговъ вышелъ въ отставку: ему нечего было и дѣлать.

1618. Крѣпостное состояніе въ Ниццѣ и зодчій-боецъ въ Петербургѣ.

Только-что мы получили письмо о храбромъ избіеніи повара г. Чернышевычъ въ Ниццѣ, о покровительствѣ не битому, а бывшему, разумѣется, оказанномъ не только вице-консуломъ, но и ниццкой полиціей и еще какой-то чувствительной дамой русскаго происхожденія,—какъ намъ попался въ

¹⁾ Кивокъ въ сторону откупщика Кокорева.

²⁾ Посвящено освобожденнымъ крестьянамъ. Emancipation fantasia. Dedicated to the Russian People by prince George Golitzin. Partition to Orchestra and Piano Duet.

«Спб. Вѣдомостяхъ» милѣйшій зодчій Карль Вергеймъ, тузящій извозчика не въ Ниццѣ, но на Итальянской улицѣ въ Петербургѣ и ободраемый въ полезномъ занятіи кандидатомъ коммерціи.

Методъ, принятый почтенными особами, напечатавшими съ полнымъ артистическимъ именемъ Вергейма и съ своими подписями, превосходный. Обществу принадлежитъ великое право вывести татарское самоуправство и нѣмецкое неуваженіе къ личности русскаго простолюдина. Гласности принадлежитъ право позорить безъ малѣйшей пощады этихъ отечественныхъ Козляниновыхъ ¹⁾ и нѣмецкихъ Вергеймовъ.

А ужъ чинить вашъ домъ или строить новый позовите другого зодчаго.

1619. Отъ издателей «Полярной Звѣзды».

Въ числѣ разныхъ историческихъ документовъ, составившихъ большую часть *второго выпуска* «Историческаго сборника», мы получили «Слово соловецкаго старца Нестора», помѣщенное нами въ VI кн. «Полярной Звѣзды». Примѣчаніе въ концѣ проповѣди отстранило сомнѣніе. Впослѣдствіи мы увидѣли, что это—просто переводъ съ французскаго. Бѣда не велика, если это сдѣлано безъ умысла; но если это—милая шутка, то мы находимъ ее въ высшей степени неприличной. ¹

◆ 1. И. С. Тургеневъ писалъ Герцену: «Но кто это тебя мистифицировалъ, давъ переводъ извѣстнѣйшей проповѣди отца Бриденъ (Bridaine) при Людовикѣ XIV за современное произведеніе какого-то Нестора и т. д., и какъ ты это попался?» («Письма», 139). Въ VI кн. «Пол. Звѣзды» напечатано «Слово соловецкаго старца Нестора, говоренное въ С.-Петербургѣ, въ придворной церкви Зимняго дворца, въ 1843 г., въ присутствіи императора Николая, двора и военныхъ чиновъ», съ такимъ замѣчаніемъ: «Передавшій эту рукопись увѣрялъ, что это не подлогъ, что Несторъ, какъ сдѣлавшійся извѣстнымъ проповѣдями, былъ призванъ ко двору, сказалъ только это слово и тотчасъ отправленъ назадъ и уже не для проповѣдей, а подъ монастырское начало».

1620. Благодарность отечественной почтѣ и редакторамъ.

Девятнадцатаго апрѣля въ Лондонѣ получены: «Отеч. Записки», «Библ. для Чт.», «Соврем.», «Рус. Вѣстникъ» за *февраль* 1861. Есть, стало быть, надежда, что и за *январь* когда-нибудь придутъ.

¹⁾ Козляниновъ обличался въ русскихъ газетахъ въ избіеніи на улицѣ простой женщины.

1621. Письмо къ М. К. Рейхель.

13 мая (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Получивъ ваше приказаніе, я черезъ четверть часа *eigenhändig*¹⁾ вручилъ кн. Голицыну пакетъ. Что это—требованіе денегъ или нѣтъ? Если требованіе, то я могу вамъ сказать, что онъ едва ѣсть и едва спать: у него ни гроша нѣтъ, а такъ, перепадаютъ за ноты да за концертныя заботы. А *groros*, его фантазія на русскія темы, писанная для нашего праздника, печатается; я вамъ пришло; на заглавномъ листѣ нашъ домъ,—вотъ и будете знать, гдѣ раки въ Лондонѣ зимуютъ. Но такъ какъ Ольги нѣтъ, то посылаю вамъ ея дагеротипъ, чрезвычайно похожій. Вчера Саша уѣхалъ съ К. Фогтомъ въ Норвегію и Исландію. Я очень радъ, что успѣлъ отклонить его поѣздки въ Тринидадъ мѣсяцевъ на шесть.

Жаль мнѣ его безконечно... Можетъ, изъ Эммы и выйдетъ что-нибудь, но на сію минуту она—пустая дѣвочка и не очень хорошо воспитанная. Ея мать—боа-констрикторъ, отецъ—тамбовскій помѣщикъ временъ 1812 года... И Саша хотѣлъ годъ прожить съ этой нѣмецкой травой, пересаженной на Антильскіе острова! Досадно, очень досадно.

Знаете ли вы всѣ ужасы, происходящіе въ Россіи? Въ пяти губ. разстрѣливали, убивали крестьянъ. Въ Казанской губ. 70 убитыхъ, и во всемъ виновато правительство. Вспомните, что мы въ «Колоколѣ» три года кричимъ, что переходное состояніе—гибель, что это на смѣхъ выдуманно для бунта. Ну, вотъ эти скоты и попробовали...

Мелюзга меня бранить за статью о Польшѣ,—я съ своей дороги не сойду ни на шагъ, это знамя донесу. И всякое событіе въ Россіи показываетъ, что я правъ.

Прощайте. Здѣсь былъ Тесье; жена его совсѣмъ выздоровѣла.

Насчетъ погоды вы не говорите; что въ Лондонѣ—это ни зонтикомъ покрыть, ни въ калошахъ пройти.

Кланяйтесь Рейхелю идѣтямъ. У насъ всѣ здоровы и кланяются.

А.

1) Собственноручно.

1622. Русская кровь льется!

Да, русская кровь льется рѣкой!.. И есть прѣсныя души, робкіе умы, упрекающіе насъ въ выстраданныхъ нами словахъ проклятыя и негодованія!

Правительство все могло предупредить—и польскую кровь, и русскую, а теперь за свою шаткость, за свое непониманье, за свое неумѣнье ни въ чемъ итти до конца убиваетъ толпы нашихъ братьевъ.

Ужасомъ, слезами наполняютъ насъ новости, идущія со всѣхъ сторонъ. Бѣдные, бѣдные крестьяне! Вѣдь, въ Европѣ не подозреваютъ, что такое значить у насъ усмиреніе солдатами, генераль-адъютантское, флигель-адъютантское усмиреніе. Одна надежда—на солдатъ и на молодыхъ офицеровъ. Тяжело носить оружіе, на которомъ запеклась кровь своихъ родныхъ—отцовъ, матерей, братьевъ.

Мы останавливаемся: темно передъ глазами, мы боимся дать голосъ всему, что стонетъ въ насъ, мы боимся высказать все, что бродитъ на сердцѣ...

Передадимъ сначала факты.

Вотъ отрывки изъ писемъ безъ всякаго измѣненія ¹⁾.

1623. Отеческій совѣтъ.

Halte-là! ²⁾ Изъ уваженія къ человѣческому смыслу, кн. Горчаковъ, уймите «Journal de St.-Petersbourg»; онъ воображаетъ, что на него нѣтъ цензуры, такъ и можно городить всякій вздоръ. Для того, чтобы дурачить Европу, какъ она ни плоха, все же надобно гораздо больше ума, чѣмъ у вашихъ чиновниковъ по статейнымъ лорученіямъ.

Во-первыхъ, самая задача невозможна. Представить мерзости, надѣланныя въ Варшавѣ, актомъ любви, милосердія и мудрости никакъ нельзя: ложь имѣетъ свои границы. Есть случаи, въ которыхъ людямъ и правительствамъ приходится или каяться, или молчать. Можетъ, простятъ, можетъ, позабудутъ!.. Тактика Роберъ-

¹⁾ Слѣдовала сначала выдержка изъ письма, полученнаго Герценомъ отъ С. С. Громеки («Вольное Слово» 1883, № 57), потомъ еще изъ чьихъ-то двухъ—объ усмиреніи крестьянъ въ Казанской, Пензенской и Херсонской губерніяхъ.

²⁾ Остановисы!

Макера, говорящаго: «C'est vrai, j'ai eu tort envers lui, mais je lui ai pardonné»¹⁾), — только раздражаетъ и увеличиваетъ ненависть.

Варшавское дѣло очень просто. Пока не было достаточно войска, ваше правительство, любящее драпироваться въ либерализмъ, прикинулось ручнымъ и кроткимъ, хотѣло поиграть въ великодушіе, обѣщало уступки, ничего не поправляющія, и осталось бы при своемъ вѣнкѣ изъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ махроваго прогресса, если-бъ удалось поляковъ надуть. Пока не знали, удастся это или нѣтъ, царь уступалъ

И собиралъ полки...

Поляки не приняли ваши «пузыри за фонари». — «А, такъ вы такъ-то, вы — того!» — и русскій генераль, генераль-дантистъ, генераль, вколачивающій въ гробъ не неприятельскихъ, а своихъ солдатъ, вскочилъ съ готовымъ кулакомъ и съ вопросомъ: «кого бить?».

Онъ дремалъ только отъ либеральнаго угара; это — одинъ изъ элементовъ петербургскаго правительства, элементъ Петра I и Николая I, Салтычихи и Аракчеева, татарина и нѣмца, нагайки и фухтеля, — элементъ, не позволяющій *отвѣчать*, а тѣмъ больше не позволяющій спрашивать. Вотъ онъ-то и вспомнилъ, что онъ дома, въ Петербургѣ, и взялъ верхъ.

Пока вы, князь, писали ваши ноты, увлекаясь изяществомъ оборотовъ и тонкостью вашего стиля, унаслѣдованныхъ вами (какъ рассказываетъ одинъ изъ панегиристовъ вашихъ) отъ самаго князя Талейрана, который поучалъ васъ за обѣдомъ исчезающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пребывающимъ нюансамъ, съ которыми онъ предлагалъ говядину своимъ гостямъ, сообразно ихъ званію, общественному положенію, силѣ при дворѣ, характеру и талантамъ, — генеральская ипостась правительства, протирая свои пьяные глаза, пошла по своему — «въ усь да въ рыло».

Все это кончилось нѣсколькими десятками убитыхъ и изуродованныхъ людей, сраженіемъ съ безоружными, травлей по трауру, охотой по конфедераткамъ. Какими же тутъ нюансами à la Sainte Menegould²⁾ вы представите Европѣ, что это мясничество было необходимо въ Варшавѣ для счастья Польши, для покоя Россіи? Попробуйте увѣрить, что женщины сами просили Хрулева, чтобы онъ велѣлъ въ нихъ стрѣлять, и что Хрулевъ, видя ихъ желаніе, не могъ удержаться и велѣлъ дать залпъ — *par courtoisie*³⁾!

1) Правда, я виноватъ передъ нимъ, но я ему простилъ.

2) Въ родѣ оправданій восточнаго гражданскаго трибунала города Сентъ-Менегульда.

3) Изъ рыцарской вѣжливости.

А, вѣдь, ваши оправданія въ «Journal de St.-Pétersbourg» не многимъ лучше этого.

Во-первыхъ, мы спрашиваемъ: что сдѣлалъ польскій народъ? Удивленный безсмысленнымъ закрытіемъ Земледѣльческаго общества, вчера признаннаго полезнымъ, онъ хотѣлъ показать свое недовѣріе, свое неудовольствіе; чѣмъ же онъ это показалъ? повѣсилъ Коцебу или Штейгемана (*entre nous soit dit*, бѣда была бы не велика), сжегъ дворецъ, ограбилъ казну?—совсѣмъ нѣтъ: толпы народа стояли на площади и просили младенца во старости, Горчакова, довести до государя ихъ желаніе; потомъ они молились объ убиенныхъ братьяхъ,—«но они молились *св на мѣрениѣмъ*, и это не все—они были въ траурѣ—*св умысломъ*, и многіе въ *конфедераткахъ—св премедитаціей*».

Какъ можетъ сильное правительство сдѣлаться до того ничтожнымъ, до того мелкимъ, чтобы сражаться съ покровомъ фуражки, съ чернымъ крепомъ и стрѣлять по молитвамъ? Однообразіе нѣмецкой роты и ливрейный порядокъ барской передней не составляютъ идеала государственнаго порядка. Взглядъ портного, дворцоваго и фельдфебеля слишкомъ тѣсенъ, чтобъ разглядѣть изъ Петербурга, что надобно сдѣлать въ Варшавѣ. Неужели вы, съ вашими галопирующими прогрессами, все еще не отчалили отъ тѣхъ тупыхъ и позорныхъ временъ, когда пиджакъ считался оскорбленіемъ величества, и отрошенная борода—измѣнный государю?

Беремъ всѣ русскія газеты, т.-е. бельгійскій «Le Nord»¹⁾, баварскую «Allgemeine Zeitung», русско-французскій «Journal de St.-Pétersbourg»: нигдѣ нѣтъ достаточной причины, чтобъ стрѣлять въ женщинъ, въ безоружныхъ мужчинъ. Развѣ только, что прусскій консулъ приказалъ. Нѣмцы, само собою разумѣется, рады-радехоньки васъ покрыть кровью, а поляковъ землей.—«Да зачѣмъ же толпы не расходились?» А съ чего вы взяли, что ходить по улицѣ и стоять—уголовное преступленіе? Для чего вообще города, улицы, площади? неужели для того, чтобъ казаки скакали, пушки скакали, Горчаковы скакали? Вѣдь, это только въ Петербургѣ дѣлали торцовыя мостовыя, чтобъ Александрѣ Ѳедоровнѣ было гладко ѣздить въ Смольный монастырь, и предлагали надѣть собакамъ намордники, въ предупрежденіе, чтобы какая-нибудь бѣшеная и напитанная якобинскими правилами собака не укусила какой-нибудь высочайшій членъ августѣйшей фамилии. Въ наше время, право, ни-

¹⁾ А *propos*, «Le Nord» находитъ, что выраженіе, употребленное «всеми французскими журналами, что Поповъ сломалъ свою шпагу pour ne pas le souiller dans le sang polonais»—*неучтивымъ, peu poli!* *) А. И. Г.

*) Чтобы не обагрить ее польской кровью.

кто не вѣритъ, что человѣчество и города существуютъ для управления; даже такіе мастера вѣровать во всякій вздоръ, какъ Аскоченскій, Бурачекъ и Башуцкій, и тѣ не вѣрятъ. Какъ мнѣ ни жаль васъ, князь, а я, все-таки, скажу, что вы состоите министромъ иностранныхъ дѣлъ при русскомъ народѣ, а не русскій народъ состоитъ при вашемъ министерствѣ.

Я понимаю, что люди, воспитанные въ николаевскихъ кордегардіяхъ, не понимаютъ этого. Какъ прикажете растолковать что-нибудь по-человѣчески людямъ, которые могутъ писать такую бессмысленную галиматью, какъ слѣдующій приказъ варшавскаго генералъ-губернатора:

«По уваженію, что надѣваніе отличительныхъ знаковъ можетъ содѣйствовать къ раздраженію умовъ, равно для предупрежденія могущихъ послѣдовать столкновеній, запрещается носить всякія *необыкновенныя* одежды и *внѣшніе* знаки траура».

«Варшава, Марта 31 (Апр. 12) дня 1861 г.» (Оф. Г. Ц. П.).

Но не старайтесь же увѣрять Европу, что «внѣшніе знаки траура» и «необыкновенныя одежды» обусловливаютъ дикое преслѣдованіе, дневной грабежъ и всѣ неистовства пьяныхъ солдатъ, упрямляемыхъ безответственными атаманами.

«Да, вѣдь, и въ Парижѣ точно такъ же разогнали бы толпу». А вамъ что за дѣло? мало ли какія гадости дѣлаются на бѣломъ свѣтѣ. А вотъ въ Лондонѣ, такъ и «по уваженію, что надѣваніе отличительныхъ знаковъ можетъ содѣйствовать къ раздраженію», ничего не дѣлаютъ. Сверхъ того, въ Парижѣ не только «предупреждаютъ могущія послѣдовать столкновенія», но иногда рубятъ голову королю; ну что жъ—и вамъ начать?

Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе, уймите вашего департаментскаго Златоуста du «Journal de St.-Petersbourg»,—не хорошо; довольно, что на насъ отсвѣчиваетъ кровь, на что же еще, чтобъ надъ нами хохотали?

1624. Духовные и свѣтскіе доносы, цензороквизиція литературы, рачители и попечители.

По благочестивому извѣту бого-мокрицы Аскочецкаго, сослали нѣкоего архимандрита Феодора и цензора его. Многообразны и различно развѣтвлены могутъ быть пути служенія Господу Богу. Если Елизавета, унгарская угодница, употребляла во снѣдь гной ранъ смердящихъ для вящаго лежбога церкви римскія поклоненія и чествованія, то отчего же не погрузиться въ гной нравственный, служа правдо-богу церкви восточныя, и что значить

погубить временную жизнь ближняго для пользы и украшенія его вѣчнаго духообывательства? Но что еще болѣе исполняетъ душу нашу радостью, черезъ края любуеся, это зрѣлище ревности отъ плевель очищенія нивы сердца человѣческаго не токо въ вертоградѣ духовномъ, благочестивѣйшей императрицей, какъ градоотводомъ, защищенномъ, но и въ торжищахъ свѣтскія мысли. Гонимый изъ казанскаго университета за свѣтскую неспособность, но не низлагаемый въ вѣрѣ и цензурѣ профессоръ, нынѣ цензоръ Ведровъ ⁴⁾ озаботился о душеспасеніи православнаго «Современника», и не только Ведровъ-Казанскій, но и мужъ прозвища лютеранскаго, баронъ Булеръ, паки ревнуя о самодержавіи, отдалъ подъ начало «Экономическій Указатель».

Да уничтожится книгопечатаніе и расточатся буквы его!

Оно такъ, кажется, и будетъ: вотъ что намъ пишутъ изъ Петербурга: «Журналистика дѣлаетъ послѣднюю отчаянную попытку. Московскіе и петербургскіе редакторы составили и на дняхъ подаютъ просьбу объ обузданіи цензуры для *периодическихъ изданій*. Вѣрно, откажутъ. Приходится переносить русскую прессу на заграничную почву». (Милости просимъ!).

Въ томъ же письмѣ говорятъ, что попечитель Деляновъ совсѣмъ избаловался; это, я думаю, все шалунъ Плетневъ портитъ его восточно-патріархальные нравы, — товариществомъ именно и опасенъ университетъ. Но студентамъ до этого дѣла нѣтъ, — неужели имъ заниматься тѣмъ, какой *écuyer tranchant* ²⁾ и какой швейцаръ стоитъ въ дверяхъ просвѣщенія? Они далѣе сѣней итти не могутъ, они господа передней, а студенты—гости науки. Вотъ причина, почему мы просимъ позволенія не печатать намъ доставленные анекдоты о Деляновѣ, начальствѣ московскаго университета и другихъ.

1625. Гоненіе на университеты.

Графъ С. Г. Строгановъ, заявившій себя врагомъ освобожденія и врагомъ воскресныхъ школъ, натолковалъ государю о необходимости принять дѣятельныя мѣры *противъ* университетовъ. Государь велѣлъ Ковалевскому составить проектъ. Ковалевскій поступилъ, какъ честный человѣкъ, и написалъ проектъ улучшеній, не вовсе вредныхъ для университета. Но новой тайной полиціи подъ генераль-инквизиторствомъ Строганова это не понравилось, и 13 апрѣля въ совѣтѣ министровъ поднялась буря противъ Ковалевскаго. Буря эта окончилась учрежденіемъ комиссіи *трехъ*. Эти трое, составившіе *второе третье* Отдѣленіе, назначенное исключительно противъ университетовъ и просвѣщенія, которымъ поручено разобрать и дополнить проектъ Ковалевскаго:

Жандармъ Долгоруковъ,
Эксъ-юстиція Панинъ и
Эксъ-кураторъ Строгановъ.

Не унести вамъ честнаго имени въ гробъ послѣ такихъ продѣлокъ и такихъ товарищей!

¹⁾ Владиміръ Максимовичъ.

²⁾ Стольникъ.

1626. Секретный манифестъ.

Нѣмцы изобрѣли драмы *не для театра*, у насъ издавали «Библиотеку для Чтенія» и журналы не для чтенія, но принадлежить высочайшему тестю въ Одессѣ честь изобрѣтенія *манифеста не для обнародованія*. Профессоръ лица Муравьевъ читалъ на улицѣ манифестъ объ освобожденіи; строго взглянулъ на это Строгановъ, выходя изъ собора, и послалъ полицмейстера Маньковского пресѣчь сей безпорядокъ, и тутъ—цѣлая исторія, въ которой участвуютъ всѣ ученые и ничему неучившіяся власти, отъ попечителя Могилянскаго ¹⁾ до австрійскаго и статскаго генерала Беккера. Всѣ согласились, что манифестъ читать не очень нужно и про себя, а про другихъ—сохрани, Боже!

1627. Васильчикова и Рейнгардтъ доѣхали Пирогова.

Кіевскій военный губернаторъ Екатерина Васильевна ²⁾ Васильчикова сильно интриговала противъ знаменитаго Пирогова и успѣла къ нелѣпнымъ ошибкамъ Александра Николаевича прибавить отставку такого чело­вѣка, какъ Пироговъ. Пріятно было слышать, что въ этомъ доблестномъ поступкѣ генераль-губернатора, урожденнаго княжной Щербатовой, ей помогаль доносами и сплетнями нѣкій инспекторъ Рейнгардтъ. Говорятъ, что онъ проситъ у управляющей краемъ генеральши мѣсто бердичевского полицмейстера; при способностяхъ, имъ показанныхъ, онъ можетъ просить больше.

1628. Финляндская конституція.

Финляндская конституція, которая нигдѣ не была отнята, *опять разъ дана* съ разными уменьшеніями, сообразными съ новыми прогрессивными требованіями вѣка. Финляндцы собираются, чтобъ *humblement s'expliquer* ³⁾ о дѣлахъ и проч., *les humbles avis* ⁴⁾ будутъ взвѣшены, обсужены и проч. Нѣтъ, еще рано нашему правительству либеральничать,—надобно сперва выучиться выражаться чело­вѣчески и немного поучиться. Мы цитируемъ по-французски, потому что русскія газеты *умолчали* о финской конституціи.

1629. Игнатьевъ заказываетъ бунтъ.

Между солдатами носятя слухи, что «Игнатьевъ заказывалъ сдѣлать бунтъ» къ объявленію свободы крестьянамъ. Итакъ, онъ

¹⁾ Матвѣй Матвѣевичъ.

²⁾ См. № 1641.

³⁾ Смирненно сговориться.

⁴⁾ Смирненныя мнѣнія.

первый попалъ въ легенду, и въ очень мѣткую. У народа хорошо чутье! Говорятъ, что солдаты, рассказывая это, прибавляли, что «ужь они стрѣлять не будутъ!». Это Игнатъевъ не для конспираціи ли маски-то полицейскія заказывалъ? Эти маски достались намъ: мы получили второе письмо въ ихъ пользу и съ картинкой. Полагать надобно, что это самъ изобрѣтатель такъ мастерски защищаетъ выпускные козырьки. Чтобъ разомъ кончить, мы откроемъ почтенному чиновнику секретъ, какимъ образомъ въ Англіи масокъ нѣтъ, а арестантовъ никто не видитъ: ихъ возятъ, а не водятъ—это гораздо проще и гораздо чище дурацкихъ козырьковъ.

1630. Buona notte, buona notte! ¹⁾

Прощайте, Донъ Тимашевъ!—однимъ сюжетомъ у насъ стало меньше. Дурную память вы вынесли о себѣ да къ тому же горловую чахотку. Теперь на досугѣ подумайте, для чего вы все это дѣлали. Что вы выиграли? Какъ мы вамъ ни помогали, вы даже и графомъ не сдѣлались, а на совѣсти-то свои туберкулы, и больно вамъ будетъ отъ нихъ. Пусть печальный примѣръ Тимашева носится вѣчно передъ глазами Шувалова; быть преемникомъ Мордвинова, Дубельта и Тимашева—дѣло не легкое! Если Шуваловъ дорожить своимъ именемъ, то, принявъ, какъ говорятъ, à contre соеиг ²⁾, мѣсто (непростительная слабость!), пусть же онъ сдѣлаетъ его ненужнымъ. ¹

◆◆ 1. 18 апрѣля 1861 г. С. С. Громека писалъ Герцену, что Тимашевъ ушелъ, находя III Отдѣленіе ненужнымъ съ окончаніемъ крестьянскаго вопроса. Назначеніе на это мѣсто гр. П. А. Шувалова было для послѣдняго неожиданнымъ ударомъ; онъ написалъ кн. Долгорукову длинное письмо съ объясненіемъ причинъ, почему онъ гнушается III Отдѣленіемъ. «Прошу Васъ, дорогой Александръ Ивановичъ,—прибавлялъ Громека, приведя письмо Шувалова,—поберегите до времени Шувалова, пока онъ подаетъ надежды, но когда онъ измѣнитъ этимъ надеждамъ, что очень возможно со стороны придворныхъ людей, я первый возстану противъ него» («Вольное Слово» 1883, № 57).

¹⁾ Доброй ночи, доброй ночи!

²⁾ Противъ своего желанія.

1631. (Министръ Ланской).

Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской оставилъ министерство. За нимъ останется почетная память: ни русскій народъ, ни исторія не забудутъ того изъ министровъ, который откровенно работаль въ пользу освобожденія крестьянъ.

1632. Письмо къ Н. Д. Кавелину.

15 мая 1861.

Давно хочется сказать тебѣ нѣсколько словъ скорби и любви, старый другъ, и до сихъ поръ не удавалось. Твое горе обдало меня ужасомъ, сожалѣнiемъ, великой тяжестью того, что безвыходно. Мнѣ хотѣлось быть возлѣ тебя и плакать съ тобой. Я знаю, что мы не можемъ выносить горя иначе, какъ мужественно, а все же мнѣ кажется, что у тебя близкихъ, кромѣ насъ, нѣтъ на самомъ дѣлѣ, и никогда даль не была для меня такъ прискорбна. Я знаю, что и ласковая рука берeditъ рану, а все какъ-то легче. Если тебѣ можетъ помочь мое братское объятiе, возьми его, возьми и съ этой слезой, которой я и теперь не могу удержать, когда думаю о тебѣ. Но впередъ—исторiя! Твои силы требуются на общее дѣло... Въ этомъ наше спасенiе, въ этомъ все, безъ чего намъ жить нельзя, да и не нужно. А и оно на сiю минуту прискорбно, но за что тутъ борьба, гдѣ выходъ возможенъ—не намъ, такъ грядущему поколѣнiю. Наше дѣло—работать. Я зналъ, что ты ни въ какомъ случаѣ не упадешь духомъ; этому я вѣрилъ, а все-таки, хотѣлось, чтобы кто-нибудь подтвердилъ это. И кто-то подтвердилъ, да и твой отвѣтъ какому-то подлецу показалъ намъ, что ты работаешь ¹⁾). Хотѣлось бы быть возлѣ тебя и работать вмѣстѣ, но и тутъ я съ преданностью склоняю голову и говорю: пусть каждый стоитъ тамъ, гдѣ онъ полезенъ. Одного прошу, братъ неизмѣнный: дай вѣсть о себѣ, скажи, что дѣлаешь, что станешь дѣлать. Утѣшь насъ въ своей собственной скорби. Крѣпко обнимаю тебя, поцѣлуй за меня твою дочь ²⁾).

Дѣйствительно, мы застрахованы нашей дѣятельностью. А какъ падаютъ эти тупые удары судьбы, и я знаю во всей силѣ.

¹⁾ «Отвѣтъ г. Лохвицкому» во II кн. «Современника» 1861 г.

²⁾ Софiя Кавелина, по мужу Брюллова.

Насъ сильно потрясло твое несчастье... И никакой возможности сказать дружеское слово. Эта даль, эти границы... И насъ же такъ мало остается—les vieux de la vieille ¹⁾).

Что ты возишься съ вашимъ журналомъ и Виногоровымъ ²⁾? Брось его. Редакція завралась—этого не поправишь отвѣтами, и вопросъ такъ сталъ, что les fleurs ³⁾ будутъ не съ вашей стороны. Тебѣ-то что за радость, что и твое имя поминаютъ вмѣстѣ съ Вейнбергомъ.

Я мысленно посвятилъ тебѣ статью въ «Полярной Звѣздѣ» объ Оуэнѣ; ты ее за это прочти.

Сегодня 15 мая,—13 лѣтъ тому назадъ французская республика оказалась съ изъянцомъ. Идетъ, идетъ время, то по-николаевски—ступая пудовыми ботфортами, то à la Mephistopheles—разъ по-лошадиному да разъ по-человѣчьи—а все идетъ, унося и насъ. Прощай. У меня, какъ нарочно, сегодня болитъ голова.

19 мая.

Еще разъ жму тебѣ руку. Дай при случаѣ вѣсточку...Какъ судьба и люди отравили намъ лучшіе дни,—дни, которые мы ждали всю жизнь. Прощай, saго mio.

Письмо это должно было быть отправлено совсѣмъ съ другою оказіей. Теперь его везетъ Борщовъ, котораго я тебѣ очень рекомендую: онъ—благородный человѣкъ и отличный геологъ, ботаникъ и пр.

Еще разъ обнимаю тебя. Дорого бы далъ, чтобы обнять на самомъ дѣлѣ; оно было бы и хорошо и нужно... Ну, да какъ бы, гдѣ бы ни были мы, а другъ друга вспомняемъ и въ живой, и въ смертный часъ.

◆◆ 1. «Вѣкъ» былъ приобрѣтенъ у аполитичнаго тогда, какъ и впослѣдствіи, П. И. Вейнберга артелью изъ 32 литераторовъ. Избранный редакторомъ Г. З. Елисеевъ хотѣлъ сдѣлать журналъ

¹⁾ Старики старой, т.-е. старой гвардіи.

²⁾ «Вѣкъ»,—газета, издававшаяся Кавелинымъ и А. В. Дружининимъ, въ которой редакторъ П. И. Вейнбергъ, подъ псевдонимомъ «Камень Виногоровъ», выступилъ со статьей противъ Е. Э. Толмачевой, прочитавшей на вечерѣ въ провинціи «Египетскія ночи» Пушкина. Въ печати поднялась бурная полемика по поводу «безобразнаго поступка Вѣка», какъ выразился порборникъ женскаго равноправія М. И. Михайловъ. ¹⁾

³⁾ Насмѣшники.

эхомъ «Современника»; часть артели тому противилась, желая сдѣлать «Вѣкъ» органомъ крайнихъ. «Во главѣ ихъ стоялъ Николай Серно-Соловьевичъ. Вначалѣ споры бывали, хотя и горячіе, однако, бури еще не предчувствовалось. Но вотъ разъ Елисеевъ не принялъ статьи Энгельгардта и, — рассказываетъ Шелгуновъ — какъ помнится, статьи Н. Серно-Соловьевича. Наша партія зашевелилась. Въ ближайшее засѣданіе—и засѣданіе производилось у Елисеева—мы явились съ перунами, и буря разразилась. Когда Елисеевъ спросилъ, для чего намъ нуженъ свой органъ, Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ, что онъ нуженъ намъ «на случай возстанія». Можетъ быть, Соловьевичъ отвѣтилъ и не этими словами, но смыслъ ихъ былъ тотъ. Мы серьезно считали себя «наканунѣ». Этотъ маленькій эпизодъ изъ эпохи шестидесятыхъ годовъ случился послѣ распространенія прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», въ то время, когда судился Михайловъ. То было время «самаго славнаго возбужденія» («Голосъ Минув.» 1918, IV—VI, 67).

1633. Надпись для К. Д. Навелина.

Съ подлиннымъ вѣрно. 20 мая 1861. London, Orsett House.

1634. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 мая 1861.

Orsett House, Westbourne terrace.

«Похвальный листъ, ведетъ себя исправно!» Такъ вы вотъ какъ: не писали худого слова, да и «приращеніе семейства». Дай вамъ Господь Богъ большими растить да насъ, стариковъ, не забывать, а дѣтьми забавлять ¹⁾).

И вмѣстѣ съ гласомъ изъ колыбели глазъ изъ того свѣта, т.-е. глазъ Мельгунова. Дѣла его все поправляются; я начинаю думать, что онъ скоро будетъ Ротшильдомъ.

Doktor Herzen въ Норвегіи, и очень веселъ. Какая глупая глупость, какая нѣмецкая глупость—его предстоящій бракъ! Мнѣ все еще кажется, что эта чаша его минуетъ. Можетъ, изъ Эммы что-нибудь и будетъ со временемъ, но теперь-то—ничего. Да, вѣдь, и страсти такой нѣтъ ни у нея, ни у него.

¹⁾ Родившійся у Рейхелей малютка вскорѣ умеръ.

Ольга что-то нездорова въ Парижѣ. А Тата что-то нездорова здѣсь и уѣхала къ Девилю, я же письма не хочу задерживать.

Прощайте.

Здѣсь я встрѣтилъ одного богатаго золотопромышленника ¹⁾ изъ восточной Сибири, который знаетъ вашего брата Николая и его хвалить. Если есть комиссіи, можете приказать.]

Хоецкій здѣсь!... aber... aber...

Gruss, Kuss, Glückwunsch und Taufpunsch vom uralten vom Ural gekommenen Alten à monsieur Reichel maitre de chapelle et père de famille ²⁾.

1635. Отъ издателей.

Издатели «Колокола» обращаются ко всѣмъ читателямъ, и въ осособности къ друзьямъ своимъ между военными, съ просьбой, которой важность они ясно поймутъ: намъ необходимо нуженъ списокъ поименный съ чиномъ и именемъ полка всѣхъ офицеровъ, отличившихся въ крестьянскихъ убойствахъ.

1636. Кіевскій университетъ и Н. И. Пироговъ.

Проводы Н. И. Пирогова были великолѣпны. Это ужъ не чиновный юбилей Княжевича и не юбилей Вяземской риторики. Нѣтъ, это было совершение великаго долга,—долга опаснаго, и потому хвала тому доблестному мужу, который вызвалъ такія чувства, и хвала тѣмъ благороднымъ товарищамъ его, которые ихъ не утаили!

Отставка Н. И. Пирогова—одно изъ мерзвѣйшихъ дѣлъ Россіи дураковъ противъ Руси развивающейся. Видѣтъ дѣвичью какой-нибудь Васильчиковой, лепечущую безсмысленные доносы съ помощью инспектора Рейнгардта ³⁾, видѣтъ всепростоту государя, пишущаго какой-то бредъ на маржахъ, вслѣдъ затѣмъ—паденіе человѣка, которымъ Россія гордится, и не покраснѣтъ до ушей отъ стыда невозможно.

Радуйтесь, Ма'am Васильчикова! Да, мы рабы; да, мы въ рукахъ дураковъ, ихъ женъ и барскихъ барынь. Но мы не молчащіе рабы—больше, siamo schiavi almeno frementi ⁴⁾. Это—разница, ма'am!

¹⁾ Томашевскій

²⁾ Привѣтъ, пожеланіе счастья и пуншъ по случаю крестинъ отъ дряннаго, съ Урала пріѣхавшаго старика, господину Рейхелю, капель-мейстеру и отцу семейства.

³⁾ Мы сомнѣваемся въ участіи Рейнгардта,—онъ, должно быть, очень хорошій инспекторъ, ибо онъ *въ то же время* получилъ 1500 р. с. пѣозрительнаго награжденія. А. И. Г.

⁴⁾ Мы рабы, по крайней мѣрѣ, шумящіе.

Немолчащіе рабы Кіева защитили Россію, они сдѣлали историческое событіе; что бы ни было изъ этого, но время справедливости для дѣвичьихъ и лакейскихъ еще придетъ и, можетъ, вамъ, сударыня, ненужно будетъ бѣлнить, чтобы быть очень интересной.

1637. «Эй, просвѣщенье!—гись!—гись!»

Ну, и поѣхали и сбили старика съ ногъ! Что за троечная ѣзда въ узкихъ переулкахъ, чего и ждать было отъ долгоруковской и длинно-панинской тройки съ хромымъ Строгановымъ въ корню! Бѣда, впрочемъ, не велика: немного старья кости поломали, зато честь сѣдыхъ волосъ спасена.

Ковалевскій былъ слабый министръ, но все же хорошій человекъ и не іезуитскій гонитель просвѣщенія, какъ новый Магницкій—графъ Сергій (а все еще не Сергій) Строгановъ.

Кто-то будетъ просвѣщеніемъ у насъ? Левшинъ? Корфъ, исторіографъ 14 декабря и Модестъ? Мухановъ, снятый съ Вислы? Это было бы всего лучше. Аскоченскаго ему въ товарищи съ титуломъ оберъ-цензора ея императорскаго величества. Говорятъ, что Аскоченскій-Путятинъ!

1638. Инквизиція Строганова.

Великій инквизиторъ въ своемъ рвеніи противъ науки и образованія придумалъ, во-первыхъ, поднять цѣну за слушаніе лекцій до 200 рублей. Говорятъ, что это будетъ принято. Комитетъ мечтаетъ размѣстить факультеты по разнымъ городамъ. Въ петербургскомъ университетѣ до 600 человекъ не могутъ внести платы!

Отъ дураковъ, отъ тупоумныхъ и выжившихъ изъ ума избави насъ!

Ими заторможена наша дорога, они сильны именно зоологической глупостью своей: противъ безсмыслія можно только сражаться камзолomъ сумасшедшаго дома.

Вотъ еще примѣръ:

1639. Духъ сигаръ и вонь государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, такъ ловко выказавшійся въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, беретъ *ses revanches*¹⁾; довольно, что крестьянъ освобождаютъ, а ужъ куреніе сигаръ не освободимъ! Калѣки эти рѣшили, что разрѣшить куреніе на улицахъ невозможно, во-первыхъ, потому, что это затруднитъ отданіе чести низшими офицерами высшимъ, во-вторыхъ, будетъ дурной запахъ на улицахъ.

Жалкіе орангутанги первыхъ двухъ классовъ! Что за непроходимая глупость!

¹⁾ Свое.

1640. Слухъ.

Говорятъ, что въ Петербургѣ образуется *Общество воздержанія отъ правительства*. Чтѣ бы царской фамиліи подать при- мѣръ и вступить въ него!

1641. Поправка.

Спѣшимъ воспользоваться письмомъ, полученнымъ нами, въ кото- ромъ сказано, что прусскій консулъ въ Варшавѣ не Бергеръ, а Термень, что кievскаго генераль-губернатора зовутъ не Екатериной Васильевной, а Екатериной Алексѣевной.

1642: 12 апрѣля 1861.¹

(*Апраксинскія убійства*).

Наша «Нѣмая изъ Портичи»¹⁾ созналась, наконецъ, въ про- литіи крестьянской крови въ Безднѣ. Ея офиціальнйй разсказь еще гнуснѣе и отвратительнѣе того, что было писано къ намъ.

Мозгъ разлагается, кровь стынетъ въ жилахъ, читая наивно- простодушный разсказь такого злодѣйства, какого не бывало съ аракчеевскихъ временъ.

Гдѣ родились эти кровожадные флигель-адъютанты? гдѣ вос- питались эти импровизированные палачи? Какъ ихъ дрессировали въ такія бездушныя злодѣйства?

Правительство допускаетъ убійства за свое косноязычіе, без- грамотность и двоедушіе! Не правда ли, какъ ясно новый схоласть Валуевъ²⁾ отличилъ крѣпостную барщину отъ барщины *вз жи-*

¹⁾ Опера французскаго композитора Обера.

²⁾ Валуевъ^{o)} уже заявилъ себя и не тѣмъ. Мальцовъ^{oo)} (планта- торъ) заковалъ восемь человекъ крестьянъ и отпавилъ въ Калугу, какъ бунтовщиковъ. Губернаторъ Арцимовичъ^{ooo)} выпустилъ ихъ и хотѣлъ произвести слѣдствіе. Плантагоръ черезъ дѣвичьи и переднія довелъ это до Петербурга; новый министръ принялъ сторону крѣпостника.—*Cela promet!*^{oooo)}.

А. И. Г.

^{o)} Петръ Александровичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.

^{oo)} Сергѣй Ивановичъ, владѣлецъ извѣстнаго заводскаго округа.

^{ooo)} Викторъ Антоновичъ; оставилъ Калужскую губернію въ 1863 г. Весьма характерное для того времени дѣло Мальцова изложено на стр. 466—518 книги «В. А. Арцимовичъ», Спб. 1904.

^{oooo)} Это чревато послѣдствіями.

даніи освобожденія? И за то, что народъ не понимаетъ и вѣритъ, что правительство его не обманываетъ,—пять залповъ.

Мы не узнаемъ Россіи... Кровь дымится, трупы валяются!

Правительство прогресса, либеральныхъ идей, поддерживаемое штыками и статьями Погодина, лизнуло польской крови и пошло внизъ—кровь скользка!

Пятьдесятъ жертвъ, по собственному сознанию преступниковъ, и на этотъ разъ благодушный монархъ такъ обдержался, что и не спрашивалъ Апраксина: «а сколько убито солдатъ или ранено?».

Въ статьѣ прямо сказано, что военныя дѣйствія крестьянъ состояли въ томъ, что часть ихъ *пошла* за кольями.

И что за торопливость въ казни Антона Петрова? Кто его судилъ? Въ чемъ его судили? Видно, скорѣе кровавые концы въ воду! Какія же, въ самомъ дѣлѣ, мягкодушный царь далъ инструкцій?

Пугачевъ судился при Екатеринѣ судомъ, а не пристрѣленъ подь сурдинку.

Чортъ съ ними, съ окровавленными палачами!

А вы, несчастные братья-раскольники, вы, много претерпѣвшіе, но никогда не мѣшавшіеся съ Россіей помѣщиковъ, палачей и стрѣлковъ по безоружнымъ, храните день новыхъ страстей, 12 апрѣля, въ вашей памяти. Времена библейскихъ гоненій настаютъ; вы знаете изъ *Четвухъ Миней*, какія избіенія христіанъ предпринимали императоры, вы знаете, кто одержалъ верхъ. Но верхъ не приходитъ безъ вѣры, не приходитъ безъ дѣлъ. Укрѣпляйтесь духомъ и помните крикъ, съ которымъ умерли безднинскіе мученики:

Воля! Воля!

Мы получили еще три письма о подробностяхъ казанскаго дѣла. Главныя черты событія тѣ же самыя; мы не станемъ ихъ повторять, особенно послѣ *признанія* въ «Спб. Вѣдомостяхъ». Но есть подробности, которыя слишкомъ дороги, чтобъ не были сохранены «Колоколомъ» для потомства да и для современниковъ ¹⁾.

Казанское дворянство хотѣло дать обѣдъ Апраксину, когда онъ воротился по горло въ крестьянской крови. Членъ губернскаго присутствія Трубниковъ удержалъ этихъ плотоядныхъ уродовъ замѣчаніемъ, что «какъ-то неловко кровь заливать *шампанскимъ!*» Жаль, что помѣшалъ; маски, маски долой! лучше видѣть звѣринные

¹⁾ Слѣдуетъ цитата изъ одного письма о дѣйствіяхъ гр. Апраксина.

зубы и волчьи рыла, чѣмъ поддѣльную гуманность и покорный либерализмъ ¹⁾).

Имена, имена, умоляемъ объ именахъ офицеровъ, участвовавшихъ въ приготовленіи тѣлъ, и червей, собиравшихся попировать на трупахъ! ²

◆◆ 1. Рѣчь идетъ о бунтѣ въ с. Безднѣ Спасскаго уѣзда Казанской губ. Мѣстный малограмотный раскольникій начетчикъ Антонъ Петровъ, убѣдилъ крестьянъ въ скрытомъ смыслѣ «Положеній», даровавшихъ, якобы, крестьянамъ полную волю, и даже говорилъ о приказѣ, который онъ, будто бы, получилъ отъ императора для передачи крестьянамъ: «беречь его вѣрнаго слугу—Антонъ Петрова». Были вызваны войска, положившія нѣсколько десятковъ человекъ на смерть. Во всей губерніи, а потомъ и по Поволжью разнеслась вѣсть о бунтѣ. Въ Казани рѣшено было немедленно отслужить торжественную панихиду по «въ смятеніи убиеннымъ». Масса студентовъ духовной академіи и университета собралась 16 апрѣля въ Крутинской кладбищенской церкви. По окончаніи панихиды, очень всѣмъ этимъ наэлектризованный А. П. Щаповъ взшелъ на амвонъ и, окруженный студентами, сказалъ краткую, но сильную рѣчь по поводу безднинской драмы. 17 апрѣля Петровъ былъ разстрѣлянъ. 29-го Щаповъ выѣхалъ самъ, по совѣту попечителя П. П. Вяземскаго, въ Петербургъ, чтобы тамъ дать объясненія высшимъ властямъ. 30-го въ Нижнемъ-Новгородѣ, онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Москву, а оттуда въ Петербургъ. Тамъ Щаповъ былъ посаженъ въ III Отдѣленіе, откуда вскорѣ, по болѣзни, переведенъ въ офицерское отдѣленіе клиники проф. Заблоцкаго-Десятковскаго; черезъ 1½ мѣсяца снова вернулся въ III Отдѣленіе. Затѣмъ вскорѣ, безъ суда и слѣдствія, онъ былъ прощенъ и взятъ на поруки П. А. Валуевымъ, назначившимъ Щапова чиновникомъ по раскольникимъ дѣламъ на 500 руб. жалованья и предоставившимъ ему полную свободу въ распоряженіи своимъ временемъ. Возмутительность безднинскаго «усмиренія» вполне доказана массою опубликованныхъ потомъ документовъ. Очень интересныя подробности см. въ біографическомъ очеркѣ

¹⁾ Иначе поступили казанскіе студенты: они пошли отслужить панихиду объ убиенныхъ братьяхъ и застрѣленномъ Антонѣ Петровѣ. Профессоръ Щаповъ сказалъ слово; жандармъ его донесъ (всякому свое), министерство его отрѣшило, полиція арестовала. По крайней мѣрѣ, кого-нибудь изъ бритой Россіи народъ не будетъ считать нѣмцами и крѣпостниками.

Щапова, написанномъ Г. Лучинскимъ и помѣщенномъ въ III т. «Сочиненій» А. П. Щапова.

14 апрѣля министръ вн. дѣлъ Ланской телеграфировалъ казанскому губернатору: «Высочайше повелѣно Антона Петрова судить по полемому уголовному уложенію и привести приговоръ въ исполненіе немедленно». 18-го: «Высочайше повелѣно узнать, что читалъ Щаповъ послѣ панихиды». 21-го: «На вашей депешѣ о рѣчи Щапова государь написалъ: «Надѣюсь, что г.-ад. Бибиковъ будетъ умѣть распорядиться». Сообщите это Бибикову по приѣздѣ его» (архивъ мин. вн. дѣлъ., особое дѣло канц. № 45).

6 мая казанскій губернаторъ доносилъ министру вн. дѣлъ, что «спокойствіе возстановлено, работы производятся, слѣдствія о болѣе виновныхъ какъ по возмущенію въ Безднѣ, такъ и о другихъ, оказавшихся подстрекателями въ остальныхъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ и ложными толкованіями имъ высоч. утв. законоположеній, производятся, нѣкоторыя уже окончены и виновные преданы, по распоряженіямъ ген.-ад. Бибикова и моимъ, военному суду, затѣмъ особенныхъ причинъ къ продолженію или возникновенію какихъ-либо важныхъ безпорядковъ не предвидится»; затѣмъ не могу скрыть отъ в. пр-ва, что усиленіе моральнаго вліянія начальника губерніи полнымъ и гласнымъ признаніемъ и оправданіемъ высшею властью его дѣйствій и распоряженій необходимо, конечно, если они дѣйствительно сообразны съ духомъ высоч. утв. законоположеній и не составляли превышенія власти или вызываются мѣстными настоящими обстоятельствами». Любопытно, что адъютантъ гр. Апраксина поручикъ Половцевъ былъ такъ возмущенъ безднинскимъ усмиреніемъ, что, вернувшись оттуда, говорилъ громко въ трактирѣ, что «Россія тогда только будетъ благодѣствовать, когда крестьяне будутъ ходить по колѣна въ крови помѣщиковъ».

Флигель-адъютантъ полк. Гурко, командированный въ Самарскую губернію, доносилъ Государю 16 мая, что приговоръ полевого уголовного суда надъ крестьяниномъ Сурковымъ «подстрекавшимъ къ неповиновенію», подтвержденный воен. министромъ, будетъ приведенъ въ исполненіе 18 мая, и, видимо, съ удовольствіемъ излагалъ обстановку, имъ тщательно и педагогически обдуманную. «Къ означенному дню со всей губерніи будутъ собраны въ с. Бѣсово крестьяне всѣхъ вѣдомствъ и отставленные отъ службы писцы, замѣченные въ ложныхъ или превратныхъ толкованіяхъ «Положенія»,—примѣръ этотъ будетъ для нихъ чрезвычайно полезенъ, потому что только одни ихъ толкованія могутъ въ настоящее время породить безпорядки. Чрезвычайно счастливо, что наказаніе это»

пало на дѣйствительнаго негодяя, опороченного всѣмъ своимъ обществомъ и бывшаго уже четыре раза, по предписаніямъ удѣльнаго департамента, подвергнуть наказаніямъ и въ томъ числѣ заключенію въ смиренный домъ» (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 59).

2. Всѣхъ случаевъ крестьянскихъ волненій было: въ 1861 г. съ апрѣля по июль 647, до конца года еще 137; въ 1862 г. въ первой половинѣ 300, во 2-й—88; происходили они въ 2607 селеніяхъ. «Порядокъ возстановленъ»: въ 1861 г. съ военной силой въ 499 случаяхъ (1666 селеній), безъ нея—285 (368 селеній); 1862 г.—съ военной силой 298 случаевъ (449 селеній), безъ нея—90 (124 селенія) (всепод. отчетъ мин. внутр. дѣлъ за 1861—63 гг., архивъ П. Я. Дашкова).

1643. Шляхетно-революціонная демонстрація крѣпостниковъ.

Намъ рассказывали за вѣрное, что петербургскія барыни, глубоко оскорбленныя предстоящимъ лишеніемъ правъ драться съ горничными, про-давать изъ ревности хорошенькихъ и посылать ихъ въ деревню, а лакеевъ на конюшню,—въ день смерти Николая положили на могилу его или на памятникъ огромное количество вѣнковъ въ пику Александру Николаевичу. Это утѣшительно: у насъ начинается развиваться смѣлость, мы становимся Мароами-Посадницами рабства. Говорятъ, что изъ Южной Каролины невскимъ героинямъ плантаторши пошлютъ каждой по черному мальчику и по пачкѣ сигаретокъ.

Народъ русскій, вѣроятно, не забудетъ этихъ старательницъ о его судьбѣ и ускоритъ возможность положить вѣнки на ихъ могилы.

Пора бы воздвигнуть памятникъ великомученицѣ Салтыковой, иже при Екатеринѣ II пострадавшей, и всѣмъ помѣщикамъ, за злоупотребленіе власти отданнымъ подъ опеку, сосланнымъ въ Сибирь и убитымъ крестьянами. Лѣкаремъ при памятникѣ будетъ Гутцейтъ, экзекуторомъ Козляниновъ... Есть же штатъ у николаевского памятника, отчего же не быть и у памятника Салтычихи?

Такіе чудовищно-наглые поступки, какъ эти вѣнки, какъ топтанье нѣкогда трехцвѣтной кокарды ногами при Марии-Антуанеттѣ, бросаютъ большой свѣтъ на дни кровавыхъ отместокъ.

1644. (Іоакимъ Лелевель).

Іоакимъ Лелевель скончался 29 мая въ парижской больницѣ, на 76 году отъ роду. Это—одинъ изъ честнѣйшихъ и благород-

нѣйшихъ старцевъ польскаго изгнанія. Ждемъ отъ кого-нибудь изъ близкихъ ему его біографію и желаемъ, чтобъ она вышла скорѣе обѣщанной біографіи другого страдальца — Станислава Ворцеля ¹⁾).

1645. (Герой нашего времени).

Герой нашего времени и ихъ Петербурга — ну, кто? отгадайте. Человѣкъ покрытый кровью крестьянъ, кровью безоружно убитыхъ русскихъ — Апраксинъ-Безднинскій. Интересно знать, какъ его принялъ *первый* дворянинъ.

1646. Къ издателю „Przegląd Rzeczy Polskich“.

Милостивый Государь, позвольте мнѣ при посредствѣ уважаемаго журнала вашего высказать нашу глубокую благодарность вашимъ соотечественникамъ.

Послѣ напечатанія въ «Колоколѣ» нашихъ статей о Польшѣ, мы получили большое число писемъ, коллективныхъ и частныхъ, въ которыхъ выразилось самое горячее братское сочувствіе къ намъ.

Глубоко тронутые ихъ дружескими словами, мы просимъ дозволенія поблагодарить ихъ всѣхъ въ вашемъ обзорѣ.

Къ искренней благодарности нашей мы прибавимъ только одно слово. Нашъ взглядъ на польскія дѣла вовсе не измѣнился отъ послѣднихъ событій въ Варшавѣ; ужасы, тамъ совершившіеся, измѣнили только нашъ языкъ и сдѣлали его болѣе горькимъ. Съ 1849 мы повторяли, что только на полной независимости Польши отъ Россіи можетъ основаться союзъ поляковъ съ русскими, какъ вольныхъ съ вольными и равныхъ съ равными.

Еще разъ повторяя эту заповѣдь, мы дружески жмемъ руку писавшимъ къ намъ и братски кланяемся вамъ.

Преданный вамъ и пр.

Искандеръ. ¹

◆◆ 1. Въ польскомъ національномъ музеѣ, помѣщающемся въ Рапперсвилѣ, хранится много документовъ, проливающихся свѣтъ на отношеніе поляковъ къ Герцену, какъ къ публицисту, поста-

¹⁾ Несмотря на обѣщанія, данныя сейчасъ же послѣ его смерти, біографія Ворцеля долго не была написана. Герцена это очень возмущало.

вившему польскій вопросъ въ рядъ главныхъ вопросовъ русской государственной жизни.

Приведу здѣсь полученные Герценомъ привѣтственные письма и адреса,—онъ упомянулъ лишь о нѣкоторыхъ.

I. Письмо по-французски изъ Парижа отъ 20 апрѣля 1861 г.:

«М. Г., мнѣ сообщили вашу статью «Vivat Polonia!» и рассказали о празднествѣ, которымъ вы хотѣли ознаменовать освобожденіе русскихъ крестьянъ или, если я не ошибаюсь, начало, обѣщаніе освобожденія, истиннаго и цѣлительнаго для всѣхъ.

«Новая рѣзня въ Варшавѣ, столь коварно организованная и столь жестоко приведенная въ исполненіе, убійства женщинъ, дѣтей, мужчйнъ, которые молились и сами себя предали мученичеству, побудили васъ измѣнить характеръ этого празднества и, позвольте вамъ откровенно сказать,— оно отъ этого не потеряло въ своемъ величіи; насколько я могу себѣ его представить, все въ немъ трогало душу, заставляло страдать, но было возвышенно, достойно Польши и той Россіи, которая приноситъ свои усилія, чтобы освободиться отъ правительства, болѣе, быть можетъ, ненавидимаго, чѣмъ правленіе самого Николая I. И, все же, признаюсь вамъ, былъ моментъ, когда я питалъ прекрасную иллюзію, что правительство императора Александра II является правительствомъ—возстановителемъ. Не жертвы, не мученики Варшавы достойны сожалѣнія. Европейская совѣсть окружить ихъ ореоломъ. Но какое ужасное паденіе для Александра III! Онъ обѣщаль возлюбить, а приказываетъ убивать колѣнопреклоненный, молящійся народъ!!!...

«Старая Россія, Россія Ивана Грознаго, Петра I, Екатерины II и Николая I переполнила мѣру своихъ преступленій, своихъ безумствъ.

«Ваши слова, М. Г., ваше благородное негодованіе, ваша безпредѣльная скорбь приобрѣли вамъ почетъ, уваженіе и благодарность Польши и,—если вы хотите его принять,—наше братство! Вы заклеили преступления, которыми опозорили вашу родину, отодвинувъ ее къ самымъ мрачнымъ временамъ ея исторіи. Съ геройствомъ, на которое такъ трудно рѣшиться,—и тѣмъ самымъ оно еще достойнѣе вссхищенія,— вы избрали средство самое разумное, самое могучее, безошибочное средство, чтобы приблизить примиреніе Россіи съ Польшей, чтобы удовлетворить великіе и святые интересы Россіи и создать крѣпкій фундаментъ для освобожденія славянъ, сокрушивъ ненавистное германское владычество. Россія и Польша, предоставленная своимъ собственнымъ и свободнымъ внушеніямъ, созданы для того, чтобы понять другъ друга, помогать другъ другу и братски соединиться. Это—законъ ихъ исторіи.

«Проповѣдуйте, М. Г., уничтоженіе этого правительства, которое угнетаетъ и оскорбляетъ обѣ страны, дѣлая одну изъ нихъ убійцею другой.

«Поэтому, М. Г., я, полякъ, сердечно васъ привѣтствую. Вы—русскій, но русскій, который любитъ справедливость, осуществляетъ ее на дѣлѣ и внушаетъ ее своему народу, русскій, въ которомъ я вижу Россію такую, какою она скоро станетъ, какою она должна стать—Россію возрожденную, Россію славянскую, освобожденную отъ монгольскаго духа и германскихъ примѣсей:

«Примите, М. Г., увѣреніе моего высокаго почитанія и того братскаго союза, который мы предложили Россіи въ 1831, сражаясь за ея и нашу свободу. Кровь нашихъ мучениковъ, зарѣзанныхъ 25 и 28 февраля и 8 апрѣля 1861, производитъ чудесныя превращенія. Есть русскіе, которые проклинаютъ свое правительство и предпочитаютъ скорѣе сами умереть, чѣмъ сдѣлаться убійцами Польши!

Генераль Рыбинскій».

II. Письмо по-французски изъ Ватана, отъ 30 мая 1861 г.:

«М. Г., я только-что получилъ отъ парижскихъ поляковъ письмо, которымъ они меня уполномочиваютъ оповѣстить моихъ земляковъ, живущихъ въ этомъ департаментѣ, дабы собраться и выразить вамъ нашу глубокую благодарность за великодушныя мысли, вами первымъ распространяемая относительно Польши. Но въ этомъ департаментѣ такъ мало поляковъ, что я не могу ихъ найти, и потому, г. редакторъ, соблаговолите, принять отъ меня одного, по крайней мѣрѣ, живую благодарность за вашъ великодушный порывъ, который со временемъ принесетъ пользу всѣмъ нашимъ славянамъ, столь одареннымъ отъ природы, а вамъ—сладкое и славное удовлетвореніе.

«Примите, господинъ редакторъ, мое глубочайшее почтеніе. Крайне обязанный вамъ

Сервицій Бринкъ, Др. мед.».

III. Адресъ по-французски, покрытый 430 подписями, изъ которыхъ нѣсколько не разобраны:

«Господину Александру Герцену,
Редактору журнала «Колоколь».

«М. Г., Поляки, живущіе во Франціи, обращаются къ вамъ съ выраженіемъ своей глубокой благодарности за братское сочувствіе ихъ дѣлу. Они привѣтствуютъ въ васъ перваго русскаго, который призналъ за Польшею право на полную независимость въ ея историческихъ и національныхъ границахъ.

«Варшавская рѣзня возбудила въ васъ негодованіе, которое должно было охватить всякую душу, проникнутую справедливостью и чувствомъ свободы, и, во имя будущей Россіи, во имя Россіи либеральной и прогрессивной, вы предали анафемѣ грубый деспотизмъ, который убиваетъ безоружныхъ мужчинъ и молящихся женщинъ и дѣтей.

«Да будетъ благословенъ вашъ подвигъ,—подвигъ святой и патриотическій, ибо рабство, въ которое ввергнута Польша, есть рабство, тяготѣющее надъ самой Россіей. Мы, съ своей стороны, въ 1831 начертали на нашихъ знаменахъ: «За нашу и вашу свободу». — «Vivat Polonia!» — таковъ съ вашей стороны, крикъ, исходящій изъ глубины вашего сердца. Спасибо, М. Г., за эту благородную честь, оказанную принципу солидарности народовъ!

«О! Да будетъ угодно небу, чтобы ваша благородная пропаганда имѣла многочисленныхъ послѣдователей, и, когда засвѣтитъ эра освобожденія какъ Россіи, такъ и Польши, да будетъ признана за вами великая честь, что вы одинъ изъ первыхъ между русскими пробили брешь и водрузили знамя свободы на развалинахъ деспотизма».

Felix Kamienobrodzki.

Ignacy Kisswardyn, Chef d'Escad.

l'Egle blanc. Ibre.

Czechowski Leon, Colonel.

Swięcicki Jan.

Calixte Morozewicz.

Jean Ledochowski.

Jean Joachim Karwowski name à

la diète de Pologne.

Gawroński, colonel.

Morawski.

?

François Stawiarski, Major.

Leonard Chodźko.

Staniewicz Sylwestre.

Kajetan Dombrowski, b. major
wojsk polskich.

Alexander Rogacki.

Stan. Malinowski.

A. Pikulski.

A. Wronski.

Casimir Smith.

St. Gierzyński.

Leopold Gałęzowski.

Arthur Czernik.

W. Gasztowt.

Arthur Godlewski.

Jean Mickiewicz.

Casimir Żaleski.

Arthur Berecki.

Ladislas Górecki.

A. Kisielewski.

A. Czernicki.

Louis Padziński.

W. Medyński.

Fi Szelechowski.

A. Słomwiński.

Bolesław Niewęglowski.

R. Korabiewicz.

A. Kowalski.

W. Zadunajski.

K. Myszkowski.

W. Cywiński.

Syl. Ign. (?)

Arthur Gronostajski.

Jean Charles Sosnowski.

Ernest Lipowski.
 Ch. Piąszewski.
 François Zwierkowski.
 Théodore Kozubowski.
 Julien Krosnowicz.
 B. Proszyński.
 G. Zaleski.
 Armand Tokszewicz.
 Józef Piliński.
 S. Waliszewski.
 St. Borysewicz.
 H. Budzyński.
 Raphaël Orłowski.
 Antoine Cholewiński.
 B. Wasilewski.
 Okołowicz Ch.
 E. Strzałkowski.
 H. Undrzewicz.
 J. Kozłowski.
 L. Broński.
 A. Kawiecki.
 E. Hannkiewicz.
 Albert Belcikowski.
 Georges Rakowski.
 A. Borowski.
 A. Bobowicz.
 Ch. Wrzesniowski.
 B. Strzyżowski.
 J. Rudnicki.
 G. Jakubicz.
 T. Pawłowski.
 A. Ordyniec.
 M. Skarzyński.
 J. Rudnicki.
 K. Dobrzański.
 A. Sierżputowski.
 A. Zaborowski.
 A. Wyszławski.
 A. Stabilé.
 H. Gorecki.
 C. Sroczkowski.
 J. Igrasiewicz.

J. Matuszewicz.
 E. Kalinowski.
 L. Lange.
 A. Kulikowski.
 Stanislas Marchocki.
 August Dombrowski.
 Eugène Rysiński.
 Stanislas Smoliński.
 Alexandre Grodzicki.
 Albert Zaleski.
 Julian Dukaciński.
 Alfred Hanszyl.
 H. Staniewski.
 Paul Chmielski.
 B. Korzeniewski.
 C. Bitner.
 Thadé Stryjewski.
 F. Jarzębowski.
 S. Kondratowicz.
 C. J. Malicki.
 Eugène Różycki.
 Ant. Piskiewicz.
 Joseph Lipowski.
 E. Larfe.
 A. Gasztowt.
 H. Glinojecki.
 F. Piechowski.
 Godurowski Louis.
 M. Sierżputowski.
 L. Kozarski.
 C. Janowicz.
 J. Wiernikowski.
 C. Nieradzki.
 A. Dollinger.
 A. Domżał.
 J. Ulkowski.
 C. Pałysiewicz.
 W. Duchyński.
 L. Proniewski.
 J. Puchowski.
 C. Tchorznicki.
 T. Zebrowski.

F. Różycki.
 G. Muszyński.
 G. Byliński.
 Emile Myszkowski.
 Camille Rzepecki.
 Edward Wilczyński.
 Louis Skrzypunas.
 Paul Bukojemski.
 André Karwowski.
 Henri Krasnopolski.
 Paul Piliński.
 Jules Jedliński.
 Stanislas Dobrski.
 Godebski Walerien.
 Cyrille Nowiński.
 Wladyslaw Szczepanowski.
 E. Korabiewicz.
 Antonin Popławski.
 Albert Bitner.
 Julien Koziell.
 Stanislas Dembiński.
 Kałużyński Isidor.
 Zieliński Włodzimierz.
 Henry Slepikowski.
 Leon Woytkiewicz.
 Prosper Chaborski.
 Georges Korsak.
 Kazimir Sipowski.
 Gaston Trzcński.
 Florian Plewiński.
 Charles Jasiński.
 Simon Borysewicz.
 Adrien Eytmin.
 Adolphe Milkiewicz.
 Walentin Leszczyński.
 Valentin Szwabski.
 Jean Malewski.
 Camille Przysiecki.
 Wladyslaw Dobiecki.
 Albert Raczkowski.
 Stanislas Zaleski, professeur.
 Stanislas Renkiewicz.

J. C. Chelmicki.
 Stanislas Lipowski.
 Łosiewicz.
 G. Matuszewicz Stanislas.
 M. Dębicki Jules.
 Paul Wrześniowski.
 Gaston Rakowski.
 N. Obalski Xawery.
 G. Ostrowski Boleslaw.
 E. Kahl Karol.
 L. Zaborowski Sigismund.
 G. Stański Louis.
 S. Błociszewski Mieczyslaw.
 A. Bobowicz Alexandre.
 Ladislas Woligórski.
 Bojanowski Georges.
 A. Olszanowski Albert.
 B. Kożubski Napoléon.
 M. Zaleski Felix.
 M. Chodźko Michel.
 Michalski Wladyslaw.
 E. Głuchowski Norbert.
 W. Piotruszyński Wladyslaw.
 K. Gajewski Prosper.
 A. Zakrzewski Arthur.
 A. Korsak Adrien.
 S. Truszkowski Stanislas.
 S. Pacewicz Louis.
 Breytkowski Jules.
 Pluszewski Pierre.
 Thadée Godurowski.
 N. L. Smoleński.
 Jagniński Xavier.
 Piotrowski Rufin.
 Biliński Léon.
 Barba Alexandre.
 Kalinowski Louis.
 Łukasiński Leopold.
 Kamiński Jacob.
 Zousz Charles.
 Janowski Apolinary.
 Zdechlikiewicz Laurent.

W. Lewandowski.
 Szretter Boguslas.
 Jules Michałowski père.
 Léon Michałowski.
 Jules Michałowski.
 Seweryn Siemieński.
 Jan Żeromski.
 Karol Kraiewski.
 François Ordyński.
 L. Muśnicki.
 Konstanty Ambrożewicz.
 Louis Sodom.
 Antoni Piotruszyński.
 Ordyniec Léonard.
 Pacewicz Michel.
 A-der Mickiewicz.
 Sumski Konstanty.
 Panek Adolphe.
 S-w Ostroróg.
 A. F. Błażejowski.
 ?
 Jozef Alexandrowicz.
 E. Wróblewski.
 A. Wasilewski.
 Waleryan Pluszewski.
 Słubicki colonel.
 Benoit Chodźko.
 J. Grabczewski.
 L. Klimkiewicz.
 X. Stankiewicz.
 P. Strzyżowski.
 Gregues-Henri Niewęglowski.
 F. H. Duchński (de Kiew).
 E. Stanicki.
 Bojanowski E.
 Grochowski Vincenty.
 Piliński J.
 Gałuszkiewicz Jan.
 Malewski Marek.
 Alexander Komornicki.
 Victor Cichowski.
 Czernik Jgnacy.

Adam Kolyszko.
 D. Wołk.
 R. Szretter.
 Piotr Plouszewski.
 Kowalski Jan Antoni.
 H. Rumotowski.
 Z-pe Wolchnowski.
 Czyżewicz.
 Léonard Kossakowski.
 J. Kiswardyn.
 J. Dunin.
 Potocki.
 E. Réychowski.
 St. Gödwen.
 Skolimowski.
 Roman Detraliszewski.
 X. A. Słowaczyński.
 Antoniewicz Tomasz.
 Lahuni Adolphe.
 Kuczyński Léon.
 Michałowski Henry.
 Wiktor?
 Albert Bora.
 Kola Gottotin (?).
 Sylwester Celiński père.
 Bolesław Celiński syn.
 Felix Skomorowski.
 G. Piotrowski.
 S. Studerligny.
 Jan Albert Domogacki.
 Mularski.
 I. Kozikowski.
 Orliński Piotr.
 Żakowski.
 Żiwiński.
 Jan Barzęcki.
 Marcinkiewicz Antoni-Jan.
 Jabłoński Adam.
 Lonkutowicz Thomas.
 Kostrzewski André.
 Józef Bogucki.
 Ciświcki Felix.

Antoni Owczarski.
 Langner.
 Alexander Czerski.
 Lewiecki.
 ?
 Rynkiewicz.
 Kamiński Jan.
 E. Reinhold.
 Gawron.
 Paweł Głowacki.
 Moczulski.
 Salomonowicz.
 Birmann Ludwik.
 Zawadzki August Franciszek.
 Zieliński Władysław.
 Ocicki Casimir.
 Wilczyński Karol.
 A. Grzybczewski.
 P. Paprocki.
 Ład. Marcinkowski.
 Pędzicki.
 A. Marcinkowski.
 Kobyłański.
 Siususki.
 Adelt Frederyk.
 Szezebanowski.
 Iwaszkiewicz Franciszek.
 Auguste Filipossinski.
 Jasiński Charles.
 Claus François.
 Cegielski.
 Olszewski Wincenty.
 Piotrowski François.
 Markowski.
 Szretter.
 M. Gutzeid.
 Guillaume Wilczek.
 D. Podgórski.
 Żyglinski Xavier.
 Zeligowski Justyn.
 Zeligowski Ed. W.
 ?

Karol Gumowski.
 Wiszniewski Władysław.
 Weychmann Piotr.
 Mickiewicz Kazimierz.
 Ostrowski Jan.
 Przepałkowski Marcellin.
 Łagiewski.
 Korzeniewski.
 Hannemann.
 Pieślak Karol.
 Słobudziński.
 S. Boguski.
 A. Stamski.
 Mogilnicki.
 Felix Sadowski.
 Ladislas Szymkowski.
 I. Budziszewski.
 Otocki Antoine.
 Orzechowski.
 Mikołaj Miączyński.
 Jérôme Jeżewski.
 Jan Łączkowski.
 Rogoziński.
 Guido (?)
 Gruszyński.
 A. Stabile.
 Rozański Salomon.
 ?
 ?
 Skotnicki Władysław.
 R. Wątrobka.
 Hominowski.
 S. Gużkowski.
 J. A. Zalewski.
 Stefan Jaworski.
 Borowski Szymon.
 Kawalek Błażej.
 X. M. Romanowski.
 Leon Czaplejewski.
 J. M. Ledochowski.
 S. Grochowski.
 J. E. Pawłowski.

S. Wągorzki.
 D. Giecwicz.
 Felix Łukasinski.
 Gabriel Urbass.
 X. Baczewski.
 M. Kisielewski.
 T. Obolewicz.
 Miltiade Ulkowski.
 J. Kisielewski.
 Wawrzyniec Wołłowicz.
 Babiński.
 T. Zalewski.
 Żukowski J.
 Józef Kranziński.
 Emil Kranziński.
 Leon Górzyński.
 Rułkowski Antoine.
 Gordón Jakób.
 C. Pawski.
 F. Stepiński.
 A. Stepiński.
 Piotr Pietraszewski.
 J. Zabłocki.
 Żegota Bohdanowicz.
 Dobiecki Kazimierz.
 Jarociński Paweł.

Jan Nahajowski.
 Butnarowski.
 Rudnicki Wincenty.
 Alb. Leszczynski.
 Borysewicz Szymon.
 Bińkowski Zygmunt.
 Chądzyński Antoni.
 Kóźmiński Alexij.
 J. Fontana.
 M. Dąbrowski.
 Żurkowski.
 Dr. S. Antonowski.
 Januszewicz.
 L. Kassifowski anc. Capitaine (du
 2-me Chass. à cheval).
 Szelechowski Jean, Major.
 Jeliński Michel.
 Lubiński Sigizmond.
 Sztar Antoni.
 Skarbieński Stanisław.
 Popławski.
 Turszyński Thomasz.
 Dembiński Charles.
 ?
 Szor Julian.
 Konopka Klement.

IV. Тождественный адресъ, помѣченный Angers Maine-et-Loire
 le 27 Mai 1861, съ 24 подписями:

Konopka.
 Gocelan.
 Donatien Strawinski, un des pre-
 miers chefs de l'insurrection
 de Lithuanie en 1831.
 Jemiolowski Piotr.
 Breceński.
 Teculin.
 Domaszewski.
 Falecki Emile.
 Brzeski.
 J. A. Żabokiński.
 Th. Odynecki.

H. Staniewski.
 L. Napoléon Abramowicz.
 J. Dombrosky.
 Krettouz.
 Jasiński.
 J. V. Jasiński.
 Stoszkiewicz.
 Klonowicz.
 Swatowski.
 Rozmysłowicz.
 Pałysiewicz.
 Orłowski.
 Krzyżanowski.

V. Тоже изъ Mamers (Sarthe), отъ 28 мая 1861, съ 2 подписями:

Jakubicz Alexander. X. Trojanowski neg en vine.

VI. Тоже изъ Vannes, отъ 29 мая 1861, съ 3 подписями:

Wolski, A. Marchowski, E. Leon Jezewski.

VII. Тоже изъ Clermont Ferrand (Puy-de-Dôme), отъ 29 мая 1861, съ 11 подписями:

Et. Kudelski.

Nieradzki Marian.

A. Tarnowski.

Wyszlawski Marcelli.

Ciemnotoński Benoit.

Boguski Piotr.

A. Ossowski.

Rudzieński Wojciech.

Woyciehowski Gaspard.

Roia Bartochowski Capitaine.

Jean Jakubowski.

VIII. Тоже изъ Amiens, отъ 30 мая 1861, съ 22 подписями:

Jean Tyńczuk.

Jean Wangos.

Piotr Hryszka.

Jeon Kościatkowski.

Milodwęski Urbain.

Alexandre Medow.

Joseph Zielinski.

Jan ?

Casimir Ch-s Szmoniewski.

Hippolyte Szmoniewski.

Michał Jasiewicz.

J-h Vladislav Dobrzański.

F. Polakowski.

E. Polakowski fils.

Markowski Léonid.

Gosiewski Ludwjk.

Michał ?

Jastrzębski Mateusz.

A. Zagrodzki.

Henri Dobrzański.

Konrad Sas Niesiewicz.

Vitold S. Niesiewicz.

IX. Тоже изъ St. Amand (Loir-et-Cher), отъ 31 мая 1861, съ 7 подписями:

V. Omerlski, Major.

A. Łazowski, Lieuten.

Wasilewski.

d'Opeln Bronikowski, Lieuten.

Con. des ponts et. Chs.

M. Łazowski. Con. des ponts et
chaussés.

Béniaszewski Joseph.

Rozmysłowski François.

X. Тоже изъ Caen (Calvados), отъ 2 юня 1861, съ 6 подписями:

Krassowski.

Bronislas Zienkowicz.

Ant. Zienkowicz.

Nicolas Malinowski.

Adolphe Zienkowicz.

Albert Zienkowicz.

XI. Тоже изъ Cormery (Indre-et-Loire), отъ 12 юня 1861, съ 3 подписями:

St. Truszkowski. Dr. Lipski. F. Truszkowska.

XII. Тоже изъ Nevers, отъ 15 юня 1861, съ 12 подписями:

V. Wroblewski.

Leyko.

Jean Meyssner.

M. Czernicki.

N. Skoczynski, officier au service de Pologne, Ingénieur civil à Nevers.

Franc Millius.

Koszulewski.

Pawłowski.

Maurice Gasztowtt, Docteur en Médecin, Et,—Venceslas, Sigismond, Gabriel & Gaston ses quatre fils.

XIII. Тоже отъ поляковъ, жившихъ въ Тулузѣ, безъ даты съ 19 подписями:

A. Kowalski.

Antoni Wachowski.

?

J. Pichelski.

Alexandre Niemojewski.

J. A. Rutkowski.

?

Karinga.

L. Miaskowski.

Edonard Gałczyński.

A. Banasiński.

Włodysław Gałczyński.

Matusiewicz Wawrzyniec.

(Bonawentura) Dembowski.

Franciszek Karasiński.

Górski Jakób.

Górski Adam.

Kownacki.

Rozalski Adam (?).

XIV. Тоже отъ поляковъ, жившихъ въ Руанѣ, безъ даты, съ 11 подписями:

Andrzejkowski.

?

Léon Babski.

J. Boski.

W. Roesler.

J. A. Andruszkiewicz.

J. Zellenski.

L. Przedziecki.

Paul Stawicz.

Orłowski.

Węgliński.

XV. Адресъ по-польски изъ Angoulême, отъ 6 юня 1861 г., съ 6 подписями:

«Уважаемые земляки.

«Вполнѣ одобряя обращеніе къ г-ну Герцену, просимъ Васъ присоединить къ подлиннику наши подписи. Примите братскій привѣтъ».

A. Winter, były oficer polski.

Adolf Hubrich.

Rzepnik Teodor.

Michał Wykusz.

Różycki Józef, były Major. wojsk polskich.

Felix Nowosielski.

XVI. Адресъ по-французски, изъ Алжира, отъ 30 юня 1861, съ 44 подписями:

«Гражданину Герцену,

«Редактору «Колокола» въ Лондонѣ.

«Гражданинъ, Ваши либеральныя убѣжденія, ваше искреннее сочувствіе ко всѣмъ угнетеннымъ націямъ и, въ частности, къ Польшѣ, намъ давно извѣстны. Давно, поэтому, мы привѣтствовали васъ, какъ продолжателя дѣла, начатаго Пестелемъ, Бестужевымъ, Муравьевымъ и столькими другими... Поэтому также мы съ живой радостью привѣтствовали учрежденіе вами Русской типографіи, дѣлу которой лондонскіе поляки отдали всѣ свои силы, ибо поляки,—~~вы~~ это знаете лучше, чѣмъ кто-либо,—питаютъ ненависть только къ тиранамъ и угнетателямъ... И это они доказали много и много разъ, какъ на поляхъ битвъ, сражаясь «за нашу и вашу свободу», такъ и въ изгнаніи, первые протягивая братскую руку истиннымъ русскимъ патриотамъ, стремящимся къ освобожденію своей родины... Также пожимая вашу честную руку во время публичнаго торжества, мы призвали Бога и весь міръ въ свидѣтели братскаго союза между свободною Россією и независимою Польшією!..

«Но что живо тронуло и взволновало насъ и чего мы не можемъ обойти молчаніемъ, это — то, что, клеймя, какъ они того заслуживаютъ, послѣднія убійства въ Варшавѣ безоружныхъ мужчинъ и колѣнопреклоненныхъ матерей и дѣтей, вы, русскій, предавая позору того, кто распорядился этой рѣзней, не поколебались признать предъ лицомъ всего міра и провозгласить отъ имени Россіи будущаго неоспоримое право Польши на ея автономію и древнія границы.

«Честь вамъ, гражданинъ Герценъ! Вы первый между русскими принесли новый залогъ солидарности и искренняго союза между

двумя странами, которыя желаете видѣть одинаково свободными, одинаково независимыми...

«Честь вамъ, что вы первый признали и провозгласили вѣчную истину божественнаго правосудія, что безъ свободной и независимой Польши не только невозможна свобода въ Россіи, но само существованіе ея, какъ націи, немислимо. Ибо, пока надъ Польшею будетъ тяготѣть ярмо Россіи, въ Россіи не будетъ русскихъ, а только варвары!..

«Мы, поляки, мы пойдемъ даже дальше и безъ опасенія, что насъ сочтутъ виновными въ преувеличеніи или въ самонѣнни, ибо мы можемъ доказать съ книгой въ рукахъ, что безъ свободной Польши нѣтъ свободы въ Европѣ!.. Напрасно другія націи, чтобы возвратить себѣ свободу, на время утраченную или находящуюся въ опасности, окажутъ чудеса доблести; напрасно онѣ обрекутъ себя на самыя тяжкія жертвы; даже, если онѣ напишутъ на всѣхъ своихъ знаменахъ волшебныя слова: «Свобода, Равенство, Братство»...—всѣ ихъ усилія ни къ чему не приведутъ, всѣ ихъ жертвы окажутся принесенными напрасно,—все, однимъ словомъ, будетъ только горькое разочарованіе и ложь... Ибо рядомъ съ этимъ привидѣніемъ, кровавымъ, но все еще трепещущимъ, все еще живымъ, которое называется Польшею... остальные націи могутъ влачить жалкое существованіе, но никогда не заживутъ настоящею и свободною жизнью!.. Итакъ, освобожденная Россія и независимая Польша—вотъ не только истинный союзъ между двумя народами, но и единственная гарантія свободы для Европы..

«Продолжайте же, граждане Герцень, вашъ патріотическій подвигъ, продолжайте наставлять вашихъ земляковъ, что неизмѣнны лишь законы справедливости и правосудія, что безъ нихъ народы не могутъ существовать; этимъ вы приблизите осуществленіе нашихъ самыхъ дорогихъ завѣтовъ, которымъ мы посвятили нашу жизнь: изъ двухъ народовъ, изъ которыхъ одинъ—поработитель, а другой—порабощенный, создать единый свободный и независимый народъ. Вотъ залогъ, который мы предлагаемъ черезъ вашъ журналъ отъ имени всей Польши всей Россіи.

«А теперъ поклонимся всѣ сообща святой религіи солидарности народовъ, торжество которой не можетъ быть отдаленнымъ, разъ Россія его захочетъ...

«Да здравствуетъ Россія—да здравствуетъ Польша!!!...»

M. Wszelaki.
P. Darasz Din.
Piotrowski Pharmacien.
A. Wandys (?)

Michał Cwik.
D. Sierzputowski docteur en médecine à Cherogas.
J. Męchalski.

Martin Kroczyński.
 J. Sendzimir.
 Grzegorz Pietras.
 Sierzputowski fils.
 Ziolkowski conducteur au Ponts
 et Chaussées.
 S. Ziolkowski.
 A. Zajączkowski.
 Peterski.
 J. Budzyński.
 Bebarski, employé.
 Sączewski.
 Kaluski.
 Sierzputowski.
 d. Philippinalle (?).
 Thomas Wszelaki.
 Leon Mazurkiewicz.
 W. Kościkiewicz.
 W. Mazurkiewicz.
 J. Jazkierski (?).

G. Górski.
 Szerepanski (?)
 L. Tokarski Nant à Baufarick.
 S. Wojtasiewicz Pharmacien à
 Baufarik.
 Andrzej Franckowicz.
 Joseph Jankowski.
 Rudziński propriétaire.
 Krzesławowski Jean.
 Szafronski.
 Oksestowicz.
 F. Sadziński.
 Szczepanowski.
 Edouard Seipt (?) minotier pro-
 priétaire.
 Wolski.
 B. Tolhemette?
 B. Czarkowski.
 Paprocki Grzegorz.
 Wysocki Ignacy.

XVII. Адресъ по-французски, отъ 4 іюля 1861 г., съ 397 под-
 писями изъ числа лицъ, уже подписавшихъ III адресъ:

«М. Г. Узнавъ о благородномъ негодованіи, которое въ васъ
 возбудили варшавскія убійства 27 февраля и 8 апрѣля 1861, орга-
 низованная, какъ вы сами утверждаете, столь коварно и приведенная
 въ исполненіе съ такою жестокостію, мы рѣшили, что нашъ долгъ—
 выразить вамъ наше уваженіе и политическую благодарность.

«Мы вамъ предлагаемъ нашу братскую любовь!

«Вы ее заслуживаете, М. Г., ибо въ васъ мы видимъ и при-
 вѣтствуемъ перваго русскаго, который требуетъ для Польши полной
 справедливости, ея безусловной независимости, ея историческихъ
 границъ, ея отдѣленія отъ Россіи, но, вѣрьте намъ, отдѣленія не
 для того, чтобы ненавидѣть другъ друга, а для того, чтобы прійти
 къ взаимному пониманію и къ свободному почетному союзу. Мы
 не видимъ никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ основаній для того,
 чтобы разъединить свободную Россію и независимую Польшу.

«Вы, М. Г., совершили замѣчательный патріотическій подвигъ.
 Рабство Польши есть также рабство для самой Россіи. Принимая
 принципъ возстановленія Польши, вы тѣмъ самымъ кладете прочный
 фундаментъ для искренняго соглашенія между обѣими странами и,
 въ то же время, для освобожденія славянскихъ народовъ, подчинен-

ныхъ германскому и оттоманскому владычеству. Да не покинетъ васъ никогда это святое вдохновеніе!

«Разъ Россія и Польша будутъ предоставлены самимъ себѣ и освобождены отъ власти, которая ихъ равно угнетаетъ, онѣ легко найдутъ нравственную связь, которая въ будущемъ соединитъ ихъ славныя судьбы. Между тѣмъ, какъ въ настоящее время изъ Россіи дѣлаютъ палача, предоставленнаго презрѣнію и проклятіямъ рода человѣческаго, а изъ Польши—жертву,—правда, жертву святую и безсмертную!..—вы любите ее, М. Г., и это окружаетъ ее ореоломъ... Россія подхватитъ вашъ починъ,—мы надѣемся на то, мы въ этомъ не сомнѣваемся.

«Что насъ больше всего чаруетъ въ васъ, это—возвышенность вашего ума, это—удивительная твердость вашего характера, а прежде всего—святая чистота вашей совѣсти! Передъ лицомъ: неслыханныхъ насилій; родившихся въ умѣ поистинѣ дьявольскомъ, вы ни одной минуты не колебались признать и провозгласить, что благородно понятые интересы самой Россіи требуютъ спасенія Польши! что освобожденіе Польши есть начало освобожденія самой Россіи—и такъ же, какъ въ 1854,—вы теперь проповѣдуете вашимъ русскимъ братьямъ: «Не стрѣляйте въ поляковъ; дѣлая это, вы стрѣляете въ самихъ себя, въ свою родину; польское дѣло—священное; сражаясь противъ поляковъ, вы совершаете преступленіе... лучше умирайте!».

«Въ 1831 мы сражались за нашу независимость, но также и для освобожденія Россіи, воодушевленные мыслью, что съ освобожденіемъ Польши, неминуемо падетъ деспотическая власть, угнетающая Россію. Русскіе солдаты читали на нашихъ знаменахъ эти слова: «за нашу и вашу свободу»—блестящее доказательство нашей любви и нашей преданности свободной Россіи!

«Эту миссію мы продолжаемъ и въ 1861. Наши варшавскіе братья-мученики своимъ воззваніемъ къ независимости нашей родины предали себя смерти, не имѣя и въ мысляхъ ненависти противъ русскихъ солдатъ, введенныхъ въ заблужденіе. Они отказывались убивать тѣхъ, которые ихъ умерщвляли!

«Какъ дивно понялъ дѣло Польши тотъ варшавскій рабочій, который черезъ нѣсколько минутъ послѣ рѣзни 8 апрѣля предложилъ хлѣба русскому солдату, выбившемуся изъ силъ отъ голода, хотя съ того оружія еще сочилась невинная кровь. Вотъ что значитъ умѣть принести себя въ жертву и простить!..

«Наше воззваніе въ 1831, наши мученики 1861 не остались безплодны. Есть среди русскихъ герои, которые предпочитаютъ сами быть разстрѣленными, которые раньше наложатъ на себя

руки, чѣмъ окажутся убійцами поляковъ, — женщинъ, мужчинъ, дѣтей, колѣнопреклоненныхъ и творящихъ молитву! — Поляки смотрятъ на этихъ русскихъ съ восторгомъ, глубоко почитаютъ ихъ имена и называютъ ихъ своими братьями. У Россіи и у Польши есть уже общіе мученики и общая вѣра! Изъ этой ужасной, но божественной общности зародится свобода Россіи и Польши. — Продолжайте же, М. Г., вашу неизмѣримо-великую и святую миссію, рассчитывайте на наше честное содѣйствіе и, увѣряемъ васъ, на такое же содѣйствіе всей Польши!.. Это — ея долгъ, это — законъ ея исторіи, той идеи, которая создала польскую національность! Польша имѣетъ ясное и высокое сознание того, что она дѣлаетъ!

«Мы допускаемъ, М. Г., что на пути развитія великаго принципа независимости Польши и ея будущаго союза съ Россіей, — союза, принятаго свободно и къ взаимному благу обѣихъ странъ, — встрѣтятся, быть можетъ, нѣкоторыя затрудненія, но у насъ есть твердое убѣжденіе, что взаимное прямотушіе, что пониманіе великихъ славянскихъ интересовъ, что непоколебимое желаніе создать братскій союзъ заставятъ пасть всѣ эти затрудненія, которыя менѣе серьезны, чѣмъ о нихъ думаютъ. Обратитесь къ нашей исторіи, М. Г.: она вамъ скажетъ, что никогда мы не обманули и не предали никого и что тѣмъ народамъ, которые добровольно соединились съ нами, мы давали, — или мы уважали у нихъ то, что сами любили и что любимъ со страстью, — свободу! Многаго ждите отъ нашей любви и нашей преданности великимъ интересамъ русскаго народа. Вы знаете, что о насъ говорятъ; мы привыкли дѣлать еще больше, чѣмъ общаемъ... Мы просимъ у васъ, у русскаго народа довѣрія. Мы заслуживаемъ его, мы достойны его!..

«Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ создались союзы руссиновъ, литовцевъ и малороссовъ съ Польшею въ XV и XVI столѣтіяхъ? Свободно, великодушно. У насъ просили покровительства, освобожденія, политическаго союза, братства, и мы ихъ дали. Никогда не было завоеваній, насилія, коварства, всегда были любовь и преданность! И въ томъ созидающемъ и искупляющемъ будущемъ, которое возвѣщается для Россіи и Польши, мы не отвергнемъ этихъ чувствъ, скорѣе — мы дадимъ имъ еще большіе размѣры.

«Примите, М. Г., увѣренія въ нашемъ уваженіи и братской любви. Просимъ васъ передать наши чувства привязанности и преданности вашимъ друзьямъ въ Россіи, которые, мы надѣемся, — также суть искренніе друзья Польши».

XVIII. Тоже изъ Парижа, отъ 24 мая 1861 г., съ 16 подписями:

Kiepacki.	J. Konrad.
I. Wiener.	R. Zabłoński.
Gajbowski Stefan.	J. Puliński.
H. Tyszkiewicz.	L'abbé Stankiewicz.
A. Jabłoński.	Kwapiszewski.
Kozyrski.	A. Burmacki.
Kamke.	J. Szajewski.
Kowalski Dm.	P. Boleslaw Ostrowski.

XIX. Адресъ по-польски изъ Страсбурга, съ 18 подписями:

«Господину Герцену,
Главному редактору «Колокола».
Уважаемый Редакторы!

«Польскіе эмигранты, поселившіеся въ Страсбургѣ, исполненные чувства патриотической благодарности за возвышенную, справедливую и благородную защиту ихъ несчастной отчизны, приносятъ Тебѣ, уважаемый человѣкъ, заслуженное спасибо.

«Рано или поздно Твой вѣщій «Колоколъ» вызоветъ русскій народъ изъ позорнаго рабства къ пользованію данными ему природою правомъ Свободы и человѣческимъ достоинствомъ. Рухнетъ деспотизмъ съ его варварскими основаніями, и съ нимъ—произволь, насиліе, захваты земель, разбойничество.

«На обширныхъ и плодородныхъ земляхъ Россіи и Польши, пропитанныхъ слезами и кровью милліоновъ невинныхъ жертвъ, засіяетъ истинное свободное братское счастье, и тогда Польша, наша отчизна, утвержденная изъ вѣковъ въ собственныхъ своихъ границахъ, подавая искренно руку для примиренія и братства съ Россіей, вмѣстѣ съ нею и со всѣмъ просвѣщеннымъ человѣчествомъ, будетъ благославлять Твое безсмертное имя.

«Полные благодарности и глубокаго уваженія:

Miracki Nikodem podpułkownik.	Andrzejewski żołnierz.
Józef Miracki porucznik.	de-Jaffa August.
Krajeski, stary żołnierz.	Płaskowski Alexander off.
Teodor Karczewski kapitan.	Spiegel Klemens.
Jozef Sołomin oficer.	Alexander Libiszewski.
Piasecki Wincenty oficer.	Gerchowski Konstanty.
Skrzetuski Floryan major.	Dyzmanowicz Andrzej kap.
Kormański Włodzinnierz kawaleryi	Skrzycki Jan.
major.	Karol Najwośz Paszkiewicz kapi-
Jarzyna Konstanty porucznik.	tan kawaleryi.»

Вмѣстѣ со всѣми этими документами хранится письмо анонима изъ Константинополя къ Коссиковскому, гдѣ, между прочимъ, говорится: «Турція, во всякомъ случаѣ, дастъ намъ противъ Москвы больше 60,000 войскъ и больше ста тысячъ оружія; значитъ, нужно, чтобы объ этомъ ихъ сіятельства князья не забывали... Турки, это—турки, и мы должны сидѣть спокойно и не пускаться ни на какіе адреса Герцену, потому что, если узнаютъ, что мы сочувствуемъ Герцену, они этого не оцѣнятъ; для нихъ все одно: и деспотичные и либеральные, всѣхъ они одинаково принимаютъ, говоря: «всѣ для насъ русскіе, потому что у всѣхъ ихъ одна цѣль—отнять отъ насъ славянъ». По этимъ причинамъ, слѣдствіемъ здѣшняго совѣщанія явилось то, что мы, сочувствуя адресу Герцена во всемъ его объемѣ, не должны его въ Турціи подписывать; англичане и французы или крестьяне ихъ знаютъ либеральную пользу Герцена, но даже турецкіе министры считаютъ его только русскимъ. Здѣшніе поляки хвалятъ адресъ 985 поляковъ и говорятъ, что столько подписей вполне достаточно для чести достойнаго господина Герцена». Указанный адресъ съ такою массою подписей мною не найденъ.

1647. Крайне нужно.

Что сдѣлали съ чиновникомъ, который болѣе откровенно, чѣмъ деликатно, обвинилъ Муравьева-Вѣшателя въ странныхъ и почти коммунистическихъ понятіяхъ насчетъ казенной собственности?

Отравили его? Посадили на цѣпь, въ острогъ или въ сумасшедшій дѣмъ? Послали въ Сибирь или въ крѣпость?

Благоволите сообщить въ редакцію.

1648. [Пожертвованіе].

Приславшаго намъ 25 фунтовъ для раздачи бѣднымъ полякамъ мы увѣдомляемъ, что 20 ф. нами отправлены, по совѣту генерала Мѣрославскаго, вновь прибывшимъ полякамъ въ Неаполь (откуда и имѣемъ расписку въ полученіи), а 5 ф. розданы въ Лондонѣ.

1649. [VI книжка „Полярной Звѣзды“].

Насъ спрашиваютъ изъ Петербурга, когда выйдетъ VI кн. «Полярной Звѣзды»: Мы не понимаемъ, какъ вѣсть объ ея выходѣ не дошла черезъ «Колоколь» или черезъ объявленіе Трубнера.

VI книжка «П. З.» поступила въ продажу въ началѣ *марта* *тысяча*. Кстати, мы намѣреваемся издавать «П. Зв.» отдѣльными выпусками; объ этомъ мы увѣдомимъ читателей подробнѣе.

1650. Отъ издателей.

Насъ спрашиваетъ какой-то анонимъ, правда ли, что мы не печатаемъ поправки или опроверженія по частнымъ дѣламъ? *Вздоръ!* Мы только не помѣщаемъ брани и совершеннѣйшихъ пошлостей въ родѣ французскаго письма въ защиту Петра Ольденбургскаго, которое, сверхъ всего, ещѣ надобно переводить. Мы сомнѣваемся, чтобы анонимъ писалъ изъ сочувствія къ намъ, иначе онъ не могъ бы и сомнѣваться, что мы всегда готовы помѣстить всякое важное оправданіе.

Герцогъ Омальскій на дняхъ въ очень милой рѣчи, которую онъ произнесъ въ обществѣ вспомоществованія литераторамъ, сказалъ, что онъ какъ-то толковалъ съ Броиль ¹⁾ о злоупотребленіяхъ обличительной гласности; Броиль ему замѣтилъ, что зло это несомнѣнно, но прибавилъ: «а, все-таки, не надобно до нея касаться,—если на десять челоуѣкъ, о которыхъ напечатають вздоръ, будетъ обличень и заклеимень одинъ мерзавецъ, то и тогда польза покрываетъ вредъ!».

1651. Письмо къ М. К. Рейхель.

(16—20 іюня 1861 г.).

Ну, что же, удивлены? поражены? Неподвижное двигается и запертое распирается... ²⁾

Какъ вы и юнѣйшій изъ Рейхелей?

Голицынъ, дѣйствительно,—несчастнѣйшій изъ толстыхъ, даже жаль его. Немного справился, уплатилъ часть здѣшнихъ долговъ (братъ или семья прислали) и заключилъ контрактъ съ Surrey Garden на все лѣто,—вчера огромнѣйшая зала спорѣла до тла.

Прощайте.

Я ѣду въ субботу.

¹⁾ Ашиль-Шарль, графъ (Broglie), франц. политич. дѣятель.

²⁾ О неожиданномъ разрѣшеніи Герцену ѣхать во Францію.

1652. Письмо къ Ж. Мишле.

22 Iuin 1861.

Paris, 4, Rue d'Alger.

Cher Monsieur Michelet, c'est avec intention que je n'ai pas répondu à votre bonne et amicale lettre. Vous me disiez à la fin— «Mais quand donc nous nous verrons?»—j'étais sur le départ pour Paris—et je voulais vous remercier personnellement pour cette question. J'arrive—dans votre 44, Rue de l'Ouest. «Monsieur Michelet est parti hier».—Le sort me persécute et je dois vous répondre par écrit. Je vous remercie pour toutes les choses aimables que vous dites de mon livre. A propos, j'ai lu certainement «La Mer»—mais je n'ai pas reçu d'exemplaire—je vous en parle, car c'est évidemment la faute du libraire. Je retourne dans ma tanière humide de Londres vers le 10 Juillet, peut être avant. Peut être vous me ferez cadeau de quelques lignes maintenant. L'adresse est en haut.

Je vous serre la main avec un profond respect et une sympathie sincère.

A. Herzen.

Переводъ.

22 юня. 1

Парижъ.

Дорогой г. Мишле, я съ намѣреніемъ не отвѣчалъ на ваше доброе и дружеское письмо. Въ концѣ вы мнѣ писали: «Но когда же мы увидимся?». А я собирался въ Парижъ и хотѣлъ лично поблагодарить васъ за этотъ вопросъ. Приѣзжаю въ вашъ 44, Rue de l'Ouest.—«Г. Мишле вчера уѣхалъ».—Меня преслѣдуетъ судьба, и я принужденъ отвѣчать вамъ письменно. Благодарю васъ за все то хорошее, что вы говорите о моей книгѣ. Кстати, конечно, я прочелъ «Море» ¹⁾, но не получилъ экземпляра; я говорю объ этомъ потому, что тутъ, очевидно, вина книгопродавца. Возвращаюсь въ мою лондонскую сырую берлогу къ 10 юля, можетъ, быть и раньше. Быть можетъ, вы мнѣ теперь подарите нѣсколько строчекъ. Адресъ въ заголовкѣ письма.

Жму вашу руку съ глубокимъ почтеніемъ и искреннею симпатією.

A. Герценъ.

¹⁾ «La mer», соч. Мишле (1861).

◆◆ 1. Мишле писалъ Герцену изъ Парижа 4 июня 1861: «Мой дорогой Герцень, я только-что прочиталъ вашу очаровательную книгу съ самымъ живымъ интересомъ. Въ ней сотня вещей, трепещущихъ жизнью; маленькіе евреи, встрѣченная вечеромъ женщина, исторгають слезы. До-нельзя трогательна любовная встрѣча на кладбищѣ и т. д. Это меня привело къ самой глуби вашихъ, наиболѣе жестокихъ воспоминаній,—сердце заболѣло отъ нихъ... Я также сохранилъ драгоцѣнное воспоминаніе объ этой очаровательной женщинѣ,—тотъ набросокъ портрета Бакунина, который она была такъ добра для меня сдѣлать.

«Да вознаградить васъ родина за ваши великія усилія для ея возрожденія; пусть вашъ огромнѣйшій успѣхъ хоть нѣсколько возмѣститъ за то, что вы перестрадали.

«Неужели мы никогда не встрѣтимся, хотя бы въ Бельгii или Швейцарii?—туда я отправлюсь, чтобы повидать Кинэ, въ сентябрѣ, я думаю.

«Вы должны были получить въ январѣ мою книгу *о моръ*. Я только что переиздалъ старую книгу. очень для насъ важную: «Священникъ, женщина и семья» ¹⁾); не будь она, какъ мнѣ думается, уже давно извѣстна, я бы вамъ послалъ ее. Тысяча благодарностей за вашу послѣднюю посылку. Все, что исходитъ изъ-подъ вашего пера, носитъ на себѣ яркую печать оригинальности, остроумной и краснорѣчивой. Привѣтливо жму вамъ руку».

1653. Письмо къ Владиславу Мицкевичу.

(24 июня 1861), Lundi.
4, Rue d'Alger.

Monsieur, en partant de Londres j'ai promis à mademoiselle E. Reeve de vous apporter de ses nouvelles. Si vous voulez me donner votre temps, je serai enchanté de venir chez vous. Quant à moi je suis presque toujours à la maison entre 11 et 12.

Recevez, Monsieur, mes salutations les plus empressées.

A. Herzen. ¹

Переводъ.

Милостивый Государь! передъ отъѣздомъ изъ Лондона я обѣщаль m-elle Э. Ривъ, что разскажу вамъ о ней. Если вы удѣлите

¹⁾ «Le prêtre, la femme et la famille», 1845.

мнѣ немного времени, я съ удовольствіемъ навѣщу васъ. Что касается меня, то я бываю дома почти всегда между 11 и 12.

Примите, милостивый государь, мой сердечный привѣтъ.

А. Герценъ.

◆◆ 1. Объ этой поѣздкѣ въ столицу Франціи, предпринятой ради больной дочери Ольги, Герценъ самъ сообщаетъ мало. Дополню его указанія здѣсь свидѣтельствами Огаревой и Н. А. Бѣлоголоваго, а дальше—Пассекъ.

«Испросивъ у Наполеона III позволеніе о вѣздѣ въ Парижъ для свиданія съ больной дочерью Ольгой, Герценъ отправился съ Наташей... По возвращеніи Герценъ рассказывалъ очень много о декабристѣ Волконскомъ, который показался ему очень симпатичнымъ. Двоюродный братъ Герцена Левицкій сдѣлалъ тогда превосходную фотографію съ Герцена въ сидячемъ положеніи, облокотившагося на столъ» (стр. 183, 187). Левицкій рассказалъ В. В. Стасову, какъ Герценъ, разговорившись о Россіи, вдругъ всталъ, пошелъ, заперъ двери и сказалъ: «Ну, теперь, господа, мы вотъ что сдѣлаемъ: давайте пропоемъ «Боже, царя храни». Всѣ удивились, но послушались, и «Боже, царя» было пропѣто нѣсколько разъ всѣми присутствующими». Стасовъ отъ себя пояснилъ, что, конечно, ни слова Жуковскаго, ни музыка Львова не интересовали Герцена, но дорого и горячо было воспоминаніе о Россіи и т. д... («Н. Н. Ге», 162). Я увѣренъ, что этотъ апокрифъ составленъ Левицкимъ и дорисованъ восторженнымъ Стасовымъ.

Бѣлоголовый, державшій тогда докторскіе экзамены въ Москвѣ, поѣхалъ въ Лондонъ, пользуясь вакаціями, и желалъ посвятить Герцена въ истину дѣла о дуэли Беклемишева и Неклюдова, о которой тотъ имѣлъ очень превратныя свѣдѣнія отъ Бакунина. Не заставъ Герцена въ Лондонѣ, Бѣлоголовый поѣхалъ въ Парижъ, тамъ и состоялось свиданіе. «На слѣдующій день, въ назначенное время, я былъ снова въ Люксембургской улицѣ ¹⁾, и меня ввели въ салонъ, куда не замедлилъ тотчасъ выйти и Герценъ, разлушно протягивая руку и прося садиться. Я съ понятнымъ любопытствомъ вглядывался въ черты знаменитаго писателя. Ему тогда было 45 или 46 лѣтъ, и чуть замѣтная сѣдина начинала пробиваться въ его подстриженной бородѣ; видѣнные мною фотографическіе портреты очень были схожи съ оригиналомъ, но что болѣе всего очаровывало въ немъ, чего не въ состояніи была передать никакая фотографія, это—удивительно живые глубокіе глаза, которые, освѣщая

¹⁾ Ошибка—Rue d'Alger, недалеко отъ Rue Luxembourg.

огнемъ это красивое лицо съ высокимъ, прекрасно очерченнымъ лбомъ, придавали ему особенную привлекательность... «Здѣсь заживаться мнѣ не дадутъ, такъ какъ я изгнанъ изъ предѣловъ Франціи и теперь пріѣхалъ только по особенному разрѣшенію французскаго императора, вслѣдствіе ходатайства передъ нимъ принца Наполеона... У принца страсть корчитъ изъ себя радикала и заигрывать съ революціонными представителями всѣхъ странъ; вотъ, въ бытность его въ Лондонѣ онъ завернулъ съ визитомъ и ко мнѣ и выразилъ сочувствіе моей дѣятельности. И теперь, когда мнѣ понадобилось побывать въ Парижѣ, я написалъ ему письмо съ просьбой выхлопотать мнѣ разрѣшеніе у Наполеона III на свободный кратковременный пріѣздъ и тотчасъ же получилъ отъ принца увѣдомленіе, что его кузень соизволилъ разрѣшить». Когда Бѣлоголовый посвятилъ Герцена въ сибирскія дѣла и нарисовалъ ему картину муравьевскаго диктаторства, роль Бакунина, увлекавшагося Муравьевымъ, стала не совсѣмъ удобной. Герценъ сказалъ Бѣлоголовому: «Мало того, что съ Бакунинымъ меня связываетъ старинная дружба; я никогда не могу и даже не долженъ забывать, что этотъ человѣкъ всю свою жизнь борется за человѣческую свободу, и чего-чего не вынесъ онъ за упорство въ этой неравной борьбѣ и за непреклонность своихъ убѣжденій: сидѣлъ и въ австрійскихъ, и въ русскихъ крѣпостяхъ и вотъ теперь засаженъ, быть можетъ, навсегда въ Сибири. У меня рѣшительно не поднялась бы рука напечатать что-нибудь противъ него. А потому не сердитесь на меня; я вамъ вѣрю; хотя разсказъ вашъ заставляетъ тускнѣть образъ героя-Бакунина, но вы поймете сами, что печатать мнѣ теперь какое-нибудь разоблаченіе противъ него, когда онъ въ ссылкѣ и не можетъ ничего сказать въ защиту своихъ поступковъ, было бы съ моей стороны болѣе, чѣмъ непростительно. Правда—мнѣ мать, но и Бакунинъ—мнѣ Бакунинъ» (Бѣлоголовый, «Воспоминанія», 535—537).

1654. Письмо къ Владиславу Мицкевичу.

29 juin 1861.

4, Rue d'Alger.

Monsieur, je viendrai, si ce temps est libre pour Vous, demain à 4 h. $\frac{1}{2}$ à 4 $\frac{1}{2}$; si vous désirez changer le jour, je pourrai venir ou lundi ou mardi, écrivez moi dans ce dernier cas un mot et recevez l'assurance de ma parfaite considération.

Al. Herzen.

Переводъ.

Милостивый Государь, я приду завтра, часа въ 4 — 4¹/₂, если Вы свободны въ это время; если вы желаете перемѣнить день, я могу быть у васъ въ понедѣльникъ или во вторникъ; въ такомъ случаѣ черкните мнѣ словечко. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Ал. Герценъ.

1655. (А. Салтыковъ).

А по справкѣ оказалось: дикій любитель просвѣщенія и Харьковской губерніи меценатъ, запретившій учителю курить папирску въ своемъ присутствіи («Кол.» л. 91),—не хлысть, не молоканъ, вообще не расколникъ, а *свѣтлѣйшій князь* А. Салтыковъ. Какой милый!

1656. (Правда ли?)

Правда ли, что есть между студентами петербургскаго университета молодые люди, подозрѣваемые въ связяхъ съ III Отдѣленіемъ? Если правда, что же ихъ терпятъ студенты? Пусть они ихъ или оправдаютъ или обличать и въ послѣднемъ случаѣ пусть ихъ вытѣснятъ, покроютъ позоромъ, пусть пришлютъ намъ имена ихъ.

1657. Дѣти, загрызенныя крысами.

Мы много разъ получали письма насчетъ сквернаго содержанія воспитанниковъ въ мужскихъ и женскихъ институтахъ, особенно въ московскихъ. Мы даже и не дивились этому: это такъ и должно быть тамъ, гдѣ нѣтъ гласности, а казнокрадовъ очень много, гдѣ начальникъ не умѣетъ въ самомъ дѣлѣ пробовать пищу дѣтей, а доктора слишкомъ привыкли къ анатомическому театру, чтобы придираться къ гнилому мясу и изъ-за такой бездѣлицы огорчать директора и добраго мясника. Все это такъ обыкновенно, такъ должно быть, что мы и не печатали о негодныхъ съѣстныхъ припасахъ. На дняхъ мы получили письмо, что иногда сами дѣти превращаются въ съѣстные припасы, и мы требуемъ во имя всего человѣческаго и честнаго, чтобы намъ написали, правда ли это? Не можетъ же быть, чтобы кто-нибудь,—ну, хоть Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій, упорный и хроническій ректоръ московскаго университета,—не слыхаль объ этомъ ¹⁾.

¹⁾ Слѣдуетъ описаніе ужасовъ, царившихъ въ Воспитательномъ домѣ гдѣ крысы загрызли двухъ малютокъ.

1658. Инквизиторъ В. Аскоченскій и его жертва.

«2 марта 1861 г. отправился изъ Петербурга въ заточеніе *навсегда*, въ Никитскій монастырь (въ Переяславль-Залѣсскомъ Владимірской губерніи) авторъ недавно отпечатанныхъ книгъ: а) *Объ отношеніи православія къ современности* и б) *Трехъ писемъ къ Гоюлю*, писанныхъ имъ въ 1848 г. Книги эти, въ которыхъ почти впервые въ Россіи выступила богословская мысль на поприще свѣтской литературы, были причиною того, что св. синодъ (?) счелъ нужнымъ сослать автора ихъ архимандрита Θεодора, бывшаго бакалавромъ московской академіи, потомъ инспекторомъ казанской академіи и, наконецъ, членомъ цензурнаго комитета, въ заточеніе...¹⁾

Г. Аскоченскій, получающій отъ митрополита Исидора нѣскольکو тысячъ на поддержаніе своего пошлаго журнала²⁾, былъ одною изъ главныхъ причинъ политической смерти арх. Θεодора, растолковавъ преосв. Исидору, что авторъ, архимандритъ, явившійся въ свѣтской литературѣ съ своими сочиненіями, есть лицо неправославное, унижающее свой санъ похвалами и сочувствіемъ къ свѣтской литературѣ и т. п...

Вотъ какія вещи производитъ *записавшійся во святые* Аскоченскій...

Итакъ, человекъ съ сильною душою, бывший едва ли не единою опорой для студентовъ казанской духовной академіи, желавшій развиваться, осужденъ жить до гроба среди необразованныхъ монаховъ, подъ началомъ какого-нибудь настоятеля сомнительнаго образованія и добродѣтелей!!...

Однако, пора перестать смѣяться надъ этимъ клоповникомъ православія и надъ его редакторомъ; это, наконецъ, не смѣшно, а отвратительно.

¹⁾ Таково было полученное Герценомъ неточное сообщеніе. Архимандритъ Θεодоръ, въ міру Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ, былъ очень видной фигурой среди тогдашняго духовенства. Обликъ этого человека и преслѣдованія, которымъ онъ подвергся со стороны Аскоченскаго, хорошо очерчены проф. П. В. Знаменскимъ въ брошюрѣ «Православіе и современная жизнь», М., 1906 г.; литературная его дѣятельность указана въ «Справочномъ словарѣ etc.», Г. Геннади, Берлинъ, I, 1876.

²⁾ «Домашняя Бесѣда».

1659. Отъ издателей.

Мы получили благородное, прекрасное письмо о польскихъ дѣлахъ, писанное *русскимъ офицеромъ*. Мы помѣстимъ его въ предстоящемъ выпускѣ «Полярной Звѣзды» ¹⁾.

◆◆ 1. Какъ разъ въ это время въ Лондонѣ былъ полковникъ Н. Н. Обручевъ, впоследствии начальникъ главнаго штаба, тогда командированный за границу профессоръ военной статистики. Всѣ указанія на его связи съ Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и вообще радикальными и либеральными кружками петербургской интеллигенции, съ одной стороны, и указаніе Огарева въ одномъ изъ его писемъ, хранящихся въ Румянц. музеѣ, на ту помощь, которую оказалъ ему Обручевъ при составленіи статьи «Что нужно народу?», напечатанной въ № 102 «Колокола» отъ 1 іюля 1861 г.,—съ другой; наконецъ, его тогдашняя солидарность съ Герценомъ именно въ польскомъ вопросѣ, удостовѣренная въ томъ же письмѣ Огарева,—позволяютъ предположить, что этимъ «русскимъ офицеромъ» и былъ именно Н. Н. Обручевъ. О его прїѣздѣ въ Лондонъ Н. А. Огарева говоритъ: «Онъ мало говорилъ,—казалось, всматривался въ дѣятельность издателей «Колокола». Вскорѣ онъ сблизился съ Огаревымъ... Об—въ прожилъ довольно долго въ Лондонѣ и въ то время относился очень сочувственно къ Герцену и Огареву» («Воспоминанія», 199—200).

Здѣсь кстати остановиться на указанной статьѣ Огарева «Что нужно народу?». Статья написана простымъ языкомъ, очень понятнымъ для мало-мальски грамотнаго человѣка, и тогда же была переиздана отдѣльнымъ листомъ въ форматѣ «Колокола» и небольшою брошюрой и отправлена въ Россію въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ.

Написанная не безъ совѣтовъ и указаній Н. А. Серно-Соловьевича. Н. Н. Обручева, А. А. Слѣпцова, М. Л. Налбандьяна и др. она имѣла значеніе, какъ основа будущаго тайнаго общества «Земля и Воля», которое уже было задумано Огаревымъ и Н. А. Серно-Соловьевичемъ, что совершенно ясно изъ документовъ архива семьи Герцена. На основѣ этой статьи, ставшей политической программой, должна была происходить осторожная организація общественныхъ силъ въ народѣ, интеллигенціи и арміи. Герценъ отно-

¹⁾ Не появилось.

сился къ этой мысли очень сдержанно, не особенно вѣрилъ въ ея осуществимость, но и не расхолаживалъ своего друга. Когда приѣхалъ Бакунинъ, послѣдній очень дѣятельно взялся за помощь новому дѣлу. Сконструировалось общество, въ видѣ Русскаго Центральнаго Народнаго комитета, къ концу 1862 года, а съ началомъ 1863-го оно уже имѣло нѣсколько провинціальныхъ комитетовъ (московскій, казанскій, нижегородскій, харьковскій). Къ концу 1863 г. общество замерло, а затѣмъ и просто исчезло.

Таково безспорное содержаніе имѣющихся въ моихъ рукахъ документовъ, мало соотвѣтствующее отрывочнымъ свѣдѣніямъ, до сихъ поръ появившимся въ печати. Когда слѣдственная комиссія кн. А. Ѳ. Голицына писала: «Герценъ, Бакунинъ и Огаревъ, замысливъ совершить государственный переворотъ въ Россіи, образовали тайное общество «Земля и Воля» и чрезъ особо избранныхъ агентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Тифлисѣ и другихъ мѣстахъ стремились привести въ исполненіе свои мятежныя намѣренія»,—она ошибалась меньше (если откинуть Герцена), чѣмъ ошибся оспаривавшій комиссію Богучарскій, вообще, кстати сказать, проявившій малую освѣдомленность въ революціонной работѣ эпохи 60-хъ годовъ, которую онъ зналъ гораздо слабѣе позднѣйшихъ теченій и фактовъ. Доводы его противъ утвержденія комиссіи таковы:

а) изъ трехъ лондонскихъ агитаторовъ наиболѣе вѣрилъ или показывалъ видъ, что вѣрилъ въ эту организацію, Бакунинъ;

б) но даже онъ писалъ 4 марта 1864 года Герцену и Огареву такія строки: «придется вамъ требовать вѣрнаго человѣка въ Одессѣ отъ «Земли и Воли», если «З. и В.» дѣйствительность, а не призракъ»;

в) въ 1864 г. «З. и В.» перестала существовать («Голосъ Минувшаго» 1915, IV, 215—216),

Казалось бы, дѣйствительная безспорность третьяго положенія должна была бы навести Богучарскаго на мысль, что именно благодаря ей, получаетъ особый смыслъ его цитата изъ письма Бакунина, но онъ игнорировалъ это простое соображеніе и потому впалъ въ крупную ошибку, которую я объясняю исключительнымъ его довѣріемъ къ «историческимъ» источникамъ въ родѣ разсказа г. Пантелѣева, — въ противномъ случаѣ онъ не сталъ бы аргументировать *такъ* ошибку комиссіи.

Въ комментаріяхъ къ 1862 и 1863 гг. мною будутъ даны новыя матеріалы по исторіи «Земли и Воли». Здѣсь, въ виду большой важности статьи-прокламаціи для опредѣленія общественно-политической позиціи «Колокола», привожу ее полностью и при-

томъ безъ какихъ бы то ни было измѣненій и поправокъ. Въ послѣдствіи «З. и В.» пошли значительно лѣвѣе.

Что нужно народу?

Очень просто, народу нужна земля да воля.

Безъ земли народу жить нельзя, да безъ земли нельзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. *Земля никому другому не принадлежит какъ народу.* Кто занялъ землю, которую зовутъ Россіей? кто ее воздѣлалъ, кто ее съ поконъ вѣковъ отвоёвывалъ, да отстаивалъ противъ всякихъ враговъ? Народъ, никто другой какъ народъ. Сколько погибло народа на войнахъ, того и не перечесть! Въ одни послѣднія пятьдесятъ лѣтъ куда болѣе милліона крестьянъ погибло, лишь бы отстоять народную землю. Приходилъ въ 1812 году Наполеонъ, его выгнали, да вѣдь не даромъ: слишкомъ восемь сотъ тысячъ своего народа уложили. Приходили вотъ теперь въ Крымъ англо-французы; и тутъ слишкомъ пятьдесятъ тысячъ людей было убито или умерло отъ ранъ. А кромѣ этихъ двухъ большихъ войнъ, сколько въ эти же пятьдесятъ лѣтъ уложили народа въ другихъ малыхъ войнахъ? Для чего же все это? Сами цари твердили народу: «для того, *чтобы отстоять свою землю*». Не отстаивай народъ русской земли, не было бы и русскаго царства, не было бы и царей и помѣщиковъ.

И всегда такъ бывало. Какъ придетъ къ намъ какой-нибудь недругъ, такъ народу и кричатъ: давай солдатъ, давай денегъ, вооружайся, отстаивай родную землю! Народъ и отстаивалъ. А теперь и царь и помѣщики будто забыли, что народъ тысячу лѣтъ лилъ потъ и кровь, чтобъ выработать и отстоять свою землю, и говорятъ народу: «покупай, молъ еще эту землю, за деньги». Нѣтъ! это ужъ искаріотство. Коли торговать землей, такъ торговать ею тому, кто ее добылъ. И если цари и помѣщики не хотятъ за одно, нераздѣльно съ народомъ владѣть землей, такъ пусть же *они* покупаютъ землю, а не народъ, ибо земля не ихняя, а народная, и пришла она народу не отъ царей и помѣщиковъ, а отъ дѣдовъ, которые заселили ее во времена, когда о помѣщикахъ и царяхъ еще и помину не было.

Народъ, съ поконъ вѣковъ, *на самомъ дѣлѣ* владѣлъ землей, *на самомъ дѣлѣ* лилъ за землю *потъ и кровь*, а приказные *на бумагѣ чернилами* отписывали эту землю помѣщикамъ да въ царскую казну. вмѣстѣ съ землей и самый народъ забрали въ неволю, и хотѣли увѣрить, что это и есть законъ, это и есть божеская правда. Однако никого не увѣрили. Плетями народъ сѣкли, пулями

стрѣляли, въ каторгу ссылали, чтобы народъ повиновался приказному закону. Народъ замолчалъ, а все не повѣрилъ. И изъ неправого дѣла все-же не вышло дѣла праваго. Притѣсненіями только народъ и государство раззорили.

Увидѣли теперъ сами, что по прежнему жить нельзя. Задумали исправить дѣло. Четыре года писали да переписывали свои бумаги. Наконецъ рѣшили дѣло и объявили народу свободу. Послали повсюду генераловъ и чиновниковъ читать манифестъ и слушать по церквамъ молебны. Молись молъ богу за царя, да за волю, да за свое будущее счастье.

Народъ повѣрилъ, обрадовался и сталъ молиться.

Однако какъ зачали генералы да чиновники толковать народу *Положенія*, оказывается, что воля дана только на словахъ, а не на дѣлѣ. Что въ новыхъ положеніяхъ прежніе приказные законы только на другой бумагѣ, другими словами переписаны. И барщину и оброки отбывай помѣщику по прежнему, хочешь получить свою избу и землю, выкупай ихъ на свои собственные деньги. Выдумали переходное состояніе. Не то на два года, не то на шесть, не то на девять лѣтъ опредѣлили для народа новое крѣпостное состояніе, гдѣ помѣщикъ будетъ сѣчь черезъ начальство, гдѣ судъ будетъ творить начальство, гдѣ все перепутано такъ, что еслибъ въ этихъ царскихъ положеніяхъ и нашлась какая-нибудь льготная крупца для народа, то ею и воспользоваться нельзя. И государственнымъ крестьянамъ по прежнему ихъ горькую судьбу оставили, и землей и народомъ оставили владѣть все тѣхъ же чиновников, а хочешь на волю такъ выкупай твою землю. Слушаетъ народъ, что ему толкуютъ генералы и чиновники про волю, и понять не можетъ—какая это воля безъ земли подъ помѣщичьими и чиновничьими розгами. Вѣрить не хочетъ народъ, чтобы его такъ безчестно обманули. Быть, говорить, не можетъ, чтобы царь своимъ словомъ четыре года ласкалъ насъ свободой, а теперъ на дѣлѣ, подарилъ бы прежней барщиной и оброкомъ, прежними розгами и побоями.

Хорошо кто не повѣрилъ, да смолчалъ; а кто не повѣрилъ, да сталъ тужить по несбывшейся волѣ, тѣхъ пришли вразумлять плетьюми, штыками да пулями. И полилась по Руси безвинная кровь. Въмѣсто молитвъ за царя, раздались стоны мучениковъ, падающихъ подъ плетьюми и пулями, да изнемогающихъ подъ желѣзами по сибирской дорогѣ.

Такъ то опять плетьюми да каторгой хотятъ заставить народъ вѣрить, что новый приказный законъ есть божеская правда.

Да еще глумятся царь да вельможи, говорятъ, что черезъ два года будетъ воля. Откуда же она будетъ воля то? Землю урѣжутъ, да за урѣзанную заставятъ платить въ три-дорого, да отдадутъ народъ подъ власть чиновниковъ, чтобъ и сверхъ этихъ тройныхъ денегъ еще втрое грабежемъ выжимали; и чуть кто не дастъ себя грабить, такъ опять плети да каторга. Ничего они, не то что черезъ два года — а *никогда* для народа не сдѣлаютъ, потому что ихъ выгода рабство народное, а не свобода.

И откуда это народу такая бѣда, что живетъ онъ, живетъ, работаетъ, работаетъ, а до правды дожить не можетъ и вѣчно народомъ торгуютъ?

Какъ откуда? Ради чего Юда Христа продалъ? Ради алчности. Таже алчность заставляетъ и царей, и помѣщиковъ, и чиновниковъ торговать народною землею, народною кровью и обманывать народъ. Чтобы имъ была во всемъ излишняя роскошь, народъ живи въ бѣдности, неволѣ, невѣжествѣ.

Землю отъ народа отписали за себя. Все что народъ ни работаетъ—подавай ко двору, да въ казну, да дворянамъ; а самъ вѣчно сиди въ гнилой рубахѣ, да въ дырявыхъ лаптяхъ.

Свободу отняли. Шагу не смѣй сдѣлать безъ чиновничьяго позволения, безъ паспорта или билета, и за все плати.

Ничему народъ не учили. Деньги, что собираютъ на народное ученье, соряютъ на царскія конюшни и псарни, на чиновниковъ и ненужное войско, которое стрѣляло бы по народу.

Понимаютъ сами, что такъ быть нельзя, что съ такимъ искаріотствомъ и народъ згубишь, и царство згубишь и самихъ себя ни причемъ оставишь. Сами сознаются передъ народомъ, что надо дать ему поправиться; а какъ до дѣла дойдетъ, алчности то своей преодолѣть не могутъ. Жалко царю своихъ безсчетныхъ дворцовъ съ тысячами лакеевъ и араповъ, жалко царицѣ своихъ парчей и брилліантовъ. Еще не сдумѣли они полюбить народа болѣе чѣмъ своихъ охотничьихъ собакъ, чѣмъ золотую посуду, чѣмъ пиры и забавы. Вотъ и не могутъ они отрѣшиться и унять своихъ вельможъ и чиновниковъ, которые помогаютъ имъ собирать съ народа милліоны рублей, да и сами на себя тянутъ столько же. Не могутъ побѣдить своей алчности, вотъ и двоедушничаютъ. И пишетъ царь такіе манифесты, которыхъ народъ въ толкъ взять не можетъ. На словахъ будто добръ и говоритъ съ народомъ по совѣсти; а какъ слова на дѣлѣ исполнять приходится, держится съ вельможами все той же алчности. На словахъ отъ царской доброты народу радость и веселье, а на дѣлѣ, все прежнее горе да слезы. На словахъ народу отъ царя воля, а на дѣлѣ, за эту же волю,

царскіе генералы сѣкутъ народъ да въ Сибирь ссылають, да разстрѣливають.

Нѣтъ! двоедушничать съ народомъ и обманывать его — безчестно и преступно. Торговать землей и волей народа, не то ли же, что Іудѣ торговать Христомъ? Нѣтъ, дѣло народа должно быть рѣшено безъ торга, по совѣсти и правдѣ. Рѣшеніе должно быть простое, откровенное, всякому понятное; чтобы словъ рѣшенія, разъ произнесенныхъ, ни царь, ни помѣщики съ чиновниками перетолковывать не могли. Чтобы ради глупыхъ, безтолковыхъ, измѣнническихъ словъ не лилось неповинной крови.

Что нужно народу?

Земля, воля, образованіе.

Чтобы народъ получилъ ихъ на самомъ дѣлѣ необходимо:

1) Объявить, что всѣ крестьяне свободны съ той землей, которую теперь владѣютъ. У кого нѣтъ земли, на примѣръ у дворовыхъ и нѣкоторыхъ заводскихъ, тѣмъ дать участки изъ земель государственныхъ, то есть народныхъ, никѣмъ еще не занятыхъ. У кого изъ помѣщиковъ крестьянъ земли не въ достачу, тѣмъ прирѣзать земли отъ помѣщиковъ, или дать земли на выселокъ. Такъ чтобы ни одинъ крестьянинъ безъ достаточнаго количества земли не остался. Землей владѣть крестьянамъ собща, т. е. общинами. А когда въ какой общинѣ народится слишкомъ много народу, такъ что тѣсно станетъ, дать той общинѣ для крестьянъ сколько нужно земли на выселокъ изъ пустопорожнихъ удобныхъ земель. Въ тысячу лѣтъ русскій народъ заселилъ и завоевалъ земли столько, что ему ее на многіе вѣка хватить. Знай плодись, а въ землѣ отказа быть не можетъ.

2) Какъ весь народъ будетъ владѣть общей народной землей, такъ значить весь народъ за пользованіе этой землей будетъ платить и подати на общія народныя нужды, въ общую государственную (народную) казну. Для сего освобожденныхъ съ землей крестьянъ обложить такою-же податью, какую нынѣ платятъ государственные крестьяне, но не болѣе. Подати тѣ вносить крестьянамъ собща, за круговую порукою; чтобы крестьяне каждой общины отвѣчали другъ за друга.

3) Хотя помѣщики триста лѣтъ и владѣли неправо землей, однако народъ ихъ обижать не хочетъ. Пусть имъ казначейство выдаетъ ежегодно, въ пособіе или вознагражденіе, сколько нужно, примѣрно хоть шестьдесятъ милліоновъ въ годъ ¹⁾, изъ общихъ

¹⁾ Если принять 60 милліоновъ за проценты съ капитала, по 6 на сто, то капитала выйдеть тысячу милліоновъ. Если ежегодно отсчитывать изъ

государственныхъ податей. Лишь бы народу осталась вся земля, которую онъ теперь на себя пашетъ, на которой живетъ, съ которой кормится и отапливается, съ которой скотъ свой кормить и поить, да лишь бы подати ни въ какомъ случаѣ не повышали, а то народъ на отсчитываніе вознагражденія помѣщикамъ изъ податей согласенъ. А сколько кому изъ отсчитываемыхъ на это изъ податей денегъ приходится, помѣщики сами промежъ себя по губерніямъ согласиться могутъ. Народу это все равно, лишь бы подать не повышали. Помѣщичьихъ крестьянъ по послѣдней ревизіи считается всего 11,024,108 душъ. Если ихъ обложить одинаковою податю съ государственными крестьянами, т. е. рублей по семи съ души въ годъ, то отсчитавъ, изъ этихъ семи рублей, около 1 руб. 60 коп. серебромъ, которые помѣщичьи крестьяне нынѣ платятъ въ казну (подушными и разными повинностями) останется за тѣмъ съ каждой души около 5 рублей 40 коп. сер., а отъ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи, около шестидесяти милліоновъ рублей серебромъ. Значитъ есть чѣмъ пособить и вознаградить помѣщиковъ; больше этого имъ и желать стыдно, и давать не слѣдуетъ.

4) Если при такой подати, до полныхъ 60 милліоновъ, слѣдующихъ помѣщикамъ чего и не хватитъ, то для покрытія недостатка, все таки никакихъ лишнихъ податей требовать не надо. А слѣдуетъ убавить расходъ на войско. Русской народъ живетъ въ миру со всѣми сосѣдями и хочетъ жить съ ними въ миру; стало ему огромнаго войска, которымъ только царь тѣшится, да по мужикамъ стрѣляетъ, не надо. А потому войско слѣдуетъ сократить на половину. Теперь на войско и на флотъ тратится сто двадцать милліоновъ, а все безъ толку. Съ народа собираютъ на войско денегъ кучу, а до солдата мало доходитъ. Изъ ста двадцати милліоновъ, сорокъ милліоновъ идетъ на однихъ только военныхъ

числа податей въ пользу помѣщиковъ 60 милліоновъ, такъ чтобъ шестой процентъ шелъ на уплату капитала, то черезъ 37 лѣтъ всѣ тысячу милліоновъ будутъ выплачены и съ процентами по 5 на сто—и слѣдственно помѣщикъ вознагражденъ какъ нельзя лучше, съ лихвою. Помѣщикамъ выдать теперь вмѣсто капитала билеты, на которыхъ прописано сколько кому слѣдуетъ получать въ тридцатисемилѣтній срокъ; они эти билеты могутъ сейчасъ, кто хочетъ, продавать и имѣть деньги на новыя обзаведенія и наемъ рабочихъ; тогда проценты по билетамъ, какъ теперь изъ ломбарда, будетъ получать изъ казначейства кто ихъ купилъ, у кого они въ рукахъ. А это народу все равно, лишь бы податей не повышали; а черезъ 37 лѣтъ нечего будетъ изъ податей отсчитывать на уплату по билетамъ, все будетъ выплачено; надо будетъ подати или понизить или употреблять на общее народу полезное дѣло.

чиновниковъ (на военное управленіе), которые еще кромѣ того сами знатно казну разворовываютъ. Какъ сократить войско на половину, да въ особенности посократить военныхъ чиновниковъ, такъ и солдатамъ будетъ лучше, да и излишекъ отъ расходовъ на войско большой останется, миллионовъ въ сорокъ серебромъ. Съ такимъ излишкомъ, какъ бы ни было велико вознагражденіе помѣщикамъ, а уплатить будетъ чѣмъ. Податей не прибавится, а распредѣлятся онѣ разумнѣе. Тѣже деньги, которыя народъ теперь платитъ на лишнее войско, чтобъ царь тѣмъ войскомъ по народу стрѣлялъ, пойдутъ не въ смерть, а въ жизнь народу, чтобъ выйти народу спокойно на волю съ своею землею.

5) И собственные расходы царскаго правительства надо сократить. вмѣсто того, чтобъ строить царю конюшни да псарни, лучше строить хорошія дороги, да ремесленныя, земледѣльческія и всякія пригодныя народу школы и заведенія. При томъ само собой разумѣется, что царю и семьѣ царской нечего напрасно присваивать себѣ удѣльныхъ и заводскихъ крестьянъ и доходы съ нихъ; надо чтобъ крестьянство было одно и платило бы одинаковую подать, а изъ подати и будутъ отсчитывать сколько царю за управленіе положить можно.

6) Избавить народъ отъ чиновниковъ. Для этого надо, чтобъ крестьяне, и въ общинахъ и въ волостяхъ, управлялись бы сами, своими выборными. Сельскихъ и волостныхъ старшинъ опредѣляли бы своимъ выборомъ и отрѣшали бы своимъ судомъ. Между собой судились бы своимъ третейскимъ судомъ или на міру. Сельскую и волостную полицію справляли бы сами своими выборными людьми. И чтобъ во все это, равно какъ и въ то, кто какую работою или торговлей и промысломъ занимается, отнынѣ ни одинъ помѣщикъ или чиновникъ не вмѣшивался бы, лишь бы крестьяне во время вносили свою подать. А за это, какъ сказано, отвѣчаетъ круговая порука. Для легкости же круговой поруки, крестьяне каждой общины промежъ себя сдѣлаютъ складчину, то есть составятъ мірскіе капиталы. Случится ли съ кѣмъ бѣда, міръ ссудитъ его изъ этого капитала и не дастъ погибнуть; запоздалъ ли кто податью—міръ внесетъ за него подать въ срокъ, дастъ ему время поправиться. Понадобилось ли для всей общины построить мельницу, или магазинъ, или купить машину, общественный капиталъ поможетъ имъ сладить общепольное дѣло. Общественный капиталъ и хозяйству сельскому поможетъ, да и отъ чиновниковъ спасетъ, такъ какъ при исправномъ платежѣ податей ни одинъ чиновникъ никого и притѣснить не можетъ. Тутъ то и важно, чтобъ всѣ стояли за одного. Дашь одного въ обиду — всѣхъ обидятъ. Само

собой разумѣется не надо, чтобъ до этого капитала чиновникъ пальцемъ дотронулся; а тѣ, которымъ миръ его поручить, тѣ въ немъ отчетъ міру и дадутъ.

7) А для того чтобъ народъ, получивъ землю и волю, сохранилъ бы ихъ на вѣчныя времена; для того, чтобы царь не облагалъ произвольно народъ тяжкими податями и повинностями, не держалъ бы на народныя деньги лишняго войска и лишнихъ чиновниковъ, которые давили бы народъ; для того, чтобы царь не могъ прокучивать народныя деньги на пиры, а расходовалъ бы ихъ по совѣсти на народныя нужды и образование—надо, чтобъ подати и повинности опредѣлялъ бы и раскладывалъ промежъ себя самъ народъ черезъ своихъ выборныхъ. Въ каждой волости, выборные отъ сель рѣшатъ промежъ себя сколько надо собрать съ своего народа денегъ на общія нужды волости, и выберутъ промежъ себя довѣреннаго человѣка, котораго пошлютъ въ уѣздъ, чтобъ вмѣстѣ съ выборными отъ другихъ волостей, и зѣмлевладѣльцевъ, и городскихъ обывателей, рѣшить какія нужны подати и повинности по уѣзду. Эти выборные, на уѣздномъ сходѣ, выберутъ промежъ себя довѣренныхъ людей и пошлютъ ихъ въ губернской городъ, чтобы рѣшить какія народу принять повинности по губерніи. Наконецъ выборные отъ губерній съѣдутся въ столицу къ царю и порѣшатъ какія повинности и подати должны быть отбываемы народомъ для нуждъ государственныхъ, т. е. общихъ для всего русскаго народа.

Довѣренные отъ народа люди не дадутъ народа въ обиду, не позволятъ брать съ народа лишнихъ денегъ; а безъ лишнихъ денегъ не изъ чѣго будетъ содержать и лишняго войска и лишнихъ чиновниковъ. Народъ, значить, будетъ жить счастливо, безъ пригнѣсеній.

Довѣренные люди рѣшатъ сколько податей платить народу и какъ платить ихъ, чтобы никому не было обидно. Какъ соберутся выборные да столкнутся, имъ ужъ можно будетъ порѣшить, чтобы подать платилась не съ души, а съ земли. У какой общины земли болѣе, да земля получше, той значить, и платить податей придется болѣе; а кто землей бѣднѣе—тѣ и платить будутъ менѣе. Тутъ и помѣщики съ своей земли платить будутъ. Значить дѣло будетъ справедливѣе и для народа льготнѣе. Довѣренные же рѣшатъ какъ по справедливости отбывать рекрутскую повинность; какъ по справедливости отбывать дорожную, постоянную и подводную повинности; оцѣнять ихъ деньгами и разложить по всему народу безобидно. Разочтутъ всякую народную копѣйку на какое именно дѣло ей идти: сколько денегъ на правительство, сколько на войско, сколько на суды, сколько на училища народныя, сколько

на дороги. И что рѣшать, то только и будетъ. Какъ пройдетъ годъ, такъ въ каждой копѣйкѣ подай отчетъ народу — куда она истрачена.

Вотъ тогда народъ и будетъ въ самомъ дѣлѣ благоденствовать. Вотъ что нужно народу. безъ чего онъ жить не можетъ.

Да кто же будетъ ему такимъ другомъ, что доставитъ ему все это?

До сихъ поръ народъ вѣровалъ, что такимъ другомъ ему будетъ нынѣшній царь. Что не въ примѣръ прежнихъ царей, которые отписали землю отъ народа и отдали его въ неволю вельможамъ помѣщикамъ и чиновникамъ, новый царь осчастливитъ народъ. Только какъ пришли генералы съ солдатами разстрѣливать народъ за волю и сбѣчь шпицрутенами, такъ пришлось и про новаго царя сказать тоже, что пророкъ Самуиль говорилъ народу израильскому, когда совѣтывалъ ему обойтись безъ царя: «И по тавить (царь) тебѣ сотники и тысящники; и дщери ваши возьметъ въ муроварницы и поварницы; и селы ваши и винограды ваши и маслична ваша драгя возьметъ и отдасть рабомъ своимъ; и сѣмена ваша и винограды ваша одесятствуетъ; и стада ваша блаяя возьметъ и одесятствуетъ на дѣла своя; и пажити ваша одесятствуетъ и вы будете ему рабы» ¹⁾. Иными словами: не жди отъ царя никакого добра, а только одного зла, такъ какъ по алчности своей цари и волю и достатокъ народа обираютъ неминуемо. И нашъ царь, что приказываетъ стрѣлять по народу, оказывается, значитъ, царемъ самуиловскимъ. Того и смотри, что онъ не другъ, а первый врагъ народа. Говорятъ, что онъ добрый: да что же бы онъ могъ хуже теперешняго сдѣлать, когда бъ онъ былъ злой? Пусть же народъ подождетъ молиться за него, а своимъ чутьемъ да здравымъ смысломъ, поищетъ себѣ друзей понадежнѣе, друзей настоящихъ, людей преданныхъ.

Пуще всего надо народу сближаться съ войскомъ. И отецъ ли, мать ли снаряжаетъ сына въ рекруты—не забывай народной воли, бери съ сына клятву, что по народу стрѣлять не будетъ, не будетъ убійцей отцовъ, матерей и сестеръ кровныхъ, кто бы ни далъ приказъ стрѣлять, хотя бы самъ царь, потому что такой приказъ, хотя бы и царскій, все же приказъ окаянный. За тѣмъ ищи себѣ друзей и по выше.

Когда найдется офицеръ, который научить солдатъ, что стрѣлять по народу грѣхъ смертный—знай народъ, что это другъ его, который стоитъ за землю мирскую да за волю народную.

¹⁾ I кн. Царствъ, гл. VIII («Ч. н. н.»).

Найдется ли помѣщикъ, который тотчасъ отпуститъ крестьянъ на волю со всею ихъ землею, самымъ льготнымъ способомъ и ни въ чемъ не обидитъ, а во всемъ поможетъ; найдется ли купецъ, который не пожалѣетъ своихъ рублей на освобожденіе; найдется ли такой человѣкъ, у котораго ни крестьянъ, ни рублей нѣтъ, но который всю жизнь и думалъ и учился, и писалъ и печаталъ только для того, какъ бы лучше устроить землю мірскую да волю народную: знай народъ—это все друзья его.

Шумѣть безъ толку и лѣзть подъ пулю въ разбивку нечего; а надо, молча, собраться съ силами, искать людей преданныхъ, которые помогали бы и совѣтомъ и руководствомъ, и словомъ и дѣломъ, и казной и жизнью, чтобъ можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять, противъ царя и вельможъ, землю мірскую, волю народную, да правду человѣческую.

1660. VII книжка „Полярной Звѣзды“

На дняхъ начнется печатаніе перваго выпуска «Полярной Звѣзды»; въ немъ будутъ помѣщены: отрывки изъ записокъ Якушкина ¹⁾, изъ «Былого и думъ» (кругъ Станкевича).

«Полярная Звѣзда» будетъ выходить *четырьмя или больше выпусками*, въ неопредѣленное время, но такъ, чтобы послѣдній вышелъ въ мартъ 1862 ²⁾.

1661. Письмо къ сыну.

11 іюля (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Я былъ очень радъ, получивъ твое послѣднее письмо, любезный Саша. Мы были мѣсяць или два, кажется, безъ извѣстій. Не стану писать много, потому что письма не доходятъ; я тебѣ писалъ: два раза—въ Бергенъ, трет.—письмо изъ Тринидада, четв.—послалъ изъ Парижа въ Trondhjem.

Какъ я попалъ въ Парижъ, это—длинная исторія. Я могу теперъ ѣздить as I like ³⁾. Въ Парижѣ очень скучно. Съ Левицкимъ ⁴⁾

¹⁾ Иванъ Дмитріевичъ, декабристъ. Портретъ данъ въ вып. I кн. VII.

²⁾ Вышли два выпуска.

³⁾ Какъ мнѣ угодно.

⁴⁾ С. Я. Львовъ-Львицкій, измѣнившій свою фамилію.

мы примирились, съ Тат. Пет. чуть не поссорились. Самое важное— была польская депутація, явившаяся меня благодарить съ адресомъ, на которомъ было болѣе 300 подписей. Такой чести еще не было, я полагаю, ни одному русскому. ¹

Теперь мы всё дома. Вчера я привилъ оспу Лизѣ, которая, хотя и пошаливаетъ, но очень мила. Оля а необыкновенно развилась, а Тата бдетъ Мильнеръ-Гибсонъ вѣнчать 20 числа—эту Алису, 16-ти лѣтъ.

Послѣдняя новость та, что Девиль рѣшительно повредился. Вздумалъ, что его кн. Голицынъ отравилъ, сватался за Тату, грозилъ Огар., сидѣлъ съ заряженнымъ револьверомъ, на колѣнкахъ просилъ пр щенія и пр. И при этомъ онъ лѣчитъ, и англичане еще не замѣчаютъ ¹).

Пиши сейчасъ по полученіи,—у меня есть еще письмо изъ Тринидада. ²

◆◆1. Т. Я. Пассекъ довольно пространно рассказала о своихъ свиданіяхъ съ Герценомъ въ Парижѣ.

«Александръ писалъ, что собирается въ Парижъ. Чтобы не навлечь непріятностей на дѣтей моихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оскорбить Алек.ндра, я немедленно обратилась къ совѣтнику нашего посольства Толстому (Якову Николаевичу—М. Л.), съ которымъ иногда виѣлась въ домъ графа Э. П. Толстого; показала ему письмо Александра, гдѣ онъ увѣдомлялъ меня о своемъ приѣздѣ, и спросила, могу ли открыто видѣться съ нимъ, не навлекая на насъ подозрѣній и непріятностей; если же не могу, то сообщу это ему и уѣду изъ Парижа; онъ все пойметъ и не обвинить меня, а оставаться тутъ и не видѣться съ нимъ мнѣ невозможно. Толстой отвѣчалъ, что уѣзжать мнѣ изъ Парижа нѣтъ никакой надобности и видаться съ Александромъ могу, сколько угодно; что образъ жизни нашей отклоняетъ отъ насъ всё подозрѣнія. «Напротивъ—продолжалъ Толстой,—мы надѣемся, что ваше вліяніе, можетъ, благотворно повліяетъ на Александра Ивановича и возвратитъ его отечеству». «Едва ли,—отвѣчала я. Оставя то, что онъ неизмѣримо выше меня по уму и многостороннему развитію, онъ такъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, что если ангелъ съ неба прилетитъ и станетъ разувѣрять его, и тотъ ничего не сдѣлаетъ; развѣ только факты заставятъ его измѣнить свой взглядъ». Вмѣстѣ съ этимъ я показала Толстому остальные письма ко мнѣ Александра; въ нихъ

¹) Подробности психическаго разстройства доктора Девиля рассказаны въ «Воспоминаніяхъ» Огаревой, стр. 181—187.

рѣчь шла большею частью о семейныхъ дѣлахъ и мѣстами пере-мѣшивалась безвредными остротами; Толстой взглянулъ на письма, но читать ихъ не сталъ... Я поѣхала въ Парижъ съ меньшимъ сыномъ Владиміромъ и Ипполитомъ; старшій сынъ находился тогда въ Италіи. Въ квартирѣ нашей насъ ждали двѣ дочери Александра съ гувернанткой (М. Мейзенбургъ—*М. Л.*) и однимъ нашимъ родственникомъ (С. Л. Львовъ-Львицкій—*М. Л.*). Около половины вечера на лѣстницѣ послышались шаги Саши; я вышла къ нему навстрѣчу, и мы обнялись. Онъ былъ въ возбужденномъ состояніи, гдѣ-то обѣдалъ и пилъ много шампанскаго; войдя въ залу, тотчасъ спросилъ сельтерской воды и, выпивая стаканъ за стаканомъ, сталъ съ живостью рассказывать о бывшемъ обѣдѣ, кого видѣлъ, что слышалъ, перебрался отъ предмета къ предмету, пере-мѣшивалъ рассказы то остротами, то воспоминаніями; онъ говорилъ почти одинъ, всѣ слушали молча. Я всматривалась въ него отчасти съ удивленіемъ, отчасти съ грустью, отыскивая знакомыя, близкія мнѣ черты... Я чувствовала, что между нами протѣснилась пропасть лицъ, событій, страстныхъ интересовъ, понятій мнѣ чуждыхъ и нежеланныхъ. Рѣчь Александра лилась, какъ водопадъ; сначала она увлекала меня, потомъ утомляла до того, что, какъ бы сквозь водяную пыль, мнѣ стали чудиться то Лондонъ, то Римъ, то уютный кабинетъ съ полками книгъ, и дѣвдочка свѣтитъ въ окно; имена Фази, Гарибальди смѣняли Никъ, Грановскій; изъ-за *Circolo Romano* и *Tribune du peuple* выступало Васильевское, рѣка съ плотиною, и лѣсъ шумитъ, и отрокъ съ робкимъ взоромъ и восторженною рѣчью... «Нѣтъ,—говорила я сама себѣ, какъ бы пробуждаясь отъ сна,—между былымъ и настоящимъ святая связь не порвалась».

Къ концу вечера Саша сталъ спокойнѣе и сдержаннѣе. Когда мы остались одни, разговоръ между нами вязался плохо; онъ, видимо, чѣмъ-то затруднялся; наконецъ, какъ бы вырвавшись изъ этого состоянія, сказалъ съ упрекомъ въ годось:

«— До меня доходятъ слухи, что ты не одобряешь нѣкоторыя статьи моего изданія.

«Кто-то, по пріѣздѣ его въ Парижъ, поторопился сообщить ему объ этомъ.

«— Что же изъ этого?—отвѣчала я:—нельзя же, чтобы весь міръ во всемъ соглашался съ тобою, и что ты ни скажешь, всѣ находили бы прекраснымъ.

«— Зачѣмъ весь міръ,—возразилъ онъ;—но съ тобою мы когда-то понимали другъ друга во всемъ.

«— Дѣтьми, юными, мало ли что!

«— А теперь? Идемъ различными путями?

«— Должно быть; ты далеко ушелъ впередъ.

«— А ты? ты остановилась? Нѣтъ, это не такъ.

«Затѣмъ рѣчь его излилась въ упрекахъ. Я молча слушала, чувствовала себя обиженной и, когда онъ кончилъ, сказала, стараясь казаться спокойной:

«— Ты ничего не теряешь.

«Подумавши немного, онъ сталъ говорить о любви своей къ родинѣ, о грусти по ней, объ общечеловѣческихъ интересахъ и закончилъ словами:

«— Ну, да года черезъ три или четыре вы увидите насъ въ Россіи.

«Я посмотрѣла на него съ удивленіемъ и спросила:

«— Какимъ же это образомъ?

«Тогда онъ туманно, или это мнѣ показалось оттого, что я была слишкомъ взволнована, сталъ объяснять, какъ это возможно; я долго слушала, не возражая, и, когда онъ умолкнулъ, сказала печально:

«— Мнѣ кажется, Саша, ты ошибаешься.

«На другой день Александръ рано утромъ пріѣхалъ къ намъ совсѣмъ въ другомъ настроеніи духа; онъ тихо, ласково взялъ меня за обѣ руки и просилъ простить его за вчерашній вечеръ, за вырвавшіеся у него упреки и позабыть, что онъ наговорилъ; сваливалъ вину на шампанское и на свой неисправимый характеръ. Я была тронута, но, несмотря на наружное сближеніе, въ глубинѣ души чувствовала еще какую-то чуждость, чувствовала, что намъ надобно ознакомиться снова для возстановленія прежнихъ отношеній, всмотрѣться другъ въ друга, чтобы найти точки соприкосновенія. На это необходимо было время. Такъ оно и сдѣлалось. Осмотрѣвшись, мы увидали, что внутренне не измѣнились, но близки только въ прошедшемъ; на этомъ и остановились, отклонивши всякое требованіе, все постороннее нашему прошедшему.

«Дня черезъ два по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ, Александръ пригласилъ насъ и другое родственное ему семейство (Левицкихъ—*М. Л.*) на обѣдъ, который заказалъ въ ресторанѣ «Petit moulin rouge». Обѣдъ былъ роскошенъ, всѣмъ хотѣлось одушевить его, но, несмотря на всевозможныя усилія, чувствовалось, что чего-то недостаетъ,—недоставало общей гармоніи: за внѣшнимъ весельемъ таилось въ душѣ что-то чуждое веселости, таилась даже грусть.

«Въ продолженіе мѣсяца ¹⁾, прожитаго Александромъ въ Парижѣ, мы видались часто, вмѣстѣ бывали за городомъ, въ театрѣ,

¹⁾ Не болѣе трехъ недѣль.

въ Jardin des plantes. Однажды онъ пригласилъ насъ въ картинную галерею Лувра; тамъ, останавливаясь передъ картинами, обращавшими на себя его особенное вниманіе, громко дѣлалъ такія оригинально-острыя замѣчанія, что мало-по-малу около насъ стала собираться толпа, среди которой слышались то восклицанія одобренія, то мелькали улыбки; толпа постепенно росла, сѣдомъ ходила за нами съ видимымъ ожиданіемъ еще большаго удовольствія и, наконецъ, такъ увеличилась, что мы принуждены были удалиться изъ Лувра» (т. II, 358—362). Надо ли говорить, что весь разсказъ Пассекъ крайне не вяжется съ тѣмъ, какъ могъ бы себѣ представить ихъ первыя встрѣчи каждый, внимательно вчитывавшійся въ ихъ переписку и во все, что раньше говорилъ Герценъ о Пассекѣ въ письмахъ къ сыну, Рейхель и др.

2. 14 іюля Огарева записала въ дневникъ: «Сегодня мое рожденіе. Много грустнаго и тяжелаго, а, вѣдь, какъ малаго просишь... Въ цѣлый день ни одного слова дружескаго... О дѣтство мое, какъ ярко оно выступаетъ теперь; какъ много было вокругъ презанности и любви, какъ мало все это цѣнилось, и гдѣ все это? Вечеромъ я отпросилась не итти въ салонъ: воскресенье, стало, гости. Нѣтъ, у меня нѣтъ силы продолжать; желаю одного: чтобъ еще меньше замѣчать эти страшные пробѣлы въ жизни,— пусть воспоминанія роскошно замѣняютъ настоящее» («Рус. Пропиленіе» IV, 208—209).

1662. Изъ воспоминаній объ Англіи.

Межъ сыромъ лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ.

Пушкинъ.

...Вы меня простите, — сказалъ я, — а мнѣ кажется, что вы отчасти принадлежите къ людямъ, которые съ ужаснымъ трудомъ дѣлаютъ простыя вещи, потому что не просто за нихъ принимаются; при первомъ препятствіи теряются, рвутъ себѣ волосы на головѣ, принимаютъ крайнія мѣры или вовсе никакихъ. Иногда это очень хорошіе люди, даже превосходные люди, но не дай Богъ такого генерала или оператора! По счастью, ваше занятіе не такъ кровопролитно.

Я помню, какъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, я спалъ рядомъ съ комнатою одного изъ моихъ друзей. Дѣло было въ деревнѣ, и крыша рѣдко обитаемаго дома была съ течью. Съ вечера пошелъ

проливной дождь; подъ дождь спится крѣпко, — я уснулъ; но черезъ часъ времени шумъ возлѣ разбудилъ меня. Что такое? буря, вору? Я сталъ прислушиваться: сосѣдъ возился, у него была зажженная свѣча; я вскочилъ и безъ всякаго переплева бросился къ нему. Съ насупленными бровями, работалъ онъ надъ какой-то страшной задачей. Въ его горницѣ было двѣ кровати: на одной онъ спалъ, на другой былъ непокрытый, новый замшевый тюфякъ. Пріятель мой досталъ какія-то дѣл палки и ставилъ матрацъ какъ-то стоймя; пока онъ держалъ его, матрацъ держался дыбомъ, но какъ только онъ отходилъ—палки падали, и матрацъ снова лежалъ въ растяжку.

— Что это у тебя? бѣлая горячка? — спросилъ я.

— Да, горячка, точно... съ проклятымъ тюфякомъ часъ вожусь.

— Что съ нимъ?

— Да тутъ, братецъ, капель прямо на тюфякъ, совсѣмъ испортить. Я вотъ хочу его поставить вкось и, чортъ знаетъ, что такое: какъ ни поставлю и ни укрѣплю, проклятыя палки упадутъ; досада,—не лягу же я, пока не устрою.

— Что жъ ты кровать-то не подвинешь, чтобъ на нее не текло?

— Тьфу, ты пропасть! просто не догадался.

Анекдотъ этотъ я разсказалъ на дняхъ одному туристу-ли-тератору вотъ по какому поводу: мы, двое, обѣдали въ *Веллингтонъ*, т.-е. мы и одинъ издатель журнала. Издатель, наливая туристу и себѣ не первую рюмку хересу, просилъ его прислать какого-нибудь вздору о Лондонѣ, Англіи, Шотландіи. Туристъ, положивъ тщательно нанизанныя на вилку долдюжины сметковъ ¹⁾ въ ротъ, отвѣчалъ:

— Ей-Богу, нечего писать!

— Вы писали прежде письма изъ Кенигсберга, изъ Штетина даже.

— Мало ли, что прежде! Съ уменьшеніемъ цѣны на паспорта, всѣ на свѣтѣ ѣздятъ по Европѣ, все сами видятъ. Говорятъ, что опять поднимутъ цѣну, — давно пора! Теперь, батюшка, не отдѣлаешься какимъ-нибудь замѣчаніемъ о постройкѣ парламента или о скачкѣ въ Ипсомѣ; теперь давай все extra, давай примѣры, спаржу въ генварѣ, — гдѣ ее возьмешь? Жизнь становится все пошлѣе и пошлѣе. Вкусъ у публики страшно притупился. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ Блонденъ яйца печетъ на канатѣ, протянутомъ черезъ Ніагару, а левъ завтракаетъ конюхомъ въ Astley-театрѣ, я не знаю, о чемъ писать.

¹⁾ Whitebait *)—самое гастрономическое кушанье англичанъ. А. И.

²⁾ Уклейка—мелкая рыбешка въ родѣ сметковъ.

— Вы меня простите,—сказаль я,— а вы, мнѣ кажется, не-много приналежите къ людямъ... (см. выше).

— Очень хорошо,—отвѣчалъ туристъ и литераторъ,—но вы кровать-то научите меня отодвинуть. Вы думаете, что достаточно имѣть *чернильницу*, такъ, взявъ перо и пошелъ писать?

— Я думаю, что и безъ чернильницы даже можно писать, если есть карандашъ.

— Вотъ вамъ,—сказаль туристъ издателю,—и корреспондентъ готовъ.

— Я другимъ дѣломъ занятъ; а вы, вотъ, хоть и смѣтесъ надо мной, а я вамъ сейчасъ двадцать, тридцать сюжетовъ укажу прежде, чѣмъ мы дойдемъ отъ Реджентъ-стритъ до Лестеръ-сквера. Ваше дѣло ихъ разрисовать, прибавить общія разсужденія, пріятныя и непріятныя, обличающія нѣжное сердце и скрывающія незнаніе Англіи.

Ваша бѣда, господа, въ томъ, что вы все въ одномъ ряду кресель ищите и оригиналовъ и событій, забывая, что въ этомъ ряду даже фраки и панталоны одинакіе. Страсть къ казовому концу увлекаетъ васъ да жиденькое сибаритство. На желѣзной дорогѣ вы берете первыя мѣста; въ трактиръ идете — такъ въ Wellington; даже гимнастикой занимаетесь на мѣщанскую ногу. Въ газетахъ читаете однѣ политическія новости, — гдѣ жъ изъ нихъ что-нибудь узнать? Словомъ, вы всѣ движетесь въ безцвѣтной алгебрѣ жизни, а такъ какъ ее-то именно и узнаютъ всѣ праздношатающіеся соотчичи наши, помяніе родство въ ожиданіи наслѣдства и тѣсно связанные съ родиною оброкомъ, вамъ и нечего писать. Я иначе дѣлаю: грѣшный человекъ, политикой не занимаюсь, а люблю, какъ черви въ сырѣ, покопаться, гдѣ поглубже да погнилѣе; одинъ полицейскій отдѣлъ въ «Таймсѣ» чего стоитъ! Ну, что вашъ Блонденъ и вашъ левъ? Львы же всегда ѣли людей, только прежде люди были умнѣе и не подходили къ нимъ такъ близко.

Чего стоитъ одна Ковентри-стритъ — въ ней всего шаговъ двѣсти — и ея Лестеръ-скверъ! Недаромъ на немъ глобусъ, *pop squarus, sed orbis* ¹⁾; а въ «Пуншѣ» былъ представленъ Пій IX, спрашивающій, пріѣхавъ въ Лондонъ: «Какъ пройти въ Leicersera Squarra?» Чего тутъ нѣтъ? Начните хоть съ нишаго испанца, который усохъ до того, что оливковая кожа на немъ стала трескаться, и который такъ загорѣлъ, поражая кристиносовъ, что въ тридцать лѣтъ не могъ выбѣлиться на лондонскомъ отсутствіи солнца. Вы его, вѣрно, видѣли сто разъ, а я съ нимъ другъ; мы даже

¹⁾ Не плоскость, а шаръ.

разъ съ нимъ поссорились, и я заискивалъ его расположение и заискалъ. Гверильясъ междоусобныхъ войнъ, онъ остался на углу Лестеръ-сквера вѣрнѣ Кабреры ¹⁾ и Цумалакареги ²⁾ своему законному королю. Отчаянный легитимистъ, онъ обидѣлся, что я дурно отозвался о послѣдней попыткѣ Монтемолина ³⁾, и пересталъ у меня просить милостыню, подергивая и шуря свои глаза стараго тигра и говоря на свободномъ ромачско-британскомъ нарѣчii учтивости въ родѣ: «Per us sed and inxandos every sera, every matina at catholic k church prego» ⁴⁾ и пальцемъ указывая на небо съ чрезвычайной точностью.

Вечеромъ вы, недалеко отъ испанца, непременно встрѣтите старика селадона, разбитаго на ноги и зубы, съ цвѣточкомъ въ петлицѣ и съ цвѣтнымъ фуляромъ за пазухой. Онъ ходитъ почти всякій вечеръ *наглазо* наслаждаться цирцеями Геймаркета; часовъ въ 11 онъ заходитъ въ Argyle-room; ему всѣ дамы кланяются съ фамиллярной улыбкой, даже посылаютъ его за каретой; онъ имъ говоритъ любезности временъ Брумеля ⁵⁾ и Регента ⁶⁾ и провожаетъ до кареты такъ, какъ провожалъ нѣкогда прiятельницъ Нельсоновой Гамилтонши ⁷⁾.

Это предметы для Рембрандта, для Гогарта, а не то чтобы фельетона, который забывается вмѣстѣ съ числомъ на другой день. Не ходитъ надобно, какъ Дiогенъ, съ фонаремъ, а стоять на одномъ мѣстѣ, да, ежели можно, въ потемкахъ,—вы столько наглядитесь и научитесь «межъ сыромъ лимбургскимъ живымъ»!

По моему мнѣнiю, рядъ процессовъ разныхъ мертвыхъ, живыхъ и живыхъ мертвыхъ въ страховыхъ обществахъ интереснѣ всякаго романа. Вотъ вамъ примѣръ...

— Вы говорите о Пальмерѣ ⁸⁾?

— Совсѣмъ не о Пальмерѣ. Что такое Пальмеръ? Далъ яду—человѣкъ умеръ, съ рукъ сошло; далъ другому — тоже отравилъ, съ рукъ сошло; отравилъ жену — ну, это съ шеи не сошло; что

¹⁾ Донъ-Рамонъ; испанскiй генералъ, карлистъ, сражавшiйся противъ королевы Изабеллы.

²⁾ Томасъ, тоже испанскiй генералъ, карлистъ.

³⁾ Карлосъ, внукъ испанскаго короля Карла IV, претендентъ на престолъ.

⁴⁾ Каждый вечеръ и каждое утро я молюсь въ католической церкви о вашемъ здоровьи.

⁵⁾ Джорджъ, англiйскiй аристократъ, прозванный «королемъ моды».

⁶⁾ Король Георгъ IV.

⁷⁾ Эмма Гамилтонъ, любовница адм Нельсона, подъ именемъ «богини Гигiен» показывалась публикѣ полуобнаженной.

⁸⁾ Док. оръ-отравитель; имѣлъ тогда шумный процессъ.

туть новаго? Это и варвары умѣли отравлять; тутъ нѣтъ ни генія, ни поэзіи: нѣтъ, я вамъ расскажу получше исторію. Вотъ вы, любезный туристъ мой, взяли бы перышко да и записали бы Что-сь? право не слышу...

— Да онъ просто всхрипнулъ,— замѣтилъ, смѣясь, издатель.

— И хорошее дѣло! У него, видно, вино тихое, кроткое; мудрено ли, что никогда не откроетъ лимбургскую живую жилу подъ ногами.

— Можеть! а вотъ у меня *вино внимательное*—расскажите-ка.

— Вотъ вамъ, напимѣръ: таскался тутъ одинъ дюжіи малый по кабакамъ, съ утра пьянь, отекъ, руки дрожатъ, нечисто одѣтъ, совершенно опустился. Какой-то человѣкъ, видѣвшій его въ кабакѣ, принялъ въ немъ участіе: когда поднесетъ виски съ теплой водой, когда джину—съ холодной словомъ, они подружились. Только, какъ у того совѣмъ денегъ не было, ему новый знакомый говорить: желаете вы приобрести честнымъ образомъ и безъ опасности 20 фунтовъ? Тотъ обомлѣлъ: онъ за 5 фунтовъ готовъ бы былъ подвергнуться опасности и достать ихъ самымъ нечестнымъ средствомъ. — Условіе у насъ такое: мѣсяцъ не пить ни капли. Не выдержите,—не будетъ денегъ.

— Извольте, говорить, только вы меня ужъ лучше заприте.

И вотъ незнакомецъ этотъ и другой еще благодѣтель принялись за моего пьяницу: вымыли его, вычистили, подстригли, купили превосходное платье,—только изъ комнатъ ни на шагъ. Кормятъ его на убой и вечеромъ, для разсѣянія, въ театръ возятъ. Отдохъ мой малый, узнать нельзя—кровь съ молокомъ. Тогда они его представили въ страховое общество; директора улыбаются, докторъ смотритъ, видитъ: человѣкъ до ста лѣтъ проживетъ. Они его и застраховали въ большой суммѣ и когда воротились домой, отсчитали ему его двадцать фунтовъ. Онъ ихъ и домой не приносилъ, и самъ не приходилъ: онъ съ того же дня пошелъ пить мертвую. Мѣсяца черезъ полтора онъ сдѣлался опасенъ, того и смотри—параличъ. Вотъ его пріятели ѣдутъ въ страховое общество и говорятъ: «Дѣло худо! нашъ родственникъ получилъ изъ семьи страшныя вѣсти и такъ пьетъ, что спасенья нѣтъ!».

Тѣ—дѣла; докторъ видитъ, что онъ непременно умретъ. Что жъ дѣлать?

Родственники говорятъ: «Мы не разбойники, не хотимъ васъ грабить; давайте намъ только половину денегъ, а мы у него возьмемъ всѣ документы».

Такъ общество и сдѣлало. А родственники—новый контрактъ. Опять моютъ, чистятъ, бреютъ, помадаютъ человѣка, опять кормятъ на убой и везутъ его въ другое страховое общество. Ко-

ротъ—повторяютъ ту же продѣлку. Но слухъ объ первой раз-
несся, и новая компанія не хотѣла сдѣлки, говорить: «мы всѣ подѣ
Богомъ ходимъ; умереть—наше несчастье».

— Это ваше послѣднее слово?—говорить изобрѣтатель.

— Послѣднее.

— Ну, треть—и по рукамъ.

— Не хотимъ.

— А, такъ, заплатите все; коли на то пошло, мы не пожалѣемъ
денегъ. Любезнѣйшій другъ,—говорятъ они пациенту,—пейте сколько
хотите spirits,—мы платимъ. Вы увидите, господа, что онъ обобьется.

— Чѣмъ же это кончилось?—спросилъ издатель.

— Разумѣется, онъ опился, и общество заплатило мошен-
никамъ. Вотъ вамъ и другое: какой-то ирландецъ esq., несчастный
человѣкъ, ему ничего не удавалось. Мучился онъ, мучился и, на-
конецъ, придумалъ фортель: измѣнилъ себѣ немного лицо и по-
шелъ страховать себя въ пользу брата, заплатилъ за полисъ
слѣднія деньги и отправился ходить по больницамъ; тамъ пріиски-
валъ онъ, не торопясь, подходящій трупъ, купилъ его и давай хо-
ронить съ большимъ почетомъ, самъ сзаяи идеть, весь въ траурѣ,
плачетъ и потомъ является въ общество съ свидѣтельствомъ о
кончинѣ и похоронахъ родного брата; словомъ, уладилъ дѣло такъ
хорошо и такъ хорошо его прежде подготовилъ, что деньги полу-
чилъ да, на всякій случай, тотчасъ застраховался въ другомъ об-
ществѣ. Пока онъ жилъ на деньги, полученныя послѣ своихъ соб-
ственныхъ похоронъ, и придумывалъ, какъ ему снова получить
капиталь, сама судьба помогла ему. Гуляетъ онъ въ Ричмондѣ, на
берегу Темзы; глядь, —суета: полицейскіе, мальчишки; всплыло
мертвое тѣло, никто не знаетъ, кто такой. Ирландецъ подошелъ
и обомлѣлъ. «Госнода, кричѣтъ онъ, это лучшій другъ мой, это...
эти... и называетъ мертваго своимъ именемъ. На слѣдствіи коро-
нера онъ присягнулъ, никто ему не возражалъ; оказалось, что у
него было завѣщаніе его друга, и именно онъ ему оставлялъ ка-
питаль страхового общества. По несчастью, дѣло открылось, и его
отдали подѣ судъ.

Въ заключеніе, на закуску, я прибавлю одно маленькое событіе,
но чрезвычайно характеристическое и необычайно герман кое.
Какой-то нѣмецъ, жившій въ Лондонѣ, застраховался и долженъ
былъ въ извѣстные сроки вносить суммы при жизни. Денегъ у
него не было, вносить онъ не могъ. Общество пристало къ нему;
онъ просилъ отсрочку, ему отказали. Тогда онъ написалъ, что,
если они еще разъ откажутъ и пришлютъ описывать его имѣніе,
то онъ застрѣлится и лишитъ ихъ капитала.

Англичане приняли это за браваду и прислали брокеровъ.
Нѣмецъ не шутилъ и застрѣился.

— Разскажите еще что-нибудь; я велю перемѣнить бутылку.

— Согласенъ на бутылку, но разсказы позвольте до дру-
того раза.

1663. Надпись для Т. П. Пассекъ.

(Юль 1861)

Ну, полноте сердиться.
Съ подлиннымъ вѣрно. ¹

◆◆ 1. Пассеки провожали Герцена, уѣзжавшаго изъ Парижа въ Лондонъ, на вокзалъ. «Грустно шелъ между нами разговоръ о близкихъ намъ предметахъ и мало-по-малу принялъ такое болѣзненное направленіе, что онъ раздражился, а я расплакалась; въ такомъ состояніи духа мы и разстались. Спустя нѣсколько дней, я получила отъ него изъ Лондона письмо и только-что вышедшую книгу его сочиненія съ надписью» (II, 363—364).

1664. Польскій адресъ.

Четвертаго іюля нѣсколько польскихъ изгнанниковъ пришли ко мнѣ отъ имени своихъ товарищей, живущихъ во Франціи, чтобъ братски пожать руку и въ моемъ лицѣ сказать спасибо русскимъ, раздѣляющимъ наше мнѣніе о *правотѣ* польскаго дѣла. Они вручили мнѣ адресъ, подписанный *четырьмястами тридцатью шестью* польскими изгнанниками, живущими въ Парижѣ, съ приложеніемъ писемъ изъ департаментовъ съ *тридцатью пятью* подписями ¹⁾.

Этотъ актъ высокаго, братскаго признанія нашего сочувствія со стороны польскихъ изгнанниковъ я—случайный представитель мнѣнія цѣлаго круга нашихъ друзей въ Россіи—принялъ съ умиленіемъ и благодарностью. Онъ принадлежитъ не мнѣ, а всѣмъ единомышленникамъ нашимъ. Себѣ оставляю я только письменный документъ и завѣщаю его, какъ сказалъ депутаціи, моимъ дѣтямъ,— это будетъ ихъ майоратъ ссылки.

Парижъ, 5 іюля 1861. ¹

¹⁾ Вчера полученъ еще адресъ отъ поляковъ изъ Алжира съ 46 подписями. А. И. Г.

◆ 1. 18/30 іюня 1861 г. и. д. Намѣстника Е. И. Царскаго Величества въ Ц. Польскомъ Сухозанетъ просилъ министра вн. дѣлъ, въ виду происходящихъ въ разныхъ мѣстахъ Царства П. безпорядковъ и необходимости нѣкоторыхъ лицъ, оказавшихся виновными въ произведеніи оныхъ, удалить немедленно изъ края съ высылкою въ отдаленныя губерніи имперіи подъ строгій надзоръ полиціи,—увѣдомить его, въ какія именно губерніи такія лица могутъ быть высылаемы, и одновременно дать мѣстной власти предписаніе о строгомъ надзорѣ за высылаемыми и о воспрещеніи имъ вести переписку иначе, какъ съ вѣдома тѣхъ же губернаторовъ и съ просмотромъ корреспонденціи. 27 іюня Валуевъ увѣдомилъ, что такими губерніями надлежитъ считать: Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Олонецкую, Оренбургскую и Пермскую. «Но, принимая во вниманіе, что въ этихъ губерніяхъ уже находится много лицъ, сосланныхъ подъ присмотръ полиціи, и что поэтому значительное увеличеніе числа ихъ представляется крайне неудобнымъ по затруднительности мѣстнаго начальства имѣть за ними надлежащій полицейскій надзоръ, въ особенности при настоящихъ преобразованіяхъ, я имѣю честь обратиться къ вамъ, м. г., съ покорнѣйшей просьбой почтить меня увѣдомленіемъ, для необходимости съ моей стороны соображеній, какое, хотя приблизительно, число означенныхъ лицъ вы предполагаете удалить изъ Ц. Польскаго, а при самой высылкѣ не оставить извѣщать меня: кто именнó высылается и въ какія изъ названныхъ губерній, дабы я могъ въ то же время поставлять о томъ въ извѣстность начальниковъ оныхъ». 30 іюня обѣ бумаги были доложены государю.

9/21 іюля Сухозанетъ отвѣтилъ Валуеву, что просьба его будетъ выполняться, «что число высыдаемыхъ лицъ будетъ зависѣть отъ положенія края», и что онъ увѣренъ, что «при настоящемъ положеніи умовъ въ Ц. П. не будетъ поставленъ въ необходимость распространять горестную эту мѣру на многихъ; впрочемъ, одно уже ожиданіе подобныхъ взысканій благотворно дѣйствуетъ къ уменьшенію въ Царствѣ безпорядковъ».

28 іюля Сухозанетъ увѣдомилъ Валуева, что ксендзъ Млечко и монахъ Сулей г. Бялы Люблинской губ. высылаются имъ въ Костромскую и Ярославскую губ. (не указанные министромъ вн. дѣлъ). 5/17 августа сообщалось, что въ іюлѣ арестованъ и отправленъ въ Динабургскую крѣпость ксендзъ Фальковскій изъ г. Сувалокъ; нынѣ высылается въ Вятскую губ.

25 октября вятскій губернаторъ донесъ мин. вн. дѣлъ, что вятскій губернскій почтмейстеръ отказался исполнить его распоряженіе

объ особомъ порядкѣ въ отношеніи корреспонденціи Фальковскаго, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что всякое изъятіе можетъ быть допускаемо не иначе, какъ самимъ главнымъ почтовымъ управленіемъ. Озадаченному такимъ афронтомъ министру была представлена интересная справка: «Въ 1858 г. начальникъ одной губерніи сообщалъ, что онъ относился въ губ. почт. контору, прося не принимать отъ высланнаго въ ту губернію административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи отставнаго чиновника прошеній на почту или же, принимая, представлять къ нему. Почтовая контора отозвалась, что, на осн. 11 § Инструкціи губ. почтмейстерамъ и секретныхъ предписаній почт. департамента, не должно принимать корреспонденціи только отъ ссыльныхъ и политическихъ преступниковъ, поступившихъ въ военную службу и арест. команды; корреспонденція же, принадлежащая подсудимымъ или находящимся подъ присмотромъ полиціи, должна быть принимаема и отправляема на общемъ основаніи, почему контора, не рѣшаясь сдѣлать распоряженія по отношенію начальника губерніи, представляла объ этомъ почт. департаменту, который увѣдомилъ, что требованіе о непріятіи вовсе корреспонденціи, подаваемой на почту, исполнено быть не можетъ, такъ какъ подобное обстоятельство о непріятіи для пересылки по почтѣ конверта отъ одного лица, находившагося подъ надзоромъ полиціи, было представляемо на высоч. благоусмотрѣніе, но воспрещенія принимать на почту корреспонденціи не послѣдовало, а высоч. повелѣно, чтобы тѣ, коимъ назначенъ надзоръ за лицомъ, не допускали его къ подачѣ не дѣльныхъ бумагъ на почту». 25 ноября министръ свалилъ все дѣло на главноначальствующаго надъ почт. департаментомъ. 2 декабря Прянишниковъ отписался; онъ указалъ, что, по соглашенію III Отдѣленія съ почт. вѣдомствомъ, на корреспонденцію лицъ, сосланныхъ изъ западныхъ во внутреннія губерніи подъ надзоръ полиціи, распространены правила, выс. преподанныя въ... 1826 г. относительно переписки лицъ, сосланныхъ въ Сибирь за участіе въ злоумышленныхъ обществахъ. Правилами тѣми было постановлено, чтобы такія лица отправляли свои письма не запечатанными, черезъ мѣстное начальство, и чтобы тѣ письма, кои будутъ слѣдовать на имена сосланныхъ, немедленно по полученіи оныхъ въ почт. конторахъ отдѣлялись отъ прочей корреспонденціи и доставлялись бы къ начальникамъ тѣхъ губерній, гдѣ кто изъ сосланныхъ находится; губернаторы же имѣютъ право раскрывать сіи письма и тѣ изъ нихъ, въ коихъ не найдутъ ничего законопротивнаго, выдавать по адресамъ. Такъ же надлежитъ поступать и съ корреспонденціею ксендза Фальковскаго, предложивъ вятскому губернатору, чтобы онъ «устранилъ мѣстную по-

лицію отъ всякаго по сему предмету сношенія съ почтовою конторою, ибо сія послѣдняя должна, во исполненіе даннаго ей предписанія, всѣ на имя Фальковскаго могущія получиться письма и посылки представлять непосредственно губернатору для надлежащаго распоряженія» (дѣло деп. полиціи исполн. 1861 г. № 282).

15 іюля 1861 г. министръ вн дѣлъ Валуевъ телеграфировалъ кіевскому и виленскому ген.-губернаторамъ: «Для прекращенія польскихъ манифестацій шефъ жандармовъ и я полагаемъ употребить, вмѣсто административныхъ мѣръ, открытое судебно-полицейское преслѣдованіе особымъ сокращеннымъ порядкомъ съ денежными штрафами и арестами. Государь предварительно одобрилъ. Прошу мнѣнія вашего телеграфно». На это Васильчиковъ отвѣтилъ: «Предлагаемую мѣру нахожу также полезною, но слѣдуетъ указать порядокъ взысканій, оставляя, однако, для крайнихъ случаевъ и прежнія особыя мѣры». Отвѣтъ Назимова: «Если полагаете, что судебно-полицейская мѣра успѣшнѣе къ прекращенію манифестацій, нежели административныя, то я согласенъ. Мнѣніе же мое сообщу по почтѣ». 7 сентября Валуевъ телеграфировалъ Назимову: «Не могу не отвѣчать, что начинать примѣненіе полевого уголовного уложенія съ духовнаго лица, по моему мнѣнію, неудобно: изъ Маевскаго сдѣлаете святаго». 9 сентября: «Полагаю судъ необходимымъ, но только не полевой уголовный. Обстоятельства вамъ ближе извѣстны».

Телеграмма Валуева гр. Ламберту отъ 24 сентября: «Можно ли вашему сіятельству приблизительно опредѣлить, когда ожидается перемѣна въ дѣлахъ Царства? Свѣдѣніе это нужно для распоряженій по Западнымъ губерніямъ,—ключъ къ нимъ въ Варшавѣ».

1665. Русскія женщины—женщинамъ польскимъ.

Какая-то непреклонная Немезида или вознаграждающая и карающая Иронія постоянно выводитъ изъ историческихъ злодѣйствъ, совершаемыхъ безсмысленными и отсталыми правительствами, результаты совершенно противоположные тѣмъ, которыхъ они ожидаютъ.

Въ Варшавѣ лилась кровь безоружная; молитва, гимнъ, одежда сѣтованія и одежда народнаго воспоминанія, были гснимы онѣмченными ордынцами съ рабскимъ усердіемъ; дожняя, лицемерныя уступки еще разъ засвидѣтельствовали передъ міромъ, что нераскаянный Петербургъ не признаетъ никакихъ правъ за Польшей.

И тотчасъ большая часть мыслящей Россіи признала *правоту польскаго дѣла* и наперерывъ стремится заявить свое сочувствіе народу польскому; въ то самое время, когда поляки съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ когда-нибудь, протягиваютъ руку намъ, русскимъ, разрывающимъ всякую солидарность съ царскими опричниками и писарями. Удалось, нечего сказать!

Мы получаемъ письмо за письмомъ отъ русскихъ офицеровъ и литераторовъ, отъ друзей и незнакомыхъ, въ которыхъ намъ говорятъ о сочувствіи нашему взгляду на польскія дѣла. Наконецъ, на дняхъ пришло превосходное письмо *отъ имени русскихъ женъ, матерей и сестеръ*. Онѣ насъ избираютъ «посредниками между ними и польскими женщинами». «Скажите имъ,—пишутъ онѣ,—о нашихъ чувствахъ и убѣжденіяхъ, скажите имъ, что мы такъ же, какъ и вы, желаемъ полной и безусловной свободы и независимости Польши. И пусть нашъ слабый голосъ сольется съ печальнымъ звономъ вашего «Колокола» и коснувшись сердца, совѣсти и сочувствія всѣхъ русскихъ женъ, матерей и сестеръ, дойдетъ и до Польши».

Съ умиленіемъ, съ благодарностью принимаемъ мы эту святую миссію.

«Плачьте съ нами,—говорятъ онѣ,—и за насъ! Пускай вопль русскихъ женъ и матерей дойдетъ до женъ и матерей Польши. Скажите имъ, что мы хотѣли бы упасть на ихъ грудь и смѣшать наши слезы,—но не тутъ наше мѣсто!.. Мы на колѣняхъ умоляемъ ихъ прѣстѣть нашихъ сыновей и братьевъ и пожалѣть насъ,—мы несчастнѣе ихъ!»

«Сердце обливается кровью, когда мы, бѣдныя русскія женщины, думаемъ о нашихъ сыновьяхъ, мужьяхъ и братьяхъ, находящихся въ Польшѣ, и *ждемъ, и боимся свиданія съ ними*. Какими они къ намъ возвратятся?—спрашиваемъ мы себя, терзаясь заранѣе. Мы проводили ихъ чистыми, незапятнанными передъ людьми и Богомъ, а встрѣтимъ... какъ мы ихъ встрѣдимъ? Можетъ быть, укоромъ, проклятіемъ... и *цѣлая бездна будетъ насъ раздѣлять другъ отъ друга!* О, братъ мой! и ты, сынъ мой, припади къ родной землѣ и послушай: въ степяхъ нашихъ *стонъ стоитъ!* Дойдетъ ли онъ до тебя?...

«Какая казнь, какія пытки могутъ сравниться съ нашей *бѣдою*? Несчастныя матери.—для насъ существуетъ одно спасенье и надежда, одно *страстное желаніе*—чтобы сыновья наши отказались пониноваться своему государю и предпочли бы смерть или ссылку въ Сибирь (ратоубійству, стыду и безчестью!»

Къ этому воплю матери, жены, сестры намъ не приходится ничего прибавлять.

Мы понимаемъ этотъ голосъ: онъ страшно знакомъ намъ!

Но пусть и русская женщина утѣшится: тотъ нравственный переворотъ, который онѣ ищутъ, въ сыновьяхъ и братьяхъ совершается, и, если рядомъ съ Хрулевымъ становятся окровавленные Апраксины и Дренякины, мрачные Каины самовластья и крѣпостного права, то есть и другіе офицеры, которыхъ слѣпое повиновеніе виситъ на ниткѣ.

Мы получили послѣ первой варшавской бойни статью, писанную однимъ русскимъ офицеромъ, подъ заглавіемъ: «Еще кровь и слезы между Россіей и Польшей». Статью эту, вполне оцѣненную нами, мы только не помѣстили потому, что къ намъ она пришла уже послѣ второй бойни и послѣ объявленія *Положеній*; въ ней, при всей ея силѣ, есть еще надежда на того человѣка, на котораго и мы надѣялись, есть еще желаніе простить ему многое, какъ и мы хотѣли простить. У насъ нѣтъ больше надеждъ, нѣтъ прощень, — пусть судьба этого человѣка совершается: онъ убиль, какъ Макбетъ, нашъ сонъ!

Вотъ что пишетъ офицеръ ¹⁾.

Честь и слава русской матери и русскому офицеру! ¹

◆◆ 1. Въ архивѣ семьи Герцена хранится слѣдующее письмо къ А. И.:

«Хотя неумеючи російскаго языка однакоже осмеляюсь писать къ вамъ и свидѣтельствовать мою благодарность за номеръ Колокола, что вы мнѣ прислали. Я его получылъ съ великою милостію и отчиталъ съ радостнымъ сердцемъ видавъ что въ вашемъ отъчествѣ мы находимъ людей, понимающихъ и узнающихъ правоту нашей несчастной Польщы.—Честь русскимъ женщинамъ что печалется надъ ужаснымъ положеніемъ польскихъ матерей, сестръ и дочь,—спаси имъ Богъ за ихъ чувствительное сердце, пусть прйшедъ этотъ дѣнь сильно-желаемый въ которомъ наши женщины моглибъ кинутся какъ сестры въ объятіе вашихъ и съ радостною слезою подали собѣ руку и соествовали взаимно свободу и независимость двохъ воинскихъ народовъ; пусть сіѣ два народы жить всегда въ братной дружбѣ, тогда мы воскрикнемъ что нетъ Польщы, нетъ Россіи но только два брата, сыны одной славянской матери.

«Моѣ почтеніе зъ желаніемъ вамъ долговѣчныхъ лѣтъ.

Ант. Зѣньковичъ

офицеръ польскій.

Франція.

23 іюля 1861 года.

Городъ Каенъ. Департаментъ Кальвадосъ.

¹⁾ Слѣдуетъ письмо офицера, очень сожалѣвшаго, что на Александра II возлагалось столько надеждъ.

1666. Крестный ходъ бого-мокриць въ гору просвѣщенія.

Съ тѣхъ поръ, какъ reverend ¹⁾ Путятинъ ²⁾ преобразился на горѣ *фавора* царскаго въ министры просвѣщенія, поползли изъ-подъ камня православныя вѣры морскіе Бурачки, лужные Аскоченскіе; одинъ, говорятъ, будетъ товарищемъ просвѣщенія, другой—какимъ-то оберъ-форъ-шнейдеромъ при цензурѣ. Зачѣмъ терять золотое время, благо ссудили въ Тихомъ океанѣ такую свято-рыбицу въ министры просвѣщенія. Это—своего рода экзамень. Если образованіе возшло въ нравы, сдѣлалось насущною потребностью, то самъ Бажановъ съ Башуцкимъ его не остановятъ; если же оно все еще—одна служебная привилегія и императорская затѣя для хвастовства передъ Европой, то, пожалуй, и лучше его заткнуть Путятинымъ, сдѣлать изъ университетовъ соловецкіе монастыри и для благолѣпія придворнаго штата выписать свѣжихъ нѣмцевъ на Васильевскій островъ.

1667. Книга К. С. Аксакова.

У Вагнера, въ Лейпцигѣ вышла небольшая книжка покойнаго К. С. Аксакова подъ заглавіемъ: «Замѣчанія на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи». Укоромъ раздастся изъ свѣжей могилы этотъ голосъ горячей любви къ народу русскому въ то время, когда опричники *Освободителя* сѣкутъ Россію, разстрѣливаютъ Россію. Сколько страданій готовилось Аксакову, если-бъ онъ не умеръ! Онъ не вынесъ бы всѣкаемаго *освобожденія*, — мы увѣрены въ этомъ, — онъ бросился бы въ ряды крестьянъ... Больше мы не можемъ почитать его благородной памяти!

1668. Письмо къ Н. Ѳ. Щербинѣ.

19 іюля 1861.

Orsett House, Westbourne terrace.

Пишу вамъ не письмо, а инструкцію. Какъ цивилизація ни гнила, но все же она не грабитъ по дорогамъ. Отправляйтесь изъ

¹⁾ Преподобный.

²⁾ Графъ Евѳимій Васильевичъ, адмиралъ: исполнялъ дипломатическія порученія въ Япоіи; отличался ханжествомъ.

Вентнора въ Cowes или Ryde, оттуда на пароходѣ въ Portsmouth, а изъ Портсмута 3 или 4 часа до Waterloo Station въ Лондонѣ. На станціи возьмите извозчика и велите ему себя везти въ Provence Hotel, Leicester square (произ. Лестеръ скверъ); скажите тамъ, что вы—мой знакомый, оставьте чемоданъ и велите себя проводить къ Тхоржевскому, котораго книжная лавка почти возлѣ — Macclesfield Soho, уголъ Gerrard street.

Въ трактирѣ всѣ говорятъ по-французски и тамъ недорого. Обѣдать прошу къ намъ, и однажды вы будете здѣсь, мы васъ отправимъ въ Isle of Wight спокойно.

Утромъ часовъ до 3-хъ вы насъ не застанете, послѣ—почти навѣрное.

Если вы хотите прямо изъ отеля ѣхать къ намъ, то возьмите кэбъ и вотъ адресъ: Westbourne terrace, Orsett place, Orsett House (behind the Trinity Church); извозч. 2 sh., а отъ станціи до Provence Hotel—1 sh. 6 пенсовъ.

Привозите все, что не громоздко и не беспокоитъ васъ.

Въ воскресенье или въ понедѣльникъ есть дешевые trains.

Увѣдомьте за нѣсколько часовъ, когда выѣзжаете,—я самъ собираюсь въ Devonchir.

Огаревъ кланяется; до свиданія.

1669. Письмо къ декабристу.

25 июля 1861.

Лондонъ.

Душевно благодаримъ мы оба за ваши добрыя строки. Мы съ дѣтства привыкли чтить всѣхъ васъ, вы—наша аристократія, наши блестящіе предки, наши святые отцы. Берегите себя для того, чтобы еще долго служить живымъ поученіемъ поколѣнію чахлому отъ николаевскихъ душевновредительныхъ преслѣдованій и примите нашъ сердечный поклонъ.

По вашему желанію, прилагаю нашъ портретъ.

А. Г.

1670. (Храбрый Дренякинъ).

Храбрый Дренякинъ представлялъ къ наградѣ «молодцовъ», убивавшихъ крестьянъ,—нашихъ братьевъ, русскихъ крестьянъ. Чѣмъ же ихъ наградить? Надобно выписать австрійскіе или прус-

скіе кресты, — не русскими же награждать за русскую кровь! Въ сороковыхъ годахъ Николай, съ тѣмъ тактомъ, который его отличалъ, повелѣлъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ награждать отцовъ, которые сами выдаютъ дѣтей своихъ, скрывающихся отъ рекрутства, медалью и 200 р. сер. «Какую же медаль имъ дадутъ?» — сказалъ я разъ А. С. Хомякову. Не ту ли, что даютъ крестьянамъ съ надписью: «за спасеніе погибавшихъ?» — «Непремѣнно, — замѣтилъ Хомяковъ, — только ужъ съ надписью: *«за шибель спасавшихся»*. Выбивши въ честь редакціонной комисіи и потомъ въ честь самого себя медали, правительство можетъ заняться и этой. Съ одной стороны вѣнокъ изъ розогъ, связанный флигель-адъютантскимъ аксельбантомъ, а съ другой стороны: «Симъ освобождаю!».

1671. Отъ издателей.

Съ искренней благодарностью извѣщаемъ мы о полученіи *ста двадцати пяти фунтовъ*, назначенныхъ для польской школы въ Парижѣ и для польскихъ изгнанниковъ, участвовавшихъ въ итальянской войнѣ. ¹

◆◆ 1. Въ Рапперсвильскомъ музеѣ хранится анонимное письмо, отъ мая 1861 года, написанное на половину по-польски и по-русски:

«На поддержку польской школы, находящейся въ Парижѣ, жертвую двѣ тысячи франковъ. Пусть они будутъ использованы на то, чтобы воспитывающаяся въ ней молодежь прониклась искренней и постоянной любовью къ отчизнѣ нашей, Польшѣ; чтобы молодежь эта, лучше видя ошибки предковъ нашихъ и наши, больше узнала свою отчизну и ея нужды; чтобы молодежь эта не была бы ни аристократіей, ни дворянствомъ, ни демократіей, но была бы польскою молодежью. И во времена счастья и въ несчастіи Польша имѣла дѣтей достойныхъ себя, они сложили кости свои на могилѣ матери, они приносили обильныя кровавыя жертвы для ея освобожденія. Такихъ дѣтей, только еще свободныхъ отъ предрасудковъ, пусть дастъ намъ польская школа, существующая въ гостепріимной Франціи; пусть они будутъ братьями крестьянина, мѣщанина, дворянина, и въ то же время дѣтьми Польши. Пусть они будутъ также друзьями одинаково съ нами терпящихъ правосмыслящихъ русскихъ.

«Милостивый Государь, Васъ не затруднить просьба моя передать имѣющему съ Вами личныя въ Лондонѣ сношенія земляку моему пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, дабы онъ, по усмотрѣнію

своему, распорядился этими деньгами въ пользу воиновъ польскихъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ за свободу Италіи. Не многіе изъ насъ могутъ благодарить судьбу за то, что не лишила возможности содѣйствовать святому дѣлу освобожденія народовъ.

«Надѣюсь, что посылаемый при семъ больше, чѣмъ ничтожный, подарокъ принять удостоите: это плодъ земли русской и издѣліе рукъ сироты-поляка. Первая для васъ дорога; а первымъ изъ русскихъ открытымъ защитникомъ праваго дѣла моей родины явились Вы.

«Вы имѣете послѣдователей; Ваши идеи усваиваются, лучше сказать, пробуждаютъ понятія у Вашихъ соотечественниковъ. Вы счастливы!.. А я, пока хотя мгновенно, буду счастливъ, если какая-нибудь вещица изъ Вашего отечества напомнитъ матеріально, натолкнется на глаза Ваши.

«Съ чувствомъ неизъяснимымъ честь имѣю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *Небогатый*».

Герценъ немедленно исполнилъ волю щедрого жертвователя. Вотъ оправдательные документы, хранящіеся въ томъ же музеѣ:

а) «Генуя, 2 іюня 1861. М. Г., я получилъ сумму въ 20 фунтовъ стерлинговъ, которую вы соблаговолили прислать для нуждающихся поляковъ, живущихъ въ Неаполѣ; благодарю васъ за нихъ и за общее дѣло; примите увѣреніе въ моемъ отличномъ уваженіи. *Баронъ Дульфусъ*».

б) «Генуя, 17 іюля 1861. Комитетъ помощи изгнанникамъ-полякамъ. Джузеппе Гарибальди, Почетный предсѣдатель. М. Г., По почину польскихъ эмигрантовъ, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Іосифа Гарибальди, учредился въ Генуѣ Комитетъ помощи выходцамъ изъ Польши. Комитетъ будетъ собирать необходимыя средства и распредѣлять ихъ черезъ своего уполномоченнаго между эмигрантами, проживающими въ Генуѣ и въ другихъ городахъ Италіи. Въ Генуѣ эмигрантами избрана комиссія, для совмѣстнаго съ Комитетомъ обслѣдованія нужды и опредѣленія размѣра необходимой помощи эмигрантамъ какъ въ Генуѣ, такъ и въ другихъ городахъ Италіи, причемъ остатокъ суммъ, буде онъ окажется, подлежить сохраненію. Точный отчетъ въ поступленіи суммъ и расходованіи ихъ Комитетомъ будетъ представляться въ Генуѣ въ присутствіи избранныхъ для этой цѣли поляковъ. Отчетъ этотъ будетъ публиковаться въ генуэзской газетѣ. Мы не сомнѣваемся, что вы, мм. гг., оцѣните это дѣло помощи польскимъ выходцамъ, начатое итальянскимъ героемъ, столь прославленнымъ въ мірѣ своими гражданскими доблестями и любовью къ отчизнѣ, и, принеся свою лепту, примете въ немъ активное участіе. Почетный

вице-предсѣдатель Комитета *Инаціо Окипинти*. Секретарь *А. Томазіо*.

в) «31 іюля 1861. Комитетъ помощи изгнанникамъ-полякамъ. Джузеппе Гарибальди, Почетный предсѣдатель. М. Г., Комитетъ получилъ вчера письмо, датированное 26-мъ текущаго мѣсяца, и предупреждающее его о пересылкѣ 500 фр., которые можно получить у *П. Давида*. Эти банкиры не получили еще никакого подобнаго приказа.

«Просятъ васъ поторопить отправку этого фонда, такъ какъ Комитетъ имѣетъ уже въ виду распредѣленіе этой суммы.

«Добраго здоровья. За Комитетъ Вице-президентъ *Инаціо Окипинти*. Секретарь *А. Томазіо*».

г) «9 августа 1861. Комитетъ помощи изгнанникамъ-полякамъ. Джузеппе Гарибальди, Почетный предсѣдатель. М. Г., лишь вчера, 8 текущаго мѣсяца я получилъ сумму въ 500 фр. способомъ, который вы мнѣ указали въ вашемъ весьма пріятномъ письмѣ отъ 26 іюля, и спѣшу послать вамъ квитанцію и въ то же время мою самую искреннюю благодарность, какъ отъ Комитета, такъ и отъ всѣхъ вспомошествоваемыхъ имъ изгнанниковъ-поляковъ.

«Примите, М. Г., мой поклонъ и повѣрьте мнѣ. За Комитетъ Вице-президентъ *Инаціо Окипинти*. Секретарь *А. Томазіо*».

д) «Парижъ, 28 іюля 1861. Польская національная школа. Директоръ школы.

«М. Г., я уполномоченъ получать всѣ вспомошествованія, которыя могутъ быть предложены Польской Школѣ, для передачи ихъ въ кассу, помѣщеніе которой находится въ зданіи Школы, кассиръ же живетъ въ городѣ.

«Какъ только получу сумму, о которой вы мнѣ говорите въ вашемъ письмѣ, я не премину сообщитъ объ этомъ высшей администраціи Школы.

«Пока прошу васъ, М. Г., повѣрить, что это проявленіе сочувствія вашихъ друзей глубоко тронуло мое сердце. Этотъ фактъ служить яснымъ доказательствомъ, что солидарность Польши и Россіи въ дѣлѣ ихъ освобожденія не останется пустымъ словомъ, что она осуществится и достигнетъ тѣхъ размѣровъ или той цѣли, которую ставили себѣ до 1827 наши славные предшественники: Пестель и Бестужевъ, Солтыкъ¹⁾, Лукасинскій и Кржижановскій, и къ которой мы стремимся теперь сообща.

«Поэтому, М. Г., во имя этой солидарности и глубокаго ея укрѣпленія, соблаговолите принять съ вашими почтенными друзьями мою

¹⁾ Романъ, польскій патриотъ, † въ 1843 г.

самую горячую благодарность и самый искренній привѣтъ. Вашъ, совершенно преданный *Станиславъ Малиновскій*, дир. Пол. Нац. Школы».

е) «Парижъ, 4 августа 1861. М. Г., отмѣчая получение отъ васъ перевода въ двѣ тысячи франковъ, который вы оказали мнѣ честь адресовать, въ качествѣ дара, предложеннаго черезъ ваше посредство Польской національной Школѣ, имѣю честь приложить квитанцію на эту сумму, уже переданную мною въ руки кассира, члена Свѣта Школы.

«Наше учрежденіе почитаетъ за счастье, М. Г., что вы соблагволили принять на себя выраженіе этого доказательства сочувствія одному изъ патріотическихъ польскихъ дѣлъ.

«Соблаговолите, М. Г., принять вмѣстѣ съ нашею искреннею благодарностью увѣреніе въ чувствахъ самаго теплаго расположенія. Директоръ Школы *Станиславъ Малиновскій*».

ж) «Комиссія польской эмиграціи. Парижъ, 8 августа 1861. М. Г., я получилъ вчера тѣ пятьсотъ франковъ, которые вы соблагволили послать по указанію г. Ельжановскаго ¹⁾. Я сдамъ эту сумму въ этомъ мѣсяцѣ въ первое же собраніе комиссіи братской помощи польской эмиграціи, въ которой состою членомъ и секретаремъ. Эти деньги получать то назначеніе, которое желаетъ пославшій ихъ анонимъ.—Двадцать шесть лѣтъ подъ рѣдъ я состою на службѣ у эмиграціи и въ первый разъ приходится получать даръ изъ Россіи.—Это для меня, нѣкоторымъ образомъ, событіе предвѣщающее грандіозныя послѣдствія, осуществленіе которыхъ будетъ обязано вашему отважному и могучему возрождающему духу. Пусть только союзъ русскихъ и поляковъ совершится откровенно и честно, и тогда арлекинское ломаніе цѣлой Европы будетъ осрамлено и заразь разбито. Разоблачится вся эта нечестивая комедія, которая живетъ ложью или лицемѣріемъ. Это — пожеланіе, которое мы лелѣемъ уже много долгихъ лѣтъ нашей ссылки.

«На вашъ братскій привѣтъ я могу отвѣтить лишь признаніемъ моего искренняго восхищенія той великой цѣли, которую вы на себя взяли и рѣшили преслѣдовать до конца. *Андрей Смоликовскій*, бывший саперный подпоручикъ въ 1831 г.».

1672. List do redakcji.

«Panie Redaktorze! Ostatniemi czasy otrzymałem z Rosyi sumę 125 f. st. z zaleceniem ofiarowania 2000 fr. szkole polskiej w Pa-

¹⁾ Северинъ, польскій публицистъ, издатель-редакторъ «Przegląd Rzeczy Polskich», 1857—1862 гг.

ryzu i rozdzielenia reszty pieniędzy pomocy potrzebującym Polakom którzyby w wojnie włoskiej udział wzięli. Bezwłocznie posłałem 2000 fr. p. Malinowskiemu dyrektorowi polskiej szkoły, 500 zaś panu Occhipinti, wiceprezesowi polskiego komitetu w Genui. Jeżeli podzieli się pan rozdzielenia 500 fr. przysyłę Mu je natychmiast.

Zabowiążesz mnie pan Redaktor, czyniąc wzmiankę o tych faktach w piśmie swoim. Dodam że przed dwoma miesiącami miałem sposobność przestania na ręce pana Dulfusa fr. 500 dla naszych braci polaków w Neapolu.

Al. Herzen, Redaktor «Kołokola».

Переводъ.

Письмо въ редакцію.

«Господинъ Редакторъ! Въ послѣднее время я получилъ изъ Россіи сумму въ 125 ф. ст. съ просьбой пожертвовать 2000 фр. на польскую школу въ Парижѣ, а остальные раздѣлить между тѣми изъ нуждающихся поляковъ, которые пожелали бы принять участіе въ итальянской войнѣ. 2000 фр. я выслалъ немедленно директору польской школы, г. Малиновскому; 500 же—г. Окипинти, товарищу предсѣдателя польскаго комитета въ Генуѣ. Если Вы возьметесь раздѣлить 500 фр., я пришлю ихъ Вамъ немедленно.

Вы обяжете меня, г. Редакторъ сдѣлавъ сообщеніе объ этихъ фактахъ въ своемъ журналѣ. Прибавляю еще, что два мѣсяца тому назадъ я воспользовался случаемъ переслать г. Дульфусу 500 фр. для нашихъ братьевъ-поляковъ въ Неаполѣ.

Ал. Герценъ, редакторъ «Колокола».

1673. Письмо къ Н. А. Огаревой и дочерямъ.

6 августа (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Здравствуйте, большіе и малые, совершеннолѣтніе и дѣти! Хорошо, что вы нашли домъ; но если онъ хорошъ, напрасно вы взяли на мѣсяць, а не на два. Они поднимутъ цѣну,—au reste, вы о цѣнѣ и не писали.

Два дня у меня собиралась головная боль, но не собралась. Погода удивительная, и мы не надивимся, что у васъ дурно.

Теперь новости. У насъ въ рукахъ печатный листокъ, разосланный въ Петерб. по городской почтѣ: № 1 «Великорусса». Говорятъ объ открытіи заговора. Разные генералы просили о высылкѣ изъ Петерб. обоихъ Сер.-Сол. (старшій пріѣхалъ въ Аахенъ) за то, что, будучи свидѣтелями брани офицера съ мужикомъ, они показали, что офицеръ былъ пьянъ. Въ «Искрѣ» напечатана моя статейка безъ малѣйшаго измѣненія.

Вчера князь Гол. давалъ первый концертъ въ Креморнѣ ¹⁾; мы были; неудачно,—музыканты интригуютъ. Но самое курьезное, это—что его привезли въ половинѣ восьмого *изъ тюръмы*. Однако, на сей разъ туча прошла, и онъ опять свободенъ.

Жду извѣстій о домѣ. Есть ли у васъ спокойный уголь,—не для сна, это мнѣ все равно,—а для занятій?

Саша въ Исландіи. Можетъ, если завтра пришлете письмо, не поздно будетъ послать. Огар. такъ увлеченъ путешествіемъ Саши, что собирается въ Тогуау и даже сегодня идетъ въ Кенингтонъ Гарденъ.

Вотъ вамъ и Швесинши ²⁾.

Хорошая погода внутри и снаружи съ вами.

Отъ Сазонова радости подобное письмо.

Большое письмо, скажетъ Лиза.

ОЛЯ,

спасибо за письмо; напиши строчку Сашѣ. Сегодня Егорьевна ³⁾ готовить намъ обѣдъ: «кукмистъ» ушелъ за городъ.

Саша теперь въ Iceland⁴⁾; то-то, чай, мороженое какое славное.

Прощай. Скажи Лизѣ, во-первыхъ, что я бучка, а не гучка, и что я строго запрещаю ей падать со стула, а въ травѣ валяться можно.

Татѣ скажи, что оно лучше водой рисовать—можно кисточку въ воду помакивать.

Цѣлую тебя.

Надѣюсь, что Тата сразу пойметъ, что предложеніе Саши ѣхать въ Шотландію неумно; такъ я ему и писалъ. ¹

¹⁾ Cremorne gardens, названіе сада.

²⁾ ?

³⁾ Жеоржина, горничная.

◆◆ 1. Въ это время Огарева, Мейзенбургъ и дѣти были у моря въ Torquay. Первая писала Герцену и Огареву: «Все хорошо идетъ, но на душѣ печально; дѣти не могутъ васъ совсѣмъ замѣнить. Смотришь на нихъ, слушаешь ихъ болтовню—и хорошо, а потомъ такъ и кажется, что вотъ сейчасъ вы оба взойдете, и больно, что этого нѣтъ. Я думала, что не буду писать, а вотъ ужъ сколько написала; я не могу жить, не воображая, что я съ вами» («Русскіе Пропилеи», IV, 269).

1674. Письмо къ М. К. Рейхель.

13 августа (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Я очень чувствую, что виноватъ молчаніемъ, и хочу, по мѣрѣ силъ, попросить ваше архипастырское прощеніе. Изъ Парижа я пріѣхалъ въ сильной злобѣ на сей градъ: какая тамъ тоска, нельзя себѣ представить. Пріѣхавъ сюда, я дамъ и дѣтей отправилъ въ Torquay, въ Девонширъ, куда и самъ, вѣроятно, въ субботу поѣду. Ольга была больна въ Парижѣ и что-то не совсѣмъ оправляется. Тата процвѣтаетъ, Саша въ Исландіи; это и въ программу не входило, путешествіе не безопасное,—я буду радъ, когда оно окончится.

Путешествіе miss Руцинъ зато уже окончилось, и она поселилась у Гарисона, который давалъ мнѣ уроки. Зачѣмъ же вы съ супругомъ вашимъ прислали ее въ Лондонъ учиться музыкѣ? какъ будто, Эммануиль Гарсія ¹⁾—верхъ верховъ... Въ Парижѣ, Миланѣ, Брюсселѣ есть консерваторіи.

Главное событіе въ Парижѣ—замиреніе съ Львицкимъ, вслѣдствіе чего превосходный портретъ, котораго экземпляръ пришлю вамъ.

Второе—Тат. Петр. Что вамъ сказать о нашемъ свиданіи? Оно печально. Она несчастна и кругомъ виновата. Я сердился, кричалъ; она плакала, и все пойдетъ по старому. Дѣти ея—пустѣйшіе люди. (И вы-то мечтали о томъ, чтобъ Тату выдать за одного изъ нихъ!). Праздность, отсутствіе интересовъ, тощенькій развратецъ покончили ихъ слабыя натуры. Старшаго ²⁾ я и не видалъ, но вотъ вамъ для характеристики. У Т. Петр. осталась святыня отъ Вадима—кольцо, которое онъ снялъ передъ смертью и далъ ей. Она раздѣлила дѣтямъ имѣнье и оставила себѣ *кольцо*. Это

¹⁾ Профессоръ пѣнія.

²⁾ Александръ Вадимовичъ Пассекъ.

кольцо онъ подарилъ Мар. Ал. ¹⁾). Тат. Петр. просила ее отдать, она отказала. *C'est crâne!* ²⁾) Ипполита она ведетъ той же дорогой,—слабость безъ мѣры, и туда же сдѣлала атентатъ ³⁾) посвятить Владиміра.

Изъ Россіи вѣсти есть; тамъ настоящій хаосъ; вы увидите, что этотъ незыблемый тронъ не простоятъ пяти лѣтъ, если нашъ благодушный дурачокъ не перемѣнится.

Имѣлъ вѣсти изъ Сибири и поклонъ Рейхелю отъ Бакунина.

Что дѣти? И какъ вообще у васъ?

Рейхеля обнимаю.

А. Г.

1675. Заводите типографіи! Заводите типографіи!

Теперь—самое время. Мы съ восторгомъ узнали, что у насъ начали печатать въ тиши, *не безпокою* цензуру; мы видѣли даже одинъ листокъ «Великорусса» ⁴⁾). Это—*второй* необходимый шагъ; вездѣ такъ шло. Дома стѣсненная мысль нырала и появлялась вдругъ гдѣ-нибудь въ чужой странѣ,—на время это удовлетворяетъ. Но какъ только мысли, печатаемая за границей, начинаютъ осуществляться, имъ нужна родная почва, близость, вдохновенье дня. Печатайте ручными типографіями, печатайте кое-какъ,—тутъ не до эльзевировскихъ изданій; имѣйте буквъ на поль-листа, чтобъ разомъ можно было спрятать отъ *долгихъ* рукъ и *короткихъ* умовъ тайной полиціи. Нѣтъ въ Европѣ страны, гдѣ легче заводитъ типографіи, какъ у насъ,—вездѣ тѣснѣе живутъ. Но не намъ васъ учить да еще публично—мы ограничиваемся братскимъ совѣтомъ: *Заводите типографіи! Заводите типографіи!* ¹

◆◆ 1. Прежде выпуска прокламацій, въ Россіи стали появляться литографированныя изданія сочиненій Герцена, Фейербаха, Бюхнера, Огарева и др.

Уже въ маѣ Филаретъ писалъ государю: «Архіерейская присяга обязываетъ архіерея, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, писать къ Его Императорскому Величеству. Такой случай нечаянно мнѣ представился. Незвѣстный, пришедъ ко мнѣ, сказалъ, что намѣренъ

¹⁾ Марковичъ.

²⁾ Это смѣло!

³⁾ *Attentat*—покушеніе, посягательство.

⁴⁾ Первое революціонное изданіе въ Россіи; въ іюль было разбросано въ СПб. и Москвѣ, позже разослано по всей странѣ.

открыть мнѣ дѣло, касающееся до безопасности государства, для доведенія до свѣдѣнія В. И. В. Несмотря на замѣчаніе мое, что есть другія должностныя лица, къ которымъ правильнѣе онъ можетъ обратиться, онъ, настоявъ на своемъ, прочиталъ мнѣ принесенную имъ записку, въ которой содержится переводъ прокламаціи поляка Мѣрославскаго, изъ Парижа, отъ 1 дня сего мая, о способахъ приготовления и начатія возстанія въ Польшѣ и Литвѣ. При семъ онъ представилъ означенную прокламацію на польскомъ языкѣ. Кромѣ сего, онъ объявилъ, что въ московскомъ университетѣ литографируются и въ большомъ числѣ распространяются антирелигіозныя и вредныя политическія сочиненія, въ доказательство чего и представилъ четыре литографированныя брошюры. Онъ присовокупилъ, что то же дѣлается въ университетахъ: харьковскомъ, кievскомъ и казанскомъ. Полагаю, что отъ проницательности правительства В. И. В. не скрыто, сколько истины заключается въ вышеизложенныхъ показаніяхъ; тѣмъ не менѣе долгомъ вѣрности побуждаюсь не умолчать объ оныхъ предъ В. И. В., представляя при семъ вышепоказанные документы и адресъ, по приглашенію моему, собственноручно написанный показателемъ отставнымъ подпоручикомъ Балашевичемъ. Богъ правды да разрушитъ ковы враговъ вѣры и отечества и да сохранитъ престоль В. И. В. въ мирѣ, силѣ и славѣ» («Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета» etc, т. V, ч. I, 68—69).

«Дѣло» Петра Григорьевича Заичневскаго, Перикла Эммануиловича Аргиропуло и др. до сихъ поръ неизвѣстно; правительство не опубликовало о немъ ни одного слова; изслѣдованій не появлялось, а сдѣланныя въ литературѣ указанія очень кратки и неточны (ср. стр. 18 перваго приложения къ сборн. «Государственныя преступленія въ Россіи» подъ ред. Богучарскаго, и стр. 268—272 «Изъ воспоминаній прошлаго» Л. Пантелѣва). Нынѣ, пользуясь архивомъ министерства внутр. дѣлъ, явилась возможность пролить свѣтъ и на этотъ моментъ нашего революціоннаго прошлаго, гдѣ такимъ дѣйствительнымъ маркизомъ Позой выдѣляется на общемъ сѣренкомъ фонѣ своихъ товарищей духовно богатая, нравственно выдержанная, сильная и смѣлая фигура Петра Заичневскаго.

29 августа 1861 г. шефъ жандармовъ увѣдомилъ министра внутр. дѣлъ, что вслѣдствіе дошедшихъ свѣдѣній о неблагонадежномъ образѣ мыслей студентовъ московскаго университета Перикла Аргиропуло и Петра Заичневскаго, они были, по высоч. повелѣнію, арестованы и доставлены со всѣми бумагами въ III Отдѣленіе. Среди бумагъ въ значительномъ количествѣ оказались литографированные листы злоумышленныхъ сочиненій, по преимуществу Гер-

цена, даваемые ими для прочтенія разнымъ лицамъ. Оба сознались въ распространеніи, но не назвали, кто занимался самымъ литографированіемъ. «Независимо сего, въ бумагахъ студ. Заичневскаго найдено черновое письмо его къ Аргиропуло, въ которомъ онъ, называя себя членомъ общества социалистовъ, высказывалъ намѣреніе свое возбудить помѣщичьихъ крестьянъ противъ правительства. Личнымъ объясненіемъ онъ еще болѣе доказалъ, насколько социальныя идеи онъ раздѣляетъ, и какихъ революціонныхъ дѣйствій онъ надѣялся достигнуть, распространяя эти идеи въ простомъ народѣ». Было основаніе заподозрить и участіе студента московск. унив. Леонида Яценка; подозрѣніе оправдалось: онъ распространялъ зловредныя изданія. Государь повелѣлъ передать все дѣло мин. вн. дѣлъ для изслѣдованія на законномъ основаніи. Теперь получены дополнительныя свѣдѣнія, что къ печатанію и распространенію запрещенныхъ сочиненій прикосновенны: студенты Іосифъ Сороко, Яковъ Сулинъ, Александръ Кистеръ, Петровскій, Гольцъ-Миллеръ, литераторы М. Михайловъ, Камбекъ и отстав. корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, «съ присовокупленіемъ, что запрещенныя сочиненія печатались въ квартирѣ сего послѣдняго». При этомъ имѣются два воззванія въ рукописяхъ: «Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ» и «Барскимъ крестьянамъ» съ тѣмъ же окончаніемъ. «Относительно второго воззванія сообщено, что оно писано помянутымъ литераторомъ М. Михайловымъ. Почеркъ руки литератора М. Михайлова, повидимому, не оставляетъ сомнѣнія, что означенное воззваніе къ «Барскимъ крестьянамъ», дѣйствительно, писано имъ, а потому лицо это заслуживаетъ того, чтобы на него обращено было особенное вниманіе». У Костомарова найденъ типографскій шрифтъ, у Гольцъ-Миллера — большая пачка «Колокола», литографированнаго въ Москвѣ. Сороко находится въ Варшавѣ, — сношенія объ обыскѣ у него сдѣланы.

30 августа мин. вн. дѣлъ сообщилъ шефу жандармовъ, что, «согласно предварительному съ вами словесному объясненію», учреждается особая слѣдственная комиссія изъ двухъ чиновниковъ мин. вн. дѣлъ (Игнатій Ѳомичъ Собѣщанскій и Алексѣй Петровичъ Стороженко), одного — мин. юстиціи (Александръ Семеновичъ Любимовъ) и одного — отъ управленія московскаго ген.-губернатора (Иванъ Сергѣевичъ фонъ-Визинъ). Дѣлопроизводителемъ комиссіи былъ назначенъ Незнамовъ, впослѣдствіи совѣтникъ тамбовскаго губернскаго правленія, въ помощь ему былъ данъ Вильчевскій. «Собѣщанскому вѣнчено въ обязанность принять къ руководству при началѣ дѣла тѣ указанія, которыя вашему сіятельству угодно будетъ ему дать для удобнѣйшаго приступа къ слѣдствію».

Такимъ образомъ ясно, что Михайловъ былъ уже обреченъ до своего ареста по дѣлу прокламаціи «Къ молодому поколѣнію»: излагая главы XVI и XVII своихъ «Записокъ», онъ все еще не зналъ, что начало его злоключеній было именно въ дѣлѣ Заичневскаго, Аргиропуло и пр., которое приняло сначала III Отдѣленіе, потомъ отдѣлило отъ него особо дѣло Михайлова, выдѣлило часть дѣла относительно Заичневскаго и Аргиропуло, дало всему свое направленіе и передало массовое производство по сравнительно мелкимъ однороднымъ дѣламъ особой комиссіи Собѣщанскаго.

Подлинное дѣло III Отдѣленія, бумаги, найденныя при обыскахъ у обвиняемыхъ, и прочія улики были получены комиссіей 12 сентября. Кромѣ того, комиссія приняла «для соображеній» всеподданнѣйшій докладъ III Отдѣленія, два донесенія жандармскаго штабъ-офицера Воейкова, одно—московского оберъ-полицмейстера и одно жандармскаго подполковника Житкова; «для соображеній», оговорилась комиссія въ своемъ рапортѣ министру вн. дѣлъ отъ 21 декабря 1861 г., «потому что указанія, не подкрѣпленныя никакими фактическими доводами, не всегда могутъ найти примѣненіе въ *формально* слѣдственномъ порядкѣ». Открывъ свои дѣйствія 12 сентября въ Петербургѣ, комиссія допросила: Костомарова, Заичневскаго, Яценка, Аргиропуло, Гольцъ-Миллера и Михайлова. Впослѣдствіи она переѣхала въ Москву, гдѣ допросила: Сулина, Кистера, Надежду, Екатерину, Марію и Алексѣя Костомаровыхъ, Галахова, Болотникова, Адольфа, Ластовскаго, Крыжова, Ильинскаго, Бекетова, его жену, Петровскаго-Ильенка, Алексѣя и Никифора Шкляревскихъ, Вацлава Кистера, Шюмана, Ѳедосѣева, Ячинецъ, Емельянова, Понятовскаго, Николая Заичневскаго, Побѣдинскаго, Каравко, Папирова, Крафта, студ. Михайлова, Величковскаго, Шмелева, Гладкаго, Дебошъ, Соколова, Гирша и Комарова. Вопросные пункты посланы ею въ Черниговъ для Дорошенка, Калугу—Бѣльченка, Тифлисъ—Николая Костомарова. Вернувшись въ Спб., она допросила еще Сороко, Сваричевскаго, Дарагана и Смоленскаго. Добытыя данныя комиссія подраздѣлила на три категоріи:

1) Открытіе Сулинымъ и Петровскимъ-Ильенкомъ, такъ называемой, первой русской вольной типографіи, 2) печатаніе у Костомарова возмутительнаго воззванія «къ барскимъ крестьянамъ» и 3) литографированіе злоумышленныхъ или неодобренныхъ цензурою сочиненій.

Прослѣжу вкратцѣ основныя данныя по всѣмъ тремъ категоріямъ.

По первой категоріи. Костомаровъ показалъ, что зимой 1860—61 гг. онъ черезъ студентовъ Крыжова и Сулина познако-

мился со студ. Сороко и вскорѣ получилъ отъ него приглашеніе посмотрѣть «первую русскую вольную типографію» (выраженіе Сорока). Станокъ помѣщался въ д. Дроздовой, въ одномъ изъ переулковъ между Самотекой и 4-й Мѣщанской, въ чьей квартирѣ—ему неизвѣстно. Владѣльцы: Сороко и Петръ Петровскій-Ильенко, корректоръ типографіи Каткова. Въ тотъ день на станкѣ допечатывался послѣдній листъ книги «Разборъ книги Корфа: 14 декабря и императоръ Николай». Печаталось до 600 экз. и работа шла уже болѣе года. Цѣль изданія, вѣроятно, коммерческая. «Издатели были люди безъ всякихъ средствъ и по окончаніи своей операціи очутились безъ хлѣба, безъ сапоговъ, безъ одежды: все было заложено или продано. Компанія голодала по цѣлымъ днямъ, на троихъ была у нихъ пара туфлей и старое студенческое пальто; въ жестокіе морозы комната ихъ не топилась по недѣлямъ. Положеніе ихъ долго не улучшалось, и потому, мнѣ кажется, они были правы, говоря мнѣ, что «не успѣли сбыть и десяти экземпляровъ своего изданія».

Сулинъ показалъ, что въ октябрѣ 1860 г. Петровскій предложилъ ему войти денежно въ компанію для напечатанія «Разбора», чтобы потомъ заработать на изданіи. Въ декабрѣ 1860 г. Петровскій привезъ большую деревянную машину и вскорѣ перевезъ ее въ д. Дроздовой, гдѣ и началась работа, куда и олъ самъ переѣхалъ. Сулинъ очень сожалѣлъ о данныхъ деньгахъ (около 250 р.), хотѣлъ порвать связь съ типографіей, но не удалось. Въ февралѣ 1861 печатаніе было кончено, станокъ уничтоженъ: дерево сожжено, а металлическія части и шрифтъ проданы на вѣсъ. Никакихъ другихъ работъ на немъ не сдѣлано. 100 экз. взялъ себѣ Петровскій, 30—Костомаровъ, 15—Сороко, 20—вскорѣ потомъ застрѣлившійся студ. Макавѣевъ. Продать всѣ не удалось. Сулинъ сжегъ всѣ оставшіеся у него экземпляры. Сороко никакаго участія въ дѣлѣ печатанія не принималъ.

Петровскій почти подтвердилъ показанія Сулина. Сороко показалъ, что, ѣздивши въ Спб. для слушанія лекцій медико-хирург. академіи, взялъ съ собой 15 экз., два изъ нихъ продалъ Михайлову, у котораго былъ, по просьбѣ Костомарова, чтобы получить отъ него письмо къ Костомарову. Вернувшись, оставшіеся экз. сжегъ, узнавъ о томъ, что книгу эту полиція разыскиваетъ.

Очная ставка Сулина съ Костомаровымъ выяснила, что послѣдній купилъ себѣ у гравера Бекетова особый станокъ; тогда же Костомаровъ отказался отъ своего показанія объ осмотрѣ типографіи по приглашенію Сорока.

Студ. Сваричевскій показалъ, что студ. Гладкій писалъ ему о высылкѣ денегъ за экземпляры «Разбора», полученные для про-

дажи отъ прїѣзжавшаго въ Спб. Петровскаго и находившагося съ нимъ въ сношенїяхъ Смоленскаго. «Я продавалъ эти книги нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, которыхъ всѣхъ не помню, а объ оставшихся въ памяти, я надѣюсь, что слѣд. комиссія не будетъ меня допрашивать».

Дараганъ заявилъ, что никакихъ книгъ не получалъ, а что братъ его получилъ отъ Гладкаго. Смоленскій также отрицалъ всякую свою прикосновенность къ распространенію «Разбора».

Изъ бумагъ Гольцъ-Миллера было видно, что студ. Болотниковъ взялъ у него 10 экз., студ. Галаховъ—5, студ. Яценко—10, студ. Адольфъ—5, Крыжовъ—5, Ластовскій—10. Всѣ эти книги были даны имъ Сулинымъ, просившимъ Гольцъ-Миллера получить съ нихъ деньги. Всѣ названныя лица отвергли полученіе чего бы то ни было отъ Сулина, что подтвердилъ и самъ послѣдній. Замѣчательно, что ни въ чьихъ бумагахъ комиссія не нашла ни одного экз. «Разбора» и потому должна была «пріобрѣсти» одинъ экз. (какимъ путемъ—не указано). Комиссія признала достаточнымъ полицейскій надзоръ за Сулинымъ, Петровскимъ, Сороко и Гольцъ-Миллеромъ, для Костомарова^а и Сваричевскаго (по другому дѣлу уже сидѣлъ при III Отдѣленіи)—домашній арестъ, а остальныхъ оставила на свободѣ.

По второй категоріи. Печатавшихся у Костомарова «запрещенныхъ сочиненій ни предварительнымъ, ни формальнымъ слѣдствіемъ и даже самаго факта печатанія ихъ не обнаружено», а рукописныя воззванія находились при дѣлѣ.

Сулинъ разсказалъ, какъ Костомаровъ весною 1861 г. обѣщаль ему 500 р. за содѣйствіе по отпечатанію листовой прокламаціи. Тяжелое матеріальное положеніе заставило его согласиться. «Костомаровъ прїѣхалъ за мной, и мы отправились въ Лазаревскую типографію, что въ Армянскомъ переулкѣ, гдѣ онъ заказалъ шрифтъ, сколько помню, на имя барона Ферзена, въ Псковъ. Потомъ спросилъ, нѣтъ ли у нихъ небольшого корректурнаго станка въ продажѣ»; факторъ типографіи Іоганнъ Шюманъ направилъ его къ граверу Бекетову, у котораго шпіонъ купилъ небольшой чугунный станокъ, тоже на имя Ферзена. Станокъ былъ поставленъ въ домѣ Костомарова; черезъ нѣсколько дней былъ полученъ и шрифтъ, и Костомаровъ далъ Сулину набирать нѣсколько строкъ изъ воззванія «къ барскимъ крестьянамъ» (см. на стр. 336—346 моей книги «Политическіе процессы» etc.). Воротившись домой и взявъ во вниманіе содержаніе набранныхъ мною строкъ, я рѣшилъ во что бы то ни стало покончить это дѣло. Съ этою цѣлью я просилъ жившаго со мною художника Ильинскаго написать на имя Костома-

рова записку въ слѣдующихъ словахъ: «Милостивый государь, будьте осторожны, за Вами слѣдятъ», а внизу было написано: «по обязанности, Вашъ недоброжелатель». На всѣ желанія Ильинскаго знать, къ чему это я дѣлаю, ѿ отвѣчалъ: «Я васъ прошу, мнѣ это нужно». Записка эта была запечатана. сколько помню, наперсткомъ и отнесена мной на городскую почту. Содержаніе и форму этой записки, я думаю, подтвердить Ильинскій. Когда на другой день я пришелъ къ Костомарову, тотъ указалъ мнѣ уже готовый наборъ, и мы начали хлопотать около станка. Въ это время кто-то вызвалъ Костомарова, и онъ воротился съ запиской. «Что же будемъ дѣлать?» сказалъ онъ. «Уничтожить все, все уничтожить и какъ можно скорѣе». Костомаровъ хотѣлъ сохранить набранныя строки, но я схватилъ ихъ и разсыпалъ. Потомъ мы начали разбирать машину. Костомаровъ, ожидая полицейскаго обыска въ эту же ночь, просилъ меня взять все къ себѣ. Я долго не соглашался на это, но онъ сказалъ, что и ему некуда дѣваться со всѣмъ этимъ добромъ, и предложилъ машину и шрифтъ за взятыя имъ у меня книги «Разбора», за которыя онъ не отдавалъ мнѣ еще деньги». Сулинъ, не имѣя мѣста дома, перевезъ нѣкоторыя части машины къ студ. Кистеру, гдѣ ее поставили на видномъ мѣстѣ, въ передней. Потомъ машину купилъ Аргиропуло, который, по словамъ Александра Кистера, занимался изданіемъ азбучекъ для воскресныхъ школъ. Всѣ названныя лица подтвердили это показаніе Сулина. Аргиропуло же добавилъ, что назвать лицо, для котораго онъ купилъ у Сулина машину, онъ считаетъ невозможнымъ.

Михайловъ показалъ, что передалъ воззваніе «къ барскимъ крестьянамъ» Сороку, который говорилъ, что знаетъ возможность напечатать рукопись въ Москвѣ. Сулинъ заявилъ, что получилъ отъ Михайлова запечатанный на имя Костомарова конвертъ, не зная, что въ немъ находится. Костомаровъ все свалилъ на брата своего Николая (выѣхавшаго на Кавказъ), общавшаго «сыграть съ нимъ такую шутку, какой онъ и не ожидалъ», что подтвердили мать, обѣ сестры и братъ Алексѣй. Послѣ этого Комиссія, по соглашенію съ III Отдѣленіемъ и министромъ вн. дѣлъ, подвергла Костомарова домашнему аресту.

По третьей категоріи. У Аргиропуло было найдено много изданій, литографированныхъ на большихъ листахъ газетной бумаги: 59 экз. стихотвореній Шевченка, по 40—100 экз. статей Герцена «Западъ», 170—статей изъ «Колокола»; кромѣ того, литографированные портреты Герцена. Сынъ старшаго драгмана нашей миссіи въ Константинополь, Аргиропуло—«вообще личность одна

изъ самыхъ даровитыхъ, образованныхъ и чуждыхъ малѣйшаго эгоизма», какъ характеризовала его комиссія.

У Заичневскаго (сынъ отставнаго штабъ-офицера, помѣщика Орловской губ.) найдены 2 полныхъ экз. «Запада», 9 экз. «Колокола», нѣсколько листовъ разныхъ статей Герцена и изъ «Колокола», тоже портреты Герцена, фотографіи декабристовъ, польскихъ эмигрантовъ и другихъ политическихъ дѣятелей и пр. «Въ Заичневскомъ, сколько можно судить изъ его бумагъ и данныхъ по дѣлу отвѣтовъ, встрѣчаются странныя противоположности: онъ добрый сынъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своими выходками причинилъ семейству много горя; точный математикъ и вѣрающій на слово разнорѣчивымъ ученіямъ социалистовъ; русскій патриотъ и поборникъ отдѣленія Польши; въ области науки мирный труженикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старающійся всѣми силами на подмостахъ политическихъ бредней добиться вѣнца мученичества и гоненій за тѣ идеи, которыхъ самъ еще не выработалъ и не усвоилъ. Ему всего на всего 19 лѣтъ».

У Яценка найдено литографированныхъ матеріаловъ гораздо меньше, тоже фотографіи декабристовъ и пр. «Яценко, человекъ безъ всякихъ средствъ, слушалъ лекціи по юрид. факультету, былъ сотрудникомъ журнала «Основа» и издалъ на малороссійскомъ языкѣ одну учебную книжонку подъ заглавіемъ „Грамотка“».

«Гольцъ-Миллеру отъ роду 19 лѣтъ; не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ незначительнаго пособія отъ отца, онъ, сколько по дѣлу заключить можно, былъ только у другихъ на побѣгушкахъ,—юноша застѣнчивый, робкій».

У Алексѣя Шкляревскаго, Ѳедосѣева, Михайлова и Сорока взяты сочиненія Герцена, его фотографіи и пр.

«Соображая скудость и неполноту полицнаго съ тѣмъ, что можно бы было предполагать у обвиняемыхъ, нельзя,—рапортуетъ комиссія—не прійти къ заключенію, что большая часть литографированныхъ листовъ, при первыхъ же арестахъ, истреблена или разошлась по разнымъ мѣстностямъ, и тамъ тоже или уничтожена или припрятана, а можетъ быть, и ходить по рукамъ, скрываясь отъ полицейскаго надзора».

Подводя итогъ дѣятельности литографіи въ Москвѣ, комиссія нашла достаточныя основанія считать, что были изданы:

Герцена: «Былое и думы»—часть I, гл. гл. I—VI, вся ч. II, вся ч. III и IV, «Западъ», гл. гл. I, II, III, изъ V части гл. гл. I—III, «Старыя письма», «Съ того берега», «Русскій народъ и социализмъ», нѣсколько статей изъ «Колокола», «За пять лѣтъ»; Огарева—«На новый годъ», Бюхнера «Сила и матерія», Фейербаха «Лекціи о

сущности религіи», затѣмъ нѣсколько стихотвореній Шевченка и еще нѣсколько вещей.

На вопросъ, откуда Аргиропуло получилъ листы и портреты, онъ заявилъ: «я не желалъ бы отвѣчать на этотъ вопросъ». Его показанія довольно пространны, но совершенно лишены того, что требовала комиссія; послѣдняя поставила ему это на видъ, напомнивъ, что бѣлая откровенность облегчитъ его участь. Тогда Аргиропуло написалъ: «Объявляю, что во всемъ, что касается меня одного, я показалъ истину; открыть же имена тѣхъ, о которыхъ я знаю, что они участвовали въ распространеніи этихъ сочиненій, я не могу себя принудить, потому что считаю это несогласнымъ съ моею совѣстью».

Заичневскій объяснилъ, что найденная у него «прокламація» къ русскимъ, переведенная съ польскаго, названа такъ III Отдѣленіемъ неправильно: это былъ отвѣтъ на рѣчь, произнесенную имъ въ костелѣ. Что касается прибрѣтеннаго имъ литографскаго станка, то на самомъ дѣлѣ его прибрѣлъ работавшій у него мастеръ Иванъ Антоновъ; станокъ стоялъ въ литографіи, открытой, съ дозволенія правительства, кн. Кугушевымъ. Онъ держалъ мастера въ теченіе 1860 г. и литографировалъ лекціи профессоровъ московскаго университета.

Иванъ Антоновичъ Комаровъ показалъ, что Заичневскій купилъ станокъ «въ заведеніи кадетскаго корпуса», что онъ работалъ на немъ до іюля 1860 г., а затѣмъ станокъ былъ проданъ; форматъ его малый, а потому большіе листы «Запада» и пр. тамъ итти не могли.

Затѣмъ комиссія запросила попечителя московскаго учебнаго округа о литографированіи лекцій, получила отъ него указанія на студентовъ Аргиропуло, Величковскаго, Горе, Николая Заичневскаго, Побѣдинскаго, Каравко, Шмелева и Крафта, опросила ранѣе не опрошенныхъ, установила, гдѣ они литографировали, привлекла къ опросу еще студента Дебоша, владѣльцевъ и управляющихъ литографіями Емельянова, Гильдебрандта, Гирша, Трофимова, Папирова и др., но ничего обнаружить не могла.

Что касается подозрѣвавшагося III Отдѣленіемъ литератора Камбека, то оно сообщило, что полученное «частное свѣдѣніе» изслѣдовано не было и никакими фактами не доказано.

Аргиропуло и Заичневскій были арестованы, помимо комиссіи, по высоч. повелѣнію; Яценко и Гольцъ Миллеръ были освобождены и отданы подъ надзоръ, остальные оставлены на свободѣ.

Затѣмъ комиссія изложила въ своемъ рапортѣ «особое обстоятельство о Петрѣ Заичневскомъ». «Между бумагами студ. Аргиропуло найдены письма Петра и Николая Заичневскихъ, изъ кото-

рыхъ видно, что Петръ при проѣздѣ въ Орловскую губ., въ имѣніе отца своего на вакаціонное время настоящаго года, въ г. Подольскѣ вель съ крестьянами разговоръ о поземельной собственности, внушая имъ идеи о несправедливости «Положенія» о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и выражая мысль о безразсудствѣ возстанія безъ оружія, и что подобное внушеніе онъ дѣлалъ и крестьянамъ своего отца въ Орловской губ. Кромѣ того, Заичневскій, послѣ панихиды бывшей въ Москвѣ по убитымъ въ Варшавѣ, произнесъ на паперти рѣчь. Вообще, Петръ З. высказывалъ свои соціальныя идеи, доказывалъ, что онъ долженъ всегда и вездѣ проводить свои убѣжденія. Эти убѣжденія вѣрнѣ всего обрисовываются данными имъ показаніями.

Затѣмъ комиссія приводитъ и самыя показанія, данныя Заичневскимъ въ III Отдѣленіи:

«Положенія высоч. утвержденныя оставляли въ рукахъ помѣщика болѣе половины земли и образовывали огромный классъ людей, не имѣющихъ никакой собственности. постоянно развивая которую, они могли бы добывать себѣ пропитаніе. Этотъ классъ—дворовые люди, не привыкшіе къ ручной работѣ и при томъ совершенно избалованные. Они готовы трудиться на своей землѣ, они желаютъ пристать къ общинѣ, только была бы у нихъ земля, но ее-то Положеніе и не даетъ. Что же предстоитъ имъ, какъ не голодная смерть или нищенство? И то и другое противостоитъ, и то и другое—величайшая несправедливость. Признавая, что владѣть землею можетъ только община, міръ, я проводилъ это мнѣніе крестьянъ. Въ сущности самого этого мнѣнія лежитъ и мысль о неповиновеніи волѣ государя и причина къ возстановленію противъ помѣщиковъ.

«Никакихъ совѣтовъ и наставленій я имъ не давалъ, а только при разсказѣ объ Антонѣ Петровѣ (с. Бездна—*М. Л.*) я имъ указывалъ на безразсудство возмущенія безъ оружія и говорилъ, что какъ бы ни многочисленна была толпа безоружныхъ, ее всегда разгонятъ нѣсколько десятковъ солдатъ; что для успѣха оружія нужно оружіе, а оно—въ городахъ. Эго были скорѣе уроки имъ изъ географіи, показывающіе, въ какихъ мѣстахъ находятся арсеналы и склады оружія, чѣмъ совѣты и наставленія къ возмущенію.

«Во всѣхъ изложенныхъ мною мысляхъ я не видѣлъ и не вижу никакого явнаго возбужденія къ бунту. Повторяю, что высказывалъ только свои мнѣнія о превосходствѣ общиннаго землевладѣнія съ общиннымъ же управленіемъ надъ личнымъ. Это превосходство состоитъ въ зависимости управляющихъ лицъ отъ всего общества, въ ихъ отвѣтственности передъ нимъ. Это превосходство

признано для крестьянъ самимъ правительствомъ. Оно утвердило въ народѣ выборное начало, дозволивъ міру назначать старосту, сотскаго, волостного голову и пр. должностныхъ лицъ. Оно признало отвѣтственность начальниковъ передъ обществомъ, дозволивъ послѣднему судить первыхъ. Если правительство признало общинное управление лучшимъ для однихъ крестьянъ, то я, признавая его наилучшимъ безъ всѣхъ для всего общества, развивалъ только мысль правительства. Въмѣстѣ съ тѣмъ, по моимъ понятіямъ, съ вопросомъ объ общинѣ связанъ вопросъ о машинахъ, наслѣдствѣ, семьѣ и при введеніи перваго безъ совершеннаго преобразованія послѣднихъ, невозможно. Въ этомъ-то и состоитъ его жизненность и своевременность, по моему мнѣнію.

«Я нѣсколько измѣнилъ девизъ Маццини и изъ его «всегда и теперь» (ога е sempre) сдѣлалъ «вездѣ и всегда». Этотъ девизъ долженъ считаться нашимъ, потому что всякій человѣкъ, считая какія-нибудь мнѣнія справедливыми и, слѣд., полезными для общества, обязанъ ихъ распространять. Сознывая, что мнѣнія, изложенныя мною выше, справедливы, и зная, что Аргиропуло раздѣляетъ нѣкоторыя изъ нихъ, я выбралъ эти два слова за нашъ девизъ, подразумѣвая подъ этимъ «изложеніе нашихъ мнѣній». Что общаго у насъ съ Маццини, этого я не знаю, и объ этомъ ничего не упоминается въ самомъ письмѣ, а говорится только, что девизъ его долженъ быть нашимъ. Подъ именемъ общества я подразумѣвалъ знакомыхъ студентовъ.

«Я предполагалъ всѣ идеи распространить словомъ (доказательство этому находится въ письмѣ къ Аргиропуло, гдѣ я высказываю, что споръ есть самое могучее средство для убѣжденія). Я имѣлъ лично намѣреніе, составивши статьи и напечатавши ихъ въ какой-нибудь типографіи, продавать народу по дешевой цѣнѣ. Для успѣшнѣйшаго распространенія я думалъ раздавать брошюры ходящимъ. Безъ сомнѣнія, печатаніе брошюръ должно было происходить въ дозволенной правительствомъ типографіи.

«...Занимаясь въ гимназіи по преимуществу исторією, я въ первый разъ познакомился съ дѣйствіями социалистовъ, какъ политическихъ людей. По прибытіи въ университетъ я прочелъ нѣкоторыя изъ сочиненій Герцена и, встрѣчая тамъ почти на каждой страницѣ слово «соціализмъ», я сталъ изыскивать всѣ возможные случаи къ прочтенію соціальныхъ сочиненій. Покупая эти сочиненія, я увидалъ разумность мнѣній, излагаемыхъ въ нихъ, и убѣдился въ необходимости ихъ приложенія для выхода изъ положенія, такъ тяготящаго надъ нами и убивающаго всѣ наши способности. Убѣдившись въ этомъ, я сталъ постоянно спорить о политикѣ и за-

щищать разумность социализма. Этотъ-то безпрестанный споръ и содѣйствовалъ къ развитію во мнѣ социальныхъ идей.

«Прежде всего я считаю долгомъ замѣтить, что я никогда не отдѣлялъ участи Россіи отъ Запада и, говоря о необходимости социального переворота, я основывался въ большинствѣ на фактахъ, представляемыхъ западными публицистами. Положеніе мнѣ кажется невыносимымъ потому, что тамъ господствуетъ одинъ только капиталъ, что тяжелая физическая работа на фабрикахъ, худо оплачиваемая, едва-едва даетъ средство содержать себя и уничтожаетъ всякую возможность дать хоть какое-нибудь воспитаніе дѣтямъ. Женщины, заваленныя работою и во время беременности нерѣдко умирающія съ голоду; дѣти, изувѣченныя и измученныя работою съ самыхъ раннихъ лѣтъ и едва доживающія до старости,— все это, мнѣ кажется, дѣлаетъ необходимымъ социальное устройство. Гдѣ и какъ могутъ свободно развиваться способности мальчика или дѣвочки, идущихъ съ раннихъ лѣтъ въ поденщину? Правда, и при такомъ положеніи иногда гениальные люди находятъ свою дорогу, но сколько имъ нужно заботъ и трудовъ и развѣ во всей ихъ жизни не отражается та надломленность характера, которую они получили еще въ дѣтствѣ?»

«Большинство товарищей, съ которыми я встрѣчался, имѣютъ весьма смутныя социалистическія убѣжденія, по небольшому знакомству съ произведеніями западныхъ социалистовъ. Сочувствіе, слѣдственно, къ социальному я не могъ встрѣтить у многихъ, но знакомые съ этими идеями всегда сочувствовали и сочувствуютъ имъ. Въ спорѣ необходимо было раскрывать ихъ и оттого-то я по преимуществу занимался имъ. Кто же изъ знакомыхъ сочувствуетъ имъ наиболѣе, этого я не знаю, потому что не старался замѣчать, сознавая, что сочувствіе проявляется въ дѣлѣ, а не на словахъ. Дѣло же, въ которомъ бы они могли выказать это сочувствіе, еще до сихъ поръ не случилось».

Подтвердивъ свои отвѣты III Отдѣленію, Заичневскій показлъ еще комиссіи: «Слыша рѣчь кн. Оболенскаго (въ Подольскѣ), я увидѣлъ, что онъ толкуетъ не вполне справедливымъ образомъ настоящее Положеніе о крестьянахъ. По окончаніи его словъ и ухода его съ посредниками, я вышелъ къ крестьянамъ, начавъ разъяснять имъ значеніе посредниковъ, потомъ же, какъ сказано уже въ моемъ письмѣ, я указалъ на несправедливость налагаемой на нихъ платы за землю, на самую несправедливость личнаго и потомственного владѣнія землею и, какъ противоположность этому противоестественному положенію, поставилъ общину. «Только то начальство,— продолжалъ я,— можетъ вполне знать нужды народа, которое выби-

рается изъ среды его самого и дѣйствуетъ по программѣ, данной имъ».

«Въ Подольскѣ былъ проѣздомъ въ Орловскую губернію. Съ самимъ кн. Оболенскимъ не знакомъ. Подобныя же рѣчи о преимуществахъ общиннаго владѣнія передъ личнымъ мнѣ случалось нерѣдко говорить въ Москвѣ въ собраніяхъ студентовъ и различныхъ лицъ. Цѣлью моею было при этомъ желаніе, чтобъ всѣ остальные лица убѣдились въ преимуществѣ общиннаго начала и увидѣли бы противозаконность современнаго экономическаго положенія. Говоря, впрочемъ, съ крестьянами объ общинѣ, мнѣ кажется, я способствовалъ распространенію идей самого правительства, отдавашаго ей въ изданныхъ Положеніяхъ о крестьянахъ преимущество передъ личнымъ владѣніемъ и установившаго выборныя самими народомъ начальства. Въ другихъ мѣстахъ мнѣ случалось только говорить съ крестьянами о необходимости выбрать имъ общинное начало передъ личнымъ, такъ какъ правительство дозволяетъ имъ и то и другое. Это именно было въ нѣкоторыхъ деревняхъ Орловской губерніи, въ какихъ же именно, не помню.

«Я ставилъ себѣ задачею распространеніе мнѣній, составляющихъ мое убѣжденіе. Высказывать я ихъ всегда высказывалъ, когда представлялся къ тому случай, и потому на вопросы крестьянъ, дѣлаемые мнѣ отвѣчалъ точно такъ же, какъ и въ собраніи студентовъ. Нарочно распространять эти мнѣнія по различнымъ деревнямъ я не ѣздилъ.

«Я говорилъ крестьянамъ о самой идеѣ государя, объ идеѣ правительства и сравнивалъ настоящее правительство съ тѣмъ, которое произошло бы при общинномъ порядкѣ. Я указывалъ, повторяю, на несовременность настоящаго экономическаго и политическаго быта и, какъ осуществленіе лучшаго устройства, указывалъ на приложеніе социальныхъ идей. Этого я во всѣхъ своихъ показаніяхъ не отвергаю, а говорю, что правительству принадлежитъ инициатива признанія общины необходимою для устройства народнаго».

На вопросъ комиссіи, сознаетъ ли Заичневскій, что, говоря объ арсеналахъ и складахъ оружія, онъ, въ сущности, призывалъ крестьянъ къ возмущенію, онъ отвѣтилъ:

«Стремленія къ возмущенію крестьянъ въ словахъ, высказанныхъ мною и приведенныхъ въ этомъ пунктѣ, не признаю. Я допускалъ уже, что возмущеніе произведено, и указывалъ только на безразсудство возмущенія безъ оружія. Справедливо или несправедливо, разумно или неразумно будетъ произведенное возмущеніе, этого вышеприведенными словами не объясняется. Оно принимается, какъ фактъ, безъ критическаго разбора идеи, легкой въ основаніе

его, и указывается только разумный способ веденія его: крестьяне у меня спрашивали, какое имъ выбрать землевладѣніе при нынѣшнемъ устройствѣ своихъ дѣлъ — личное или общинное. Я имъ указывалъ на общинное, какъ на лучшее, могущее предохранить ихъ отъ нищеты, потому что земля при этомъ устройствѣ не можетъ продаваться отдѣльными лицами, а составляетъ достояніе всего міра. Послѣдствій этихъ разговоровъ при себѣ я не видалъ; безпокойствъ, проистекающихъ отъ нихъ, не было, да я и не ожидалъ ихъ. Что было послѣ меня, того я не знаю. Происходило это въ простомъ разговорѣ по прїѣздѣ моемъ домой на вакацію.

«Рѣчь произнесена была по случаю происшедшей манифестаціи въ Варшавѣ, окончившейся вслѣдствіе насильственного вмѣшательства русскихъ войскъ. Составлена была мною и заключала въ себѣ выраженіе сочувствія къ идеѣ, руководившей и въ настоящее время руководящей поляковъ. Я сказалъ въ ней еще, что наступило время доказать всѣмъ, что правительство и образованное и развитое меньшинство различно, что это послѣднее сочувствуетъ самостоятельности Польшѣ, первое же идетъ противъ нея. По просьбѣ окружающихъ лицъ, я написалъ ее на бумагѣ и передавалъ желающимъ, — кому же именно, этого я не знаю.»

На вопросъ комиссіи, кто составилъ отвѣтъ на его рѣчь и откуда онъ получилъ экземпляръ его, Заичневскій отозвался: «Кѣмъ составленъ отвѣтъ, не знаю. Получилъ его въ университетѣ отъ какого-то незнакомаго студента-поляка.»

Аргиропуло показалъ III Отдѣленію: «Переписка моя съ студ. Петромъ Заичневскимъ состоитъ изъ двухъ писемъ его ко мнѣ. Въ первомъ онъ пишетъ, что въ Подольскѣ говорилъ съ крестьянами кн. Оболенскаго, другое есть отвѣтъ на мое письмо къ нему отъ 25 іюня; въ этомъ послѣднемъ я писалъ къ нему, что нисколько не оправдываю его образа дѣйствій, что онъ не имѣетъ права *бунтовать* крестьянъ, такъ какъ это поведетъ къ ихъ гибели только, а не къ улучшенію ихъ быта, что, я убѣжденъ, есть его сильнѣйшее желаніе. Не помню, писалъ ли я въ этомъ письмѣ къ нему, что, вѣроятно, онъ нѣсколько преувеличилъ свои слова и дѣйствія, что составляетъ мое твердое убѣжденіе, ибо я не могу предположить, чтобы онъ говорилъ въ Подольскѣ открыто крестьянамъ, что «они не должны слушаться государя», безъ того, чтобы его тотчасъ не арестовали. Больше о его дѣйствіяхъ мнѣ неизвѣстно ничего, да и это, какъ я уже сказалъ, я подозреваю въ сильномъ преувеличеніи. Кромѣ упомянутаго моего письма къ нему отъ 25 іюня, я никакого, прямого или косвеннаго, участія въ его дѣйствіяхъ не принималъ; самъ для распространенія идеи объ исключительной принадлежно-

сти земли крестьянамъ (которую я далеко не вполне раздѣляю) ничего не дѣлалъ; не знаю также, какова была цѣль этихъ дѣйствій Заичневскаго, извѣстіе о которыхъ было для меня совершенно неожиданнымъ; зная его, я предполагаю только, что цѣлью этой было слишкомъ легкомысленное увлеченіе въ пользу крестьянъ, которое заставило его говорить и дѣлать то, что, можетъ быть, онъ никогда не говорилъ и не дѣлалъ бы, если бы онъ былъ болѣе хладнокровенъ.

«Второе письмо въ началѣ совершенно (схоже) съ черновымъ отъ 27 іюня, носящимъ эпитафю: «Ora e semper». Оно наполнено, какъ видно изъ этого начала, и сколько помню, до самаго конца отвлеченными, теоретическими разсужденіями о томъ, что человѣкъ, имѣющій твердыя убѣжденія, долженъ *вездѣ и всегда, встѣмъ и каждому* проповѣдывать, хотя бы отъ этого не было никакой пользы. Разсужденія его подкрѣпляются часто софизмами, которыхъ шаткости онъ самъ не видитъ, и примѣрами ничто не доказывающими. Очень жалѣю, что это письмо не сохранилось, такъ какъ, я думаю, оно было бы лучшимъ оправданіемъ и его и моимъ».

На предложенный вопросъ: откуда студентами московскаго университета заимствовано социальное направленіе и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ получило оно развитіе?—Аргиропуло отвѣтилъ: «Мнѣ кажется, что такое направленіе получило свое начало въ сочиненіяхъ Искандера. Оно довольно распространено, хотя другое направленіе,—направленіе *экономическое* имѣетъ еще болѣе послѣдователей между студентами. Находясь почти постоянно въ кругу студентовъ, прислушиваясь къ спорамъ, часто возникающимъ между приверженцами той и другой системы, я уже давно убѣдился, что тѣ и другіе одинаково мало даютъ себѣ отчетъ въ томъ, что они понимаютъ подъ словами *соціализмъ* и *политическая экономія*. Тѣ и другіе ограничиваются обыкновенно повтореніемъ общихъ мѣстъ, вычитанныхъ ими и принятыхъ на вѣру. Особенно этимъ грѣшатъ *соціалисты*. Я не знаю ни одного изъ нихъ, который бы былъ достаточно знакомъ съ сочиненіями писателей тѣхъ школъ, которыя обыкновенно обозначаются общимъ названіемъ социализма. Это направленіе возникло въ московскомъ университетѣ лишь недавно и, если оно теперь имѣетъ болѣе приверженцевъ, нежели до сихъ поръ, то причиною тому, по моему убѣжденію, единственно *мода*.

«Профессора москов. университета не только не поддерживаютъ этого направленія, но, напротивъ, всѣми силами противодействуютъ ему. Полное разъединеніе между профессорами и студентами, особенно усиливается въ послѣднее время, отнимаетъ,

однако же, у первыхъ возможность съ какимъ-нибудь успѣхомъ противодѣйствовать распространенію социализма и, можетъ быть, даже помогло этому распространенію».

Въ комиссіи Аргиропуло подтвердилъ свое показаніе и добавилъ:

«Я нисколько не убѣжденъ въ справедливости извѣстій, сообщаемыхъ Заичневскимъ о томъ, будто онъ въ Подольскѣ произносилъ передъ крестьянами возмутительныя рѣчи. Сомнѣнія свои я выразилъ при полученіи перваго извѣстія объ этомъ событіи отъ брата его Н. Заичневскаго и потомъ, кажется, даже писалъ ему о своихъ сомнѣніяхъ. Они основываются, во-первыхъ, на томъ, что мнѣ кажется физически невозможнымъ, чтобы онъ говорилъ публично, при всѣхъ такія рѣчи, о какихъ онъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ къ брату своему, чтобы это происходило въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ Подольскъ, и чтобы онъ не былъ тутъ же арестованъ; во-вторыхъ, на томъ, что въ подобныхъ случаяхъ легко можно поддаться увлеченію выставить себя политическимъ дѣятелемъ и даже самому себѣ преувеличить значеніе собственныхъ словъ. На основаніи всего этого я совѣтовалъ и брату Заичневскаго не вполне вѣрить этимъ извѣстіямъ и, конечно, не считалъ себя въ правѣ донести на Заичневскаго. О другихъ его возмутительныхъ рѣчахъ я не имѣю никакого понятія».

Жандармскій полковникъ Воейковъ на запросъ комиссіи о содержаніи рѣчи 17 марта на паперти костела сообщилъ, что ему объ ней вообще ничего неизвѣстно.

Обширнѣйшій рапортъ комиссіи законченъ слѣдующими «общими соображеніями»:

«Соображенія выведенныхъ по всѣмъ тремъ категоріямъ обстоятельствъ приводятъ комиссію къ заключенію, что напечатаніе «Разбора книги бар. Корфа „14 декабря 1825 г. и императоръ Николай“, а также умыселъ и даже наборъ,—подготовка къ напечатанію весьма возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ, равно литографированіе вообще запрещенныхъ и злоумышленныхъ сочиненій, не были дѣломъ однихъ и тѣхъ же лицъ и не связывались между собой общимъ интересомъ, указывающимъ на одну какую-либо цѣль, а всего менѣе—политическую. Такъ, помянутую выше книгу «Разборъ книги бар Корфа» печатали Сулинъ и Петровскій-Ильенко, уроженцы Войска Донскаго, и сдѣлали это единственно изъ желанія воспользоваться барышами, столь искусительными при крайней ихъ бѣдности, въ особенности Сулина. Воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ», по желанію отст. губ. секретаря Михайлова, намѣревался напечатать отст. корнетъ Костомаровъ, Сулинъ же участвовалъ въ этомъ дѣлѣ только, какъ нѣсколько свѣдушій въ типо-

графскомъ искусствѣ помощникъ, и самъ, посредствомъ придуманной имъ, Сулинымъ, безыменной предостерегательной записки, остановилъ дальнѣйшую работу. Изданіе литографированныхъ сочиненій производилось въ Москвѣ разными лицами и въ разныя времена, въ теченіе послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ. Выборъ статей положительно доказываетъ, что въ дѣлѣ литографірованія, кромѣ спекуляціи, не было одной общей политической цѣли, а отсутствіе всякой системы и самая разнохарактерность авторовъ и статей не оставляютъ, кажется, ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ этомъ предпріятіи не было организованнаго тайнаго общества, а скорѣе каждая личность, занимавшаяся изданіемъ и распространеніемъ запрещенныхъ сочиненій, побуждалась къ тому совершеннымъ недостаткомъ самыхъ необходимыхъ средствъ къ существованію. Если же для литографіи и собирались статьи запрещенныя, съ болѣе или менѣе политическимъ оттѣнкомъ, то это происходило не по сознанію, что статьи эти будутъ имѣть какое-либо вліяніе на читающую публику, и не въ ожиданіи какихъ-нибудь опасныхъ для государства результатовъ, а единственно потому, что эти литографированные листки, какъ и все запрещенное, скорѣе могли найти покупателей, которые, впрочемъ, пріобрѣтая ихъ, не только не выражали сочувствія къ идеямъ, проводимымъ въ недозволенныхъ сочиненіяхъ, но нерѣдко даже не читали оныхъ, какъ это комиссіей замѣчено изъ того, что нѣкоторыя литографированныя сочиненія, найденныя у обвиняемыхъ, были вовсе не разрѣзаны. Вообще, изданія эти, по большей части, весьма неразборчивы, не отчетливы, такъ что читать ихъ можно только съ большимъ трудомъ. Свойственная преступленію робость и скудость средствъ, которыми располагали издатели, видны почти на каждомъ литографированномъ листкѣ, хотя на нѣкоторыхъ и выражается странная заносчивость, какъ, напримеръ, надписи на заглавныхъ листахъ: «Посвящается московскимъ студентамъ» или «Москва, 1861 года».

«Исполненію этой, хотя и спекулятивной цѣли издателей, но не менѣе того противозаконной и не безвредной, не мало способствовало то, что многіе изъ московскихъ литографовъ едва настолько грамотны, что умѣютъ подписать свое имя, отчество и фамилію. Эти-то литографы, вѣрнѣе всего, и были, такъ сказать, слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ дѣлѣ литографірованія запрещенныхъ сочиненій. Недостатокъ надзора за литографіями и за содержателями ихъ неопровержимо доказываетъ существованіемъ въ Москвѣ (какъ получено комиссіей частное, но достовѣрное свидѣніе) до 150 литографій, тогда какъ изъ нихъ открыто съ разрѣшенія правительства не болѣе 96.

«Чтобы отвратить зло, истекающее изъ своевольныхъ изданій разныхъ статей, чтобы дать закону полное примѣненіе въ этомъ дѣлѣ, необходимо, по мнѣнію комиссіи, законными же мѣрами искоренить другое зло, дающее возможность и легкость къ исполненію перчаго, а именно: предписать немедленно закрыть тѣ литографіи, которыя существуютъ безъ надлежащаго дозволенія, а за литографіями, разрѣшенными правительствомъ, и за книгопродавцами имѣть то строгое наблюденіе, которое разнымъ вѣдомствамъ полиціи предписано въ законахъ. Кромѣ мѣръ строгости, полезно было бы тоже увеличить число студенческихъ стипендій, въ особенности, на счетъ городскихъ суммъ и доходовъ приказовъ общественнаго призрѣнія, а также посылать въ университеты періодическіе заказы на переводы сочиненій, по выбору подлежащихъ министерствъ; равно, возложить на губернскія и университетскія начальства обязанность, посредствомъ благотворительныхъ спектаклей, концертовъ и добровольныхъ складокъ, оказывать посильное вспомоществованіе неимущимъ студентамъ.

«Комиссія долгомъ считаетъ доложить еще вашему высокопревосходительству, что отставной корнетъ Костомаровъ весьма много содѣйствовалъ къ раскрытію нѣкоторыхъ обстоятельствъ возложеннаго на комиссію дѣла, хотя показанія его, Костомарова, не всегда вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности совершившихся фактовъ, и что изъ подсудимыхъ Петровскій-Ильенко и Новикъ съ неразысканные московскою полиціею, сами добровольно явились въ комиссію для допросовъ. Въ Костомаровѣ заслуживаетъ еще вниманія, что онъ въ самое короткое время пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность (☞), какъ даровитый и трудолюбивый писатель, и что онъ своими литературными трудами содержитъ престарѣлую свою мать и двухъ сестеръ, которыя тоже, для разныхъ журналовъ, участвуютъ въ переводахъ».

Если бы не этотъ конецъ, можно было бы сказать, что комиссія Собѣщанскаго очень корректно отнеслась къ своей роли, выполнила ее безпристрастно, очень благожелательно защищала молодежь, опираясь на всѣ формальныя, а не жандармскія основанія, и всячески искала юридическаго обоснованія всѣмъ своимъ шагамъ и мнѣніямъ, особенно щепетильно относясь къ лишенію кого бы то ни было свободы.

Очевидно, какъ это и видно изъ другихъ дѣлъ, Костомаровъ въ концѣ своего перваго процесса рѣшилъ вступить на путь предательства, зайдя по нему потомъ очень далеко.

Разумѣется, всѣмъ, кто занимается изученіемъ политическихъ / движений, въ частности — эпохой 60-хъ годовъ, надо постоянно

помнить, что каждый привлеченный старался всякими способами убѣдить власть въ своей невинности, что и совершенно понятно. Только Заичневскіе — а такихъ немного,—видѣли необходимость, наоборотъ, говорить почти всю правду, но и то только «почти».

27 декабря Валуевъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ объ окончаніи слѣдствія по дѣлу печатанія и распространія злоумышленныхъ сочиненій въ Москвѣ, прося соизволенія на передачу всего слѣдствія въ министерство юстиціи для поступленія съ виновными по закону, согласно объявленному 29 августа 1861 года управявшимъ III Отдѣленіемъ высоч. повелѣнію, и, слѣдов., для предавія ихъ суду установленнымъ порядкомъ. 28 декабря государь согласился съ министромъ. Министръ юстиціи внесъ дѣло въ гос. совѣтъ. 26 сентября 1862 г. Совѣтъ разсмотрѣлъ его въ ноябрѣ, въ концѣ декабря мнѣніе его было высоч. утверждено.

Къ сожалѣнію, самаго мнѣнія нигдѣ найти не удалось, а потому свѣдѣнія о тѣхъ карахъ, которымъ были подвергнуты обвиняемые, приходится заимствовать изъ разнаго рода офиціальныхъ бумагъ различныхъ дѣлъ. Досговѣрно устанавливается слѣдующее:

Крыжовъ былъ высланъ въ Олонецкую губернію подъ строгій надзоръ полиціи и въ 1863 г. возвращенъ въ Тверскую губ., но безъ снятія надзора.

Петръ Заичневскій былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторжную работу на заводахъ на годъ, съ оставленіемъ послѣ того навсегда въ Сибири; по окончаніи работъ поселенъ былъ въ Киренскомъ округѣ Иркутской губ.; въ 1868 г. былъ переведенъ въ Пензенскую губ., а въ 1872 г. отданъ на поруки отцу съ обязательствомъ жить въ его имѣніи; въ 1874 г. разрѣшено переѣхать въ Орелъ. Въ 1876 г. онъ жилъ въ Орлѣ подъ надзоромъ полиціи, все еще въ качествѣ лишеннаго правъ состоянія. Мать его просила о снятіи съ него этой тяжелой кары, начальникъ жандармскаго управленія полк. Рыкачевъ ничего не имѣлъ противъ. Одновременно III Отдѣленіе довело до свѣдѣнія министра вн. дѣлъ, что Заичневскій, съ разрѣшенія орловскихъ властей, пріѣзжалъ въ началѣ декабря 1876 г. въ СПб. и, «какъ оказалось впоследствии, зналъ о приготовленіяхъ демонстраціи 6 декабря на площади Казанскаго собора. Хотя нѣтъ фактическихъ данныхъ, которыя изобличали бы Заичневскаго въ участіи въ этой демонстраціи, но вслѣдствіе падающаго на него подозрѣнія въ этомъ отношеніи», III Отдѣленіе просило министра сдѣлать распоряженіе о воспрещеніи Заичневскому всякихъ отлучекъ изъ Орла. Въ 1876 г. онъ возстановленъ въ прежнихъ правахъ и преимуществахъ по происхожденію, но съ оставленіемъ подъ строгимъ надзоромъ полиціи; служилъ секретаремъ

въ орловской уѣздн. земской управѣ. 7 февраля 1877 г. орловскій губернаторъ такъ аттестовалъ Заичневскаго: «Досе гдѣ аттестовался хорошо. Предсѣдатель орловской уѣздной земской управы, чело-вѣкъ честный и благонамѣренный, лично передавалъ мнѣ, что, при-глядываясь къ Заичневскому, онъ пришелъ къ убѣжденію, что послѣд-ній не покидаетъ своихъ политическихъ заблужденій. Въ обществѣ о немъ существуетъ то же мнѣніе и, кромѣ того общее убѣжде-ніе, что З. имѣетъ вредное вліяніе на учащуюся м лодежь, осо-бенно орловской женской гимназіи». Въ августѣ 1877 г. Заичнев-скій былъ высланъ въ Повѣнецъ.

Леонидъ Яценко за распространіе запрещенныхъ литогра-фированныхъ и печатныхъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ не-дозволенные сужденія о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства, и за имѣніе у себя сочиненія Огарева «На новый годъ», безъ ли-шенія особыхъ правъ и преимуществъ, заключенъ въ смирительный домъ на шесть мѣсяцевъ.

Петръ Петровскій-Ильенко за напечатаніе и распространіе сочиненія Огарева «Разборъ книги барона Корфа» заключенъ въ смирительный домъ на одинъ годъ.

Яковъ Сулинъ за участіе въ напечатаніи и распространіи запрещеннаго сочиненія Огарева «Разборъ книги бар. Корфа» и пе-чатаніе въ типографіи, открытой безъ дозволенія правительства, заключенъ въ смирительный домъ на три мѣсяца и оставленъ въ сильномъ подозрѣніи въ печатаніи возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ съ знаніемъ содержанія сего сочиненія.

Александръ Новиковъ—въ смирительный домъ на три мѣсяца.

Михаилъ Сваричевскій—въ смирительный домъ на одинъ мѣсяць.

Иванъ Гольцъ-Миллеръ—въ смирительный домъ на три мѣсяца, и при томъ всѣ шестеро безъ всякаго въ дальнѣйшемъ стѣсненія ихъ личности.

Тучковъ просилъ министра вн. дѣлъ, въ виду «достоверной ему извѣстности, что они весьма неблагонамѣненны и опасны по своему дурному направленію для столицы», не признаетъ ли онъ возможнымъ сдѣлать распоряженіе объ административномъ удаленіи ихъ изъ Москвы. Министръ снесся съ шефомъ жандармовъ и приказалъ отправить послѣ отбытія заключенія въ смирит. домъ: Яценко въ Бугульму, Ильенко—Новоузенскъ, Сулина—Буинскъ Новикова—Алатырь, Гольцъ-Миллера—Корунь, а Сваричевскаго—въ Курмышъ съ учрежденіемъ за ними полицейскаго надзора (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 82). Еще въ 1867 г. Сваричевскій просилъ перевести его въ другое мѣсто, но просьба его

не была удовлетворена. Сулинъ былъ затѣмъ сосланъ въ Томскую губ., откуда въ 1874 г. получилъ право переѣхать въ Вост. Сибирь. Ссылка его въ Сибирь произошла по высоч. утвержд. 6 апрѣля 1866 г. мнѣнію госуд. совѣта: «лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ со ссылкой въ Томскую губернію».

На этомъ обширное дѣло еще не кончилось.

22 декабря 1861 г. Собѣщанскій донесъ министру вн. дѣлъ, что имъ полученъ списокъ съ рапорта испр. д. московскаго оберъ-полицейстера отъ 15 декабря о студентѣ московскаго университета Николаѣ Освальдѣ, который арестованъ, вслѣдствіе доноса литографщика мѣщанина Федорова, что ему заказано этимъ студентомъ значительное количество оттисковъ противоправительственныхъ листовъ «Великорусса» и адреса государю, и при томъ увѣдомилъ комиссію, что имъ поручено подполковнику Шеншину произвести по означенному предмету формальное слѣдствіе, которое, по окончаніи, будетъ препровождено въ комиссію, если не послѣдуетъ на сіе какого-либо особеннаго распоряженія. Комиссія закрыла свои дѣйствія 21 декабря, а потому съ такимъ рапортомъ ей дѣлать было нечего.

Арестъ Освальда имѣлъ свои послѣдствія. Слѣдствіе, ведшееся и дальше подполковникомъ Шеншинымъ, обнаружило, что получивъ отъ Федорова изготовленные имъ листы «Великорусса», Освальдъ отправился на квартиру студ. Линда, гдѣ его ожидалъ студ. Гумилинъ, которому онъ далъ 5 экз. для продажи. Линдъ жилъ вмѣстѣ со студ. Баньковскимъ и гимназистомъ Каменевымъ. Всѣ эти лица отправились на Рождество къ себѣ домой, въ Тверь, куда москов. ген.-губ. Тучковъ командировалъ чиновника Аплечеева. Послѣдній ничего тамъ не нашелъ, но произведенный имъ обыскъ въ семьѣ Баньковскаго сôздалъ переписку между отцомъ послѣдняго, испр. д. тверскаго губерн. предводителя дворянства Бровцынымъ, министромъ вн. дѣлъ и Тучковымъ. Баньковскій былъ очень возмущенъ явкой Аплечеева безъ какихъ-либо письменныхъ документовъ и безъ объясненія ея причины; Бровцынъ поддержалъ его въ рапортѣ министру, указавъ, что «этотъ неожиданный случай, поразившій все семейство г. Баньковскаго, пользующееся всеобщимъ уваженіемъ тверскаго общества, произвелъ весьма неприятное впечатлѣніе на образъ мыслей гг. дворянъ, находящихся въ Твери, и сильно ихъ взволновалъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ случай неравнодушно приметъ и все дворянство Тверской губерніи». 21 января 1862 г. министръ запросилъ Тучкова. Послѣдній отвѣчалъ 29 января конфиденціальнымъ письмомъ и официальнымъ до-

кладомъ. Въ письмѣ онъ объяснилъ причину обыска у Баньковскаго и добавилъ, что «такъ какъ, по имѣющимъ свѣдѣніямъ, литографированныя противоправительственныя сочиненія распространяются по губерніямъ въ весьма значительномъ количествѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что всякое постороннее вмѣшательство въ распоряженія правительства по открытію виновныхъ въ составленіи и распространеніи подобныхъ сочиненій можетъ затруднить, если не окончательно уничтожить, возможность открытія столь вредной въ правительственномъ отношеніи пропаганды». Въ докладѣ было прибавлено, что хотя обыски въ Твери ничего не дали, но при обыскѣ, произведенномъ по тому же дѣлу въ Москвѣ у студ. Васильева, отобрано значительное количество преступныхъ литографированныхъ сочиненій; кромѣ того, при дальнѣйшемъ слѣдствіи студ. Освальдъ показалъ, что подлинникъ «Великорусса», принесенный имъ во второй разъ въ литографію Федорова, былъ писанъ, по просьбѣ его, Каменевымъ (у котораго былъ сдѣланъ въ Твери обыскъ), въ чемъ послѣдній и сознался, такъ что въ настоящее время дѣло это принимаетъ значительные размѣры и можетъ послужить къ весьма важнымъ открытіямъ».

1676. Ископаемый епископъ, допотопное правительство и обманутый народъ ¹⁾.

Шесть часовъ до своей кончины, въ декабрѣ 1846, воронежскій архіерей Антоній вспомнилъ, что за *шестьдесятъ* лѣтъ умеръ его предшественникъ Тихонъ, и «вмѣнилъ себѣ въ священный долгъ, *по особому* внушенію, засвидѣтельствовать *архіерейской со- вѣстью* предъ Николаемъ Павловичемъ о сладостномъ и претрепетномъ желаніи, да явленъ будетъ предъ очію всѣхъ сей свѣтильникъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, лежащій теперь подъ спудомъ».

Затѣмъ всѣ сдѣлали свое дѣло: Антоній умеръ, Николай не обратилъ никакого вниманія на предсмертный бредъ монаха; онъ же полагалъ, что Митрофаномъ отдѣлался навсегда отъ мощей и воронежской епархіи; покойникъ продолжалъ покоиться подъ спудомъ.

Настали другія времена—времена прогрессовъ, освобожденій и обличеній. *Шесть* лѣтъ послѣ воцаренія Александра II и въ *шестой* (кажется) день святительства адмирала Путятина, корчем-

¹⁾ Событіе это, представленіе синода и указъ до такой степени пошлы, нелѣпы, что риторъ, защитникъ, хвалитель Зимняго дворца «Le Nord» не нашелъ духу передать своимъ европейскимъ читателямъ такую глупость. А И. Г.

ствующаго судно свѣтскаго просвѣщенія къ брегамъ вѣчной и нетлѣнной Японіи, синодъ и государь, Бажановъ и государыня нашли *благовременнымъ* приступить къ *необходимымъ* распоряженіямъ для *обличенія* нетлѣнности тѣла святителя Тихона. Эта палеонтологическая работа была поручена Исидору кievскому (нынѣ петербургскому), какому-то Паисію и другимъ экспертамъ. Думать надобно, что извѣстный читателямъ «Колокола» крѣпостникъ и во Христв саперъ Игнатій завѣдывалъ земляными работами. Слѣдствіе вполнѣ удалось, и ископаемый епископъ, «во благоуханіи святыни почившій», пожалованъ государемъ во святые, а тѣло его, за примѣрное нетлѣніе, произведено въ мощи, съ присвоеніемъ всѣхъ правъ состоянія, т. е. пользованія серебряной ракой, лампадой, восковыми свѣчами и главное—кружкой для сбора, коею иноцы будутъ руководствоваться по *особому* внушенію божію и по крайнему разумѣнію человѣческому.

Мы останавливаемся передъ этой нелѣпостью и спрашиваемъ: для чего эта роскошь изувѣрства и невѣжества, эта невоодержанность идолопоклонства и лицемѣрія?

Можетъ, иннокъ Тихонъ былъ честный, почтенный человѣкъ, но зачѣмъ же эта синодальная комедія, несообразная съ нашими понятіями? зачѣмъ же тѣло его употреблять, какъ аптеку, на лѣкарство? Вѣдь, въ врачебныя свойства Тихона, несмотря на «сорокъ восемь обследованныхъ чудесъ»¹⁾, никто не вѣритъ: ни Исидоръ—прежде кievскій, а теперь петербургскій, ни Паисій, ни Аскоченскій, ни Путятинъ, ни камилавки, ни ленты черезъ плечо.

Да это и *не для нихъ* дѣлается, *а ими!*

Чудесамъ повѣрять своей дѣтской душой крестьянинъ, бѣдный, обобранный дворянствомъ, обворованный чиновничествомъ, обманутый освобожденіемъ, усталый отъ безвыходной работы, отъ безвыходной нищеты,—онъ повѣрять. Онъ слишкомъ задавленъ, слишкомъ несчастенъ, чтобъ не быть суевѣрнымъ. Не зная, куда склонить голову въ тяжелыя минуты, въ минуты человѣческаго стремленія къ покою, къ надеждѣ, окруженный стаей хищныхъ враговъ, онъ придетъ съ горячей слезой къ иѣмой ракъ, къ иѣмому тѣлу, и этимъ тѣломъ, и этой ракой его обмануть, его утѣшать, чтобъ онъ не попалъ на инья утѣшенія. И вы, развратители, ограбивши несчастнаго до рублища, не стыдитесь употреблять эти средства?! Вы хотите сдѣлать его духовнымъ нищимъ, духовнымъ слѣпцомъ, подталкивая его въ тьму изувѣрства,—какіе вы всѣ черные люди, какіе вы всѣ злодѣи народа!

¹⁾ Кто дѣлалъ слѣдствіе, какъ? Хотъ бы достать восемь,—ужасно интересно было бы для характеристики нашихъ шажановъ: А. И. Г.

А тутъ толкуютъ о старообрядцахъ, о раскольникахъ, объ ихъ изувѣрствѣ, объ ихъ обманахъ, пишутъ побасенки въ клевету и уничтоженіе гонимыхъ, которые не могутъ отвѣтъ держать. Нѣтъ, ваша полицейская церковь не выше ихъ образованіемъ, она только ниже ихъ жизнью. Ихъ убогіе священники, ихъ иноки дѣлили всѣ страданія народа, но не дѣлили награбленной добычи. Не они помазывали миромъ петербургскихъ царей, не они проповѣдывали покорность помѣщикамъ, не они кропили войска, благословляя на неправыя побѣды; они не стояли въ подломъ униженіи въ передней бироновскихъ нѣмцевъ, они не совокупляли насильственнымъ бракомъ крѣпостныхъ, они не загоняли народъ въ свою молельню розгой капитанъ-исправника, ихъ пѣшихъ іерарховъ не награждали цари кавалеріями!

...О, если-бъ слова мои могли дойти до тебя, труженикъ и страдалецъ земли русской! до тебя, котораго *та* Русь, Русь лакеевъ и швейцаровъ, презираетъ, котораго ливрея зоветъ *чернымъ* народомъ и, издѣваясь надъ твоей одеждой, снимаетъ съ тебя кушакъ, какъ прежде снимала твою бороду,—если-бъ до тебя дошелъ мой голосъ, какъ я научилъ бы тебя презирать твоихъ духовныхъ пастырей, поставленныхъ надъ тобой петербургскимъ синодомъ и нѣмецкимъ царемъ. Ты ихъ не знаешь, ты обманутъ ихъ облаченіемъ, ты смущенъ ихъ евангельскимъ словомъ,—пора ихъ вывести на свѣжую воду!

Ты ненавидишь помѣщика, ненавидишь подьячаго, боишься ихъ—и совершенно правъ; но вѣришь еще въ царя и въ архіерея... Не вѣрь имъ! Царь съ ними, и они его. Его ты видишь теперь—ты, отецъ убитаго юноши въ Безднѣ, ты, сынъ убитаго отца въ Пензѣ. Онъ облыжнымъ освобожденіемъ самъ взялся раскрыть народу глаза и для ускоренія послалъ во всѣ четыре стороны Руси флигель-адъютантовъ, пули и розги.

А пастыри-то твои въ сторонѣ, по своимъ Вионаніямъ да Халкидонамъ. Вотъ оттуда-то мы и желали бы «претрепетно» явить передъ очію всѣхъ добрыя дѣла духовныхъ свѣтильниковъ твоихъ.

Послѣ вѣковыхъ страданій,—страданій, превзошедшихъ всюмѣру человѣческаго долготерпѣнія, занялась заря крестьянской свободы. Путаясь перевязанными ногами, ринулась впередъ, насколько веревка позволяла, наша литература; нашлись помѣщики, нашлись чиновники, отдавшіеся всѣмъ тѣломъ и духомъ великому дѣлу; тысячи и тысячи людей ожидали съ трепетомъ сердца появленія указа; нашлись люди, которые, какъ М. П. Погодинъ, принесли наибольшую жертву, которую человѣкъ можетъ принести: пожертвовали здравымъ смысломъ и до того обрадовались манифесту, что стали писать дѣтскій бредъ.

Ну, а что сдѣлала въ продолженіе этого времени всѣхскорбящая, сердобольная заступница наша, *новообрядческая* церковь наша со своими іерархи? Съ невозмущаемымъ покоемъ ѣла она свою семгу, грузди, вязигу; она выказала каменное равнодушіе къ народному дѣлу, то возмутительное, преступное бездушіе, съ которымъ она два вѣка смотрѣла изъ-подъ клобуковъ своихъ, перебирая четки, на злодѣйства помѣщиковъ, на насилія, на прелюбодѣянія ихъ, на ихъ убійства... не найдя въ пустой душѣ своей ни одного слова негодованія, ни одного слова проклятья!

Европа встрепенулась; въ Англии, во Франціи чужіе привѣтствовали начало освобожденія, показали участіе. Укажите мнѣ слово, письмо, проповѣдь, рѣчь Филарета, Исидора, Антонія, Макридія, Мелхиседека, Агаѳокла? Гдѣ молитва благодарности, гдѣ радостный привѣтъ народу, заступничество за него передъ остервенѣлымъ дворянствомъ, совѣтъ царю? Ничего подобнаго,—то же аѳонское молчаніе, семга, вязига, похороны, освященіе храма, купеческія кулебяки да вино, благо гроздія винолозы постныя суть. А тутъ, лѣтъ черезъ двадцать пять, «претрепетное желаніе», и они выставляютъ «во благоуханіи почившаго» какого-нибудь Трифона или Тихона съ кружечкой для благодарныхъ дателей! Что у васъ общаго съ народомъ? Да что у васъ общаго съ людьми вообще? Съ народомъ—развѣ, борода, которой вы его обманываете. Вы не на шутку ангельскаго чина: въ васъ нѣтъ ничего человѣческаго ¹⁾.

Новообрядческая церковь отдѣлалась, на первый случай, острымъ словомъ московскаго Филарета; въ одной изъ своихъ *приватныхъ* рѣчей, которыми онъ мѣшаетъ своимъ помазанныкамъ входить въ Успенскій соборъ, онъ отпустилъ цвѣтословіе о томъ, что другіе властители покоряютъ народы плѣненіемъ, а ты, моль, «покоряешь освобожденіемъ».

Говорили, правда, рѣчи архіереи послѣ объявленія манифеста, и то по губернаторскому наряду, т.-е. также добровольно являлись они за налоемъ, какъ жандармы являются къ разъѣздамъ. Да и что же замѣчательнаго было ими высказано?

Медаль перевернулась скоро. Михаилъ Петровичъ ²⁾ еще бредилъ и не входилъ въ себя отъ радости, а изъ обнаженной и многострадальной груди Россіи сочилась кровь изъ десяти ранъ,

¹⁾ Мы говоримъ о высшемъ духовенствѣ; вѣроятно, изъ священниковъ нашлись многіе, сочувствовавшіе народу. Мы помнимъ, сверхъ того, молодого архимандрита казанской академіи Іоанна, помѣстившаго въ январской книжкѣ 1859 «Православнаго Собесѣдника» слово объ освобожденіи; но статья его тотчасъ вызвала дикій и уродливый отвѣтъ во Христвѣ сапера. А. И. Г.

²⁾ Погодинъ.

нанесенныхъ русскими руками, и согбенная спина старика-крестьянина и несложившаяся спина крестьянина-отрока покрывались свѣжами рубцами, темно-синими рубцами освобожденія.

Крестьяне не поняли, что освобожденіе—обманъ, они повѣрили слову царскому; царь велѣлъ ихъ убивать, какъ собакъ; дѣла кровавыя, гнусныя совершились.

Что же, кто-нибудь изъ іерарховъ, изъ кавалерственныхъ архіереевъ пошелъ къ народу объяснить, растолковать, успокоить, посѣтовать съ нимъ? или бросился кто изъ нихъ, какъ въ 1848 католическій архіерей Афръ ¹⁾, передъ одичалыми опричниками, заслоня крестомъ, мощами Тихона, своей грудью неповиннаго крестьянина, повѣрившаго въ простотѣ души царскому слову? Былъ ли хоть одинъ? Кто? Гдѣ? Назовите, чтобъ я въ прахъ у него просилъ прощенія... Я жду!

А покамѣстъ еще разъ скажу народу: нѣтъ, это не твои пастыри; подъ платьями, которыя ты привыкъ уважать по преданію, скрыты клеветы враждебнаго правительства, такіе же генералы, такіе же помѣщики; ихъ зачерствѣлое, постное сердце не болѣетъ о тебѣ. Твои пастыри—темные, какъ ты, бѣдные, какъ ты; они говорятъ твоимъ языкомъ, вѣрятъ твоимъ упованьямъ и плачутъ твоими слезами. Таковъ былъ пострадавшій за тебя въ Казани иннокій Антоній; мученической, святою кровью запечатлѣлъ онъ свое болѣзное родство съ тобою. Онъ вѣрилъ въ волю вождьную, въ волю истинную для русскаго земледѣльца и, поднявши надъ головою ложную грамоту, палъ за тебя.

Объ открытіи его мощей не попросить за *шесть часовъ* ни одинъ архіерей, и не дозволить ни одинъ петербургскій царь. Да оно и не нужно: онъ принадлежитъ къ твоимъ святителямъ, а не къ ихъ. Тѣла твоихъ святителей не сдѣлаютъ сорока восьми чудесъ, молитва къ нимъ не выльчитъ отъ зубной боли, но живая память о нихъ можетъ совершить одно чудо—твое освобожденіе ²⁾.

¹⁾ Дени-Огюсть, погибъ на баррикадахъ.

²⁾ Недавно намъ рассказывали случай, бывший года полтора тому назадъ въ Хвалынскѣ. Поллицейскій попъ, сговорившись съ какимъ-то чиновникомъ, напали на старообрядческаго священника Осипа Федоровича Андреева. Взавшаша съ женой и дѣтьми и снабженнаго паспортомъ, выданномъ изъ самарской конторы. Попъ и исправникъ разбили ящики съ кладью, отобрали паспортъ и Андреева отправили скованнаго сначала къ исправнику Середѣ, а потомъ въ острогъ. Спустя девять мѣсяцевъ, тотъ же очевидецъ этого духовно-земскаго разбоя снова проѣзжалъ по Хвалынску и, вспоминая исторію, спросилъ о священникѣ Андреевѣ и узналъ слѣдующее: жену и дѣтей къ нему не допускали цѣлые полгода. Жена ѣздила въ Саратовъ; тамъ ее обругалъ и прогналъ протопопъ Поляковскій и грозилъ ее самое посадить.

◆ 1. 23 июня 1861 г. оберъ-прокуроръ св. синода довелъ до свѣдѣнія министра вн. дѣлъ, что государь 25 мая утвердилъ докладъ синода, въ коемъ положено: «1) во благоуханіи святыни почившаго Тихона епископа Воронежскаго признать въ ликѣ святыхъ, Божіею благодатью прославленныхъ и нетлѣнное тѣло его мощами святыми; 2) изнеся оныя съ подобающею честію изъ Христорождественской церкви города Задонска, гдѣ нынѣ покоятся, въ тамошній Богородицкій соборъ, положить въ приличномъ и открытомъ мѣстѣ для общаго поклоненія и 3) открытіе сихъ мощей возложить на преосвященнаго митрополита С.-Петербургскаго Исидора и преосвященнаго воронежскаго архіепископа Іосифа, предоставивъ имъ вызвать для той же цѣли преосвященнаго курскаго епископа Сергія. При семъ Е. И. В. благоугодно было повелѣть, чтобы торжество сіе совершенно было 13 августа текущаго года въ день преставленія святителя».

18 августа воронежскій губернаторъ донесъ, что «стѣненіе богомольцевъ было чрезвычайное; въ г. Задонскъ, гдѣ всего считается до 7.000 жителей, прибыло съ 9 по 13 августа до 220.000, преимущественно женщинъ, въ томъ числѣ много калѣкъ, помѣшанныхъ и больныхъ всякаго рода». Командированный въ Задонскъ представитель министерства вн. дѣлъ ген.-маіоръ Враскій донесъ, что «въ особенности была поразительна и умилительна та минута 12 августа, когда открылось торжественное шествіе духовенства съ мощами святителя изъ маленькой Богородице-Рождественской церкви, гдѣ оныя почивали, къ великолѣпному Богородицкому собору, и потомъ 13 числа обнесеніе св. мощей вокругъ монастырскихъ стѣнъ: необозримая и въ томъ мѣстѣ невиданная доселѣ масса людей, всѣхъ возрастовъ и званій, при всеобщемъ безмолвіи съ зажженными свѣчами, пала одновременно на колѣни; но лишь только показался гробъ святителя, то всеобщій восторгъ дошелъ до неимовернаго энтузіазма: кидали вслѣдъ несомому чудотворцу горстями деньги люди богатые, кидали различныя вещи и даже снятое тутъ же съ себя платье люди бѣдные. Множество больныхъ тяжкими и неизлѣчимыми недугами получили совершенное выздоровленіе. Чудотворенія совершались всенародно и въ дѣйствительности благодатныхъ исцѣленій нѣтъ никакого сомнѣнія» (дѣло деп. полиціи исполн. 1861 г. № 2759).

въ тюрьму: Несчастливая женщина, разорванная, безъ всякой помощи, написала письмо къ государю. Государь не отвѣчалъ,—онъ самъ принадлежитъ къ церкви исправника и погал!

Въ Орловской губерніи—пишутъ намъ—многіе попы до тѣхъ поръ отказывались отъ чтенія манифеста объ освобожденіи, пока крестьяне не дѣлали складчину, ими самими назначенную. А. И. Г. 1

1677. Разбой въ больницахъ.

Какой-то, вѣроятно, юный врачъ пишетъ намъ о гнилой пищѣ въ больницахъ, о томъ, что больные умираютъ отъ этого, а директора ихъ показываютъ живыми, о томъ, какъ ревизоръ беретъ взятки, — и ему это еще ново! О, дѣвственникъ святой!

1678. Смертный Теофилактъ ¹⁾.

Говорятъ, что ректоръ одесской семинаріи, пользующійся такимъ боголюбивымъ именемъ, точно Кавеньякъ въ 1848 году, безъ совѣта и суда депортируетъ учениковъ. Правда ли, что такая gazzia ²⁾ была въ прошломъ году? Пора, однако, обратить вниманіе на деспотическое своеволие живыхъ мертвецовъ, которымъ на посохъ дано все бѣлое духовенство.

1679. Аскоченскій II.

Говорятъ, что, опасаясь утратить Аскоченскаго I, ему назначенъ на случай (чего, боже, сохрани), на печальный случай кончины намѣстникомъ *Серій Шульцъ*, 24 лѣтъ, слѣдственно, имѣющій *de la marge* ³⁾. Бывшій воспитаникъ лиція, онъ съ молодыхъ лѣтъ показывалъ ту же слабость, какъ и императрица, къ православію, и притомъ—самому радикальному. Они ужъ вмѣстѣ, говорятъ, надѣлали разныхъ шалостей какому-то священнику, преподающему въ царскосельской воскресной школѣ.

Обращаемъ серьезное вниманіе архіепископа Путятина на этого юнаго есеолога. ⁴⁾

◆ 1. Шульцъ былъ «ученикомъ» Александра Карловича Гердштерна. Пользуясь случаемъ, приведу три очень интересныхъ конфиденціальныхъ письма къ этому камергеру и тайному совѣтнику, написанныхъ къ нему знаменитымъ И. П. Липранди.

1. 22 іюня 1861 г. «Вслѣдствіе возбужденныхъ вчера разговоровъ и вполне сочувствуя, готовъ, по желанію вашему, съ полною откровенностью подѣлиться съ вами своею опытностію, но это лично только съ вами, ибо выше я не хочу имѣть дѣла, а потому желалъ бы, чтобы все, что я буду бредить, осталось между

¹⁾ Въ міру Теофанъ Абрамовичъ Праведниковъ.

²⁾ Облага.

³⁾ Досугъ.

нами. Если высказываемое мною не согласуется съ вашимъ взглядомъ или если что найдете основательнымъ пустить въ ходъ для общаго блага, то въ томъ и другомъ случаѣ бросьте мое письмо въ огонь. Какъ общалъ, такъ и исполняю: выскажу свое мнѣніе о трехъ главныхъ предметахъ, о которыхъ шла вчера между нами рѣчь. Начну сегодня съ перваго, а завтра и послѣзавтра скажу о двухъ остальныхъ.

«Дѣйствительно, мы живемъ въ замѣчательнѣйшую эпоху, какъ потому, что въ настоящее время теорія и официальность становятся на первомъ планѣ, такъ и потому, что оказывается рѣшительная скудость, неурожай въ лицахъ, могущихъ съ достоинствомъ стать противъ тревоженій, обнявшихъ Европу и проникнувшихъ къ намъ, гдѣ появленіемъ своимъ какъ бы парализовало головы нашихъ бѣдныхъ администраторовъ, столь высоко себя цѣнящихъ въ обыкновенное время: малѣйшій толчокъ на ихъ пути величавости сбиль въ настоящее время совершенно ихъ съ толку, и глупость за глупостью полилась изъ ихъ могущественныхъ головъ. Но довольно о семъ,—вчера мы вдоволь о томъ поговорили.

«Въ настоящее время требуется разсудительная энергія, проницательность, знаніе людей вообще и въ частности страсти ихъ волнующія, ихъ тенденціи и проводниковъ, которыми агитаторы ищутъ воспалить ихъ. Недостаточно знать только своихъ директоровъ, а иногда начальниковъ отдѣленій при безсмысленныхъ докладахъ, гдѣ всѣ идеи сосредоточены на извѣстныхъ точкахъ. Нынѣ общія, въ полномъ значеніи слова идеи, которымъ въ свое время не было положено благоразумнаго предѣла, пропитали своими утопіями, такъ сказать, весь воздухъ, имъ нынѣ дышетъ все новое поколѣніе, съ большими или меньшими проявленіями благосмыслія или безсмыслія и даже сумасбродства. Встрѣчается много людей и прежняго времени, которые или льстятъ изъ разныхъ видовъ этому направленію, потакая проявленіямъ и безсмысленнымъ выходкамъ, а потому поощряя оныя, или такіе, которые своимъ управленіемъ, размножаютъ число недовольныхъ на правительство, и этотъ-то разрядъ недовольныхъ, по моему убѣжденію, и есть самый опасный для существующаго порядка вещей, ибо безъ подготовленія онаго первый никогда не будетъ въ силахъ что-либо сдѣлать серьезное; о пружинахъ какъ размноженія этого разряда, такъ и возможнаго приведенія онаго въ дѣйствіе я умалчиваю, а обращаюсь къ первому. Съ идеями, волнующими въ настоящее время молодое поколѣніе, должно воевать идеями, какъ это высказано было мною лѣтъ за 12 тому назадъ. Литература, по моему

уразумѣнію, есть вѣрнѣйшее орудіе для одержанія побѣды. Она должна громить распространяемая утопіи, выказывая безразсудныя и смѣшныя ихъ стороны, противопоставляя онимъ доводы, основывающіеся на здоровомъ смыслѣ. Это оружіе было съ успѣхомъ употреблено во Франціи въ 1850 и 1851 году противъ ученія Фурье, сенъ-симонистовъ, кабеистовъ и т. п. лжеучителей. Сотни тысячъ брошюръ, напечатанныхъ подъ эгидою правительства, разлетѣлись по всей Франціи до послѣднихъ фермеровъ, представляя все ученіе социалистовъ и коммунистовъ съ смѣшной точки зрѣнія, такъ что скоро самые рьяные ревнители фаланстеровъ и т. п. начали смѣяться надъ собою.

«Мѣры строгости въ политическомъ значеніи всегда, и въ особенности нынѣ, не принесутъ никакой пользы. Наказаніе за политическія преступленія, какъ бы они справедливы ни были, всегда производятъ несприятное впечатлѣніе на массы, хотя и убѣжденныя въ ясности примѣненія закона. Здѣсь надо искать другихъ путей, другихъ мѣръ.

«Встрѣчающимся въ учебныхъ заведеніяхъ безпорядкамъ (о которыхъ была съ вами рѣчь), производимымъ массами, по моему мнѣнію, главнымъ источникомъ служатъ начальствующія оними лица, которыя часто по характеру, а еще чаще по недостатку личнаго образованія, естественно, не могутъ внушать въ кипящемъ умѣ юношества никакого къ себѣ уваженія, а потому выборъ начальниковъ на такія мѣста долженъ быть очень осмотрителенъ. При помощи литературы, направленной, какъ замѣчено выше, уважаемый начальникъ найдетъ всегда возможнымъ парализовать тѣ идеи, которыя проникаютъ въ учебныя заведенія изъ иноземныхъ станковъ русскихъ типографій. Я не допущу себя никогда и думать, чтобы юношество, видя въ своемъ начальникѣ лицо, обладающее свѣдѣніями, которымъ ихъ учатъ съ кафедръ, и обращающемся съ ними патриархально, могло предъ нимъ забытья и отвергнуть его внушенія. Это то же магнетическое дѣйствіе, которое имѣетъ посѣдѣній въ битвахъ полковой командиръ надъ солдатами: его слова будутъ внимать, его мысль будетъ общая, однимъ его взглядомъ тысячи бросятся во всѣ опасности. Но можетъ ли сдѣлать это всякій?

«Относительно волненій умовъ внѣ учебныхъ заведеній—тоже самое. Начальникъ, успѣвшій своими правилами и качествами приобрести довѣренность во всѣхъ классахъ ввѣренной ему области, всегда удержитъ порядокъ и не допуститъ тѣхъ безразсудныхъ проявленій, которыя совершались и совершаются у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на западѣ. Но совершившееся уже возвратитъ

невозможно. Здѣсь одно только осторожное б^о разуміе, энергически прилагаемое къ дѣлу, можетъ отстранить дальнѣйшія послѣдствія, которыхъ развитіе нежелательно было бы видѣть,—а къ несчастію, изъ всего должно заключить, что закваска удалась, и броженіе должно скоро выступить изъ предѣловъ. Слѣдуетъ только прислушаться ко всему, что говорится уже не шепотомъ, а вполголоса, оцѣнить штиль—предвѣстникъ бурь, всегда болѣе опасный, нежели говоръ, пр^истѣкнуть опытнымъ взглядомъ въ таинственность и пр. и пр.,—мы находимся наканунѣ горестныхъ проявленій, которыя начнутся съ нашего Западнаго края; есть много данныхъ, на которыхъ le calcul de probabilité не можетъ обмануть опытнаго наблюдателя, не подавленнаго официальными формами.

«Какъ ни сумасбродна господствующая нынѣ идея сгруппированія народностей, но она, хотя и равносильна вавилонскому столпотворенію, не встрѣчая никакого дѣльнаго возраженія, распространяется болѣе и болѣе, угрожая рядомъ неурядицъ. Читая официальныя извѣстія, недоумѣваешь, какимъ образомъ Познань, но въ особенности Лембергъ, направили все свое жало на владычество Россіи въ Царствѣ Польскомъ! Россія и Польша—одинъ и тотъ же славянскій элементъ, между тѣмъ, какъ Познанское герцогство и Галиція не составляютъ ничего общаго въ этомъ отношеніи ни съ Пруссією, ни съ Австрією. Что же это? Значитъ? Какое побужденіе подвигаетъ на произведеніе волнений, можетъ быть, не ограничиваясь однимъ только Царствомъ Польскимъ? Россія опоясана съ сѣвера, съ запада, а нынѣ и съ юго-запада (находящагося подъ нравственнымъ вліяніемъ дальняго Запада) врагами, имѣющими различныя помыслы для потрясенія ея могущества. Средней Европѣ въ настоящій политическій кризисъ это необходимо. Ей неложко будетъ оставлять сзади себя сильное государство, когда она неминуемо вынуждена будетъ стать противъ Запада. Ей нужно занять Россію у себя дома. Все это и многое, о чемъ говорить не могу, не понуждаетъ ли помянутыхъ сосѣдей нашихъ искать производить у насъ волненія? Но это моя мысль, которая родилась еще въ 1827 году и послѣдующихъ, когда я могъ разсуждать объ этомъ, а потому болѣе здѣсь о томъ и не говорю; все это, конечно, вамъ лучше меня извѣстно, а при томъ и исторія не предъ глазами ли? Происшествія же, готовыя у славянъ турецкихъ затмить черными тучами весь горизонтъ юго-запада,—тамъ будутъ разыгрываться драмы посерьезнѣе драмъ Буффо, разыгрывающихся въ Италіи. Но объ этомъ довольно; это мой, какъ вы знаете, конекъ и мнѣ трудно остановиться, начавши разъ говорить. Обращаюсь къ нимъ».

«Для подобной закваски, само собою разумѣется, есть коноводы; одни, дѣйствующіе своимъ значеніемъ въ обществѣ, въ служебной іерархіи, рѣдко по своему состоянію. Эти люди осторожны; до поры до времени они не принимаютъ дѣятельнаго участія, а потому ихъ не всегда легко обличить, ибо молодые люди ихъ вѣроисповѣданія, радушно принимаемые, не посягнуть на лишеніе себя заманчиваго хлѣбосольства и т. п. Другіе же, находящіеся между ними и ближе къ своимъ жертвамъ увлеченія, посѣянія въ нихъ вредныхъ сѣмянъ, могутъ легче быть извѣстны. Но какъ вырвать изъ почвы это зелье? Въ этомъ-то и главный вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ однимъ благоразуміемъ, основаннымъ на точномъ познаніи всего, всего въ полномъ значеніи этого слова. Предать ихъ суду или распорядиться административно, безгласно, значить озлобить все ихъ окружающее, все ими созданное. Хорошо, если есть иной предлогъ, чтобы вырвать этотъ корень изъ общества. Но куда его дѣвать? Сослать въ губернію,—то въ этомъ случаѣ чѣмъ отдаленнѣе губернія, тѣмъ онъ будетъ еще болѣе вреднымъ. Не говорю уже о ссылкахъ разомъ по нѣсколькимъ лицамъ. А между тѣмъ необходимо ограждать общество отъ заразы. Послѣдовать примѣру императора Александра I-го въ 1812 году въ Вильнѣ ¹⁾) не всегда удобно и не для всѣхъ примѣнимо.

«Хотѣлось бы сказать еще многое, о чемъ говорили съ вашими превосходительствомъ, но, право, схожу съ ума ото всего, что меня окружаютъ... Вы видѣли все это, и отъ чего? Оттого, что я не умѣлъ или не хотѣлъ настроятъ домовъ и собрать капиталы; тогда бытъ бы и другой почетъ, а теперь..

«Въ особенности желалъ бы сообщить вашему превосходительству свои недоразумѣнія относительно печатаемыхъ въ газетахъ происшествій по крестьянскимъ дѣламъ, характеръ коихъ, по моему понятію, чрезвычайно знаменателенъ, и кое о чемъ еще,

¹⁾ Не дѣли за двѣ до перехода Наполеона чрезъ Нѣманъ, императоръ спросилъ бывшаго тогда въ Вильнѣ губернаторомъ князя Любецкого (впослѣдствіи членъ гас. совѣта), какъ онъ думаетъ, возстанетъ ли губернія при вступленіи непріятели? Князь отвѣчалъ утвердительно и, на желаніе государя, поименовалъ пятерыхъ коноводовъ изъ знатнѣйшаго дворянства. Государь, признавъ необходимымъ изъять ихъ изъ среды тѣхъ, которые готовы были встать въ ряды ихъ и затруднить курьеровъ и сосредоточеніе нашихъ командъ, изволилъ дать ва имя князя Любецкого предписание, что, признавая необходимымъ имѣть, во временное оставленіе Виленской губерніи, при себѣ совѣтъ изъ людей опытныхъ и приверженныхъ къ Россіи, назначить помянутыхъ лицъ, которымъ при представленіи пожаловалъ, кому ленты, кого камергеромъ. Они послѣдовали за главною квартирой, и Виленская губернія не возстала! *И. Л.*

не разгаданномъ мною. Прежде должно обратиться къ разгаданію Іакова Ивановича (Ростовцовъ—*М. Л.*), припомнить все съ нимъ въ послѣднее время говоренное мнѣ, а это требуетъ для оцѣнки спокойнаго духа, но—воля ваша!

«Симъ кончаю длинную галиматью, въ полной увѣренности, что вы, во-первыхъ, простите за мою болтовню,—она основана, повторяю, на полной къ вамъ довѣренности, и желалъ бы удовлетворять всѣмъ, чѣмъ моя опытность позволить; во-вторыхъ, письмо это останется между нами и должно быть истреблено, ибо ужасно подумать, какимъ образомъ лондонско-русскій типографскій станокъ содѣлался какъ бы *ухомъ Діонисія Сиракузскаго*, выслушивающаго самые секретные изъ нѣкоторыхъ документовъ!»

2. 23 Іюня 1861. «Особенное обращать на себя вниманіе обнародованія въ разныхъ губерніяхъ происшествій по крестьянскому дѣлу, гдѣ почти во всѣхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ военной силѣ. Это—мѣра послѣдняя, она оставляетъ всегда грустное по себѣ воспоминаніе, а учашеніе подобныхъ средствъ для того только, чтобы растолковать *непонимаемое*, можетъ повлечь за собою неблагоприятныя послѣдствія, о которыхъ было бы здѣсь говорить излишне.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобный великій политическій переворотъ внутренняго преобразования государства не можетъ совершиться безъ порожденія нѣкоторыхъ беспорядковъ, но здѣсь замѣчательно то главное, что (по крайней мѣрѣ, по обнародованнымъ свѣдѣніямъ) все это имѣетъ основаніемъ букву Положенія, слѣдовательно, и требовало бы только одного разъясненія, т.-е. растолковать мужику истинный смыслъ онаго. Но, къ несчастію, въ Положеніи этомъ встрѣчаются, дѣйствительно, если и не вполне неясности, то статьи, которыхъ смыслъ не вдругъ можетъ быть постигнутъ и людьми, стоящими образованіемъ своимъ несравненно выше безграмотнаго мужика, имѣющаго собственно ему принадлежащую логику. Это не всегда понимаемо и высшими, какъ изъ официальныхъ же свѣдѣній безпрестанно видно требованіемъ губернскими комитетами разъясненій у министра внутреннихъ дѣлъ, а этотъ и самъ не разъ бываетъ поставленъ втупикъ, представляеть выше—въ Комитетъ; послѣдующее изъ сего поясненіе также не всегда бываетъ ясно, ибо изъ тѣхъ же официальныхъ свѣдѣній видно, что губернскій комитетъ, получивъ такое разъясненіе сдѣланнаго имъ вопроса, опять входитъ съ представленіемъ, что доставленное разъясненіе по запрашиваемому недоразумѣнію, хотя и разрѣшаетъ оное, но тогда опять противорѣчитъ такому-то или даже такимъ-то параграфамъ Положенія и т. д., и т. д. Слѣдова-

тельно, до сихъ поръ, въ строгомъ смыслѣ, нельзя еще приписывать нашему мужику какія-либо другія цѣли, а потому употребленіе воинской силы, какъ послѣдняго средства, излишне, вредно и опасно по многимъ отношеніямъ для послѣдствій. Неопровержимо то, что если бы редакція этого Положенія была въ двухъ отдѣлахъ, т. е. одно заключало бы въ себѣ общія черты для всей Россіи всемилостивѣйше даруемаго права, или, лучше сказать, чтобы въ ономъ заключалось главное: *освобожденіе изъ крѣпостнаго состоянія*, а въ другомъ—*для каждой губерніи особенныя условія* приведенія въ исполненіе этого великаго предпріятія, а не слить въ однѣхъ страницахъ для всѣхъ губерній вообще, съ различіемъ мѣръ достиженія, что сбиваетъ не обладающихъ даромъ общаго взгляда и въ настоящее время непременно породить бездну другихъ недоразумѣній и столкновеній, при окончательномъ введеніи каждаго въ предоставляемые ему права. На что знать саратовскому мужику бездну частныхъ, относящихся до мужика Каменецъ-Подольской губерніи и обратно! Здѣсь трудно будетъ найти выходъ безъ повторенія употребленія военной силы. А кто можетъ ручаться, чтобы пороженіе подобныхъ недоразумѣній не было бы еще подстрекаемо и поджигаемо неблагонамѣренностію изъ много-различныхъ цѣлей, которыхъ было бы неосторожно отрицать, не предприимая заблаговременно мѣръ для отклоненія или, по крайней мѣрѣ, только для парализированія оныхъ. Скоро покажутся воззванія и т. п. листки, что есть неминуемымъ слѣдствіемъ незрѣло обдуманыхъ мѣръ, а, пожалуй, и съ цѣлью ввернутыхъ нѣкоторыми изъ членовъ, трудившихся въ составленіи Положенія, и этого вы отвергать не можете, зная нѣкоторыя личности. Все это могло ускользнуть изъ вида высшаго правительства и проскочить въ видѣ путаницы, которымъ отличается Положеніе, могшее быть упрощено, а потому и вразумительнѣе, но этого-то, кажется, и не хотѣлось нѣкоторымъ, имѣвшимъ вѣсь ума и краснорѣчія.

«Затѣмъ возвращаюсь къ средствамъ, нынѣ употребляемымъ для ~~привлеченія~~ поселеніямъ смысла и сущности новаго положенія. Понятно, что слова: *воля, свобода* и т. п. въ умахъ ихъ стоятъ на первомъ планѣ, и первое впечатлѣніе, произведенное магическимъ ихъ значеніемъ, могло быть поводомъ, что многие, даже очень многие, поняли эти слова въ обширномъ ихъ значеніи и затѣмъ все остальное приписали проискамъ помѣщиковъ, стаскивавшихся съ мѣстными властями.

«Съ одной стороны, громадность Положенія, включающаго въ себя условія для всѣхъ губерній, неодинаковыхъ между собою, недоступнаго, какъ замѣчено выше, объему обыкновеннаго ума,

и въ которомъ находится столько ссылокъ съ одного параграфа на другой и далѣе, предоставляя чрезъ то столько неудобствъ къ пониманію. Съ другой стороны, неграмотность народа, исключая раскольниковъ, которые, читая это Положеніе, могутъ толковать по своему ученію, какъ это несомнѣнно и дѣлается, по внутреннему или постороннему побужденію. Добрый, простой русскій мужикъ, по вѣковой привычкѣ, вошедшей, такъ сказать, въ его природу, всегда съ *недоверчивостію* внимаетъ завѣреніямъ своихъ ближайшихъ властей, и вообще всѣмъ тѣмъ, которые болѣе или менѣе отдалены отъ его сословнаго состоянія и въ такомъ случаѣ самыя здравыя ему толкованія онъ принимаетъ и заподозрѣваетъ, что ему разставляются ловушки; но скажи ему его братъ-крестьянинъ или отставной солдатъ и т. п., хотя совершенную бессмыслицу, онъ съ полнымъ убѣжденіемъ повѣритъ ей. Къ счастью, до сихъ поръ, какъ должно полагать, жетолкователями оказываются только люди безъ опредѣленной общей цѣли безпорядка, но можно ли отвергать, чтобы не нашлись и такіе, которые, зная свойство нашего мужика, не подѣйствовали бы на него съ болѣе опредѣленною цѣлію? Известно, что общинное управление и все до сего относящееся, не нравится крестьянину, а какой въ послѣдствіи это можетъ составить источникъ для неурядицъ? ²⁾

«На всѣхъ этихъ основаніяхъ, я думаю, должно всячески избѣгать употребленіе войскъ для вразумленія, ибо *убѣжденіе силою* въ настоящемъ положеніи дѣла будетъ очень *цѣлкимъ* и усилитъ только злобу народа на власти, частое же употребленіе войскъ пріучитъ въ столкновеніяхъ сближаться, въ особенности же войска, недавно оставившихъ плугъ и иногда долженствующихъ дѣйствовать противъ родныхъ, близкихъ и т. п., а, наконецъ, побудитъ и народъ заблаговременно искать дѣлать связи и т. д. Слѣдовательно, во избѣжаніе всего этого должно обратиться къ убѣжденію миролюбивому: тогда оно крѣпко. Съ нашимъ мужикомъ, обладающимъ природнымъ здравымъ смысломъ, нужно только одно, терпѣніе, познаніе въ совершенствѣ его свойствъ, знаніе его логики, словомъ, предоставлять ему высказываться и его же языкомъ возражать. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ такъ достигли миролюбиваго окончанія, но много ли такихъ, которые заслужили довѣріе крестьянъ своихъ, являться безъ робости къ нему въ толпу, не окруженнымъ

²⁾ Для произведенія безпорядковъ нуженъ бываетъ иногда ничтожный случай. Въ настоящее же время, если вѣрить газетамъ, то проявляется во многихъ мѣстахъ неурожай и неполное обсеменение обычнаго пространства, а въ столицѣ—произвольное возвышеніе въ огромной пропорціи цѣны на хлѣбъ и проч. *И. Л.*

стражею, входить съ нимъ въ полемику, на нарѣчи ему понятномъ? ¹⁾

«Въ настоящее время, когда народомъ потеряно, едва ли не повсемѣстно, всякое довѣріе къ ближайшимъ властямъ и въ особенности же къ лицамъ юныхъ лѣтъ, къ словамъ которыхъ *старика селеній*, собравшихся уже въ толпу, не только что не будутъ питать никакого довѣрія, но и личнаго уваженія, для сего необходимы извѣстныя лѣта, даже сѣдина, знаки отличій и въ особенности военный мундиръ, который не потерялъ еще уваженія въ народѣ.

«Итакъ, кто же другой, какъ не губернаторъ, можетъ исполнить въ настоящее время эту великую священную обязанность и оправдать предъ государемъ высокое свое назначеніе? По полученіи перваго извѣстія о проявившихся безпорядкахъ въ какомъ-либо селеніи, онъ, не посылая чиновниковъ, при себѣ находящихся, какого-либо члена губернскаго правленія или инаго, долженъ летѣть самъ безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ, явиться въ толпу, говорить съ мужиками, вразумлять ихъ, не показывая никакого опасенія съ ихъ стороны. Теперь для истиннаго патриота настало время истиннаго патриотизма; колья, топоры и т. п. не должны занимать умъ его ²⁾, онъ долженъ быть занятъ однимъ изъ важнѣйшихъ въ настоящее время предметовъ, на который смотреть вся завистливая Европа, желающая, можетъ быть, видѣть у насъ неурядицу. Губернаторъ, обладающій всѣми необходимыми качествами для занятія такого поста, пользующійся довѣріемъ всѣхъ классовъ, въ особенности народа, легко достигнетъ дежелаемаго при общемъ обожаніи народомъ монарха. Надо только, чтобы народъ видѣлъ въ немъ достойнаго передателя высочайшей воли и вполнѣ вѣряющагося народу. Напротивъ же, если губернаторъ начнетъ отправлять вначалѣ чиновниковъ, которые, относительно къ народу, то же самое, что наши православные попы относительно раскольниковъ, онъ только усилитъ зло, и тогда самое

¹⁾ Находясь съ 1823 по 1828 годъ при князѣ Воронцовѣ, генераль-губернаторѣ четырехъ губерній, а съ 1842 по 1852 годъ—при министрахъ внутреннихъ дѣлъ, мнѣ множество разъ случалось разбирать мужиковъ съ помѣщиками, миръ съ крестьянами и т. п. Здѣсь я могъ постигнуть богатія свойства русскаго ума и его логику, а потому и могу судить объ этомъ, какъ экспертъ. *И. Л.*

²⁾ А еще хуже, что нѣкоторые изъ губернаторовъ показываютъ столько малодушія, измѣнивъ прежнюю свою важность и доступность, въ особенности для мужика, вдругъ стали преимущественно обходиться съ нимъ приторно, чтобы не сказать подло. Неужели они думаютъ, что подобное дѣйствіе не приписывается даже самими мужиками къ трусости. Но довольно объ этомъ. *И. Л.*

его появленіе, огражденнаго стражею, усугубить оное, а къ тому еще употребленіе военной силы противъ невооруженныхъ опозорить власть и т. д. Словомъ, по моему крайнему уразумѣнію, всякому волненію, подобному тѣмъ, которыя обнародованы, истиннымъ виновникомъ—губернаторъ. Въ настоящее время его мѣсто въ экипажѣ, готовомъ летѣть, гдѣ только прослышится безпорядокъ. Губернское правленіе можетъ обойтись и безъ его предсѣдательства, какъ бывало въ обыкновенное время.

«Ограничиваюсь только этимъ взглядомъ на предметъ, который требуетъ пространнѣйшаго изложенія, какъ это иногда показывалъ признающимъ и покойный ген.-адъют. Ростовцовъ ¹⁾».

3. 24 іюня 1861 г. «Сознаюсь откровенно, что вполнѣ не раздѣляю мнѣнія о невозможности яко бы въ настоящее время въ Царствѣ Польскомъ устроить или возстановить (буде существовала), такъ называемой, *высшей тайной полиціи*, коей гласнымъ представителемъ у насъ есть начальникъ жандармскаго округа. Но прежде, чѣмъ высказать помянутое мое мнѣніе, я долженъ объяснить по своему понятію эту отрасль государственной администраціи.

«Въ настоящемъ смыслѣ учрежденіе этой отрасли имѣло общую цѣль, самую благодѣтельную. Она раздѣлялась на двѣ части: *правственную и политическую*; о первой я умалчиваю.

«Политическій отдѣлъ тайной полиціи ²⁾, по программѣ своей, имѣетъ цѣлю слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ *положительно вредное* безопасности и благосостоянію государства направленіе. Ея кругъ ограничивается посему только *теплого стороною* народной и общественной жизни. Она должна *предупреждать зло*, и при томъ тогда, когда нисколько еще не обозначилось, а только *заговоряется* обстоятельствами, повидимому, не представляющими изъ себя никакой опасности, но не тогда, когда зло *уже зародилось*, и если не перешло еще въ дѣйствія, то сомкнулось уже въ какое-нибудь преступное злоупотребленіе или, по меньшей мѣрѣ, носится въ видѣ отдѣльныхъ зловредныхъ идей, толковъ, слуховъ, а, пожалуй, и въ проявленіяхъ литературы и т. п. Чтобы достиг-

¹⁾ Покойный Іаковъ Ивановичъ не разъ входилъ со мною по этому обстоятельству въ разговоръ, требовалъ многія поясненія отъ практической наблюдательности, даже будучи на одрѣ послѣдней минуты жизни, чему много свидѣтелей, а въ особенности множество записокъ. Однако же, я долженъ сказать, что въ послѣднее время, особенно съ 1858 г., я находилъ большую перемѣну во многихъ его взглядахъ на предметы, до сихъ поръ мнѣ необъяснимую. *И. Л.*

²⁾ Политическая тайная полиція имѣетъ два главныхъ подраздѣленія: *внутреннее и внѣшнее*; это послѣднее обнимаетъ свѣдѣнія заграничныя, о чемъ здѣсь и не будетъ рѣчи. *И. Л.*

нута своей цѣли, тайная полиція собираетъ самыя вѣрныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ классахъ народа и общества, какъ они въ настоящее время существуютъ, что составляетъ главныя отличительныя черты ихъ современнаго положенія, чѣмъ они занимаются и что ихъ занимаетъ, въ чемъ состоятъ ихъ дѣйствительныя нужды, а также воображаемыя, мечтательныя прихоти, и какъ сии послѣднія въ нихъ возникли, о чемъ они думаютъ, чего желаютъ, къ чему стремятся, сознательно или безсознательно, чѣмъ они довольны и чѣмъ недовольны, чѣмъ могутъ быть современемъ недовольны. Словомъ, тайная полиція *изображаетъ въ настоящемъ видѣ* всѣ сословія государства въ ихъ общественномъ положеніи и нравственномъ направленіи ¹⁾.

«Если можно выразиться сравненіемъ, то тайная полиція, подобно пожарной командѣ, должна бдительно и неусыпно стоять на стражѣ государства, смогрѣть, не развлекаясь ничѣмъ, чтобы при малѣшемъ признакѣ подать вѣсть и двинуть мѣры правительства. Но не всегда и пожаръ обнаруживается вспышкою пламени, не всегда обозначается и дымомъ: часто тлѣетъ онъ малою искрою гдѣ-нибудь внутри зданія и тогда можно бы было его затоптать ногой, если-бъ эта искра была примѣчена заблаговременно, или нѣтъ даже еще и искры, но въ домѣ господствуетъ крайняя неосторожность при обращеніи съ огнемъ или собрано множество удобовоспламеняемыхъ матеріаловъ, иногда безъ намѣренія, а иногда и съ злымъ умысломъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ поджечь. Словомъ, она должна обращать вниманіе на все и содержать правительство въ полной извѣстности обо всемъ, изошряя на то всю наблюдательность, присматриваясь и прислушиваясь ко всему. Не говоря уже о томъ, что на основаніи доставляемыхъ ею свѣдѣній, правительство получаетъ всю возможность заблаговременно измѣнять и исправлять то, что требуетъ перемѣны и исправленія, и такимъ образомъ, предупреждая нужды народа, разбивать и отнимать средства ко всѣмъ потрясеніямъ, которыя бы злоумышленники, воспользовавшись неудовольствіемъ массъ, могли ласкаться надеждою привести свои планы въ дѣйствіе; благоразумнѣе — не ожидать скопленія грозы и ея раздраженія. *Злоумышленники* по

¹⁾ Здѣсь само собою разумѣется, что лица, составляющія и *свѣтлую* сторону общественной жизни, не должны быть упускаемы изъ виду и вѣрно обозначены, потому что посредствомъ ихъ очень часто можно разбивать замыслы другихъ. Каждый по общественному положенію своему, по своему уму, по своему состоянію имѣетъ свой кругъ, на который дѣйствуетъ магической силою. Но симъ оканчиваю, ибо это могло бы навести на длинное разсужденіе. *И. Л.*

убѣжденію, какъ бы они ни были многочисленны, никогда не въ состояніи привести въ дѣйствіе свои замыслы: имъ нужна матеріальная сила, чтобы вступить въ состязаніе съ правительствомъ. Въ городахъ, если не обращено должнаго вниманія, сила эта у нихъ всегда подъ рукою. Въ большихъ городахъ чернь дѣйствуетъ безсознательно, будучи чуждою всякихъ политическихъ впечатлѣній, иногда даже безъ цѣли грабежа, а единственно съ намѣреніемъ или удовлетворить личной мести, воспользоваться минутнымъ безначаліемъ, мнимымъ молодечествомъ и т. п.; тѣмъ болѣе она готова бываетъ часто на это, что никогда не подвергается отвѣтственности, ибо оправдывается, что была увлечена, обольщена и т. п. Здѣсь можно было бы вывести длинный рядъ заключеній, основанный на примѣрахъ. Замѣчу только одно то, что въ общемъ понятіи слова *злоумышленники* должно обращать вниманіе болѣе на тотъ разрядъ, который дѣйствительно имѣетъ болѣе или менѣе причинъ быть недовольными на правительство, а не на крикуновъ, восторгъ коихъ скоро испаряется. Въ 1856 году было сказано пространно объ этомъ предметѣ.

«Таково мое мнѣніе объ истинной цѣли высшей тайной полиціи. Совершавшееся же подъ ея названіемъ, во время кардинала Ришелье, основателя оной, въ послѣдствіи при Фуше, Савари, Меттернихъ, Грюне, недостоинно носить названія оной; ихъ дѣйствія были несравненно невыносимѣе существовавшихъ въ средніе вѣка *Суда Божьяю*, или *Искусъ*, *судовъ Вестминстерскихъ*, наконецъ, *инквизиціи* и нѣкогда у насъ существовавшаго *слова и дѣла*, потому что тутъ *объявляли причину призыва, выслушивали оправданія, давали очныя ставки* и потомъ освобождали или пытали, или казнили, но тамъ казнили закулисно и тѣмъ возбуждали общее опасеніе, переходившее изъ тайнаго негодованія въ ропотъ,—и плоды извѣстны.

«На всѣхъ этихъ основаніяхъ, я твердо убѣжденъ, что тайная полиція, основанная на тѣхъ началахъ, какъ я понималъ ее, не только что можетъ быть устроена въ Варшавѣ, но что самое волненіе умовъ въ оной облегчить это устройство и упроченіе ея дѣйствія, ибо во время разгара страстей легче подмѣчать слабыя ихъ стороны; для того необходимо только избраніе лица, вмѣщающаго въ себѣ не однѣ только умственные способности, но и необходимыя свойства: народность, умѣнье привлечь къ себѣ расположеніе, ибо я никакъ не допускаю себя думать, чтобы человѣкъ лодкій въ обращеніи, проницательный, не могъ сдѣлать скоро связей, и иду еще далѣе: чтобы онъ не пріобрѣлъ и довѣренности,

для чего нужно два-три ничтожныхъ случая, которыми умѣть только воспользоваться. ¹⁾

«Изъ всего, что я знаю о послѣднихъ происшествіяхъ въ Царствѣ Польскомъ (конечно, неофициальнымъ путемъ), по рассказамъ очевидцевъ, и принимая въ соображеніе всѣ слабыя стороны поляковъ, живши съ ними очень долгое время, имѣвши сношенія служебныя и частныя, множество знакомыхъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ и связи, то опять повторяю, что не представится никакого затрудненія не только что устроить съ полнымъ успѣхомъ дѣйствіе тайной полиціи въ Варшавѣ, но и эксплуатировать изъ оной и весь Западъ. Не говорю уже, что если бы нужно было, то и на востокъ отъ Варшавы, ибо панславянизмъ пускаетъ

¹⁾ Это послѣднее обстоятельство испытано мною въ 1827 году. Когда, послѣ Наваринской битвы, война была уже неизбѣжной, на меня было возложено, по высочайшему повелѣнію, приготовленіе всѣхъ матеріаловъ къ войнѣ. Для болѣе удобнаго исполненія этой воли, я переѣхалъ въ Княжества, наполненныя озлобленными и буйными турками, ожесточенными исходомъ Наваринскаго боя. Посланниковъ союзныхъ державъ не было уже въ Константинополь, наши консула прекратили свои дѣйствія, молдаванскій господарь былъ враждебенъ русскимъ. Пребываніе мое, какъ полковника генеральнаго штаба, подъ предлогомъ болѣзни, не могло ввести въ обманъ австрійскаго консулата. Ожесточеніе турокъ было безгранично; три выстрѣла сдѣланы были по мнѣ въ разное время; послѣдній изъ нихъ въ домъ французскаго консула Лаго, въ окошко, у котораго я сидѣлъ. Австрійскій консулъ Лиманъ писалъ Меттерниху, что онъ не принимаетъ на себя ответственности, какъ союзникъ Россіи, въ случаѣ моей смерти. Приказано было ген.-адъют. графу Киселеву разрѣшить меня выѣхать, но я отвѣчалъ, что не оставляю мѣста, доколѣ не окончу порученія. Многіе подозрѣвавшіеся посланными мною въ карантинъ, съ передачею донесеній находившимся для сего въ Скулянахъ и Леовѣ адъютантовъ Муханова, Жеребцова и Коноплина, были умерщвлены. Но я *уловилъ* случай, о которомъ тогда много писали въ иностранныхъ газетахъ, чтобы познакомиться съ диванъ Эфендіемъ, отвергавшимъ постоянно видѣться со мною. Скоро я освоился съ нимъ и съ башъ-бешли-агою, а чрезъ нихъ съ посылавшимися для наблюденія за мною казаками отъ силистрійскаго и брайловскаго пашей. Конецъ былъ тотъ, что не только они показывали мнѣ свои донесенія обо мнѣ, но сообщили всѣ свѣдѣнія о своихъ приготовленіяхъ и были у меня безвыходно, наперерывъ одинъ предъ другимъ. Простые же турки, если бы я захотѣлъ только, возстали бы всѣ. Такъ я пробылъ до марта 1828 года и выѣхалъ за мѣсяць до вступленія нашего, сопровождаемый почти цѣлымъ отрядомъ изъ нихъ. По занятіи же мною Яссы, нѣкоторые, заперши въ домѣ диванъ Эфенди, начали отстрѣливаться отъ уланъ, но, когда увидѣли меня, побросали оружіе и сдались мнѣ вмѣстѣ съ диванъ Эфендіемъ. Все это и множество еще подобныхъ событій, официально засвидѣтельствовано, въ особенности, что мною доставлялись фирманы и др. документы несравненно прежде прусскаго посланника, занявшаго постъ нашего. Знаніе характеристики народа, съ коимъ имѣешь дѣло, важнѣе всего. *И. Л.*

свои корни, а подъ его предлогомъ, можетъ быть, есть еще и другія цѣли...

«Искать же для эксплуатирования Царства Польскаго путей внѣ Варшавы, на Западѣ, было бы не только что затруднительно, но, можетъ быть, и безуспѣшно, а въ томъ и другомъ случаѣ—опасно, да отъ продолжительности времени для доставленія такимъ путемъ свѣдѣній не всегда во-время можно ими пользоваться. Они могутъ приходиться послѣ совершившагося событія, которое могло бы быть устранено, если бы знать о томъ заблаговременно ¹⁾. Но и какія издержки были бы сопряжены съ подобнаго рода дѣйствіями и очень часто безъ всякой пользы, а при томъ они не могли бы остаться и непроницаемою тайною.

«Не вдаваясь объ этомъ предметѣ въ болѣе пространныя разсужденія, изъ коихъ многія не могли бы быть повѣрены и самой бумагѣ, заключаю совершеннымъ моимъ убѣжденіемъ, что способный чиновникъ, съ предоставленными ему средствами, особенно въ настоящее время, превзойдетъ самыя ожиданія начальства, если онъ будетъ носить офиціальныя характеръ, т.-е. начальника жандармовъ, а не мнимо скрывать подъ другими званіями. Офиціальныя характеръ, личныя способности, характеръ и предоставленныя средства для жизни и приличнаго приѣма скоро понудятъ господствующее число народонаселенія Варшавы сблизиться съ нимъ подъ разными предлогами, и здѣсь его прозорливость, извлекая необходимую пользу для правительства, будетъ имѣть возможность оказывать одолженія, въ сущности ничего не значущія, но обязательность эта въ настоящее время будетъ цѣннѣе. Поступая иначе, нельзя и думать о достиженіи желаемаго» (архивъ мин. вн. дѣлъ, бумаги Липранди, № 49).

1680. Заговоръ.

Что за заговоръ открытъ? Что за сенаторъ, что за дамы? Timeo Danaos! Не лежитъ у насъ сердце къ этимъ заговорщикамъ первыхъ трехъ классовъ; тутъ, навѣрное, не убѣжденіе, не сочувствіе къ народу въ основѣ, а личныя выгоды, корысть, переѣзна

¹⁾ Нельзя отвергать, что есть два-три пункта на Западѣ, гдѣ можно узнавать очень много о Варшавѣ и далѣе, но это въ общихъ чертахъ предположеній; можно успѣть узнать и нѣкоторыхъ лицъ, подвизающихся, какъ они говорятъ, на *общечеловѣчнѣи пути*. Но такія свѣдѣнія, при всей своей необходимости быть извѣстными, не требуютъ той внезапности, какъ другія. И. Л.

лицъ, *тѣ же мундиры съ друной начинкой*. Или это опять пуфъ парижскихъ и бельгійскихъ журналовъ? Корреспондентъ «Star'a» говоритъ, что «высокопоставленные заговорщики имѣли сношенія съ русскими изгнанниками» — конечно, не съ нами. Мы — съ народомъ русскимъ, мы — съ мужиками, а не съ сенаторами.

1861. Приписка къ Н. Н. Обручеву. ¹

(15—20 августа 1861).

Огаревъ такую бездну написалъ, что я, изъ любви къ ближнему не буду писать много. Мы никогда бы не догадались, что Черныш. à la baron Vidal ¹⁾, ѣхавши дружески возлѣ, вытянулъ меня арапникомъ. Это я обязанъ «Спб. Вѣдомостямъ», — онѣ указали. Впрочемъ, Огаревъ слишкомъ серьезно это принимаетъ. Я тутъ, какъ въ пресловутомъ письмѣ Чич. ²⁾, больше всего дивлюсь ненужной запальчивости выраженій; ругаться — слишкомъ простое средство и не есть патентъ на особую эстетичность. Если вы увидите... ³⁾, кланяйтесь ему отъ меня; мнѣ очень досадно, что я его не могъ навѣстить...хлопотъ была бездна.

Читалъ повѣсть Печерскаго (Мельникова) «Гриша» ⁴⁾. Ну, скажите, что же это за мерзость — ругать раскольниковъ и дѣлать уродливо-смѣшными! Экой тактъ! А прогос, рекомендую вамъ небольшую статейку мою объ открытїи мощей Тихона.

Будьте здоровы и прощайте.

◆◆ 1. Еще живя въ Россїи, Герценъ, какъ видѣли читатели, пришелъ къ мысли о той роли его родины, которая выпадетъ ей на долю въ качествѣ мощнаго проводника демократическихъ, социальныхъ, а сѣдовательно, и культурныхъ идей, отмирающихъ въ разлагающейся, падающей Европѣ. Мысли эти повторены имъ много разъ позже и встрѣчались до настоящаго письма выраженными въ самой разнообразной формѣ. Я не говорю о какой-либо связи этихъ мыслей съ мыслями Бруно Бауэра, высказанными имъ впервые вслѣдъ за крушенїемъ надеждъ на революцію 1848 года («Die bürgerliche Revolution in Deutschland», Berlin, 1849 и «Russland

¹⁾ Пьеръ, трубадуръ XII — XIII вв.; пѣсни его были изданы въ 1857 г.

²⁾ Б. Н. Чичеринъ.

³⁾ Въ подлинникѣ фамилія выскоблена.

⁴⁾ Въ III кн. «Современника» 1861 г.

und Germanentum», Charlottenburg, 1853), не упоминаю и о томъ, что на Пражскомъ съѣздѣ въ 1848 г. такую же роль возродителя Бакунина предрекалъ не только Россіи, но всему славянству. Мысли Герцена были совершенно самостоятельны. Это «мессіанство» очень не одобрялось Чернышевскимъ, съ одной стороны, Марксомъ и его единомышленниками—съ другой.

Чернышевскій считалъ, что говорить о дряхлости Запада и о возродительной роли Россіи значить играть въ руку людей, не желавшихъ кореннымъ образомъ сверху донизу реформировать всю нашу жизнь и разсчитывавшихъ ограничиться крестьянской полу-реформой. Мысль эту онъ высказывалъ неоднократно. Въ майской книжкѣ «Современника» за 1861 г. онъ помѣстилъ статью «О причинахъ паденія Рима (подражаніе Монтескье)», написанную по поводу выхода въ свѣтъ перевода «Исторіи цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной римской имперіи» Гизо. Не называя нигдѣ Герцена, Чернышевскій полемизировалъ тамъ съ его взглядомъ объ изжитіи Запада. Языкъ статьи мѣстами очень рѣзокъ. Напримѣръ, показавъ нелогичность оспариваемаго взгляда съ точки зрѣнія исторіи, Чернышевскій говоритъ: «Что за охота выказывать себя глупцомъ или лгуномъ». Что касается общиннаго землевладѣнія, какъ средства для перестройки соціальной жизни, которое только и имѣется, однако, въ Россіи, то Н. Г. по этому поводу отвѣчалъ: «Если сохранился у насъ отъ патріархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ, нѣсколько соответствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то, вѣдь, Западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ... Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ, и умъ гораздо болѣе развитой, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники; а для насъ самихъ этотъ обычай пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, какой тогда понадобится для насъ, и дающимъ удобное, просторное основаніе для этого новаго порядка». При этомъ Чернышевскій замѣчалъ еще, что, «кромѣ общиннаго землевладѣнія, невозможно было самымъ усерднымъ мечтателямъ открыть въ нашемъ общественномъ и частномъ бытѣ ни одного учрежденія или хотя бы зародыша учрежденія для предсказываемаго ими обновленія ветхой Европы нашею свѣжею помощью». Тамъ же онъ обращалъ вниманіе

Герцена и его единомышленниковъ на ихъ, по его мнѣнію, коренную ошибку при констатированіи мнимаго историческаго вырожденія Европы, на то, что творящія истинное перерожденіе массы еще и не жили въ Европѣ историческою жизнью, а на нихъ-то и надо возлагать надежды, а не на Россію.

Статья эта, благодаря своему заглавію, не обратила бы на себя вниманія въ Лондонѣ, если бы не пространный и довольно глупый фельетонъ о ней пресловутаго тогда Н. Воскобойникова въ «Спб. Вѣдомостяхъ», въ которомъ авторъ взялъ подъ свою защиту «лучшихъ людей русскаго общества», оскорбленныхъ Чернышевскимъ.

Вскорѣ послѣ этого Огаревъ писалъ Обручеву слѣдующее пространное выраженіе:

«Ну, милый... ¹⁾), долго я думалъ и ждалъ, не поѣдетъ ли кто къ вамъ, но не дождался и рѣшился писать просто. Съ чего начать? Да ужъ начну съ того, что страхну злобу съ сердца. Истинно жаль мнѣ, что васъ нѣтъ въ Питерѣ, потому что наши шалятъ. Вы спрашивали: что такое? что больно было слышать? Да то, что Черн. поручилъ тому господину, который въ Лондонѣ не попалъ, сказать намъ, чтобъ мы не завлекали юношество въ литературный союзъ, что изъ этого ничего не выйдетъ ²⁾)... А между тѣмъ, онъ человекъ съ вліяніемъ на юношество; на что жъ это похоже? Ступайте въ Питеръ, возьмите его за воротъ, порастрясите и скажите: стыдно. Вскорѣ послѣ этого, по случаю какой-то исторіи Рима, встрѣчаемъ мы въ «Современникѣ» (уже прежде смекнувши изъ довольно плохой критики въ «Петерб. Вѣдом.») статью прямо противъ насъ, т.-е. что напрасно, молъ, говорить, что въ Россіи есть возродительное общинное начало, котораго въ Европѣ нѣтъ. что общинное начало — вздоръ, что Европа не умираетъ, потому что одному человѣку 60 лѣтъ, но зато другому 20 (какъ будто, историческая смерть есть вымираніе людей, а не разложеніе общественныхъ химическихъ соединеній извѣстнаго порядка), и что тѣ, кто это говорить, дураки и лжецы, съ намекомъ, что рѣчь идетъ о насъ, и забывая, что до сихъ поръ сами держались этимъ знаменемъ. Зачѣмъ это битье по своимъ да еще съ преднамѣренной ложью? Плохо дѣло!.. Горе, когда личное самолюбіе поднимаетъ голову, завидуя или въ отместку за неуваженіе къ воровству какого-нибудь патрона ³⁾! Какая тутъ общественная дѣятельность, какое общее дѣло! Тутъ идетъ продажа, продажа правды и до-

¹⁾ Въ подлинникѣ имя выскоблено совсѣмъ, но точно устанавливается по бумагамъ архива семьи Герцена.

²⁾ Т.-е. изъ совѣта заводить нелегальныя типографіи.

³⁾ Т.-е. за Некрасова.

блести изъ-за личныхъ страстишекъ и видовъ; продажа *дѣла* изъ-за искусственнаго скептицизма, который даже не скептицизмъ, а просто сомнѣніе въ приложеніи *себя* къ дѣлу, безъ всякаго пониманія принципиальнаго скептицизма. Вдобавокъ въ этой статьѣ сказано, что растеніе не умираетъ оттого, что питательные соки перестаютъ въ него изъ земли съ любовью всасываться. Хорошъ скептицизмъ! Нѣтъ! Поѣзжайте въ Питеръ и скажите, что это стыдно, что такъ продавать Христа, т.-е. правду и дѣло, непозволительно. Это то, что христіане называли преступленіемъ противъ духа! Ну, будетъ объ этомъ, только помните, что я считаю эти выходки не личной обидой, а *помѣхой дѣлу*, поэтому и убѣжденъ, что вы обязаны щелкнуть дружески, но военнымъ кулакомъ по такой дребедени».

Письмо Огарева найдено мною въ сенатскомъ архивѣ, въ дѣлѣ о Чернышевскомъ и опубликовано въ «Быломъ» 1906 г. и въ книгѣ «Политическіе процессы Михайлова, Писарева и Чернышевскаго», 1907.

Надо обратить серьезное вниманіе на указанія Огарева и Герцена, что статья Чернышевскаго была «битьемъ по *своимъ*», «ѣхавши *дружески* возлѣ». Это даетъ еще одно основаніе отрицать идентичность Даниила въ «Лишнихъ людяхъ и желчевикахъ» съ Чернышевскимъ.

Второй выпадъ редакціи «Современника» по адресу Лондона не увидѣлъ тогда свѣта и, повидимому, не былъ извѣстенъ и самому Герцену. Я говорю о стихотвореніи Некрасова, опубликованномъ г. Евгеньевымъ въ 1913 г.

Вотъ его текстъ:

Ты, какъ поденщикъ, выходилъ
 До свѣта на работу;
 Въ глаза ты правду говорилъ
 Могучему деспоту.
 Во лжи дремать ты не давалъ,
 Клеймя и проклиная,
 И маску дерзостно срывалъ
 Съ глупца и негодяя.
 А нынѣ сталъ ты охранять
 Спокойствіе невѣжды
 И началъ самъ въ душѣ питать
 Какія-то надежды!
 На пылкость юношей ворча,
 Ты глохнешь годъ отъ года
 И къ свисту буйнаго бича

И къ ропоту народа.
 Щадишь ты важнаго глупца,
 Безвреднаго ласкаешь
 И на идущихъ до конца
 Удары направляешь.
 Въ средѣ всеобщей пустоты,
 Всеобщаго паденья
 Какого смысла ищешь ты,
 Какѣго примиренья?
 Кому назначено орломъ
 Парить надъ русскимъ міромъ,
 Быть русскихъ юношей вождемъ,
 Быть русскихъ дѣвъ кумиромъ,
 Кто носить истину въ груди,
 Кто честно любитъ брата,—
 Тому съ тернистаго пути
 Покуда нѣтъ возврата.
 Непримирымый врагъ цѣпей
 И вѣрный другъ народа!
 До дна святую чашу пей—
 На днѣ ея—свобода!..

Датировано стихотвореніе 14 іюля 1861 г. и на одномъ изъ двухъ автографовъ имѣетъ надпись: «Т—ву», которая, конечно, отнюдь не означаетъ ничего другого, какъ посвященіе его Тургеневу, но никоимъ образомъ не заглавіе.

Изъ работъ г. Ляцкаго о Чернышевскомъ извѣстно, что манифестъ объ освобожденіи крестьянъ не радовалъ Некрасова, вполне тогда раздѣливаго убѣжденія своихъ радикальныхъ соредакторовъ, Чернышевскаго и Добролюбова, видѣвшихъ въ актѣ освобожденія крушеніе всѣхъ демократическихъ надеждъ. Какъ смотрѣлъ на это Герценъ, ясно изъ приведенныхъ его сочиненій и писемъ. Конечно, разница была. Въ мартовской книгѣ «Современникъ» нарочно далъ «Пѣсни о неграхъ» (изъ Лонгфелло) въ переводѣ М. И. Михайлова и вслѣдъ за ними статью члена «Великорусса» В. А. Обручева «Невольничество въ Сѣверной Америкѣ». То и другое должно было вызвать у читателей параллель съ положеніемъ нашихъ крѣпостныхъ. Въ апрѣльской книжкѣ, выпущенной уже послѣ освобожденія, «Внутреннее обозрѣніе» принадлежитъ Г. З. Елисееву. «Въ свое время поговоримъ и мы о свободѣ крестьянъ... но только не теперъ»—вотъ все, что «Современникъ» прямо сказалъ о выдающемся актѣ нашей реформенной эпохи. Есть еще

нѣсколько намековъ, но только намековъ. Ясно, что журналъ не могъ сказать того, что хотѣлъ.

Помѣщая свою статью «О причинахъ паденія римской имперіи» въ майской книжкѣ, Чернышевскій, несомнѣнно, бесѣдовалъ по этому поводу съ Некрасовымъ, еще разъ высказавъ свой взглядъ на роль Герцена и ихъ принципальное расхожденіе.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ поэтъ, уединившись въ своемъ Гречневѣ (Ярославской губ.), и написалъ приведенное стихотвореніе.

Вопросъ о томъ, кого имѣлъ въ виду Некрасовъ, рѣшается прежде всего путемъ исключенія: среди русскихъ писателей, кромѣ Герцена, не было ни одного, къ кому оно могло бы относиться въ цѣломъ. Первые двѣ строфы только и могутъ быть отнесены къ нему; третья (стихи 1 и 2) является уже искаженіемъ фактовъ. Четвертая (2—4 стихи), намекающая на расхожденіе съ Добролюбовымъ, просто не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, какъ 1 и 2 стихи 5-ой строфы. Все остальное опять-таки можетъ быть отнесено только къ Герцену.

Поэтому, не поддерживая полностью аргументацію г. Евгеньева, я рѣшительно присоединяюсь къ его предположенію («Н. А. Некрасовъ», 1914).

1682. Письмо къ Н. П. Огареву.

29 августа (1861).
Тогоуау.

Какъ все это безконечно скучно. Отчего это люди не даютъ покоя, вязнуть, липнуть, тянутся? Seien Sie doch nicht so klebrig ¹⁾, говаривалъ Зонненб. Только человекъ пріѣхалъ,—опять скачи. Но si je me hâte lentement ²⁾ и буду ждать твоего письма, а ты пока обдѣлай слѣдующее.

1-е. Покажи Т. П. ³⁾ хоть вчерашній «Таймсъ»; тамъ она увидитъ, что и центр. бумаги въ Америкѣ пали на 74. Пусть же она пойметъ, что я могъ дать на дорогу, но суммъ мнѣ не откуда брать на voyage de plaisir да еще на два дома. Я больше посланныхъ 3000 фр. не могу дать, а потому лучше, если объ этомъ не продолжать ⁴⁾.

¹⁾ Не будьте такъ липки.

²⁾ Если я буду медленно торопиться.

³⁾ Пассекъ.

⁴⁾ Очевидно, Пассекъ уже изъ Лондона просила у Герцена добавки къ 3000 фр.

2-е. Если какая-нибудь жена консьержа прочтетъ записку къ Рот. и сходить съ письмомъ, то, расписавшись, получить деньги, и тогда что она сдѣлаетъ?

Мнѣ всего досаднѣе, что въ послѣд. письмѣ Т. П. пишетъ: «*можетъ быть*, поѣду въ Лондонъ»; это она писала за 12 часовъ до выѣзда изъ Парижа. Будто, она не знала...

3. Не лучше ли ей одной сюда прѣхать на день или на два? Отправь ее въ такомъ случаѣ,—тебѣ я не совѣтую слишкомъ много терять времени для сына ¹⁾... да и для матери.

Затѣмъ буду ждать твоихъ начальническихъ распоряженій. Мнѣ ѣхать *не хочется*. ¹

Американцевъ опять ухлопали.

Письма Мейз. я посылалъ нераспечатанными и тебѣ совѣтую тоже.

Лиза продолжаетъ быть безмѣрно живой; ходитъ мнѣ рвать цвѣты и въ большой дружбѣ съ Мейз., которая меня удивляетъ своей искренней добротой. Вчера былъ длинный разговоръ съ Natalie; еще не знаю результата. Природа здѣсь хороша. Ложусь въ 11, т.-е. въ 12 засыпаю, и въ 7 ужъ на ногахъ.

Прощай.

Отдай Пирогова портр. Тхорж. въ раму.

◆◆ 1. Когда Т. П. Пассекъ съ сыномъ Владиміромъ прѣехала въ Лондонъ, Герценъ былъ въ Торкветъ (Девонширское графство), а Огаревъ—на охотѣ подъ Лондономъ. Вскорѣ послѣдній вернулся и, повидавшись съ прѣзжими, сообщилъ объ этомъ Герцену. Пассекъ поѣхала къ нему одна.

«Саша ожидалъ меня на станціи желѣзной дороги, и мы вмѣстѣ поѣхали къ нему на дачу. Разстояніе было небольшое. У крыльца насъ встрѣтили двѣ дочери Александра: Наташа и Оленька, въ комнатахъ Н. А.—жена Ника, съ двухлѣтней дочерью Лизой. Мы поднялись на лѣстницу въ приготовленную мнѣ комнату,—тамъ во всемъ замѣтна была дружеская заботливость. Пока я умывалась и перемѣняла платье, Александръ нѣсколько разъ освѣдомился у двери, можно ли войти. Войдя, онъ обнялъ меня и сказалъ: «ну, вотъ, наконецъ, ты у меня; я радъ сердечно, благодарю, что прѣехала; будь же, какъ у себя». Мы вдругъ почувствовали, что стали другъ къ другу ближе; какая-то свѣжесть, какая-то радость охватила насъ, и, Богъ знаетъ, изъ какой-то дали прихлынула юность, все озарила, на всемъ и на всѣхъ отразилась». Пассекъ не была

¹⁾ Владиміръ Вадимовичъ Пассекъ.

посвящена въ интимную жизнь Герцена съ Огаревой. «Мы съ Н. А. ходили по аллеѣ и говорили о многомъ, но самый близкій для нея предметъ былъ обойденъ, хотя, повидимому, она и желала подѣлиться имъ со мною. Я поняла это впоследствии, но въ то время, не зная ничего, не догадывалась и смотрѣла на все такъ, какъ этого желали». Пассекъ говоритъ, что Герценъ прочелъ ей нѣсколько статей, приготовленныхъ для «Колокола», и «довольно обширную философскую статью для отправки въ Россію». О какой статьѣ идетъ рѣчь—неизвѣстно.

Сказавъ дальше, что цѣлью ея поѣздки было желаніе получить у Герцена денегъ, нужныхъ въ виду разстроенности дѣлъ по имѣнію, Пассекъ возвращается къ тому апокрифическому долгу, который считала всю жизнь за Герценомъ и о которомъ говорить въ воспоминаніяхъ не одинъ разъ. Герценъ не отказалъ въ 3000 фр., но, по ея словамъ, сказалъ при этомъ: «ты писала, что уплатишь мнѣ весной; этого ненадобно, — 100 р. прошу тебя дать изъ нихъ Вѣрѣ Артамоновнѣ, а остальные могутъ итти въ уплату нашего тебѣ долга. Вѣдь, мы еще не сочлись за уступленную тобою твою часть въ Васильевскомѣ, *ради нашей пользы, втрое ниже стоимости*. Остальное—до свиданія въ Россіи».

Не присутствуя при ихъ разговорѣ, можно, однако, съ увѣренностью сказать, что словъ, взятыхъ курсивомъ, Герценъ не сказалъ,—ихъ вложила въ его уста сама Пассекъ; для этого надо быть тонкимъ психологомъ: эта фальшь чувствуется такъ же ясно, какъ бросается въ глаза и другая. Разставаясь съ Пассекъ, Герценъ, якобы, сказалъ ей сквозь слезы: «Пойметъ ли, оцѣнитъ ли грядущее поколѣніе всю трагическую сторону нашего существованія; между тѣмъ, какъ наше страданіе—зерно, изъ котораго разовьется ихъ счастье. Поймутъ ли, отчего въ минуты восторга не забывали мы тоски? вѣра въ будущее спасаетъ насъ отъ отчаянія, а любовь влечетъ выразиться благими дѣлами. Пусть же они остановятся съ мыслью и грустью передъ тѣми камнями, подъ которыми мы уснемъ. Мы заслужили ихъ грусть!» (т. II, стр. 424—430).

Надо предположить одно изъ двухъ: или что Герценъ поѣхалъ на Торквейскій вокзалъ съ своимъ «Дневникомъ» и тамъ продекламировалъ запись подъ 11 сентября 1842 г., а хорошая память помогла Пассекъ сохранить эти слова для потомства, или... что, заканчивая главу своихъ воспоминаній о Торквѣѣ 1861 г., она ни съ того, ни съ сего списала конецъ со стр. 35 лежавшаго передъ ней III тома женевского изд. 1870 г., для приданія большей достоверности своимъ рассказамъ...

1683. Письмо къ Н. П. Огареву.

30 августа (1861). Пятница.
Torquay, 1, Engadine.

Мнѣ кажется, что всѣ мы немного спятили съ ума,—вотъ какъ подѣйствовалъ прїѣздъ Тат. Пет., съ которой, разумѣется, когда ее видишь, миришься.

Теперь разсуди, почему и какъ ты участвовалъ въ окончательномъ смѣшеніи. Я посылаю 3.000 Ротшильду. Она ихъ не дождалась. Ты пишешь: «Ротш. извѣщаетъ о полученіи 3.000»... «Я Т. П. о Ротш. деньгахъ ничего не говорилъ, а то она подниметь тревогу». Добавляя, что я ни откуда не жду 3.000,—спрашивается, какъ было иначе понять? Не зная еще письма, я Т. П. перепугалъ,—она хотѣла телеграфировать. Но all is scold ¹⁾.

Теперь скажи мнѣ, 1-е, можно ли статью назвать «Зады» вмѣсто «Repetitio est mater...»? ²⁾ 2-е. Я написалъ десять страницъ о Мар. Львовнѣ (1840—41) ³⁾. Я глубоко увѣренъ, что ты ими будешь очень и очень доволенъ.

Если ты поѣдешь въ понедѣльникъ, то, навѣрное, не будетъ тѣсно: Тат. Петр. ѣдетъ завтра.

1684. Письмо къ Н. П. Огареву.

(31 августа 1861). Суббота, 7 часовъ.
Engadine. Torquay.

Ѣхать во вторыхъ мѣстахъ прохладнѣе и полдороги человѣка два. Въ Exeter'ѣ встрѣчается Швенингеръ: въ Ньютонѣ сломалась машина, и мы ждали часъ.

Всѣ совершенно здоровы. Лиза обрадовалась мнѣ очень, все вводила за руку. Домъ прекрасный, мѣстоположеніе.

Всѣ кланяются.

Швенингеръ прїѣхалъ цѣлъ и невредимъ.

¹⁾ Все это—воркотня.

²⁾ То-есть, repetitio est mater studiorum: повтореніе—мать ученія.

³⁾ Гл. XXV «Былого и думъ».

1685. [Отъ редакціи] ¹⁾.

Къ этому безыскусному, простому разсказу, котораго каждое слово носить на себѣ печать истины, мы ничего не прибавимъ,—наше мнѣніе насчетъ петербургскаго управительства и его опричниковъ извѣстно. Искренно благодаримъ корреспондента за его письмо. Какихъ глупостей, какихъ пошлостей ни надѣлало съ тѣхъ поръ русское правительство въ Польшѣ, отъ войны съ Млавской богородицей, ночевавшей въ кордегардіи, до адреса портнымъ насчетъ покроя... Впрочемъ, пусть они покрываются позоромъ.

1686. Мранобѣсіе цензуры.

Вѣрное своему началу и желая, чтобы ничто, кромѣ тупоумія, не распространилось въ Россіи, правительство дѣлаетъ цензуру все болѣе и болѣе тупоумною и тяжелою. Недавно Щербининъ, получившій Бѣлаго орла съ высочайшей надписью на маржѣ *за цензуру*, запретилъ въ одномъ журналѣ перепечатывать статью изъ кievской газеты о прощальномъ обѣдѣ Пирогову. Сверхъ того, прилагаемъ здѣсь два предложенія главнаго управленія цензуры московскому цензурному комитету, — предложенія, доказывающія, что правительство, утративъ довѣріе крестьянъ темными Положеніями и яркой стрѣлкою по народу, старается утратить и въ другихъ случаяхъ тотъ остатокъ уваженія къ нему, который кое-кто изъ образованныхъ людей, скрѣпя сердце, старался въ себѣ натягивать. Вотъ эти предложенія ²⁾.

◆◆ 1. Однимъ изъ чиновниковъ министерства вн. дѣлъ 27 іюня 1861 г. была представлена министру слѣдующая докладная записка:

«Въ послѣднее время ввозъ въ Россію русскихъ книгъ, печатаемыхъ за границую, замѣтно увеличивается, какъ это видно, въ особенности по нерѣдкимъ случаямъ задержанія таможенными такихъ книгъ у пассажировъ, возвращающихся въ Россію. Случаи эти не имѣютъ послѣдствій, и виновные остаются безъ взысканія собственно потому, что мѣра наказанія, опредѣленная законами, которые могли бы быть къ нимъ примѣняемы, слишкомъ строга. На основаніи ст. 279, 285 и 286 т. XV зак. уголов., изобличенные и участвующіе въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій, имѣющихъ цѣлю: возбудить неуваженіе къ верховной власти или

¹⁾ Въ корреспонденціи изъ Сувалокъ разсказывается о рядѣ беззаконій и жестокостей, совершенныхъ властью во время праздника въ честь св. Антонія 13 іюня н. ст.

²⁾ Приводятся предложенія отъ 21 и 28 апрѣля. ¹

же къ личнымъ качествамъ государя, или къ управленію его государствомъ; заключающихъ въ себѣ воззваніе къ бунту и неповиновенію верховной власти, или въ которыхъ, хотя и безъ прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верх. власти, усиливаются оспаривать и подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея, или же дерзостно порицать установленный госуд. законами образъ правленія или порядокъ наслѣдія престола, — подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу; на основаніи же 1371 ст. зак. угол., наказаніе это опредѣляется и въ такомъ случаѣ, если будетъ открыто намѣреніе скрыть отъ правительства такого рода книги. Законы эти должны бы быть примѣнены ко всѣмъ лицамъ, которыя привозятъ изъ-за границы сочиненія Герцена и Долгорукова, большая часть коихъ болѣе или менѣе относится къ разряду вышеприведенныхъ сочиненій. Лица эти не могутъ не знать преступнаго ихъ содержанія и ясно обнаруживаютъ намѣреніе скрыть оныя, ибо, имѣя въ виду законъ (ст. 1236 т. VI тамож. уст.), обязывающій таможни удерживать у пассажировъ и отправлять въ цензурные комитеты всѣ книги и печатные листы, не исключая и русскихъ, они не предполагали, конечно, предъявить эти книги таможнѣ для цензурнаго разсмотрѣнія.

«Но какъ ввозъ такихъ книгъ въ небольшомъ количествѣ нельзя отнести прямо къ желанію распространить оныя съ преступною цѣлью и, слѣд., наказаніе по вышеприведеннымъ статьямъ законовъ угол. уложенія тѣхъ лицъ, у которыхъ оказывались подобныя книги при таможенномъ осмотрѣ, превышало бы мѣру вины ихъ; между тѣмъ, оставленіе ихъ безъ наказанія служить соблазномъ для другихъ и способствуетъ распространенію означенныхъ книгъ, ибо онѣ, при всей бдительности и строгости таможеннаго вѣдомства, не могутъ быть всегда открываемы, а потому, чтобы остановить, хотя въ нѣкоторой степени, то вредное вліяніе, какое имѣютъ въ Россіи привозимыя изъ-за границы русскія сочиненія преступнаго содержанія, необходимо подвергать взысканію всѣхъ тѣхъ, у которыхъ при въздѣ ихъ въ Россію оныя окажутся, примѣнивъ къ этимъ лицамъ мѣру взысканія, опредѣленную вышеприведенными 279, 285 и 286 ст.ст. для лицъ, *имѣвшихъ у себя* поименованныя въ сихъ статьяхъ сочиненія. Въ статьяхъ этихъ сказано: «Имѣвшія у себя такія сочиненія и неизобличенныя въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, если ими не будетъ доказано, что они имѣютъ у себя сіи сочиненія по особому распоряженію или дозволенію высшаго начальства, — подвергаются за сіе аресту на время отъ 7 дней до 3 мѣсяцевъ и потомъ могутъ быть отдаваемы подъ надзоръ полиціи на время отъ одного года до трехъ

лѣтъ, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ.

«Такая мѣра наказанія должна быть опредѣляема на законномъ основаніи по приговорамъ уголовного суда, которому подвергать всѣхъ безъ исключенія, какого бы званія, чина и пола ни былъ виновный; военные чины должны подлежать въ этомъ случаѣ также суду уголовному. Судъ надъ подобными лицами слѣдуетъ учреждать въ судебныхъ мѣстахъ того города, куда отправляется возвращающійся изъ-за границы, и для этого таможня, открывшая у кого-либо означенныя сочиненія, обязана сообщить о томъ немедленно подлежащему начальству губерніи, препроводивъ къ нему при этомъ реестръ симъ сочиненіямъ и составленный въ таможнѣ за общимъ подписаніемъ чиновъ ея, того лица, у котораго открыты книги, и свидѣтелей, актъ объ оказавшихся книгахъ. Актъ этотъ долженъ быть составленъ по возможности полнѣе и устранять всякій со стороны обвиняемаго предлогъ къ отрицанію справедливости изложеннаго въ немъ. Начальникъ губерніи, получивъ сей актъ и реестръ, относится въ Главное управление цензуры съ вопросомъ о томъ, принадлежать ли тѣ книги къ числу недозволенныхъ въ Россіи, и если тѣ, по отзыву Главнаго управленія цензуры, окажутся таковыми, то дѣлаетъ тотчасъ распоряженіе о преданіи виновнаго суду, по предварительномъ сношеніи о томъ съ начальствомъ того вѣдомства, къ которому онъ принадлежитъ.

«Начертаніе правилъ производства суда по подобнымъ дѣламъ и приведеніе оныхъ въ исполненіе, по надлежащемъ ихъ утвержденіи, слѣдуетъ предоставить министерству юстиціи».

Записка эта была послана для заключенія шефу жандармовъ и министру народнаго просвѣщенія. Гр. Путятинъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ 19 августа, что полагалъ бы обсудить правильную въ общемъ «записку» до возвращенія государя въ Спб., «чтобы, не теряя времени, положить какую-либо преграду распространяющемуся злу» (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 61).

7 сентября Путятинъ вернулъ «записку» съ своимъ о ней мнѣніемъ. Интересно начало послѣдняго: «Зло, проистекающее отъ умножающагося распространенія въ Россіи книгъ и журнальныхъ листовъ, печатаемыхъ за границею на русскомъ языкѣ безъ цензурнаго просмотра, усиливается ежедневно и требуетъ безотлагательнаго принятія средствъ къ прекращенію ввоза этихъ книгъ или, если въ этомъ успѣть нельзя, по крайней мѣрѣ, къ стѣсненію и ограниченію онаго». Онъ предлагалъ увеличить существовавшій тогда денежный штрафъ за провозъ съ 7 р. 50 к. до 25 руб. сер. за каждый листъ и съ 15 до 100 р. сер. за каждую книгу; при вто-

ричномъ провозѣ однимъ лицомъ штрафъ удваивается. Штрафъ обращается въ пользу таможенныхъ чиновниковъ, «ибо въ такомъ только случаѣ можно ожидать отъ нихъ болѣе строгаго и тщательнаго осмотра пассажировъ, сдѣлавшагося теперь рѣшительно необходимымъ».

29 ноября 1861 шефъ жандармовъ сообщилъ министру вн. дѣлъ волю государя принять дѣйствительныя мѣры по соглашенію III Отдѣленія съ министрами финансовъ, вн. дѣлъ и просвѣщенія. Поэтому имъ всѣмъ была препровождена III Отдѣленіемъ особая записка съ просьбой дать по ней свое заключеніе. Ничего заслуживающаго особаго вниманія въ ней не было, кромѣ усиленія надзора за типографіями, литографіями и книжной торговлей. Часть этихъ мѣръ была выс. утверждена 20 апрѣля 1862 г.

1687. Путятинъ молчитъ.

«Nord», сильно преданный всему морскому ¹⁾, сильно преданъ и нашему архіепископу-адмиралу русскаго просвѣщенія; но напрасно ждалъ онъ его архипастырскаго циркуляра и пророчилъ, что онъ своимъ жезломъ сброситъ, если не въ Волховъ, то въ Неву Перуна, омрачителя нашихъ дней—цензуру.

Не сбылись, мой «Nord», пророчества
Пылкой юности твоей! ²⁾

Путятинъ со смиреніемъ, достойнымъ иныхъ вѣковъ, принялъ молча даже всѣ нелѣпости, все противочеловѣческое строгановской ревности о невѣжествѣ.

Кстати, по части «прогресса затменія» вотъ что намъ пишутъ ³⁾.

1688. Позднее, но существенное дополненіе.

Въ 93 № «Колокола», подъ заглавіемъ «Салическій законъ въ московскомъ университетѣ», помѣщена реляція блистательнаго похода храбраго университетскаго начальства противъ дѣвушки, появившейся въ аудиторіяхъ. Но при этомъ упущена самая интересная подробность: попечитель

¹⁾ Намекъ на близость газеты къ вел. кн. Константину Николаевичу.

²⁾ Подражаніе первымъ двумъ стихамъ стихотворенія Рылѣва «Стансы»:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей.

³⁾ Дальше корреспонденція объ университетскихъ «благоустроеніяхъ».

Исаковъ исключилъ родственника слушательницы, студента юридическаго факультета г. Славутинскаго за то, что онъ вмѣстѣ съ ней приходилъ въ университетъ. Причина показалась не довольно ясною отцу преступника, онъ требовалъ объясненій,—попечитель отвѣчалъ дерзостями. Неужели это правда?

1689. Правда ли?

Правда ли, что игуменя Алексѣевскаго монастыря въ Москвѣ превращаетъ его въ Алексѣевскій равелинъ: гнусно обращается съ послушниками, бьетъ ихъ, запираетъ въ какіе-то темные чуланы?

Если правда, мы будемъ жаловаться Путятину.

1690. (Берлинское изданіе стихотвореній А. Пушкина, Р. Вагнера).

Въ Берлинѣ, у Р. Вагнера (Unter den Linden, 57) вышло изданіе стихотвореній Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій. Это изданіе въ двухъ форматахъ: одинъ въ величину петербургскаго изданія 1859 года, другой маленькій, очень удобный. Снабженное примѣчаніями, это изданіе обрадуетъ не только нашихъ библіофиловъ, но всю читающую публику. Мы очень жалѣемъ, что г. Вагнеръ не вошелъ съ нами въ сношеніе до изданія: мы могли бы присоединить къ нему и нашъ сборникъ, который выйдетъ въ сентябрѣ подъ заглавіемъ «Русская потаенная литература XIX столѣтія. Отдѣлъ первый - Стихотворенія». Въ нашъ сборникъ вошли стихотворенія разныхъ авторовъ. Почти всѣ стихотворенія Пушкина, находящіяся въ немъ, находятся и въ изданіи г. Вагнера, едва ли даже послѣднее не богаче нашего; нашъ сборникъ обширнѣе только стихотвореніями другихъ писателей. Мы вовсе не враждебно смогримъ на конкуренцію берлинской типографіи и отъ души привѣтствуемъ ея прекрасный трудъ. Мы надѣемся, что онъ будетъ съ участіемъ встрѣченъ русской публикой.

1691. Письмо къ Н. П. Огареву

1 сентября (1861 г.).

1, Engadine, Torquay.

Вѣроятно, это письмо еще застанетъ тебя, а потому bon voyage. Само собою разумеется, что только и можно ѣхать по желѣзной дорогѣ; а propos, чгб бы тебѣ принять долю малую злой препарации арсеникальной, о которой говорилъ Фогтъ?

Горе тебѣ, маловѣрный. Какъ же ты издали могъ думать, что я казнилъ Мар. Льв.? Развѣ ты не видалъ, что «Былое и думы»—

вообще, реабилитация, коли ничѣмъ другимъ, такъ артистическимъ силуэтомъ? Эти страницы свѣтлы и печальны; ты ихъ прочтешь въ корректурѣ.

Статьи Сер.-Сол. ¹⁾ я никакъ бы не напечаталъ. Напиши Чернецк., чтобъ онъ ее прислалъ. Смотри, у меня есть инстинктъ, и до сихъ поръ всякій разъ я, уступая, дѣлалъ бѣду.

Письмо твое долею пахнуло на меня печалью. Не вѣрю я въ личныя счастья,—пользуйся настоящимъ и въ даль не заглядывай. Я съ тобой рѣдко говорю объ этихъ отношеніяхъ, но думаю очень часто.

У насъ не ясно на небѣ

Хотя и есть велленгенты, но безмѣрный эгоизмъ и долею капризное неповиновеніе все портитъ. Я иногда смотрю на Лизу и задыхаюсь отъ горя. Даже досадно, что она такъ мила. Опять были ужъ сборы въ Россію ²⁾.

Поживи здѣсь. Природа превосходная и окрестности тожъ. Статьи въ «Колоколъ» посланы («Зады») ³⁾.

А что Норга?

Прилагаемое письмо я отдалъ Тат. Петр. Она его забыла. Нельзя ли ей отослать?

Пусть Tassinari пришлетъ гуловой расходъ; не плати ему ничего. Сочтемся послѣ. Передержекъ не было.

Что Тхужескій ⁴⁾ (пора его писать правильно)?

О Вильнѣ попробую завтра ⁵⁾.

Воскресенье, 6 часовъ, вечеръ.

◆◆ 1. Вотъ краткое содержаніе статьи. Выразивъ горячее сочувствіе «Великоруссу», сознавшему неизбежность борьбы и желавшему подвинуть на нее общество, авторъ находитъ, что надо обращаться не къ послѣднему, а къ самому народу. Общество никогда не пойдетъ противъ правительства и никогда не дастъ народу добровольно, что тому нужно. Все лучшее изъ общества должно сплотиться въ одинъ союзъ, а для этого нужно составленіе тайныхъ центровъ, обществъ, братствъ. Для страны, находящейся подъ вѣковымъ рабствомъ, нѣтъ другого средства сбросить иго. Дальше шли практическія указанія.

¹⁾ Николай Александровичъ Серно-Соловьевичъ; статья его—«Отвѣтъ „Великоруссу“» напечатана въ № 107 «Колокола» съ примѣчаніемъ редакціи. ¹

²⁾ Т.-е. Н. А. Огарева снова собиралась всѣхъ бросить и увѣхать съ Лизой къ Сатинымъ.

³⁾ № 1693.

⁴⁾ Тхоржевскій.

⁵⁾ Т.-е. написать статью № 1696

Нѣкоторые (напр., г. Аничковъ въ VIII т. «Полн. собр. соч. Добролюбова» подъ его редакціей) приписываютъ «Отвѣтъ» Михайлову, что ни на чемъ не основано.

1692. Надпись для Н. А. Герценъ.

7 сентября.

Natalie въ память именинъ въ Торквеѣ.
1, Engadine, 1861.

1693. Repetitio est mater studiorum ¹⁾.

Въ послѣднее время съ особеннымъ озлобленіемъ нападаютъ на нѣкоторыя мнѣнія, защищаемыя нами. Можетъ, мы и ошибаемся въ многомъ, но хотѣли бы отвѣчать только за *свое*, а не за намѣренно искаженныя мысли наши враждебной или желчевой критикой. Это заставило насъ помѣстить предлагаемый *отрывокъ* (изъ статьи, назначенной въ «Полярную Звѣзду») въ «Колоколъ», несмотря на то, что мы избѣгаемъ въ немъ всѣми средствами общіе взгляды, *profession de foi* ²⁾ и пр. Мы печатаемъ его не какъ *отвѣтъ*, а какъ *предълъ*, или между, для опредѣленія границъ, за которыми мы не отвѣчаемъ за нелѣпости, которыя ставятъ на нашъ счетъ.

Torquay (Devonshire), 30 августа 1861. ¹

...Прежде всего слѣдуетъ вспомнить опредѣлительно, что я говорилъ.

Я говорилъ и теперь утверждаю, что современный государственный бытъ дошелъ въ Европѣ до того предѣла измѣняемости, далѣе котораго онъ не можетъ развиваться сообразно новымъ потребностямъ людскимъ, *не измѣняя* своихъ основаній, т.-е. не переставая быть самимъ собою. Сознаніе этого явилось въ немъ самомъ Соціальныя ученія, какъ бы они ни были сформулированы, далеко перехватываютъ за возможность улучшеній существующаго

¹⁾ Повтореніе—мать ученія.

²⁾ Исповѣданіе политическихъ убѣжденій.

порядка. Они стремятся водворить иное отношеніе людей къ собственности, къ обществу и между собой. При измѣненіи этихъ основныхъ отношеній, прежніе институты, формы могутъ остаться, но они *иначе* взойдутъ въ общественную формулу, т.-е. иную функціей, и тогда между новымъ бшествомъ и старымъ государствомъ останется столько же общаго, какъ между Римомъ императоровъ и Римомъ па ъ. Какъ внутренній историческій химизмъ разлагаетъ одно тѣло. одинъ организмъ и соединяетъ его составныя части въ иныя ткани другого организма, намъ еще недавно показаль по трупy страшной силы анатомъ на величайшемъ кладбищѣ міра. Читая книгу Грегоровіуса ¹⁾, можно наглядно прослѣдить, какъ съ каждымъ поколѣніемъ античный Римъ слабѣетъ, вывѣтривается, а христіанскій крѣпнетъ и растетъ. Подъ конецъ не было и борьбы, а неотразимо совершающееся превращеніе. Случайный элементъ, прорвавшійся изъ германскихъ лѣсовъ, доломаль силой старую весъ; было ли это счастье или несчастье, я не знаю и никогда не говорилъ объ этомъ... Пути исторіи, пути природы оттого намъ и кажутся такъ неисповѣдимы, что они прокладываются безъ плана, ломаютъ безъ жалости и пользуются всѣмъ по дорогѣ, какъ настоящіе мародеры.

Что было бы съ Римомъ безъ нашествія варваровъ и какъ бы онъ сиривился съ новыми идеями или какъ бы ихъ побѣдилъ своей философіей, сказать тоже нелегко. Мы имѣемъ одинъ рѣзкій примѣръ античнаго порядка и христіанскаго вліянія—въ Византіи. Она не жила, а тянулась до своего паденія, она была очень *стара*, несмотря на то, что дѣти родились не сѣдя и не плѣшивыя. Турки дали ей честную кончину.

Жизнь западнаго міра гораздо сложнѣе римской; у ней нѣтъ одной головы, которую искаль Калигула, а потому и судьбы его не такъ просты. Сильно поврежденный бурями, онъ, какъ корабль, накренился на одну сторону, отлилъ часть себя за океанъ, оправился и поплыль на всѣхъ парусахъ; но, вмѣсто гавани, которая постоянно виднѣлась и которая врядъ существуетъ ли, онъ доплыль до новаго водоворота,—обогнуть его, уплыть отъ него трудно. Какъ разрѣшить онъ вопросъ, стоящій передъ нимъ и требующій неотложнаго отвѣга, и разрѣшить ли его?—сказать положительно *да* или *нѣтъ*, *такъ* или *эдакъ*, можетъ поврежденный или пророкъ. Но дѣлать предположенія мы имѣемъ полное право, не будучи ни безумными, ни пророками.

¹⁾ Фердинандъ, нѣмецкій историкъ; «Исторія города Рима въ средніе вѣка».

Предположенія могутъ быть разны уже потому, что трудно себѣ представить одно рѣшеніе и одинакій результатъ. Неужели общественное пересозданіе пойдетъ одинакимъ образомъ въ странѣ тихаго, настойчиваго, поступательнаго развитія,—въ странѣ, гдѣ мигингъ покоенъ, свобода книгопечатанія не вводитъ въ грѣхъ, и Бокль такъ флегматически спокойно проповѣдуетъ прогрессъ исподволь,—и въ странѣ вулканическихъ взрывовъ, рабства и своеволя, гдѣ Прудонъ мечется и прыгаетъ на своей цѣпи, какъ пойманный вепрь? Гдѣ начнется разгромъ: въ потухнувшемъ ли французскомъ кратерѣ или на морскомъ днѣ англійской жизни, куда вѣтеръ не доходитъ, гдѣ бури не слышны, куда самый свѣтъ едва проникаетъ?

Да и вообще въ Англии ли и во Франціи начнется онъ? То, что онѣ царятъ въ настоящемъ, что онѣ мощны—не резонъ. Въ подномѣ, могучемъ разгарѣ вѣковаго развитія, въ богатомъ урожаѣ его, трудно пробиться, прорасти чему-нибудь новому, особенно отрицающему существующее. Все занято, все ринуту, увлечено, все дѣйствуетъ въ очерченномъ кругу, все бережетъ свое состояніе и не хочетъ рисковать имъ въ пользу неизвѣстнаго.

Что же нелѣпаго въ предположеніи, что новыя общественныя формы, новыя экономическія основы прозябнутъ и разовьются въ другихъ странахъ, мало имущихъ, съ бродячими и неустроенными силами, съ несложившимися складками,—пока пышный цвѣтъ прежней жизни будетъ доцвѣтатъ до утраты послѣдняго благоуханія, послѣдняго яркаго лепестка? Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, это—общій путь жизни съ ея вѣчнымъ рожденіемъ молодого безъ ущерба старому. Чѣмъ дольше общество жило исторической, государственной жизнью, чѣмъ богаче былымъ, тѣмъ прочнѣе, тѣмъ больше сложились формы, въ которыхъ движется его жизнь, тѣмъ оно глаже, удобнѣе, тѣмъ больше крѣпость ихъ покоится на внутреннемъ признаніи, на самой народной совѣсти, выработавшей ихъ; онѣ, дѣйствительно, многому соотвѣтствуютъ и съ тѣмъ вмѣстѣ многому препятствуютъ. Новому порядку вещей приходится вступать въ борьбу со всей совокупностью этихъ признанныхъ и дѣйствующихъ институтовъ. Борьба почти никогда въ исторіи не оканчивается безусловной побѣдой той или другой стороны,—хоть камни и колонны какого-нибудь Юпитерова храма взойдутъ въ постройку новой церкви. Развитие вообще идетъ разными сочетаніями двухъ взаимно дѣйствующихъ силъ *традиціи и идеала*. Чѣмъ сильнѣе, чѣмъ крѣпче, чѣмъ богаче преданіе, тѣмъ упорнѣе оно себя отстаиваетъ, тѣмъ больше проникаетъ въ идеалъ, стягивая его въ свою сторону. То, что стоитъ за

себя, то имѣть *неоспоримое право жить*, какъ вамъ это ни досадно ¹⁾).

Нѣкогда передъ подобными твердынями разбивалась мысль, и разбивался человѣкъ. Кругъ былъ очерченъ—для Катона Утическаго городскимъ валомъ, для Дантона французской границей. Теперь человѣкъ удободвижимѣ, онъ можетъ легко «нести на своихъ подошвахъ отечество» и во многихъ странахъ понялъ это. Не естественно ли ему оглядѣться направо и налево, посмотрѣть, нѣтъ ли менѣ заваленной почвы, менѣ защищаемыхъ бойницъ. Развѣ многое, чего нельзя было достигнуть въ Англии, не достигнуто въ Канадѣ, въ Австраліи?

Къ тому же, чего нельзя было взять съ собою «на подошвахъ», то—не лучшее; важнѣйшее достояніе западной жизни—*движимое*, отрѣшенное отъ земли, отъ города, отъ церкви, отъ суда, отъ государства, отъ всего *недвижимаго* майората среднихъ вѣковъ и вѣковъ религіозной и политической борьбы, благопріобрѣтенное и принадлежащее всѣмъ имущество, это—*наука*.

Развилась она въ этомъ мѣрѣ, въ немъ рѣзались ея зубы, въ немъ чахла она отъ золотухи и выздоровѣла, въ немъ поуменьла и потому сдѣлалась чужая въ семьѣ. Она больше, чѣмъ Христось, можетъ сказать своей матери: «Женщина, что тебѣ до меня? Я проповѣдую разумъ, ты—ворожбу; я ищу,—ты вѣришь». Что общаго у академіи и церкви, что общаго у астронома, вычисляющаго будущія явленія, и попа, молящагося о дождѣ?

Если западному человѣку, у котораго голова устроена логически и есть достаточно храбрости, чтобъ оторваться отъ привычки, представляется вопросъ о иныхъ невоздѣланныхъ почвахъ, и онъ вглядывается въ Австралію, Америку, во всякую дичь, ничего не дающую положительнаго, кромѣ физическихъ условій и отсутствія традиціи, то, безъ сомнѣнія, русскому, связанному съ Западомъ одной наукой и больше ничѣмъ, еще легче освободиться отъ чужой традиціи и совершенно естественно взглянуть на то, что дѣлается около него, на своей собственной почвѣ.

О странномъ и независимомъ положеніи русскаго относительно Европы, этого *своего и чужого*, мы говорили много разъ. Мысль

¹⁾ Въ настоящемъ сопротивленіи консерватизма насъ бѣситъ. Благодушный покой и умѣренность въ борьбѣ невозможны. Оскорбительное сознаніе своего безсилія идетъ рядомъ съ досадой на несостоятельность разума, на простодушное непониманіе массъ и на корыстный эгоизмъ понимающихъ. Въ отчего иной разъ вырывается горькое слово проклятія міру тупого самодовольства и призывъ на его узкій черепъ грома и молніи. Это дѣло страсти; со стороны его можно не оправдывать, но нельзя не понимать. А. И. Г.

Запада легко усваивается нами,—у насъ нѣтъ азіатскаго отвращенія отъ науки. Историческій бытъ его для насъ не обязательнъ, для насъ все это—одинъ костюмъ; сверхъ того, на Западѣ мы были знакомы съ однимъ образованнымъ слоемъ. Отдѣленные отъ своего народа, мы и съ нимъ потеряли связь. Его *не-западный бытъ* былъ непонятенъ намъ, да и не интересовалъ насъ. Между тѣмъ, Западъ коснулся вопросовъ, несовмѣстныхъ съ его государственными формами, и на первый случай срѣзлся. И мы вспомнили тутъ особенно ярко, что подъ внѣшними западными формами русскаго государства сохранился какой-то *иной* народный бытъ, основанный на *иномъ понятіи* объ отношеніи человѣка *къ землѣ* и *къ ближнему*.

Труды славянофиловъ приготовили матеріалъ для пониманія,—имъ принадлежитъ честь и слава почина.

Они первые поняли, что въ подавленныхъ и дремлющихъ силахъ народа русскаго, въ разѣединеніи народа съ государствомъ, въ тѣсныхъ формахъ, сдѣланныхъ не по мѣркѣ, въ которыя попалась русская жизнь, больше, чѣмъ *tabula rasa*—*забитокъ* самобытнаго будущаго развитія.

Что же тутъ удивительнаго, что, видя народъ общинный, артельный, съ *своимъ* понятіемъ о правѣ на землю и о круговой порукѣ, живущій въ какомъ-то чужестранномъ государственномъ неустройствѣ, которое ничему не удовлетворяетъ, ни, наконецъ, даже защитѣ границъ, нашлись люди, которые предположили, что этотъ народъ ближе къ осуществленію экономическаго, т. е. социальнаго, переворота, чѣмъ римско-феодалная, мѣщански-индустриальная Европа? Сказалъ же Христосъ, что богатому Никодиму труднѣе совлечь съ себя стараго Адама, чѣмъ нищему. То, что на Западѣ можетъ только совершиться рядомъ катастрофъ, потрясеній, то можетъ развиться въ Россіи на основаніи существующаго. Одинъ фактъ *общиннаго владѣнія землей*..

«Дошли-таки, наконецъ, до вашего больного мѣста, ха! ха! ха!..» Я такъ и слышу это возраженіе.

Что дѣлать,—дошелъ и, какъ Эзопъ, расскажу вамъ притчу по этому поводу. Въ концѣ 1848 года Пьеръ Леру особенно усердно старался передать французамъ свою Тріаду и свой Circulus; когда онъ произносилъ одно изъ этихъ словъ, а онъ непременно произносилъ ихъ нѣсколько разъ въ каждой рѣчи, въ народномъ собраніи поднимался гвалтъ смѣха; въ журналахъ его дразнили ежедневно, какъ мономана; «Шаривари» пускалъ карикатуру за карикатурой насчетъ знаменитаго Circulus'а и пресловутой Triad'ы. Около этого времени, я случайно шелъ мимо «клуба революціи», осиротѣвшаго послѣ взятія Барбеса, Бланки и пр. Я взошелъ въ

залу. Вслѣдъ за какимъ-то дюжиннымъ болтуномъ явился на трибунѣ, въ широкомъ, нечистомъ пальто, съ нечесаннымъ шапашомъ волосъ Пьеръ Леру. Его доброелицо, вообще, не безъ лукавства; онъ, переступая съ ноги на ногу и насмѣшливо поглядывая, началъ такъ: «Граждане! я очень хорошо знаю, какъ надо мной издѣваются за повтореніе одного великаго закона; но что же мнѣ дѣлать? Вотъ, напримѣръ, нынче мнѣ необходимо вамъ сказать о *Триадѣ*...» Публика разразилась хохотомъ. Пьеръ Леру переждалъ,—ну, молъ, теперь слово сказано,—уймутся и будутъ слушать. Такъ и было.

И я бы, какъ Пьеръ Леру, приостановился и переждалъ хохоть, но у моихъ ученыхъ обвинителей и желчевыхъ критиковъ *смѣху нѣтъ*.

Тѣмъ не меньше я смѣло повторяю, что одинъ фактъ общиннаго владѣнія землею и передѣлежа полей самъ по себѣ оправдываетъ предположеніе, что наша невоздѣланная почва, нашъ черноземъ *способнѣе* для посѣва зерна собраннаго съ западныхъ полей,—способнѣе по стихіямъ, изъ которыхъ она состоитъ, способнѣе потому, что на ней меньше мусора и всякаго рода развалинъ, чѣмъ на западныхъ поляхъ.

«Стало быть, Россія, все-таки, отъ Запада возьметъ это оплодотворяющее зерно?» ¹⁾

Стало быть.

«Ну, гдѣ же тутъ новый элементъ, который она вноситъ въ жизнь устарѣлаго Запада, долженствующій пересоздать его?»

На это пусть отвѣчаютъ тѣ, которые это говорятъ. Я этого никогда не говорилъ ²⁾.

◆ 1. Статья эта была замаскированнымъ отвѣтомъ Чернышевскому на его выпадъ въ V кн. «Современника» (см. № 1681).

¹⁾ «Одна могучая мысль Запада, къ которой прищипываетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ нашемъ патриархальномъ быту. Артель и сельская община, раздѣлъ прибитка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе сель въ волости, управляющія сами собой, все это—краеугольные камни, на которыхъ созиждется храмъ нашего будущаго свободно-общиннаго быта. Но эти краеугольные камни, все же камни... и безъ *западной мысли* нашъ будущій соборъ остался бы при одномъ фундаментѣ» («Пол. рная Звѣзда» на 1856 г., стр. 168 и 169). А. И. Г.

²⁾ Во французскихъ статьяхъ я много разъ употреблялъ слово, еще болѣе выражающее мою мысль,—*aptitude* ^{o)}. *Aptitude* не значитъ, что что-нибудь сдѣлано, что кладъ найденъ; оно даже не обуславливаетъ развитіе, а показываетъ большую способность къ нему. А. И. Г.

^{o)} Ловкость, природная способность.

1694. Генераль Филиппсонъ — попечителемъ петербургскаго университета.

Отчего? Почему? Зачѣмъ?.. Ну, а зачѣмъ посылали беззащитныя сѣдины Марка-Гуллія-Сухозанета въ Варшаву? Зачѣмъ Герштенцевейгъ назначенъ въ Польшу, Путятинъ — въ просвѣщеніе? Много будете знать — скоро состарѣтес! Тѣмъ не менѣе, назначеніе Филиппсона ¹⁾; можетъ быть, и не безъ задней мысли. Говорятъ, что Евдокимовъ, графъ, по проекту, рѣшилъ переселять хопесскихъ казаковъ (дѣло это увѣнчалось, какъ знаютъ наши читатели, блестящимъ успѣхомъ). Назначеніе Филиппсона доказываетъ, что правительство не совсемъ оставило плачъ Строганова о выселеніи петербургскаго университета.

Но на Аптекарскомъ ли островѣ онъ будетъ или на Голодаѣ, мы совѣтуемъ студентамъ какъ можно дѣятельнѣе составлять подписки для взноса выкупа за несчастныхъ юношей, отгоняемыхъ за бѣдность евреями императорскаго просвѣщенія. Впрочемъ, нѣтъ причины, чтобъ и другіе не участвовали въ этой подпискѣ для освобожденія отъ насильственно втѣсняемаго невѣжества и протинодѣйствія оскорбительной зависимости образованія отъ денежнаго ценза. Мы готовы открыть при редакціи «Колокола» подписной листъ ²⁾.

1695. На что употребляются почтовые чиновники.

Прусскій почтовый чиновникъ рассказывалъ намъ здѣсь, что годъ тому назадъ *онъ самъ* видѣлъ трехъ «лакеевъ въ офицерскомъ чинѣ», которые ждали медѣлю и больше въ Стадупенахъ ³⁾ и другихъ пограничныхъ мѣстечкахъ hochgestellte Herrschaften ⁴⁾. Его это такъ удивило, что онъ записалъ имена этихъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ оказалась сановница. Вотъ ихъ почтенныя имена:

Графъ Хреповичъ ⁵⁾,
Мусинъ-Пушкинъ,
Мина Ивановна Буркова.

O, edler, alter Adler-berg ⁶⁾!

¹⁾ Григорій Ивановичъ.

²⁾ Въ «Nord» сказано, что подписки уже дѣлаются. А. И. Г.

³⁾ Stallupönen.

⁴⁾ Высокооставленныхъ господъ.

⁵⁾ Михаилъ Ириневицъ, гофмейстеръ.

⁶⁾ O, благородная, старая Орлиная гора! (Adler—орель, Berg—гора).

1696. Съ кѣмъ Литва?

Это могло быть вопросомъ до 5/17 августа нынѣшняго года ¹⁾. Онъ разрѣшенъ: по высочайшему повелѣнію, *Литва—съ Польшей*, это призналъ комитетъ петербургскихъ министровъ, утвердилъ государь, объявили русскія газеты. Если-бъ генераль-губернаторамъ, губернаторамъ, жандармамъ и другимъ чиновникамъ штыка, кулака и уха, если-бъ комитету министровъ, если бѣ государю это не было очевидно, неужели губернаторы, жандармы и министры струсили бы до того, чтобъ вызвать и составить безобразныя гайнау виндиш-грецкія инструкціи генераль-губернаторамъ, отдающія имъ цѣлый край на копье? Если-бъ это не было очевидно, неужели государь потерялъ бы до того голову, чтобъ *октроировать* нѣсколькимъ губерніямъ осадное положеніе?

Итакъ, Литва съ Польшей! Пусть Польша побѣждаетъ свободой, геройской борьбой, своими несчастіями, своимъ братствомъ съ сосѣдями все то, что теряетъ рабствомъ петербургскій мертвшій деспотизмъ, павшій на ноги и выжившій изъ современности. Это—единственный путь разрѣшать человѣчески вопросъ о границахъ; онъ прочнѣе всѣхъ историческихъ правъ и всѣхъ насилій вооруженной рукой. ¹

◆◆ 1. Дальше вниманіе «Колокола» къ дѣламъ въ Ц. Польскомъ все возростало; читателю необходимо лучше понимать курсъ политики нашего правительства; поэтому приведу изложеніе всѣхъ мѣръ, которыя въ августѣ 1861 г. государь призналъ цѣлесообразнымъ распространить и на Сѣверо-Западный край; обсужденіе ихъ происходило въ особомъ совѣщательномъ присутствіи, куда были вызванъ и ген.-губ. Сѣв.-Зап. края Назимовъ.

«1) Усилить расположенныя въ краѣ части войскъ. 2) Приступить немедленно къ обезоруженію мѣстнаго населенія. Привести въ исполненіе эту мѣру съ надлежащею предусмотрительностью и осторожностью, опираясь на имѣющіяся въ краѣ военныя силы. 3) Снабдить губернаторовъ надлежащею инструкціею для направленія и согласованія ихъ дѣйствій. 4) Запретить всякаго рода сборища и манифестаціи. 5) Объявить, что въ случаѣ подобныхъ ма-

¹⁾ 5 августа высоч. утверждено положеніе комитета министровъ, опубликованное, 9 августа, о правилахъ на случай объявленія какихъ-либо мѣстностей Западныхъ губерній на военномъ положеніи.

нифестацій, произведенныхъ какимъ-либо сборищемъ или толпою, тѣ мѣстности, гдѣ будетъ собираться толпа или гдѣ будутъ допущены безпорядки, подвергнутся военному постою на счетъ обывателей. Возложить на городскія и другія общественныя начальства отвѣтственность за допущеніе безпорядковъ или непредвареніе о томъ высшаго начальства или недонесеніе о томъ своевременно по принадлежности. 6) Ввести въ дѣйствіе реквизиціонный способъ продовольствованія войскъ на счетъ помѣщиковъ и горожанъ, принимающихъ участіе въ движеніи или оказывающихъ явное оному сочувствіе. 7) Противъ демонстрацій въ костелахъ не принимать принудительныхъ мѣръ въ самыхъ храмахъ, но подвергать слѣдствію и судебнымъ взысканіямъ духовныхъ лицъ, виновныхъ въ одобреніи подобныхъ демонстрацій или явномъ противъ нихъ бездѣйствіи. Извѣстныхъ руководителей движенія арестовывать послѣ удаленія толпы изъ костела. 8) Учредить въ Минскѣ особую слѣдственную комиссію, подобно виленской и кievской, для разбора дѣлъ по болѣе важнымъ политическимъ преступленіемъ или проступкамъ. Наиболѣе дѣятельныхъ и упорныхъ зачинщиковъ волненія, преимущественно изъ лицъ, пользующихся вліяніемъ и матеріальнымъ достаткомъ, подвергать слѣдствію съ арестомъ въ ближайшихъ крѣпостяхъ. 9) Открыть временныя полицейскіе суды. 10) Объявить въ осторожныхъ и умѣренныхъ выраженіяхъ о поводахъ къ принимаемымъ мѣрамъ. 11) Принять мѣры по всѣмъ вѣдомствамъ къ удаленію отъ должностей въ Западномъ краѣ лицъ неблагонадежныхъ. 12) Командировать въ Западныя губерніи въ распоряженіе губернаторовъ нѣсколько штабъ офицеровъ изъ числа состоящихъ при министерствѣ внутр. дѣлъ. 13) Передавать слѣдствію и суду установленнымъ порядкомъ неблагонадежныхъ мировыхъ посредниковъ, назначая на мѣсто ихъ временно чиновниковъ отъ правительства, если въ числѣ кандидатовъ, уже назначенныхъ къ занятію этихъ должностей, не окажется лицъ благонадежныхъ. 14) О принятіи всѣхъ сихъ мѣръ сообщить кievскому генералъ-губернатору. 15) Издать правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе военнаго положенія въ тѣхъ губерніяхъ или тѣхъ частяхъ губерній, городахъ или уѣздахъ, гдѣ по обстоятельствамъ это окажется необходимымъ. 16) Приступить къ предварительному назначенію военныхъ начальниковъ, которымъ имѣло быть ввѣрено, на основаніи означенныхъ правилъ, и подъ наименованіемъ временныхъ военныхъ губернаторовъ, главное начальство надъ губерніями, гдѣ было бы признано нужнымъ ввести въ дѣйствіе военное положеніе. 17) Издать по окончательномъ обсужденіи въ комитетѣ министровъ особый наказъ уѣзднымъ полиціямъ. 18) Предоставить въ распоряженіе

губернаторовъ денежныя средства на поддержаніе тайныхъ полицейскихъ агентовъ и на экстраординарныя издержки. 19) Обсудить въ Главномъ Комитетѣ вопросъ о нѣкоторыхъ льготахъ въ пользу крестьянъ, возбужденный виленскимъ генераль-губернаторомъ. 20) Разсмотрѣть въ министерствѣ внутр. дѣлъ нѣкоторые вопросы, относящіеся до дѣлъ римско-католической церкви чѣ имперіи».

Всѣ эти мѣры, кромѣ 6-й (по настоянію военнаго министра), были безотлагательно приведены въ исполненіе. Неопубликованныя, онѣ были уже извѣстны Герцену, когда онъ писалъ свою замѣтку

Вскорѣ, 23 августа, издано высочайшее повелѣніе, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда генераль-губернаторъ сочтетъ нужнымъ объявить какую-либо мѣстность на военномъ положеніи, лица, подавшія тому поводъ и бывшія главными виновниками сего объявленія, были судимы по полемому уложенію, и приговоры приводились въ исполненіе немедленно. (Эта мѣра, какъ и всѣ предыдущія, была введена и въ Юго-Западномъ краѣ). Кромѣ того, по просьбѣ Назимова, ему и кіевскому генераль-губернатору разрѣшено увольнять своею властью предводителей дворянства въ мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи.

22 августа 1861 г. военное положеніе было введено въ Вильнѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Бѣльскѣ, Брестѣ - Литовскѣ и въ Ковенской губ., кромѣ новоалександровскаго уѣзда; въ сентябрѣ — въ Житомирѣ. 1 октября 1861 г. оно снято съ Вильно и съ городовъ Гродненской губ., кромѣ Бѣлостока (всепод. отчетъ министра внутр. дѣлъ за 1861—63 гг.; архивъ П. Я. Дашкова).

9 іюня 1861 г. ген.-губ. Сѣв. Запад. губерній Назимовъ писалъ шефу жандармовъ на его запросъ о возможности отмѣнить распоряженіе, сдѣланное воен. министромъ, по представленію Назимова, о неувольненіи въ С.-З. край въ отпускъ студентовъ, между прочимъ, и медико-хирургической академіи: «Вамъ извѣстно, что въ прошломъ году, передъ въсоч. прибытіемъ въ Вильно государя императора, первая мысль объ устройствѣ демонстраціи съ намѣреніемъ заявить разныя безсмысленныя желанія, была брошена студентами, старавшимися подде жать и распространить оную всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами. Объ этомъ производилось дѣло, послѣдствіемъ коего мѣщанинъ Витковскій и дворянинъ Вишневскій назначены были рядовыми въ линейные баталіоны отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса; что студенты с.-петерб., московскаго и кіевскаго университетовъ до прибытія въ апрѣль сего года на родину составляли уже тамъ разные замыслы и предположенія, о которыхъ сознаніе сдѣлано было студ. Косцинскимъ; что они

принимали участіе во всѣхъ богослуженіяхъ, которыя были отправлены за убитыхъ въ яршавскихъ событіяхъ, обязывая къ тому даже болѣе спокойныхъ, но всегда трусливыхъ людей угрозами анонимныхъ пасквилей; что они устроили богатые похороны студ. Баранцевичу, распустивъ слухъ, что онъ былъ замученъ въ зданіи № 14 виленской цитадели. и что, наконецъ, первый примѣръ рѣнія возмутительнаго гимна былъ поданъ тѣми же студентами, распространившійся въ низшихъ слояхъ городскихъ жителей, канцелярскихъ чиновниковъ и существенныхъ мѣстъ, изъ коихъ нѣкоторые подверглись за принятое ими въ томъ участіе увольненію отъ службы, и развратившій учениковъ мѣстныхъ учеб. заведеній дѣтскаго возраста. Принимая въ соображеніе такія данныя, выслушивая при томъ постоянныя просьбы предводителей дворянства объ удаленіи изъ края, какъ главныхъ виновниковъ продолжающаго броженія умовъ, университетской молодежи, вляющей на родину съ развитымъ правилами демагогическаго воспитанія, которая на восторженныя головы и шаткость убѣжденій дѣйствовала личнымъ примѣромъ и находившимися почти при каждомъ изъ нихъ выписками возмутительныхъ стиховъ, брошюръ и сочиненій,—я поставленъ былъ въ крайнюю необходимость, отстраняя, весьма быть можетъ, уважительныя причины о необходимости пребыванія въ краѣ студентовъ, сдѣлать распоряженіе объ удаленіи отсюда и тѣхъ изъ нихъ, которые прибыли на родину до послѣдовавшаго на то воспрещенія, заботясь болѣе о поддержаніи общественнаго порядка и спокойствія, нежели о желаніи или нежеланіи студентовъ продолжать высшее научное образованіе, котораго они добровольно лишаютъ себя предосудительными поступками. Предлагаемую же мѣру допущенія ихъ въ край съ подверженіемъ строгому секретному надзору я тѣмъ менѣе нахожу дѣйствительною, что наблюденіе, сосавляя болѣе бумажное лишь исполненіе по сравнительной его числительности, возлагается на туземныхъ чиновниковъ полицій, изъ коихъ одни представляются не вполне благонадежными, а другіе, болѣе преданные правительству или, лучше—болѣе благоразумные и осторожныя, удаляются такимъ образомъ отъ жителей въ частныхъ къ нимъ отношеніяхъ. Надзоръ этотъ не достигалъ бы цѣли еще и потому, что полицейскіе чиновники не могутъ быть поставлены въ уровень со студентами ни въ матеріальныхъ средствахъ, ни въ общественныхъ сношеніяхъ, ни въ умственномъ современномъ образованіи, управляющемъ политическими замыслами, которыя готовятъ на составленіе какихъ-либо давно покинутыхъ заговоровъ, а общее разнѣіе извѣстной, вредной видамъ правительства идеи, съ которою должна бороться

нравственная сторона власти и подавлять ее тѣми личными свойствами воспитанія и тѣмъ серьезнымъ направлениемъ, которыхъ невозможно найти въ лишенномъ средствъ къ жизни, необразованномъ и, если можно такъ выразиться, завербо-анномъ на улицѣ полицейскомъ чиновникѣ» (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 109).

1697. Письмо къ В. Н. Кашперову.

5 Sept. (1861).

Огаревъ рѣшилъ уѣхать на двѣ недѣли въ Devonsh., въ Torquay. Онъ прислалъ мнѣ вашу записочку, въ силу которой я тотчасъ написалъ письмо къ Valerio. Въ 1850 и 1851 гг. онъ былъ хороший, горячій человекъ,—съ тѣхъ поръ прошло 10 лѣтъ! Вы знаете, что онъ говорилъ рѣчь въ камерѣ за меня, когда меня выслали изъ Пиемонта.

Когда будете писать, скажите, какъ на васъ подѣйствовала моя любимая статья «О Тихонѣ воронежскомъ» въ «Колоколѣ».

Теперь я издаю 2-ю часть «Былого и думъ», съ большими дополнениями.

Прощайте, будьте здоровы,—да и какъ быть больнымъ на берегахъ Комо?

Весь вашъ А. Герценъ.

1698. Письмо къ В. И. Нельсіеву.

19 сентября (1861).

Torquay.

Любезнѣйшій Василій Ивановичъ! Я вамъ пришлю цѣлыя ящики разныхъ разностей: 1-е, дѣло о переселенныхъ татарахъ изъ Крыма и мн. другое.

Я получилъ прелюбопытныя вещи по части раскольниковъ, entre autres, печат.: 1) «Изслѣдов. о скопческой ереси» Надеждина, напечат. въ числѣ 32 экземпля. и которое слѣдуетъ возвратить. 2) всѣ законы по части раскола, 3) обзоръніе Кормчей книги, 4) исторія объ отцахъ солдвецкихъ—на славян. языкѣ (это мнѣ въ подарокъ).

Наконецъ, доносъ на васъ отъ въ Бозѣ сукина сына Джунковскаго ¹⁾). Посылаю письмо вамъ Отвѣчайте ему, Джунковскому,

¹⁾ Степанъ Степановичъ, адептъ католицизма, потомъ снова вернувшійся въ православіе.

чтобы онъ васъ не называлъ Келсуевымъ. Всего лучше отошлите ему буквы въ Гомбургъ.

Прощайте. Здоровы ли ваши?

Загляните въ «Дремучее дѣло» ¹⁾.

Я получилъ отъ московскихъ письмо; они чуть-чуть не погибли у какого-то необитаемаго острова.

Я Джунковскому писать не буду. Мнѣ Саша писалъ о свиданіи съ нимъ,—они его приняли за плута ²⁾.

Мичель-то трусу празднуетъ. Да развѣ онъ въ первомъ письмѣ говорилъ о ненависти къ нему Кочубей? Изъ его письма слѣдуетъ только, что тутъ еще есть какое-то семейное событіе, а, впрочемъ, вы его приглашайте.

Et par diverses raisons

Gardons ces amis de la maison ³⁾.

1699. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову.

27 сентября (1861).

1, Engadine, Torquay.

Почтеннѣйшій князь Петръ Владиміровичъ, на дняхъ я получилъ изъ Остенде преглупое письмо, въ которомъ какой-то витязь, забывъ подписать свое имя, ругалъ васъ, Огарева и меня; я оставилъ это письмо безъ вниманія. Но черезъ три дня получилъ другое изъ Парижа (отъ 22 сент.) также неподписанное, и на этотъ разъ брань возведена въ высшую степень: мы обруганы по-матерно. Я бы и это письмо также употребилъ съ задней стороны, но одно обстоятельство заставляетъ меня сообщить объ немъ вамъ. Мерзанецъ, писавшій письмо, грозитъ покушеніемъ на мою жизнь и общаетъ ту же угрозу и вамъ. Мнѣ онъ пишетъ, что уже мѣры взяты, чтобъ я протянулъ ноги, и говоритъ, что, *если я осмѣлюсь намекнуть* объ этомъ, то—тутъ мнѣ и конецъ. Поэтому я счелъ доліомъ: во-первыхъ, напечатать эту угрозу ⁴⁾ и покойно жду, что сдѣлаетъ этотъ Су-Сынъ; во-вторыхъ, написать вамъ, чтобъ че-

¹⁾ Въ № 108 «Колокола» статья объ уничтоженіи корабельныхъ лѣсовъ Бѣловѣжской пущи.

²⁾ Встрѣча состоялась въ Исландіи, гдѣ Джунковскій обращалъ эскимосовъ въ католицизмъ.

³⁾ И вслѣдствіе различныхъ причинъ

Сохранимъ этихъ друзей дома.

⁴⁾ № 1701.

резъ русскихъ узнать, кто это отличается такъ. Я вамъ совѣтую взять нѣкоторыя мѣры. Убить, прежде грозя, глупо, но напасть на улицѣ и сдѣлать гнусную сцену легко. А гробос. веонскій диаконъ ¹⁾ бросилъ типографію и надѣлалъ здѣсь разныхъ сплетень и гадостей. Не былъ ли онъ у васъ? Берегитесь его. Еще говорятъ, Аскоченскій на водахъ. Не онъ ли это?

Письма моего цѣликомъ не печатайте, но, если сочтете нужнымъ, помѣстите отрывокъ или статейку.

Усердно кланяюсь вамъ,

Ал. Герценъ.

Я «Будущность» не получалъ съ отъѣзда изъ Парижа. Лондонскій адресъ остается: Orsett House. Здѣсь останусь до 10 октября; адресъ наверху. ¹⁾

◆◆ 1. Отношеніе кн. Долгорукова къ Герцену ясно изъ сказаннаго имъ въ русскомъ изданіи «Правды о Россіи», выпущенномъ въ Парижѣ въ 1861 г.

«Изъ всѣхъ русскихъ изданій за границую наибольшую извѣстность и вполне заслуженную европейскую знаменитость приобрѣли лондонскія изданія Александра Ивановича Герцена и Николая Платоновича Огарева. Всѣмъ извѣстны высокій умъ А. И. Г., его блистательное остроуміе, его краснорѣчіе, своеобразное, колкое и мѣткое, и замѣчательныя способности Н. П. О., являющаго въ себѣ весьма рѣдкое сочетаніе поэтическаго дара съ познаніями по части политической экономіи и съ даромъ обсужденія вопросовъ финансовыхъ и политическихъ. Мы не раздѣляемъ политическихъ мнѣній гг. Герцена и Огарева: они принадлежатъ къ партіи социалистовъ, а мы принадлежимъ къ партіи приверженцевъ монархіи конституціонной,—но мы душевно любимъ и глубоко уважаемъ А. И. и Н. П. за ихъ благородный характеръ, за ихъ отмѣнную благонамѣренность, за ихъ высокое безкорыстіе, столь рѣдкое въ нашъ корыстолюбивый вѣкъ. Намъ хорошо извѣстно, что царская дворня дорого бы дала, если бы А. И. и Н. П. обрели себя молчанію и уничтожили бы свой «Колоколъ»... Въ томъ варварскомъ, дикомъ, азіатскомъ состояніи, въ которое погружены у насъ присутственныя мѣста и администрація, «Колоколъ» содѣялся верховнымъ кассационнымъ судомъ для всѣхъ мерзостей, для всѣхъ притѣсненій, для всѣхъ злоупотребленій; онъ караетъ мошенниковъ, въ какихъ бы они чинахъ ни состояли; лица, неправильно осужденныя или без-

¹⁾ Агапій Гончаренко.

нинно страдающія, обращаются къ «Колоколу» съ просьбою о перевесеніи ихъ дѣла на судъ общественнаго мнѣнія, и безпристрастные, благородные издатели «Колокола», помѣщая обвинительныя статьи, разумѣется, никогда не отказываются отъ помѣщенія оправданій и объясненій» (т. II, 181—183).

1700. Васильевъ и Назимовъ.

Французскія газеты и частныя письма говорятъ о неистовствахъ виленскаго полицмейстера Васильева, предводительствовавшаго военными дѣйствіями противъ виленскихъ жителей при побоищѣ 18 августа. Правда ли, что Назимовъ, когда пришли къ нему съ жалобой на дикія дѣйствія Васильева, сказалъ, что его слѣдуетъ благодарить и наградить за сдѣланное, или, можетъ, это—та прожорливая *шпербола*, которая такъ много ѣсть сѣна?

1701. Подметныя письма.

Мы на дняхъ получили два письма, оба не подписанныя, оба исполненныя брани, и одно изъ нихъ—площадныхъ ругательствъ.

Первое письмо брошено на почту 19 сентября въ Остенде, на немъ написано по-русски «нужное» и на оборотѣ—«для всеобщаго свѣдѣнія».

Второе адресовано изъ Парижа отъ 22 сентября на имя госп Трюбнера. Мы изъ уваженія къ читателямъ не помѣщаемъ ни того, ни другого; во второмъ насъ и кн. Долгорукова ругаютъ *по-матерно*. Намекъ на то, что на нашу жизнь есть покушеніе, и что если мы напечатаемъ о полученномъ письмѣ, то тутъ намъ и конецъ... заставляетъ насъ поступокъ этого мерзавца передать на общественный судъ.

Изъ-за угла убить можно каждого, мѣры кой-какія мы возьмемъ,—вѣдь, мы живемъ въ Англіи; но заставить насъ замолчать матерными словами и угрозами не удастся ни III Отдѣленію, ни какому-нибудь злодѣю-помѣщику или взяточнику-чиновнику.

*Александръ Герценъ.
Николай Огаревъ.*

Orsett House, Westbourne terrace.

1702. Къ хроникѣ прогресса: владимірскій крестъ на владимірской дорогѣ.

Г. Бѣловъ въ «Сѣверной Пчелѣ» отъ 22 августа (2 сентября) рассказываетъ слѣдующее происшествіе, бывшее на владимірской желѣзной дорогѣ ¹⁾.

Владимірскій крестъ очень опасенъ на своей дорогѣ. Жаль, что г. Бѣловъ не узналъ драгоцѣнное имя владимірскаго старца-зубосокрушителя. Это животно-чиновное ляганье еще какъ-то гаже съ желѣзными дорогами: машины, паръ, плохи, локомотивы, толчки, рельсы, телеграфы, розги... не идутъ вмѣстѣ!

1703. Curriculum vitae Ламберта.

Мы получили, въ формѣ письма къ государю, жизнеописаніе почтеннаго намѣстника Ламберта ²⁾. Корреспондентъ, приславшій его, позволить намъ поберечь его въ нашихъ бумагахъ, пока Ламбертъ *заслужитъ* его помѣщеніе.

1704. Увѣдомленіе.

Съ глубочайшей благодарностью получили мы три фунта стер. отъ трехъ русскихъ на взносъ въ университеты за бѣдныхъ студентовъ, у которыхъ юсударь отнялъ средства учиться.

1705. Письмо къ Н. П. Огареву.

1 октября (1861).
Engadine, Torquay.

Во-первыхъ, Natalie ѣдетъ въ пятницу или въ субботу; я провожу и потомъ возвращусь съ Сашей въ Devon и перевезу всѣхъ together ³⁾. Ну, вотъ тебѣ и рѣшено.

Чѣмъ ближе рѣшеніе, тѣмъ больше мира и тишины. Въ три или четыре мѣсяца Ричмонда ⁴⁾ должно рѣшиться, можно ли

¹⁾ Слѣдоваль разсказъ, какъ въ Колпинѣ какой-то владимірскій кавалеръ билъ разносчика, который нечаянно задѣлъ его ногой.

²⁾ Гр. Карлъ Карловичъ, намѣстникъ Ц. Польскаго.

³⁾ Вмѣстѣ.

⁴⁾ Огаревъ, начавъ жить отдѣльно, поселился тамъ.

жить вмѣстѣ или нѣтъ. Я сдѣлалъ *все*, что могъ, теперь дѣлай и ты. Ричмондъ можетъ выйти очень полезенъ, только будь немного осторожнѣе съ хоромъ, т.-е. съ публикой. Мнѣ Мейз. и Тата говорили: «какъ это странно, что О. такъ скоро уѣхалъ». Сображая, что ты di Torquay ¹⁾ видѣлъ черезъ недѣлю, я самъ вижу, что это было и странно и ненужно. Ты дѣлаешь много, дѣлай же и небольшую закраину для хора.

Стало, сей вопросъ рѣшенъ и—аминь сомнѣнiю, хотя Torquay жалъ, и очень.

Что же за новое письмо Прудѣна въ «Прессѣ»? Попроси Тхужевского сыскать (и замѣть ему, что я рѣшительно пишу «Тху». а не «Тхорж»).

«Колоколь» пошлите 2 экз. (и два стемпл.) къ Мар. Каспаровнѣ: Дрезденъ, Albrechtsgasse, № 8.

Саша, разумѣется, пусть заѣдетъ въ Лондонъ. Если Фогтъ съ нимъ, я его повезу сюда, разумѣется, заплативъ за него.

Дай знать Чернец., что, если придетъ къ нему ящикъ съ книгами, это для *Кельсуева* (такъ его называетъ Джунков.) я адресую, чтобъ онъ не платилъ въ типографiю.

Адресъ Делаво ненуженъ,—я послалъ ему.

Nat., несмотря на три соммацiи ²⁾, не писала къ Астр.

Такъ какъ 1-е число, то посылаю чекъ въ 10 ф., изъ нихъ если прикажете, 5 впишу вамъ, а 5 на расходъ.

5 часовъ вечера. Жаръ тропической и дождь. Духота... Все благополучно. Иду гулять.

1706. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 октяб. (1861 г.).

Engadine, Torquay.

«Колоколь» получилъ. Все ладно, но «Мингрельское дѣло» я именно писалъ Чернец., идетъ въ «Колоколь» и по содержанiю и потому, что у насъ матеріала нѣтъ ³⁾. Что будетъ въ будущемъ №? Въ «Смѣси» есть такіе знаки препинанiя, что ничего понять нельзя, ех. gr., о Лихонинѣ.

Что же ты мнѣ прислалъ письмо какого-то дурака молдав. Развѣ не легче было ему послать сказать (NB.: я ему это напи

¹⁾ Обоихъ торквейцевъ, т.-е. Огареву и Лизу.

²⁾ Sommatation—напоминанiе.

³⁾ «Введенiе крѣпостного права въ Мингрелии Бутковымъ» помѣщенъ въ № 12 «Подъ Судъ!».

саль), что онъ скотъ, и что мы денегъ за помѣщеніе статей не беремъ?

С.-Сол. не спасется переменной заглавія. Въ такихъ случаяхъ надобно или впередъ обдумывать, или итти до конца. Я статейку писать не стану,—всѣ эти вещи дѣлаются сгоряча. Мнѣ подпись-то его всего дороже... И онъ воображаетъ, что, разославши своимъ друзьямъ, III Отдѣленіе не узнаетъ ¹⁾... Приглашай его сюда. Но, *par le temps qui court* ²⁾; слѣдуетъ сказать о деньгахъ. По теперешн. редакц. «Колок.» и «Подъ Судъ!» выходитъ расхода 300 фун., и продается до 450, въ силу чего можно было бы уступить 100—125 лив. за редакцію, т.-е. до 2.750 ф.

Мы ѣдемъ въ пятницу (если ничего не будетъ особеннаго) въ 11 ч. 25 мин.; стало, въ 6 св *чѣмъ-нибудь* будемъ въ Padding.

Если-бъ воля да больше характера и эгоизма, я потомъ уѣхалъ бы *одинъ* сюда на мѣсяцъ. Въ этой тревожной жизни я старѣюсь и теряю свою свѣтлость и даже талантъ. Сегодня опять поднялись ужъ бури, хотя и небольшія, но въ родѣ радуги, общая ихъ на вѣки вѣковъ,—ну, да, по счастью, ѣдемъ послѣзавтра. Но что же въ будущемъ-то? Давай-ка сюда С.-Сол., чтобъ можно было желаемымъ двигаться. На повтореніе всего, что было, меня не станеть.

А прогос, у тебя есть одна препротивная для меня метода выражаться, и ты ее употребляешь часто; если тебѣ все равно, измѣни ее. «*Вы хотѣли писать къ Аст...*» ³⁾,—когда же я хотѣлъ или почему ты знаешь, что я хотѣлъ?—«*Вы рѣшили*...» и пр., тогда, когда я діаметрально противоположно рѣшаю все или почти все.

Что жъ въ будущ. «Колоколь»? Я очень недоволенъ «Мингрел. дѣломъ». И почему Чернец. мѣняетъ? Я ему именно писалъ.

Вели Жюлю сходить къ Тьеру на Reg. Quadr. сказать, чтобъ онъ поскорѣ сшилъ пару *точно такихъ* ботинокъ мнѣ, какъ прежнія, а то мнѣ придется босикомъ бѣгать. ¹

◆◆ 1. На статью Серно-Соловьевича Огаревъ напечаталъ въ № 108 «Колокола» свою статью «Отвѣтъ на отвѣтъ „Великоруссу“». Польскій органъ «Przegląd Rzeczy Polskich» заявилъ послѣ этого, что № «Колокола» отъ 1 октября привелъ его въ недо-

¹⁾ Н. А. Серно-Соловьевичъ печаталъ тогда въ Берлинѣ открыто подъ своей фамиліей брошюру «Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса», колеблясь въ послѣднія минуты, не снять ли свое имя, и прося Герцена написать предисловіе.

²⁾ Въ настоящее время.

³⁾ Астраковы.

умѣніе. «Во вступительной статьѣ редація, кажется, возвращается къ чувствамъ, отъ которыхъ, какъ мы думали, она уже отреклась. Въ «Отвѣтъ на отвѣтъ *Великоруссу*» развивается прежняя мысль, что для того, чтобы вырвать власть изъ рукъ царя, необходимо организовать тайныя общества. Огаревъ проситъ Польшу воздержаться отъ самостоятельныхъ выступленій и тѣмъ приблизить моментъ общаго съ Россіей выступления. Мало того, онъ говоритъ только о Польшѣ конгрессовой и не касается другихъ польскихъ земель. Такое ограниченіе нашихъ предѣловъ мы не можемъ оставить не отмѣченнымъ. Это—противорѣчіе сказанному еще недавно тѣмъ же «Колоколомъ». Огаревъ совершенно забылъ о страдающей Польшѣ; развѣ мы можемъ ждать, пока вся Россія покроется сѣтью тайныхъ обществъ? Нѣтъ, господа, передъ сегодняшней вашей Россіей мы стоимъ, какъ враги. Покажите намъ Россію Пестелей и Муравьевыхъ, покажите, что вы имѣете для борьбы съ нашимъ самодержавіемъ, и мы тогда поможемъ вамъ все разрушить. Но сегодня насъ ничто не связываетъ: мы связаны въ своей національности, вы—въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Мы никогда не выступимъ, какъ звено федеративной цѣпи, а выступимъ, какъ Польша 1772 года, и это—нашъ ультиматумъ, отъ котораго ни одинъ полякъ не долженъ отказаться».

1707. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 октября (1861 г.).
Engadine, Torquay.

Однимъ камнемъ меньше отъ телеграммы изъ Глазгова ¹⁾, хотя и изъ-за этого ужъ чуть не было бѣды.

Письмо твое, какъ ни больно было мнѣ читать, но я потому не сержусь за него, что чувствую себя невиноватымъ. Мы à force ²⁾ пониманія другъ друга дошли до совершенныхъ непониманій въ частныхъ случаяхъ. Гдѣ жъ дальнѣйшій намекъ на *характеръ* твоихъ отношеній? Вольно выдумать чудовищность и разсердиться за нее.

Ты, Огаревъ, можешь одно сказать, и на это возраженія нѣтъ: въ Torquay была душная скука. А что, если-бъ здѣсь была человѣческая жизнь, то, дѣйствительно, я не понимаю, что чело-

¹⁾ Отъ возвращавшагося изъ Исландіи А. А. Герцена.

²⁾ Благодаря, по причинѣ.

вѣкъ не можетъ отлучиться на какой-нибудь мѣсяць,—да это хуже всякихъ matrimonіальныхъ цѣпей. Помилуй, гдѣ же тѣнь справедливости въ твоихъ оскорбительныхъ объясненіяхъ? Тебѣ просто должно быть совѣстно. Я буду осторожнѣе выражаться, но не могу отречься отъ того, что сказалъ. Да, саго міо, я три раза Кел. ¹⁾ повторилъ, и онъ три раза меня не понялъ, что бракъ—вообще самая легкая цѣпь, именно потому, что она внѣшняя. Есть тысячи иныхъ imprass'овъ ²⁾, ненужно-терзающихъ или ненужно-связывающихъ. Фу... глупъ человѣкъ, ваше превосходительство!

Что у насъ за страшная сцена сегодня была. Услышавъ, что Саша будетъ всю субботу, Natalie сказала, что она хотѣла бы остаться. Я замѣтилъ, что ты ждешь, и что мы тамъ проведемъ съ нимъ время до среды.—«Итакъ, ѣхать?»—«Да». Тутъ началось на меня это злое гоненіе поляковъ à la Nat. Аполлоновна ³⁾. 1-е, чтобъ я не ѣхалъ въ Лондонъ; 2-е, есть ли квартира въ Ричмондѣ? 3-е, ужасъ Фогга и постороннихъ. Я, наконецъ, взбѣсилъ,—и этотъ день отравленъ... Что за бездушье или безумье!.. Слезы и объясненія потомъ, что это для того, что ей хотѣлось остаться до Саши.—«Ну, такъ останемся, я сейчасъ напишу».—«Теперь ни подъ какимъ видомъ».—И такъ, да саро ⁴⁾. Глупъ человѣкъ! Одна мечта у меня личная: хотъ полгода пожить одному. Тутъ поневолѣ наберешься желчи столько, что и ты не понимаешь моихъ словъ.

Алинь.

Отдай мнѣ Варавву на пропятіе, и не жалѣй. Подари мнѣ его... Кого? Мельгунова. Его письма дѣлаются плантаторской клеветой русскаго народа ⁵⁾. Можно быть дуракомъ, кривымъ, блудить съ Антониной Львовной, но—мужика не тронь. Да еще говорить, что «въ Россіи такъ мало честь развита, что никто долговъ не платитъ». Я его въ гробъ, е. м., Демосеена заколочу.

3 часа. Четвергъ.

Завтра (если не будетъ телеграммы) мы ѣдемъ; жаль Лизу отрывать, жаль, что все опять дѣлается судорожно... Жаль жизнь, время, ну и... ну, и ничего...

Если не опоздаетъ train, или мы не остановимся, то въ 6 въ Лондонѣ.

Устрой, чтобъ въ воскресенье не было всей толпы, по крайней мѣрѣ до 8 вечера, также и въ субботу, а то плохо будетъ..

¹⁾ В. И. Кельсіевъ.

²⁾ Impasse—тупикъ, безвыходное положеніе.

³⁾ Мать Н. А. Огаревой.

⁴⁾ Сначала.

⁵⁾ Въ «Спб. Вѣдомостяхъ» подъ псевдонимомъ «Ливенскій».

1708. Письмо къ сыну.

3 окт. (1861).

1. Engadine, Torquay, Devonshire.

Любезный Саша, душевно радъ. Твоя телеграмма сняла камень съ плечъ... Не знаю, застанетъ ли письмо, но пишу на всякій случай. Всѣ здоровы, всѣ въ Torquay (1, Engadine). Я ѣду завтра съ Natalie въ Лондонъ и тамъ съ тобой увижусь. Тата просила остаться здѣсь,—мы поѣдемъ на пять дней сюда и потомъ въ Лондонъ.

Прощай.

1709. Письмо къ И. С. Тургеневу. ¹

12 октября (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Твое письмо поймало меня въ минуту entre Torquay et Londres. Я ѣду сегодня въ Torquay. Въ пятницу буду совсѣмъ въ Лондонѣ. Очень желаю тебя видѣть, но не въ Парижѣ. Я получилъ послѣ ругательныхъ писемъ два письма дружескія, въ которыхъ положительно меня просятъ: А) не выѣзжать изъ Лондона, В) что III Отдѣл. хочетъ меня уничтожить, и что это очень серьезно. Говори объ этомъ всѣмъ. Я буду писать тебѣ подробно.

А петербургскій унив. закрыть—vive l'université ¹).

«Кол.» съ письмомъ къ Бруннову пришло 15 окт.

Обнимаю тебя; Огаревъ также обнимаетъ и жаждетъ твоихъ новостей.

Саша (сынъ мой т.-е., а не Адлербергъ) воротился изъ Исландіи. Есть ли у тебя всѣ «Колокола»? Есть ли «Былое и думы» новое изд., «Поляр. Звѣзды» I ливрез. VII книги?

Некогда. Прощай.

P. S. Пожалуйста, не вѣрь, что тебѣ будетъ сплетничать лихая женщина.

◆◆ 1. 7 октября вернувшійся изъ Россіи Тургеневъ писалъ Герцену изъ Парижа: «Всею душою жажду тебя видѣть да и нужно

¹) Событія, предшествовавшія закрытію университета, изложены въ литературѣ исчерпывающе («Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда», 401—407; Пантелѣевъ «Изъ воспоминаній прошлаго»; Костомаровъ «Литературное наслѣдіе» и «Автобіографія», Спасовичъ въ «В. Е.» и пр.).

обо многомъ весьма важномъ переговорить съ тобой и многое тебѣ сообщить (между прочимъ, у меня есть къ тебѣ большое письмо отъ Бени).. Ужъ не пожалуешь ли ты въ Парижъ? такъ и онъ теперь «d'Aldorfles chemins sont ouverts»; это бы крайне меня обрадовало и арранжировало, говоря по-русски. Повторяю, намъ необходимо видѣться» («Письма», 141).

1710. Бруты и Кассин III Отдѣленія.

(Письмо къ русскому послу въ Лондонѣ ¹⁾)

Милостивый Государь!

Вамъ, вѣрно, покажется очень страннымъ, что я къ Вамъ пишу; меня самого это удивляетъ не меньше Васъ. Никогда я не рѣшился бы отнять нѣсколько минутъ Вашего драгоценнаго времени, если-бъ это не было въ выгодахъ правительства, имѣющаго счастье быть представленнымъ Вашимъ Превосходительствомъ.

Я буду очень коротокъ и сжать.

Можетъ быть,, Вамъ извѣстно, что мы съ Огаревымъ издаемъ здѣсь русскій журналъ подъ названіемъ «Колоколь». Въ послѣднее время мы стали, въ качествѣ редакторовъ, довольно часто получать подметныя письма, исполненныя большой роскошью площадныхъ ругательствъ ²⁾ и угрозами *убить* Огарева, князя Долгорукова (спѣшу Васъ успокоить, что рѣчь идетъ не о князѣ Васильѣ, начальникѣ жандармовъ, а о князѣ Петрѣ Владиміровичѣ) и меня. Все это не заставило бы меня писать къ Вамъ, Баронъ.

Но третьяго дня (9 октября) я получилъ два письма (при свидѣтеляхъ, которымъ тогда же показалъ ихъ), въ которыхъ неизвѣстный другъ извѣщаетъ меня положительно, что третье Отдѣленіе рѣшилось «похитить меня или убить».

Первое изъ этихъ предположеній слишкомъ смѣшно, чтобъ быть возможнымъ. Разсудите, Баронъ, сами, что я за Прозерпина съ бородой и что Шуваловъ за Плутонъ съ аксельбантомъ?

Остается угроза смерти.

Кто хочетъ убить меня? по чьему приказу? Обвиненіе, естественно, падаетъ на государя. Я не вѣрю, чтобъ онъ это приказалъ. Вы, можетъ быть, знаете, что я во многомъ расхожусь въ

¹⁾ Бар. Брунновъ.

²⁾ Обиліе ругательствъ такъ невольничко, что я начинаю думать, что эти письма сочинены или въ монастырѣ или въ консисторіи. А. И. Г.

мнѣніяхъ съ Александромъ Николаевичемъ, но никогда не допущу мысли, чтобъ онъ сталъ подсылать спадассиновъ. Я бы не сдѣлалъ этого ни въ какомъ случаѣ. Да это и не въ его характерѣ и не въ традиціи императорскаго дома, — что *они* за корсиканцы и за Борджіи, чтобы рѣзать изъ-за угла? Я очень хорошо знаю, Баронъ, что они иногда участвовали въ ускореніи путей природы, въ предвареніи естественнаго теченія дѣлъ, но это дѣлалось въ самомъ интимномъ, задушевномъ кругу: между женой и мужемъ, сыномъ и отцомъ. Я не настолько знакомъ съ Александромъ Николаевичемъ, чтобъ считать себя въ правѣ на такое родственное вниманіе и на такую фамиллярность.

Стало, не онъ. Кто же?

Шуваловъ? Письмо прямо указываетъ на III Отдѣленіе. Я не имѣю понятія о графѣ. Мѣсяца два тому назадъ онъ засадилъ въ Парижѣ въ тюрьму нѣкоего Зальцмана, обвиняемаго въ покушеніи на *свою* жизнь, сдѣланномъ княземъ Кочубеемъ (я согласенъ, что это не ясно); можетъ, этотъ случай далъ Шувалову преувеличенное понятіе о всемогуществѣ III Отдѣленія... Пожалуй, что и онъ. Но вотъ въ чемъ бѣда: Шуваловъ ли или другой—все равно, отвѣтственность, во всякомъ случаѣ, всѣмъ своимъ грузомъ падетъ на Александра *Невиннаго*. Намъ съ Вами надобно непременно взять мѣры, чтобъ подобное обвиненіе не оставалось на прѣдательствѣ, которое имѣетъ счастье считать Васъ своимъ прѣдставителемъ. Что же хорошаго, что его заподозрять въ томъ, что оно ставитъ капканы и разсылаетъ полицейскихъ Брутовъ за моря и горы, den Dolch im Gewande ¹⁾.

Надобно обличить клеветниковъ—и это не все. Вы должны, Баронъ, отнынѣ беречь меня, какъ зѣницу Вашего ока: каждый волосъ, который упадетъ съ головы моей, падетъ на русское правительство—скажутъ, что его Александръ Николаевичъ выщипнулъ. Охранять меня до такой степени въ интересахъ посольства, что я, отдавши за должной скрѣпой полученныя мною письма куда слѣдуетъ, не буду брать никакихъ мѣръ, зная, что Вы, хотя или нехотя, должны взять всѣ.

Поручая себя, такимъ образомъ, материнской попечительности императорскаго посольства, позвольте мнѣ, Господинъ Посланникъ, засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе.

Александръ Герценъ.

11 октября 1861.

Orsett House, Westbourne terrace. ¹

¹⁾ Съ кинжаломъ въ складкахъ одежды («Порука» Шиллера).

◆ 1. Любопытно, что въ № 289 нерасположенной къ Герцену «Allgemeine Zeitung» отъ 16 октября, въ отдѣлѣ «Grossbritannien» помѣщена была слѣдующая замѣтка Е. С., предупреждавшая о появленіи настоящей статьи (№ «Колокола» вышелъ 15 октября; корреспонденція должна была быть послана изъ Лондона самое позднее—14-го): «Проживающій въ Лондонѣ русскій бѣглець Герценъ получаетъ въ послѣднее время массу угрожающихъ писемъ, а также дружескихъ предупрежденій о томъ, что русская полиція собирается убить его или похитить. По этому поводу онъ намѣренъ обратиться съ открытымъ письмомъ къ бар. Бруннову, при чемъ возложить на него отвѣтственность за свой дневной и ночной покой». Тотъ же корреспондентъ въ № 298 отъ 25 октября увѣдомлялъ, что «болѣе смѣхотворнаго письма не получалъ, вѣроятно, ни одинъ русскій дипломатъ», и затѣмъ привелъ его переводъ.

1711. Графъ Муравьевъ-Амурскій и его поклонники.

Мы получили три статьи, очень умныя, очень хорошо написанныя и совершенно лишнія, въ пользу графа Муравьева. Ils rêchent aux convertis ¹⁾. Когда мы систематически нападали на сибирскаго Муравьева? Когда сомнѣвались въ огромныхъ дарованіяхъ его? Не мы ли называли его въ статьѣ «Америка и Сибирь» историческимъ дѣятелемъ въ противоположность историческимъ *бездѣльникамъ*, снующимъ около Зимняго дворца, берущимъ взятки, крадущимъ лѣса и пр.? Не мы ли отдали ему полнѣйшую справедливость въ его борьбѣ съ cabinet privé ²⁾ его величества?

Но неужели поклонники его не понимаютъ, что можно быть великимъ государственнымъ дѣятелемъ и пристрастно смотрѣть на дѣло беклемишевской дуэли; что можно дѣлать огромную пользу краю и давнуть Петрашевскаго за оппозицію?

«Да онъ этого не дѣлалъ».

Тѣмъ лучше для него. Возражайте, давайте намъ факты, мы готовы помѣщать. Васъ оскорбляетъ, что мы осмѣлились, вообще, говорить объ этихъ фактахъ, что мы дерзнули усомниться въ непогрѣшительности Муравьева. Можетъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Сибири трудно понять значеніе свободной печати. Въ Иркутскѣ показалось даже, что «Колоколъ» за это потерялъ вліяніе, что на насъ смо-

¹⁾ Они проповѣдуютъ обращеннымъ.

²⁾ Собственнымъ Кабинетомъ.

трать, какъ на клеветниковъ, если не всей Россіи, то манчжурскихъ краевъ ея ¹⁾).

Адвокаты Муравьева большею частью возражаютъ на частныя обвиненія пользой амурской колонизаціи, высокой честностью Муравьева, его благороднымъ поведеніемъ съ декабристами, тѣмъ, что онъ для Восточной Сибири что-то *въ родъ Петра I*. Все это ничего не опровергаетъ, а послѣднее обвиняетъ его: не дай Богъ ни Восточной, ни Западной Сибири такого несчастія, какъ былъ Петръ I для Россіи.

Дѣло дуэли мы излагать не будемъ; оно надобло и намъ и читателямъ, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ мы получили списокъ мастерски написаннаго мнѣнія совѣтника Ольдекопа (журналъ иркутскаго губернскаго суда 28 сентября 1859) и двѣ еще болѣе мастерски сказанныя рѣчи Муравьева, по возвращеніи изъ амурской экспедиціи, въ петровскомъ родѣ, т.-е. гдѣ слово граничить съ зуботычиной; несмотря на то, что рѣшеніе сената, отдающее Ольдекопа и всѣхъ членовъ окружнаго суда подъ судъ, вызываетъ на новое обличеніе, мы на этотъ разъ обращаемъ вниманіе поклонниковъ Муравьева на другое обстоятельство. Три новыя статьи и прежнія, полученныя нами отъ защитниковъ Беклемишева, согласны въ одномъ: *что весь городъ говорилъ о неправильности дуэли*. Какъ же мы могли не напечатать того, о чемъ говорилъ весь городъ, весь край? Развѣ это дѣло было изложено въ «Иркутскихъ Вѣдомостяхъ» съ всѣми pro и contra? Мы, печатая, исполнили нашъ долгъ и, сверхъ того, дали обвиненнымъ оправдаться.

Откуда же эта раздражительная обидчивость?

Единственно и исключительно отъ непривычки къ *свободному слову*.

Отчего у насъ всѣ люди въ силѣ такъ избалованы, отчего они трубятъ, кричатъ, ругаются, а въ Англіи никогда? Оттого, что въ Англіи надъ ними столбавый аргусъ печатной гласности, а у насъ всѣ мерзости покрыты крышкой канцелярскаго тайны. Эти вещи стыдно повторять, а дѣлать нечего.

Мы знаемъ и увѣрены, что Муравьевъ умный человѣкъ; мы знаемъ и то, что у него очень сильныя наклонности къ петровскимъ манерамъ; пусть же онъ намъ скажетъ спасибо за то, что мы спасаемъ его отъ него самого. Пусть онъ будетъ бояться общественнаго мнѣнія и узнаетъ, что можно быть государственнымъ человѣкомъ, не употребляя крѣпкихъ словъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ, къ кому они относятся, не можетъ дать сдачи.

¹⁾ На это указалъ М. А. Бакунинъ въ письмѣ отъ 8 декабря 1860 г.

Молчаніе кругомъ, подобострастное исполненіе, подобострастная лесть приучаютъ у насъ самыхъ дѣльныхъ людей къ страшной необдуманности, къ безграничной самонадѣянности и, въ силу этого, вовлекаютъ ихъ въ большія ошибки. По несчастью, они ихъ не боятся: кто узнаетъ о томъ, что дѣлается въ канцелярской мглѣ между генераль-губернаторомъ и министромъ?

Вотъ примѣръ. Муравьевъ писалъ 2 апрѣля 1853 года за № 46 министру народнаго просвѣщенія ¹⁾.

Намъ сдается, что если бы Муравьевъ зналъ, что эта бумага будетъ напечатана, онъ бы ее не написалъ.

1712. Наши консулы.

О консулѣ Поповѣ ²⁾ въ Яссахъ намъ приходится говорить не въ первый разъ; мы знали его, какъ любителя и знатока лошадей («Подъ Судъ!» листъ 1), мы узнаемъ его съ другой интересной стороны.

Въ силу парижскаго трактата 1856, часть бессарабскихъ земель по лѣвую сторону Прута и Дуная отошла къ Молдавіи. Линейные казаки русскіе владѣли въ районѣ этихъ земель полями, которыя они обрабатывали для себя. Само собою разумѣется, что они, послѣ трактата, вознамѣрились продать ихъ. Казацкій генераль Гангартъ пріѣзжалъ въ 1858 году въ Яссы, чтобъ найти покупателей. Въ числѣ ихъ представился А. Бошета. Бошета купилъ на 57.472 р. с. земли по условію, сдѣланному въ русскомъ консульствѣ. Но такъ какъ Гангартъ не имѣлъ съ собою всѣхъ необходимыхъ документовъ, то и было рѣшено, что онъ возвратится въ Россію и привезетъ ихъ въ продолженіе *шести недѣль*, а Бошета внесъ, въ видѣ задатка, 6.703 р. въ консульство.

По документамъ, привезеннымъ Гангартомъ, оказалось, что земли эти были уступлены казакамъ на разныхъ условіяхъ въ пользу русскаго правительства, которыя переходили на покупателя: объ нихъ прежде не было говорено. Судъ отказался совершить купчую на этихъ основаніяхъ. Но консулъ Поповъ устранилъ всѣ затрудненія и далъ въ томъ свидѣтельство за № 2373, въ которомъ прямо сказано, что всѣ затрудненія со стороны *Россіи и Молдавіи* устранены (*écartées*) дипломатическимъ путемъ и безспорно свободны (*dégageés et sans contestation*).

Логотетъ Бошета, которому Гангартъ предложилъ тотчасъ вступить во владѣніе, успокоенный деклараціей русскаго консула, внесъ 14.954 р. черезъ Попова въ счетъ покупной суммы. Ожидая законнаго срока (шести

¹⁾ Слѣдуетъ пространное отношеніе, въ которомъ Муравьевъ говоритъ, что Сибири не нужны ни мужскія, ни женскія новыя учебныя заведенія, такъ какъ для воспитанія чиновниковъ достаточно ихъ въ Россіи, откуда онъ и предпочитаетъ брать ихъ, и вообще «я нахожу пока излишнимъ увеличивать число губернскихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ въ В. Сибири»; инородцевъ же надо сначала обратить въ православіе, а потомъ учить.

²⁾ Сергѣй Ивановичъ.

мѣсяцевъ) для окончательнаго ввода во владѣніе, Гангартъ уѣхалъ. Но когда пришелъ срокъ, молдаванское правительство объявило, что всѣ обязательства, даже военное храненіе границы, соединенное съ владѣніемъ этихъ земель, переносятся на ихъ покупателя въ пользу молдаванскаго правительства. Такое нарушеніе главнаго условія заставило Бошета отказаться отъ покупки,—въ этомъ ему никто не препятствовалъ; но когда онъ потребовалъ деньги, внесенныя имъ, ему ихъ ни консулъ, ни генераль не отдали. Онъ жаловался и въ Бухарестъ генеральному консулу, и въ Константинополь послу, и, наконецъ, князю Горчакову,—*нѣтъ отвѣта*. Засѣли денежки! Наконецъ, онъ писалъ прошеніе къ государю—и государь не отвѣчаетъ.

А, вѣдь, нехорошо обирать иностранцевъ! Вы бы, князь Горчаковъ, занялись этимъ дѣломъ. Да кстати, изъ тѣхъ началъ *высокаю дипломатическаю приличія*, которое вамъ такъ знакомо со временъ талейрановскихъ обѣдовъ, запретите консуламъ снюживаться съ полицейскими для открытія, какъ «Колоколъ» *посылается въ Россію*. Во-первыхъ, шпіонство не входитъ въ кругъ обязанностей торговаго маклера; во-вторыхъ, намъ стыдно за почтенное званіе, напоминающее Тита Ливія, Римъ, свободу, когда какой-нибудь полицейскій откажется отъ гнусной работы международнаго шпіонства. А это можетъ случиться!

1713. „Олеги“ и Андреевъ.

Мы получили письмо, рассказывающее о свирѣпомъ управленіи фрегатомъ «Олеги». Подробности не помѣщаемъ: все то же гнусное, безчеловѣчное, нѣмецко-монгольское управленіе, о которомъ мы столько разъ говорили,—линьки, *собственноручные* побои командира (Андреева), ругательства офицеровъ и штурмана, утонченная роскошь наказаній и... *немного побольше*. Вотъ это-то «немного побольше» мы выписываемъ изъ письма: «Во время стоянки въ февралѣ мѣсяцѣ на виллафранкскомъ рейдѣ, командиръ приказалъ поднять реи, и когда онѣ еще не были поставлены на мѣстѣ, скомандовалъ: «ворочать реи». Два матроса, бывшіе на нокахъ, были жертвою смерти; у одного изъ нихъ кость правой руки вошла въ палубу. Такихъ случаевъ въ Виллафранкѣ было три». Далѣе слѣдуетъ рассказъ о томъ, какъ тамъ же, несмотря на мнѣніе русскаго консула, штурмана, лоцмана, онъ такъ ловко поставилъ фрегатъ, что его въ бурю нанесло на мель и волнами сильно повредило, въ чемъ, впрочемъ, Андреевъ былъ оправданъ покровительствомъ адмирала Попова.

Когда же желанія Константина Николаевича и «Морского Сборника» перестанутъ быть несбыточными мечтами?

1714. За что Путятинъ?

Онъ *противъ* : воскресныхъ школъ,
открытыхъ заведеній,
женскаго образованія,
свѣтской науки.

Говорятъ, что онъ англоманъ, какъ Дерби или издатель «Русскаго Вѣстника». Но, видно, онъ изучалъ Англію только въ докахъ, а то онъ

зналъ бы, что здѣсь никто не мѣшаетъ женщинамъ учиться медицинѣ, а онъ мѣшаетъ. Недавно харьковскій университетъ просилъ разрѣшенія для одной дѣвицы дозволить выслушать курсъ медицины и удостоить степени лѣкаря. Всѣ члены главнаго правленія училищъ согласились на это, одинъ Путятинъ былъ противъ и, чтобы затянуть дѣло, приказалъ послать его на разсмотрѣнiе совѣтовъ всѣхъ университетовъ.

Какая это англоманія!—это чистая Японія!!

1715. Нѣмцы радуются— „гисъ! гисъ!“

Съ той пронизательностью, которую даютъ самому глупому человѣку ненависть и страхъ, «Аугсбургская Газета» (Beilage, № 270), говоря о льготахъ, данныхъ на Кавказѣ казакамъ, съ восхищенiемъ прибавляетъ, что этими *льготами* «правительство подрубаетъ корень казачества». Das ist bedenklich! ¹⁾

1716. Петербургскій университетъ закрыть! ²⁾

Итакъ, университетъ закрыть! Правительство противъ просвѣщенiя и свободы и *не умѣетъ уступить во-время*. Мы пророчили ему *паденiе* во второй срокъ переходного положенiя. Кажется, мы ошиблись— *оно будетъ юраздо прежде*. ¹⁾

◆ 1. 27 октября «Kölnische Zeitung» въ передовой статьѣ высказалась противъ Герцена, вполне одобряя политику Александра II, рѣшившаго «вести свои страны по пути полного усовершенствованiя». «Какъ назвать работу такого мужа, какъ Герценъ, который, не уставая, льетъ ядъ и желчь въ жилы своего отечества, находящагося въ критическомъ положенiи?»

1717. Человѣкъ, рожденный быть товарищемъ.

— A qui est-ce que j'ai l'honneur de parler, à vous, ou à Mr. votre frère?
— A mon frère, monsieur ²⁾.

Мухановъ ⁴⁾, бывшiй товарищемъ просвѣщенiя, сдѣлался товарищемъ иностранныхъ дѣлъ ⁵⁾. Самоотверженный человѣкъ, начавшiй съ того, что

¹⁾ Это вызываетъ на размышленiя!

²⁾ Вначалѣ идетъ длинная корреспонденция о событiяхъ въ университетѣ.

³⁾ «Съ кѣмъ я имѣю честь говорить: съ вами или съ вашимъ братомъ?»—«Съ моимъ братомъ, сударь».

⁴⁾ Николай Алексѣевичъ.

⁵⁾ 30 августа 1861 г.

рѣзалъ дичь для другихъ, долженъ умереть товарищемъ кого-нибудь. Какъ Горчаковъ, выдумавшій Муханова, очень постояненъ въ своихъ нѣжныхъ чувствахъ... Иностранцы, ли отъ этого пойдеть министерство, не знаемъ.

Вы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой ¹⁾.

1718. Польскимъ изгнанникамъ въ Генуѣ.

Возвратясь изъ Девоншира, я нашелъ братскій адресъ, посланный мнѣ отъ польскихъ изгнанниковъ въ Генуѣ. Благородный, симпатическій языкъ ихъ глубоко тронулъ меня. Благодарю польскихъ братьевъ отъ всей души. Они вѣрятъ, что освобожденіе Польши — одинъ изъ нашихъ догматовъ, но пусть же они еще болѣе вѣрятъ, что русскій народъ не виноватъ въ ихъ бѣдствіяхъ, и что онъ также страдаетъ подъ тѣмъ же игомъ!

1719. Насчетъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ и молчаливости журналовъ.

Отчего одинъ «Инвалидъ» говоритъ горькія истины о *Главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ*? Отчего молчатъ «Спб. Вѣдомости», отчего не громить «Сѣверная Пчела», отчего цензура защищаетъ это общество съ остервенѣніемъ, а важныя особы — съ нѣжной ревностью? *Сколько тысячъ* резонансовъ мы ни придумываемъ, не можемъ догадаться. Кто намъ разгадаетъ это? не самъ ли Перейръ ¹⁾ или не самъ ли Данзасъ (la grande capacité совѣта, составленнаго изъ кн. Оболенскаго, гр. Бобринскаго, флигель-адъютанта Полежаева)? Можетъ, русскій Колинъонъ — Абаза ²⁾ или французскій Абаза — Колинъонъ?

Можетъ, у нихъ дѣла идутъ прекрасно (не даромъ совѣтъ самъ себѣ вотировалъ благодарность), да, вѣдь, не тайное же общество — это *явное* общество. Намъ бы очень хотѣлось все это разъяснить, а то у Елены Павловны (довѣритель Абаза), у Маріи Николаевны (довѣритель Веневитиновъ), у принца Петра Ольденбургскаго (какой-то чиновникъ) столько акцій, что они, пожалуй, и проиграются, — ну, оно намъ, вѣрноподаннымъ, и жаль. Успокойте же насъ, отцы родные!

¹⁾ У Пушкина, вмѣсто «вы», «мы» («Отрокъ милый, отрокъ нѣжный»).

²⁾ Жакобъ-Эмиль, франц. банкиръ, скрытый участникъ названнаго общества.

³⁾ Александръ Аггеевичъ, членъ кружка вел. княгини.

1720. Письмо къ И. С. Тургеневу.

15 октяб. (1861).

Torquay.

Я къ тебѣ такъ мало хочу писать, что беру огромный листъ. Я уже отвѣчалъ тебѣ на твое письмо въ прошлую субботу. На континентъ *теперь* я не поѣду, послѣ угрозы и aviso ¹⁾, пока не приведу это дѣло въ ясность. Посылаю тебѣ «Кол.» съ письмомъ къ Бруннову,—покажи и расскажи всѣмъ!

Жду тебя съ нетерпѣніемъ и съ дружбой. Я очень радъ, что ты воротился въ болѣе тепломъ расположеніи, чѣмъ поѣхалъ. Намъ всѣмъ, послѣднимъ Могикинамъ, расходиться нельзя. Итакъ, обнимаю тебя за желаніе приѣхать. Увѣдомь за день до приѣзда, а то я съ Фогтомъ (Карломъ), который здѣсь, т.-е. въ Лондонѣ, на 6 дней, буду бражничать. Домъ нашъ на превосходномъ мѣстѣ, но за церковью, а потому вотъ тебѣ планъ ²⁾.

Я имѣю какіе-то 100 фр. тебѣ отдать отъ Бени.

Жду письма и тебя.

Я рѣшительно съ субботы въ Лондонѣ. ¹

◆◆ 1. Въ № 292 «Allgemeine Zeitung» отъ 19 окт. корреспондентъ изъ Познани сообщилъ, что въ Россіи ожидается политическое движеніе, за что говорить и «внезапный отъѣздъ Герцена изъ Лондона»...

1721. Письмо къ неизвѣстному москвичу.

24 окт. (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Чернецкій мнѣ говорилъ, что вы желаете еще разъ посѣтить меня. Очень радъ васъ видѣть и попросить еще разъ передать поклонъ Егору Ивановичу. Во вторникъ вы меня застанете вечеромъ. Не забудьте, что за вами 2 фунта по подпискѣ, извѣстной вамъ,—я желалъ бы ихъ получить.

Преданный вамъ

А. Герценъ.

¹⁾ Увѣдомленіе (о покушеніи).

²⁾ Нарисованъ планъ, который даетъ возможность установить по печатному плану Лондона домъ, гдѣ жилъ Герценъ.

1722. Письмо къ И. С. Тургеневу.

28 окт. (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Когда бы ты ни пріѣхалъ, ты будешь мой и нашъ Бенвенуто ¹⁾, хотя и не Челлини.

Вчера посольство возвѣстило Огар., что онъ *лишенъ дворянства*... Что за скоты! сами накупаются. Журналы здѣсь, особенно «Morning Post» (въ субботу, 26 окт., совѣтую въ «Галиньяни» ²⁾ проч.), презабавно трунять надъ гомисидствомъ ³⁾ русскаго правительства, а они еще и еще... ¹

Письма у насъ есть—ужасы, срамъ и срамъ. Я начинаю вѣрить, что Алекс. II полетитъ къ чорту.

Ты пріѣдешь, если на два дня, то остановись поближе.

Жду тебя. Прощай.

«Колок.» пришлю тотчасъ 1 нояб.

Изъ петерб. духов. акад. исключены 25 студентовъ.

◆◆ 1. «The Morning Post» помѣстила очень сочувственную для Герцена передовую, высказавъ съ тонкой ироніей мнѣніе, что «великій писатель» обратился врядъ ли по вѣрному адресу: ему лучше было адресоваться просто къ начальнику лондонской полиціи; письмо его къ Бруннову вызоветъ у англичанъ одинаково и улыбку и серьезныя размышленія.

1723. Письмо къ П. А. Мартянову.

28 октября 1861.

Милостивый Государь, вы меня застанете дома завтра, около 3-хъ часовъ (въ среду) или въ воскресенье, въ 2 часа; въ обоихъ случаяхъ я буду очень радъ васъ видѣть у себя.

Съ истиннымъ почтеніемъ

А. Герценъ. ¹

¹⁾ Каламбуръ: ben-venuto—добро пожаловать, милости просимъ и имя знаменитаго художника.

²⁾ «The Galignani's Messenger», большой англійскій журналъ, издававшийся въ Парижѣ братьями Галиньяни.

³⁾ у Homicide—смертоубійство.

◆◆ 1. Петръ Алексѣевичъ Мартьяновъ—крестьянинъ Симбирской губ., крѣпостной гр. А. Д. Гурьева, прїѣхавшій въ Лондонъ искать правды на своего владыку... Онъ просилъ Герцена назначить время свиданія. Интересующіеся этой любопытной для того времени фигурой найдутъ статью о немъ въ моихъ «Очеркахъ освободительнаго движенія etc.». Кельсіевъ въ своей «Исповѣди» упоминаетъ о Мартьяновѣ нѣсколько разъ. «Онъ производилъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе своей мрачностью, озлобленностью и неумѣньемъ прощать ни малѣйшей обиды. Съ перваго же дня его знакомства съ нами его самолюбіе пострадало: у него было наготовлено пропасть статей для «Колокола» и «Полярной Звѣзды»—и Герценъ не принялъ ни одной. Онъ писалъ что-то по социальнымъ вопросамъ, въ полной увѣренности, что его работа будетъ принята съ восторгомъ, а Герценъ и ту отказалъ.—Жалко мнѣ этого Мартьянова,—сказалъ мнѣ какъ-то Герценъ, хочется ему работать съ нами, помѣщать статьи у насъ, а что жъ я сдѣлаю, если все, что онъ пишетъ, выходитъ или не ново, или, еще хуже,—слабо. Не знаю, почему этотъ отзывъ остался у меня въ памяти, но онъ важенъ для объясненія личности Мартьянова, оскорбленной даже и у насъ».

1724. Исполинъ просыпается!

Да, спящій «Сѣверный колоссъ», «Исполинъ, царю послушный» просыпается, и вовсе не такимъ послушнымъ, какъ во времена Гавріила Романовича Державина.

Добраго утра тебѣ, пора, пора! богатырскій былъ твой сонъ, ну, и проснись богатыремъ! Потянись во всю длину молодецкую, вздохни свѣжимъ, утреннимъ воздухомъ да и чихни, чтобъ спугнуть всю эту стаю совъ, вороновъ, вампировъ, Путятиныхъ, Муравьевыхъ, Игнатьевыхъ и другихъ нетопырей. Ты просыпашься—пора *имѣ* на покой. Есть нечистота движущаяся—всѣ эти прусаки, бого-мокрицы, насѣкомыя, лишеныя крыль, но не лишеныя аппетита, несомвѣстныя съ дневнымъ свѣтомъ. Чихни, исполинъ,—и отъ нихъ слѣда не останется, кромѣ несмываемыхъ пятенъ польской и крестьянской крови!

Господи, какой жалкій и смѣшной видъ у этого грознаго правительства! Куда дѣлась его вахмистрская наружность, его фельд-фебельская выправка, гдѣ его сипло-армейскій голосъ, которымъ оно тридцать лѣтъ кричало: «Въ гробъ заколочу Демосеена!»... Что, служивый, видно, не тѣ времена, да и не тѣ силы,—широкъ тебѣ

сталь мундиръ, насунулась каска на глаза... Ступай, кавалеръ, въ больницу, не то въ инвалиды!

Да что же случилось, отчего оно такъ оторопѣло? Революція, что ли? Филаретъ взбунтовалъ Москву? Петръ Ольденбургскій провозглашенъ императоромъ въ школѣ правовѣднія? Отгадайте! А пока, возьмите «Таймсъ» и читайте его превосходныя корреспонденціи.

Императоръ въ Ливадіи ¹⁾. Петербургомъ управляетъ комитетъ общественнаго спасенія, состоящій изъ Николая Николаевича и Михаила Николаевича; чтобъ Горчаковъ не посовѣтовалъ имъ чего-нибудь дѣльнаго, при нихъ поставленъ *умоотводомъ* Игнатьевъ-Малковскій ²⁾. На улицахъ солдаты, жандармы, Шуваловы; яacobинскій генераль Бистромъ ³⁾ возмущаетъ солдатъ рѣчью самаго краснаго санкюлотизма: «Изъ нихъ—говоритъ онъ, указывая на безоружныхъ юношей—выйдутъ современемъ подьячіе, подьячіе, которые грабятъ васъ, которые грабятъ народъ,—дадимъ имъ урокъ!» Паткуль ⁴⁾ скачетъ направо, скачетъ налѣво, одну лошадь заѣздилъ, другую заѣзжаетъ. Михаилъ Николаевичъ спрашиваетъ Николая Николаевича: зачѣмъ Паткуль скачетъ? Николай Николаевичъ, вставшій съ первыми пѣтухами, по общей любви къ курамъ, говоритъ Михаилу Николаевичу, что онъ не знаетъ, зачѣмъ Паткуль скачетъ, но что, должно быть, *это—возстаніе*. Тотъ (или тотъ) говоритъ: десять полковъ—и онъ усмирить... Кого? Гдѣ непріятельскія войска?

На университетскомъ дворѣ.

Грубое правительство, напуганное выжившимъ изъ ума Строгановымъ, рядомъ мелкихъ преслѣдованій и униженій начало оскорблять университеты: назначеніемъ Путятина, школьными стѣсненіями, бездушнымъ отталкиваніемъ неимущихъ. Студенты петербургскаго университета избрали депутатовъ и поручили имъ довести до начальства ихъ протестъ. Начальство поступило съ ними въ томъ родѣ, какъ поступали дикіе на Сандвичевыхъ островахъ съ парламентарями, въ томъ родѣ, какъ Петръ *большой* поступилъ съ Полуботкомъ, а Николай *длинный*—съ депутатами отъ старорусскихъ солдатъ, т.-е. вопреки всякому понятію чести и нравственному стыду,

¹⁾ Ливадія куплена у гр. Потоцкой за 300,000 рублей, несмотря на то, что рядомъ съ Ливадіей лежитъ Оріанда, построенная на счетъ народнаго пота... А говорятъ, что денегъ нѣтъ! А. И. Г.

²⁾ Гр. Павелъ Николаевичъ; игралъ некрасивую роль въ дѣлѣ купца Малкова.

³⁾ Бар. Родригъ Григорьевичъ, командиръ 2-й гвард. пѣх. дивизіи.

⁴⁾ Александръ Владиміровичъ, Спб. оберъ-полицмейстеръ.

захватило ихъ. Студенты рѣшились просить освобожденія своихъ товарищей, — и вотъ отчего Бистромъ-Сантеръ бунтовалъ солдатъ, награвливая ихъ на другія сословія; Паткуль надорвалъ двухъ лошадей, а Игнатъевъ-Малковскій шепталъ Филипсону: «*Все готово, можно начинать!*». Что начинать? бойню юношей, рѣзню на университетскомъ дворѣ?... Что къ этому прибавлять!

Но гдѣ же былъ, что дѣлалъ, что сказалъ душеспасительнаго нашъ японецъ, нашъ океанидъ, бого-и человѣкоугодникъ Путятинъ? Отчего онъ не ѣздилъ на шлюпкѣ съ Сергіевскимъ ¹⁾ взадъ и впередъ по Невѣ и Мойкѣ въ то время, когда Паткуль замыливалъ второго жеребца? Онъ былъ гдѣ-то «подъ полой» скрытъ отъ глазъ пациента, какъ ножъ или пила передъ хирургической операцией. Какъ безвозвратно запятналъ себя этотъ человѣкъ, какъ быстро сѣлъ на мель грязи этотъ шкиперъ просвѣщенія!

О, Филаретъ, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ! какой нехристіанскій совѣтъ далъ ты на старости святительства твоего кораблевождицъ японійской; безъ твоего архипастырскаго благословенія жилъ бы онъ себѣ мирно и небезвозмездно въ Лондонѣ комиссіонеромъ и купчиною адмиралтейства и кротко возносилъ бы мольбы свои къ подножію престола Всевышняго между заказами снастей корабельныхъ и ихъ пріемомъ, а теперь, всѣхъ водъ, соленыхъ и прѣсныхъ, отъ береговъ синайскихъ до водохранильницъ мытищенскихъ, не довлѣетъ на омовеніе человѣка, принявшаго на себя величайшее преступленіе, — преступленіе противъ духа, противъ просвѣщенія...

Въ Россіи закрыты университеты, въ Польшѣ церкви сами закрылись, оскверненныя полиціей. Ни свѣта разума, ни свѣта религіи! Куда они хотятъ вести насъ впотъмахъ? Они сошли съ ума, — долой ихъ съ козель, если не хотите съ ними грохнуться о землю!

Ну куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку?... Сказать вамъ, куда?

Прислушайтесь, благо тѣма не мѣшаетъ слушать: со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей, съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ; это — начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. *Во народъ! къ народу!* — вотъ ваше мѣсто; изгнанники науки, покажите этимъ Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не *подьячіе*, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго!

¹⁾ Николай Александровичъ, проф. богословія въ московскомъ университетѣ.

Хвала вамъ! вы начинаете новую эпоху, вы поняли, что время шептанья, дальнихъ намековъ, запрещенныхъ книгъ проходить. Вы *тайно* еще печатаете дома, но *явно* протестуете. Хвала вамъ, меньшіе братья, и наше дальнейе благословеніе! О, если бъ вы знали, какъ билось сердце, какъ слезы готовы были литься, когда мы читали *о студентскомъ днѣ въ Петербургѣ!*

22 октября 1861.

P. S. Статья эта была написана, когда мы прочли въ «Таймсѣ» (отъ 22 октября) такое гнусное, такое подлое злодѣйство, что при всей нашей безпредѣльной вѣрѣ въ безнравственность петербургскаго управительства мы почти усомнились. *Тайная полиція* разослала подложныя приглашенія студентамъ собраться на площади, для того, чтобъ ихъ переловить; но студенты догадались и не пошли. Можно ли послѣ этого дивиться якобинской рѣчи Бистрома и тому, что онъ не подѣ судомъ за эту рѣчь,—тому, что III Отдѣленіе ласкало мысль украсть меня у Англіи изъ кармана или прирѣзать изъ-за угла,—тому, что при арестѣ Михайлова ¹⁾ жандармы явились съ блядами (не краснѣйте, Шуваловъ! не краснѣйте, Паткуль! не краснѣйте, Игнатъевъ! — *слово* далеко не такъ позорно, *какъ дѣло*), которымъ поручили обыскивать дамъ.

И эту сволочь, плутовъ, разбойниковъ и блядей мы должны принимать за правительство! ²⁾

◆ 1. 14/26 сентября былъ арестованъ извѣстный тогда литераторъ М. И. Михайловъ за распространеніе въ теченіе 1—4 сент. по Петербургу второй (хронологически) прокламаціи—«Къ молодому поколѣнію». Въ іюнѣ 1861 г. Михайловъ прожилъ въ Лондонѣ около двухъ недѣль, напечаталъ прокламацію, написанную Н. В. Шелгуновымъ, въ Вольной русской типографіи, въ количествѣ 600 экз., и затѣмъ въ серединѣ іюля ст. ст. вернулся въ Петербургъ. По свидѣтельству Шелгунова, «Герценъ не одобрилъ прокламаціи; онъ уже пережилъ тогда революціонной періодъ и въ «Колоколѣ» и въ «Пол. Звѣздѣ» соблюдалъ собственно правительственный авторитетъ и снималъ съ него ореолъ священности и демократи-

¹⁾ Михайловъ, Обручевъ и офицеръ Костомаровъ были арестованы, по дѣлу «Великорусса» и тайныхъ типографій. «Times» говоритъ, что Краевскій, графъ Кушелевъ-Безбородко и Громека подавали какой-то протестъ противъ незаконнаго ареста Михайлова; намъ очень бы хотѣлось узнать подробности объ этомъ дѣлѣ. А. И. Г. ¹⁾

зироваль власть. Но мы не переживали 1848 г. въ Европѣ, подобно Герцену, и потому вѣрили въ то, во что онъ уже не вѣрилъ. Мы пѣнились, Герценъ пересталъ пѣниться. Конечно, правда оказалась на сторонѣ того, кто пѣниться пересталъ. А пока мы пѣнились и вѣрили и считали себя «наканунѣ» («Голосъ Минув.» 1918, IV, 66). Интересующихся дѣломъ Михайлова и текстомъ прокламаціи отсылаю къ своей книгѣ «Политическіе процессы М. И. Михайлова etc.», одно мѣсто которой (авторство прокламаціи) окончательно выясняется на указанной страницѣ книжки «Голоса Минувшаго».

Герценъ зналъ объ арестѣ Михайлова, выданнаго предателемъ поэтомъ-переводчикомъ Всеволодомъ Костомаровымъ, зналъ и о томъ, какъ благородно Михайловъ принялъ все на себя, всячески выгораживая Шелгуновыхъ, и нарочно молчалъ и о прокламаціи, и объ арестѣ, указавъ «Великорусса», къ которому Михайловъ не имѣлъ отношенія.

Въ приложеніи къ № 289 отъ 16 октября «Allgemeine Zeitung» помѣстила статью «Тайная летучая литература въ С.-Петербургѣ». Авторъ находилъ, что «кто-то старается» перенести въ столицу дѣятельность лондонской Вольной русской типографіи. Одинъ изъ листковъ, прекрасно изданный, свидѣтельствуетъ этимъ самымъ о своемъ лондонскомъ происхожденіи, и, вслѣдствіе этого, приписывается «гласомъ народа» Герцену». Корреспондентъ сообщилъ, что обѣщано 500 руб. тому, кто укажетъ хоть одного тайнаго распространителя этихъ листковъ, но пока всѣ мѣры тщетны.

25 сентября 1861 г. Валуевъ телеграфировалъ въ Москву Тучкову: «По достовѣрнымъ извѣстіямъ, предстоитъ въ Москвѣ демонстрація студентовъ въ четвергъ или ранѣе. Здѣсь лекціи пріостановлены. Прошу сообщить попечителю. Здѣшніе студенты послали въ Москву эмиссаровъ». На другой день: «Прикажите слѣдить за чиновникомъ министерства Громека и узнать, зачѣмъ онъ поѣхалъ въ Москву».

26 сентября Тучковъ отвѣчалъ: «Попечитель округа спрашиваетъ, послѣдуетъ ли ему приказаніе, какъ поступить со студентами при возвращеніи ими билетовъ; я полагаю бы совершенно исключать ихъ изъ университета, о чемъ тогда же объявлять; отвѣта ожидаю». Его же телеграмма отъ 27 сентября: «Громека въ Спб. Былъ здѣсь, чтобы уговаривать литераторовъ подписать адресъ по поводу арестованія Михайлова, но предложеніе всѣми отвергнуто» (архивъ мин. вн. дѣлъ, особое дѣло канц. № 45).

Въ одномъ изъ засѣданій особаго комитета, подъ предсѣдательствомъ вел. кн. Михаила Николаевича, Путятинимъ были предъ-

явлены два коллективныхъ прошенія: одно отъ литераторовъ вообще, другое отъ редакціи «Энциклопедическаго Словаря, составленнаго русскими учеными и литераторами».

Привожу ихъ полностью.

«Милостивый Государь, Графъ Евѣимъ Васильевичъ. Мы, нижеподписавшіеся редакторы и сотрудники петербургскихъ журналовъ, съ глубокимъ прискорбіемъ узнали, что вчера одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ литераторовъ подвергся аресту послѣ вторичнаго обыска, произведеннаго у него на квартирѣ полиціею. Извѣстіе это тѣмъ болѣе поразило насъ, что еще недавно обнародованъ былъ законъ объ отдѣленіи судебной власти отъ полиціи,—законъ, по которому каждый изъ русскихъ подданныхъ огражденъ отъ произвольнаго вторженія полиціи въ его жилище. Вся русская литература съ сочувствіемъ привѣтствовала появленіе этого закона, никакъ не ожидая, что благодѣяніе его не распространяется на однихъ только служителей литературы.

«Мы не знаемъ, въ чемъ обвиняется М. И. Михайловъ, и даже самъ г. Михайловъ, какъ говорятъ, не знаетъ этого. Мы знаемъ только, что вся литературная дѣятельность этого писателя направлена была къ самымъ благороднымъ и высокимъ цѣлямъ и постоянно клонилась къ уменьшенію въ человѣчествѣ страданій и преступленій, а не къ увеличенію ихъ. Поэтому мы никакъ не можемъ допустить, чтобы г. Михайловъ могъ быть виновенъ въ какомъ-либо чрезмѣрномъ преступленіи, для котораго необходимо было забвеніе всѣхъ установленныхъ по наказу для судебныхъ слѣдователей правилъ. Соображенія эти даютъ намъ смѣлость обратиться къ В. С., какъ къ прямому и естественному защитнику русской литературы, съ убѣдительноѣйшей просьбой принять подъ свою защиту дальнѣйшую часть г. Михайлова, какъ одного изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей литературы. По нашимъ законамъ, интересы каждаго подданнаго ограждены при судебно-полицейскомъ слѣдствіи заступничествомъ и присутствіемъ депутата отъ того сословія или вѣдомства, къ которому принадлежитъ обвиняемый. Одни только литераторы лишены этой защиты. Смѣемъ думать, что они не заслужили такого печальнаго исключенія ихъ изъ общихъ правъ народа. Поэтому мы льстимъ себя надеждой, что В. С. не откажетесь защитить интересы литераторовъ въ нынѣшнемъ прискорбномъ для нихъ случаѣ и примете къ сердцу глубокое несчастіе, постигшее одного изъ лучшихъ нашихъ товарищей. Г. Михайловъ живетъ однимъ только литературнымъ трудомъ. Занятія его внезапно прерваны къ ущербу и его собственныхъ интересовъ и интересовъ литературы. Г. Михайловъ аресто-

ванъ и лишень всякой помощи, всякой защиты. Неопытный въ судебно-полицейскихъ дѣлахъ, онъ можетъ быть запутанъ въ ущербъ истинѣ и справедливости. Позвольте, Графъ, надѣяться, что Вы не откажетесь испросить освобожденіе г. Михайлова, а если это невозможно, то, по крайней мѣрѣ, исходатайствуете дозволеніе назначить къ нему въ помощь, по нашему избранію, депутата для охраненія его гражданскихъ правъ во все время судебно-полицейскаго изслѣдованія поступковъ, въ которыхъ онъ обвиняется.

«Примите, В. С., увѣреніе въ совершенномъ и искреннемъ нашемъ почтеніи и преданности. Николай Альбрехтъ, Александръ Аванасьевъ-Чужбинскій, Константинъ Бестужевъ-Рюминъ, Григорій Благосвѣтловъ, Иванъ Вернадскій, Николай Вессель, Александръ Героглифовъ, Степанъ Громека, Владиміръ Зотовъ, Дмитрій Кожанчиковъ, Андрей Краевскій, Валеріанъ Кремпинъ, Василій Курочкинъ, Николай Курочкинъ, Григорій Елисеевъ, Николай Кроль, Графъ Кушелевъ-Безбородко, Петръ Лавровъ, Сергѣй Максимовъ, Дмитрій Минаевъ, Іосифъ Паульсонъ, С. Н. Палаузовъ, Михаилъ Стопановскій, Николай Степановъ, Василій Толбинъ, Николай Добролюбовъ, Михаилъ Достоевскій, Аполдонъ Майковъ, Алексѣй Писемскій, Иванъ Панаевъ, Ник. Некрасовъ. 15 сентября 1861 г.»

«Ваше сіятельство, графъ Евѣимъ Васильевичъ. Сегодня происходило общее собраніе редакторовъ «Энциклопед. Словаря», созванныхъ общимъ редакторомъ его, для обсужденія мѣръ, которыя могли бы быть приняты по случаю прискорбнаго ареста Михаила Ларіоновича Михайлова, редактора одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ Словаря, именно отдѣла общей и русской словесности. Принявъ званіе редакторовъ различныхъ отдѣловъ Словаря, мы съ тѣмъ вмѣстѣ взяли на себя обязанность заботиться объ успѣхѣ изданія, которое можетъ итти лишь при содѣйствіи большого числа русскихъ ученыхъ и литераторовъ, на которое положенъ издателями значительный капиталъ и которому выразилъ свое сочувствіе самымъ дѣломъ Государь Императоръ, Высочайше соизволивъ назначить въ ссуду издателямъ «для поощренія столь полезнаго изданія» значительную часть основного капитала. Внезапное удаленіе отъ дѣла редактора весьма важной части Словаря не можетъ не имѣть самаго вреднаго вліянія на ходъ нашего изданія, и, между тѣмъ, слѣдя за всѣми трудами Мих. Лар. Михайлова по Словарю, находясь съ нимъ въ безпрестанныхъ сношеніяхъ, мы убѣдились, что замѣна его въ эту минуту невозможна безъ ущерба, слѣдствія котораго предвидѣть нельзя, особенно при обязательности срочнаго выхода книгъ. Поэтому мы обращаемся къ Вашему Сіятельству, какъ къ естественному покровителю науки въ нашемъ отечествѣ, прося

Вашего содѣйствія въ дѣлѣ, которое не можетъ быть чуждо Вашему сердцу, какъ Министра Народнаго Просвѣщенія и образованнаго человѣка. Мы просимъ Ваше Сіятельство ходатайствовать о скорѣйшемъ освобожденіи Мих. Лар. Михайлова, если арестъ его произошелъ лишь вслѣдствіе подозрѣнія въ какомъ-нибудь неосторожномъ поступкѣ, и въ этомъ случаѣ просимъ принять наше поручительство въ явкѣ г. Михайлова по востребованію. Если же скорое освобожденіе его найдено будетъ невозможнымъ, то просимъ о дозволеніи ему и подъ арестомъ продолжать свои ученые работы по Словарю, причемъ требуемыя книги и бумаги будутъ доставлены общимъ редакторомъ назначенному отъ полиціи лицу для предварительнаго осмотра. Еще, для устраненія перерыва въ доставкѣ работъ по Словарю, просимъ о дозволеніи общему редактору войти въ словесныя или письменныя сношенія съ арестованнымъ, причемъ г. Лавровъ соглашается подвергнуться при этомъ всѣмъ требуемымъ правиламъ. Надѣясь на сочувствіе В. С. къ изданію, которое предпринято съ серьезною цѣлью науки и просвѣщенія и пользуется Высочайшимъ сочувствіемъ, мы еще разъ просимъ о ходатайствѣ Вашемъ за нашего товарища, печальная участь котораго намъ глубоко прискорбна, потому что, работая до сего времени вмѣстѣ съ нимъ, мы привыкли любить и уважать его. Общій редакторъ Петръ Лавровъ, Илья Березинъ, Константинъ Бестужевъ-Рюминъ, Викторъ Буняковскій, Андрей Бекетовъ, Аполлонъ Майковъ, Аксентъ Годолинъ, Александръ Лохвицкій, Ѳедоръ Тернеръ, Александръ Энгельгардтъ. Сентября 16 дня 1861 г., С.-Петербургъ» (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канцеляріи 1861 г. № 114). Разумѣется, эти прошенія не имѣли никакихъ послѣдствій.

2. 22 сентября 1861 г. министръ внутр. дѣлъ представилъ государю записку съ общимъ взглядомъ на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Россіи съ точки зрѣнія охраненія внутренней безопасности. «Упомягая о болѣзненныхъ признакахъ общаго настроенія умовъ, о первоначальныхъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на дворянство и на крестьянъ Положеніемъ 19 февраля, о сомнительномъ расположеніи духовенства, о вредномъ направленіи литературы и еще болѣе вредномъ направленіи юношества, которое было готово опередить литературу и съ одной стороны, предавалось самымъ опаснымъ социальнымъ теоріямъ, а съ другой, явно дружилось съ польскими агитаторами,—министръ вн. дѣлъ присовокуплялъ тогда, что, къ счастью, вѣрноподданническія чувства преданности вашему величеству и монархическому началу не были поколеблены въ массахъ». «Державная сила вашего величества сохранилась (1864 г.—*М. Л.*); высочайшая воля в. в. вездѣ исполнялась безпрекословно.

Но въ этой силѣ и въ этой волѣ исключительно заключалась вся сила правительства. Какъ административный механизмъ, разсматриваемый отдѣльно отъ высочайшей власти и предназначенный къ исполненію ея указаній, правительство не имѣло вліянія на массы, потому что оно отъ нихъ частью отдѣлилось, частью отстало и не могло опереться ни на одну изъ главныхъ частей этихъ массъ». «Въ оправданіе своихъ соображеній министръ вн. дѣлъ ссылался на неумѣстныя заявленія и сомнительныя намѣренія дворянскихъ собраній въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, на затруднительность раскрытія лицъ, виновныхъ въ распространеніи, съ неимовѣрнымъ успѣхомъ, возмутительныхъ воззваній, на крайнее равнодушіе къ тому публики, которая, какъ будто, болѣе озабочивалась неудачами полиціи, чѣмъ сущностью дѣла, наконецъ, на поразительное отсутствіе всякихъ признаковъ патріотизма, въ виду событій въ Польскомъ и Западномъ краѣ» (всепод. отчетъ министра вн. дѣлъ за 1861—63 гг., архивъ П. Я. Дашкова).

1725. Клевета на поляковъ.

Къ подлѣйшимъ продѣлкамъ, къ которымъ прибѣгало петербургское правительство, какъ обманъ студентовъ, что университетъ будетъ открытъ 2 окт., арестъ депутатовъ и пр., относится обвиненіе польскихъ студентовъ въ университетскихъ *беспорядкахъ*. Полиція знаетъ, что это неправда, но желаетъ такимъ пошлымъ средствомъ помѣшать сближенію поляковъ съ русскими. Глупость ихъ въ уровень грязной безнравственности.

1726. „Великоруссъ“ въ ученой Москвѣ.

Намъ пишутъ, что гг. Бабстъ ¹⁾, Чижовъ ²⁾ и В. Коршъ ³⁾, подучивъ по почтѣ по экземпляру «Великорусса», снесли его тотчасъ въ полицію. Правда ли это? Мы готовы, какъ Фердинандъ въ Шиллеровой «Kabale und Liebe», просить, если это правда, чтобъ намъ солгали! ²

◆◆ 1. 21 октября 1861 г. гр. Путятинъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что, вслѣдствіе сообщенной ему послѣднимъ записки о

¹⁾ Иванъ Кондратьевичъ.

²⁾ Ѳедоръ Васильевичъ.

³⁾ Валентинъ Ѳедоровичъ. ¹

«предосудительномъ направленіи нашей періодической литературы, и въ особенности „Московскихъ Вѣдомостей“», главное управление цензуры предложило московскому ценз. комитету «строжайше наблюдать за духомъ и направленіемъ період. изданій, и преимущественно „М. Вѣд.“; при этомъ оно приняло мѣры о внушеніи ихъ редактору Валентину Федоровичу Коршу быть болѣе осторожнымъ при изданіи сей газеты; если же онъ не измѣнитъ предосудительнаго направленія изданія, то будетъ немедленно удаленъ отъ должности редактора».

2. 26 сентября казанскій губернаторъ телеграфировалъ министру вн. дѣлъ: «кончившій курсъ въ петербургскомъ, бывшій прежде здѣшняго университета юристъ Николай Михайловичъ Павлиновъ, прикомандированный въ Главное управление Вост. Сибири, братъ котораго служить въ Красноярскѣ, проѣхавъ 24 числа черезъ Казань, провезъ съ собой возмутительное воззваніе, кажется, «Великоруссь», не оставивъ здѣсь ни одного экземпляра. Свѣдѣніе это отъ студента, бывшаго на проводахъ его отсюда; сообщено почтою ген.-губернатору Корсакову» (архивъ мин. вн. дѣлъ, особое дѣло канц. № 45). Павлиновъ впослѣдствіи былъ виднымъ представителемъ прогрессивной русской адвокатуры и сибирскимъ общественнымъ дѣятелемъ.

1727. Артиллерія и Лицей.

Артиллерійская академія подала по начальству рапортъ, объясняя, что такъ какъ назначена плата правительствомъ за слушаніе лекцій въ университетѣ, то офицеры просятъ удерживать изъ ихъ жалованья по 5 % на уплату за бѣдныхъ студентовъ.

Въ Лицеѣ юбилейный комитетъ (изъ депутатовъ отъ всѣхъ курсовъ) отмѣнилъ всякое торжество 19 октября (50-лѣтіе Лицея) и на собранныя деньги, 6.000 руб., положилъ имѣть стипендіата. Корреспондентъ «Таймса» (25 окт.) полагаетъ, что не больше 200 студентовъ пройдутъ черезъ путятинскія фуруклы. Неужели, найдется и двѣсти!?

1728. (Извѣщеніе).

Издатели извѣщаютъ гг. пославшихъ о полученіи «Краткаго журнала» генерала Толля, статьи о Пироговѣ и письма о г. Неваховичѣ; послѣднее мы подшли къ досье Адлерберговъ. Aviso не пропадетъ.

1729. Письмо кн. П. В. Долгорукову.

1 ноября (1861).
Orsett House.

Почтеннѣйшій князь Петръ Владиміровичъ, пишу къ вамъ *секретный вопросъ*: не знаете ли вы, кто такое и что такое *Шедо-Ферроти*? Мнѣ называли его Фирксомъ. Мы справлялись въ адресъ-календаръ, но не знаемъ.

Я получилъ вчера отъ него другое письмо (прежнее было напечатано), очень странное: онъ хочетъ сдѣлать, вмѣсто Бруннова, смѣшнымъ меня и пр. Я не понимаю, почему онъ адресуется ко мнѣ. Вы меня очень обяжете, написавъ строку-другую. Не мѣшаетъ и въ «Будущности» сказать объ этой системѣ III Отдѣленія дѣлать интимидациі. *Я совершенно увѣренъ* въ источникѣ писемъ.

Засимъ усердно кланяюсь вамъ отъ Огарева и себя.

А. Герценъ. ¹

◆◆ 1. Подъ псевдонимомъ «Д. К. Шедо-Ферроти» (Д. К. Schédo-Ferroti) писалъ бар. Ѳедоръ Ивановичъ Фирксъ. Инженеръ путей сообщенія по профессіи и прежней своей службѣ, онъ служилъ потомъ въ таможенномъ вѣдомствѣ, а затѣмъ состоялъ агентомъ министерства финансовъ въ Брюсселѣ, получивъ это мѣсто по желанію вел. кн. Константина Николаевича, цѣнившаго въ немъ «бойко перо» и умѣніе приспособляться. Очень неслестно аттестовалъ Фиркса бар. А. И. Дельвигъ («Мои воспоминанія», т. I, 209—210), выставивъ его приживаломъ кн. Максutowыхъ, болтуномъ, хвастуномъ, человѣкомъ недобросовѣстнымъ до мелочей. Свою «литературную» дѣятельность Фирксъ началъ въ 1857 г., выпустивъ первый этюдъ своей серіи «Etudes sur l'avenir de la Russie» подъ заглавіемъ «La libération des paysans», Berlin. Книжка имѣла успѣхъ по разнымъ причинамъ: съ одной стороны, знали, что это есть отголосокъ мнѣнній кружка великаго князя, съ другой, — ее приписывали Ю. Ѳ. Самарину («Рус. Старина» 1898, II, 277), съ третьей, — тема эта вообще очень захватывала общество. Константинъ Николаевичъ выписалъ себѣ 20 экз. этой «замѣчательной брошюры» и разослалъ ее членамъ секретнаго крестьянскаго комитета и разнымъ другимъ лицамъ. Такъ или иначе, брошюра выдержала за три года четыре изданія. Затѣмъ Фирксъ выпустилъ еще пять этюдовъ («Les principes du gouvernement et leurs conséquences», 1857;

«Malversations et remèdes», 1858; «La noblesse, 1859; «Le militaire», 1860; «Les serfs non encore libérés», 1861); нѣкоторые изъ нихъ были переизданы. Въ послѣднемъ, вышедшемъ въ апрѣлѣ 1861 г., Шедо-Ферроти, между прочимъ, говоритъ: Опубликованіе «Колоколомъ» массы всевозможныхъ документовъ, не предназначенныхъ для всеобщаго свѣдѣнія «мы не можемъ поставить ему въ упрекъ»; «уже пора утратить нашу традиционную таинственность»; «но у него не мало документовъ, которые говорятъ противъ него,—противъ того употребленія, которое дѣлаетъ изъ нихъ Герценъ»; онъ недостаточно смотритъ за своими сотрудниками, позволяя имъ печатать то, что не должно было видѣть столбцы любой газеты; «въ Россіи его читаютъ не систематически—мы ни у кого не видѣли полного комплекта его изданій» (стр. 65—97).

Въ августѣ 1861 года Шедо-Ферроти выпустилъ въ Берлинѣ брошюру «Lettre à monsieur Herzen».

Въ ней говорится о Герценѣ вообще, безотносительно къ какому-либо его отдѣльному шагу, дѣлается его общая характеристика и—что особенно важно—оцѣнивается его громадный талантъ, который авторъ съ удовольствіемъ видѣлъ бы приложеннымъ къ черновой русской работѣ.

Прежде всего Шедо-Ферроти касается не содержанія, а только формы, въ которую облакаетъ Герценъ свои мысли,—такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ самъ. Авторъ надѣется, что слова его будутъ приняты безъ предубѣжденія, и, можетъ быть, эта строгая критика заставитъ Герцена задуматься и даже умѣрить рѣзкій тонъ своихъ статей,—вѣдь, публицистъ долженъ иногда жертвовать своимъ самолюбіемъ, если того требуютъ принципы, которымъ онъ служить.

Шедо-Ферроти съ благодарностью вспоминаетъ строгихъ критиковъ, которые ему самому посовѣтовали умѣрить рѣзкость въ выраженіяхъ: онъ никогда не раскаивался въ этомъ, такъ какъ умѣренный тонъ даетъ ему возможность говорить о такихъ вопросахъ, какъ, напр., о военной службѣ,—и эту статью не только читали высшіе военные чины, но, быть можетъ, они даже проводили въ жизнь нѣкоторыя высказанныя въ ней мысли. Для Герцена же, съ его необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и талантомъ, такое вліяніе будетъ обезпечено. Получая цѣнные свѣдѣнія изъ провинціи, имѣя цѣнныхъ сотрудниковъ,—сколько можно было бы сказать о причинахъ неурядицъ въ Россіи, но сказать серьезно и безъ озлобленія, и тогда, конечно, всѣ прислушивались бы къ этому *авторитетному* голосу. «И вы могли бы быть увѣрены, что васъ выслушаютъ и оцѣнятъ ваши идеи, разъ эти идеи удовлетворяли бы

двумъ условіямъ: 1) они должны быть примѣними при существующемъ положеніи вещей и 2) должны быть изложены въ выраженіяхъ, не задѣвающихъ за живое никого изъ тѣхъ, кто можетъ провести въ жизнь ваши идеи» (стр. 6).

Рѣзкость же тона Герцена и его личныя нападки мѣшаютъ такому благопріятному ходу вещей. Нападать надо на учрежденія, а не на личности.

Въ Россіи надо измѣнить всѣ законы, оставивъ неприкосновеннымъ лишь монархическій принципъ,—административныя формы не соотвѣтствуютъ болѣе нуждамъ страны,—а для этой цѣли далеко недостаточно переимѣнить только людей. Пусть друзья Герцена говорятъ, что его произведенія будутъ по достоинству оцѣнены только послѣдующими поколѣніями. Если ихъ послушать, можно повторить ошибку средневѣковыхъ монаховъ, которые учили народъ не сѣять, не работать, въ виду близкой кончины міра. Герценъ, вѣдь, тоже предсказываетъ конецъ нынѣшняго соціального строя и наступленіе новой эры. Неужели же на основаніи этого предсказанія надо всѣмъ бросить исполненіе своихъ обязанностей, не указывая притомъ точно наступленія эпохи торжества новыхъ началъ?

Шедо-Ферроти приводитъ примѣры прежнихъ цивилизацій. Весь соціальный строй нѣкогда могущественныхъ государствъ—Ниневіи, Египта и т. п.—основывался на тѣхъ же двухъ принципахъ, которые положены въ основаніе и теперешнихъ обществъ: частной собственности и семейномъ началѣ. Прошли вѣка, Ниневія и Вавилонъ погибли и занесены пескомъ, а эти два принципа все такъ же сильны. Онъ не беретса рѣшить, какія соціальныя отношенія создадутся въ то время, когда на мѣстѣ Лондона и Парижа будутъ бродить стада овецъ. Вѣдь, не могли же люди временъ Сезостриса предвидѣть тѣхъ формъ, въ какія вылились общественныя отношенія въ наше время. Шедо-Ферроти утверждаетъ, что Герценъ счастливѣе его: «Если вы не опредѣляете точно формъ, то, во всякомъ случаѣ, вы провозглашаете основной принципъ будущаго—соціализмъ». Авторъ не смѣетъ спорить съ Герценомъ—пусть соціализмъ восторжествуетъ къ концѣ концовъ, хоть и трудно сказать, будетъ ли это благомъ для человѣчества... Возвращаясь къ предыдущему, онъ говоритъ такъ: если прошло столько вѣковъ, и два принципа—собственности и семейнаго начала—все такъ же, какъ и раньше, служатъ основой государственнаго строя во всѣхъ странахъ, то трудно предположить, чтобъ они сразу были отброшены. 50 вѣковъ для этого было мало! А, вѣдь, пока человѣчество не освободилось изъ-подъ власти этихъ двухъ идей, трудно говорить о проведеніи въ жизнь соціализма.

Конечно, легче поручать воспитаніе дѣтей обществу, спокойнѣе не чувствовать, что надо работать для блага дѣтей, заманчиво думать неимущимъ, что собственность будетъ распредѣлена между всѣми трудящимися. Но скоро ли это будетъ? Шедо-Ферроти сомнѣвается.

Пусть до водворенія социалистическаго строя пройдетъ еще 5.000 лѣтъ,—онъ считаетъ, что это очень скромная цифра: вѣдь, прогрессъ движется весьма медленными шагами. Допустимъ даже, что теперь развитіе общества пойдетъ усиленнымъ темпомъ, пусть торжество социализма наступитъ черезъ 1.000 лѣтъ... Но, вѣдь, до тѣхъ поръ будутъ существовать правительства, болѣе или менѣе сходныя съ нынѣшними. Автору кажется, что именно необходимо убѣдить правительство въ преимуществѣ новыхъ идей, и для этого нужно, чтобъ идеи эти были примѣнимы къ жизни и осуществимы въ данное время и въ данной странѣ. Вѣдь, и для народа мало привлекательны, хотя бы и блестящія, перспективы, которыя могутъ осуществиться лишь черезъ 1.000 лѣтъ. Въ виду этого, неужели же не заслуживаютъ вниманія тѣ поколѣнія, которыя будутъ жить до введенія новаго строя? Неужели больше стоитъ трудиться для 2861 г., чѣмъ для людей 1861 г.? Честь и слава чловѣку, который поднялся высоко надъ дѣйствительностью и заглянулъ въ будущее. Но зачѣмъ же такъ неумѣренно строго относиться къ настоящему и такъ рѣзко о немъ отзываться?

Массы не поймутъ его. По мнѣнію автора, трудъ Герцена будетъ гораздо продуктивнѣе, если онъ обратится *къ людямъ просвѣщеннымъ и, наконецъ, къ правительству*; вѣдь, нельзя отрицать, что въ настоящее время оно преисполнено благихъ намѣреній. Шедо-Ферроти увѣренъ, что Герценъ могъ бы быть очень полезенъ Россіи,—надо только оставить рѣзкій тонъ, иногда доходящій даже почти до бранныхъ выраженій, и говорить о недостаткахъ существующаго строя серьезно, пользуясь всѣмъ своимъ обширнымъ матеріаломъ. Неужели это былъ бы бесполезный трудъ? Вѣдь, правительство въ Россіи теперь не то, что было во времена молодости Герцена; нужно только, конечно, помнить, что дѣло идетъ объ обыкновенныхъ людяхъ, а не о гигантахъ, которыхъ Герценъ рисуетъ въ будущемъ.

Но, могутъ сказать, разъ Герценъ социалистъ-республиканецъ, то будетъ измѣной убѣжденіямъ, если онъ вступитъ въ какія бы то ни было отношенія съ монархическимъ правительствомъ. Авторъ старается стать на точку зрѣнія Герцена и рассуждаетъ такъ: пока не существуетъ въ Россіи социалистическаго строя, желательно, вѣдь, чтобъ законы и порядки были возможно

лучшіе. Не полезнѣ ли было бы для русскихъ, если-бъ Герценъ, вмѣсто разработки кодексовъ будущаго государства, занялся изслѣдованіемъ и обработкой законовъ для нынѣшняго правительства, существованіе котораго, вѣдь, все-таки, нельзя отрицать? Предположимъ даже, что всѣ его идеи окажутся въ данное время слишкомъ передовыми, что ихъ сейчасъ не примутъ во вниманіе, но, вѣдь, гнѣ укажутъ будущимъ изслѣдователямъ путь, по которому нужно идти. А теперь, вѣдь, никто въ Россіи не смотритъ на «Колоколь» и на отдѣльныя статьи Герцена, какъ на серьезныя сочиненія.

Серьезные ученые и люди, интересующіеся благомъ родины, ихъ болѣе не читаютъ. Учащаяся молодежь читала «Колоколь», пока это было запрещенной вещью. Теперь, когда въ Россіи вообще стало свободнѣе жить, сочиненія Герцена потеряли прелесть тайны, и ихъ стали читать не такъ охотно. Остаются еще читатели—чиновники. Они съ большимъ интересомъ ищутъ сообщенія о какомъ-либо скандалѣ въ чиновничьей сферѣ. Никто не интересуется болѣе взглядами Герцена на общество и политическій строй. «Васъ болѣе не читаютъ», говоритъ Шедо-Ферроти. Ищутъ остраго словечка, восхищаются смѣлостью человѣка, бранящаго тѣхъ, передъ кѣмъ всѣ пресмыкаются. Но, вѣдь, такіе читатели не посмѣютъ провести въ жизнь ни одной изъ идей Герцена. «Одни признаютъ эти идеи безплодными; другіе отстраняются отъ нихъ, вслѣдствіе грубой формы, въ которой онѣ выражены; третьи считаютъ ихъ неосуществимыми мечтаньями; на остальныхъ читателей вы не можете разсчитывать, какъ на борцовъ». А между тѣмъ, какъ цѣнны были бы статьи Герцена, если-бъ онъ захотѣлъ примѣнить свои силы къ выясненію дѣйствительныхъ нуждъ родины...

Подписываясь своимъ обычнымъ псевдонимомъ, Фирксъ объяснилъ, что скрытое имя дѣлаетъ его свободнѣе, не стѣсняя родственными и другими связями.

Таково содержаніе первой брошюры-письма, на которое указалъ Герценъ.

Замѣчу, что имя послѣдняго въ Россіи все еще находилось подъ запретомъ. Помѣщая въ X кн. «Современника» V главу своихъ «Литературныхъ воспоминаній», И. И. Панаевъ долженъ былъ вездѣ назвать Герцена—N.

Шедо-Ферроти былъ, конечно, поддержанъ рептильной заграничной прессой. Приведу для иллюстраціи похвалы его инициативѣ со стороны «Allgemeine Zeitung». Между прочимъ, газета находила, что авторъ «цѣнныхъ» «Etudes» обращается къ «Колоколу» съ такимъ же предупрежденіемъ, съ какимъ нѣсколько раньше обра-

щался ея собственный корреспондентъ, т.-е. предлагаетъ «Колоколу» остановиться на^е его скользякомъ пути. «Легче становится дышать, когда встрѣчаешь, наконецъ, людей, вступающихъ въ честный бой съ угрожающимъ заподозрѣваніемъ и ядовитымъ сарказмомъ на томъ самомъ полѣ, на которомъ доннынѣ они безвозбранно и безнаказанно царили. Условія цензуры не допускаютъ въ Россіи ни реплики, ни возраженій, ни даже упоминанія имени политическаго изгнанника, чѣмъ, кстати сказать, не могутъ назвать себя гг. Герценъ и Долгоруковъ, такъ какъ они оба добровольно покинули свое отечество, но дѣлаютъ видъ, будто нѣчто чудовищное изгнало ихъ оттуда. Также недопустимо, чтобы русскій подданный позволялъ себѣ за границей вступить въ полемику. Многіе уже давно вступили бы въ борьбу съ революціонной литературой, если бы ихъ не удерживала боязнь, что они будутъ публично облиты помоями, къ чему мы еще не привыкли въ такой степени, какъ къ этому привыкли въ Западной Европѣ. Но нахальству слѣдуетъ естественно оказать противодѣйствіе, и, если Ш.-Ф. дѣлаетъ починъ, то въ послѣдователяхъ недостатка не будетъ. Если бы русская цензура допустила литературную борьбу съ этими господами, они скоро были бы раздавлены подъ тяжестью возраженій, доказательствъ и истины. Россія, безспорно, находится въ переходномъ состояніи, и, понятно, что въ странѣ съ населеніемъ въ 70 милліоновъ многое несовершенно и нуждается въ исправленіи, какъ и во всякой другой странѣ. Будь въ Россіи свободная пресса, мы очень скоро узнали бы, что стремленіе къ честности, нравственности и прогрессу такъ же живо тамъ и такъ же ярко выражено, какъ на это претендуютъ, въ качествѣ монополіи, тѣ господа, которые укрываются за бастиономъ чужеземныхъ законовъ... Воистину, императоръ Ал. II не заслуживаетъ ни этого сарказма, ни этой постоянной ругани. Никто въ настоящее время не станетъ обвинять русскаго въ холопствѣ за то, что онъ любитъ своего царя, крѣпко на него надѣется и шествуетъ вмѣстѣ съ нимъ по трудному и благородному пути реформъ. Какъ и во всякой другой странѣ, въ Россіи въ настоящее время мыслятъ и чувствуютъ либерально, но, понятно, не въ томъ смыслѣ, который идентифицируетъ либерализмъ съ революціей. Г. Герценъ позволилъ увлечь себя дешевымъ одобреніемъ молодежи такъ далеко, что республика въ Россіи уже не удовлетворила бы его. Соціализмъ, во всей его, давно извѣстной, наготѣ—вотъ цѣль, къ которой онъ стремится всѣми силами своей блестящей діалектики. Тамъ нѣтъ ничего, что наводило бы на зрѣлое, обдуманное предложеніе государственнаго мужа, ничего, что могло бы быть примѣнено для

дѣйствительнаго улучшенія даннаго положенія вещей, ничего, что могло бы способствовать спокойному развитію, и Ш.-Ф. совершенно правъ, говоря своему, добровольно имъ избранному, противнику, что его звѣзда меркнетъ, и его опасная дѣятельность гаснетъ. Наши сатирическіе и юмористическіе листки уже теперь приносятъ больше пользы, чѣмъ «Колоколъ» и «Будущность», и ихъ оставляютъ въ покоѣ. Но у нихъ нѣтъ очарованія запретнаго, нѣтъ притягательности тайны. Если бы русское правительство рѣшилось разрѣшить свободное обращеніе въ публикѣ этихъ постыдныхъ писаній, они скоро утратили бы остатокъ своего вліянія, вслѣдствіе увеличивающихся съ каждымъ номеромъ грубости, неумѣренности выражений и цинической ярости». «Allg. Ztg» ставитъ себѣ въ заслугу, что она возвысила свой голосъ для того, чтобы было услышано все растущее неудовольствіе противъ этого направленія. «Мы видимъ, что Германія стремится совѣмъ къ другимъ политическимъ формамъ, и неужели мы допустимъ, чтобы незрѣлые и безпокойные умы присовѣтовали ей скачокъ отъ самовластія къ республикѣ,—скачокъ, ведущій черезъ кровь и слезы? Понятно, мы можемъ только пожелать, чтобы брошюра Ш.-Ф. нашла возможно большее количество читателей въ Германіи. Изъ нея, а также изъ его «Etudes» нѣмцы узнаютъ больше о стремленіяхъ и надеждахъ въ Россіи, чѣмъ изъ цѣлаго арсенала газетъ, брошюръ и мемуаровъ, которые съ весьма понятной цѣлью распространяются въ Лондонѣ, Парижѣ и Лейпцигѣ противъ Россіи, спекулируя на любопытство, запрещенія, тайну и дурныя страсти. Въ прошлое царствованіе это можно было бы объяснить и даже до извѣстной степени оправдать, но сейчасъ это—анахронизмъ! Ужасную отвѣтственность берутъ на себя эти господа, вызывая бурю провокаціей злыхъ страстей и этимъ преграждая дорогу къ лучшему будущему своему отечеству, мучающемуся родовыми муками. Они оправдываютъ себя отвратительной банальной угрозой: «Que vous voulez-vous, il faut bien passer par là!», т.-е. «Ничего не подѣлаешь,—надо пройти черезъ это!». Какъ Россія доказала освобожденіемъ крестьянъ, что можно слѣдовать по пути прогресса безъ революціи, такъ и впредь она докажетъ, что не пойдетъ по пути, указываемому ей нѣкоторыми коварными ея сыновьями» («Allgemeine Zeitung» № 282 отъ 9 окт. 1861, Beilage).

1730. Письмо къ М. К. Рейхель.

3 ноября (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Виновать я передъ вами и затѣмъ пишу: послалъ «Колоколь», да еще 2, на старый адресъ; получили ли? Да неужели у васъ въ вашей Корчевѣ почта не пересылаетъ? увѣдомьте. А пока—забавъ-то, забавъ-то... III Отдѣл. расхорохорилось и не на шутку вздумало меня убить: Ротш., Тург. и Тхоржевскій получили aviso ¹⁾,—вотъ причина моего письма къ Бруннову и журнальнаго шума. (Если «Кол.» нѣтъ, пошлю франц. экземпляръ). Въ Россіи дѣлаются безобразія и отъ общества. Въ послѣд. «Колок.» поименованы Коршъ (В.), Бабствъ, Чижовъ и à la fin Мельгуновъ. А проpros, я васъ спросилъ о долгѣ потому, что полагалъ, что онъ вамъ долженъ. Съ америк. фондами дѣлать нечего,—ждать у моря погоды.

Мы всѣ въ Лондонѣ и раздѣлились, т.-е. домъ, занимаемый нами, очень хорошъ, но малъ,—я нанялъ возлѣ комнаты для Таты, Ольги и Мейзенбургъ; если-бъ я это не сдѣлалъ, то по поводу выставки мнѣ пришлось бы на будущій годъ платить 600 фун. въ годъ. ¹ Саша съ нами до января.

Ну, и прощайте.

◆◆ 1. Разумѣется, причина отдѣленія дочерей была вовсе не въ этомъ, а въ желаніи оградить ихъ отъ постояннаго общенія съ Н. А. Огаревой.

1731. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 нояб. (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Письмецо ваше получилъ и пишу сейчасъ къ вамъ запросъ—и на сей запросъ прошу также отвѣтъ.

Вѣсть, вами полученная отъ Бени, откуда? Если изъ Германіи—неважно, если изъ Россіи—важно. Кто пишетъ именно? Откуда: изъ Москвы или Петерб.?

¹⁾ Увѣдомленіе.

Если нѣтъ подробностей, сейчасъ напишите, чтобъ васъ извѣстили. Это очень важно. Бени теперь ужъ опять въ Петербургъ и имѣеть много комиссій. Пожалуйста, не теряйте времени, а съ прежней энергіей тряхните.

Бакунинъ въ New-York'ѣ. Я ему послалъ 2,000 фр. Онъ, вѣроятно, къ Кристинделю ¹⁾ будетъ. ¹

Душевно желаю, чтобъ вашему малюткѣ было лучше. Прощайте, тороплюсь.

Когда будете писать въ Россію, не худо напомнить Мельгуну (черезъ кого хотите), который пишетъ глупыя «письма» въ «Петербург. Вѣдом.», что пора начать выплачивать долги.

Расходы на всякія дѣла у меня растутъ, и мнѣ было бы пріятно получить хоть частями.

Рейхеля обнимаю.

Въ Парижѣ напечатали, что я схваченъ и свезенъ въ казематъ. Львицкій телеграфируетъ ко мнѣ же: «Правда ли?»

◆◆ 1. 9 августа 1861 г., въ канцелярію военного губернатора Приморской области въ г. Николаевскъ былъ доставленъ изъ канцеляріи 27 флотскаго экипажа рассыльнымъ матросомъ Романомъ Татариновымъ обыкновенный служебный пакетъ. Принялъ его писарь Черновъ. Пакетъ заключалъ въ себѣ бумагу отъ 5 іюня слѣдующаго содержанія:

«Г-ну военному губернатору Приморской области Восточной Сибири. Выдавъ бывшему прапорщику Михайлу Бакунину, получившему высочайшее повелѣніе на вступленіе въ гражданскую службу, видъ на свободный проѣздъ во вѣренную вашему превосходительству область, я имѣю честь увѣдомить о томъ васъ, милостивый государь, и присовокупить, что Бакунинъ находился подъ надзоромъ полиціи. Гражданскій губернаторъ Извольскій».

Прочтя ее, военный губернаторъ Приморской области контръ-адмиралъ Казакевичъ, возвратившійся въ тотъ день изъ комиссіи по разграниченію нашихъ владѣній съ Китаемъ, сейчасъ же приказалъ навести справки, почему бумага доставлена такъ поздно.

Результаты розысковъ видны изъ рапорта Казакевича ген-губернатору Восточной Сибири ген.-м. Корсакову отъ 21 августа: «2-го іюля на пароходѣ «Амуръ» прибылъ въ Николаевскъ бывший прапорщикъ Михайлъ Бакунинъ съ открытымъ предписаніемъ отъ иркутскаго губернатора. Бакунинъ объявилъ, что онъ пріѣхалъ

¹⁾ Праздникъ Рождества Хр.

съ цѣлю собирать свѣдѣнія о торговлѣ края, и просилъ дать ему возможность побывать въ де-Кастри, куда въ это время шель клиперъ «Стрѣлокъ». Управляющій округомъ кап. I ранга Петровскій разрѣшилъ ему воспользоваться этимъ случаемъ, и Бакунинъ отправился на «Стрѣлкѣ» (9 июля—*М. Л.*) съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Николаевскъ черезъ Маринскъ. Не доходя Лазарева мыса, капитанъ «Стрѣлка» (кап.-лейт. Сухомлинъ—*М. Л.*), ведя на буксирѣ купеческое судно «Викерсъ», шедшее въ заливъ св. Ольги съ казеннымъ грузомъ, имѣлъ надобность передать на это судно нѣкоторыя распоряженія и послалъ къ нему шлюпку. Бакунинъ изъявилъ желаніе пересѣсть на судно «Викерсъ», чтобы итти съ нимъ въ заливъ св. Ольги. Такъ какъ не было никакихъ свѣдѣній о томъ, въ какой степени можно было стѣснять свободу Бакунина, капитанъ «Стрѣлка» не счелъ себя въ правѣ помѣшать желанію Бакунина. Предписаніе о томъ, что Бакунинъ находится подъ надзоромъ полиціи, получено только 9 августа изъ канцеляріи флотскаго экипажа. По сдѣланному изслѣдованію оказалось, что мичманъ Бронзертъ получилъ въ бытность его въ Иркутскѣ отъ старшаго адъютанта штаба войскъ Вост. Сиб. капитанъ-лейтенанта Скебнева вышеизложенный пакетъ, но, такъ какъ Бронзертъ отправился изъ Иркутска въ Кяхту, то передалъ его мичману Волкову, который вскорѣ послѣ этого заболѣлъ, а т. к. на пакетѣ не было никакой надписи о секретномъ и весьма важномъ дѣлѣ, заключающемся въ немъ и требующемъ немедленнаго исполненія, то и надѣялся доставить пакетъ во-время, и поэтому пакетъ попалъ въ Николаевскъ только 9 августа, когда Бакунина давно уже тамъ не было. По полученнымъ извѣстіямъ, Бакунинъ былъ въ заливѣ св. Ольги и оттуда отправился въ Хакодате для торговыхъ дѣлъ, высказывая намѣреніе вернуться оттуда въ Николаевскъ моремъ или черезъ Шанхай въ Иркутскъ.

«Донося о семъ, честь имѣю прибавить, что вмѣстѣ съ симъ я увѣдомилъ нашего консула въ Хакодате и просилъ его употребить свое вліяніе и оказать содѣйствіе къ возвращенію Бакунина въ Николаевскъ».

21 авг. консулу въ Хакодате Гаткевичу было сообщено секретно слѣдующее: «Бывшій прапорщикъ Михаилъ Бакунинъ отправился въ Хакодате. Въ настоящее время, получивъ увѣдомленіе, что Бакунинъ долженъ находится подъ надзоромъ полиціи, я имѣю честь просить в. в. оказать содѣйствіе къ отправленію Бакунина въ Николаевскъ на одномъ изъ отходящихъ нашихъ военныхъ судовъ, не стѣсняя, впрочемъ, нисколько его свободы. Въ случаѣ, если вы узнаете, что Бакунинъ будетъ имѣть намѣреніе отпра-

виться на купеческомъ суднѣ въ иностранные порта, то прошу васъ, по возможности, воспрепятствовать этому и имѣть въ виду, что, если не представится случай отправить Бакунина въ Николаевскъ въ навигацію нынѣшняго года, то нужно употребить всѣ средства задержать его въ Хакодате или отправить въ одинъ изъ нашихъ портовъ, сообщивъ командиру судна имѣть надзоръ за дѣйствіями Бакунина».

Гаткевичъ отвѣтилъ на это 14 сент.:

«Имѣю честь увѣдомить, что Бакунинъ пробылъ въ Хакодате только одинъ день и 5 авг. отправился въ Канагаву на томъ же суднѣ «Викерсъ», на которомъ и прибылъ изъ Николаевска. Передъ отъѣздомъ Бакунинъ сообщилъ мнѣ, что онъ намѣренъ проѣхать въ Шанхай, Нагасаки, Пекинъ и обратно въ Иркутскъ, такъ что, вѣроятно, въ скоромъ времени онъ опять будетъ въ предѣлахъ Россіи».

17 сент. иркутскій жандармъ полк. Дувингъ донесъ шефу жандармовъ, что Бакунинъ, уволенный ген.-губ. В. Сибири Корсаковымъ по собственнымъ дѣламъ на Амуръ, захалъ въ Кяхту, набралъ у мѣстныхъ купцовъ комиссій на 3500 руб. и отправился до Николаевска, а тамъ сѣлъ на судно, шедшее въ Де-Кастри, откуда отплылъ въ Америку. Слухи объ этомъ подтверждаются пріѣхавшими съ Амура. Въ тотъ же день Корсаковъ послалъ Долгорукову обширное письмо, сообщая, между прочимъ, подробности, сопровождавшія данное имъ разрѣшеніе. Бакунинъ служилъ у золотопромышленника Бенардаки, но, фактически получая жалованіе въ теченіе года, ровно ничего не дѣлалъ, «что имѣло весьма неприличный видъ»; но еще въ бытность Муравьева въ Иркутскѣ онъ отказался отъ мѣста, а братья его выдали Бенардаки вексель на всю заплаченную ему сумму. Онъ очень нуждался, «неоднократно обращался къ Корсакову по поводу затруднительнаго положенія своего» и, наконецъ, получилъ отъ купца Сабашникова 1000 р. съ условіемъ обслѣдовать возможность торговыхъ дѣлъ на Амурѣ. Корсаковъ не хотѣлъ отпускать его туда; Бакунинъ «показалъ себя глубоко оскорбленнымъ и сталъ представлять ему, что въ Иркутскѣ остается у него любимая жена, которую онъ никакъ не рѣшится оставить». Корсаковъ взялъ съ него «честное слово, что онъ не употребитъ во зло невозможности повсемѣстнаго бдительнаго надзора за нимъ въ обширной Амурской странѣ, и что до окончанія навигаціи онъ возвратится въ Иркутскъ». Бакунинъ далъ слово нѣсколько разъ.

22 октября Александръ II положилъ резолюцію на докладѣ шефа жандармовъ: «Оплошность со стороны г.-м. Корсакова не-

простительная, и, если побѣгъ Бакунина подтвердится, то онъ заслуживаетъ строжайшаго выговора».

Въ своемъ офиціальномъ сообщеніи отъ 18 октября Корсаковъ добавилъ, что 4 июня онъ разрѣшилъ командирамъ казенныхъ рѣчныхъ пароходовъ, плавающихъ по рр. Шилкѣ, Амуру, Уссури и Сунгари, принимать Бакунина безпрепятственно на нихъ. Надпись Долгорукова: «Высочайше повелѣно поставить этотъ случай на видъ какъ самому ген. Корсакову, такъ и адмиралу Казакевичу, который не можетъ быть извиненъ, хотя бы конвертъ о Бакунинѣ и не дошелъ до него своевременно, такъ какъ онъ не могъ не знать, кто такой Бакунинъ. Неудовольствіе Е. В. объявить личными, но положительными выраженіями. Сказать при этомъ, что Г. И. тѣмъ менѣе могъ ожидать снисходительности къ Бакунину, что поведеніе его въ Сибири не соответствовало той милости, которая была ему дарована освобожденіемъ его изъ крѣпости, о чемъ неоднократно было мною сообщаемо графу Муравьеву-Амурскому и вслѣдствіе сего повторенныя ходатайства графа объ облегченіи его участи не были удовлетворяемы». Позже только выяснилось, что временно должность отсутствовавшего Казакевича исполнялъ Петровскій, о которомъ и было сказано въ бумагахъ III Отдѣленія по выполненію царской резолюціи.

Аудиторъ В. Г. Катюховъ написалъ потомъ письмо адмиралу Краббе, изъ котораго видно, что нач. штаба Приморской области лейтенантъ Афанасьевъ явно оказалъ бездѣйствіе, имѣя возможность во-время задержать «Стрѣлокъ»; кромѣ того, въ содѣйствіи Бакунину были заподозрѣны состоявшіе при воен. губернаторѣ Хитрово и Филипеусъ. Афанасьевъ, бывая у знакомаго ему чиновника Бодиско, узналъ, кто такой Бакунинъ, и, несмотря на это, не принялъ мѣръ послѣ указаній Катюхова, показавшаго ему записку Бакунина, въ которой адресату было точно указано, что онъ, съ помощью друзей, ѣдетъ за границу, куда должна прибыть и его жена. Катюховъ былъ, въ свою очередь, поставленъ обо всемъ въ извѣстность ссыльнымъ полякомъ Гиларіемъ Антоновичемъ Веберомъ. Онъ указалъ, что записка Бакунина была написана военному инженеру Шабанскому; что за выѣздомъ его въ Иркутскъ онъ просилъ Вебера взять и прочесть записку, и что въ ней было сказано, что, давая слово Корсакову, онъ тогда же далъ слово самому себѣ бѣжать непременно, разчитывая на оплаченное содѣйствіе правителя канцеляріи воен. губернатора Приморской области Хитрово и на игравшаго роль либерала дѣлопроизводителя штаба Филипеуса; что его зоветъ Герценъ въ Лондонъ «дѣйствовать съ нимъ

заодно для блага Россіи» и что для этого онъ готовъ даже жертвовать своей женой.

Казакевичу приказано было произвести подробное слѣдствіе, которое и было направлено имъ Краббе. 8 ноября 1862 г. послѣдній увѣдомилъ III Отдѣленіе, что, ознакомившись со слѣдствіемъ, царь положилъ резолюцію: «Записку эту сообщить кн. Долгорукову для передачи статсъ-секретарю кн. Голицыну. По моему мнѣнію, упущенія, если не элонамѣреніе, всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, столь непростительны, что необходимо подвергнуть ихъ строжайшему изслѣдованію и должному взысканію».

Дослѣдованіе дѣла въ февралѣ 1863 г. было поручено самому Корсакову, возвращавшемуся тогда изъ СПб. въ Сибирь.

Въ августѣ 1864 г. Афанасьевъ былъ заключенъ въ Трубецкомъ бастионѣ Петропавловской крѣпости на два мѣсяца (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1843 г. дѣло № 116, ч. 4 и дѣло владивостокскаго областного архива).

Для интересующихся бѣгствомъ Бакунина полезно имѣть въ виду, кромѣ общеизвѣстныхъ источниковъ, статью Казаринова въ XII кн. «Истор. Вѣстника» 1907 г. и №№ 12902 и 12941 «Новаго Времени» 1912 г.

15 октября Бакунинъ писалъ Герцену изъ С.-Франциско: «Друзья, мнѣ удалось бѣжать изъ Сибири и, послѣ долгаго странствованія по Амуру, по берегамъ Татарскаго пролива и черезъ Японію, сегодня прибылъ въ С.-Франциско.

«Но странствованіе это истощило мои и безъ того небольшія денежныя средства, такъ что если-бъ я не нашелъ добраго чело-вѣка, который мнѣ далъ 250 долларовъ займа до Нью-Йорка, то я былъ бы въ большомъ затрудненіи. До вась далеко, а друзей, ни даже знакомыхъ у меня здѣсь нѣтъ. Въ Нью-Йоркѣ я буду около 18 ноября. Вы получите это письмо, по моему расчету, около 15 ноября, такъ что отвѣтъ вашъ можетъ прийти въ Нью-Йоркѣ въ концѣ этого мѣсяца. Я надѣюсь, что вамъ присланы для меня изъ Россіи деньги. Но такъ или нѣтъ, прошу вась, вышлите мнѣ въ Нью-Йоркѣ 500 долларовъ (кажется, 100 фунтовъ стерлинговъ), необходимые на покрытіе моихъ путевыхъ издержекъ до Лондона. Въ такомъ случаѣ я буду у вась около 10 декабря. Еще одна просьба: лишь только вы получите это письмо, черезъ вашихъ друзей въ Россіи дайте немедленно знать моимъ братьямъ (въ Твери или Тверской губерніи г. Торжокъ, село Прямухино, Николаю Александровичу Бакунину), что я прибылъ благополучно въ Санъ-Франциско и что прибуду въ Лондонъ въ половинѣ декабря. Жена моя теперь, безъ сомнѣнія, у насъ въ деревнѣ и въ сопровожденіи одного изъ моихъ братьевъ или кого другого отправится въ Лондонъ,

лишь только получить извѣстіе;—и еще просьба: наймите для меня поближе къ вамъ дешевый уголокъ и наложите мнѣ въ Нью-Йоркъ, куда въ Лондонѣ я долженъ обратиться. Если уголь окажется слишкомъ тѣсенъ, то по прибытіи жены въ Лондонъ я сумѣю нанять другой.—Мой адресъ въ Нью-Йоркѣ: Mr. Bakounin, «Howard House», Low Broadway und Courtland. Въ письмо ваше вложите записку ко мнѣ же, въ родѣ извѣщенія отъ вашего банкира съ означеніемъ суммы, мнѣ посылаемой, и имени того банкира въ Нью-Йоркѣ, отъ котораго, предъявивъ извѣщеніе лондонскаго банкира, я ее получить долженъ.

«Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ и лишь только приѣду къ вамъ, примусь за дѣло; буду у васъ служить по польско-славянскому вопросу, который былъ моею *idée fixe* съ 1846 года и моею практическою спеціальностью въ 48 и 49 годахъ. Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ, не говорю—дѣломъ: это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія этому великому дѣлу я готовъ итти въ барабанщики или даже въ прохвосты, и если мнѣ удастся, хоть на волосъ, подвинуть его впередъ, я буду доволенъ. А за нимъ является славная, вольная славянская федерація, — единственнѣйшій исходъ для Россіи, Украйны, Польши и вообще всѣхъ славянскихъ народовъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ жду я завтрашняго дня, чтобъ узнать извѣстія изъ Россіи и Польши. Сегодня я долженъ былъ довольствоваться глухими слухами. Толковали мнѣ о возобновеніи кровопролитныхъ столкновеній между народомъ и войскомъ въ Царствѣ Польскомъ и даже объ открытомъ заговорѣ въ Россіи противъ жизни императора и царской фамиліи. Авось, завтра доберусь толкомъ. Интересуетъ меня также въ сильной степени борьба Сѣверныхъ штатовъ съ югомъ въ Америкѣ. Всѣ симпатіи мои, разумѣется, клонятся къ сѣверу,—но, увы! кажется, югъ дѣйствуетъ до сихъ поръ сильнѣе, умнѣе, дружнѣе, чѣмъ онъ, и во всѣхъ встрѣчахъ имѣлъ несомнѣнное превосходство. И то правда, что югъ началъ готовиться къ борьбѣ ужъ три года тому назадъ, въ то время, какъ Сѣверные штаты взяты врасплохъ. Неимовѣрные успѣхи счастливыхъ и рѣдко вполнѣ честныхъ спекуляцій, пошлость бездушнаго матеріальнаго благоденствія и слишкомъ дешевое удовлетвореніе страшнаго дѣтскаго національнаго тщеславія растлили ихъ, кажется, очень сильно, и, можетъ быть, эта борьба будетъ спасительна тѣмъ, что она возвратитъ американскому народу утраченную душу.

«Впрочемъ, это мое первое впечатлѣніе; взглядѣвшись ближе, можетъ быть, я измѣню свое мнѣніе. Только глядѣть-то долго мнѣ будетъ некогда. Въ С.-Франциско я пробуду всего 5 дней, а по

прибытіи въ Нью-Йоркъ отправлюсь въ Бостонъ и Кембриджъ, къ старому знакомому профессору Agazis, возьму у него нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, съ которыми и поѣду на нѣсколько дней въ Вашингтонъ. Такимъ образомъ, хоть что-нибудь пойму и узнаю. Проѣздомъ сюда мнѣ удалось устроить одно доброе дѣло, которое васъ, безъ сомнѣнія, порадуетъ: зная, какъ жадно читаются въ Сибири «Колоколь» и «Полярная Звѣзда», и съ какимъ трудомъ они тамъ получаютъ, я условился съ тремя купцами: нѣмцемъ въ Шанхаѣ, американцемъ въ Японіи и другимъ американцемъ въ Николаевскѣ, при устьѣ Амура. Они будутъ брать на комиссію все, что мы имъ пришлемъ изъ Лондона, и будутъ продавать ихъ флотскимъ офицерамъ и кяхтинскимъ купцамъ, число которыхъ на Амурѣ и въ Тихомъ океанѣ будетъ каждый годъ умножаться. Такимъ образомъ мы будемъ продавать отъ 100 до 300 экземпляровъ,—количество въ торговомъ отношеніи очень небольшое, но чрезвычайно важное въ политическомъ отношеніи.

«Но пора кончать письмо, пора спать ложиться. Друзья, доскорого свиданія! Напишите Рейхелю, что я воскресаю, и что дружба моя къ нему неизмѣнна. Вашъ М. Бакунинъ».

2 ноября, написано уже въ Тихомъ океанѣ:

«Друзья, я писалъ вамъ два раза изъ С.-Франциско черезъ Pony Express (эстафету). Но, богъ знаетъ, дошли ли до васъ мои письма. Pony Express идетъ черезъ Миссури, а въ Миссури теперь свирѣпствуетъ междоусобная война. Англійскій капитанъ of a man of war ¹⁾) отправляется изъ Панама прямо въ Англию. Онъ—сынъ лондонскаго префекта полиціи, и потому я увѣренъ, что это письмо, которое онъ беретъ съ собою, дойдетъ до васъ. Передъ отъѣздомъ своимъ я вамъ писалъ еще изъ Иркутска, что, не видя никакой надежды возвратиться въ Россію путемъ правильнымъ, т. е. съ высочайшаго разрѣшенія, я рѣшился взять свободу, которой мнѣ дать не хотѣли. 5/17 іюня оставилъ я Иркутскъ, простившись съ женою, которая въ сентябрѣ должна была ѣхать въ деревню къ матушкѣ, съ тѣмъ, чтобы, по полученіи извѣстія обо мнѣ, отправиться ко мнѣ въ Лондонъ. Спустившись внизъ по Амуру до Николаевска, я сѣлъ incognito на американское судно и долго странствовалъ по Татарскому проливу и по берегамъ Японіи. Наконецъ, 5/17 сентября въ Іокогамѣ, въ 14 миляхъ отъ Іедо, мнѣ удалось найти другое американское судно, отправлявшееся въ С.-Франциско. Теперь я пишу вамъ на пароходѣ «Orizaba» въ 400 миляхъ до Панамскаго перешейка, и около 14 числа, если по ту сторону пере-

¹⁾ Военнаго судна.

шейка въ Мексиканскомъ проливѣ насъ не перехватитъ а privateer with a letter of mark ¹⁾, я буду въ Нью-Йоркѣ» («Письма», 74—78).

1732. Преображенская рота и студенты.

Петербургскій университетъ открытъ 13/25 октября; студенты изорвали свои матрикуляціи, послѣ чего собрались для обсужденія, что дѣлать. Явились жандармы, чтобъ ихъ разогнать,—студенты прогнали ихъ. Затѣмъ непріятель выставилъ роту *Преображенскаго полка* (не ту ли, которая такъ отличилась 14 декабря 1825?). Она и тутъ покрыла себя славой и, окруживъ студентовъ, свела ихъ массой въ *преображенскій застѣнокъ*, называемый Петропавловской крѣпостью. Подробности эти не подлежатъ сомнѣнію: онѣ взяты изъ «Норда». ¹

◆◆ 1. Въ № 309 «Allgemeine Zeitung» была перепечатана замѣтка изъ «Kreuz-Zeitung», указывавшая, что за то, что студенческое движеніе очень развѣтвляется и не ограничивается студенческими кружками, говоритъ слѣдующее обстоятельство: въ Москвѣ нашли тайную типографію, перепечатывавшую въ количествѣ многихъ тысячъ нумера герценовскаго «Колокола»; этимъ и объясняется, что, несмотря на строжайшую пограничную охрану, въ Россіи распространяются въ такомъ огромномъ количествѣ нумера лондонскаго или, что одно и то же—московскаго «Колокола».

1733. По дѣлу Брутовъ и Кассіевъ III Отдѣленія.

Мы полагали, что, обличивъ и предавъ смѣху всей Европы ноздревскую родомонтаду III Отдѣленія и его угрозы, мы покончили съ ними. Оказалось, не такъ. Неизвѣстное намъ лицо, подписавшееся псевдонимомъ *Шедо-Ферроти*, прислало намъ довольно длинное и очень поучительное письмо, окончивающееся «надеждой автора, что мы не откажемъ въ его просьбѣ помѣстить это письмо въ русскомъ журналѣ, издаваемомъ нами подъ названіемъ *КОЛОКОЛА*».

Мы никогда не обязывались печатать все, что посылается намъ, особенно, все, что посылается противъ насъ. Всегда готовые принять и напечатать опроверженіе, поправку факта, отвѣтъ, всегда готовые принести повинную голову въ ошибкѣ,—мы не брали на себя смѣшной роли людей, позволяющихъ себя наказывать своими собственными руками.

О г. Шедо-Ферроти мы *никогда ничего не печатали*, слѣдственно, лично вызвать его отвѣта не могли. Г. Шедо-Ферроти,

¹⁾ Каперъ, снабженный правомъ захвата.

какъ защитникъ правительства, какъ консерваторъ, имѣть право быть недовольнымъ нами, считать именно меня обезумѣвшимъ отъ тщеславія, жалѣть объ этомъ или радоваться, печатать это или нѣтъ; но адресоваться съ своими замѣчаніями лично къ человѣку незнакомому ¹⁾, и притомъ къ человѣку, не изъявлявшему желанія быть имъ исправленнымъ, очень странно.

Можетъ, увлеченный своимъ дидактическимъ желаніемъ наставить меня на путь истинный, г. Шедо-Ферроти не подумалъ объ этомъ, хотя скромность человѣка, гонящаго тщеславіе, и должна была его остановить; какъ бы то ни было, но мы увѣрены, что г. Шедо-Ферроти найдетъ справедливымъ нашу просьбу *исправлять насъ общими путями гласности*, не адресуясь прямо къ людямъ, не заслужившимъ ни столько вниманія, ни столько заботливости.

5 ноября 1861. ¹

◆◆ 1. Въ декабрѣ 1861 г., въ Берлинѣ же Шедо-Ферроти издалъ брошюру на русскомъ и французскомъ языкахъ: «Письмо А. И. Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями Д. К. Шедо-Ферроти» («Lettre de M-r Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une réplique et quelques observations de D. K. Schédo-Ferroti»).

Дальше читатели увидятъ, какое она имѣла историческое значеніе, а потому и привожу ее полностью, исключивъ лишь включенныя въ нее статьи Герцена.

Чтобы читатели наши могли понять какъ причину, такъ и предметъ возникшей между г-мъ Герценомъ и нами переписки, необходимо сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Въ № 109-мъ русскаго журнала, выходящаго въ Лондонѣ подъ названіемъ «Колоколъ», г-нъ Герценъ напечаталъ письмо на имя російскаго посла барона Бруннова.

Какъ самый тонъ; такъ и содержаніе того письма, ставили посла нашего въ совершенную невозможность отвѣчать на него, а потому мы почли позволительнымъ и полезнымъ послать въ редакцію «Колокола» письмо, содержащее нѣсколько размышленій, внушенныхъ намъ выходкою г-на Герцена, размышленій, въ которыя

¹⁾ Я не могу считать знакомствомъ то, что г. Шедо-Ферроти написалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ письмо ко мнѣ, на которое я отвѣтилъ частнымъ письмомъ. Я даже не зналъ, что подпись Шедо-Ферроти — псевдонимъ, если-бъ это не было сказано въ его письмѣ. А. И. Г.

посольство не могло пускаться, не вдаваясь въ то же время въ полемику, несомѣстную съ его достоинствомъ, но которыхъ—мы въ томъ увѣрены—оно не опровергнетъ.

Просьбу къ нему о помѣщеніи нашего письма въ издаваемый имъ журналъ г-нъ Герценъ не уважилъ, но указалъ намъ *«общій путь гласности»*; а потому мы рѣшились напечатать особую книжкою какъ письмо г-на Герцена, такъ и нашъ отвѣтъ, помѣщая въ концѣ отказъ редакціи «Колокола» въ принятіи того письма, съ нѣкоторыми замѣчаніями.

Гласность, какую имѣло письмо г-на Герцена, разосланное имъ самимъ во французскомъ переводѣ, побудила насъ публиковать и нашу брошюру не на одномъ русскомъ, но и на французскомъ языкѣ.

Вотъ что помѣщено въ «Колоколѣ» ¹⁾.

На это письмо, о существованіи котораго мы узнали случайно, чрезъ разговоръ, веденный въ нашемъ присутствіи, мы считали полезнымъ написать слѣдующій отвѣтъ:

«Милостивый Государь Александръ Ивановичъ, какъ Вамъ пришла несчастная мысль написать письмо, предъ которымъ приятели Ваши стоятъ съ поникшей головою, выслушивая въ безмолвіи ядовитыя насмѣшки и злобныя шутки, падающія на Васъ густымъ градомъ? Я говорю о письмѣ къ русскому послу, помѣщенномъ въ «Колоколѣ» № 109.

«Неужели съ Вашимъ умомъ Вы не поняли, какую смѣшную роль Вы играете, выставляя самого себя какимъ-то колоссомъ, грозящимъ *«съ того берега»* императору Александру II, какимъ-то духовнымъ гигантомъ, предъ которымъ дрожить *«петербургское правительство»* и для низверженія котораго оно готово рѣшиться на все, даже на смертоубійство, чувствуя, что ему не устоять противъ ударовъ такого Геркулеса!

«Кто-то, но уже, конечно, не изъ числа *«неизвѣстныхъ друзей»* Вашихъ, а кто-то, отъявленный Вашъ непріятель и злой насмѣшникъ, подшутилъ надъ Вами, а Вы и повѣрили, что *«III Отдѣленіе рѣшилось Васъ или похитить или убить»*.

«Какъ Вы при одномъ словѣ *«похитить»* не смекнули, что это пуфъ?

«Если бы Вы немного подумали, то почувствовали бы сколько глубокой ироніи скрывается въ этомъ предостереженіи. Шутка не хитро даже и придумана: въ ней тѣмъ легче было признать мистификацію, что вторая часть романа противорѣчитъ первой.

¹⁾ Статья-письмо «Бруты и Кассіи III Отдѣленія».

«Вы сами говорите, что въ послѣднее время Вы стали получать *подметныя* письма съ угрозами Васъ убить. Какъ же было не сообразить то, что, вѣдь, подозрительно же самое совпаденіе во времени полученія Вами и этихъ писемъ и *«предостереженія неизвѣстнаго друга»*.

«Если подметныя письма посланы лицами, избранными III Отдѣленіемъ для того, чтобы уходить Васъ, то мудрено понять, почему они долгомъ почли Васъ увѣдомить о принятомъ на себя порученіи; если же письма эти внушены лично къ Вамъ ненавистью частныхъ особъ, то мудрено объяснить странное согласіе между чувствами публики и намѣреніями III Отдѣленія.

«Тутъ, очевидно, что-то неясно; но Вы и не подумали подвергнуть критическому разбору обстоятельства, сопровождающія столь лестный для самолюбія Вашего фактъ предостереженія о криминальныхъ замыслахъ III Отдѣленія.

«Вы сразу поняли, какую огромную пользу *«петербургское правительство»* можетъ извлечь изъ Вашей смерти, Вы поняли политическую для него необходимость убить Васъ, и поэтому не усомнились, что оно дѣйствительно рѣшилось посягнуть на Вашу жизнь: а, несмотря на то, Вы оправдываете Государя, говоря: «что Вы не допускаете мысли, чтобы Онъ сталъ подсылать спадасиновъ», присовокупляя: «Я бы не сдѣлалъ этого ни въ какомъ случаѣ».

«Это очень благородно, но согласитесь, что это очень смѣшно!—Такое наивное самохвальство, такое простодушное высказываніе претензіи слыть за особу европейской важности не могли не изумить даже самыхъ ревностныхъ Вашихъ приверженцевъ.

«Отчего, въ самомъ дѣлѣ, Вы полагаете, что Васъ хотятъ убить?—Когда посягали на жизнь Наполеона I, Людовика-Филиппа или же, въ новѣйшее время, на жизнь Наполеона III, императора австрійскаго и короля прусскаго, то рѣшившіеся на убійство были убѣждены, что чрезъ паденіе избранной ими жертвы переменятся не только положеніе одного государства, но даже взаимныя отношенія между всѣми государствами.—Безъ этого убѣжденія они, конечно, не рѣшились бы на такое дѣло, на какое никто не рѣшается безъ *самыхъ важныхъ побудительныхъ причинъ*.

«Васъ, какъ Вы увѣряете своихъ читателей, русское правительство хочетъ убить; стало быть, Вы допускаете, что для него существуютъ такія причины, и что чрезъ вашу смерть дѣла въ Россіи столько же измѣнятся, сколько положеніе Франціи, Австріи и Пруссіи измѣнилось бы чрезъ убійство царствующихъ тамъ особъ.

«Полно, такъ ли, Александръ Ивановичъ? Вы, конечно, особа не маловажная, и «Колоколъ» Вашъ—журналъ также не маловажный, а, все-таки, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы русское правительство имѣло необходимую надобность Васъ убить.—Какъ Вы скажете? а мнѣ сдается, что нѣтъ необходимой въ томъ надобности; безъ этой же надобности даже III Отдѣленіе не рѣшится на убійство.—Видно, надъ Вами подшутили, считая на колоссальность Вашего тщеславія, и, къ сожалѣнію, не ошиблись въ расчетѣ.

«Въ 108 № «Колокола» Вы торжественно объявляете, *«что угрозами смерти не удастся Васъ заставить молчать»*, это—очень благородная черта.—Опасность-то, правду сказать, не велика, но Вы въ нее вѣрите, и поэтому черта остается, все-таки, рѣшительно благородною; жаль только, что въ письмѣ къ послу Вы говорите: *«каждый волосъ, который упадетъ съ юловы моей, падаетъ на русское правительство»*.

«Напрасно Вы это такъ писали, Александръ Ивановичъ, право, напрасно; вѣдь, пожалуй, подумаютъ: Герценъ-то воображаетъ себя, такимъ достопримѣчательнымъ лицомъ, что всей Европѣ другого и дѣла нѣтъ, какъ повѣрять приходу-расходную книгу о наличіи волосъ на его головѣ. Ни итальянскій вопросъ, ни венгерская конституція, ни польскія дѣла не могутъ оторвать Европы отъ столь занимательнаго предмета: взоры всѣхъ такъ и устремлены на одну эту голову; всякій чувствуетъ, что съ ея паденіемъ всѣ надежды на будущее потеряны.

«Вы, конечно, особа замѣчательная, и «Колоколъ» Вашъ—журналъ также замѣчательный, но все изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы Европа повѣряла счетъ Вашихъ волосъ.—Вы какъ думаете?—а мнѣ кажется, что не повѣряетъ, безъ такой же повѣрки она, можетъ статься, и не замѣтитъ, если бы кто, какъ Вы говорите, *«взщипнулъ»* у Васъ волосочекъ.

«Вы столько людямъ наговорили колкостей, столько лицъ назвали не только «простофилями и дураками», но даже «ворами, мошенниками и подлецами», что у Васъ не мало личныхъ враговъ. Неужели Вы, буде кто изъ нихъ явился бы къ Вамъ въ Лондонъ, объявите его спадассиномъ и агентомъ III Отдѣленія, поручая себя *«материнской попечительности императорскаго посольства»*?

«Я увѣренъ, что нѣтъ, и никому—самимъ Вамъ даже—не повѣрю, что человѣку, прибывшему въ Лондонъ съ цѣлью требовать удовлетворенія за обиду отца, названнаго Вами «мошенникомъ», или матери, выставленной «интриганткою», оставалось бы убить Васъ только, какъ Вы выражаетесь, *«изъ-за ула»*.

«Вы, какъ всѣ люди съ глубокими убѣжденіями, должны непремѣнно быть безстрашны, и какъ бы мы съ Вами ни расходились во мнѣніяхъ, мнѣ нельзя не уважать Васъ за искренность убѣждений и за безстрашность,—зачѣмъ же заставляете Вы меня и тѣхъ многихъ, которые объ Васъ одинакихъ мыслей со мною, съ грустью смотрѣть, какъ прекрасныя прирожденныя качества Ваши все болѣе и болѣе затемняются дѣйствиємъ непомѣрнаго тщеславія; какъ даетъ оно мыслямъ Вашимъ что-то эксцентрическое, рѣчи Вашей что-то рѣзкое, необузданное; какъ, наконецъ, оно доводитъ Васъ до наивнаго выраженія того удивленія, съ которымъ Вы смотрите на собственное свое величіе, не допуская сомнѣнія, что и читатели Ваши его раздѣляютъ.

«Не Вамъ къ лицу самохвальство! Предоставьте господину Головину хвастаться, что его автографы продавались по 300 франковъ; что въ Америкѣ келлермейстеры переполненныхъ гостиницъ отправлялись спать на чердакъ, уступая ему свою комнату, изъ опасенія лишиться чести принять у себя такого гостя; что въ 1849 году отъ него зависѣло опрокинуть (буквально, стянувши съ лошади) Луи-Наполеона, и т. п.

«Не Вамъ итти по слѣдамъ *Головина*.

«Вы—писатель съ большимъ талантомъ, и—что въ моихъ глазахъ гораздо выше—Вы искренно убѣждены въ томъ, что пишете: этого никто не оспариваетъ; но будто Вы уже такая власть, лицомъ къ лицу съ которою монархической Россіи станетъ тѣсненько на земномъ шарѣ и придется ей извести Васъ, чтобы самой уцѣлѣть,—этому никто не повѣритъ: это что-то слишкомъ походитъ на головинское опрокидываніе Наполеона.

«Въ надеждѣ, что Вы не откажете въ моей просьбѣ помѣстить это письмо въ русскомъ журналѣ, издаваемомъ Вами подъ названіемъ «Колоколъ», позвольте мнѣ засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе.

Д. К. Шедо-Ферроти.

Фонтенебло, 29 октября 1861».

Письмо это г-нъ Герценъ не помѣстилъ въ своемъ журналѣ, но о полученіи онаго извѣстилъ насъ слѣдующею статьею ¹⁾.

Кромѣ отказа въ просьбѣ о напечатаніи нашего письма къ нему, немногія строки, коими насъ удостоилъ г-нъ Герценъ, содержатъ много любопытнаго и, намъ сдается, даже много поучительнаго, на что мы позволимъ себѣ обратить вниманіе нашихъ

¹⁾ Слѣдуетъ статья «По дѣлу Брутовъ и Кассіевъ III Отдѣленія».

читателей.—Начнемъ съ начала статьи: Г-нъ Герценъ говоритъ: «обличивъ и передавъ смѣху всей Европы (полно, всей ли?) ноздревскую *родомонтаду* III Отдѣленія и его угрозы» и т. д.

Тутъ что-то выходитъ совсѣмъ иное, какъ въ первыхъ возгласеніяхъ по этому предмету.—Говоря о *родомонтадѣ*, и даже о переданной имъ же на смѣхъ Европы *родомонтадѣ*, г-нъ Герценъ заставляетъ заключить, что онъ *никогда не върилъ* въ справедливость дошедшихъ до него слуховъ о намѣреніи русскаго правительства его умертвить. Оно такъ и гораздо вѣроятнѣе. Нельзя г-ну Герцену было повѣрить, что кто-либо замышляетъ его убить, да еще «*изъ-за ула*», какъ онъ выражается,—на это онъ слишкомъ уменъ. Но если онъ не вѣрилъ въ грозящую ему опасность, если онъ догадался, что угрозы эти не что иное, какъ пустая *родомонтада* (и даже не III Отдѣленія, а просто какихъ-то шалуновъ, насмѣшниковъ), къ чему весь шумъ имъ надѣланный: и письма, вскрытыя при свидѣтеляхъ, скрѣпленныя и отданныя «куда слѣдуетъ» (?), и письмо къ послу, и статьи во французскихъ газетахъ?

Развѣ г-нъ Герценъ ласкалъ себя надеждою, что, если онъ самъ и не могъ вѣрить въ криминальный противъ жизни его замысль нашего правительства, то, при помощи колокольнаго звона и французскихъ газетъ, русскіе его читатели и, какъ онъ выражается, «*вся Европа*» повѣрятъ, что его хотя въ уходить, и съ умиленіемъ стануть смотрѣть на человѣка, поставленнаго цѣлью ножаемъ политическихъ убійць?—Оно, правду сказать, было бы очень эффектно; такимъ образомъ, заживо можно попасть въ мученики и слыть великимъ предводителемъ партіи, *чуть-чуть* не поплатившимся жизнью за благородные порывы высокаго патриотизма.

Какъ тутъ иному студенту, а особливо чиновникамъ нашимъ, ревностнѣйшимъ читателямъ «Колокола», не подумать, что Вы въ самомъ дѣлѣ гигантское литературное явленіе?—Какъ имъ не сказать себѣ: и Вольтеръ, и Руссо, и Луи Бланъ, и Прудонъ—писатели не бездарные, всѣ они многократно порицали дѣйствія правительства своего отечества, а, все-таки, никто не замышлялъ ихъ зарѣзать, одного лишь редактора «Колокола» хотятъ убить,—судите же, во сколько нашъ Герценъ выше всѣхъ этихъ господъ!!

Повторяемъ, оно бы произвело огромный эффектъ, если бы публика повѣрила первому возгласенію «Колокола» по этому предмету, но въ этомъ-то мы и сомнѣваемся, полагая, что она скорѣе согласится съ вышеприведеннымъ вторымъ объясненіемъ г-на Герцена и съ нимъ же скажетъ, что вся эта исторія не что

иное, какъ «*родомонтада*», только опять-таки не III-го Отдѣленія.

Далѣе г-нъ Герценъ говоритъ: «Мы никогда не обязывались печатать все, что посылается *противъ насъ*,... мы не брали на себя смѣшной роли людей, позволяющихъ себя наказывать своими собственными руками».

Было время, когда г-нъ Герценъ писалъ и думалъ не такъ, время, когда онъ бралъ на себя роль, но уже, конечно, не смѣшную, какъ онъ нынѣ ее называетъ, а исполненную высокаго цивилизма, — роль публициста, соглашающагося печатать въ собственномъ изданіи статью не только противъ его теоріи, но и противъ его самого. — Въ 1856 году, лицо также неизвѣстное г-ну Герцену, какъ и мы, написало къ нему письмо, въ которомъ, по изложеніи всей суетности его теоріи, говорилось: «Вы созываете сходки ни на что нужныя и ни къ чему не ведущія; всюю силою ораторскаго краснорѣчія стараетесь убѣдить Кошута, Маццини, Ледрю-Роллена и другихъ, что у нихъ есть единомышленники въ нашемъ отечествѣ. — Революціонные выходцы всѣхъ странъ и народовъ, составляющіе въ Лондонѣ ничѣмъ не властвующее правительство, по вашему ходатайству, примиряются съ Россією и принимаютъ ее въ свой союзъ. — О, какъ мы счастливы! Какъ легко намъ стало на душѣ!... Ну, признайтесь, *не чистая ли это комедія*? Полноте разыгрывать *эти фарсы* и морочить себя и другихъ фантастическими представленіями о небывалыхъ сообщникахъ. — Дѣло намъ нужно, а не громкія фразы и не мелодраматическія сцены!»

Такую сильную и мѣткую противъ него выходку, такой, какъ онъ самъ выражается, «*стройій выговоръ*» г-нъ Герценъ напечаталъ въ издаваемомъ имъ, подъ названіемъ «Голоса изъ Россіи», періодическомъ сборникѣ. Протестуя противъ выраженія «*фарса*» и противъ обвиненія въ томъ, «*что онъ играетъ комедію*», и относя эти «*крѣпкія слова*» къ непривычкѣ русскихъ говорить безъ цензурнаго надзора ¹⁾, г-нъ Герценъ присовокупляетъ: «намъ уже случалось печатать вещи прямо противоположныя нашему убѣжденію, но сходныя въ цѣли». Цѣль эта, какъ тутъ же сказано: «замѣнить современный (1856) порядокъ дѣлъ въ Россіи, свободными и народными учрежденіями».

Вотъ каковъ былъ г-нъ Герценъ тому назадъ пять лѣтъ. Отчего же такая переменна, отчего роль, которую онъ считалъ приличною въ 1856 году, теперь ему кажется смѣшною? Что тутъ

¹⁾ Мы не поддаемся искушенію помѣстить здѣсь пространное вводное предложеніе о послѣдствіяхъ непривычки говорить «безъ цензурнаго надзора». — Читатели русскихъ сочиненій г-на Герцена оцѣнятъ наше воздержаніе. — Ш.-Ф.

измѣнилось, обстоятельства ли или самъ г-нъ Герценъ? Разберемъ этотъ вопросъ поближе.

Въ 1856 году журналъ, издаваемый подъ заглавіемъ «Колоколь», еще не существовалъ.—Г-нъ Герценъ, напечатавъ нѣсколько своихъ сочиненій и основавъ два періодическія изданія—«Полярную Звѣзду» и «Голоса изъ Россіи», выходящія не болѣе, какъ одной книжкою въ годъ, не считалъ себя еще гигантскимъ политическимъ явленіемъ. Лишенный возможности возвратиться въ Россію, онъ остался привязаннымъ къ своему отечеству, которое онъ любитъ безъ затаенной мысли о самомъ себѣ, съ полнымъ сыновнимъ самоотверженіемъ, имѣя только одно желаніе: видѣть благосостояніе Россіи обеспеченнымъ, и не заботясь о томъ, онъ ли, другой ли кто будетъ виновникомъ того благосостоянія.—Допуская, что онъ можетъ ошибаться, что мысли другихъ могутъ быть удачнѣе его собственныхъ, онъ уважалъ чужія мнѣнія, и потому не отказывался принимать ихъ въ свои изданія.

Первые листы основаннаго въ 1857 году журнала «Колоколь» еще проникнуты тѣмъ же самымъ духомъ. Виды издателя очень умѣренны. Онъ ограничивается требованіемъ освобожденія: слова—отъ цензуры, крестьянъ—отъ помѣщиковъ и податного состоянія—отъ побоевъ. («Колок.» № 1). Слогъ, хотя мужественный и рѣшительный, но не рѣзкій, не крикливый, а на страницѣ 5-ой корреспондентамъ даже вмѣняется въ обязанность избѣгать «площадныхъ ругательствъ». Средство къ достиженію предназначенной цѣли состоитъ въ убѣжденіи правительства принять соотвѣтствующія ей мѣры, при чемъ иногда даже отдается справедливость намѣреніямъ правительства, какъ, напримѣръ, въ № 3-мъ сказано: «Желаніе блага и прогресса ощутительно. Новыхъ учрежденій не много, но содержаніе ихъ важно: устройство желѣзныхъ дорогъ, новый тарифъ, уничтоженіе военныхъ поселеній».

Тутъ все еще господствуетъ мысль: что не г-ну Герцену, а *существующему въ Россіи правительству* суждено быть основателемъ новаго порядка вещей, и что роль «Колокола» ограничивается изложеніемъ своихъ мнѣній, своихъ мыслей насчетъ принимаемыхъ мѣръ.—Въ такомъ тонѣ г-нъ Герценъ продолжаетъ нѣсколько времени, но мало-по-малу у него появляется мысль о собственномъ политическомъ значеніи, мысль, что онъ *Самъ* предназначенъ провидѣніемъ для осуществленія своихъ патріотическихъ намѣреній.

Правительства ему уже не нужно, онъ его объявляетъ отжившимъ свой вѣкъ учрежденіемъ, онъ его отвергаетъ, намѣревается его опрокинуть и *самъ* хочетъ взяться за дѣло.—Но для этого нужно вернуться въ Россію. И объ этомъ уже подумано.

Какой-то господинъ, подписывающій: «Вашъ (одинъ изъ многихъ)» ¹⁾, изложивъ публично проектъ объ учрежденіи въ Россіи секретныхъ обществъ, пишетъ въ редакцію «Колокола»: «Одною энергическаго челоуѣка, знающаю народъ и имѣющаю его довѣріе, достаточно, чтобы связать съ нами сплоченное меньшинство».

Намекъ ясный. У кого болѣе энергіи, какъ у господина Герцена, не дрожавшаго предъ князьями убійцъ, посланныхъ III Отдѣленіемъ, кто болѣе его знаетъ русскій народъ, кто, какъ онъ, заслужилъ всеобщее довѣріе?

На это воззваніе, напоминающее посланіе къ Рюрику: «иди княжить и владѣть нами», г-нъ Герценъ не отвѣчаетъ самъ, предоставляя г-ну Огареву изложить мнѣніе редакціи «Колокола». «Мы не хотѣли начать, — говоритъ сподобникъ г-на Герцена, — а спокойно выжидали голоса изъ Россіи, который бы сказалъ, что пришла пора дѣла». Отъ участія въ дѣлѣ, то-есть, какъ само собою разумѣется, отъ главнаго имѣ управленія, редакція «Колокола» не отказывается, но прежде окончательнаго изъявленія согласія, она считаетъ нужнымъ выставить всю трудность задачи, сказать слово о томъ, что она готова уступить и чего нѣтъ.

«Думали ли вы о трудности задачи, продолжаетъ сподвижникъ г-на Герцена, какъ составить планъ? — Для этого надо еще осматрѣться, разузнать мѣстность, матеріаль.... Отъ Урала до Вислы, отъ Архангельска до Одессы имперія представляетъ различныя племена, съ своими мѣстными потребностями, съ своими мѣстными условіями» и т. д. ²⁾. Насчетъ Польши редакція «Колокола» не имѣетъ никакихъ сомнѣній; Польшу она возстановляетъ отдѣльнымъ отъ Россіи царствомъ, а потому: «умоляетъ поляковъ не выступать преждевременно (т.-е. до появленія на сцену вышеупомянутаго энергическаго челоуѣка) отдѣльною силою, которая окажется слишкомъ слаба, чтобы держаться, и, сдѣлавши ложный шагъ, обезсилить Россію на всю помощь, которую Россія ожидаетъ отъ Польши, и отдалить общее освобожденіе. — Мы можемъ свободно и безспорно, братски разграничиться послѣ ³⁾».

Разграничившись такимъ образомъ миролюбиво съ Польшею, г-ну Герцену остается рѣшить два вопроса; слѣдуетъ ли ей уступить прилежащія губерніи (Литву, Подоль, Волынь и т. д.) и какъ

¹⁾ Смотри «Колоколь», № 107, стр. 897 ⁶⁾. Ш.-Ф.

²⁾ Смотри «Колоколь», № 108, стр. 901. Ш.-Ф.

³⁾ Тамъ же, стр. 902. Ш.-Ф.

⁶⁾ «Отвѣтъ Великооруссу».

поступать съ остальною землею: оставить ли её въ цѣльномъ составѣ, или раздѣлить на отдѣльныя области?

Насчетъ перваго вопроса, должно полагать, что уже были переговоры между «энергическимъ освободителемъ Россіи» и будущимъ правительствомъ Польши, потому что уполномоченный г-на Герцена говоритъ: *«Поляки соизмашаются, что присоединеніе прилежащихъ областей къ Польшѣ или къ Россіи или ихъ самобытная независимость—должны зависѣть отъ свободнаго рѣшенія самихъ населеній. Мы болѣе ничего не требуемъ»* ¹⁾.

Другой вопросъ (о свободномъ союзѣ отдѣльныхъ областей), поднятый господиномъ, подписывающимся «Вашъ (одинъ изъ многихъ)», представляетъ болѣе затрудненій.

Согласиться на раздѣленіе Россіи редакціи «Колокола», видно, не хочется; и, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ выпускать изъ рукъ хотя одну область, когда такъ легко ихъ осчастливить въ общемъ составѣ. Но политика велитъ не обезкураживать своихъ союзниковъ, къ тому же можетъ статься, что господинъ *«Одинъ изъ многихъ»* самъ имѣетъ виды на верховное управленіе какою-либо изъ новыхъ областей, такъ нельзя же ему сказать напрямикъ, что этого ничего не будетъ. Сотрудникъ г-на Герцена это понялъ и на нескромный вопросъ отвѣчаетъ очень ловко: «Вы, конечно, не станете искать въ нашемъ предположеніи какого-нибудь рѣзкаго разграничиванія областныхъ обществъ; и тутъ, какъ во всемъ живомъ, границы переходятъ.—Одинъ человѣкъ можетъ принадлежать къ разнымъ обществамъ, люди могутъ мѣнять мѣста жительства и такъ далѣе.—Заранѣе никто изъ насъ опредѣлить живого развитія не можетъ.—Можно сдѣлать очеркъ, но очеркъ стержня и вѣтвей не мѣшаетъ разнообразію листьевъ».

Не знаемъ, какъ пойметъ это корреспондентъ «Колокола», а намъ кажется, что на дѣленіе Россіи на области не согласятся.

Высказавъ такимъ образомъ свои опасенія и опредѣливъ условія, на какихъ искомое *«энергическое лицо»* можетъ согласиться выступить на сцену, а именно: 1) чтобы Польша выжидала его появленія, 2) чтобы принадлежность спорныхъ провинцій рѣшилась самимъ населеніемъ и 3) чтобы остающуюся за Россіею землю болѣе не дѣлить,—сотрудникъ г-на Герцена заключаетъ: *мы всегда готовы вернуться въ Россію, служить ей посильнымъ трудомъ, или сложить голову за ея освобожденіе»* ²⁾.

¹⁾ Смотри «Колоколь», стр. 901. Ш.-Ф.

²⁾ См. «Колоколь», № 108, стр. 905. Ш.-Ф.

Вотъ мы, кажется, и добрались до причины, почему г-нъ Герценъ нынѣ уже не такъ дѣйствуетъ, какъ прежде, почему онъ намъ отказалъ въ просьбѣ напечатать наше письмо къ нему, а въ 1856 году другому, также незнакомому, писателю не отказалъ.— Въ 1856 году г-нъ Герценъ былъ частный человѣкъ, литераторъ замѣчательный по таланту, но ничто болѣе, какъ литераторъ, а потому онъ могъ напечатать въ издаваемомъ имъ сборникѣ мыслія *«противоположныя ею убѣжденію»*.

Нынѣ совсѣмъ другое! Нынѣ г-нъ Герценъ видитъ себя преобразователемъ Россіи, безстрашнымъ, небоящимся даже кинжаловъ III Отдѣленія, искупителемъ своего отечества, нынѣ на немъ лежитъ священная обязанность спасти и Польшу и Россію.—Онъ знаетъ всю опасность предпріятія, но онъ готовъ сложить голову за освобожденіе угнетенныхъ народовъ. Можетъ ли онъ теперь дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ въ то время, когда онъ еще не былъ тѣмъ, что онъ нынѣ? Конечно, нѣтъ!—Для избранниковъ божіихъ, для вождей народовъ существуютъ особые законы, какъ нравственные, которымъ они сами должны повиноваться, такъ и политическіе, опредѣляющіе отношенія ихъ къ обществу. Что для частнаго человѣка—обязанность, то для главы правительства можетъ иногда быть непростительною слабостію. Что въ отношеніи къ частному человѣку гражданскимъ закономъ не возбраняется, на примѣръ, публичное порицаніе его дѣйствій, то политическимъ закономъ самыхъ свободныхъ странъ запрещается въ отношеніи къ коронованнымъ особамъ. Законъ этотъ справедливъ. Чѣмъ выше обязанности, тѣмъ обширнѣе права, а потому г-нъ Герценъ, когда-то печатавшій вещи, *противоположныя ею убѣжденію*, нынѣ говоритъ: *«Мы не обязались печатать посылаемое противъ насъ»*.

Не рано ли, Александръ Ивановичъ, Вы бросили личину либерализма, выставляя наружу рѣзкія черты деспотическаго самоуправства, съ какимъ Вы полагаете поступать, какъ только обстоятельства позволяютъ? Вы еще только въ воображеніи своемъ располагаете дѣлами Россіи, вступая въ переговоры съ Польшею и опредѣляя новыя границы союзаго съ Вами королевства,—и уже хотите пользоваться преимуществами коронованныхъ особъ, объявляя, что въ зависящихъ отъ Васъ областяхъ («Полярная Звѣзда», «Голоса изъ Россіи» и «Колоколъ»), хотя позволяется писать противъ Вашихъ *убѣжденій*, но нельзя ничего печатать противъ *Васъ*.

Это разграниченіе между *«Вашими убѣжденіями»* и *«Вашей особой»* такъ тонко, что очень трудно опредѣлить, гдѣ именно имѣетъ остановиться разрѣшенный Вами критическій разборъ, чтобы не коснуться запрещеннаго цензурою «Колокола» предмета.

Въ письмѣ отъ 29 октября я старался доказать неосновательность Вашего *убѣжденія* (состоящаго въ томъ, что Васъ хотятъ убить), а Вы на то возражаете: статья писана противъ *Насъ*, а потому печатать не позволяется.

Соображая, что въ письмѣ моемъ Вы ничего не видите, кромѣ нападеній на Васъ, не обращая даже вниманія на доводы, которыми я стараюсь опрокинуть упомянутое *убѣжденіе*, другой бы, пожалуй, и заключилъ, что аргументы моего письма вовсе не противорѣчатъ Вашему возрѣнію, и что Вы никогда не были *убѣждены* въ дѣйствительности угрожавшей Вамъ опасности. — Слова, съ которыхъ начинается отказъ въ напечатаніи моего письма, могли бы подтвердить такое заключеніе, порождая мысль, что Вы не совсѣмъ искренно поступили въ этомъ дѣлѣ. Эту мысль я не раздѣляю.

Что я уже выше сказалъ, то я повторю и здѣсь. — Вы человекъ *убѣжденій*, искреннихъ, глубокихъ, непоколебимыхъ, но не всегда параллельныхъ между собою *убѣжденій*.

Октября 11-го, писавши къ послу нашему, Вы были *убѣждены*, что Васъ хотятъ убить, а 5-го ноября, отказывая мнѣ въ напечатаніи моего письма и говоря о «родомонтадѣ» III Отдѣленія, Вы были *убѣждены* въ томъ, что 11-го октября Вы не были *убѣждены* въ сущности грозящей Вамъ опасности.

Вы убѣждены, что Вы — не только либераль, но социалистъ-республиканецъ, врагъ монархическому началу, а поминутно у Васъ выскакиваютъ выраженія, обнаруживающія несчастное расположеніе сравнивать себя съ царствующими особами.

Въ письмѣ къ барону Бруннову, сказавъ, что Вы не допускаете мысли, чтобъ императоръ Александръ II вооружилъ противъ Васъ спадассиновъ, Вы присовокупляете: «*Я бы не сдѣлалъ этого ни въ какомъ случаѣ*».

Въ томъ же письмѣ, говоря объ убійцахъ, разосланныхъ «за моря и горы» «den Dolch im Gewande» и цитируя стихъ Шиллера, Вы опять сравниваете себя съ царствующимъ лицомъ, съ *Діонисіемъ Сиракузскимъ*.

Наконецъ, самыя оглавленія статей «Колокола», извѣщающихъ «всю Европу» о грозящей Вамъ опасности: «*Бруты и Кассіи* III-го Отдѣленія», содержатъ сравненіе съ однимъ изъ колоссальнѣйшихъ историческихъ лицъ. — Брутъ и Кассій были убійцами *Юлія Кесаря*.

Я увѣренъ, что Вы сравненія эти дѣлаете не нарочно, не изъ чванства. Въ живомъ сознаніи ежедневно возрастающаго политическаго значенія Вашего, параллели эти невольно ложатся подъ Ваше перо, обозначая тайное зачатіе новой мысли, *убѣжденія*, что

при извѣстныхъ условіяхъ самовластное диктаторское управленіе можетъ быть счастіемъ для народа.

Наконецъ, Вы *убѣждены*, что любите свое отечество, что желаете ему добра, а въ то же время Вы *убѣждены*, что чрезъ осуществленіе идей, Вами проповѣдуемыхъ, Вы приближаете часъ Вашего возвращенія въ Россію.

Послѣдняя мысль, сдѣлавшаяся съ нѣкотораго времени пружиною всѣхъ Вашихъ дѣйствій, далеко уже не такъ безгрѣшна, какъ вышеупомянутыя *невинныя* убѣжденія, а потому мнѣ кажется умѣстнымъ обратить Ваше на скрывающійся подъ этимъ желаніемъ преступный эгоизмъ. Не бойтесь,—я не употреблю никакихъ «крѣпкихъ словъ». Зная, что я говорю съ лицомъ, привыкшимъ ставить себя въ уровень съ коронованными особами, и желая Васъ убѣдить, я не оскорблю Вашей мономаніи и сравню Васъ также съ монархомъ, съ королемъ Людовикомъ XVIII.

Какъ онъ когда-то, такъ и Вы нынѣ не можете возвратиться въ свое отечество иначе, какъ опрокинувъ насильственно существующій въ немъ порядокъ, а потому я скажу Вамъ то самое, что было сказано Людовику XVIII: «Возвращенія Вашего Вы не должны желать... Вамъ бы пришлось пройти чрезъ пятьсотъ тысячъ труповъ».

Далѣе г-нъ Герценъ говоритъ: «Г-нъ Шедо-Ферроти, какъ защитникъ правительства, какъ консерваторъ, имѣетъ право быть недовольнымъ нами... но адресоваться съ своими замѣчаніями лично къ человѣку незнакомому, и при томъ къ человѣку, неизъявлявшему желанія быть имъ исправленнымъ,—очень странно». Называя насъ «защитникомъ правительства», г-нъ Герценъ, можетъ быть, самъ того не сознавая, отдаетъ справедливость независимости нашего характера.—Въ настоящее время нужно болѣе смѣлости на то, чтобы защищать правительство, нежели на то, чтобы безусловно порицать ихъ дѣйствія. Кто теперь этого не дѣлаетъ? Кричи, что все скверно, и прослывешь либераломъ, а осмѣлся только кто сказать, что правительство исполнено добрыхъ намѣреній, что оно, *по мѣрѣ силъ и средствъ*, идетъ по пути прогресса, какъ разъ объявятъ реакціонеромъ, ревнителемъ абсолютизма и бюрократизма. Вотъ почему у многихъ не достаетъ духу сказать слово въ защиту правительства, даже въ такомъ случаѣ, когда они убѣждены, что его обвиняютъ напрасно: ихъ пугаютъ нападки и ругательства ультра-либеральныхъ крикуновъ, и они молчатъ, «чтобы гусей не раздражить».

Мы не заблуждаемся насчетъ угрожающей намъ опасности, а несмотря на то, «спокойно выжидаемъ» высылаемыхъ противъ

насъ литературныхъ спадассиновъ.—Какъ кинжалы III Отдѣленія г-на Герцена, такъ острья перья нашихъ убійцъ «не заставляютъ насъ молчать».—Намъ кажется, что всегда должно обнаруживать истину, не только, когда она обвиняетъ правительство, но и когда она говоритъ въ пользу его.—По естественной склонности, намъ пріятнѣе хвалить ближняго, нежели бранить его, а потому мы бы чрезвычайно рады были, если бы всегда могли дѣлаться защитникомъ правительства, но къ сожалѣнію, это не всегда возможно.

Когда мы видимъ, что правила, которыми руководствуется правительство, дѣлаются причиною развращенія служащаго класса, что непомерная централизація останавливаетъ ходъ администраціи и парализируетъ дѣйствіе правосудія, что организація войска дѣлаетъ изъ гвардіи преторіанцевъ, изъ арміи страдалцевъ, а изъ внутренней стражи нищихъ, живущихъ подаеніями,—тогда мы не только не защищаемъ правительство, но сами становимся въ ряды обвинителей, стараясь обратить вниманіе публики какъ на самыя ошибки, такъ и на средства къ исправленію ¹⁾.

Когда общественное мнѣніе возстаетъ противъ господствующаго еще у насъ предрасудка, что генеральскіе или адмиральскіе эполеты—вѣрнѣйшій признакъ административныхъ способностей, противъ отсутствія общей системы въ образѣ управленія, противъ самоволія цензуры, противъ гоненія раскольниковъ и т. п.,—тогда мы также не можемъ явиться защитниками правительства.

Но когда его упрекаютъ въ томъ, что при освобожденіи крестьянъ оно не разорило помѣщиковъ вполнѣ, отнимая у нихъ землю и отдавая ее крестьянамъ безвозмездно, съ какимъ-то несбыточнымъ вознагражденіемъ дворянъ со стороны казны («Колоколь», № 115), когда на него нападаютъ за то, что оно на пути прогресса подвигается мѣрнымъ и ровнымъ шагомъ, не бросаясь опрOMETRY въ нововведенія, тогда мы всегда готовы защищать правительство отъ незаслуженныхъ упрековъ, а когда на него клевету, увѣряя, что оно замышляло Вася убить, то нельзя не возстать противъ такого обвиненія, и то тѣмъ болѣе, что ни само правительство, ни получившій письмо Ваше посоль при лондонскомъ дворѣ не могли Вамъ отвѣчать, доказывая *«всей Европѣ»*, что съ этой стороны Ваша жизнь совершенно въ безопасности.

Что я консерваторъ, въ томъ я соглашаюсь съ г-мъ Герценомъ, если подъ этимъ словомъ онъ разумѣетъ челоѣка, желающаго *«консервировать»* существующее нынѣ въ Россіи правитель-

¹⁾ Смотри наши: *Etudes sur l'avenir de la Russie*,—vol. II, III, V.—*Les principes du gouvernement*.—*Malversations et remèdes*.—*Le militaire*.—Ш.-Ф.

ство. Мнѣ оно кажется исполненнымъ лучшихъ намѣреній, но будь оно даже такимъ, какимъ его описываетъ г-нъ Герценъ, то я все еще его предпочитаю тому порядку вещей, которымъ редакція «Колокола» намѣревается насъ осчастливить.

Возглашеніе къ народу возстать противу дворянства («Колоколь» № 102), воззваніе къ войску не слушаться начальниковъ («Колоколь» № 111), другими словами, проповѣдываніе междоусобной войны, кажутся мнѣ дѣйствіями столько же противными закону нравственному, какъ и благоразумію.—Ну, если бы Вамъ удалось поднять такую бурю, неужели Вы надѣетесь еѣ *унять* появленіемъ Вашимъ въ Россіи? А если нѣтъ, то какъ Вы предъ Богомъ и совѣстью могли рѣшиться предлагать такія средства? Въ сравненіи съ Вами я вполне консерваторъ, но, къ сожалѣнію, правительство меня такимъ не признаетъ, а потому запретило ввозъ моихъ сочиненій въ Россію.—Странное противорѣчіе!—Правительство считаетъ меня либераломъ и не велитъ читать моихъ книгъ, а Вы называете меня консерваторомъ.—Какъ тутъ быть? Пусть публика разберетъ это дѣло.

Касательно странности, которую Вы находите въ томъ, что я обратился съ своими замѣчаніями къ человѣку незнакомому и «*неизъявляющему желанія быть мною исправленнымъ*», мнѣ кажется, что никто менѣ Васъ не въ правѣ удивляться такому поступку.

Сколькимъ людямъ Вы надавали совѣтовъ, обращаясь прямо къ нимъ! Неужели Вы ихъ всѣхъ знаете лично?—Сомнѣваюсь; итакъ, личное незнакомство Васъ не остановило, а по совѣсти Вы должны сознаться, что никто изъ нихъ «*не изъявлялъ желанія быть Вами исправленнымъ*».—За что же Вы ставите мнѣ въ вину поступокъ, который Вамъ для самого себя кажется позволительнымъ?

Остается послѣдняя фраза статьи г-на Герцена, просьба «исправлять его *общими путями гласности*», не адресуясь прямо къ нему.—Разберемъ смыслъ этой просьбы и посмотримъ, можно ли намъ ее исполнить?

Въ чемъ состоитъ «*общій путь гласности*», когда дѣло идетъ о возраженіи на статью, помещенную въ какомъ-либо журналѣ? Вопросъ не трудный.—Общій путь гласности состоитъ въ напечатаніи своихъ мнѣній, своихъ опроверженій въ одной или въ нѣсколькихъ газетахъ, о которыхъ, по тону и по содержанію ихъ, можно предполагать, что онѣ читаются ток же публикою, какъ и журналъ, которому вы желаете отвѣчать.—Возраженіе такимъ образомъ доходитъ до читателей атакуемаго журнала и ставитъ

его въ необходимость или отвѣчать на него, или молчаніемъ своимъ согласиться, что его бранили за дѣло.

Какъ это приложить къ статьямъ, находящимся въ «Колоколѣ»?

Возражать ли на нихъ въ русскихъ газетахъ? Г-ну Герцену не можетъ быть неизвѣстно, что ни одна изъ нихъ не посмѣетъ печатать что-либо относящееся до него.—Одно упоминаніе фамиліи «Герцены» достаточно для того, чтобы цензура вычеркнула цѣлую статью, даже писанную не въ тонѣ и не въ духѣ г-на Герцена.

Припечатать ли возраженія въ иностранныхъ газетахъ?—Да онѣ читаются совсѣмъ иной публикою, какъ «Колоколъ», а потому тутъ бы надобно было помѣстить не только опроверженіе атакующей статьи, но и переводъ самой статьи, что, по одной обширности, уже выходитъ изъ рамокъ ежедневныхъ газетъ.

Послать ли критики въ редакціи ежемѣсячныхъ періодическихъ изданій (revues), для которыхъ обширность статей не можетъ составлять затрудненія?—Но едва ли какая-либо изъ нихъ согласится напечатать статью о предметѣ чуждомъ и не интересномъ для ея читателей.—Какое дѣло читателямъ «Revue des Deux Mondes», «Revue Britannique», «Berliner Monatshefte» и т. д., что какой-то г-нъ Герценъ, и какой-то г-нъ Ферроти не сходятся въ мнѣніяхъ относительно пользы междоусобной войны для поправленія обстоятельствъ въ Россіи.—Онѣ, чего добраго, еще спросятъ, что это за господа такіе?—Вы ихъ въ этомъ извините, они «Колокола» не читали, а потому не могутъ знать о скоромъ появленіи Вашемъ на историческомъ поприщѣ. Когда увидятъ Васъ управляющимъ дѣлами Россіи на самомъ дѣлѣ, а не въ одномъ воображеніи Вашемъ, тогда, конечно, всѣ редакціи періодическихъ изданій съ жадностью станутъ искать статей о Вашихъ подвигахъ, о Вашихъ воззваніяхъ къ народу, но до того времени ихъ страницы не представляютъ для Вашихъ критиковъ «общаго пути гласности».

Гдѣ же намъ искать того «пути гласности», на который Вы такъ торжественно насъ высылаете?—Его для возраженія на статьи «Колокола» нѣтъ!—«Колоколъ»—журналъ, находящійся въ особомъ, исключительномъ положеніи, журналъ, читаемый втихомолку, секретно, особою публикою, а потому возраженія на его выходки не иначе могутъ дойти до его обычныхъ читателей, какъ будучи припечатаны въ его же столбцахъ.

Подумали ли Вы объ этомъ г-нъ Герценъ? Если нѣтъ, то мы можемъ ласкать себя надеждою, что Вы измѣните свой образъ мыслей и признаете справедливымъ печатать въ «Колоколѣ» тѣ

совѣты, которыхъ мы и на будущее время намѣрены Васъ не лишить.—Если же Вы подумали, и по зрѣлому размысленію рѣшились столбцы Вашего журнала закрыть всему тому, что въ редакцію «*посылается противъ Васъ*», то какое довѣріе могутъ имѣть къ Вамъ читатели Ваши, видя, что къ нимъ доходятъ только Ваши возглашенія и восхваляющія ихъ статьи корреспондентовъ «Колокола», а возраженія и критики отъ нихъ скрываются!

Не догадаются ли они, наконецъ, что издаваемыя Вами періодическія сочиненія, когда-то имѣвшія въ виду благосостояніе Россіи, и въ то время допускаяшія разсужденія «*et pro et contra*», нынѣ стали орудіями личныхъ Вашихъ видовъ, органами партіи безпорядка и насилія, партіи демократическаго терроризма, замышляющей управлять Россією самымъ деспотическимъ образомъ, а потому заранѣе отвергающей право вольной рѣчи?

Не знаю, какъ Вамъ, а мнѣ кажется, что, отказывая припечатать мое письмо въ «Колоколъ», Вы сдѣлали большую ошибку, долженствующую потрясти довѣренность, какую могутъ имѣть къ Вамъ читатели Вашего журнала. Или же, соображая съ Вашей стороны изложенныя мною обстоятельства, Вы полагаете, что и эти строки не дойдутъ до обычныхъ читателей Вашихъ, которые, такимъ образомъ, о содержаніи моего письма узнаютъ лишь то только, что Вы о немъ говорите въ № 111-мъ «Колокола», то-есть, что оно «и длинное, и поучительное, и Вами не было вызвано никакимъ личнымъ нападеніемъ на меня?»

Въ этомъ расчетѣ Вы бы ошиблись, потому что на оборточномъ листѣ моей брошюры я напечаталъ большими буквами: ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА къ русскому послу въ Лондонѣ и т. д., что, можетъ быть, уменьшитъ число моихъ обычныхъ читателей, но зато привлечетъ Вашихъ цѣнителей, которые не мало удивятся, увидѣвъ, что на мои обвиненія Вы не нашли другаго отвѣта, какъ отказъ въ напечатаніи оныхъ.—Какъ бы слабы ни были мои аргументы, Вашъ отказъ въ напечатаніи придаетъ имъ особое значеніе, какого они никогда не имѣли бы въ глазахъ Вашихъ приверженцевъ, если бы они мое письмо нашли въ «Колоколѣ» съ надлежащимъ предисловіемъ и соответственнымъ объясненіемъ редакціи.—Я согласенъ, что на мои доводы нельзя было сдѣлать логическаго опроверженія, а блестящее можно было написать, и Вамъ изъ многолѣтняго опыта извѣстно, что большинство Вашихъ читателей довольствуется краснорѣчивыми фразами и мало обращаетъ вниманія на логику.

Этимъ Вы бы сразу покончили и дѣло «о Брутахъ и Касіяхъ III Отдѣленія» и переписку со мною. Что бы я Вамъ ни на-

писалъ послѣ этого, Вы бы имѣли готовый отвѣтъ, готовый предлогъ не печатать мои посланія, и могли бы довольствоваться помѣщеніемъ въ Вашемъ журналѣ замѣтки, на примѣръ, такого рода: «Г-нъ Шедо-Ферроти насъ удостоилъ новымъ письмомъ въ такомъ же вкусѣ, какъ припечатанное въ № такомъ-то. Мы помѣстили первое письмо этого господина, чтобы доказать *всей Европѣ*, что мы не останавливаемся печатать вещи, посылаемыя противъ насъ самихъ, но тутъ должно прекратиться наше снисхожденіе къ г-ну Ферроти, который не можетъ требовать, чтобы мы наполняли страницы своего журнала его прозою, защищающею, во что бы ни стало, петербургское правительство и восхваляющею самоволіе и бюрократизмъ»—или же: «Еще статья г-на Шедо-Ферроти! Какъ этому господину не надобѣсть къ намъ писать, зная, что мы его выходки не печатаемъ? Помѣстивъ первое его письмо, мы должны были извиниться передъ нашими читателями въ томъ, что мы ихъ занимали такимъ вздоромъ, печатая же новыя его выходки значило бы изъ «Колокола» сдѣлать въ родѣ официальной газеты, восхваляющей петербургское правительство».

Находя подобнаго рода объявленія въ «Колоколѣ», читатели Ваши оставались бы увѣрены, что Вы вполнѣ правы, что мое письмо вздорное, что Вы мои аргументы опрокинули, и что дальнѣйшихъ моихъ статей не стоитъ читать, но—для этого надобно было бы чтобы Вы письмо мое отъ 29 октября помѣстили въ «Колоколѣ». Этого-то Вы и не сдѣлали и тѣмъ мнѣ дали надъ собою огромную выгоду, которою я не премину воспользоваться.

Чего бы я теперь ни написалъ въ редакцію «Колокола», Вы все должны принимать и печатать, подъ опасеніемъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ публикацій, съ жадностію читаемыхъ Вашею же публикою, привлекаемой къ моей съ Вами перепискѣ тѣми же причинами, которыя заставляютъ ее искать Ваши сочиненія.

«Колоколъ» Вашъ отъ того такъ охотно читается, что онъ запрещенъ *цензурою русскаго правительства*, судите же, съ какимъ фуроромъ бросятся на сочиненія, запрещенныя *цензурою Колокола!*

Такого рода преимущество нельзя выпустить изъ рукъ, а потому я на *«просьбу»* «впредь не обращаться къ Вамъ съ своими письмами» никакъ согласиться не могу.—Печатать ли мои письма въ «Колоколѣ» или нѣтъ, Вы сами рѣшите, какъ знаете, а писать я, все-таки, къ Вамъ буду.

Если Ваша цензура пропуститъ мои статьи, то въ «Колоколѣ», возлѣ элемента анархическаго, вдругъ появится элементъ благоразумнаго прогресса,* возлѣ прокламацій уничтожить сразу

«все существующее станетъ приглашеніе къ равномерному, обдуманному, постепенному измѣненію нынѣшняго порядка вещей, что для пылкихъ читателей Вашихъ будетъ очень полезно.

Если же Вы останетесь при нынѣшнемъ Вашемъ рѣшеніи и откажете въ припечатаніи моихъ писемъ, то отдѣльныя мои публикаціи съ надписью «запрещено цензурою Колокола» произведутъ на Вашихъ приверженцевъ еще большее дѣйствіе и заставятъ ихъ усомниться въ основательности Вашихъ анархическихъ теорій.

Въ томъ и другомъ случаяхъ вредное дѣйствіе Вашего журнала отчасти уничтожится, и останутся только полезныя его статьи, тѣ, въ которыхъ Вы обличаете преступныя дѣйствія частныхъ лицъ, доводя до свѣдѣнія публики то о лихоимствѣ чиновниковъ, то о злоупотребленіи власти или о самоволіи сановниковъ.

Не обязуюсь Вамъ писать регулярно. — Я возьмусь за перо, когда (какъ Вы выражаетесь) «я буду Вами не доволенъ», и то не всякій разъ, чтобы не завалить Васъ письмами.

Поэтому все еще отъ Васъ зависитъ прекратить нашу переписку.—Пишите въ духѣ и въ тонѣ первыхъ листовъ «Колокола»—и Вы болѣе обо мнѣ не услышите.

Въ противномъ случаѣ я буду имѣть честь препровождать къ Вамъ свои замѣчанія и доводы тѣмъ же путемъ, которымъ до Васъ дойдетъ экземпляръ этой брошюры; я ихъ отправлю по почтѣ въ страховыхъ посылкахъ и обожду выхода слѣдующаго номера Вашего журнала.—Если ихъ не найду въ Вашихъ столбцахъ, то распоряжусь о напечатаніи своихъ заключеній особою книжкою на русскомъ и на французскомъ языкахъ, озабочая доставленіемъ къ Вамъ по одному экземпляру каждаго изданія.

Брюссель, въ декабрѣ 1861 года».

Когда Шедо-Ферроти указывалъ на деспотизмъ Герцена, онъ не былъ одинокъ въ этой нотѣ. Въ выпущенныхъ M. de Molinari почти одновременно «Lettres sur la Russie» прославленный московскими консерваторами экономистъ сказалъ то же самое: «Если бы Герценъ сталъ вершителемъ русскихъ судебъ, то онъ, навѣрное, былъ бы не меньшимъ деспотомъ, чѣмъ императоръ Николай... Это—Николай въ красномъ колпакѣ» (стр. 334—335).

Чтобы читатель не думалъ, что кругъ и сила вліянія Герцена, дѣйствительно, были уже и меньше въ 1861 г., чѣмъ въ предыдущіе годы, какъ можно понять Шедо-Ферроти, приведу нѣсколько свидѣтельствъ современниковъ. Погодинъ, характеризуя настроеніе студенчества, замѣчаетъ: «Авторитетъ Герцена, поддерживаемый

его талантомъ, играетъ здѣсь большую роль» (Н. Барсуковъ, XVIII, 227). С. С. Громека писалъ Герцену въ апрѣлѣ и маѣ 1861 года: «Повторяю, нѣтъ у насъ другой надежды, кромѣ вась»... «Утѣшительно думать, что у насъ въ Лондонѣ *свой* король есть. И когда-бъ вы знали, какъ боятся этого короля наши цари и царьки! Еще недавно Александръ Николаевичъ, получивъ «Колоколъ», въ присутствіи гр. Шувалова, сказалъ ему *со вздохомъ*: «вотъ что болѣе всего *вредитъ* намъ!..». «Я часто повторялъ Вамъ въ письмахъ моихъ, что у насъ одна только надежда—на Васъ. Это—не фраза. Если бы Вы были среди насъ, Вы были бы русскимъ Гарибальди, а теперь намъ остается читать Ваше Евангеліе и ждать, пока Вы расшевелите насъ. Мнѣ кажется, что Вы ужъ много занимаетесь правительствомъ и черезчуръ мало нами. Намъ нужно подгонять; мы привыкли къ этому. А на правительство надежды нѣтъ никакой: оно окончательно свихнуло съ ума» («Вольное Слово» 1883, № 57). Генералъ Н. Г. Залѣсовъ рассказываетъ о своемъ посѣщеніи, по приѣздѣ въ Спб. изъ Оренбурга, товарища Симонова, штабъ-офицера въ академіи генеральнаго штаба. «Онъ и милая жена его, англичанка, приняли меня совершенно, какъ родного.. Пообѣдавъ у нихъ, я пошелъ съ Симоновымъ въ его кабинетикъ и сталъ разсматривать висѣвшіе на стѣнѣхъ портреты. Два довольно умныхъ, энергичныхъ лица остановили мое вниманіе, и на вопросъ: кто это такіе? Симоновъ отвѣчалъ: «да развѣ вы не знаете? это—Герценъ и Огаревъ». Видя, что я интересуюсь ими, хозяинъ добавилъ: «ну, на васъ я могу положиться и потому, если хотите, я вамъ подарю нѣсколько такихъ портретовъ для раздачи въ Оренбургъ; Герцена возьмите теперь, онъ литографированный, а за Огаревымъ заѣзжайте послѣ, я вамъ пересниму его; признаться, я не успѣваю изготовлять портреты даже для добрыхъ друзей: такъ много на нихъ охотниковъ». Что это такое? думалъ я, уѣзжая къ себѣ на квартиру: смиреннѣйшій изъ людей, всегда легальный и робкій Симоновъ, и тотъ распространяетъ литографію Герцена и фотографируетъ у себя на квартирѣ портреты Огарева, не опасаясь за послѣдствія? Это ли еще не знаменіе времени?» («Рус. Старина» 1903, VII, 32).

А вотъ запись въ «Дневникѣ» В. А. Муханова подъ 25 іюня 1861 г.: «Обѣдаютъ Исаковъ и Унковскій, который въ Черниговской губерніи нашелъ между крестьянами въ ходу копіи «Крещеной собственности», прокламацій и другихъ произведеній Герцена» (Н. Барсуковъ, XVIII, 78).

Наконецъ, свидѣтельство правительственное—изъ «Обзора соціально-революціоннаго движенія въ Россіи», Спб., 1880, изданнаго

секретно, по распоряженію III Отдѣленія, и написаннаго А. Мальшинскимъ: «Вліяніе лондонскаго станка съ 1856 по 1864 годъ — фактъ несомнѣнный. Въ этотъ періодъ времени «Колоколъ» разошелся въ количествѣ 2000—2500 экз. ежегодно, что далеко еще не исчерпываетъ всего числа его читателей, такъ какъ одинъ и тотъ же экземпляръ переходилъ отъ одного къ другому черезъ десятки и болѣе рукъ» (стр. 136).

22 сентября новгородскій губернаторъ донесъ, что дворянинъ новгород. у. Иванъ Михайловичъ Батановъ читалъ на волховскомъ пароходѣ нѣкоторымъ лицамъ печатное воззваніе возмутительнаго содержания. Внезапный обыскъ у Батанова въ гостиницѣ обнаружилъ въ его портфель №№ 77, 78 и 79 «Колокола», № 7 «Подъ Судъ!» и объявленія Трюбнера, которые онъ, якобы, купилъ у петерб. букиниста. На квартирѣ Батанова въ г. Чудовѣ ничего не найдено.

Изъ массы прочитанныхъ мною разнообразныхъ архивныхъ дѣлъ, вообще, видно, что надписи на конвертахъ, заключающихъ въ себѣ номера «Колокола» и др. своихъ изданій, дѣлались самимъ Герценомъ (напр., «Russia. Perm. Господину Пермскому градскому главѣ. Въ Перми») и запечатывались сюржучомъ съ неясной печатью. Курьезно, что когда тотъ же «градской глава» Федоръ Козьмичъ Каменскій выписалъ изъ Москвы сводъ законовъ, то въ посылку были вложены восемь книжекъ «Голосовъ изъ Россіи»... Пермскій губернаторъ недоумѣвалъ, кто и когда успѣлъ ихъ вложить (арх. м. вн. д., канц. 1861 г. № 1).

1734. Изъ Ковно.

Ковенскій губернаторъ Хоминскій ¹⁾, т.-е. полякъ, былъ назначенъ губернаторомъ изъ дворянскихъ предводителей въ тѣ времена, когда государь либеральничалъ и льстилъ Польшѣ. Теперь Хоминскій найденъ неблагонадежнымъ на Западѣ, теперь нужна натура *коренная*, нѣмецкая и Хоминскій переведенъ въ Вологду. Чрезвычайный успѣхъ Путятина, заставилъ и Валуева приняться за океанъ: онъ выудилъ какого-то Кригера ²⁾—разумѣется, адмирала, и послалъ его княжить въ Ковно. Въ Ковнѣ—полицейстеръ Васильевъ, братъ виленскаго (какова семья, дающая *двухъ* такихъ защитниковъ. самодержавія и осаднаго положенія!). Ковенскіе жители завлены постоемъ. У многихъ бѣдныхъ чиновниковъ изъ поляковъ поставлены по пяти и шести солдатъ ³⁾.

¹⁾ Станиславъ Фаддеевичъ.

²⁾ Контръ-адмиралъ, Григорій Александровичъ.

³⁾ Въ слѣдующемъ листѣ мы помѣстимъ любопытнѣйшій образецъ новаго судопроизводства въ Ковнѣ. А. И. Г. ¹

◆◆ 1. 26 сентября 1861 г. кievскій ген.-губернаторъ донесъ министру вн. дѣлъ, что отстав. солдатъ Кравчукъ поднялъ на почтовой дорогѣ изъ Луцка въ Ровно въ запечатанномъ конвертѣ возмутительное воззваніе на малороссійскомъ языкѣ къ крестьянамъ «Порада стараго дида къ волынскимъ русинамъ» съ надписью на конвертѣ: «по Высочайшему повелѣнію, мѣстному сельскому старостѣ, для объявленія всѣмъ крестьянамъ подѣ строгою отвѣтственностію за неисполненіе сего, экстренное». «Въ воззваніи этомъ описываются мнимыя права и льготы крестьянъ, которыми они, будто, пользовались во время бывшаго польскаго правительства, претерпѣваемая, будто, крестьянами угнетенія отъ нашего правительства, стремленія поляковъ и французовъ возстановитъ прежнюю Польшу, дабы улучшить положеніе польской шляхты и крестьянъ, и въ заключеніи воззванія говорится крестьянамъ, что если ихъ будутъ спрашивать, желаютъ ли они оставаться подѣ правительствомъ Россіи или Польши, то чтобъ они единогласно отозвались, что желаютъ возстановленія Польши» (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 1).

Тогда же въ Малороссіи среди интеллигенціи и народа ходило стихотвореніе Фрема Запорожца, напечатанное шрифтомъ и съ камня (литографированное) и рукописное, которое воспроизводится мною полностью съ экземпляра изъ архива П. Я. Дашкова, какъ имѣющее большой интересъ для изученія движенія мало извѣстной донинѣ исторіи революціонной мысли на Украинѣ 60-хъ годовъ.

Знайте, люди, на що царь військо тримає.

Царь наш багатьско війска має,
Аж страшно казати,
Але військо те на що—
Варт вам люди знати.

Не для края оборони
Він його збирає,
На піддержку своєї корони
Лишь тільки тримає.

З ворогом він не воює,
Війну в краю має,
Скоро вольність де зачує
Військо посилає.

От по ті самі причини
Людей зібрали
В Березні і Білоцерківщині
Тай їх постріляли.

В Корсуні і на Подолі
Страх людей гмінили,
Все за то, що люди волі
І там тож хтіли.

У Варшаві тож було,
Що молились Богу;
Чортівське ухо зачуло,
Тай зробив тривогу.

Силу там побив народу,
 Про те ніц не вдіав;
 Сказать вам люди не шкода—
 Злобу лишь розсіяв.

Де Бог в поміч людям стане.
 Там чорт ніц не зможе,
 Бо справа добра міряє
 Злу переможе.

Так то наші вояки,
 Що служать короні,
 Не згодні стать царські служакки
 За край в обороні.

Лехко ім було побити
 Мужиків, поляків,
 Бо не мали чим боронитись
 Від царських сіпаків.

Вони храбро там воюють,
 Де в ніх не стреляють,
 Скоро тільки це зачують,
 То туди поспішають.

Певно це ви, люди, чули,
 Лишь з думки спустили;
 Мужик не бачить фабули,
 Бо часто били.

Сім тим дається обманути
 Грамоти не знає,
 Прийдеться йому що зачути,
 Швидко забуває.

Нехай йому хан що каже—
 Він не довіряє,
 Аж як шкура стерпне,
 То і тоді не знає.

Через те літо я ясно пишу,
 Бо все добре знаю,
 Що лишь бачу и що чую—
 Слідом підтверждаю.

Правди то я, брати милі,
 Тільки добиваюсь,
 На то люди вік пожили
 Ними завідчаюсь.

Москалям вірить не можна
 Ляхів більш питайте,
 Все то робить з осторожна
 Тай свій розум майте.

А для того я вам кажу,
 Щоб ляхів питати,
 Бо й вони московську вражу
 Неволю зазнали.

Хто сам цього запробує
 Не жичить другому,
 Всяк з вас цеє поміркує
 І тому повірить.

Ляхи волю колись знали
 Тай нам не откажуть,
 В Москві її ніколи не мали,
 Так і нас привяжуть.

Віл робічий з гулящим
 Не емно береться,
 Або добрий з ледащим
 Щвидко підірветься.

Так же ж і ми, як спаруємось
 З народом невольним,
 По не в часи поміркуеш,
 Всяк з нас буде недовольним.

Мужик вперед не загляне,
 Що то буде з того:
 Чи на добре воно стане,
 Чи вийде що злого.

Прочитайте, но ще тучу
 Як хочете більш знати
 Там науку ще добру
 Будете в ній мати.

А на ті згути міряне,
Що царь з ними мутить,
Нехай цього лишь листа достане,
Толі лобйому скрутить.

Бо він народ в темноті
Мусить держати,
Щоб не будь йому в хлопоті,
Так і давсь так панувати.

Наступає туча.

День був ясний, сонце гріло,
Дим лишь став качатись,
Все в природі веселіло
Не знавші нещастя.

Давно, кажуть старі люди,
Як дим валяе,
То вже певно туча буде—
Кожон з вас це знае.

Так і було, що в годину
Хмара наступала,
Всяк варипів на плюту—
Темнота настала.

Страшно було, сумно, нудно,
Дуже багатьсько говорили,
Описать це навіть важко—
Мусів всяк терпіти.

Тьма то була в чорні хмарі,
Хоть дощу не мали;
Вплачу діти, а що старі
Тяжко сумували.

Це нещастя заступило
Лишь на нашу Україну,
Гірко ж було і не мило
В ту лиху годину.

Один з нас питає другого:
Що так сумує?
Отвічав всяк, що от того.
Бо царь нами панує.

А знаєте ж, милі брати,
Як прийшлось до того.
От треба вам розказати
Слова діда мого.

Народ той, що живе в згоді
Не дастьсь під п'яти,
Бо він завше в злій пригоді
Буде враз боронитись.

Так і ми як з ляхами
Сваритись почали,
То і вони і ми самі
В неволю попали.

Москаль на то постаравсь
Щоб нас посорити,
І потім обібравсь,
Мусім тепер годити.

Так погодив, як всіх в матню
Загорнув, тай каже:
Тепер з вас шкуру останню
Здиру лихий враже.

Хитра то цариця була—
Короля підсила,
І так його підманула,
Буцім полюбила.

Вона, що її було треба,
То все з ним зробила,
Знала дурня, що не клеба,
Так Польшу підбила.

Все вже було в безпорядку
Як був король польський,
Що панував на останку—
Звавсь він Понятовський

Ляхи було схаминулись,
Хтіли воювати,
Лишко, що перше забулись
Військо все зібрати.

Та ще були б дали бобу,
Коли б не магнати.
Що до шляхти мали злону,
Стали преш казати.

Тут цариця підустила
Нас на лядзьку шию,
Розбійника заглушила,
Мов як лиху змію.

Щоб йшов лядзьку кровъ лити.
І нас звав до діла.
Він став Гонту підмовляти—
З ним козацтва сила.

Страшна була різанина,
А що сирот много
Сохрань Боже - Хрест Емина—
Від такого злого.

Потім ми і наші діти
Зістались в неволі,
Довго мусіли терпіти,
Бо це в Божій волі.

Самі собі заслужили
Гіршой Божей кари,
Бо як раз так пестутили,
От як ті татари.

За кровъ братню Бог нас скарає,
Що забули то,
Як Господь нам приказав
Любить ближнього свого.

А ми справді так зробили,
Як ті басурмани,
За теж на нас наложили
Залізні кайдани.

От від того то вже, хлопці,
Неволя нам була,
І молодців запорожців
Москва підманула.

Від того то Україна
Голосить почала,
Що проклята та година,
Як Москва нас взяла.

Від тоді вже і пани нами
Владити почали,
Бо ім на то царі самі
Позволяти стали.

Дученчій став душить слабшого
А той нижчих давить
Москаль все за взятку з свого
Начальників ставить.

От так хлопці сталось з нами
За прадідів штуки,
Мало що вони терпили самі,
Тай ще терплять і внуки.

Ляхи були нам як брати,
Мы за ніх кровъ ляли,
Теперь хлопці гид сказати—
Злі часи настали.

Не раз ми чуем від старця
Що добре колись було;
Чом же ж нам не постаратись
Щоб добро, вернути?

Ляхи нам колись були прияли
І ми їх любили,
Короля одного мали,
В згоді з ними жили.

Теперь мы і наші діти
От їх відцурались,
Я б вам казав, з ними жити
Ми б щастя зазнали.

Білорусьці теперь самі
Стали говорити,
Що ім згода з поляками
В братній добрі жити

Діда мого мову милу
Я вам теперъ кажу;
Вірте в мою правду ширу,
Бо ще й слід покажу.

За нас так пани хтіли
І свою кровъ ляти,
Но ми за то їх ловили,
Ну ж в суд приставляти.

Тридцять літ тому минуло,
Всяк це пам'ятає,
Що то під.....було,
Може й з вас хто знає.

Необачні прості люди
Наробили злого,
Тепер инше зовсім буде.
Користуймо з того.

Ляхи то нас зхтять увольнити,
Не московській царь,
З ними нам то треба жити
Щоб знов не був свар.

Чумаки ж це трохи знали,
Як в Севастополі
Найбільш за то воювали
Щоб из неволі

Випустив царь Польщу, Литву
Русь і Україну,
А ми за їх молитву шлем
Во всяку годину.

То все ляхи напросили,
Багатсько протерпівші—
Тридцять літ в чужині жили
Свого відцуравшись.

Вони з нас більшого не хтять,
От як тільки згоди;
Кажуть нам, лишь, прияють
не мають злоби.

Позабудимо що минуло,
Возьмемсь рука в руку,
Простим то, що колись було,
Так всю скінчим муку.

Бо як будем возновляти,
То Москаль по волі,
Знов нас почне завертати
До давної неволі.

Пам'ятайте, вражьи діти,
Що нам самі пани
Це хтіли б і не змогли б вдіти
Ці тяжкі кайдани.

Добра нам тепер попута,
Варт, щоб ви це знали;
Ні податів, ні рекрута
З Польщі не брали.

А тепер нас обдирають.
Мов з баранів шкури,
Мужики не покидають
Вовчої натурі.

Москаль все робить лестками,
Хоть підсідає,
Побачете, що зробить з нами,
Як нас загнуздає.

Бо він завше хитрощами
Всі діла провадить;
Гірше з ним, як з лахами,
Мужиков ізладить.

У Царя все указ новий,
Старого збиває,
Шкода, що закон здоровий
Та толку не має.

Для того ж, як заведеш діло,
Тай правду програєш,
В сводах так покутило,
Що їх не зазнаєш

Бо і царь сам не дойме ладу
Зсвоїми правами,
Не раз він складає раду
В раз з сенаторами.

Кажуть треба б ще предписати,
Щоб діла рішали,
Тай так пишуть до палати.
Щоб добре крали.

Московський суд більш не знає,
Як тільки напасти,
Кого може — обдирає,
А як ні — то вкрасти.

На брїхнях вся корона
Плутовством підшита,
Для тіх лиш є оборона,
Де калитка сита.

Тепер вже і нам прийдеться
Діла в судах мати,
Не одному доведеться
Все попірати.

А про те справу програєш,
Як стираєш гроші,
То аж тоді розпізнаєш,
Той закон добрий.

А податі як стануть брати
І з старого і з малого
То тоді будемо знати
Милість царя свого.

Акциз на сіль, горїлку.
Оплати від чумацької хожі,
Баришей багатьсько
А це все для чого?

Що царь має рїдну силу,
Траж ім звідкись жити,
От він всю Україну милу
Мусить там душити

Знаєте, як піп їх стане
В церкві поминати,
Хрестьянин аж обвяєне,
Докучить стояти;

Щоб мав Богу часть віддати.
Царя поминає,
Правду треба вам сказати,
Що не один лає.

Тай так грїха наберешься,
Прости лишь нам, Боже,
Прийдеш, з скуки упьешься.
Що ж не правда може?

Вони навіть на ту віру
Зовсім змінили.
Описать то — жаль папиру
Чого ми дожили.

Служба Божа не набожна,
Попи сякі-такі,
З кого тільки іно можно —
Рвуть як кість собаки.

Но ми люди невченні
Не пізнали цього
Кажу вам цей раз останній,
Що все іде до злого.

Теперь буду вам казати,
Та щоб ви і це знали.
Добре перш помирати,
Щоб не жаловали.

В Польщі, правда, від народа
Сам король під ними,
Там то, правда, во всім згода
Руководит ними

Вони на весь мир одні
І без переміни,
Пани рівні і служаки,
Кром малої дитини.

Лихоімщиків там не буде,
 Бо сильно карають;
 Скоро возьме—знають люди—
 Зараз розстрилають,

Так то кожен побоїться
 Голову покласти,
 Певно всякий воздержиться
 В другого украсти.

Податі для того менші,
 І так добре жити,
 Бо там навіть і князь перший
 Мусить платити.

В військо там і панські діти
 Мусять поступати,
 Солдатом перш треба служити,
 А потім чин достати.

А тут всі мужиками
 Дири запихають,
 Обдирають податями,
 В рекрути приймають.

Вибірайте тепер люди,
 А казки не гудьте—
 Як вам добре жити буде,
 То так собі будьте.

Це не казка, правда свята,
 Вірьте в мої слова:
 Любіт ляхів, як брат брата,
 Це вам щира мова.

А як вам не до сподобу,
 Знайдіть собі лучу,
 Бо я, килькі мав способу,
 Описав вам тучу.

Фрем Запорожець.

Хто цю казку буде мати,
 Повинен всему миру прочитати,
 Бо як її тільки вам не обьявитьь,
 Той проклатий на віки
 І грім в него вдаритьь.

Во ісполненіє цієї клятви отправлен акафест до Святого Отця Миколи Чудотворця в Києво Печерску Лавру.

1735. Петербургскія письма.

Намъ пишуть, будто профессора уговаривают келейно и по одиночкѣ студентовъ покориться путятинскимъ фуркуламъ. Въ крѣпости около 200 студентовъ, нѣсколько студентовъ взяты у литератора Альбертини ¹⁾, и самъ Альбертини тоже въ крѣпости. Въ чиновничьемъ мірѣ собирались писать адресъ къ государю— просятъ объ открытіи университета; адресъ не состоялся, а Стасова ²⁾, служащаго въ сенатѣ, арестовали за собраніе подписей (говорятъ, было собрано до 500)... Муравьевъ, Бутковъ и пр. употребили отличную интимидацію, обьявивши, что подписавшій адресъ будетъ исключень изъ службы *заднимъ числомъ*... Далѣе пишуть, что Стасовъ выпущень, но исключень изъ службы; ¹ къ жертвамъ

¹⁾ Николай Викентьевичъ.

²⁾ Дмитрій Васильевичъ.

террора принадлежитъ г. Обручевъ¹⁾, отданный подъ военный судъ, будто бы, за пересылку по почтѣ листа «Великорусса», 4 артиллерійскіе офицера и одинъ генеральнаго штаба.

Государь *благодарилъ телеграммой* свою вѣрную, побѣдоносную гвардію за храбрость, оказанную въ студентскій день... Ни малѣйшаго такта, ни гѣни высшаго декорума!

Шуваловъ подался въ отставку, и, говорятъ, будетъ замѣненъ Анненковымъ. Увѣряютъ, что его уговорила мать оставить ремесло Дубельтовъ и Тимашевыхъ. Какой это Анненковъ—знаменитый ли дантистъ Нижняго-Новгорода, дававшій представленія въ театрѣ²⁾, или иной какой?³⁾

◆◆ 1. По разсказу К. К. Арсеньева, Д. В. Стасовъ былъ душою кружка молодыхъ чиновниковъ министерства юстиціи, подготовлявшихся къ ожидавшейся судебной реформѣ и, вообще, интересовавшихся современной общественной жизнью. 29 сентября онъ предложилъ Арсеньеву подписать адресъ о помилованіи студентовъ; Арсеньевъ подписалъ и собралъ въ министерствѣ 16 подписей, да помнитъ 50 подписей въ сенатѣ. Все это стало извѣстно III Отдѣленію, и 2 октября Стасовъ былъ арестованъ, а 8-го освобожденъ съ увольненіемъ изъ сената по 3-му пункту («Голосъ Минувшаго» 1914, I, 161—164).

Фактическая сторона этого характернаго для эпохи дѣла, особенно, имѣя въ виду близость Стасовыхъ къ Герцену, заслуживаетъ большаго вниманія, и потому я познакомлю съ производствомъ его въ III Отдѣленіи. Своимъ возникновеніемъ оно обязано М. Топильскому, приславшему шефу жандармовъ не подписанную краткую записку, но, очевидно, не скрывшему своего имени другимъ путемъ, потому что въ описи «дѣла» фамилія этого alter ego Панина указана полностью. Немедленно стат. сов. Стасовъ, бывшій тогда оберсекретаремъ сената, въ ночь съ 1 на 2 октября былъ арестованъ; при обыскѣ ничего предосудительнаго не найдено. На другой день онъ показалъ, что всеподданнѣйше просить государя за студентовъ «желаютъ весьма многіе, и что онъ, такъ какъ просить никому не воспрещено, раздѣляя это желаніе, но подписки не отбиралъ, а говорилъ лишь о томъ двумъ-тремъ лицамъ». Стасовъ выразилъ

¹⁾ Владиміръ Александровичъ.

²⁾ Федоръ Васильевичъ, братъ писателя.

³⁾ Мы получили подробныя описанія университетскаго дѣла въ Петербургѣ и Москвѣ; часть ихъ будетъ тоже напечатана въ слѣдующемъ листѣ.
А. И. Г.

недоумѣніе, почему его считали руководителемъ въ этомъ дѣлѣ. Шуваловъ сообщилъ объ этомъ Замятнину 4 октября, отвѣтъ котораго отъ 7 октября содержалъ только указаніе, что приказомъ по министерству юстиціи 4 октября Стасовъ уволенъ отъ службы.

3 октября происходило совѣщаніе у вел. кн. Михаила Николаевича, гдѣ Замятнинъ «положительно заявилъ, что Стасовъ—человѣкъ образа мыслей вреднаго, и что ему, Замятнину, достовѣрно извѣстно, что онъ—распространитель означенной подписки, склонявшій къ оной и другихъ служащихъ лицъ». Поэтому было рѣшено предоставить министру юстиціи уволить Стасова, а III Отдѣленію—сдѣлать распоряженіе о высылкѣ его изъ Спб. въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ имперіи.

Управляющій III Отдѣленіемъ послѣ объясненія со Стасовымъ «представилъ Совѣту его высочества, что Стасовъ глубоко чувствуетъ необдуманность своего участія въ этомъ дѣлѣ и завѣряетъ, что будетъ воздерживаться отъ всякихъ сужденій по этому предмету». По ходатайству гр. Шувалова, Совѣтъ призналъ возможнымъ ограничиться увольненіемъ отъ службы и учрежденіемъ надзора.

7 октября Стасовъ послалъ Шувалову письмо, въ которомъ, обращая вниманіе на свое продолжавшееся заключеніе, говорилъ, что не понимаетъ, откуда его «многоуважаемое начальство» можетъ знать его образъ мыслей, и выразилъ убѣжденіе, что если бы самъ графъ «захотѣлъ перенестись хоть разъ въ положеніе человека, лишеннаго свободы, то, безъ всякаго сомнѣнія, очень многіе, а въ томъ числѣ и онъ самъ, Стасовъ, не сидѣли бы въ тюрьмѣ по нѣсколько дней или недѣль, неизвѣстно вслѣдствіе чего».

9 октября Стасовъ далъ слѣдующую подписку: «Я, нижеподписавшійся, даю сію подписку въ томъ, что въ адресѣ его величеству, въ которомъ хотѣлъ участвовать и я, предполагалось просить милосердія государя императора къ студентамъ, арестованнымъ по поводу послѣднихъ беспорядковъ въ университетѣ, безъ всякаго отношенія къ политическимъ дѣламъ. Сознавая, что этому поступку могло быть придано, однако, другое значеніе, обязуюсь на будущее время дѣйствовать такъ, чтобы мои дѣйствія согласовались съ видами правительства». Надзоръ за Стасовымъ продолжался долго: еще въ 1875 г. онъ не былъ снятъ (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп., 1861 г., дѣло № 289).

1736. Оскорбленіе бѣдности и подлая месть.

Стипендіи, получаемыя студентами петербургскаго университета, будутъ раздаваться въ полиціи... Какіе мелкіе не-люди... Въ Москвѣ, по словамъ «Таймса», начальство постурило еще радикальнѣе: оно захватило деньги, собираемыя студентами для вспомоществованія бѣдныхъ товарищей.¹

◆◆ 1. Въ № 111 «Колокола» помѣщена анонимная статья «Что надо дѣлать войску?», написанная, какъ это точно мною установлено по даннымъ архива семьи Герцена, Огаревымъ и Н. Н. Обручевымъ при содѣйствіи Николая А. Серно Соловьевича, выпущенная въ нѣсколькихъ печатныхъ и литографированныхъ изданіяхъ, на нѣкоторыхъ изъ которыхъ сверху были слова: «Сей циркуляръ сообщайте другъ другу», а въ концѣ: «Въ С.-Петербургѣ». Въ Лондонѣ она была выпущена въ трехъ видахъ: оттискомъ въ два столбца изъ «Колокола» на 3 страницахъ большого формата; тѣмъ же шрифтомъ въ видѣ брошюры въ 8 страницъ, формата «Полярн. Звѣзды», съ указаніемъ «Отпечатано въ Вольной русской Типографіи», и тѣмъ же шрифтомъ въ видѣ меньшей брошюры въ 12 страницъ, съ указаніемъ: «Цѣна 1 копѣйка». Въ нѣкоторыхъ литографированныхъ изданіяхъ была указана также и та же цѣна. Одно литографированное изданіе вышло брошюрой въ 16 страницъ, при чемъ текстъ помѣщенъ только на 1, 4, 5, 8, 9, 12, 13 и 16 страницахъ, т.-е. печаталось съ одной стороны листа; тексту прокламаціи была предпослана статья Герцена отъ 8 ноября № 1732; грамотность гравера была очень невелика: «сообщайтѣ», «что нада» и т. п.

Приведу и эту прокламацію полностью, также безъ всякихъ измѣненій, но по лондонскому изданію—въ петербургскихъ и другихъ были ошибки и измѣненія.

Что надо дѣлать войску?

Четвертаго сентября 1861 года государь подписалъ приказъ военнымъ начальникамъ—какъ употреблять войско противъ народа, когда бить народъ холоднымъ оружіемъ, когда пулей, когда кар-

течью, когда войску слушаться полицейскихъ чиновниковъ, когда самимъ генераламъ командовать стрѣльбу по народу.

Ясно: царь идетъ противъ народа.

Что же тутъ дѣлать солдатамъ и офицерамъ?

Ничего не дѣлать, то-есть не ходить противъ народа. Только этимъ войско можетъ спасти Россію отъ бѣды и кровопролитія.

Что станетъ дѣлать царь, если солдаты не пойдутъ противъ народа? Разумѣется что—поневоля отдастъ народу и землю, и волю, а, вѣдь, народъ только изъ за этого и хлопочетъ. Стало, если войско не пойдетъ противъ народа, воля и земля достанутся народу безъ рѣзни, безъ капли крови, спокойно.

Что станетъ дѣлать царь, если солдаты пойдутъ противъ народа? Постарается не дать народу ни воли, ни земли, кровь польется рѣками, да еще кто кого осилить—народная правда или царскій приказъ—неизвѣстно, а солдатамъ отъ этого легче не будетъ.

Надо, чтобъ солдаты помнили, что дѣло идетъ объ землѣ и волѣ не только крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, у которыхъ, по новому положенію, землю урѣзали, а воли не дали, которыхъ, стало попросту сказать обманули; дѣло идетъ также объ землѣ и волѣ крестьянъ государственныхъ, то есть крѣпостныхъ казенныхъ, удѣльныхъ, фабричныхъ и всякихъ приписныхъ къ царскимъ заводамъ. Всѣ они теперь живутъ крѣпостными у своего начальства; оно ихъ и грабитъ, оно ихъ и сѣчетъ, оно имъ и мѣшаетъ управляться какъ знаютъ, самимъ собою, своими выборными. Земли, на которыхъ они споконъ вѣковъ сообща живутъ даромъ, селами и деревнями, казна хочетъ имъ же въ разбивку распродать за деньги. Земли, на которыхъ никто не живетъ, которыя малоземельнымъ и въ охоту бы заселить, земли государственныя, вмѣсто того, чтобъ дать на выселки, за обычныя подати,—казна распродаетъ своимъ чиновникамъ, или раздастъ генераламъ. А все отъ того, что царь государственныя земли признаетъ за царскія и не хочетъ понять, что онѣ не царскія, а народныя.

Стало, когда народъ скажетъ: «подати платить мы станемъ на общія нужды; отдайте намъ нашу землю, чтобы всѣмъ было вдоволь; отрѣшите всякія барщины и оброки, дайте намъ волю управляться какъ знаемъ, безъ помѣщиковъ и чиновниковъ»—народъ скажетъ правду. Это не бунтъ, а требованіе житія по правдѣ, это святое дѣло.

И за то, что народъ это скажетъ, царь приказываетъ послать солдатъ противъ народа, со штыкомъ и саблей, съ пулей да картечью, проливать кровь отцовъ и братьевъ, матерей и сестеръ!

Солдаты должны помнить, что они взяты на службу насильно, или изъ помѣщичьихъ, или изъ казенныхъ крестьянъ, что ихъ отцы и братья и теперь или помѣщичьи или казенные, что и тѣмъ и другимъ нужна земля да воля. И вдругъ солдаты пойдутъ ихъ бить, для того, чтобъ царь могъ у нихъ отнять и землю и волю для своихъ помѣщиковъ и чиновниковъ! Да этого быть не можетъ, это противно смыслу и совѣсти.

Не владѣй землей по праву и обычаю, не живи свободно и по совѣсти, а живи какъ царь велитъ; не владѣй ничѣмъ и будь рабомъ у помѣщиковъ и начальства—вотъ, чего хочетъ царь отъ народа и для этого велитъ своимъ генераламъ учить солдата, чтобы билъ поляка да мужика.

А чего хочетъ полякъ? Воли. А чего хочетъ мужикъ? Воли. Стало, они хотятъ одного и того же, воли. И за это ихъ бить?

Неужто намъ помнить, что 250 лѣтъ тому назадъ поляки ходили на Россію и черезъ 250 лѣтъ все имъ мстить? Да такого глупаго человѣка, который бы въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ мстить за то, что было 250 лѣтъ назадъ, у насъ въ народѣ и не сыщешь. А въ наше время не поляки ходили на Россію, а русскіе ходили на Польшу, и не по своей охотѣ, а по приказу царскому. И для чего? Чтобы не смѣлъ полякъ жить какъ ему хочется, какъ ему удобнѣе. И изъ-за этого отнимаютъ у нашего народа лучшихъ парней въ солдаты и тратятъ въ убытокъ миллионы народныхъ рублей, въ погѣ лица трудомъ добытыхъ. Долго ли же будетъ намъ поддерживать такую бессмыслицу и такое звѣрство? Оттого царь и не даетъ русскому народу ни земли, ни воли, думаетъ, что народъ глупъ, помогаетъ ему и людьми и деньгами душить Польшу. И взаправду, пока русскій солдатъ будетъ помогать царю душить Польшу, русскій народъ не будетъ свободенъ. Когда нашъ солдатъ пойметъ, что его брату русскому мужику нужна воля, тогда онъ пойметъ, что и поляку нужна воля и оставитъ его мирно устроиваться у себя дома какъ знаетъ. Мѣшать поляку выйти на волю, все равно что мѣшать мужику выйти на волю, и то и другое передъ совѣстью—грѣхъ, а передъ здравымъ смысломъ—безуміе. Дѣло честнаго русскаго войска не то, что мѣшать поляку жить по своему, а помочь ему освободиться и отъ нѣмцевъ, которые держатъ его въ неволѣ.

«Все это такъ», скажутъ солдаты, «да какъ же ослушаться начальства?»

Положимъ, что самъ митрополитъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ пришелъ бы къ кому нибудь и сказалъ бы: «Поди зарѣжь своего родного брата». Такъ тотъ сейчасъ пошелъ бы

и зарѣзалъ? Нѣтъ! Всякій бы подумалъ, что митрополить съ ума сошелъ, или самъ злодѣй и клятвoprеступникъ, играющій крестомъ и облаченіемъ.

А что жъ дѣлаетъ начальство, когда приказываетъ солдатамъ идти противъ народа? Велить идти зарѣзать родного брата. Только что у начальства нѣтъ и святости, которою бы слукавить и ввести челоуѣка въ грѣхъ, и вмѣсто облаченія—нѣмецкій мундиръ съ эполетами, и вмѣсто креста—шпицрутень.

«Да это-то и страшно», скажутъ солдаты, «начальство высѣчетъ».—И это скажутъ люди, которые не боялись ни турецкихъ, ни французскихъ пуль! Сотнями тысячъ, возлѣ нихъ, недавно въ Крыму костями легли ихъ товарищи, за то, что Николаю Павловичу вздумалось повздорить съ француземъ. А тутъ, когда надо спасти народъ русскій отъ кровавой напасти, вдругъ стало страшно—и кого же—начальства! Стыдъ какой! И съ чего же страхъ-то? Ну, скажетъ генераль: «стрѣляй по народу!» А солдаты скажутъ: «Не хотимъ, грѣхъ!» Что же сдѣлаетъ генераль? Самъ струситъ, повернетъ лошадь, да и ускачетъ.

«Да! ускачетъ, да приведетъ другое войско!» А если и другое войско не пойдетъ? Тогда что?.. Ну, тогда очень просто—народу отдадутъ землю и волю безъ всякаго кровопролитія. Видите, что пустой страхъ можетъ надѣлать бѣду и пролить неповинную кровь народа, чтобы отнять у него его достояніе; а если солдаты, безъ всякаго бунта, мирно и твердо скажутъ: «Не возьмемъ грѣха на душу, не пойдемъ противъ народа»—все будетъ спасено, и спокойствіе Россіи, и воля народная, и достояніе народное. Вѣдь, наказаніе одного солдата за пьянство—легко; а наказаніе сто челоуѣкъ за любовь къ народу—мудрено, а тысячу—и того мудренѣе, а сто тысячъ, а шестьсотъ тысячъ—и способу нѣтъ.

Да и гдѣ тутъ выборъ идти или нейти противъ народа! Кто сѣчетъ солдатъ? Начальство. Кто вычитаетъ изъ жалованья промѣнъ крупныхъ бумажныхъ денегъ, которыя и безъ того съ каждымъ днемъ стоятъ все меньше да меньше, а солдатамъ выдаются рубль за рубль? Начальство. Кто крадетъ муку съ припека? Начальство. Кто не платитъ мужикамъ за прокормъ солдата во время постоя? Начальство. А вѣдь чай солдатъ родился не въ генеральской или полковничьей квартирѣ, и не у ротнаго командира въ палаткѣ,—а въ народной избѣ. Кто вскормилъ его дѣтство? Народъ. Кто выростилъ его и дѣлилъ съ нимъ радость и горе? Народъ. Кто плакалъ по немъ, когда его ставили въ рекруты? Народъ. Кто даетъ царю деньги на его содержаніе? Народъ. Кто, и помимо того, его кормитъ во время постоя? Народъ.

И въ *этомъ* народѣ солдатъ станеть стрѣлять по приказу *этого* начальства?

Быть не можетъ!

А еще какъ подумаешь—мается солдатъ пятнадцать лѣтъ на службѣ, а домой придетъ безсрочнымъ ли или въ чистую отставку,—нѣтъ у него ни кола, ни двора; царь и начальство, за службу, за битые да проголодь, даже не подумали гдѣ его приютить. Если теперь солдатъ не пойдетъ противъ народа, и стало народъ спокойно получить землю и волю, конечно всякая деревня выдѣлитъ своему отставному солдату его участокъ земли и приметъ его какъ брата, и не пойдетъ онъ бездомникомъ наниматься въ холопы, или питаться подаяніемъ. Да не только своего, а и того, что изъ дворовыхъ или изъ мѣщанъ на службу поступилъ, любая деревня, гдѣ земли вдоволь, охотно приметъ и дастъ у себя и мѣсто на избу и надѣлъ въ полѣ. А пойдетъ солдатъ противъ народа, тогда ужъ не пеняй,—не съ чего мужику принять его какъ брата, а развѣ какъ врага лютаго. И останется онъ народу ненавистнымъ, нигдѣ не терпимымъ бездомникомъ. А царь и начальство попрежнему скажутъ: «службу справилъ, ну и прощай, живи какъ знаешь, чѣмъ богъ послалъ, намъ теперь ты не нуженъ».

И какая же выгода въ этой службѣ? Та ли выгода, что теперь начальство въ Варшавѣ позволяетъ солдату середь бѣла дня съ поляка часы стащить? Да вѣдь это только мерзко; часы солдатъ пропьеть, а въ отставку все же пойдетъ нищимъ, да еще гнуснымъ воришкой и разбойникомъ. Начальство говоритъ солдату: «будь мерзавцемъ, грабь твоего брата, только помоги намъ его зарѣзать; а отслужилъ, ступай на всѣ четыре стороны, какъ вѣчный жидъ на скитаніе». Мы говоримъ солдату: Спаси твоего брата, не рѣжь его, не грабь его, будь чистъ передъ совѣстью и будетъ тебѣ данъ у народа приютъ безбѣдный, пока живъ, и будетъ твоя кончина непостыдная и мирная.

Что лучше—сами судите.

«Да, скажутъ солдаты, нейти противъ народа, когда царь приказываетъ, можетъ, противно присягѣ».

Есть двѣ присяги настоящія: одна, которую каждый человѣкъ принимаетъ на себя родившись, это присяга—ограждать народъ, въ которомъ онъ родился, отъ всякаго врага и насилія. Это присяга природная.

Другая присяга добровольная. Если кто дастъ обѣтъ богу—сходить ли помолиться или помочь брату въ несчастіи; такой присяги не сдержатъ грѣхъ. Самъ захотѣлъ ее дать, такъ и держи слово.

А третья присяга—приказанная. Ее даютъ со страху и противъ собственной воли. Человѣкъ или самъ не знаетъ въ чемъ клянется, или со страху лжетъ. Это не присяга, а обманъ.

Хорошо еще, если ради этой присяги скажутъ: «Ступай, спасай свой народъ отъ врага»,—тогда она согласна съ присягой природной.

А если скажутъ: «ступай стрѣляй по своему народу»—тогда эта присяга противна присягѣ природной и становится клятвopе-ступленіемъ.

Развѣ богъ наустилъ Каина убить брата своего Авеля, или другой кто?

А что же дѣлаетъ царь, когда играя присягой, посылаетъ солдата противъ народа, какъ не то же, что посылаетъ Каина убить брата своего Авеля?

Нѣтъ, тутъ уже чутьемъ слышится, что тотъ солдатъ, или офицеръ, который станетъ стрѣлять по народу (русскому ли, польскому ли), просящему воли, будетъ проклятъ, какъ Каинъ.

А офицеры?

Офицеровъ много хорошихъ, которые любятъ народъ и готовы отступить отъ всѣхъ своихъ барскихъ выгодъ въ его пользу, а поэтому любятъ и солдата; эти вѣрно не поведутъ его противъ народа.

Есть много и дурныхъ, которымъ побить мужика и солдата и ограбить ихъ—нипочемъ.

Есть много и такихъ, которые ни то, ни сѣ, готовы пристать къ хорошимъ, а пожалуй пойдутъ и за дурными.

Дѣло хорошихъ крѣпко соединиться между собою и рѣшить: нейти противъ народа. Тогда тѣ, которые ни то ни сѣ, пристанутъ къ нимъ и тоже не пойдутъ противъ народа. Да и выгоды имъ нѣтъ помогать правительству, которое запираетъ школы, гдѣ ихъ сыновья и братья могли бы обучаться, или заставляетъ платить за ученье деньги, которыхъ они платить не въ силахъ.

А дурные—дурные пусть покаются, пока есть время, да не только слезами—плакать всякій ханжа умѣетъ—а дѣломъ, то-есть перестанутъ бить и грабить солдатъ, и откажутся вести ихъ противъ народа. Вѣдь если они пойдутъ противъ народа, начнется рѣзня—и головы ихъ же братьевъ помѣщиковъ и сестрицъ-помѣщицъ полетятъ ни за что ни про что, а не пойдутъ—все обойдется мирно, народу отдадутъ землю и волю, и помѣщиковъ оставятъ въ покоѣ и дадутъ имъ пособіе, изъ общихъ государственныхъ доходовъ; стало никто обиженъ не будетъ.

Говорятъ, что гвардія содержится лучше чѣмъ армія и готова разорвать народъ на части по приказу царскому.

Не вѣримъ. Содержана она лучше, а формами да ученьями измучена хуже, такъ что особой любви и нѣжности къ начальству гвардіи имѣть не съ чего. Да не вѣримъ мы не потому, что она измучена ученьями, а потому, что и она грѣха и срама на себя не положить, Каиномъ не будетъ, вспомнить, что она не царскіе наемники безъ роду и племени, а своего народа дѣти и защитники. Пора понять, что и гвардія и армія—все равно солдаты, которые родились въ нароцѣ и пошли служить на защиту, а не на гибель народу. Стало дѣло солдатское не мѣшать, а помочь народу получить волю и землю.

Царь подписалъ приказъ какъ и когда бить народъ... Съ чего же ему вздумалось отдать такой приказъ и велѣтъ напечатать ¹⁾?. Стало, онъ боится народа. А гдѣ страхъ, тамъ нѣтъ силы.

Стало, войску бояться нечего спасти Россію отъ бѣды и кровопролитія, отказавшись идти противъ народа. Положимъ, что первый полкъ, который откажется—будетъ распущенъ, какъ встарину Семеновскій или Московскій полкъ. Но за то всѣ другіе полки послѣдуютъ его примѣру, и кровь народная не польется. А и то сказать, что распустить его и не посмѣютъ, да не посмѣютъ и не дать народу земли и воли.

Положимъ, что перваго офицера или солдата, которые откажутся стрѣлять по народу, сошлютъ на каторгу, или прогонятъ сквозь строй, или разстрѣляютъ. Есть изъ-за чего и пострадать; умѣли страдать въ Севастополѣ за ни что, а тутъ за народное дѣло—да не пострадать, стыдно. Ну—пусть одного, двоихъ разстрѣляютъ, зато другіе офицеры и солдаты послѣдуютъ ихъ примѣру, кровь народная не польется, а имя ихъ запишется на ряду со святыми мучениками.

А и то сказать—ихъ ни сослать, ни наказать, ни разстрѣлять не посмѣютъ, потому что все войско послѣдуетъ ихъ примѣру. Еще разъ скажемъ: одного наказать за пьянство легко; а наказать сто человѣкъ за любовь къ народу—мудрено, а тысячу человѣкъ и того мудренѣе, а сто тысячъ, а шестьсотъ тысячъ и способу нѣтъ.

Стало что же дѣлать войску послѣ царскаго приказа 4-го сентября?

Спасти Россію отъ кровавой напасти, не мѣшать народу спокойно получить землю и волю, то-есть—твердо и мирно стоять, ничего не дѣлать и нейти противъ народа.

Спасемъ же нашъ народъ и благословимъ достояніе его!

¹⁾ Напечатанъ въ Спб. Вѣдомостяхъ. 23 сентября 1861 года, № 209.

Эта прокламація была распространена довольно широко въ русской арміи, особенно въ гарнизонахъ Ц. Польскаго и Сѣверо-Западнаго края (см. Миловидовъ «Архивные матеріалы Муравьевскаго музея», 50).

Прокламація была получена въ Спб. войскахъ въ серединѣ декабря; это было варшавское литографированное изданіе; военный министръ прислать ее шефу жандармовъ, который ничего еще не зналъ. Оренбургскій ген.-губ. Безакъ получилъ печатанную въ Лондонѣ. Государь написалъ: «Узнать, много ли ихъ получено и всѣ ли онѣ задержаны?». 5 февраля 1862 г. тов. министра иностр. дѣлъ Мухановъ увѣдомилъ шефа жандармовъ, что нашему гамбургскому повѣренному Кудрявскому имъ, согласно бесѣдъ съ кн. Долгоруковымъ, предложено: постараться скупить все изданіе, не жалѣя расходовъ на издержки, и выдать денежную награду лондонскому корреспонденту гамбургскаго полицейскаго чиновника Крона.

Агентъ Крона сообщилъ ему въ концѣ января ст. ст., что недавно отпечатано въ Лондонѣ 500.000 экз. двухъ прокламацій на русскомъ языкѣ: «Что надо дѣлать войску?» и «Что надо дѣлать духовенству:», но, не зная русскаго языка, онъ не можетъ судить о преступности ихъ содержанія.

Конечно, изъ III Отдѣленія полетѣли снова предписанія губернаторамъ, жандармамъ, увѣдомленія министрамъ и пр. Нашъ лондонскій военный агентъ, полков. Н. Новицкій, послалъ прокламацію къ войску военному министру только 21 февраля нов. ст.

Распространители «Что надо дѣлать войску?» дѣйствовали очень смѣло; такъ, въ Гродно, во время говнїя, солдаты, возвращаясь домой изъ церкви, находили эту прокламацію въ карманахъ и за обшлагами шинелей.

Изъ Лондона прокламаціи отправлялись въ ящикахъ съ двойнымъ дномъ, въ нарочно для того изготовленныхъ бюстахъ императора Николая и т. п. способами, и шли не только прямо въ Россію, но и въ Константинополь черезъ Марсель и т. д. (архивъ, III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи, 1 экз. 1861 г., дѣло № 556).

Другая прокламація — «Къ солдатамъ» написана Н. В. Шелгуновымъ и ее не слѣдуетъ смѣшивать съ приведенной выше. Текстъ ея до сихъ поръ вовсе не былъ извѣстенъ, а потому и ее привожу полностью съ экземпляра изъ архива П. Я. Дашкова.

Къ солдатамъ.

Много лѣтъ русское войско, русскіе солдаты исполняли службу только царя, а не служили вовсе своей родинѣ; они даже, по при-

казанію царя, угнетали ее, напримѣръ: развѣ не угнетеніе это, когда царь изъ своей прихоти на счетъ крестьянъ держитъ огромное войско, половина котораго вовсе бесполезна, и это войско составляетъ на квартиры по деревнямъ и селамъ къ мужикамъ, которымъ и безъ солдатъ тяжело жить, которые и такъ разорены своими начальниками; развѣ не угнетеніе это, скажите, пожалуйста, когда царь, не давъ мужикамъ настоящей свободы, и тѣмъ заставивъ ихъ взбунтоваться, посылаетъ солдатъ для усмиренія ничѣмъ невиноватыхъ бѣдныхъ мужиковъ, и солдаты, по приказанію царя, бьютъ, угнетаютъ народъ?!. Хотѣлъ бы я знать, неужели между солдатами не найдется такихъ, которые поняли бы это и растолковали бы другимъ своимъ товарищамъ. Растолковали бы они имъ, что присяга, которую они произносятъ при вступленіи на службу, обязываетъ ихъ на служеніе своей родинѣ, своему русскому народу, а не исполнять несправедливья, преступныя приказанія царя; исполнять эти приказанія все равно, что дѣлать самому преступленія. Вѣдь, никто изъ солдатъ не сдѣлаетъ убійства, напримѣръ, самъ по себѣ; всякій изъ нихъ чувствуетъ отвращеніе отъ этого преступленія, а по приказанію начальства они дѣлаютъ преступленья хуже этого; напримѣръ, угнетеніе народа, слѣдствіемъ котораго бываетъ: и голодная смерть и самоубійство, и грабежи, и убійства, и развратъ, и пьянство, которое тоже ведетъ ко многимъ порокамъ; и всѣмъ этимъ несчастіямъ, всѣмъ этимъ порокамъ виною царь и исполняющіе его приказанія, а солдаты служатъ во многомъ царю, слѣдовательно, и они отчасти виновны въ несчастіяхъ народа,—лучше бы имъ не исполнять преступныя приказанія царя. Самъ Богъ учитъ, чтобы не повиноваться приказаніямъ противъ совѣсти, а неужели совѣсть не говоритъ, что грѣшно убивать безоружный невинный народъ, какъ это было въ Безднѣ, или—что грѣшно бить палками до полусмерти невиннаго товарища, убѣжавшаго отъ горькаго солдатскаго житья.

Говорятъ, что солдаты любятъ царя! Да за что его любить солдату? Развѣ за то, что царь отнимаетъ васъ вовсе отъ семьи и приказываетъ служить ему 25 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ и ѣсть дрянъ, и бьютъ его немилосердно начальники, а случись солдату быть раненымъ на войнѣ, которую царь ведетъ не по желанію народа, а по своей прихоти, такъ и не поблагодаритъ онъ его за это, не дастъ ему куска хлѣба, какъ, напримѣръ, многимъ *севастопольцамъ*, а иди бѣдный солдатъ по міру. На службѣ-то помаялся 25 лѣтъ, да и послѣ службы майся. А убѣги солдатъ отъ горькаго житья, такъ поймаютъ да и сквозь строй прогонятъ. Нѣтъ, если солдатъ все это пойметъ, онъ не будетъ любить царя

и не будетъ исполнять его подлѣя приказанія. Онъ не станетъ стрѣлять въ народъ, когда тотъ возстанетъ, чтобы облегчить свою горькую долю, а присоединится къ нему, чтобы ему помочь да и свое житье поправить; а какъ поправить его, ему расскажутъ, ему укажутъ, что можно сдѣлать.

Можно сдѣлать, чтобы солдатъ служилъ только отъ 3-хъ до 5 лѣтъ и во время службы получалъ бы достаточное жалованье, такое, чтобы могъ посылать изъ него и семьѣ своей на помощь; можно сдѣлать, чтобы его варварски не били; можно сдѣлать, чтобы онъ не уходилъ отъ семьи далеко, а жилъ бы поблизости и послѣ службы своей снова приходилъ бы на помощь семьѣ своей,—однимъ словомъ, можно сдѣлать, чтобы солдатское житье было хоршее, и всякій съ охотой бы шелъ служить солдатомъ.

Когда бы всѣ солдаты объ этомъ знали да поняли бы все это, такъ навѣрно при случаѣ помогли бы себѣ да и другимъ тоже, и сами послѣ были бы счастливы, да и другіе бы имъ были благодарны.

Эта прокламація была отпечатана въ ручную и, повидимому, въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ, главная часть которыхъ осталась въ Спб. для его гарнизона, въ Москву же и провинцію попали почти всюду рукописныя копіи, иногда сильно отступающія отъ оригинала; въ Казани она была найдена 28 октября 1861 г. у воротъ казармы внутренней стражи, въ другихъ мѣстахъ раньше—Нижній-Новгородъ и Владиміръ, въ иныхъ позже—Сѣверо-Западный край и Ц. Польское. Въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ была еще распространена, въ видѣ прокламаціи, статья Герцена № 737, значительно сокращенная и съ измѣненнымъ заглавіемъ: «Русскимъ войскамъ въ Польшѣ».

Въ связи съ польскими событіями были выпущены еще двѣ, тоже до сихъ поръ неизвѣстныя литографированныя прокламаціи: «Россійскіе воины!», напечатанная, по всей вѣроятности, въ Ц. Польскомъ или С.-З. краѣ, и «Многіе поляки великоруссамъ».

31 октября 1861 г. Спб. ген.-губ. гр. Игнатъевъ увѣдомилъ шефа жандармовъ, что въ тотъ день на Васильевскомъ островѣ была разбросана въ конвертахъ прокламація:

Многіе поляки великоруссамъ.

Удержите тѣ русинскія земли, большинство населенія которыхъ, посредствомъ поголовнаго вотированія, само того пожелаетъ; съ тѣмъ, чтобы польскому меньшинству этихъ земель дана была автономія въ дѣлахъ языка, и чтобы Россія помогла Польшѣ

вырвать изъ нѣмецкихъ кохтей Шльонзаковъ, Лужичанъ, Велико-полянъ и Кашубовъ. Одинъ братъ Царя можетъ быть польскимъ, а другой Чехскимъ королемъ.

Цѣна 25 коп.

Въ провинцію, напр., во Владимірскую губ., эта прокламація разсылалась со вложеніемъ отрѣзка такого зеленого ярлыка: «Табас Вага. 25 штукъ 23 коп. сереб. Фабрика существуетъ съ 1849 г. въ С-Петербургѣ на Невскомъ Просп., на углу Троицкаго пер., д. Брянской № 2» (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1861 г. дѣло № 423).

18 октября 1861 г., гродненскій жандармскій полковникъ Прасоловъ донесъ своему шефу, что слѣдующая прокламація найдена 18 октября въ караулѣ при тюремномъ замкѣ. Главнокомандующій І арміею доносилъ, что она распространена и въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ:

Россійскіе воины!

Провидѣнію угодно было и Вамъ назначить роль въ событіяхъ рѣшающихъ нынѣ участь Польши. вмѣсто законовъ гражданскихъ, поставлены законы военные, и Вы сдѣланы орудіемъ исполненія ихъ. (Ктожъ лучше Васъ можетъ знать, что они такое). Военные законы это беззаконье по которому тотъ кто слабѣе дѣлается жертвою прихоти сильнѣйшаго. Мѣры эти не остановятъ хода событій: но помните, что по дѣйствіямъ Вашимъ судить Васъ будетъ весь образованный свѣтъ и потомство. Помните, что теперь время Вамъ показаться или истинными людьми или же слепымъ орудіемъ варварства; отъ Васъ нынѣ зависитъ пріобрѣтеніе общаго уваженія, или же презрѣнія всей Европы. Помните, что если Вы будете нынѣ служить орудіемъ подавленія всѣхъ высокихъ и народныхъ стремленій, придетъ время, когда и законныя требованія вашихъ родныхъ и соотечественниковъ подавляемы будутъ оружіемъ варваровъ, служащихъ Вашимъ притѣснителямъ. Помните, что вопросъ Польскій, это вашъ собственный вопросъ, и что отъ свободы Польши зависитъ Ваша свобода. Помните наконецъ что сколь великимъ дѣломъ жертвовать жизнь свою для защиты правъ и свободы своего отечества, столь подло и низко издѣвается надъ ближнимъ своимъ для того что онъ слабѣе обезоруженъ.

Ст.-Петербургъ.»

1737. Третья кровь!

Къ польской, къ крестьянской крови прибавилась кровь лучшихъ юношей въ Петербургѣ и Москвѣ... Пусть этимъ святымъ общеніемъ три великія дѣла спаяются въ неразрывное единство:

*Независимость Польши,
Земля крестьянамъ,
Свобода Россіи.*

Не жалѣйте вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей исторіи, вами Россія входитъ во второе тысячелѣтіе, которое, легко можетъ быть, начнется съ изгнанія варяговъ за море.

Ваша кровь, во всякомъ случаѣ, засвидѣтельствовала начало совершеннѣйшаго и многое обличила... Она обличила сочувствіе къ вамъ всей Россіи, готовность итти съ вами со стороны молодыхъ офицеровъ, со стороны всѣхъ учебныхъ заведеній. Она обличила, чего намъ ждать отъ *благодущнаго* Александра II и отъ его братцевъ, въ родѣ Михайлы-пушкаря, порывавшагося уничтожить васъ картечью. Она обличила, какъ подьячіе лакеи стоятъ во главѣ русскаго правительства. Въ Москвѣ студентовъ перебили, испугавшись проѣзда царскаго. Кровь ваша не просохнетъ на ихъ ливреяхъ—до страшнаго суда народнаго! ¹⁾

Значеніе университетской молодежи въ Россіи совершенно иное, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ университетахъ, лицеяхъ, академіяхъ и небольшомъ кругѣ литераторовъ укрывалась и возросла русская мысль; во все время тридцатилѣтняго избіенія ея тамъ жила надежда, и жили вѣрованія, тамъ лились слезы, и сердце билось человѣческимъ негодованіемъ,—въ то время, какъ вся шляхетная Россія, помѣщичья, военная и чиновная, подло пресмыкалась передъ бездарнѣйшимъ злодѣемъ въ исторіи—за право сѣчь и грабить, за чечевицу оброка и барщины, за фольгу и стеклярусъ крестовъ, за потворство взяткамъ и казнокрадству. Да, въ то позорное время, когда во всей Россіи, отъ четырнадцатаго до перваго класса, не поднялось ни одного протеста, курсъ за курсомъ, школа за школой давали свою жертву... и Николай съ тупою злобой

¹⁾ А пока не мѣшаетъ вести списки всѣхъ, отличившихся по этому дѣлу. А—Адмиралъ Путятинъ, Б—Бистромъ, В—Великій князь Михайло, Т—Тучковъ... и такъ до Ш—Шуваловъ. А. И. Г.

мяль въ своихъ лапахъ юную душу до тѣхъ поръ, пока чахотка или черкесская пуля освобождала ее. Курсъ за курсомъ, не зная того, безъ формы и знаковъ, передавалъ таинственный пароль, завѣщанный мучениками 14 декабря, и этотъ пароль сказался теперь громко студентами въ Петербургѣ и Москвѣ. Тверская площадь прибавилась къ Исаакіевской. Инициатива эта по праву принадлежала студентамъ,—они одни чисты; гражданская мысль русская тайно воспиталась въ университетахъ, пусть же она и явится на бѣлый свѣтъ, какъ *figlia del reggimento* ¹⁾ нашихъ аудиторій, изъ нихъ не труднѣе сдѣлать *Земскую Думу*, чѣмъ изъ залы—*Jeu de paume!*

10 ноября 1861.

Между подробностями о преображенской поимкѣ студентовъ («Таймсъ» 8 ноября) упоминается объ одномъ обстоятельстве, чрезвычайно важномъ. Когда храбрые преображенцы окружили безоружныхъ студентовъ и повели двѣсти человекъ въ крѣпость, сто студентовъ, стоявшихъ поодаль и принадлежавшихъ къ тѣмъ, которые не хотѣли просить путятинскихъ матрикуляцій, подошли къ непріятельскому войску и объявили, что они хотятъ дѣлать часть своихъ товарищей, на что, разумѣется, непріятель согласился, и отдавшихся добровольно въ плѣнъ свели въ крѣпость. Черта эта очень замѣчательна потому именно, что она очень народна. Въ 1821 году, послѣ семеновскаго дѣла, когда роту е. в. велѣно было конвоировать въ крѣпость, весь полкъ потребовалъ, чтобы и его отправили; «даже люди, бывшіе въ госпиталѣ, которые едва въ состояніи были держаться на ногахъ, присоединились къ товарищамъ». ¹

◆◆ 1. 28 сентября 1861 г. Спб. ген.-губернаторъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что, съ разрѣшенія вел. кн. Михаила Николаевича, для производства слѣдствія о безпорядкахъ, происшедшихъ съ Спб. университетѣ, учреждена особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ д. ст. сов. Волянскаго, изъ членовъ отъ III Отдѣленія, министерствъ нар. просвѣщенія и юстиціи, управленія Спб. ген.-губернатора и Спб. полиціи. Комиссія открыла свои дѣйствія того же числа въ квартирѣ коменданта крѣпости.

Я не буду останавливаться на этомъ дѣлѣ, ни говорить о другой комиссіи—подъ предсѣдательствомъ Пушина; обстоятельства университетскихъ безпорядковъ теперь достаточно полно освѣ-

¹⁾ Дочь полка.

щены въ литературѣ. Приведу лишь два официальныхъ документа, обращающихъ на себя вниманіе крайней тенденціозностью и неправдоподобностью. Первый—докладная записка Спб. оберъ-полицмейстера Паткуля отъ 13 октября 1861 г.:

«Вчерашняго числа, въ 10-мъ часу утра, начали собираться около главнаго подъѣзда университета студенты, исключенные изъ университета за непринятіемъ матрикулъ, и разнаго званія лица. Первоначально незначительные кружки расходились по увѣщанію полиціи, но къ 10 часамъ собралась толпа до 150 человекъ. Тогда по распоряженію полицмейстера полк. Золотницкаго, который неоднократно уговаривалъ ихъ разойтись, они за непослушаніе были арестованы и окружены городовыми унтеръ-офицерами. Послѣ сего студенты дали обѣщаніе и честное слово разойтись, если ихъ освободятъ отъ городскихъ унтеръ-офицеровъ. Полк. Золотницкій, снисходя на ихъ просьбу, отвелъ городскихъ и позволилъ студентамъ оставаться на мѣстѣ $\frac{1}{4}$ часа. По прошествіи этого срока студенты не только не исполнили своего обѣщанія разойтись, но большая часть начала вламываться въ двери университета. Тогда полк. З. вновь приказалъ городовымъ отгнать ихъ отъ дверей, что и было сдѣлано, и человекъ 100 были окружены городовыми. Въ то же время онъ далъ знать объ этомъ мнѣ. Получивъ донесеніе, я немедленно приказалъ одному эскадрону жандармовъ слѣдовать на рысяхъ къ университету.

«Прибывъ самъ къ сборищу, которое доходило уже до 400 чел., я приказалъ студентамъ расходиться, но толпа, окруженная городовыми, начала махать платками и кричать: «сюда, господа!». Замѣтивъ кричавшимъ, что они заарестованы и что должны держать себя скромно, я обратился къ остальнымъ, прося ихъ разойтись, предупреждая, что ослушники будутъ также заарестованы. Несмотря на многократныя увѣщанія мои, они оказали явное упорство и неповиновеніе; тогда я приказалъ прибывшимъ въ это время жандармамъ окружить ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ конвой отъ полковъ л.-гв. Преображенскаго и Финляндскаго ¹⁾. Всѣхъ арестованныхъ, въ числѣ 172, приказалъ отвезти на университетскій дворъ для переписанія ихъ фамилій и для отправленія въ крѣпость. При выходѣ арестованной толпы изъ воротъ, она была встрѣчена другою, ожидавшею толпою, болѣе 100 чел., которая начала кричать «ура!» и требовать, чтобы ихъ всѣхъ задержали или освободили бы арестованныхъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуть къ нимъ сквозь конвой. Видя этотъ безпорядокъ, я приказалъ жан-

¹⁾ Отъ каждаго по одной ротѣ. П.

дармамъ отдѣлить и въ совершенно отъ конвоя и окружить. Тогда студенты бывшими у нихъ палками начали бить лошадей по головамъ, махать шапками и платками съ крикомъ «ура!». Взводъ л.-гв. Преображенскаго полка, шедшій сзади, бросился на помощь жандармамъ, и всѣ они были арестованы и отведены въ крѣпость въ числѣ 108 чел. Во время этого безпорядка кандидатъ университета Лебедевъ ударилъ преображенскаго солдата палкою, а сей послѣдній, обороняясь, прикладомъ попалъ ему по головѣ, но ушибъ былъ незначителенъ, хотя до крови. Лебедевъ, упавъ отъ удара, былъ поднятъ полицейскими офицерами, которые отвели его въ частный домъ для поданія помощи.

«Дорогою арестованные студенты, желая возбудить къ себѣ сочувствіе въ публикѣ, махали шапками и прощались, объявляя, что ихъ ведутъ въ крѣпость, но на ихъ возгласы получали отъ простого народа отвѣты: «туда вамъ и дорога» съ прибавленіемъ даже нѣкоторыми бранныхъ словъ. По приводѣ въ крѣпость арестованные были разсортированы, и тѣ, у которыхъ оказались матрикулы, въ то же время освобождены въ томъ вниманіи, что они не вошли въ зданіе университета на лекціи изъ боязни получить оскорбленіе отъ своихъ бывшихъ товарищей, которые наканунѣ положили ворваться въ университетъ, отобрать отъ всѣхъ матрикулъ и, въ случаѣ сопротивленія или несогласія, избить ихъ». Число арестованныхъ къ 13 октября студентовъ и прочихъ лицъ—294 чел. (архивъ мин. вѣн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 103).»

Второй документъ — конфиденціальное письмо москов. ген.-губ. Тучкова министру нар. просвѣщенія Путятину отъ 4 ноября 1861 г.: «Въ дополненіе къ отношенію моему за № 576 долгомъ считаю изложить Вашему Сіятельству, съ полною откровенностію, мой взглядъ на тѣ мѣры, которыя принимало университетское начальство для водворенія спокойствія въ московскомъ университетѣ. Прежде всего не лишнимъ считаю упомянуть, что во все продолженіе означенныхъ безпорядковъ, доколѣ они ограничивались лишь стѣнами университета (т.-е. до 12 октября), я не имѣлъ ни надобности, ни основанія вмѣшиваться въ распоряженіе университетскаго начальства, не заявившаго мнѣ офиціально о сихъ безпорядкахъ, какъ не требовавшихъ участія полицейской власти. Если я выслушивалъ передаваемая мнѣ въ разное время словесныя извѣщенія о сказанныхъ безпорядкахъ г. Дашковымъ, инспекторомъ студентовъ и ректоромъ университета, то единственно потому, что в. с. угодно было телеграфическою депешою поручить г. Дашкову не прибѣгать къ закрытію московскаго университета безъ моего предварительнаго одобренія этой мѣры.

«Изъ этого приказанія вашего г. Дашкову я ясно видѣлъ, что в. с. вполнѣ желаете предупредить эту крайнюю мѣру. Дѣйствительно, закрытіе московскаго университета, этого старѣйшаго сада отечественнаго просвѣщенія, пользующагося заслуженнымъ довѣріемъ всей Россіи, не могло бы не произвести самаго безотраднато впечатлѣнія на все общество, и только одна злонамѣрность или безпечная непредусмотрительность или же, наконецъ, безотчетный страхъ могли бы заставить прибѣгнуть къ столь опасному и гибельному средству безъ достаточныхъ и ясныхъ къ тому поводовъ. При такомъ взглядѣ на дѣло, и доколѣ безпорядки, дѣлаемые студентами, были, такъ сказать, домашніе и не проявлялись внѣ стѣнъ университета, мнѣ оставалось только ожидать, чтобы ближайшее университетское начальство, и въ особенности гг. профессора, съ достоинствомъ и твердостью сдерживали дальнѣйшее развитіе безпорядковъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на студентовъ и благоразумнымъ разъясненіемъ ихъ недоразумѣній. Мѣра эта была тѣмъ болѣе необходимою и справедливою, что изъ всего числа студентовъ московскаго университета, которыхъ болѣе 2 т., въ безпорядкахъ участвовало не болѣе 400 человекъ. Я твердо убѣжденъ, что вмѣшательство полиціи, т.-е. введеніе команды въ аудиторіи или въ ограду университета, лишь раздражило бы умы и остальной молодежи и такимъ образомъ повело бы къ дальнѣйшимъ безпорядкамъ и, наконецъ, къ закрытію университета.

«Между тѣмъ, университетское начальство находилось во все время подъ вліяніемъ какого-то паническаго страха и ограничилось, какъ вполнѣ оказалось, однимъ лишь тѣмъ, что составляло протоколы о безпорядкахъ, и ни разу не обратилось непосредственно къ студентамъ съ твердымъ приглашеніемъ ихъ къ порядку и къ выполненію своихъ обязанностей. В. с. извѣстенъ, конечно, въ подробности изъ официальныхъ источниковъ весь ходъ университетскихъ безпорядковъ. Дѣло это, сколько мнѣ извѣстно по немногимъ отрывочнымъ и по большей части частнымъ свѣдѣніямъ, ограничивалось слѣдующими важнѣйшими происшествіями:

«Послѣ полученія въ Москвѣ извѣстія о закрытіи с.-петербургскаго университета, на другой или на третій день гг. Дашковъ и инспекторъ студентовъ Шестаковъ, явсь ко мнѣ, объявили словесно, что въ аудиторіяхъ 1 и 2 курса юридическаго факультета произошелъ безпорядокъ, состоявшій въ томъ, что студенты читали съ кафедръ депешу и полученныя нѣкоторыми изъ нихъ письма о закрытіи с.-петербургскаго университета и громко осуждали такое распоряженіе, будучи же приглашены инспекторомъ разойтись, не послушались, при чемъ даже нѣкоторые изъ студентовъ ошкани

его. Затѣмъ инспекторъ доложилъ мнѣ, что правленіе университета распорядилось въ тотъ же день закрыть два означенные курса, но что, между тѣмъ, онъ, г. инспекторъ, предложилъ студентамъ, не участвовавшимъ въ безпорядкахъ или готовымъ извиниться передъ нимъ, записаться въ особый списокъ, съ тѣмъ, что для подписавшихся опять могутъ быть открыты курсы.

«Мѣра закрытія двухъ курсовъ юридическаго факультета, быть можетъ, согласная съ университетскими постановленіями, но принятая слишкомъ поспѣшно, безъ испытанія надъ студентами мѣръ убѣжденія чрезъ университетское начальство и гг. профессоровъ, повела только къ новымъ безпорядкамъ. Студенты, которымъ воспрещенъ былъ входъ въ университетскія аудиторіи, начали собираться въ значительномъ числѣ (отъ 300 до 400) въ университетскомъ саду. Г. и. д. попечителя и инспекторъ, докладывая мнѣ объ этихъ сборищахъ студентовъ, присовокупляли, что при этомъ происходятъ у нихъ совѣщанія болѣе или менѣе безпорядочныя; что студенты, не записавшіеся въ списокъ инспектора, требовали отъ него показать имъ этотъ списокъ, считая записавшихся недостойными товарищами; что при этомъ неоднократно оскорбляли помощниковъ инспектора, являвшихся въ ихъ средѣ для наблюденія за порядкомъ; что въ этихъ сборищахъ принимаютъ участіе по большей части студенты низшихъ курсовъ, но что, напротивъ, студенты высшихъ курсовъ прямо порицаютъ поступки своихъ товарищей и продолжаютъ посѣщать лекціи въ совершенномъ порядкѣ и пр. Усматривая изъ этихъ словесныхъ докладовъ и изъ полученныхъ мною стороннихъ свѣдѣній, что только малая часть студентовъ, и при томъ низшихъ курсовъ, производитъ безпорядки, и что большинство не только не хотѣло принять въ нихъ участіе, но даже старалось уговорить и успокоить болѣе пылкихъ и увлекающихся товарищей и съ этою цѣлью, смѣшиваясь съ ними, увеличивало, такимъ образомъ, собою сходки въ саду, но что, между тѣмъ, ни члены правленія университета, ни гг. профессора ни разу не обратились непосредственно къ студентамъ съ надлежащими увѣщаніями и приглашеніями къ порядку,—я совѣтовалъ г. инспектору и ректору дѣйствовать на студентовъ увѣщаніями и убѣжденіями до тѣхъ поръ, пока не обнаружится, кто именно между студентами волнуется и увлекаетъ другихъ и кого посему слѣдуетъ подвергнуть отвѣтственности по университетскимъ постановленіямъ. Къ сожалѣнію, сколько мнѣ извѣстно, совѣтъ этотъ въ то время не былъ исполненъ.

«Между тѣмъ, по частнымъ свѣдѣніямъ, сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, что сходки студентовъ имѣютъ единственную цѣлью соста-

вленіе прошенія объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ изъ изданныхъ для нихъ правилъ (облегченіе во взносѣ обязательной платы за ученіе, дозволеніе слушать въ свободное время лекціи другихъ факультетовъ и курсовъ, дозволеніе входа въ университетъ безъ особыхъ билетовъ, дозволеніе заявлять начальству о своихъ нуждахъ и т. п.). Кромѣ того, студентъ Раевскій, лично мнѣ знакомый, приходилъ ко мнѣ совершенно частнымъ образомъ и объяснялъ, что студенты сочиняютъ прошеніе государю императору, и что какъ скоро прошеніе это будетъ составлено, то безпорядки прекратятся. Я совѣтовалъ Раевскому писать прошеніе не на высочайшее имя, но своему начальству, и притомъ просить лишь о томъ, что относится собственно до нуждъ студентовъ, а не до предполагаемаго ими благоустройства университета, которое вовсе до нихъ не относится. Тотъ же совѣтъ поданъ былъ Раевскому и управляющимъ моею канцелярією, къ которому онъ также обращался, и тоже совершенно частнымъ образомъ. Посему, имѣя въ виду скорѣйшее успокоеніе студентовъ и водвореніе въ университетѣ должнаго порядка, я совѣтовалъ г. исправлявшему должность попечителя приказать удостоверить ближайшимъ образомъ, въ чемъ именно студенты имѣютъ нужду, и, если въ ихъ желаніяхъ окажется, по мнѣнію университетскаго начальства, что-либо заслуживающимъ уваженія, обѣщать представить о томъ куда слѣдуетъ. Мѣра эта, безъ всякаго сомнѣнія, скорѣе всего успокоила бы взволнованные умы молодежи, но и этотъ мой совѣтъ, вполне раздѣляемый и г. Дашковымъ, не былъ исполненъ университетскимъ начальствомъ. Напротивъ, вслѣдъ за этимъ правленіе постановило не принимать отъ студентовъ никакого письменнаго заявленія.

«Между тѣмъ, студенты продолжали, хотя и въ меньшемъ количествѣ, собираться въ саду. Въ это время мнѣ было донесено, что студенты намѣрены отправиться въ день смерти бывшаго профессора Грановскаго на Пятницкое кладбище, на его могилу для служенія панихиды. Опасаясь, чтобы при этомъ не произошло какихъ-либо безпорядковъ, я нарядилъ за заставу полицейскую команду и жандармовъ. Но это посѣщеніе могилы покойнаго профессора произошло, по донесенію полиціи, съ соблюденіемъ должнаго приличія. Студенты собрались съ разныхъ сторонъ Москвы къ отдаленной городской заставѣ, въ числѣ до 300 человекъ, отправившись оттуда на кладбище, отслужили тамъ панихиду и произнесли надъ могилой двѣ или три рѣчи, которыхъ, впрочемъ, нельзя было разслушать, и затѣмъ безъ шума разошлись по домамъ. Послѣ этого никакихъ особенно важныхъ безпорядковъ въ университетѣ не было. Волненіе студентовъ, видимо, затихло, и

сборища студентовъ становились съ каждымъ разъ малочисленнѣе. Но сдѣланное правленіемъ университета постановленіе не принимать отъ студентовъ прошеній, огласившись между ними, снова, раздражило пылкую молодежь и вызвало новую съ ихъ стороны вспышку. Входя толпою въ университетъ, студенты сломали въ сѣняхъ рѣшетку и повредили два или три стула въ университетской аудиторіи. Правленіе, получивъ объ этомъ извѣщеніе, подъ влияніемъ какого-то страха, немедленно обратилось къ исправляющему должность попечителя съ просьбою о приглашеніи мѣстной полиціи для огражденія университетскаго имущества и личности отъ насилія студентовъ. Г. Дашковъ призналъ это столь грубо выраженное требованіе правленія университета неумѣстнымъ и предложилъ ему немедленно составить особую комиссію изъ гг. профессоровъ для производства о безпорядкахъ, производимыхъ студентами, формальнаго слѣдствія, о чемъ въ разное время и доложилъ мнѣ лично. Нельзя не одобрить распоряженія исправляющаго должность попечителя. Случай этотъ, по своей маловажности, никакъ не требовалъ употребленія столь чрезвычайной мѣры, къ какой просило прибѣгнуть правленіе, ибо, какъ объяснено выше, появленіе полиціи въ сѣняхъ университета безъ видимой нужды могло бы только возбудить общее негодованіе, соединить большинство благодушныхъ студентовъ съ меньшинствомъ безпокойныхъ и вызвать болѣе серьезныя послѣдствія.

«Мнѣ неизвѣстно, было ли произведено требуемое исправляющимъ должность попечителя слѣдствіе, и что по оному оказалось, но, кажется, правленіе ограничилось опросомъ однихъ сторожей, бывшихъ при сломаніи рѣшетки, и изъ этого вывело заключеніе, что рѣшетка сломана съ умысломъ, но кѣмъ изъ студентовъ, неизвѣстно.

«Послѣ сего, получивъ 5 или 6 октября извѣщеніе, совершенно частное, что студенты окончатъ на другой день писаніе своей просьбы, и слышавъ неоднократно отъ инспектора студентовъ, что онъ не рѣшается выходить къ нимъ въ садъ и убѣждать ихъ лично, потому что не желаетъ вызвать съ ихъ стороны какого-либо новаго для себя оскорбленія и чрезъ то подвергнуть виновныхъ болѣе строгой отвѣтственности, я совѣтовалъ инспектору, чрезъ управляющаго моею канцелярією, не выходить въ университетскій садъ и въ тотъ день, въ который они полагали окончить писаніе своего прошенія. Впрочемъ, этотъ совѣтъ не былъ исполненъ, ибо инспекторъ въ теченіе утра нѣсколько разъ являлся ко мнѣ и докладывая, что говорятъ и дѣлаютъ собравшіеся въ саду студенты, выражая при томъ свое удивленіе и удовольствіе, что студенты на

сей разъ вели себя скромно въ отношеніи къ нему и вовсе его не оскорбляли.

«Такое было положеніе университета при возвращеніи изъ отпуска г. попечителя Исакова. Вступленіе его въ должность возбудило въ студентахъ мысль, что, несмотря на постановленіе правленія, г. попечитель приметъ отъ нихъ прошеніе. Посему 11 числа студенты первоначально чрезъ своихъ депутатовъ, а потомъ цѣлою толпою вошли въ профессорскую комнату для предъявленія своей просьбы находившемуся тамъ попечителю. Рѣшительный отказъ г. попечителя выслушать студентовъ вызвалъ со стороны ихъ разныя неумѣренныя возраженія. Оскорбленный столь дерзкимъ поступкомъ студентовъ, г. Исаковъ, прибывъ ко мнѣ въ тотъ же день, просилъ меня словесно и потомъ письменно сдѣлать распоряженіе объ арестованіи нѣкоторыхъ означенныхъ въ доставленномъ мнѣ спискѣ студентовъ, признаваемыхъ университетскимъ начальствомъ главными зачинщиками безпорядковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—отрядить на другой день къ университету полицейскую команду для употребленія, въ случаѣ нужды, въ самомъ университетѣ. Я не считалъ себя въ правѣ отказать г. попечителю въ этомъ требованіи, и въ ту же ночь оно было исполнено полицією. Но произведенное, по требованію г. Исакова, арестованіе нѣсколькихъ студентовъ возбудило новое неудовольствіе между ихъ сотоварищами. Собравшись утромъ 12 числа на университетскій дворъ и слыша другъ отъ друга рассказы, что наканунѣ многіе изъ ихъ товарищей арестованы, они приступили толпою къ попечителю, требуя объясненія причины арестованія и освобожденія арестованныхъ; не получивъ удовлетворенія, они отправились толпою на Тверскую площадь для заявленія этого требованія мнѣ, но тогда же были арестованы слѣдовавшею за ними отряженною къ университету полицейскою командою и потомъ преданы слѣдствію, какъ нарушители общественнаго благочинія.

«Изъ всего вышеизложеннаго в. с. изволите усмотрѣть, что всѣ мои дѣйствія въ настоящемъ дѣлѣ клонились къ тому, чтобы предоставить университетскому начальству и профессорамъ прекратить безпорядки, происходившіе исключительно въ аудиторіяхъ и стѣнахъ университета, нравственнымъ вліяніемъ на студентовъ и примѣненіемъ къ виновнымъ опредѣленныхъ уставомъ университета взысканій. Доколѣ безпорядки эти не были заявлены мнѣ офиціально и такимъ образомъ давали полный поводъ предполагать, что въ нихъ не было ничего, требующаго судебно-полицейскаго преслѣдованія со стороны гражданской власти, я не считалъ себя въ правѣ и не признавалъ удобнымъ разгонять силою студен-

товъ, собиравшихся въ стѣнахъ университета, а тѣмъ менѣе— вводить команду въ университетскія аудиторіи; со стороны же университетскаго начальства требованіе полицейской команды для употребленія въ самомъ университетѣ заявлено было мнѣ г. попечителемъ *въ первый разъ*, и при томъ также словесно, только 11 октября. Такимъ образомъ полицейское начальство могло слѣдить и слѣдило за дѣйствіями студентовъ лишь внѣ стѣнъ университета, но не имѣло никакого основанія простирать свое вмѣшательство и въ самую аудиторію. Такое вмѣшательство могло бы завлечь слишкомъ далеко и уничтожило бы въ студентахъ всякое довѣріе къ своему непосредственному начальству и профессорамъ.

«По твердому моему убѣжденію, путемъ нравственнаго вліянія и благоразумныхъ предупрежденій скорѣе всего можно бы было достигнуть водворенія въ университетѣ спокойствія, тѣмъ болѣе, что университетскіе безпорядки не заключали въ себѣ ничего особенно важнаго или опаснаго, происходили отъ молодости и незрѣлости участниковъ, которые даже сами себѣ не разъяснили хорошо, изъ чего они волнуются, и не только не были раздѣляемы, но даже положительно осуждались огромнымъ большинствомъ студентовъ. Между тѣмъ, путемъ нравственнаго вліянія всего успѣшнѣе можно бы было достигнуть успокоенія волнующихся и водворенія порядка въ университетѣ. Яснымъ доказательствомъ этому можетъ служить то, что на другой день послѣ событія 12 октября, когда взволнованные этимъ происшествіемъ студенты собрались на университетскомъ дворѣ, университетское начальство, выйдя въ сопровожденіи профессоровъ къ студентамъ, *въ первый разъ съ самаго начала безпорядковъ* нѣсколькими словами успѣло утишить это новое волненіе и заставить разойтись толпу, послѣ чего никакихъ сборищъ въ университетѣ уже не было.

«Къ сожалѣнію, университетское начальство, не раздѣляя моего взгляда на это дѣло, ни разу не пробовало во-время прибѣгнуть къ такому мѣрамъ и дѣйствовало наперекоръ моимъ предположеніямъ. Нѣкоторые же изъ гг. профессоровъ играли въ этомъ случаѣ совершенно двусмысленную роль. Съ одной стороны, какъ мнѣ это положительно извѣстно, они показывали студентамъ сочувствіе и въ разговорахъ съ ними раздѣляли ихъ убѣжденія, съ другой,— старались ввести въ университетъ полицейскую команду безъ всякаго заявленія необходимости этой мѣры мѣстному начальству, для того только, чтобы поселить въ студентахъ убѣжденіе, что строгія мѣры истекаютъ не отъ нихъ, а отъ мѣстной власти. Поэтому, когда происшествіе 12 октября вынудило меня арестовать толпу студентовъ и произвести слѣдствіе, гг. профессора ухвати-

лись, такъ сказать, за этотъ случай, чтобы яснѣ выставить передъ студентами свое мнимое къ нимъ участіе. Оужденіе принятой мною мѣры, преувеличенные слухи объ ушибленныхъ, будто бы, студентахъ, неумѣстныя обвиненія полиціи произносятся ими публично.

«Вообще, я вынужденъ сказать, что во все это время ни правленіе университета, ни г. профессора не приняли никакого прямого участія въ успокоеніи студентовъ, но смотрѣли на безпорядки студентовъ, происходившіе не на улицѣ, но въ аудиторіяхъ и въ оградѣ университета, какъ на предметъ, вовсе до нихъ не относящійся, руководствуясь въ этомъ случаѣ совершенно неумѣстно тѣмъ правиломъ, что студенты суть такіе же граждане, какъ и прочіе городскіе жители, и потому подлежатъ наблюденію исключительно одной полиціи. Только въ одномъ г. Дашковѣ встрѣтилъ я полную готовность къ выполненію моихъ совѣтовъ, хотя, къ сожалѣнію, онъ ничего не могъ сдѣлать, занимая только временно должность попечителя и будучи почти незнакомъ студентамъ» (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 82).

26 февраля 1862 г. испр. д. тверского губ. предводителя дворянства Бровцынъ, донося мин. вн. дѣлъ, что постановленіемъ университетскаго правленія, утвержденнымъ 25 октября 1861 г. попечителемъ московскаго уч. округа, воспитывавшійся въ университетѣ студ. Александръ Крыжовъ удаленъ изъ университета съ лишеніемъ права поступленія въ какой-либо другой университетъ, — довелъ до его свѣдѣнія, что, обязанный своимъ отчетомъ передъ дворянствомъ, между прочимъ, и о дѣтяхъ бѣдныхъ дворянъ, воспитывающихся на иждивеніи дворянства, онъ долженъ знать въ большей подробности этотъ первый подобный случай, онъ запросилъ объ этомъ университетъ и Тучкова, но отвѣты получилъ не вполне удовлетворительные. Бровцынъ просилъ министра сдѣлать все возможное для Крыжова, письмо котораго къ нему препроводилъ въ копіи. Въ письмѣ Крыжовъ разсказалъ объ исторіи, разыгравшейся въ Москвѣ передъ домомъ ген.-губернатора 12 октября 1861 г., т.-е. о томъ, о чемъ Тучковъ совершенно умолчалъ въ своемъ приведенномъ выше письмѣ. (Двойственность прославленнаго московскаго ген.-губ., вообще, ждетъ своего изслѣдователя). Съ Праотцевымъ и Ив. Кельсіевымъ онъ былъ избранъ депутатомъ къ попечителю ген. Исакову. Послѣдній отказался съ ними разговаривать. Тогда депутаты направились къ Тучкову, который просилъ ждать распоряженій правительства и сохранять полный порядокъ. Однако, въ ночь съ 11 на 12 октября были произведены аресты студентовъ; на другой день ни Исаковъ, ни Тучковъ не хотѣли вступать въ

разговоры съ депутатами, а потому студенты рѣшили пойти къ дому ген.-губернатора и объяснить ему положеніе вещей.

«Лишь только они подошли къ дому, какъ тотчасъ же войска окружили ихъ. Жандармы и полицейскіе служителя бросились на студентовъ, ожидавшихъ, что ихъ, по крайней мѣрѣ, спросятъ, зачѣмъ пришли они, и не думавшихъ совершенно о защитѣ. Мнѣ до сихъ поръ тяжело вспомнить картину, которую привелось увидѣть тутъ. Болѣе 500 молодыхъ людей тѣснились у крыльца дома, ожидая, что ген.-губ. остановитъ эту бойню беззащитныхъ студентовъ, но такого распоряженія не послѣдовало. Жандармы распоряжались на площади и въ прилегающихъ переулкахъ, дѣйствуя кулаками и саблями. При моихъ глазахъ студ. Серосѣкъ съ разбитымъ лицомъ упалъ на землю. Окровавленнаго, его потащили на дворъ тверского частнаго дома. Я не избѣжалъ также побоевъ». Потомъ Крыжовъ былъ арестованъ, содержался въ ужасной обстановкѣ, допрашивался пристрастными полицейскими и т. д.. Валуевъ отвѣтилъ Бровцыну: «Не отрицая у вашего прев—ва, по званію губ. предв. дворянства, какъ представителя этого сословія, права ходатайствовать о нуждахъ и интересахъ онаго, я не нахожу, однакожъ, въ законѣ указаній, на основаніи коихъ вмѣнялось бы вамъ въ обязанность ограждать отдѣльныя личности отъ законныхъ преслѣдованій за содѣянные проступки, или въ административномъ или въ судебномъ порядкѣ» (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло по канцел. 1861 г. № 114).

1738. Сѣкли или не сѣкли?

„Opinion Nationale“, „Siècle“, „Express“ и, наконецъ, „Таймсъ“ повторили слѣдующую страшную вѣсть: «Три дѣвушки слушали лекціи въ петербургскомъ университетѣ. Двѣ изъ нихъ, Корсини ¹⁾ и Блюммеръ ²⁾, заключены въ крѣпость, а Богданова ³⁾ тѣлесно наказана въ тайной полиціи. («Таймсъ», 9 нояб.). Мы не вѣримъ этому и убѣдительнѣйше просимъ написать намъ, неужели николаевскія сѣченія восстановлены для дамъ? И сѣчь ли Шуваловъ, какъ его предшественникъ Шешковскій, собственно или только надзираетъ?

¹⁾ Наталія Іеронимовна, по мужу Утина.

²⁾ Антонина Петровна, по мужу Кравцова.

³⁾ Марія Арсеньевна, по мужу Быкова; тѣлесно наказана не была.

1739. Подробности о ^{12/24} октября.

Когда Паткуль окружилъ студентовъ городовыми, явился адъютантъ Михаила Николаевича Свистуновъ и совѣтовалъ студентамъ разойтись. Въ это время раздаля крикъ «бей!», и жандармы съ обнаженными саблями, а преображенцы съ прикладами бросили на арестованныхъ. Свистуновъ старался удержать ярость преторіанцевъ, но самъ чуть не пострадалъ—ему изорвалъ мундиръ. Результатомъ этой бойни вышло то, что Лебедеву разбили голову и разрубили скулу, одного студента ранили штыкомъ. Жандармскій офицеръ Максимовъ *отрубилъ ухо* одному студенту; до 20 были ушиблены прикладами, 6 отведены въ госпиталь.

Вотъ имена преображенскихъ офицеровъ, ходившихъ на студентовъ: *Толстой* (ротный к.), *Корсаковъ*, *Оболенскій* и *Штрезовъ* («Таймсъ» отъ 13 ноября говоритъ, что одинъ изъ нихъ съдѣланъ флигель-адъютантомъ).

Всѣхъ *не матрикулировавшихся* заставили въ 48 часовъ выѣхать изъ Петербурга, если не имѣютъ поручительствъ или родныхъ. Большая часть молодыхъ людей вовсе безъ средствъ,—для нихъ вездѣ открыты подписки. ^{16/28} и ^{17/29} октября отправлено 329 студентовъ въ Кронштадтъ. Капитанамъ было велѣно наблюдать, чтобъ офицеры не говорили со студентами; на каждомъ пароходѣ былъ конвой съ заряженными ружьями.

1740. Шуваловская эмансипація женщинъ.

Рѣшительно публичныя женщины становятся у насъ правительственными людьми, и *общій* домъ возлѣ *частнаго* получаетъ значеніе, принадлежавшее прежде благороднѣйшему расейскому дворянству — «твердѣйшей опоры престола». Третье Отдѣленіе, какъ бани, будетъ раздѣлиться на женскія и мужскія. Мужское отдѣленіе платитъ двѣкварты по 50 рублей въ мѣсяць и общается до 600. *за уловденіе* (говорить, то же заплатили и Костомарову за брата). Впрочемъ, и всѣ женщины, готовыя ятти на содержаніе, идутъ на слушаніе. Одна знаменитость петербургская откажется отъ большой суммы, боясь потерять *репутацію*. Дай-то Богъ, чтобы ея приѣръ нашель хоть одного подражателя—изъ гежраловъ. ¹

◆◆ 1. Очевидно, Герценъ, какъ и другіе, былъ на короткое время сбить съ толку ловкимъ маневромъ Всеволода Костомарова, обвинявшаго своего брата Николая въ предательствѣ его и товарищей по нелегальной типографіи. Вскорѣ было установлено, что вся часть провокаторства и подлости принадлежала исключительно поэгу-переводчику.

1741. Война съ дамами.

Намъ пишутъ изъ Парижа, что г-жа Европеусъ ¹⁾ была арестована на границѣ, возвращаясь изъ чужихъ краевъ; при обыскѣ таможенныхъ шпионовъ у ней нашли запрещенныя книги и «Колоколь». Да гдѣ же было объявлено, какіе книги и журналы запрещены въ Россіи? ¹⁾

◆◆ 1. Послѣдній вопросъ очень важенъ: дѣйствительно, въ то время правительство нигдѣ не публиковало списка изданій, запрещенныхъ къ обращенію въ Россіи; каждый долженъ былъ понимать самъ, что можно и чего нельзя ему читать; это, разумѣется, не лишало правительство возможности ссылать, судить и арестовывать кого угодно.

Рѣчь идетъ о женѣ А. И. Европеуса, англичанкѣ (урожд. Heath Petch), бывавшей нѣсколько разъ у Герцена. Огарева такъ передаетъ ея допросъ въ III Отдѣленіи:

«— Была ли въ Англіи?

«— Была,—отвѣчала она.

«— Не была ли у Герцена?

«— Конечно, была,—отвѣчала г-жа Европеусъ.

«— Почему была у Герцена?

«— Потому что онъ—извѣстный даровитый писатель. Какъ же быть въ Лондонѣ и не видѣть Герцена?—прибавила она наивно.

«— Развѣ она не знаетъ, что онъ—государственный преступникъ?

«— Никогда не слыхала,—былъ отвѣтъ,—а слышала, что онъ умный, ученый, даже обѣдала у него и считала это за большую честь, за большое счастье.

«Такъ ее и выпустили, наконецъ» («Воспоминанія», 156).

Обратимся къ официальнымъ источникамъ.

2 августа 1861 г. тверской губернаторъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи А. М. Унковскому вѣзда въ Спб. и объ освобожденіи отъ полицейскаго надзора А. И. Европеуса. 4 августа Валуевъ написалъ на докладѣ: «Высоч. повелѣно объявить на то всемилостивѣйшее соизволеніе 26 августа, въ день коронаціи». 17 октября тверской губернаторъ поддерживалъ ходатайство Европеуса объ увольненіи его, какъ мирового посредника Бѣжецкаго у., на 4 мѣсяца въ заграничный отпускъ. III Отдѣленіе затруднилось

¹⁾ Эмилія Вильямовна, здравствуетъ и понинѣ.

дать свое заключеніе, такъ какъ знало, что въ августѣ 1860 г. Европеусу разрѣшено было вернуться изъ Перми, но съ постояннымъ жительствомъ въ своемъ тверскомъ имѣніи. Между тѣмъ, 2 ноября шефъ жандармовъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что 4 октября, при проѣздѣ черезъ Вержболовскую таможеню, возвращавшаяся изъ-за границы (выѣхала туда 28 июня) Э. Европеусъ была задержана, какъ скрывавшая при себѣ подъ платьемъ сочиненія Герцена и Петра Долгорукова, въ числѣ 13 книгъ и 21 листа «Колокола». Какъ видно изъ другого дѣла, ковенскій губернаторъ донесъ, что у Европеусъ «подъ платьемъ находились два мѣшка на ремennomъ поясѣ, опиравшемся на плечи, и въ мѣшкахъ тѣхъ найдены запрещенные въ Россіи журналы и книги на русскомъ и французскомъ языкахъ, запечатанныя и распечатанныя письма, числомъ 39, девять серій госуд. казначейства» (дѣло канц 1861 г. № 1). Она была направлена въ Ковно, а оттуда 24 октября — въ III Отдѣленіе, въ сопровожденіи губернаторскаго чиновника, обязаннаго слѣдить, чтобы она не имѣла ни съ кѣмъ письменныхъ сношеній. «Письма, привезенныя ею, обнаружили близкія ея сношенія съ изгнанниками Герценомъ, Огаревымъ и Долгоруковымъ; въ особенности же обратило на себя вниманіе письмо послѣдняго къ мужу г. Европеусъ прапорщику Александру Европеусу, котораго Долгоруковъ проситъ вести съ нимъ постоянную переписку, приглашая къ оной и помѣщикомъ Тверской губ. Унковскаго и Головачева и предлагая имъ подписывать свои письма условными, указанными имъ именами и адресовать оныя на имя одного парижскаго книгопродавца». Долгоруковъ указалъ при этомъ, что всегда подписываетъ свои письма въ Россію «Александръ Тростенскій». «Супруга ваша вамъ все расскажетъ, что здѣсь (писано изъ Парижа) дѣлается и что здѣсь готови́ся (sic! sic! sic!). Нынѣшній годъ чреватъ послѣдствіями»...

Европеусъ на допросѣ отказалась назвать лицъ, письма которыхъ везла; два изъ нихъ настолько интересны, что я привожу изъ нихъ выдержки.

Лицо, подписавшееся Jenny, писало изъ Лозанны Владиміру Ивановичу Палибину 12 октября, что оно вмѣстѣ съ своей спутницей было въ Англіи полторы недѣли, изъ которыхъ три дня они были у Герцена въ Торквеѣ. «Три дня эти останутся долго въ моей памяти, такихъ дней немного въ жизни; всѣ эти дни съ 11 ч. утра до 2 ч. ночи мы были съ Герценомъ; его разговоръ увлекателенъ; самъ онъ человѣкъ съ сильной непреклонной волей; это одна изъ тѣхъ личностей, которая поведетъ массу за собой куда хочетъ; его одушевленная рѣчь увлечетъ всѣхъ; взгляните пристально въ

его портретъ—и увидите, что такіе люди не останавливаются ни передъ чѣмъ. Огаревъ болѣе симпатиченъ, какъ говорить моя спутница и съ чѣмъ я согласенъ, но энергіи и воли, безспорно, болѣе въ Герценѣ. Одинъ будетъ думать, дѣлать выводы, другой будетъ дѣйствовать; они — контрастъ, но ихъ обоихъ нельзя не любить... Мой разговоръ съ Гер. чрезвычайно характеристиченъ; въ немъ Г. высказался весь; разговоръ, конечно, былъ о Россіи; я высказалъ, изъ какихъ элементовъ состоитъ наше общество. «Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не вѣрю, не хочу вѣрить!» Это былъ порывъ челоуѣка, сознающаго истину словъ другого, но упорно отстаивающаго свои уюванія. Мнѣ было грустно за Гер.; тогда я только понималъ автора «Съ того берега»; онъ не противорѣчитъ себѣ, онъ просто двойственъ: въ кабинетѣ мыслитель, внѣ его — челоуѣкъ, страстно любящій родину, вѣрующій въ ея блестящую будущность».

То же лицо въ письмѣ къ «Якашѣ» говорило: «Всѣ наши лондонскіе изгнаники грустны, всѣмъ не по себѣ, всѣмъ тяжело, одинъ Герценъ своей энергіей поддерживаетъ въ нихъ бодрость; они живутъ, какъ одна семья, и съ любовью относятся другъ къ другу. Среди нихъ есть личность, сумасбродствомъ попавшая въ этотъ кругъ, личность до того жалкая, что и смѣяться надъ нимъ какъ-то больно, это—Юрій Голицынъ. Пока я не зналъ, то отъ души хохоталъ рассказамъ Герцена о немъ. «Я ѣзжу къ Голицыну,—сказалъ Гер.,—точно въ отъѣзжее поле; тутъ все: и камергеръ, и тамбовская деревня; онъ обѣжалъ изъ Россіи въ Лондонъ черезъ Сирію,—какой краткій путь!»» (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1861 г., дѣло № 395).

«Государь императоръ, по всепод. моему докладу, высоч. изволилъ повелѣть: подвергнуть г-жу Европеусъ полицейскому надзору съ обязательствомъ ея имѣть безвыѣздное жительство въ имѣніи ея мужа, находящемся въ Тверской губ., учредивъ вмѣстѣ съ тѣмъ строгае, но совершенно негласное наблюденіе за самимъ Европеусомъ, также и за помѣщиками Унковскимъ и Головачевымъ и воспретивъ всѣмъ имъ отъѣздъ за границу безъ особаго на то разрѣшенія».—писалъ шефъ жандармовъ Валуеву. 1 ноября супруги Европеусъ выѣхали изъ Спб. въ Тверь. 4 ноября объ этомъ послѣднемъ распоряженіи царя было предписано печатнымъ совершенно секретнымъ циркуляромъ всѣмъ губернаторамъ и т. п.

4 марта 1863 г. тверской губернаторъ запросилъ министра, какъ быть съ просьбой Европеуса о дозволеніи его женѣ Эмили вѣзда въ столицы и совмѣстнаго съ нимъ жительства въ Спб., такъ какъ онъ, будучи избранъ пароходнымъ обществомъ «Кавказъ и Меркурій» въ число его директоровъ, долженъ жить по-

стоянно въ Спб. Министръ запросилъ III Отдѣленіе; послѣднее 12 марта сообщило, что необходимо особое высочайшее разрѣшеніе. Валуевъ написалъ на бумагѣ: «которое не мною будетъ испрашиваемо; прошу дать мнѣ эту бумагу завтра». 16 марта, послѣ личнаго съ шефомъ жандармовъ соглашенія, министръ сообщилъ губернатору, что въ настоящее время признается невозможнымъ разрѣшить Эмилиі Европеусъ вѣздъ въ столицы, а петербургскому ген-губ. было предложено учредить за А. Европеусомъ строгое, но совершенно негласное наблюденіе.

Въ ноябрѣ 1863 г. Европеусъ возобновилъ свое ходатайство; 11 ноября шефъ жандармовъ сообщилъ, что государь разрѣшилъ Эмилиі В. Европеусъ жить въ Спб., но съ оставленіемъ ея подъ надзоромъ полиціи. Въ маѣ 1872 г. проживавшій въ Спб. подъ секретнымъ надзоромъ А. М. Унковскій возбудилъ ходатайство о выдачѣ заграничнаго паспорта; Спб. оберъ-полицейстеръ Треповъ запросилъ министра вн. дѣлъ, послѣдній—III Отдѣленіе; шефъ жандармовъ отвѣтилъ, что препятствій не имѣетъ; государь разрѣшилъ (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 34).

1742. Письмо къ А. Бени.

19 ноября 1861.

Письмо Ваше пришло, какъ Вы знаете теперь, только вчера, слишкомъ черезъ два мѣсяца. Отвѣчать прежде, стало, я не могъ. Но обстоятельства были таковы, что вре а отъ этого нѣтъ. Предполагаемый вами адресъ могъ бы, при теперешней реакціи, погубить васъ и многихъ. Адресъ умѣренный, о которомъ вы пишете, можетъ, и не дуренъ (хотя о главномъ вопросѣ—о выкупѣ крестьянскихъ земель, тамъ и не упомянуто), но вы врядъ ли успѣете что-нибудь сдѣлать. Вы сами въ письмѣ дотронулись до больного мѣста. Такія предпріятія удаются только кореннымъ жителямъ; вы слишкомъ чужды русской средѣ. Если мысль Вашего адреса соотвѣтствуетъ потребностямъ общества, она пойдетъ,— для нея вамъ, стало, нечего дѣлать. Недостаточно имѣть вѣрную мысль, надобно ясно знать средства подъ руками. Вы говорите о успѣхѣ распространенія «Колокола» и о затрудненіяхъ адреса,—ясно, что вы можете дѣлать и чего вы не сдѣлаете до тѣхъ поръ, пока вы не приобретете дѣйствительнаго права гѣжданства между русскими и дѣйствительнаго знанія всѣхъ русской жизни. Говоря объ адресѣ, вы давали чувствовать, что это согласно съ нашимъ мнѣніемъ.

Вѣроятно, вы говорили съ людьми, очень мало читающими «Колоколъ»: они вамъ прямо сказали бы, что мы не можемъ соглашаться, послѣдовательно, на такой адресъ, а можемъ только *не мѣшать* ему, такъ, какъ не мѣшаемъ долгоруковской конституціи ¹⁾. Насчетъ книгъ и «Колокола» мы говорили. Двѣ такія вещи, какъ тайная пропаганда книгъ и явная или полуявная агитація, несомнѣстимы. ¹

◆ 1. Это — черновикъ отвѣта на то большое письмо отъ Бени, которое Герценъ получилъ черезъ Тургенева (см. № 1709); послѣдній задержалъ пересылку, а затѣмъ Бени пріѣхалъ въ Лондонъ, и отвѣтъ оказался ненужнымъ.

Упоминаемый адресъ былъ тотъ, съ которымъ Бени ѣздилъ въ Москву и на Нижегородскую ярмарку. Текстъ его неизвѣстенъ; основная мысль — просьба государю о дарованіи Россіи конституціи. Герцену стало извѣстно, что, не имѣя никакого отъ него порученія, Бени, однако, говорилъ, что адресъ одобренъ въ Лондонѣ, и что онъ дѣйствуетъ по порученію Герцена.

Н. С. Лѣсковъ написалъ о Бени цѣлую книжку — «Загадочный человѣкъ», но пользоваться этой сознательной клеветой на цѣлый рядъ лицъ и доносами на живыхъ тогда участниковъ общественнаго движенія (Г. З. Елисеевъ, братья Курочкины и др.) надо крайне осторожно. Въ комментаріяхъ къ 1862 г. мною будетъ данъ весьма интересный новый матеріалъ для освѣщенія этого лица.

1743. The Russian Universities.

(To the editor of «the Times»).

Sir,—We hope you will not refuse to insert in your esteemed columns a few words in behalf of the Russian youths imprisoned in St.-Petersburg, Cronstadt, and Moscow, for an attempt to present an address to the Emperor Alexander II, asking him to discontinue his persecutions of instruction in Russia.

We are, indeed, quite edified by the tender friendship between Mr. George Williams (of King's College, Cambridge) and admiral Putiatin; but when friendship becomes a passion it may dim the mind as well as love or ambition. Mr. G. Williams, in the letter inserted

¹⁾ Проекты конституціи въ книгѣ кн. П. В. Долгорукова «La vérité sur la Russie» и др. его изданіяхъ.

in your esteemed journal (november, 15), tries to smooth the bad impression produced on public opinion by your very truthful and beautiful correspondence concerning the Russian Universities. He says,— «The two main grievances, of which the students had to complain at the outset were the abolition of their uniforms, and the imposition of certain tuition fees».

The first assertion proves that Mr. Williams did not attentively read your correspondence; the second, that he does not understand the state of things in Russia, in spite of his having travelled in that country.

The uniforms were worn by order of the Government, and during the reign of Nicholas the rules regarding them were so stringent that the uniform was to the students rather a subject of hatred than of love. Certainly they did not much trouble themselves about the abolition of it, though they knew that in the present time it was abolished in order to excuse any aggression of the police against the students, who had the right to claim the protection of the authorities of the University.

The tuition fees, however small they may seem to Mr. Williams, are too heavy for poor men in Russia; and, as the instruction in our country was a gratuitous one ever since the establishment of colleges—as the Government maintains them with the State's revenues—it had no right at all to withdraw the sums destined for that purpose, and to employ them for other wants. But still the students kept the peace, and formed, in silence, a fund with voluntary contributions to help those who were not rich enough to pay the fees. Now, this fund has been seized by the Government, and the new rules submitted the students to a constant system of espionage and police persecution.

If Admiral Putiatin did not consent to the new regulations, written, as Mr. Williams says, before he entered the Ministry, how could he honourably accept this office? And, having accepted it, how could he invite the professors to assume the abject character of a sort of detective police over the students? How could he call out the military force against unarmed youths, whose meeting had no other purpose than to present a very respectful address to His Majesty? Some of them were killed, about 300 are in prison, and the honourable Admiral, whose high merit consists in a journey to Japan, still keeps his profitable office at the head of public instruction.

There are things which the most passionate friendship cannot dare to excuse; and, indeed, we find that the friendship of Mr. Williams for a Russian admiral has gone too far, and brought an En-

glish professor to side with a despotic Government which wants to repress every kind of instruction, to reduce the Universities to barracks, and which does not even shrink from calumniating the noble-hearted youths, killed or imprisoned, who have protested against Japanese regulations.—We remain, Sir, respectfully yours,

Alexander Herzen }
Nicolas Ogareff } Editors of the «Kolokol».

Orsett House, Westbourne terrace, Nov. 19.

Переводъ.

Русскіе университеты.

(Издателю «Таймса»).

Сэръ, мы надѣемся, что вы не откажете помѣстить на вашихъ уважаемыхъ столбцахъ нѣсколько словъ въ защиту русскихъ юношей, заключенныхъ теперь въ тюрьмы въ Петѣбургѣ, Кронштадтѣ и Москвѣ за попытку представить императору Александру II адресъ съ просьбой прекратить преслѣдованія противъ образованія въ Россіи.

Мы, конечно, приходимъ въ полное умиленіе при видѣ нѣжной дружбы между м-мъ Джорджемъ Вильямсомъ (изъ Королевскаго колледжа въ Кембриджѣ) и адмираломъ Путятинымъ; но когда дружба переходитъ въ страсть, она способна затемнить разумъ въ той же мѣрѣ, какъ и любовь или честолюбіе. Мръ Дж. Вильямсъ въ письмѣ, помѣщенномъ въ вашей уважаемой газетѣ (ноября 15), пытается смягчить дурное впечатлѣніе, которое произвела на общественное мнѣніе ваша совершенно правдивая и прекрасная корреспонденція, касавшаяся русскихъ университетовъ. Онъ говоритъ: «Двѣ главныя обиды, на которыя студенты могли пожаловаться вначалѣ, были: упраздненіе формы и установленіе платы за ученіе».

Первое утвержденіе доказываетъ, что г. Вильямсъ невнимательно прочиталъ вашу корреспонденцію; второе, — что онъ не понимаетъ положенія дѣлъ въ Россіи, несмотря на то, что путешествовалъ по ней.

Форма сдѣлана была обязательно по приказанію правительства, и въ продолженіе царствованія Николая I правила, къ ней относящіяся, были такъ строги, что мундиръ являлся для студентовъ

скорѣе предметомъ ненависти, чѣмъ любви. Разумѣется, упраздненіе формы мало тронуло ихъ, хотя они знали, что въ настоящее время уничтоженіе формы имѣло цѣлью сдѣлать болѣе извинительными преслѣдованія полиціи противъ студентовъ, которые прежде имѣли право взывать къ покровительству университетскихъ властей.

Что касается платы за ученіе, то какъ бы мала она ни казалась м-ру Вильямсу, она слишкомъ тяжела для бѣдняковъ въ Россіи; и, такъ какъ образованіе въ нашей странѣ было даровое со времени учрежденія университетовъ, потому что правительство содержитъ ихъ за счетъ государственныхъ доходовъ, то оно совершенно не имѣло права отвлечь суммы, назначенныя для этой цѣли, и употребить ихъ для другихъ нуждъ. Но до сихъ поръ студенты переносили это безропотно и втихомолку составляли фондъ изъ добровольныхъ взносовъ для помощи тѣмъ изъ товарищей, которые не были достаточно богаты, чтобы платить за ученіе. Теперь же этотъ фондъ конфискованъ правительствомъ, и новыя правила подвергаютъ студентовъ системѣ шпіонства и полицейскаго преслѣдованія.

Если адмиралъ Путятинъ не соглашался съ новыми правилами, которыя, какъ говоритъ м-ръ Вильямсъ, были написаны до того времени, когда онъ вступилъ въ министерство, то какъ же онъ могъ, не погрѣшая противъ совѣсти, принять свою должность? А принявъ ее, какъ могъ онъ предложить профессорамъ взять на себя отвратительную роль чего-то въ родѣ сысканой полиціи надъ студентами? Какъ могъ онъ призвать вооруженную силу противъ безоружныхъ юношей, сходка которыхъ не имѣла другой цѣли, кромѣ представленія весьма почтительнаго адреса его величеству? Нѣкоторые изъ нихъ были убиты, около 300 заключены въ тюрьмы, а почтенный адмиралъ, наибольшимъ отличіемъ котораго по службѣ считается путешествіе въ Японію, до сихъ поръ держится на своей выгодной должности во главѣ народнаго просвѣщенія.

Это—вещи, которыя самая страстная дружба не осмѣлится оправдать, и, конечно, мы того мнѣнія, что дружба м-ра Вильямса съ русскимъ адмираломъ зашла слишкомъ далеко и привела англійскаго профессора къ защитѣ деспотическаго правительства, которое стремится притѣснить образованіе всякаго рода, обратить университеты въ казармы и не останавливается даже передъ оклеветаніемъ юношей съ благороднымъ сердцемъ, убитыхъ или заточенныхъ въ темницы, протестовавшихъ противъ японской регламентаціи.

Остаемся, Сэръ, съ почтеніемъ, Ваши

*Александръ Герценъ
Николай Огаревъ*

} Издатели «Колокола».

1744. Письмо къ А. Рейхелю.

21 Nov. 1861.

Nun, bester Reichel, da haben Sie einen Gruss und Kuss v. Bakunin — ich habe v. ihm einen Brief aus Kalifornien v. 15 Okt. Den 26 Nov. war er in New-York und Zum neuen Jahr wird er nach London kommen.

Er grüsst Sie mit der grössten Freundschaft.

Переводъ.

Ну съ, милѣйшій Рейхель, вотъ вамъ поклонъ и поцѣлуй отъ Бакунина. Я получилъ отъ него письмо изъ Калифорніи отъ 15 октября. 26 ноября онъ былъ въ Нью-Йоркѣ, а къ новому году прїѣдетъ въ Лондонъ.

Онъ шлетъ вамъ самый дружескій привѣтъ.

1745. Бакуницъ свободенъ.

Михаилъ Александровичъ Бакуницъ въ С-Франциско. Онъ свободенъ! Бакунина утѣхалъ изъ Сибири черезъ Японію и собирается въ Англію. Извѣщаемъ съ восторгомъ объ этомъ встѣхъ друзей Бакунина.

1746. По поводу студентскихъ избіеній.

Одна изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ для слѣдопроизводителя по уголовному дѣлу—та минута, когда онъ входитъ въ комнату, гдѣ совершилось злодѣйство. Все тихо и спокойно... пятна крови, сломанная мебель, опрокинутый стулъ, разбитое стекло... съ улицы слышенъ шумъ, трещать колеса, играетъ шарманка, хохочутъ дѣти, кричатъ разносчики, а нѣсколько часовъ тому назадъ тутъ, на этомъ мѣстѣ, слышались глухіе удары, вопль, брань, стонъ, тяжелое паденіе... И внутренно пробираетъ истерическая дрожь, а, между тѣмъ, выбора нѣтъ: по горячимъ слѣдамъ надо производить слѣдствіе. Лишь бы нашлось довольно спокойствія духа, чтобы не набросить на плечи преступнику еще больше вины, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ ему приходится несть.

Мы—эти слѣдопроизводители.

Печально стоятъ передъ нами огромныя зданія, потерявшія смыслъ, холодныя, пустыя аудиторіи, нѣмыя кафедры; бессмысленная сила прошла тутъ, тупо раздавила молодую жизнь, безраскаянно успокоилась, и все пошло по старой колеѣ, только студентовъ нѣтъ, науки нѣтъ.

Кто виноватъ? Гдѣ виновники? Благодушный императоръ или бездушный Путятинъ? Шуваловъ или Строгановъ? московская полиція или преображенская?

Всѣ виноваты, всѣ они играли роль добровольныхъ палачей, жестокихъ палачей; но вмѣстѣ съ тѣмъ они пользуются и выгодами, соединенными со званіемъ заплечныхъ мастеровъ: они отвѣчаютъ только за исполненіе. Пусть ихъ замучить совѣсть, пусть ихъ замучить общественное презрѣніе; пусть они, наконецъ, будутъ наказаны на томъ основаніи, на которомъ въ Англіи казнятъ звѣрей, причинившихъ смерть человѣку. Чортъ съ ними со всѣми! Ни ихъ виновность, ни ихъ казнь не объясняютъ дѣла.

Университетская исторія—не случайность, не капризь, а начало неминуемой борьбы. Борьба эта должна была завязаться тамъ или тутъ, она завязалась на самой естественной почвѣ. Противорѣчія, лежащая въ основѣ политической жизни нашей, раздвинулись до того, что никакой Александръ Николаевичъ не устоитъ Колоссомъ Родосскомъ. Несовмѣстимое противорѣчіе, которое бросается въ глаза между университетомъ и преображенскими казармами, не только существуетъ во всѣхъ сферахъ жизни, но, что особенно важно, приходитъ къ сознанію.

Первое обнаруженіе подавлено, второе, третье, можетъ, будутъ тоже подавлены, броженіе скроется внутрь, но непременно обнаружится съ большей силой, а тогда—или петербургскій порядокъ погибнетъ или Россія погибнетъ.

То лихорадочное чувство *не по себѣ*, которое овладѣваетъ всей Россіей,—вверху, внизу, въ крестьянской избѣ и въ самомъ Зимнемъ дворцѣ,—прямо обнаруживаетъ работу организма, посредствомъ которой онъ стремится отдѣлаться отъ чего-то мертваго, отъ чего-то ядовитаго и гніющаго.

Исходъ борьбы можетъ быть тотъ или другой, но устраненіе борьбы невозможно. Нечеловѣческія усилія, сдѣланныя Николаемъ, задержали обнаруженіе ея на тридцать лѣтъ. Это Геркулесовъ столбъ; Николай дошелъ до того давленія, послѣ котораго вода въ насосѣ не подымается,—сколько хочешь дави.

Петровскому императорству, пережившему себя, оставалось *одно живое дѣло*; на этомъ дѣлѣ оно могло искупить прошедшее,

залѣчить раны, нанесенныя народу, обновиться,—этимъ дѣломъ оно повязало себѣ веревку на шею... «Насильно спасать никого нельзя»—сказалъ маршалъ Бюжо Людовику-Филиппу.

Сначала утратилась сила, потомъ смыслъ. Оптический обманъ несокрушимости разсыялся вмѣстѣ съ сенастопольскимъ дымомъ: всѣ увидѣли, что это—декорація силы, а не сила. Правительство ужаснулось своей ничтожности и своей нелѣпости; отсюда—его судорожная готовность все измѣнять, чинить, перестраивать и стѣмъ вмѣстѣ отчаянно себя отстаивать всѣмъ на свѣтѣ: разстрѣливаніемъ крестьянъ, прикалываніемъ молящихся преображенскими прикладами, жандармами, одѣтыми мужиками, публичными дѣвками на откупъ... Это—внутренній страхъ смерти у больного, это—подавляющее сознание, что его существованіе не имѣетъ достаточной причины. Вотъ отчего они мечутся изъ стороны въ сторону, вотъ отчего это безпокойное ощупываніе... вотъ отчего императрица по ночамъ молится передъ византійскою иконой и читаетъ исторію Маріи-Антуанетты; вотъ отчего они трепещутъ за свою династію, когда сотня молодыхъ людей не хочетъ покориться унижительнымъ формамъ; вотъ отчего они держатъ, какъ заряженный револьверъ, подъ подушкой, своихъ преображенцевъ, своихъ жандармовъ. Они знаютъ,—и это *худшее*, что можетъ знать человѣкъ,—они знаютъ, *что ихъ не нужно больше!*

Восемь—десять лѣтъ тому назадъ я проповѣдывалъ испуганной Европѣ, съ ужасомъ поглядывавшей на мрачную фигуру императора въ ботфортахъ и кавалергардскомъ мундирѣ, стоящую какимъ то снѣжнымъ пугаломъ за балтійскими льдами, что *снѣгъ этотъ таетъ*; что петербургскій тронъ вовсе не такъ крѣпокъ, какъ думаютъ, что онъ пережилъ свой смыслъ и не имѣетъ съ самой войны 1812 года ничего творческаго и созидающаго; что Николай, по инстинкту самосохраненія, свелъ всѣ силы на одно отрицательное противодѣйствіе возникающимъ началамъ новой жизни.

Мнѣ не вѣрили... Это было до Крымской войны.

Старая исторія, что люди убѣждаются только горами труповъ, взятыми курганами, сожженными городами. Макъ-Магонъ былъ счастливѣе меня.

Но не у одной Европы пала повязка съ глазъ отъ Крымской войны,—она пала съ глазъ Николая, и, когда онъ оглядѣлся и увидѣлъ хаосъ и пустоту, развитые имъ, легкія ея перестали дышать.

Все царствованіе его была ошибка. Ограниченный деспотъ. безъ образованія, онъ не зналъ Европы, онъ не зналъ Россіи. Свирѣпый больше, чѣмъ хитрый, онъ царствовалъ одной полиціей, однимъ гнетомъ. Испуганный 14 декабря, онъ отшатнулся отъ

дворянства,—отъ единственной среды, связанной на животь и на смерть съ петербургскимъ престоломъ преступной круговой порукой крѣпостного права. Онъ въ немъ хотѣлъ подавить тѣ простыя, необходимыя стремленія къ гражданскимъ правамъ, которыя безъ ущерба себѣ имъ уступила бы каждая прусская и австрійская корона. Но, отвязывая втихомолку императорскую барку отъ помѣщичьихъ плотовъ, онъ ничего не сдѣлалъ для народа. Ему хотѣлось бы *отнять* у дворянъ крѣпостное право для того, чтобъ ослабить ихъ касту, но не давая воли крестьянамъ. Онъ на нихъ смотрѣлъ съ обыкновенной офицерской точки зрѣнія, онъ не боялся ихъ, народъ не зналъ слова «конституція», не требовалъ правъ, а считалъ только землю своей; впрочемъ, во всякомъ случаѣ съ нимъ было легче совладать, нѣмая массы его можно было раздавить беззвучно, безотголосно.

Преемнику Николая доставалось наслѣдіе не легкое: ненужная и безславная война, разстроенные финансы, общее воровство, ропоть, недовѣріе и ожиданіе. Ему предстояли, какъ въ нашихъ сказкахъ, три дороги. Дать дѣйствительныя права дворянству и попробовать уладить съ нимъ *лунную* свободу представительнаго правленія. Освободить крестьянъ съ землею—и начать новую эпоху народнаго и экономическаго освобожденія. Или, вмѣсто того и другого, продолжать давить всякое проявленіе жизни до тѣхъ поръ, пока допнуть мышцы у того, который давить, или у того, котораго давятъ. По какой же дорогѣ поѣхалъ нашъ Иванъ-царевичъ?

По вѣсѣмъ по тремъ...

Эта шаткость, эта неувѣренность человѣка спросонья—отличительная черта новаго царствъ ванія. Въ немъ есть что-то безхарактерное, беспомощное, картавое, и въ силу этого—всему уступки, вѣсѣму измѣны. Дворянству, литературѣ, университетамъ даются какія-то льготы, права, но недѣйствительныя. Крестьянамъ дается свобода, но безъ земли. Польшѣ возвращается народность, но безъ всякой самобытности. А недовольны,—Апраксинъ, Дренякинъ, гвардейская полиція. Арестанту, котораго Николай гонялъ сквозъ строй, позволяютъ отдохнуть, разсуждаютъ съ нимъ о вредѣ тѣлесныхъ наказаній, сулягъ ему золотыя горы, а какъ онъ только приподнимаетъ голову,—барабанъ, и продолжай свою вторую тысячу зеленой роши...

Университетская исторія—частный случай, въ которомъ во всей своей силѣ отразилась та же самая блуждающая, безпутная правительственная мысль; съ молодыми людьми поступили такъ же, какъ съ поляками, такъ же, какъ съ крестьянами, и такъ же, какъ еще десять разъ поступятъ, если бессмысленное правительство будетъ ходить на волѣ.

Неужели опытъ насъ ничему не научить? что же, ждате четвертой, пятой крови?... Если мы ничего не будемъ дѣлать, мы дождемся страшныхъ бѣдъ,—одинъ ножъ въ рукахъ безумнаго можетъ надѣлать страшныя бѣдствія,—а пятьсотъ тысячъ штыковъ въ рукахъ испуганнаго и бессмысленнаго правительства?... Общественное спасеніе, спасеніе народа требуетъ, чтобъ его не пускать по волѣ, требуетъ, чтобъ его связать.

Ну, такъ и закидывайте арканъ!

1747. Послѣднія извѣстія.

(Изъ Петербурга).

Третій листъ «Великорусса» сдѣлалъ сильное впечатлѣніе. Онъ вышелъ (20 октября) во время самыхъ сильныхъ арестацій, и когда шуваловцы считали все дѣло открытымъ ¹⁾. Онъ убѣждаетъ въ необходимости подачи адреса о созваніи депутатовъ для составленія конституціи, довѣтуетъ образованіе для сей цѣли комитетовъ... Великій князь Михаилъ Николаевичъ выказалъ себя въ послѣднее время достойнымъ сыномъ Николая и, что всего замѣчательнѣе, что и жена его, какая-то Ольга Федоровна, и та выказалась настоящей дочерью Николая: они рвались на *безопасное* пролитіе крови руками вооруженныхъ рабовъ. Великій князь лично разспрашивалъ караульнаго преображенскаго солдата, какъ они били прикладами студентовъ, *выражая свое юлштейнъ-романовское одобреніе*. Каковы! А еще молодъ—дайте-ка въ лѣта взойти!.. ¹

◆ 1. 1-го іюля 1861 г. министръ вн. дѣлъ увѣдомилъ шефа жандармовъ, что извѣстный дѣятель крестьянской реформы Я. А. Соловьевъ представилъ ему полученные по городской почтѣ 5 экз. «Великорусса»; вскорѣ такія же «представленія» были сдѣланы редакторомъ «Экономическаго Указателя» Вернадскимъ о 7 экз., П. С. Усовымъ, Г. Л. Ламанскимъ, Баталинымъ и И. И. Панаевымъ, что понятно: послѣдній могъ имѣть основаніе заподозрѣть желаніе полиціи провѣрить редакцію «Современн. ка»... 1-го же іюля «Великоруссъ» былъ въ Самарѣ, Казани и пр.; особенно широко онъ былъ разосланъ на имя земскихъ исправниковъ съ припиской: «въ собственныя руки»; затѣмъ въ теченіе іюля и августа въ министерство поступили экз. «Великорусса» отъ разныхъ губернаторовъ. 5 сентября всѣмъ губернаторамъ и т. п. было предписано совершенно секретнымъ печатнымъ циркуляромъ «имѣть особенное не-

¹⁾ № 3 «Великорусса» вышелъ въ концѣ сентября, до ареста прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ.

гласное наблюдёніе, не появятся ли подобныя воззванія во вѣренной вамъ губерніи, и въ случаѣ присылки оныхъ, рекомендую вамъ принять надлежащія мѣры противъ распространёнія ихъ, немедленно представлять въ министерство отбираемые экз. въ тѣхъ самыхъ конвертахъ, въ какихъ они были получены, и вообще стараться напасть на слѣдъ тѣхъ злонамѣренныхъ людей, которые могутъ быть изобличены въ преступныхъ замыслахъ нарушить общественное спокойствіе возмутительными сочиненіями, и тѣхъ путей, по которымъ эти сочиненія распространяются».

Очень любопытна секретная бумага тверского губернатора отъ 11 сентября, написанная собственноручно М. Е. Салтыковымъ и только подписанная графомъ Барановымъ: «Въ началѣ минувшаго іюля, тверской вице-губернаторъ, ст. сов. Салтыковъ, получилъ по почтѣ 10 экз. листка подъ названіемъ «Великоруссь». Экземпляры эти были предъявлены мнѣ съ просьбой объ истребленіи ихъ, что и было въ то же время исполнено. Между тѣмъ, 8 и 9 числѣ этого мѣсяца г. Салтыковъ, въ двухъ пакетахъ, получилъ по почтѣ десять экз. 2-го № того же листка, которые также представилъ ко мнѣ, для истребленія, подобно предыдущимъ. Но такъ какъ мною въ то же время было получено циркулярное предписаніе в. выс. отъ 5 сего сентября, то я счелъ долгомъ объявить г. Салтыкову о содержаніи его, вслѣдствіе чего упомянутые выше экз. и были переданы въ мое распоряженіе. Донося о семъ в. выс., имѣю честь представить при семъ 10 экз. листка «Великоруссь» въ тѣхъ самыхъ конвертахъ, въ которыхъ они были присланы»...

Любопытно, что какая-то организація взяла на себя разсылку и притомъ въ довольно широкихъ по территоріи Россіи предѣлахъ, особенно же въ юго-западномъ краѣ, рукописныхъ листовъ, одновременно заключавшихъ въ себѣ послѣдовательно: первый номеръ «Великорусса», программу - пародію концерта и польскую прокламацію «Rodac, l» («Граждане»), начинавшуюся словами: «Włochy znoszą wiele lat» («Италія, долго страдаая»). Приведу, какъ курьёзъ, «Программу»:

«Въ непродолжительномъ времени въ Зимнемъ дворцѣ данъ будетъ вокальный концертъ съ живыми картинами въ пользу отставныхъ военныхъ генераловъ.

Входъ 50 коп. сер.

Будутъ пѣть:

1. Княжевичъ—«Я золото хороню, хороню».
2. Чевкинъ—«Ни одна во полѣ дороженька не пролегла и не проляжетъ».

3. Муравьевъ—«Жиль-быль у батюшки сѣренькій козликъ».
4. Ковалевскій—«Мудрость вся людская—бредъ» и «Учене—ложный свѣтъ».
5. Адлербергъ—«Зачѣмъ меня винять въ народѣ».
6. Панинъ—«Законъ въ законъ себѣ поставлю».
7. Ланской—«Я въ пустыню удаляюсь».
8. Романовъ, К. Н.—«Ничего въ волнахъ не видно, однѣ лодочки чернѣютъ» и «Я пойду, пойду косить».
9. Шуваловъ—«Взвейся выше, понесися».
10. Тимашевъ—«Чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи, касатикъ мой».
11. Кн. Долгорукова, фрейлина — «Лови, лови часы любви».
12. Сухозанетъ представить живую картину: Сатурнъ, пожирающій чиновника въ каскѣ.

Въ заключеніе отставные генералы споютъ народный гимнъ «Боже, царя храни».

(Архивы III Отд. С. Е. И. В канц., 1 эксп. 1861 г., дѣло № 196 ч. 1 и мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 1).

4 февраля 1862 г. кievскій ген.-губернаторъ донесъ министру вн. дѣлъ, что, получивъ свѣдѣнія о намѣреніи поляковъ-литографовъ, работающих въ типографіи Кіево-Печерской лавры, отпечатать «Великорусскъ», сочиненія Герцена и наставленія полякамъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе объ осмотрѣ лаврской типографіи. «При этомъ осмотрѣ найдены литографическіе камни, приготовленные тайно двор. Юліаномъ Залѣскимъ вмѣстѣ съ уроженцемъ Ц. Польскаго Густавомъ Гофманомъ, для литографирования «Великорусса» и перваго № польской брошюры въ видѣ мѣстнаго органа польской пропаганды; отыскана и бумага, намоченная для тисненія, но литографированныхъ экз. не найдено. Преступники захвачены прежде, чѣмъ сдѣлали оттиски на приготовленной бумагѣ; есть только подозрѣніе, что они успѣли выпустить 100 экз. польской брошюры «Odrodzenie (Возрожденіе)».

Залѣскій, Гофманъ и два работника были доставлены въ кievскую цитадель. Гофманъ показа ъ, что получилъ заказъ отъ студента Стефана Бобровскаго, скрывшагося изъ Кіева вмѣстѣ со студ. Людвигомъ Бернштейномъ (дѣло канц. 1861 г. № 1).

1748. Брадке и Левшинъ.

Говорятъ, что дерптскій попечитель Брадке ¹⁾ отказался приводить въ исполненіе Строгано-Путятинскія мѣры, за что адмиралъ обратилъ, было,

¹⁾ Егоръ Федоровичъ.

на него рыбій гнѣвъ свой, но Суворовъ ¹⁾ представилъ государю, что дерптскій университетъ въ отличномъ состояніи. Рыбій гнѣвъ тотчасъ нырнулъ въ глубину морскую.

Когда государь былъ въ Харьковѣ, онъ спрашивалъ попечителя Левшина ²⁾, какъ находить онъ японскую регламентацію. Левшинъ призналъ, что онъ ее не находитъ безукоризненной, и что онъ объ этомъ писалъ адмиралу отъ просвѣщенія. «Это было бы любопытно прочесть» — замѣтилъ государь. Кто же мѣшаетъ его любознательности? Левшинъ — человекъ добрый, онъ ему, вѣроятно, не отказалъ бы.

1749. (Адресъ польскихъ дамъ).

Адресъ польскихъ дамъ полученъ нами. Благодаримъ отъ души и просимъ позволенія пожать отъ всего сердца ихъ руки.

1750. (Дамы и преображенцы).

Правда ли, что дамы, вскорѣ послѣ преображенской побѣды надъ студентами, не танцовали съ *прикладными* офицерами? Если правда, то это — превосходнѣйшій примѣръ у насъ, и чуть ли не первый. ¹

◆◆ 1. 2 декабря въ № 336 «Allgemeine Zeitung» была помѣщена перепечатка изъ «L'Opinion Nationale» о томъ, будто бы Герценъ, по глупости, запасшись подложными паспортами и переедѣвшись, отправился въ Россію съ цѣлю распространенія среди учащейся молодежи брошюръ либеральнаго направленія, но былъ узнанъ, арестованъ и безъ суда сосланъ въ Сибирь, Французская газета высказала сомнѣніе въ достовѣрности передаваемого ею извѣстія. Нѣмецкая газета сдѣлала то же самое, только въ приложеніи къ № отъ 12 декабря.

Въ ноябрѣ 1861 г. въ III Отдѣленіе былъ присланъ изъ Москвы анонимный доносъ, обвинявшій въ возмущеніяхъ студентовъ московскаго университета преимущественно вліяніе графини Саліасъ, жившей въ одномъ домѣ съ проф. Вызинскимъ — «тутъ постоянныя сборища. Многіе удивляются, отчего Саліасъ не удалять не только изъ Москвы, но совсѣмъ изъ Имперіи». Тотъ же анонимъ сообщилъ: «Были слухи, что Герценъ жилъ въ Спб. болѣе двухъ недѣль;

¹⁾ Кн. Александръ Аркадіевичъ, генералъ-губернаторъ Прибалтійскаго края.

²⁾ Дмитрій Сергѣевичъ, генералъ.

теперь получено свѣдѣніе, что онъ жилъ подъ именемъ Джонъ-Чарльзъ Пейсъ. Возстаніе въ Спб. университетѣ послѣдовало, будто, вскорѣ послѣ его отъѣзда. Его же произведенію приписываютъ прилагаемое сочиненіе, недавно появившееся въ обращеніи подъ названіемъ «Роковой годъ дома Романовыхъ». Долгоруковъ помѣтилъ при сообщеніи о Салиасъ: «установить здѣсь за нею наблюденіе и далѣе съ кѣмъ она здѣсь болѣе видится», а о Герценѣ—«объ этомъ въ городѣ говорятъ, но я полагаю, безъ основанія».

13 ноября шефъ жандармовъ предписалъ москов. ген.-губ. Тучкову прослѣдить, дѣйствительно ли гр. Елизавета Васильевна Салиасъ де-Турнемиръ «возбуждаетъ неумѣренностью своихъ сужденій вредное направленіе образа мыслей; что имѣя сильное вліяніе на молодыхъ людей, она дѣйствуетъ къ вреду ихъ, и что она принимала даже участіе въ беспорядкахъ, бывшихъ между студентами московскаго университета, въ числѣ которыхъ находится сынъ ея, усвоившій подъ руководствомъ матери понятія весьма предосудительныя и служащій вреднымъ примѣромъ для своихъ товарищей»; государь предоставилъ Тучкову, если онъ признаетъ нужнымъ, принять мѣры наблюденія за ними, а если необходимо удаленіе графини изъ Москвы, то чтобъ сообщилъ объ этомъ III Отдѣленію.

Оказалось, что 25 ноября Салиасъ уѣхала за границу изъ Спб.; дѣти остались въ Ц. Селѣ у кн. Яшвиля. Надзоръ былъ учрежденъ. Въ 1882 г. москов. ген.-губернаторъ ходатайствовалъ о снятіи его, тѣмъ болѣе, что Евг. Салиасъ былъ въ должности управляющаго москов. конторою импер. театровъ. Мин. вн. дѣлъ гр. Игнатьевъ призналъ возможнымъ надзоръ прекратить (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., I эксп., 1861 г., дѣла №№ 464 и 479).

1751. (Извѣщеніе).

Извѣщаемъ съ благодарностью особъ, приславшихъ *четыре фунта для взноса* въ откупную сумму за просвѣщеніе, взимаемую Путятинимъ со студентовъ, что мы ихъ получили и препроводимъ по назначенію.

1752. [Грубое обращеніе на „Генераль-Адмиралъ“].

Мы опять получили печальныя подробности о грубомъ обращеніи на «Генераль-Адмиралѣ»... А что же обѣщанная подпись всѣхъ офицеровъ??

1753. Письмо къ И. С. Тургеневу.

2 декабря (1861).

Otsett House, Westbourne terrace.

Сейчасъ получилъ третье письмо отъ Бакунина, изъ Нью-Йорка уже, онъ туда прѣхалъ 16 ноября; онъ ждетъ деньги изъ Россіи. Я знаю, что его близкіе друзья собрали (это секретъ) довольно. Но гдѣ они? Я послалъ 2.000 фр., не могу болѣе. Пусть Ботк. ¹⁾ пришлетъ мнѣ 500, а если хочеть—1.000; 500 я ему отдамъ, когда мнѣ пришлютъ для Бак. Похлопочи.

Полякъ юный былъ, 4 ф. я ему отдалъ.

Сынъ мой больше и больше хочеть ѣхать въ Россію. Какъ бы узнать, что надобно дѣлать и съ кѣмъ посовѣтоваться? Само собою разумѣется, что объ уступкахъ и рѣчи нѣтъ.

Бури нисколько не объясняютъ твоего непрѣзда, но я слышалъ, что всякій претекстъ должно принимать. Еще менѣе бури не объясняютъ, что не сообщаешь новостей.

Видѣлъ въ «Нордѣ», какъ дочь Михайловскаго ²⁾ обругала за отца? а записки то настоящія.

Прощайте.

P. S. Кн. Труб., молодой, попался въ тюрьму въ Туринѣ. Былъ у тебя кн. Долгоруковъ, искавшій е о? ¹

◆♦ 1. Въ октябрѣ 1860 г. гамбургская полиція задержала на англійскомъ пароходѣ, шедшемъ въ Англію, подозрительное лицо, выдававшее себя за венгерскаго эмигранта графа Чени; при обыскѣ при немъ былъ найденъ русскій паспортъ на имя кн. Николая Платоновича Трубецкаго. Удостоверившись въ личности послѣдняго при содѣйствіи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, полиціи освободила его изъ-подъ ареста, а консулъ снабдилъ его средствами для возвращенія въ Спб. Однако, князь остался за границей. 3 марта 1861 г. герцогъ Георгъ Мекленбургскій написалъ кн. Долгорукову, что его адъютантъ гвардіи поручикъ кн. Трубецкой просилъ его, еще во время пребыванія герцога въ октябрѣ 1860 г. въ Варшавѣ, дать ему возможность посѣтить своего отца, жившаго въ имѣніи Орлов-

¹⁾ Василій Петровичъ Боткинъ.

²⁾ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій. Въ кн. II «Историческаго сборника Вольной рус. типографіи въ Лондонѣ» напечатаны нѣкоторыя выписки изъ бумагъ М.-Данилевскаго».

ской губ.; это было ему предоставлено, а на дорогу были выданы деньги; однако, до настоящего времени, князь изъ отпуска не вернулся, а отецъ его, на запросъ герцога, сообщилъ, что сынъ къ нему вовсе и не прїѣзжалъ.

24 ноября ген.-ад. Борисъ Глинка писалъ Потапову, что приказомъ 23 марта 1861 г. Трубецкой уволенъ отъ службы, за бѣлѣзною, штабсъ-капитаномъ. Теперь князь извѣстилъ его, что сидитъ въ тюрьмѣ г. Турина за находеніе при немъ кинжала и за неимѣніе законнаго паспорта, и, повидимому, въ крайней нуждѣ; генераль просилъ поспѣшить выслать князю паспортъ и переводъ его на 100 руб. Изъ приложеннаго письма самого Трубецкого къ Глинкѣ отъ 14 ноября н. ст. видно, что князь благодарилъ генерала за полученное прощеніе отъ герцога, желалъ скорѣе вернуться въ Россію, но не желалъ бы по возвращеніи давать кому бы то ни было отчетъ въ томъ, что онъ дѣлалъ за границей, и притомъ вернуться въ имѣніи отца, чтобы тамъ и жить; что же касается сдѣланныхъ долговъ, то они примѣрно 2500 — 3000 руб. сер., — сумма, представлявшаяся для него громадной; въ тюрьмѣ онъ сидитъ съ 90 чел., долженъ исполнять въ очередь всѣ самыя грязныя работы и пр. 27 ноября III Отдѣленіе увѣдомило Глинку, что высочайше разрѣшено снабдить Трубецкого паспортomъ для прїѣзда въ Россію, въ г. Орель, но отнюдь не для пребыванія за границей, и послать полученный вексель, сдѣлавъ одновременно распоряженіе учредить за княземъ, съ момента прибытія въ Россію, секретный надзоръ. Глинка отвѣтилъ, что герцогъ желаетъ возвращенія князя въ имѣніе отца и хочетъ помочь ему деньгами; что же касается опасенія Трубецкого подвергнуться отвѣтственности за прошлое, то не признаетъ ли шефъ жандармовъ возможнымъ объявить ему черезъ Глинку, что за пребываніе его за границею никакого отчета отъ него не будутъ требовать. Потаповъ отвѣтилъ, что князь «можетъ безъ всякаго опасенія и совершенно свободно возвратиться въ Россію». Сношенія съ туринскими властями затянулись подозрительностью королевскаго прокурора, не хотѣвшаго вѣрить, что заключенный въ тюрьмѣ бродяга есть представитель громкой русской фамиліи. 13 января 1862 туринскій судъ рѣшилъ, что Трубецкой достаточно наказанъ заключеніемъ и потому подлежалъ освобожденію. 23 января Трубецкой получилъ паспортъ и вексель съ письмомъ Глинки, однако, и теперь въ Россію не поѣхалъ. Его ждали власти, списывались между собою, но не могли дожидаться прибытія князя. Наконецъ, 12 апрѣля 1872 г. судебный слѣдователь г. Орла Острословской запросилъ мѣстнаго жандарма, не разыскивается ли, какъ обвиняемый въ какомъ-либо престу-

плени, князь Николай Платоновичъ Трубецкой, присланный къ нему по этапу, какъ бродяга, изъ Сѣвска. На этомъ дѣло и кончается (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1861 г., дѣло № 52).

Извѣстно, что Трубецкой одно время былъ наборщикомъ типографіи Герцена; другихъ свѣдѣній о его жизни я не имѣю.

Здѣсь же приведу данныя о другомъ извѣстномъ намъ наборщикѣ Вольной русской типографіи, краткую характеристику котораго, сдѣланную Кельсиевымъ, читатель уже знаетъ. Судьба Эбермана тоже не изъ избалованныхъ счастьемъ.

Въ 1861 г. нижегородскій судебный слѣдователь вызвалъ разныхъ лицъ для слѣдствія о кражѣ вещей у одного чиновника. Одинъ изъ нихъ, великобританскій подданный Владиміръ Михайловичъ Эберманъ спросилъ рѣзко слѣдователя: «кто и какъ смѣлъ требовать его по этому дѣлу?». На указаніе закона Эберманъ отвѣтилъ: «всѣ законы смѣшны и я не интересуюсь знать ихъ». На замѣчаніе слѣдователя, что законы издаются государемъ императоромъ, Эберманъ сталъ въ неприличную позу, поднялъ одну ногу вверхъ и растопыривъ руки, отвѣтилъ: «ухъ, какъ важно! Чортъ знаетъ, кого задятъ на службу, зазнаются и поступаютъ по произволу». Затѣмъ великобританецъ сталъ требовать стулъ, обѣщаль вырвать его изъ лоды самого слѣдователя, бросилъ на читавшееся имъ дѣло перчатку, задѣвъ его по волосамъ, и т. д. Донося объ этомъ III Отдѣленію, нижегородскій губернаторъ Муравьевъ прибавилъ, что Эберманъ—сынъ умершаго нижегородскаго обывателя, тоже изъ великобританскихъ подданныхъ, имѣеть отъ роду 17 лѣтъ (род. 1842 г.), родился и жилъ въ Россіи; учился въ мѣстной гимназіи, откуда въ мартѣ 1860 г. исключенъ за невзносъ платы, въ сентябрѣ вновь поступилъ, а въ мартѣ 1861 г. уволенъ по прошенію. Шефъ жандармовъ полагалъ, что дѣло это слѣдуетъ передать министру вн. дѣлъ, на что 17 апрѣля 1861 г. и послѣдовало согласіе. Министръ призналъ, что дѣлу не слѣдовало, со стороны губернатора, давать «такое важное направленіе».

Въ маѣ 1863 г. нашъ генеральный консулъ въ Лондонѣ просилъ разрѣшенія выдать паспортъ для проѣзда въ Россію Эберману, дѣло о которомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, за его отъѣздомъ, не закончено. III Отдѣленіе нашло, что такъ какъ «имѣющіяся объ Эберманѣ свѣдѣнія ему весьма неблагоприятны», то паспортъ выдавать не слѣдовало.

15 іюня 1866 г. измаильское карантинное правленіе направило къ бессарабскому губернатору задержаннаго на улицѣ чело-вѣка, объявившаго себя сначала уроженцемъ Тульчи Василиемъ Петровымъ, а потомъ—В. М. Эберманомъ. Онъ показалъ, что аслѣдъ за возникновеніемъ о немъ разсказаннаго дѣла, онъ само-

вольно уѣхаль въ Лондонъ, «гдѣ жилъ, не занимаясь ничѣмъ политическимъ, кромѣ разговоровъ». Затѣмъ, уѣхавъ въ Турцію, жилъ тамъ до 17 марта 1866 г. Отецъ и мать его умерли, а дядя Эдуардъ Эберманъ управляетъ имѣніемъ сенатора Митусова. Отобранный отъ него паспортъ на имя турецкаго подданнаго Владиміра Михайлова выданъ въ Тульчѣ. «Во-первыхъ, я жилъ дней 5 въ Кенигсбергѣ, гдѣ я и взялъ паспортъ у англійскаго консула, на основаніи моего метрическаго свидѣтельства, и продавъ банкиру мои пятипроцентные билеты тысячи на 4 рублей сер., я отправился въ Гуль, чтобы взять денегъ нѣсколько у банкира Реймера, а съ векселемъ отъ него пріѣхаль въ Лондонъ, гдѣ и получилъ отъ лондонскаго банкира остальную сумму, но спустя недѣли двѣ по пріѣздѣ, вслѣдствіе чего и долженъ былъ пріискать какое-нибудь мѣсто, которое я нашель въ типографіи Герцена, гдѣ былъ наборщикомъ до полученія моихъ денегъ. Но потомъ я утратилъ вдругъ всѣ мои деньги въ несчастномъ торговомъ дѣлѣ и долженъ былъ, какъ можно скорѣе, спастись изъ Англій отъ голодной смерти, откуда мнѣ удалось выѣхать на одномъ изъ пароходовъ въ Константинополь, гдѣ былъ не болѣе 3—4 часовъ, и выѣхаль въ Тульчу, по дорогѣ былъ въ Сулинѣ. Въ Тульчѣ жилъ до 17 марта нынѣшняго года, а пріѣхаль туда въ 1861 г. осенью, кажется, въ октябрѣ. Въ Тульчѣ я училъ дѣтей, былъ въ лавкѣ и даже служилъ въ трактирѣ. За границей я зналъ въ Лондонѣ Кельсіева, у котораго постоянно бывалъ; у Герцена и Огарева я не былъ, но видѣлъ и говорилъ. Въ Тульчѣ я встрѣтился съ Кельсіевымъ, сперва младшимъ, потомъ старшимъ, и даже жилъ нѣсколько времени на одной квартирѣ; изъ эмигрантовъ зналъ въ Тульчѣ Краснопѣвцева, который повѣсилъ прошлой зимой, и знаю еще Михаила Семеновича эмигранта-инкогнито, который теперь, кажется, въ казакахъ Садыка-паши». «Что Герценъ велъ и ведетъ постоянно переписку, это можно предполагать, но съ кѣмъ, я не знаю. О другихъ эмигрантахъ, которые мнѣ знакомы, въ отношеніи ихъ переписки съ Россіей, мнѣ также рѣшительно ничего не извѣстно. Я постоянно былъ своихъ мнѣній, почему у меня никогда не могло быть съ ними согласія, а теперь тѣмъ болѣе у меня установились убѣжденія совершенно своего цвѣта, и именно: великое и нравственное развитіе, изъ какого бы оно начала ни проистекало, можетъ быть совершенно противоположнымъ этому началу при своемъ завершеніи. Оно можетъ въ этомъ своемъ окончаніи показаться невѣроятнымъ, даже не логичнымъ, съ перваго взгляда, но, прослѣдя строго всякое развитіе, всякій процессъ моральный, какъ и не моральный, въ природѣ совершенно

возможенъ и естественъ, несмотря на то поражающее разстояніе, на тотъ контрастъ, который, какъ кажется, существуетъ между альфою и омегой всего живого и развивающагося. Такъ, напр., случилось со мной. Начавъ свое развитіе съ фанатической вѣры въ свободу человѣка, съ вѣры во все спасающую революцію, я дошелъ до того, что этой сладкой, но пресловутой свободы не было и никогда не будетъ у человѣка; что все хорошее, благое и привлекательное существуетъ въ воображеніи человѣка, но проводить эти прекрасные плоды воображенія значитъ вовсе не знать жизни, не знать человѣка и становится въ плачевное и смѣшное положеніе непризнаннаго маэстри. Я дошелъ до того, что на свѣтѣ не можетъ быть ничего универсально хорошаго и добраго, оно досталось на долю частной личности, но не далось массамъ. Все мной сказанное совершенно искренно, въ доказательство могутъ служить мои записки, изъ которыхъ ясно вытекаетъ, какъ экстрактъ, это послѣднее мое слово. Я совершенно признаю порядокъ всего человѣческаго міра, искони существующій, а слѣдовательно, и порядокъ и нынѣ существующій во всѣхъ государствахъ, въ томъ числѣ и Россіи, и уважаю верховную власть, какъ представительницу божеской и народной воли. Въ польскомъ возстаніи и ни въ какихъ демонстраціяхъ ни самъ, ни чрезъ другихъ никакого участія не принималъ».

Эберманъ былъ отправленъ подъ конвоемъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и былъ арестованъ. Только 19 мая 1869 г. шефъ жандармовъ представилъ докладъ государю, предлагая выслать его изъ Россіи съ воспрещеніемъ возвращаться въ ея предѣлы. Въ августѣ того же года Эберманъ прибылъ въ Ригу для отправленія въ Англію, но тамошній англійскій консулъ рѣшительно отказался отъ посредничества, отзываясь, что Эберманъ и его предки никогда не были великобританскими подданными, такъ какъ онъ показалъ, что отецъ его родился въ Ганноверѣ и оттуда прибылъ въ Россію. Шкипера англійскихъ судовъ отказались принять его, боясь, что англійская полиція заставитъ ихъ принять на себя содержаніе привезеннаго ими человѣка, лишеннаго средствъ къ существованію. Министръ вн. дѣлъ просилъ III Отдѣленіе указаній, какъ поступить съ Эберманомъ. 1 ноября шефъ жандармовъ испросилъ въ докладѣ разрѣшеніе сообщить министру, не угодно ли будетъ ему сдѣлать надлежащее распоряженіе объ удостовѣреніи подданства Эбермана и затѣмъ выслать его за границу установленнымъ порядкомъ. Эберманъ просилъ оставить его въ Россіи; 19 января 1870 г. III Отдѣленіе отвѣтило, что препятствій не встрѣчаетъ (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 3 эксп. 1861 г., дѣло № 144).

1754. Памятная записка для Н. М. Владимірова ¹⁾.

5 декабря (1861).

Вамъ самимъ.

Пожалуйста, не забудьте:

1-е. Сказать, что всѣ, знающіе меня, но которымъ я не даю писемъ рекомендательныхъ къ кому-нибудь изъ серьезныхъ людей,—могутъ, и прекрасные люди, но я за нихъ не отвѣчаю. Пусть сами изслѣдуютъ cadaго. ¹

2-е. Мнѣ обѣщали адресъ-календарь своего рода всѣхъ лицъ, бывшихъ въ «Колоколѣ», — это очень хорошая вещь.

3-е. Нельзя ли узнать достоверно: отрывки изъ записокъ Мих.-Данилев., бывшіе въ «Истор. сбор.» (книж. II),—настоящіе или нѣтъ? Я увѣренъ, что они настоящіе, но его дочь съ преднамѣренною грубостью отеклась въ «Nord».

4. Дать знать, какъ можно скорѣе, Б. ²⁾, чтобы выслали деньги въ Лондонъ или въ Парижъ, напр., на имя И. С. Тургенева (210, Rue de Rivoli). Онъ будетъ здѣсь къ новому году, можетъ, прежде; нельзя же его оставить такъ. Мы свое сдѣлали.

5. Сказать, что изъ присланныхъ мнѣ старыхъ статей моихъ есть статья изъ «Владим. Вѣд.», которой, сколько я помню, я не писалъ. Я когда-то въ Вяткѣ написалъ прескверную рѣчь объ открытіи библіотеки въ 1836 г., но этой статьи не помню. «Влад. Вѣд.» были подъ моимъ завѣдываніемъ, но плодovitое и сильное перо ихъ былъ несчастный Небаба, о которомъ я говорю въ «Быт. и думашъ». Есть ли тамъ подпись или буквы: Г., А. Г. или И—рѣ?

◆◆ 1. Это, повидимому, относилось къ Бени. Передъ отъѣздомъ Владимірова въ Россію, помимо порученій, изложенныхъ въ этой памятной запискѣ, Герценъ очень просилъ его сообщить въ Петербургѣ, напр., Кавелину, что онъ никогда не поручалъ Бени собирать подписи къ адресу на имя государя о дарованіи конституціи. Кстати, адресъ потерпѣлъ фіаско — подписей не нашлось. Кельсіевъ говоритъ, что 1862 г. видѣлъ лишь нѣсколько именъ (мои «Очерки освободительнаго движенія», 100, 110—111). Въ то время создалась цѣлая адресная литература, очень характерная для

¹⁾ Николай Михайловичъ, товарищъ В. Кельсіева, служилъ въ торговой фирмѣ въ Лондонѣ, потомъ въ Спб.

²⁾ Наталія Семеновна Бакунина, жена Павла Александровича.

настроения различныхъ круговъ, все еще вѣрившихъ, что съ Александромъ II, такъ или иначе, можно столковаться. Разумѣется, иной характеръ носилъ проектъ адреса, приложенный къ 3-му номеру «Великорусса», но и въ немъ есть отчасти тотъ же отгѣнокъ. Адреса писали: московское дворянство, московскіе литераторы, чиновники, студенты и т. д. Герценъ ни въ одномъ изъ нихъ не принималъ участія, еще менѣе—сочинялъ какой-нибудь свой.

1755. Приписка къ А. Запаснику ¹⁾.

(Начало декабря 1861).

И вашъ А. Г. жметъ вамъ руку и рекомендуетъ Владимірова.

1756. Письмо къ Н. М. Владимірову.

7 декабря 1861 г.

Сейчасъ получили мы много вѣстей изъ Россіи. Между прочимъ, опять говорятъ о Бени и сильно подозрѣваютъ его. Да когда жъ его рекомендовали? Пора быть осторожными. Скажите пославшему портреты (военнаго и статс.), что портреты и письма—все пришлю исправно. Спасибо имъ отъ всей души. Это—тотъ самый г-нь, къ которому письмо.

Прощайте, да хранить васъ судьба не отъ бурь, а отъ шуваловскихъ бурьяновъ. Не забудьте сказать Н. ²⁾, что, кромѣ коническихъ сѣченій, никакихъ честно употреблять при воспитаніи нельзя, и, если онъ ошибался въ 50 лѣтъ, дозволяется, хоть изъ дружбы къ намъ, въ 51 исправиться.

О Бени скажите, во-первыхъ, Нич. ³⁾.

Искандеръ.

P. S. Бога ради, достаньте и пришлите Чичерина лекцію противъ студентовъ. Говорятъ, что она въ «Москов. Вѣд.»; если же она будетъ напечатана въ Петерб., то не стоить посылать,—мы получимъ ⁴⁾.

¹⁾ Александръ, авторъ сочиненій по финансовымъ вопросамъ; познакомился съ друзьями въ Лондонѣ, изучая тамъ постановку банковаго дѣла.

²⁾ ?

³⁾ Андрей Ивановичъ Ничипоренко, пріятель Бени; ихъ сблизилъ В. И. Кельсиевъ.

⁴⁾ Возмутившая прогрессивную часть общества лекція Чичерина, прочитанная 28 октября, напечатана въ № 238 «Москов. Вѣдомостей».

◆◆ 1. Это письмо Владиміровъ получилъ уже на лондонскомъ вокзалѣ отъ Кельсіева и, пріѣхавъ въ Петербургъ, передалъ его Ничипоренку, прося все исполнить, вмѣсто него (мои «Очерки освободительнаго движенія», 100).

1757. Письмо къ М. К. Рейхель.

12 декаб. (1861).

Orsett House, Westb. terrace.

Письмо ваше меня истинно и глубоко потрясло. Благодарю васъ, что середь горя вспомнили стараго друга... Сила, твердость и забота объ оставшихся! ¹⁾

Обнимаю Рейхеля и дѣтей.

Будьте здоровы и берегите себя.

Сегодня есть вѣсть отъ Тат. Алекс. ²⁾, — тѣ же подробности московской бойни. Сер. Ив. ³⁾ опять долженъ итти въ отставку, — тоже бѣдовикъ. Здѣсь все говоритъ о войнѣ съ Америкой, другіе ждуть весной войну на югъ Европы... И страшно, а, кажется, все идетъ къ развязкѣ.

Прощайте.

1758. Оклеветанный графъ.

Пожалуй, ври, да знай же мѣру!

Грибоѣдовъ.

Что ты все врешь, говоритъ капитанъ-исправникъ мѣщанину Пименову, уснадивши свою рѣчь кое-какимъ крѣпкимъ словцомъ.

Гоголь.

Вскипѣлъ Бульонъ и въ рать пошелъ ⁴⁾.

Мерзляковъ.

(Переводъ «Освобожденнаго Іерусалима»).

На нашего графа Петра Андреевича, какъ на всѣхъ людей неумѣренно добродѣтельныхъ, какъ на всѣхъ героевъ душевной прямоты, лгутъ. Намъ графа жаль, намъ за Шувалова больно, мы хотимъ графа Шувалова оправдать. На его сіятельство, во-первыхъ

¹⁾ У Рейхелей умеръ ребенокъ, родившійся въ маѣ 1861 г.

²⁾ Астракова.

³⁾ Астраковъ.

⁴⁾ Не точно: «Вскипѣлъ Бульонъ, потекъ во храмъ».

солгали, что онъ, по просьбѣ матери, рѣшился оставить тайную полицію. «Много можетъ молитва родителей»,—это совершенно правда, но этого ничего не было. Совсѣмъ напротивъ, графъ вовсе не бросилъ свои слуховыя трубы, но расширилъ голубой кругъ дѣйствій III Отдѣленія; графъ будетъ теперь *аускультировать* ¹⁾ не только Россію, но всю Европу, онъ будетъ не только графомъ въ свитѣ, но чѣмъ-то въ родѣ секретнаго папы, подслушивающаго «грады и вселенную».

На его сіятельство лгутъ, что онъ нашу скромную типографію окружилъ своими сотрудниками и велѣлъ имъ не спускать нась *съ уха*, что онъ даетъ имъ страшныя деньги и, будто, все казенныя, а они ихъ тратятъ, не чувствуя, что наше правительство скоро, какъ Хлестаковъ, будетъ ходить по лавочкамъ пробовать балыки. Это—ясная ложь; если бы это была правда, они узнали бы что-нибудь о типографіи,—что же они узнали?

На генерала въ свитѣ лгутъ, что онъ распустилъ слухъ, будто бы въ нашей типографіи *купленъ его дряхлемъ или приказчикомъ какой-то корректурный листъ*,—*иные прибавляютъ даже сумму, именно за 10,000 руб.,—послужившій къ обвиненію Михайлова*. Желая пуще всего на свѣтѣ защитить дѣвственную честь графа, *мы торжественно объявляемъ истинной и подлой клеветой эту застѣлочную выдумку*. Шуваловъ неостороженъ, Шуваловъ довърчивъ, вѣдь, онъ не меньше типографіи окруженъ шпионами, долго ли тутъ до грѣха! Можетъ, 10,000 руб. и въ самомъ дѣлѣ взяты кѣмъ-нибудь изъ милліоновъ III-го Отдѣленія. Въ нашъ ужасный вѣкъ, развращенный вольнодумствомъ, ослабли всѣ священныя связи, и даже въ III Отдѣленіи не все ангелы подслушиваютъ и доносятъ. Но графу съ его обширными литературными связями, идущими отъ Іерусалимской улицы въ Парижѣ до *café de Paris* въ Іерусалимѣ, вовсе не трудно найти вора. Онъ можетъ поручить слѣдствіе (сказали бы мы, если бы мы смѣли совѣтовать добродѣтельному графу) своему ученому другу Горянскому, покрывшему себя почти преображенской славой при взятіи Михайлова, при которомъ онъ, между прочимъ, начальствовалъ легкимъ отрядомъ амазонокъ.

Счастливъ начальникъ, окруженный семьей такихъ сотрудниковъ! Счастлива семья, собирающая вѣсти и подслушивающая всю вселенную для передачи такому графу!

О, Тимашевъ, зачѣмъ вы не родились графомъ! О, Дубельтъ, зачѣмъ вы не родились Шуваловымъ! ¹

◆ 1. Любопытно, что однимъ изъ корреспондентовъ, сообщавшихъ «Колоколу» о дѣлѣ Михайлова и отношеніи къ нему

¹⁾ Выслушивать.

общества былъ... В. П. Буренинъ, тогда вообще принадлежавшій къ прогрессивной литературѣ (Глинскій «Борьба за конституцію», I, 107).

Въ срединѣ 1861 г. III Отдѣленіе командировало въ Лондонъ, конечно инкогнито, своего чиновника Вильсона для изученія организаціи сбыта русскихъ изданій и доставки ихъ въ Россію. Результаты его изслѣдованій погибли для потомства, какъ и вообще не мало всякаго другого матеріала III Отдѣленія по эпохѣ 1860-хъ годовъ: варварскія руки чиновниковъ департамента полиціи сожгли массу «дѣлъ» въ 1894 г., какъ будто боясь, что наступавшее царствованіе Николая II вдругъ дастъ свободу наукѣ, а она обнаружитъ многое, чего не слѣдовало ей знать послѣ бюрократически опредѣленнаго срока храненія. Только однихъ дѣлъ, касающихся Герцена, уничтожено свыше 25.

1759. По поводу письма изъ Волыни.

Мы получили около 15 ноября изъ Волыни длинное письмо въ опроверженіе статьи *оъ юго-западной Руси*, помѣщенной въ 8 № «Будущности». Быстро несущіяся событія и небольшой размѣръ «Колокола» не дозволили намъ до сего времени дать о немъ отчетъ. Мы, сознаемся откровенно, не желали бы быть ареной политико-лингвистическихъ споровъ, особенно такихъ, которые имѣютъ въ виду не объективную истину, не существенную пользу народа, а разныя *aggrès persées* патріотическія, завоевательныя, религіозныя и проч.

Корреспондентъ «Будущности», находя, что юго-западъ Россіи говоритъ на *двухъ языкахъ*, заключаетъ, что его слѣдуетъ судить и учить на *третьемъ*,—и при томъ на такомъ третьемъ, который Украинѣ и Литвѣ, шляхтѣ польской и Руси людовой напоминаетъ ихъ страшнѣйшія историческія несчастія!

Согласиться съ этимъ невозможно. И что это за регламентація языка, что за правительственныя, административныя вмѣшательства въ букварь?.. министерство грамматики, департаментъ спряженій!? Неужели не ясно, что школа и судъ въ странѣ, въ которой два нарѣчія, *должны быть на обоихъ*.

Дайте школамъ волю, такъ и будетъ.

О судѣ и говорить нечего; малѣйшаго слѣдствія нельзя про- извести, говоря на разныхъ языкахъ съ подсудимыми и свидѣтелями.

Хорошо обѣдно да молитву читать по-латыни: въ нихъ нѣтъ ничего новаго, тутъ важно само чтеніе, а не то, что читается.

Итакъ, признаемъ же разъ навсегда за непреложную истину, что *никому* не надобно ни *руссифицировать*, ни *полонизировать*, что никому не надобно мѣшать говорить и думать, учиться и писать, какъ ему хочется,—ни остзейскому нѣмцу, ни остзейскому финну.

Съ какой стати украинецъ, напр., промѣняетъ свою простодушную рѣчь, ту, на которой онъ говорилъ на свободныхъ радахъ, ту, на которой схоронена въ его пѣсняхъ вся исторія его, на языкъ предательскаго правительства, постоянно обманываваго Малороссію, на языкъ той преступной женщины, которая одной рукой вооружала гайдамаковъ, другой предписывая указы объ укрѣпленіи казаковъ за своими наложниками? Развѣ великорусскій языкъ не является на западѣ Россіи языкомъ *николаевскимъ*, котораго Кириллъ и Меѳодій—Бибиковъ и Сѣмашко? Пусть языкъ нашъ смѣетъ прежде слѣды подобострастія, рабства, подлыхъ оборотовъ, вахмистрской и барской наглости — и тогда уже начнетъ поучать ближнихъ.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ украинецъ учился польски потому только, что «весь образованный классъ народа самый *значительный*, если не по числу, то по богатству, образованію и правамъ, классъ, *исключительно* пользующійся гражданскими правами и имѣющій средства давать своимъ дѣтямъ воспитаніе, говорить по-польски».

Въ этомъ-то и лежитъ все проклятіе, что одинъ классъ исключительно полбзуется воспитаніемъ, а другой невѣжествомъ; что для одного класса есть и книги, и школы, а для другого ничего, ни даже письменнаго языка.

Авторъ письма ссылается на Финляндію. Что же изъ этого? И въ Финляндіи скверно. И не въ одной Финляндіи, тутъ въ примѣрахъ затрудненія не можетъ быть. Разъ какъ-то въ Брюсселѣ я гулялъ по городу, утромъ, въ воскресенье. Въ церквахъ толпа страшная; вхожу въ одну—проповѣдь; вниманіе простого народа меня поразило. Я пошелъ въ другую, въ третью церковь, — тоже самое; что же за причина? Все Лакордеры или Равиньяны? Нѣтъ, но попы проповѣдывали *по-фламски*. Я изъ третьей церкви перешелъ въ кофейную, — груда газетъ, всѣ французскія; я въ другую, — тоже; афишки, водевили, фарсы, драмы и оперы, — все на французскомъ, романы и повѣсти — тоже самое, а потому все это дальше лакея и горничной не опускается. Народъ *по ту сторону* литературы оставленъ на поповъ, они его и образовываютъ на свой салтыкъ, а белги, говорящіе по-французски, удивляются его изувѣрству. Точно то же я видѣлъ въ Пёмонтѣ.

На этомъ-то раздвоеніи народовъ на два слоя: одного обли- таго свѣтомъ и плавающего, какъ масло, надъ глубиою, другого— глубокаго и темнаго, окруженнаго мглой; срѣзались всѣ революціи. Онѣ дѣлались для *значительнаго* (не по числу, а по правамъ) класса, *исключительно* пользовавшагося воспитаніемъ,—массамъ до нихъ дѣла не было.

Начнемъ же, господа, прежде, лингвистическаго завоеванія народа юго-русскаго, съ того, что отдадимъ ему его землю; а по- томъ и посмотримъ, какъ онъ захочетъ говорить и учиться.

1760. Шуваловцы въ Кронштадтѣ.

Доводимъ до свѣдѣнія Константина Николаевича, что отъ небрежнаго смотрѣнія въ Кронштадтѣ завелись *шпіоны* и на дняхъ таскались въ парти- кулярныхъ платьяхъ по квартирамъ морскихъ офицеровъ, отыскивая „Коло- коль“... Чарльзъ Непиръ не могъ взять твердыни кронштадтскія, а шува- ловцы проползли. Константинъ Николаевичъ, велите ихъ бросить въ море, пусть они подслушиваютъ рыбій ропотъ да дѣлаются свѣжепросольными.

1761. Notre premier premier ¹⁾ и пути разобщенія.

Чего-чего ни возложено на вѣрноподающую спину государственныхъ верблюдовъ нашихъ съ портфелемъ и безъ портфеля, съ ключемъ безъ сун- дука и съ сундукомъ безъ ключа. Что за избытокъ силъ, мышцъ, копытъ, что за многообразіе способностей, качествъ, догадокъ! Напр., Чевкинъ (нашъ будущій Premier), завѣдывающій всѣми путями самаго безпутнаго государства въ мірѣ, путями безъ воды (т.-е. каналами) и съ водой (т.-е. шоссе), завѣдуетъ еще, сверхъ того, путями прогулокъ въ саду, принадле- жащемъ *дому* главнаго управленія путями сообщенія. Самъ Чевкинъ раз- сматриваетъ, обсуживаетъ и взвѣшиваетъ представляемые ему смотрите- лемъ дома списки желающихъ гулять въ этомъ саду. «Нынѣшнее лѣто, когда былъ поданъ списокъ, въ которомъ между прочими знатными чинами помѣщено было одно купеческое семейство, онъ противъ всѣхъ написалъ: „разрѣшаю“, а противъ купеческаго семейства отмѣтилъ: „нелѣзя“».

Повѣрятъ ли этому въ Европѣ?

1762. Кончина Добролюбова.

Опять намъ приходится занести въ нашу хронику раннюю смерть— энергической писатель, неумолимый діалектъ и одинъ изъ замѣчательнѣй- шихъ публицистоѣ русскихъ, Добролюбовъ, похороненъ на дняхъ на Вол- ковожъ кладбищѣ, возлѣ своего великаго предшественника Бѣлинскаго. Говорятъ, что Добролюбову было только 25 лѣтъ. ¹

¹⁾ Нашъ первый премьеръ.

◆ 1. Въ 119—120 л. «Колокола» отъ 15 января 1862 г. помѣщено безъ какихъ-либо комментариевъ стихотвореніе «Памяти Добролюбова», которое надо разсматривать, какъ еще знакъ вниманія къ умершему. Приведу строфы, характеризующія критика, съ которыми «Колоколь» былъ, очевидно, солидаренъ:

Вотъ и твой смолкъ голосъ честный,
И смежился честный взглядъ,
И уложенъ въ гробъ ты тѣсный,
Отстрадавшій братъ.

Жаждой правды изнывая,
Въ темномъ царствѣ лжи и зла
Жизнь зачала молодая,—
Гнета не снесла.

Ты умолкъ, но намъ изъ гроба
Скорбный ликъ твой говоритъ:
«Что жъ молчить въ васъ, братья, злоба?
Что любовь молчить?»

«Иль въ любви у васъ лишь слезы
«Есть для вашихъ кровныхъ бѣдъ?
«Или силъ и для угрозы
Въ вашей злобѣ нѣтъ?»

«Братья, пусть любовь васъ тѣсно
«Сдвинетъ въ дружный ратный строй,
«Пусть ведетъ васъ злоба въ честный
И открытый бой!»

Какъ разъ черезъ три дня послѣ похоронъ Добролюбова на Чернышевскаго было обращено первое *документальное* вниманіе правительства. Въ архивѣ мин. вн. дѣлъ есть небольшое дѣло «о невыдачѣ заграничнаго паспорта литератору Николаю Чернышевскому», начинающееся съ небольшою «записки для памяти»: «Признается необходимымъ сдѣлать распоряженіе о невыдачѣ, безъ особаго разрѣшенія, заграничнаго паспорта литератору Николаю Чернышевскому». 23 ноября 1861 г. объ этомъ дано знать совершенно секретно печатнымъ циркуляромъ всѣмъ генераль-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ, а 29 ноября оповѣщено о сдѣланномъ распоряженіи и III Отдѣленіе (дѣло особен. канц. 1861 г. № 60).

1763. Лѣкаръ Озерскій и его сообщники.

Прибавлять къ разсказу, отъ котораго становится волосъ дыбомъ, помѣщенному въ прошломъ «Колоколѣ», нечего. Тутъ все ужасно, все вызываетъ на месть, отъ соленыхъ розогъ, отъ ударовъ ногами въ умирающаго до шайки полицейско-судебныхъ плутовъ, скрывшихъ преступленіе, оправдавшихъ злодѣя лѣкаря. Мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей (и въ особенности одного изъ нихъ—министра внутреннихъ дѣлъ Валуева) на тотъ замѣчательный фактъ, что наше правительство инстинктивно сознаетъ свою круговую поруку съ каждымъ подлымъ преступникомъ и прикрываетъ своей багрянницей каждое злодѣйство. Это чрезвычайно замѣчательно и оригинально. Понятно, что юстиціи Панина и администраціи Валуева мало дѣла до того, согласна она съ нами въ мнѣніи или нѣтъ. Но когда мы или кто бы то ни было говорить: вотъ въ Орловской губ. почтенный докторъ медицины Гутцейтъ изнасилничалъ ребенка, и весь уѣздъ это знаетъ; вотъ еще больше почтенный докторъ *полиціи* Сечинскій до смерти замучилъ несчастную жертву Маріи Бредау; вотъ штабъ-докторъ Озерскій убилъ своего повара съ жестокостью, неслыханной у дикихъ, и слѣдопроизводители: стряпчій Иваничкій, исправникъ Троицкій, писмоводитель Соломаха и лѣкаръ Петровскій скрыли это, и Озерскій не на каторгѣ, а спокойно живетъ возлѣ трупъ своего повара,—какое, казалось бы, дѣло правительству, откуда оно получаетъ вѣсть о совершенномъ преступленіи? Неужели Панинъ съ его ростомъ считаетъ, что иногда можно насиловать и дѣтей, или Валуевъ, съ его краснорѣчіемъ,—что можно забивать поваровъ до смерти?

Къ чему можно отнести эту непробиваемую шкуру носорога на совѣсти нашихъ управителей? Неужели въ нихъ нѣтъ тѣни человѣческаго сочувствія къ страждущимъ?

Рѣшайте сами этотъ вопросъ, какъ знаете, а я знаю одно, что ни наша статья, ни это замѣчаніе не помѣшаютъ лѣкарю Озерскому преспокойно обѣдать на трупѣ своего повара.

И на это-то правительство люди надѣются!

◆◆ 1. Гутцейтъ, какъ видитъ читатель, долго былъ нарицательнымъ именемъ въ разнаго рода статьяхъ и замѣткахъ Герцена. Уже поэтому слѣдовало бы ознакомиться съ нашумѣвшимъ

тогда его дѣломъ; а, если прибавить, что его крестьяне принадлежали раньше отцу Т. Н. Грановскаго, то нашъ интересъ къ нему, понятно, возрастаетъ. Привожу вкратцѣ содержаніе дѣла по архиву министерства вн. дѣлъ.

Орловскій губернаторъ 12 декабря 1857 г. донесъ министру вн. дѣлъ, что въ городской Срѣтенской церкви усмотрѣна скрывавшаяся за печью крѣпостная дѣвочка члена орловской врачебной управы кол. сов. Гутцейта, Акулина Паршикова; она бѣжала изъ господскаго дома и укрывалась въ церкви, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нею владѣльца; имѣя въ виду, что въ 1856 г. была подобная же жалоба на Гутцейта отъ другой его крѣпостной дѣвочки, вслѣдствіе чего сдѣлано было ему отъ уѣзднаго предводителя внушеніе. губернаторъ передалъ это обстоятельство на заключеніе губернскаго предводителя, который отнесся къ нему о назначеніи формальнаго слѣдствія.

Сдѣлано было распоряженіе о производствѣ такового съ участіемъ штабъ-офицера корпуса жандармовъ. 25 іюня 1858 г. губернаторъ донесъ, что по разсмотрѣніи въ собраніи предводиг лей и депутатовъ дворянства дѣла Гутцейта, оно «не нашло побудительнаго повода даже къ какому-либо замѣчанію, а тѣмъ болѣе къ учрежденію надъ имѣніемъ Гутцейта опеки», для ближайшаго же усмотрѣнія обстоятельствъ этого дѣла онъ представилъ постановленіе собранія. вслѣдствіе котораго разрѣшилъ Гутцейту воспрещенный во время производства дѣла въѣздъ въ имѣніе. Постановленіе очень характерное для массы подобныхъ дѣлъ того времени. «Дѣло это, какъ видно, возникло по поводу найденной въ Срѣтенской г. Орла церкви бѣглой дѣвочки г. Гутцейта Акулины Паршиковой, которая показала, что побѣгъ ея изъ господскаго дома и укрывательство въ церкви сдѣланы вслѣдствіе угрозъ отъ жены Гутцейта, Анны Павловны, о наказаніи ея, Паршиковой, за уклоненіе съ другою дѣвкой принести воды для ванны, и что со времени взятія ее въ господскій домъ весною 1856 г., за разные поступки и за самовольныя отлучки дѣлаемы были ей наказанія, какъ то: посаженіемъ ее раздѣтою на ледникъ, постановленіемъ на колѣни на гречиху, камни и битыя раковины; спеленавъ ее, какъ ребенка, клади на полъ, всунувъ ей въ рогъ соску, сдѣлан ую изъ ветошки, наполненную хлѣбомъ пополамъ съ солью; иногда запи, али ее на цѣлую ночь или дня на два въ каретный сарай или же въ пустую баню; по собственному же ея сознанію, всѣ эти наказанія и взысканія были дѣлаемы по приказанію или барыни Анны Павловны, или же экономки и гувернантки, но безъ вѣдома помѣщика Гутцейта, который не только никогда ее не билъ, но и отмѣнялъ

самое наказаніе. При томъ показанія ея, чтобы ставили на колѣни на гречиху, камни и раковины, запирали раздѣтую въ ледникъ, въ карстный сарай и въ нежилюю баню, никѣмъ не подтвердились; пеленали же ее и давали ей соску шутя дѣвки Марѣа меньшая и Феодосія, но не по приказанію барыни; а на очныхъ ставкахъ съ экономкою Марьею Константиновой Акулина Паршикова создалась, что барыня ее никогда не била и не сѣкла розгами своеручно, горшка отецъ ея и она никогда не покупали, и прибавила, когда она хотѣла уйти, то кучеръ Алексѣй, догоняя ее, толкнулъ, она упала и разбила колѣнку; подтвержденныя ими наказанія не составляютъ жестокости, а какъ мѣры исправительныя, соответственныя ея возрасту, и только въ послѣдній разъ, по распоряженію самого Гутцейта, Паршикова наказана при орловскомъ земскомъ судѣ за побѣгъ и укрывательство ея въ церкви. Дѣвка Марѣа Васильева Иванушкина показала, что въ 1856 г., когда она разбила блюдо, и барыня Анна Павловна, разсердясь, сказала: «вотъ я тебя велю высѣчь», то, испугавшись, чтобы ее не высѣкли, бѣжала и спряталась въ выходѣ, который находится за ихъ дворомъ; чрезъ нѣсколько времени она, вышедъ оттуда, хотѣла итти домой, но встрѣтившаяся съ ней женщина Екатерина, жившая у квартировавшаго въ домѣ нѣмца, посовѣтовала ей не ходить къ господамъ своимъ, а пошла бы лучше къ ея барину; склонясь на совѣтъ Екатерины, она, Марѣа, пришла въ квартиру къ нѣмцу, гдѣ переночевала, на другой день ходила съ челоувкомъ нѣмца Михайломъ къ губернатору, на спросъ котораго, что ей надо, отвѣчала, что ее господа высѣкли, тогда какъ ее не сѣкли, а только псгрозили; послѣ этого, по приказанію губернатора, она явилась домой, а чрезъ нѣсколько времени, по приходѣ къ господамъ, была взята въ полицію гдѣ показала тоже ложно, что, будто бы, ее господа высѣкли; но чтобы были приносимы начальству прежде или во время самага этого слѣдствія жалобы на помѣщика Гутцейта въ жестокое обращеніи его съ крѣпостными своими людьми, того по слѣдствію не открыто. Между тѣмъ, изъ произведеннаго осмотра быта крестьянъ и повальнаго объ нихъ обыска обнаруживается, что къ благоустройству своихъ крестьянъ приняты мѣры со стороны Гутцейта увеличеніемъ земли для собственной ихъ запашки и денежнымъ пособіемъ въ нужныхъ случаяхъ; отъ чего бытъ ихъ видимо улучшается, тогда какъ сторонніе люди отозвали, что крестьяне д. Погорѣльца, принадлежащіе нынѣ Гутцейту,—люди буйные, нетрезваго поведенія и до поступленія во владѣніе Гутцейта занимались воровством.—почему собраніе предводителей и депутатовъ дворянства, руководствуясь законами, изложенными въ

335. 336 ст. вст., о пред. и прес. прест. (изд. 1842 г.), не находятъ побудительнаго повода къ какому либо замѣчанію, а тѣмъ болѣе къ учрежденію опеки надъ имѣніемъ Гутцейга, ограничивающей права дворянина, ибо г. Гутцейтъ видимо оказывалъ всѣ зависящія отъ него мѣры, какъ благонамѣренный владѣлецъ, къ улучшенію быта его крестьянъ, къ удержанію ихъ отъ своеволія и дурной нравственности, къ спокойствію всему и сосѣдственныхъ жителей».

Въ іюль министерство вн. дѣлъ предложило губернатору поручить уѣздному предводителю дворянства имѣть, подъ личною его отвѣтственностію, ближайшее наблюденіе за образомъ управленія и обращенія съ крѣпостными людьми Гутцейта и его жены.

20 марта 1859 года министръ доложилъ государю, что, на основаніи полученныхъ свѣдѣній о развратной жизни Гутцейта, заведеніи имъ въ имѣніи серала, растлѣніи имъ двѣнадцатилѣтней дѣвочки и ссылки въ Сибирь другой, сопротивлявшейся безнравственному его преслѣдованію, предписано начальнику губерніи представить донесеніе о томъ, доходили ли до него означенныя свѣдѣнія и какое со стороны его сдѣлано распоряженіе.

11 апрѣля губернаторъ донесъ министру, что Паршикова ни до извѣстнаго уже слѣдствія, ни во время производства его не жаловалась, чтобъ владѣлецъ употреблялъ надъ нею насильственныя дѣйствія для удовлетворенія преступныхъ своихъ требованій и чтобъ ее за сопротивленіе сѣкли. никто изъ людей, подвергнутыхъ допросу, объ этомъ ни слова не упоминалъ; Паршикова вовсе не была ссылаема въ Сибирь, а содержится въ орловскомъ тюремномъ замкѣ по обвиненію въ покражѣ изъ церкви церковныхъ денегъ и небольшого образка, о чемъ дѣло производится въ уѣздномъ судѣ; о другой дѣвочкѣ 12 лѣтъ, будто бы растлѣнной Гутцейтомъ, никакого дѣла не возникало и слѣдствія не производилось; «до меня также не доходило ни жалобъ, ни даже слуховъ о подобныхъ дѣйствіяхъ Гутцейта, а равно о томъ, чтобъ онъ содержалъ у себя сераль». Орловскій исправникъ секретно развѣдалъ объ этомъ въ самомъ имѣніи, но ничего въ подтвржденіе не открылось.

«Вообще, трудно опредѣлить, на чемъ основанъ подобный ложный доносъ на Гутцейта, и встаетъ сожалѣть, что не извѣстно имени доносчика для того, чтобъ можно было потребовать отъ него доказательствъ хотя приблизительной вѣрности сообщенныхъ имъ свѣдѣній и, въ случаѣ неисполненія имъ сего, подвергнуть его законному взысканію какъ за ложный доносъ, такъ и за стремленіе выставить дѣйствія губернскаго начальства въ такомъ видѣ, что оно, будто бы, укрываетъ пресупленія».

На томъ дѣло и кончилось (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1857 г. № 1228).

1764. „Квартетъ“ Крылова.

Иностранная газеты до того рукоплещуть тому, что лица, сѣзжающія теперь въ комитетъ министровъ, будутъ сѣзжаться въ Совѣтъ, что ультра-католическій журналъ въ Парижѣ получилъ нахлобучку. «Le Nord» находитъ, что это—начало конституціи; «Times»—что это конецъ абсолютизма ¹⁾. Кто-то дипломатически сострилъ, говоря: «До сихъ поръ въ Россіи были министры, теперь есть министерство». Вѣчные скептики, мы и этому Совѣту не вѣримъ. Въ чемъ же будетъ состоять единство этихъ господъ, взятыхъ больше, чѣмъ случаемъ,—произволомъ, и притомъ не вновь назначенныхъ, а прежнихъ? Что общаго между отсталымъ, не знающимъ ни вѣка, ни жизни бюрократомъ и доктринеромъ, прямолинейнымъ Панинымъ и криволинейнымъ Чевкинымъ? между ветхимъ преступленіями Муравьевымъ и молодымъ силами Милютинымъ? Развѣ то, что они всё не имѣютъ ничего общаго, кромѣ того, что не знаютъ морского министра Краббе.

Нѣтъ, господа, какъ ни садитесь,
Вы въ музыканты не годитесь.

1765. Письмо къ сыну.

21 декаб. (1861).
Orsett House, Westb. terrace.

Любезный Саша, твое письмо, само собою разумѣется, меня и тронуло, и обрадовало. Вспомни нашъ послѣдній разговоръ передъ твоимъ отъѣздомъ. Самое важное это, что ты теперь самъ принимаешь вопросъ,—и тогда бѣды нѣтъ, что ты *въ этой сторонѣ* отсталъ: ты молодъ, времени на работу много. Можетъ, всего важнѣе то, что ты это чувствуешь,—это смиреніе искреннее и ведущее въ даль. И какъ отецъ, и какъ другъ, я желаю, чтобъ ты этимъ путемъ шелъ, чтобъ я могъ всегда и твердо опереться на тебя и тебѣ завѣщать наше дѣло.

На твой вопросъ о праздникѣ мнѣ отвѣчать трудно, не зная, что будетъ. Одно я тебѣ совѣтую: веди себя *какъ можно скромнѣе*. Скажи, что ты одного ищешь и хочешь—сдѣлаться

¹⁾ 12 ноября послѣдовало высоч. повелѣніе объ учрежденіи Совѣта министровъ и порядкѣ движенія дѣлъ въ ономъ и о порученіи комитету министровъ, всѣмъ министрамъ и новымъ управляющимъ составить подробныя соображенія о сокращеніи дѣлопроизводства.

русскимъ и участвовать въ предстоящемъ великомъ дѣлѣ; благодарю за меня, за Огарева,—вотъ и все.

Объ объявленіяхъ они всѣ говорятъ вздоръ ¹⁾. Во-первыхъ, объявл. не будутъ въ «Колоколѣ», а при «Кол.»; во-вторыхъ, это удвоить его циркуляцію. Наконецъ, скажи имъ въ утѣшеніе, что мы денегъ не беремъ себѣ, а отдали совершенно въ расторяженіе Тхор. и Чернецк., а и имъ помочь, если можно, ужъ—дѣло. Ни одного нѣтъ журнала во всей Европѣ безъ объявленій. А прогос къ деньгамъ, до меня доходили слухи, что въ Гейдел. говорили о томъ, что я страшно богатъ, и о томъ, что трачу чортъ знаетъ какъ. Изъ этого дѣлали въ родѣ упрека, что я не больше дѣлаю для общаго дѣла. Ты знаешь всѣ мои дѣла и можешь говорить. Надобно же какое-нибудь раздѣленіе труда,—я вытяну свою лямку, но одинъ за всѣхъ не могу. Знаешь ли, что Бакунину до сихъ поръ только Ботк. прислалъ 23 фунт.

Скажи нашимъ гейдельбергскимъ друзьямъ, что я прошу обратить вниманіе на мою статью въ «Колок.» на 1 янв. 1862.—Я еще разъ рѣшился протвердить зады и сказать до тла мнѣніе объ Европѣ. Заглавіе «Mortuos plango». ¹

Письмо У. ²⁾ я прочиталъ. Тутъ я всего менѣ способенъ со-вѣтовать. Мнѣ кажется, тебѣ ѣхать въ Тринидадъ не слѣдуетъ, но ты обѣщаль. Неужели они не примутъ въ расчетъ перемѣну занятій и обстоятельствъ? Впрочемъ, это—еще не отвѣтъ на твое письмо. Совѣтуйся съ старушкой ³⁾. Мнѣ и теперь кажется, что ранній бракъ для тебя—большое несчастіе, да сверхъ того, хотя бы я видѣлъ со стороны Э. сильную любовь. Впрочемъ, это можно только судить по письмамъ.

У насъ все тихо. Только у Ольги голова болитъ почти всякій день, а у Тати—нѣтъ. Маленькія дѣти процвѣтають. ² Огар. печатаетъ брошюру.

Прощай. Пріѣзжай скорѣе, если ты ѣдешь въ Тринидадъ, если же не поѣдешь (что я отъ души желалъ бы), располагай временемъ, какъ хочешь.

Обнимаю тебя дружески.

¹⁾ Въ № 116 «Колокола» было напечатано: «Объявленіе. Съ начала будущаго года мч прибавляемъ къ «Колоколу» листокъ объявленій. Приглашаемъ всѣхъ желающихъ воспользоваться имъ адресоваться въ контору объявленій, S. Tchorzewski, 1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho, W., и въ Вольную русскую типографію, 136 and 138, Caledonian Road, London, N.»

²⁾ Урихи.

³⁾ Фигтъ.

Огаревъ (который уже всталъ, потому что—12 часовъ) и Natalie кланяются.

Здѣсь все покрыто чернымъ, и все въ траурѣ. ³

◆◆ 1. Д. Анучинъ свидѣтельствуетъ, какъ молодое русское ученое общество Гейдельберга, довольно значительное въ 1861 году, очень сочувственно относилось къ Герцену.

«Помню, — говоритъ онъ, — въ это время посѣтили Гейдельбергъ двѣ дочери Герцена, тогда еще подростки, ѣхавшія, кажется, куда то на югъ, съ ихъ гувернеромъ В. О. Ковалевскимъ, впоследствии извѣстнымъ палеонтологомъ, бывшимъ нѣкоторое время профессоромъ московскаго университета и окончившимъ въ 1883 году жизнь самоубійствомъ. Тогда онъ интересовался еще юридическими науками и жилъ въ Лондонѣ, гдѣ близко познакомился съ семействомъ Герцена и давалъ уроки его дѣтямъ. Дочери знаменитаго человѣка вызывали къ себѣ общій интересъ и вниманіе... Къ осени въ Гейдельбергъ ожидался самъ Герценъ, и по этому поводу шли разговоры о необходимости оказать ему достойную встрѣчу и устроить подписной обѣдъ. Изъ Гейдельберга потомъ мнѣ писали, что тамъ состоялся задуманный ранѣе банкетъ, который, впрочемъ, омрачился однимъ непріятнымъ эпизодомъ. Устройствомъ банкета завѣдывалъ комитетъ, который нашелъ почему-то нужнымъ пригласить не всѣхъ представителей русской интеллигенціи въ этомъ городѣ и обошелъ между прочимъ г. О., химика, поляка, который, впрочемъ, вращался преимущественно въ русской средѣ. Это такъ подѣйствовало на О., что онъ отравился, не будучи въ силахъ перенести наложенную на него печать отверженія...» («Рус Вѣд» 1912, № 73).

Здѣсь не все точно. Дочери Герцена, Наталія и Ольга, въ сопровожденіи брата, переѣзжали изъ Дрездена въ Лондонъ и оставались въ Гейдельбергѣ только на ночь. Ковалевскій не сопровождалъ ихъ и не состоялъ воспитателемъ, а короткое время давалъ уроки Ольгѣ. Съ Герценомъ онъ былъ близокъ, живя въ Лондонѣ. Обѣдъ давался не самому Герцену, а его сыну при слѣдующемъ его посѣщеніи Гейдельберга. Курьезно, что и Н. И. Пироговъ помнитъ, какъ «самъ Герценъ пріѣзжалъ нарочно въ Гейдельбергъ, гдѣ ему наши давали обѣдъ» («О минувшемъ», 24).

25 января 1862 г. Тургеневъ писалъ Герцену: «Дошли до меня слухи объ оваціяхъ, дѣлаемыхъ твоему сыну русской молодежью въ Гейдельбергѣ и въ Карлсруэ. Я порадовался за тебя, за твоего сына, а главное — за русскую молодежь. C'est un signe de temps» (Это—знаменіе времени). («Письма», 143).

2. 23 ноября 1861 г. въ Лондонѣ у Огаревой родились отъ Герцена двое дѣтей: Алексѣй и Елена, названныя такъ въ честь ея отца и сестры; домашніе называли ихъ «Lola-boy» и «Lola-girl». Официально отцомъ ихъ былъ записанъ Огаревъ, «издатель русской газеты «Колоколь»; зарегистрированы дѣти 2 января 1862 г. («Русскіе Пропилеи», IV, 272).

3. Привожу выдержку изъ отчета шефа жандармовъ за 1861 годъ, представленнаго государю въ началѣ 1862 г. Читатель документально ознакомленъ съ обстоятельствами всей жизни Герцена, его друзей и сотрудниковъ за годъ и потому самъ можетъ увидѣть, насколько, все-таки, плохи были свѣдѣнія III Отдѣленія, читавшагося въ отношеніи Лондона преимущественно секретными донесеніями священника посольской церкви Е. И. Попова.

Гсворя о польскомъ революціонномъ механизмѣ и раздѣливъ его на двѣ партіи: дѣйствія и аристократическую, шефъ жандармовъ замѣтилъ: «демократическая, сближаясь съ Герценомъ, рассчитываетъ на выгодный для Польши оборотъ отъ возбужденія революціи въ нашемъ отечествѣ».

«Герценъ и Огаревъ, продолжая жить въ Лондонѣ въ тѣсной между собой связи, сдѣлались еще большими противу прежняго демагогами, заглушивъ въ себѣ совершенно уваженіе, которое въ прошлые годы они въ извѣстной степени оказывали къ личному направленію В. И. В. по дѣламъ государства. Въ церковь Герценъ и Огаревъ никогда не ходятъ, и родившійся у послѣдняго, въ минувшемъ году, сынъ, по примѣру прочихъ его дѣтей, не крещенъ. Для увеличенія своей популярности въ Россіи, они приглашаютъ къ себѣ по воскресеньямъ на обѣдъ всѣхъ русскихъ, которые ихъ навѣщаютъ. Герценъ былъ въ юнѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ. Такъ какъ онъ былъ высланъ оттуда въ 1850 г. съ воспрещеніемъ возврата, по настоянію россійскаго посольства, то французское министерство уведомило гр. Киселева, что разрѣшеніе пріѣзда въ Парижъ дано Герцену, по его просьбѣ, на короткое время для устройства его частныхъ дѣлъ. Ему сдѣлана была въ Парижѣ овація со стороны польскихъ выходцевъ, соединившихся для сего въ числѣ до 500 чел. Герцена видѣли прошедшимъ лѣтомъ и въ Дрезденѣ, гдѣ живетъ его дочь. Въ декабрѣ же мѣсяцѣ 20-лѣтній сынъ Герцена пріѣзжалъ въ Гейдельбергъ. По сему случаю проживающіе тамъ въ значительномъ числѣ русскіе давали обѣдъ, пригласивъ на оный и поляковъ, и тутъ провозглашены были тосты въ честь Александра Герцена съ отдачею ему похвалы за старанія его о соединеніи національностей русской и польской.

«Юрій Голицынъ, который въ началѣ его пребыванія въ Англии прославился тамъ своими концертами, впалъ потомъ въ долги

и въ минувшемъ году дважды посаженъ былъ въ долговую тюрьму. Герценъ ему не оказывалъ никакого пособія, не будучи вообще склоненъ къ благотворительности и не имѣя лишнихъ денегъ, ибо доходъ отъ «Колокола», какъ говорятъ, покрываетъ только расходы изданія. Въ августѣ мѣсяцѣ Голицынъ, по освобожденіи изъ тюрьмы, объяснялъ свящ. російскаго посольства въ Лондонѣ Попову о несчастномъ своемъ положеніи и о желаніи его возвратиться въ Россію, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ обратилъ я по сему предмету къ В. В. съ прошеніемъ, на которое и послѣдовало высоч. разрѣшеніе на его возвратъ. До сего времени онъ еще остается за границею.

«Олимпій, бывшій дьяконъ при російскомъ посольствѣ въ Авинахъ, продолжаетъ заниматься у Герцена. Въ ночь на свѣтлое Христово воскресенье онъ въ первый разъ вошелъ въ посольскую церковь въ Лондонѣ.

«Кельсіевъ, который перевелъ въ Лондонѣ подъ именемъ Вадима пять книгъ ветхаго завета, уѣхалъ въ Шотландію въ качествѣ секретаря извѣстнаго русскаго выходца Джунковскаго, сдѣлавшагося іезуитомъ и находящагося нынѣ настоятелемъ одной изъ древнихъ католическихъ церквей на шотландскихъ островахъ. О Кельсіевѣ свящ. Поповъ узналъ, что онъ учился нѣсколько медицинъ и въ 1860 г. отправлялся въ Ситху, но въ Лондонѣ перемѣнилъ свое намѣреніе, оставшись при Герценѣ.

«Михайловскій, занимавшійся короткое время у Герцена, опредѣлился въ минувшемъ году на великобританскій флотъ. О происхожденіи его и прежней жизни свѣдѣній не имѣется, но изъ собственныхъ словъ его при разговорѣ съ свящ. Поповымъ сей послѣдній могъ заключить, что онъ находился въ морской службѣ.

«Головинъ, уклонявшійся отъ воспользованія дарованнымъ ему въ 1859 г. дозволеніемъ возвратиться въ Россію, безъ всякихъ ограниченій, и высланный въ 1860 г. изъ Берлина за неприличные поступки и ослушаніе полиціи, находился въ минувшемъ году въ Мюнхенѣ, вступилъ тамъ въ бракъ съ дѣвицею Гессе и вскорѣ послѣ того уѣхалъ въ Ниццу.

«Бакунинъ, который въ 1857 г. отправленъ былъ изъ Шлиссельбургской крѣпости на житье въ Сибирь, а въ 1860 получилъ право вступить въ Иркутскѣ въ службу канцелярскимъ чиномъ 4 разряда, въ минувшемъ году бѣжалъ изъ Сибири въ Японію, откуда, отправясь моремъ въ С.-Франциско и перебравшись чрезъ Панамскій перешеекъ, приплылъ въ Нью-Йоркъ, а въ концѣ декабря прибылъ чрезъ Ливерпуль въ Лондонъ, гдѣ встрѣченъ былъ Герценомъ.

«Петръ Долгоруковъ провель часть минувшаго года внутри Франціи на водахъ, а другую въ Парижѣ. Онъ продолжалъ издавать революціонную газету «Будущность», которая печатается въ Лейпцигѣ. Ему нанесенъ сильный нравственный ударъ рѣшеніемъ въ парижскомъ судѣ противъ него процесса его съ кн. Воронцовымъ» (архивъ П. Я. Дашкова).

1861 годъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ въ публицистической дѣятельности Герцена, въ его вліяніи. Это былъ апогей, вслѣдъ за которымъ реакція 1862 г. дала свои уже совершенно противоположные результаты. Общественная жизнь и начинавшаяся революціонная работа были придавлены; нѣсколько политическихъ процессовъ вкрываютъ ихъ съ разныхъ сторонъ, всѣ, однако, указывая на роль и вліяніе Герцена, а нѣкоторые—и социалистической мысли. Именно въ этомъ томѣ, мнѣ кажется, важно дать описаніе процессовъ, до сихъ поръ совсѣмъ или почти неизвѣстныхъ, и тѣмъ ближе ввести читателя въ специфическую обстановку 1860-хъ годовъ, не зная которой нельзя сознательно подходить и къ Герцену.

1. *Дѣло Васильева, Волкова и др., обвиняемыхъ въ составленіи и распространеніи прокламаціи «Гражданин!» и пр.*¹⁾

31 августа 1862 г. петербургскій оберъ-полицмейстеръ увѣдомилъ особую слѣдственную комиссію кн. А. Ѳ. Голицына, что нѣкто, подписавшійся «Николай Варманъ», письмомъ по городской почтѣ отъ 22 августа довелъ до его свѣдѣнія о преступныхъ намѣреніяхъ почетнаго гражданина Николая Васильева, живущаго на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ 1-го кадетскаго корпуса, въ квартирѣ отца его, помощника начальника 4-го отдѣленія штаба военно-учебныхъ заведеній, кол. секр. Василія Васильева, и что у него имѣются разнаго рода непозволительныя сочиненія. Вслѣдствіе сего, сдѣлано было распоряженіе объ опечатаніи бумагъ Васильева, при разсмотрѣніи которыхъ свѣдѣнія, сообщенныя Варманомъ, вполне подтвердились. Въ числѣ бумагъ, писанныхъ большею частью самимъ Васильевымъ, кромѣ непозволительныхъ сочиненій, оказались такія, когорыя особенно отличаются чрезвычайно дерзкими выраженіями объ августѣйшей особѣ государя императора и противъ религіи, а также высказываемымъ желаніемъ истребленія царствующаго дома и особенно—лишенія жизни его величества и требованія конституціи. Изъ нихъ же видно, что Васильевъ имѣетъ сообщеніе съ нѣсколькими товарищами въ особыхъ для сего собраніяхъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ упоминаются: Л. Губинъ, П. Гу-

¹⁾ По этому процессу правительство опубликовало только весьма краткое мнѣніе государственнаго совѣта.

бинъ, М. Губинъ, Г. Черкасовъ, Вороновъ, Емельяновъ, Волковъ, Никольскій и другіе.

Кромѣ сего, у Васильева найденъ еще листокъ, съ написанными на немъ двумя строками изъ того воззванія «Къ гражданамъ», которое передано было въ комиссію 25 мая. При сличеніи этихъ строкъ съ оставшимся у оберъ-полиц. другимъ экземпляромъ воззванія, замѣчается сходство почерковъ, изъ чего заключить можно, что оно было сочинено, если не самимъ Васильевымъ, то съ его участіемъ и такимъ лицомъ, которое ему непремѣнно должно быть извѣстно. Наконецъ, въ тетрадкѣ (алф.витѣ) Васильева упоминаются и другія воззванія, какъ напримѣръ: «Великоруссъ» и «Чего мы хотимъ». Вслѣдствіе сего Васильевъ арестованъ и отправленъ въ Петропавловскую крѣпость.

Варманъ—сынъ часового мастера и находится на дачѣ въ деревнѣ Коломягѣ.

Письмо Вармана: «Ваше Превосходительство! Слѣдя за нынѣшнимъ положеніемъ политическихъ дѣлъ, ко всему прискорбію, находишь очень много неутѣшительнаго между нынѣшнею молодежью, всѣ они толкуютъ и дѣлаютъ, сами не зная что. Вотъ Вамъ примѣръ, который выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ: нѣкто Никол ай Васильевъ до того дошелъ, что говоритъ публично, насколько не стѣсняясь о томъ, что нѣтъ Бога и что должно убить Царя, а съ нимъ весь Царствующій Домъ. Это такъ протинно, что я рѣшился донести Вашему Превосходительству слѣдующее: Николай Васильевъ, между прочимъ, находился въ Кронштадтской крѣпости, вмѣстѣ со студентами. Постоянно всѣмъ говоритъ, что для блага Россіи и народа русскаго непремѣнно надо перебить весь Царствующій Домъ; имѣетъ непозволительные и запрещенные закономъ стихи, нѣсколько запрещенныхъ сочиненій, между ними замѣчательныя Фейербаха о несуществованіи Бога, Бюхнера о томъ же, подъ заглавіемъ Сила и Матерія, рукописныя Великоруссы, нѣсколько рукописныхъ прокламацій; все это онъ распространяетъ между людьми, которые не были до сихъ поръ посвящены въ тайны политическихъ событій и не думали о нихъ, сбиваетъ ихъ съ пути и хочетъ устроить общество, въ которое будутъ приниматься всѣ безъ разбора, и онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе успѣваетъ въ этомъ. Говоритъ, что 8-го сентября что-то будетъ такое, что всякому честному человѣку должно имѣть оружіе и по первому зову или крику бить Царскій Домъ. Много говоритъ съ солдатами, вселяетъ имъ мысли о невѣрности къ Царю, обѣ имѣнѣ присягѣ, обѣщаетъ имъ за это много льготъ и т. д. Толкуетъ крестьянамъ и мужикамъ, что Царь ихъ обманулъ, что не далъ воли такой, какой обѣщаль, что они д. лжны

требовать гораздо больше, нежели имѣютъ, чтобы они не служили теперь помѣщикамъ и т. п. Хотя у насъ и есть пословица, что въ семьѣ не безъ урода. но этакій уродъ одинъ распложаетъ ихъ много. Еще имѣю честь доложить Вашему Превосходительству, что по утрамъ его застать нельзя, а постоянно съ 10 ти часовъ вечера онъ дома, исключая 26-е августа, его не будетъ всю ночь. Остаюсь покорнѣйшій слуга Вашего Превосходительства *Николай Варманъ*.

Воззваніе, взятое у Васильева:

«Граждане!

Много и долго мы спали, а насъ въ это время давили, били, тѣснили... пора проснуться и доказать и царю и всѣмъ его сподвижникамъ и аристократамъ, что мы молчали до сихъ поръ только потому, что хотѣли приискать больше причинъ, по которымъ бы можно обвинить ихъ, и за которыя бы онъ, т.-е. царь, далъ отвѣтъ народу. Причинъ очень много, и конецъ ихъ блаженству. Долой царя! На висѣлицу его! Мы и безъ него управимся гораздо лучше. Приготовляйте оружіе! Скоро наступитъ блаженная минута, когда не правительство, а мы выйдемъ побѣдителями.

Пора! Пора!»

Приложенный актъ: «1862 года августа 27 дня. Нижеподписавшіяся должностныя лица, вслѣдствіе распоряженія Его Превосходительства Господина С - Петербургскаго Оберъ-Полицмейстера, при бытности почетнаго гражданина Николая Васильева Васильева, вскрыли пакетъ, въ коемъ были опечатаны отобранныя у него, Васильева, 25 сего августа бумаги, по разсмотрѣніи коихъ нѣкоторыя, какъ оказавшіяся запрещеннаго содержанія, а именно: 1) стихи *«Скажите мнѣ»* и подражаніе Беранже: *«А онъ-то все хохочетъ, да ну ихъ, говорятъ»*, которые онъ, Васильевъ, списалъ подъ диктовку себѣ на память отъ Піотровскаго, съ коимъ содержался вмѣстѣ въ Кронштадтской крѣпости за студентскую исторію; 2) *Фамиліи* тѣхъ, кои, будто бы, были взяты въ 1825 г. въ какомъ-то городкѣ, тоже по словамъ Піотровскаго; 3) *Стихи польскіе*, писанные русскимъ шрифтомъ, рукою Воронова; но содержаніе оныхъ ему неизвѣстно, по незнанію имъ, Васильевымъ, польскаго языка; 4) *Начало адреса* къ Его Свѣтлости; 5) *Алфавитъ*, по коему Піотровскій обѣщалъ дать ему, Васильеву, эти статьи для прочтенія, но такъ какъ онъ, Васильевъ, по выпускѣ изъ крѣпости уже не видался болѣе съ Піотровскимъ, то это и осталось такъ безъ исполненія; 6) *Сила и Матерія*—соч. Бюхнера, писанное рукою Воронова; 7) *Сказка*, писанная кѣмъ-то, не помнитъ, въ Кронштадтской крѣпости; 8) *„Что такое нашъ царь?“*»

писанное со словъ кого-то изъ сидѣвшихъ съ нимъ въ крѣпости: 9) *Объясненіе* Васильева по дѣлу Губина; 10) *Алфавитъ*; все это обозначенное прошнуровано и припечатано печатями полицейскою и именною Васильева; остальные же бумаги, какъ не содержащія въ себѣ ничего противозаконнаго, также опечатаны и прошнурованы отдѣльно, равно и университетскія записки припечатаны печатями. Прочемъ Васильевъ присовокупилъ: что все взятое у него при обыскѣ онъ хранилъ у себя безъ всякаго особаго намѣренія, а такъ изъ одного любопытства, и никому никогда ничего подобнаго не показывалъ и не читалъ, да и къ тому же никакихъ знакомствъ съ кѣмъ-либо особыхъ не имѣлъ. О чемъ и составленъ сей актъ (идеть подписи).

6 октября комисиія приступила къ допросамъ.

Николай Ивановичъ Варманъ, 21 года, лютеранскаго вѣроисповѣданія, показалъ, что готовъ тся въ Медицинскую Академію. «Отецъ мой и мать—финляндскіе подданные, при жизни своей отецъ занимался торговлею въ Гостиномъ дворѣ, гдѣ имѣлъ двѣ лавки, кромѣ того у него былъ магазинъ на Васильевскомъ острову. Предметомъ его торговли были: вещи серебряныя, золотыя и ордена, которые онъ представлялъ въ Капитулъ. Часовымъ же мастерствомъ отецъ мой никогда не занимался. Еще передъ смертію за нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался несостоятельнымъ и прекратилъ торговлю. Письмо, предъявленное мнѣ въ Комиссію, къ Оберъ-Полицмейстеру, я не писалъ и почеркъ его мнѣ не знакомъ. Николая Васильева, сына чиновника, служащаго въ штабѣ Его Императорскаго Высочества Главнаго Начальника Военно-учебныхъ заведеній, я знаю и никакихъ его преступныхъ дѣлъ ствѣй не знаю. Я его зналъ еще до поступленія его въ Ларинскую гимназію. Впослѣдствіи, когда онъ поступилъ въ гимназію, я былъ у него одинъ только разъ. Но вотъ уже около четырехъ или менѣе лѣтъ, какъ я у него не былъ, хотя встрѣчалъ его много разъ, по перной линіи гуляющимъ. Особенныхъ дружественныхъ отношеній я не имѣлъ съ нимъ и, встрѣчаясь, разговаривалъ объ общихъ дѣлахъ знакомыхъ, однимъ словомъ, вели разговоръ обыкновенный».

Николай Васильевичъ Васильевъ, 18 лѣтъ, показалъ:

«Воспитаніе мое началось въ Ларинской гимназіи, откуда и вышелъ изъ 2-го класса съ тѣмъ, чтобы поступить на казенный счетъ въ 3-ю гимназію, но заблагоразсудилъ лучше воспитываться дома для поступленія въ университетъ, что и хотѣлъ свершить въ нынѣшнемъ году, и остановленъ былъ арестомъ; проживалъ все время у отца, занимался своимъ воспитаніемъ, содержался сред-

ствами отца. Подъ слѣдствіемъ находился въ прошломъ 1861 году, содержался съ 12-го октября по 17-е въ Петропавловской крѣпости, откуда 17-го былъ переведенъ съ прочими студентами въ Кронштадтъ, гдѣ и пробыли до 6-го декабря того же года; дѣло производилось комиссіей, составленной изъ начальства Слѣб. университета. Дѣло кончилось тѣмъ, что насъ отдали на поруки, и что мы лишаемся права поступленія на службу, и въ случаѣ какой-либо исторіи мы должны быть сосланы на жительство въ другія губерніи.

«Познакомился я съ Варманомъ въ Ларинской гимназіи; въ то время онъ у меня бывалъ нѣсколько разъ и я у него, но какъ я вышелъ изъ гимназіи, наши посѣщенія кончились и мы поддерживали его только въ саду 1 го корпуса, куда и онъ и я ходилъ, въ отношеніяхъ были не болѣе, какъ старые товарищи. Онъ вышелъ изъ гимназіи изъ 6-го класса и носилъ нѣсколько времени форму офицера, т.-е. ходилъ съ кокардой и саблей, въ мундирѣ была какая то смѣсь гимназическаго съ уланскимъ; потомъ онъ ходилъ въ штатскомъ, потомъ одѣлъ форму Медицинской академіи; ходятъ слухи, что онъ тамъ вольнослушающимъ, а кто говоритъ, что снѣ и не принадлежитъ вовсе туда; передъ арестомъ я его видѣлъ въ штатскомъ. Жительство имѣетъ на В. О. между набережной и Большимъ проспектомъ по 1-й линіи, въ домѣ Шуберта.

«Сочиненіе Бюхнера «Сила и матерія» я приобрѣлъ у студента Николая Воронова, для прочтенія, потому что о немъ очень много говорили, и я захотѣлъ его прочитать самъ. Этотъ случай мнѣ доставилъ Вороновъ, и я приобрѣлъ незадолго до ареста, не успѣлъ даже прочитать всего, потому что намѣренъ былъ сдѣлать нѣкоторыя выписки, и уже началъ списывать первоначально, именно гдѣ онъ приводитъ нѣкоторыя слова другихъ сочинителей. Выписки же дѣланы для памяти, потому что въ этомъ сочиненіи есть числа, и слѣдовательно читавши разъ трудно помнить. О соч. Бюхнера «Сила и матерія» я слышалъ въ Кронштадтѣ, гдѣ говорили объ немъ очень много; но кто именно говорилъ я не помню, потому что говорили очень многие.

«Стихотвореніе «Скажите мнѣ, зачѣмъ такъ часто» и т. д. это самое говорилъ Піотровскій прозой; вслѣдствіе слышаннаго я хотѣлъ перевернуть въ стихи, но какъ это никогда не удавалось, то эти листочки и бросались въ ящикъ въ Кронштадтѣ, а оттуда перешли и въ С.-П.-бургъ; къ этому же разряду принадлежитъ и стихотвореніе «Царь есть Богъ земной» и т. д. Стихотвореніе «А онъ-то все хохочетъ» было списано со словъ Піотровскаго; La Marseillaise имѣлась потому, что она была тамъ пѣта очень часто хоромъ. «Сказка» мнѣ досталась отъ кого не помню, но долженъ

сказать, что она была у меня вся, но при перевозкѣ конецъ ея потерялся.

«Стихи, писанные русскимъ шрифтомъ польскаго сочиненія, принадлежать Воронову, и я взялъ у него съ тѣмъ, чтобы переложить ихъ на фортепiano, потому что мнѣ нравился его мотивъ и я очень хорошо запомнилъ его, потому что какъ въ Петропавловской крѣпости, такъ и въ Кронштадтѣ часто пѣлась хоромъ. Стихотвореніе «А онъ-то все хохочетъ» было списано мною со словъ Піотровскаго потому, что всѣ въ это время списывали стихи, какіе попадались подъ руку, нѣсколько вольнаго содержанія; опредѣленной же цѣли не было».

На вопросъ: «Съ какою цѣлью написано вами начало письма, какъ полагать должно, на имя С-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, въ которомъ объясняется о томъ, будто бы публика подозрѣвала студентовъ въ поджогахъ во время бывшихъ лѣтомъ сего года въ столицѣ пожаровъ? Окончено ли вами это письмо, и если окончено, то было ли отправлено и кому именно?» Васильевъ отвѣтилъ: «Письмо, писанное г-ну военному генералъ-губернатору, предназначалось послать ему въ видѣ адреса или просительнаго письма; цѣль письма была просить о защитѣ Его Свѣтлости отъ несправедливыхъ нападокъ и подозрѣній, и мало того, отъ побоевъ, которые становились не рѣдки. Письмо было кончено, но осталось только предположеніемъ, потому что сопряжено было съ многими хлопотами, именно: надо было искать подписчиковъ, а отъ 10 или 12 человѣкъ посылать не стоитъ; а такъ какъ у насъ очень малый кругъ знакомыхъ, то планъ этотъ и не осуществился. Подъ словомъ у насъ, я подразумѣваю тѣхъ, которые были ко мнѣ вхожи и къ которымъ я ходилъ, т.-е. студенты, кругъ моихъ знакомыхъ. Подозрѣнія и побои, о которыхъ я говорю выше, происходили вслѣдствіе несправедливо разнесшихся въ публикѣ и, вообще, въ народѣ (слуховъ), что будто бы студенты есть виновники этихъ пожаровъ, т.-е. поджигатели».

«Вопросъ. Разъясните смыслъ замѣтокъ, написанныхъ на предъявляемомъ вамъ листкѣ, въ которыхъ упоминаются фамиліи: Эссена, Топтинова, Старкова, Колесникова, Дружинина, Шестакова, Ветошникова, Завалишина, Двенкова. Кто эти лица; что означаютъ написанныя послѣ фамиліи Эссена, а также рядомъ съ поименованными другими фамиліями цифры; равно, для чего вы замѣтили на томъ же листкѣ о составѣ какой-то военно-судной комиссіи и какой именно, и написали послѣ сего: «Колесовать + лишить живота и [въ вѣчные солдаты?»

«*Отв.* На этомъ листкѣ выставлены фамилии, которыя показаны въ вопросныхъ пунктахъ, есть лица, которыя были замѣшаны въ дѣло юнкеромъ, который былъ сосланъ въ одинъ изъ гарнизонныхъ полковъ, въ 1825 году, за различные доносы на своихъ начальниковъ. По прибытіи въ этотъ гарнизонъ, онъ началъ говорить офицерамъ, что онъ принадлежалъ къ партіи Рылѣна и др. и что мало по малу сговаривалъ продолжать труды, начатыя Рылѣвымъ; когда онъ успѣлъ сговорить офицеровъ и юнкеровъ, даже и нѣкоторыхъ солдатъ, онъ на всѣхъ ихъ—донесъ, и этотъ листокъ означаетъ ихъ козни, рѣшеніе суда, конфирмація и т. п.

«Цифры же, означенныя при фамиліяхъ, были поставлены послѣ, потому что фамилии стоятъ не по порядку, и эти цифры означаютъ кого поставить прежде, кого послѣ, знаки означаютъ то же. Исторію эту я слышалъ отъ Піотровскаго въ Кронштадтѣ.

«*Вопросъ.* Съ какою цѣлью вы записали на листкѣ и въ тетради противуправительственныя сочиненія; читали ли вы всѣ исчисленныя въ оныхъ сочиненія; и если читали, то отъ кого получали оныя; равнымъ образомъ, что означаютъ помѣщенныя на листкѣ замѣтки: «№ 12 Яковлевъ I, № 13 Яковлевъ II, № 14 Яковлевъ III, № 15 Яковлевъ IV (въ разныхъ мѣстахъ). 20 «я часть предъ умывальникомъ». 28 «Якову Ростовцеву»?»

«*О.* Листокъ, на которомъ написаны разные сочиненія запрещенныя, есть означенныя сочиненія, которыя онъ (т.-ѣ. Піотровскій) общался мнѣ дать, если я приду къ нему на квартиру въ городѣ, при этомъ далъ адресъ, но который затерялся, а на память я не помню; я не пошелъ отчасти поэтому, а отчасти и потому, что я сталъ посѣщать публичныя лекціи, и потому некогда было, а тамъ онъ вскорѣ застрѣлился.

«Тетрадь, въ которой поименовано много сочиненій запрещенныхъ, есть книга, въ которую я записывалъ все, что читалъ, что видѣлъ, о чемъ слышалъ и т. д. Листокъ, на которомъ написаны были означенныя сочиненія, былъ написанъ съ цѣлью, чтобы не забыть, что общалъ Піотровскій. Тетрадь велась въ Кронштадтѣ и отчасти послѣ Кронштадта, именно для того, чтобы записывать все видѣнное и слышанное. Стихотворенія и сочиненія, означенныя въ алфавитѣ, получались отъ разныхъ лицъ, содержащихся въ Кронштадтѣ, а въ городѣ мнѣ сообщали всѣ оныя мои знакомые то, что сами они слышали или что они читали; къ такимъ принадлежитъ большая часть изъ моихъ знакомыхъ, студентовъ. Листокъ, на которомъ написано Яковлевъ I, II, III, IV, представляетъ то, что мы хотѣли составить компанію для того, чтобы освистать г-жу Снѣткову 3-ю, для этого составлялась компанія, но не состо-

ялась, потому что никто почти не хотѣлъ этого дѣлать. Слова же «Я часть предъ умывальникомъ» и «Якову Ростовцеву» принадлежать къ общему алфавиту.

«*Вопросъ*: Въ бумагахъ вашихъ оказалась вами писанная и вамъ предъявляемая черновая записка, въ которой говорится, что лица, къ коимъ должна была быть послана оная, уже получили прежде того приглашеніе придти въ такой-то день, въ такой то часъ туда-то. Въ запискѣ объясняется причина приглашенія, именно, разрывъ вашего кружка съ г. Губинымъ, упоминается о прокламаціяхъ и по окончаніи записки поименованы нѣсколько фамилій (начальными буквами), изъ коихъ одни названы присяжными, а другія отвѣтственными. Объясните смыслъ этой записки, а также изъ кого состоялъ кружокъ и съ какою цѣлью существовалъ онъ; о какихъ прокламаціяхъ говорится въ запискѣ; кто такіе Губинъ и другія лица, поименованныя въ запискѣ, почему одни изъ нихъ названы присяжными, а другія отвѣтственными, и какія были къ нимъ ваши отношенія?

«*О*. Эта записка есть замѣтка, происшедшая, кажется, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. Г-да Губины были вхожи къ намъ въ домъ семействомъ, также какъ и мы. Въ это время, т.-е. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Викторъ Михайловичъ Губинъ, бывшій казначей московскаго полка, получилъ чинъ полковника и сервизъ отъ товарищей по службѣ. Въ одинъ вечеръ Павелъ Михайловичъ Губинъ, братъ Викторъ, сказалъ, что братъ его получилъ сервизъ отъ товарищей и полковничій чинъ, что онъ сдѣлалъ заслугу тѣмъ, что онъ обобралъ въ московскомъ полку много прокламацій. Я, бывши у г-на Воронова гдѣ собрались нѣкоторые товарищи, передалъ слова Павла Михайловича; это было пересказано Губинымъ. но въ обратномъ видѣ, именно: будто бы я сказалъ, что Викторъ Михайловичъ получилъ полковничій чинъ и серебряный сервизъ за то, что представилъ собранныя имъ прокламаціи въ III Отдѣленіе. Вслѣдствіе этого я былъ приглашенъ на объясненіе къ Губинымъ, но объясненіе коччилось фразами, не совсѣмъ деликатными. Вслѣдствіе этого, я рѣшилъ самъ ихъ пригласить на объясненіе, и поэтому хотѣлъ выбрать лицъ, которыя бы, все выслушавъ отъ насъ, рѣшили, кто правъ, кто виноватъ? Но это было лишнее потому, что Павелъ Михайловичъ сознался, что онъ дѣйствительно говорилъ эти слова, а если сказалъ, то нечего было и объясняться. Собственно же листокъ этотъ означаетъ то, что я хотѣлъ сказать на объясненіи.

«Кто составлялъ нашъ кружокъ, это показано на листѣ № 2-го; какія цѣли были этого кружка? положительнаго никакихъ; кружокъ онъ называется потому, что въ него не прибываетъ никто и изъ-

него не убываетъ никто, ходятъ другъ къ другу, и больше ничего. Двѣ половины, присяжные и отвѣтные, названы потому, что тѣ, которые были замѣшаны въ этой исторіи, не могли участвовать въ этомъ рѣшеніи, а тѣ, которые названы присяжными, тѣ должны были рѣшить, кто виновенъ.

«Въ концѣ записки были выставлены фамиліи, которые и названы: одни—присяжные, другіе—отвѣтственные.

«I. *Присяжные*: Студентъ *Вороновъ*. Студ. *Крамперъ*. Служащій въ почтамтѣ *Волковъ*. Студ. *Николаевъ*. Студ. *Станкевичъ*. Худож. *Съмечкинъ*.

«II. *Отвѣтственные*: Леонидъ Михайловичъ *Губинъ*, вольнослушающій С.-петербургскаго университета. Павелъ Михайловичъ *Губинъ*, служащій въ какомъ-то департаментѣ. Михаилъ Михайловичъ *Губинъ*, гимназистъ 2-й гимназіи. Г-нъ *Черкасовъ*, товарищъ Губиныхъ, служащій. Г-нъ *Гиршельдъ*, товарищъ Губиныхъ. Студентъ *Титковъ*. Почетн. гражданинъ *Васильевъ*.

«Прокламацію «Граждане» писалъ дѣйствительно я, но она была писана вслѣдствіе различныхъ наговоровъ со стороны студентовъ, находящихся подъ арестомъ въ Кронштадтѣ; говорили постоянно о конституціи и т. п., гдѣ говорили совершенно непозволительныя убѣжденія, которыя я слышалъ, и если не принималъ ихъ, то интересовался ими и не далѣе какъ въ разговорахъ. Записку эту я никому не давалъ читать, и едва-ли кто знаетъ о ея существованіи. Она писана въ Кронштадтѣ во время нашего ареста. Цѣли она не имѣла никакой, а писалась потому, что я слышалъ эти разговоры, и въ часы скуки написалъ на бумагѣ. Кто именно говорилъ объ этомъ, я не могу показать на отдѣльныя личности, но могу сказать, что эти разговоры были распространены почти по всѣмъ камерамъ.

«Это есть 19-й листокъ, который я не кончилъ, а 18 изъ нихъ были отданы мною Піотровскому въ Кронштадтской крѣпости, гдѣ я писалъ по его просьбѣ; кому онъ давалъ еще писать, я не знаю; а на вопросъ мой, что мнѣ отъ этого можетъ быть плохо, онъ сказалъ, чтобы я не беспокоился, что это не можетъ выйти ни въ какомъ случаѣ, и я успокоенный на этотъ счетъ написалъ 18 штукъ, не говоря никому, что я пишу. Листокъ этотъ списывался съ листка, который былъ данъ мнѣ Піотровскимъ; я какъ сказалъ въ прежнихъ пунктахъ, что былъ знакомъ съ г-мъ Піотровскимъ въ Кронштадтской крѣпости. Онъ мнѣ говорилъ нѣкоторые стихи, рассказывалъ нѣкоторыя небольшія исторіи, говорилъ свои мысли по поводу вольныхъ сужденій. Когда мы болѣе съ нимъ сошлись, онъ однажды (именно, кажется, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, если не въ срединѣ, то въ

концѣ) позвалъ меня на корридоръ, и онъ показаль мнѣ листокъ, который попросилъ переписать, если мнѣ нечего дѣлать. Дѣлать мнѣ, дѣйствительно, было нечего, и я взялъ; написавъ одинъ листокъ, я снесъ ему, онъ сказалъ, что написано хорошо и, если это меня не затруднитъ, то чтобы я написалъ нѣсколько ихъ. Я его спросилъ, что для чего ему? на что онъ меня спросилъ, что я уже не боюсь ли чего?—Да! отвѣчалъ я, не можетъ ли отъ этого мнѣ быть плохо? Онъ меня началъ успокаивать, что это ничего не выйдетъ наружу, и никто не узнаеть. Этотъ разговоръ происходилъ между нами двумя, когда мы ходили по всѣмъ комнатамъ, которыя составляли родъ галлерей.—И я написалъ 18 штукъ. Но 1-й мой вопросъ о томъ, для чего ему ихъ? остался безъ отвѣта, потому что я не переспрашивалъ.

«Вопросъ: Сличеніе этого листка съ имѣющимися въ комиссіи подобными листками и съ вашими мыслями, выраженными въ запискѣ, убѣждаетъ комиссію, что вы участвовали въ составленіи этого возмутительнаго листка, распространеннаго въ С. Петербургѣ, почему комиссія требуетъ, чтобы вы чистосердечно и съ полною откровенностью показали: когда и къмъ составленъ этотъ листокъ; кто его распространялъ, гдѣ и какимъ образомъ; какое именно было ваше въ составленіи и распространеніи сего листка участіе и кто былъ сообщникомъ вашимъ въ этомъ преступленіи? При этомъ объясните все то, что вамъ извѣстно о сочинителяхъ и распространителяхъ другихъ, подобнаго возмутительнаго содержанія, листовъ?»

«О. На предложенные комиссіею вопросы въ 12-мъ пунктѣ я не могу ничего сказать. Я не участвовалъ какъ въ составленіи прокламацій, печатаніи ихъ, такъ распространеніи и разбрасываніи; даже *не вст читалъ*. Читаны мною были слѣдующія прокламаціи: «Молодую Россію», полученную мною отъ г-на Воронова; офицерскую прокламацію, которую я нашелъ на Адмиралтейской площади въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и которую по прочтеніи изорвалъ; слышалъ о «Земской Думѣ». Не знаю ни одного лица, которое было бы замѣшано въ печатаніи прокламацій, и кромѣ этого листка, находящагося въ комиссіи, писаннаго моею рукою, по просьбѣ Піотровскаго; я не знаю создателей ни одной прокламаціи, сочинителей—не знаю; печатающихъ—тоже. И распространяющихъ тоже не знаю».

Николай Александровичъ Вороновъ, 19-ти лѣтъ, показаль, что съ Николаемъ Васильевымъ познакомился въ Кронштадтѣ; бывши съ нимъ въ числѣ арестованныхъ въ 1861 г. Въ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ никогда не былъ. О дѣятельности содержащагося въ Кронштадтѣ студента Піотровскаго ему ничего неизвѣстно. Составлялъ ли онъ возмутительное воззваніе подъ загла-

зіемъ «Граждане», переписывалъ ли его Васильевъ, равно и распро-
странялъ ли, не знаетъ.

«Найденные у Васильева при обыскѣ сочиненіе Бюхнера «Сила и матерія» и польскіе стихи, писанные русскими буквами, дѣй-
ствительно принадлежать мнѣ. Польскіе стихи писалъ я подъ
диктовку одного поляка студента; фамилію его не знаю, потому
что невозможно запомнить фамиліи почти 250 человекъ, бывшихъ
въ Кронштадтѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ мы были раздѣлены на двѣ
части, которыя содержались особо. Сообщенія между нами были
сопряжены съ большими затрудненіями. Отъ кого я получилъ со-
чиненіе Бюхнера, тоже не знаю. Познакомился я съ нимъ въ
Александровскомъ паркѣ, и послѣ трехъ, четырехъ встрѣчъ, быв-
шихъ между нами совершенно безъ всякаго соглашенія другъ съ
другомъ, онъ одолжилъ мнѣ названное мною выше сочиненіе. И сочи-
неніе Бюхнера и польскіе стихи далъ я Васильеву по его просьбѣ.

«Прокламацію «Молодая Россія» ни отъ кого я никогда не
получалъ, слѣд., и Васильеву не могъ давать. О запискѣ, въ ко-
торой Васильевъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ отзывается о
Государѣ Императорѣ и излагаетъ преступное намѣреніе объ убій-
ствѣ Императора и всей Августѣйшей фамиліи, я ничего не знаю,
потому что Васильевъ объ ней никогда мнѣ ничего не говорилъ.
Что же касается до разговоровъ, бывшихъ объ этомъ предметѣ
между арестованными студентами, то говорю чистосердечно, что
это, по моему мнѣнію, чистѣйшій вымыслъ, по крайней мѣрѣ, я
ничего не слыхалъ. Очень можетъ быть, что тайно и говорились
такія вещи, но я не могу знать, что говорится тайно».

10 ноября, въ присутствіи комиссіи, священникъ Петропа-
вловскаго собора Флоринскій увѣщевалъ Николая Васильева, чтобы
онъ объяснилъ сухую истину, вслѣдствіе чего Васильевъ прежнія
свои показанія утвердилъ, за исключеніемъ слѣдующихъ:

«Стихотворенія, найденныя въ моихъ бумагахъ, согласно съ
прежнимъ моимъ показаніемъ, принадлежать мнѣ собственно; но
писаны они не подъ впечатлѣніемъ словъ Піотровскаго и не подъ
вліяніемъ его, писаны не собственно въ Кронштадтѣ, но часть ихъ
была писана уже въ Петербургѣ. Стихотворенія же «А онъ-то
все хохочетъ»... и «La Marseillaise» я выписалъ изъ тетради сту-
дента С.П. У. Историко-Филологическаго Павла Крампфа (отчества
не знаю), которую я бралъ у него въ СПБ., а также и «Сказка»
выписана оттуда; это было въ концѣ нынѣшняго года; прочія же
стихотворенія были составлены мною, которыя и были писаны
частію въ Кронштадтѣ и частію въ Петербургѣ. Показанный мною
разсказъ и листокъ съ фамиліями и знаками не есть разсказъ

Піотровскаго, но выписано мною изъ «Полярной Звѣзды», которую я получилъ отъ вышеозначеннаго студента Крампфа; въ какое именно время, я не помню.

«Листокъ, который гласитъ «Граждане! Много и долго мы спали, а насъ въ это»—писано вовсе не подъ вліяніемъ Піотровскаго и не по порученію его, а писано и составлено было мною. Этотъ листокъ былъ показанъ Воронову и Емельянову, они прочитали, и мы сообща рѣшили разбросать написанные листки. Къ намъ присоединился и Волковъ. Всякій долженъ былъ написать сколько могъ и разбросать—такъ и сдѣлали; я разбросалъ 18 листковъ, то же самое сдѣлали и остальные. Отсюда теперь ясно слѣдуетъ вопросъ: «Для чего это было сдѣлано? Съ какой цѣлью?» Не знаю, цѣли опредѣленной кажется нѣтъ, а такъ, чтобы откликнуться чѣмъ-нибудь на Герценовскія идеи. Правда, его идеи... заводять типографіи. Но для этого надо имѣть средства и помѣщеніе, а мы не имѣли ни того, ни другого. Потому что если бы отецъ узналъ, что у меня находится хотя одна литера, онъ меня непремѣнно бы свезъ или къ генераль-губернатору или къ оберъ-полицимейстеру, а потому мы откликнулись рукописными листками.—Но цѣли не было такой, чтобы произвести смуту, бунтъ, и т. п. чтонибудь въ родѣ этого! Нѣтъ, по крайней мѣрѣ я ручаюсь за себя.

«Піотровскій былъ громоотводомъ въ моемъ первомъ показаніи; но въ сущности я его не зналъ, а показалъ на него потому, что думалъ, что слѣдствіе дальше не пойдетъ, потому что мертвыхъ не судятъ—и дѣло скорѣе кончится. Но обѣщавши дать вѣрный отвѣтъ, сказать правду, я считаю долгомъ не укрывать ничего. Идеи, которыя означены выше, т.-е. герценовскія, я получилъ слѣдующимъ образомъ: до моего ареста прошлаго года, т.-е. до 12-го октября 1861-го года, я не зналъ ровно ничего, ни даже имени Герцена. Попавъ же въ сообщество студентовъ, гдѣ не говорилось почти ничего, кромѣ вольныхъ идей, я долженъ былъ свыкаться; вначалѣ мнѣ было дѣйствительно странно слышать всѣ стихи, которые были читаны разными лицами на память. Но болѣе сближаясь со студентами, я естественно болѣе сближался и съ идеями; по выходѣ изъ Кронштадтской крѣпости, я былъ уже довольно коротко знакомъ съ ними. Послѣ Кронштадта я получалъ различные стихи отъ Воронова и Крампфа и въ этомъ занятіи я провелъ два или 3 мѣсяца, переписывая стихи, читая ихъ и толкуя о нихъ. Такъ прошло время до 25 августа 1862 года, когда сдѣлали у меня обыскъ. Предложенные комиссіей мнѣ два листка «Граждане!» одинъ принадлежитъ мнѣ, на которомъ я и написалъ свою фамилію, другой принадлежитъ Емельянову, т.-е. имъ писано»

Николай Николаевъ Волковъ, 20 лѣтъ, показалъ, что Емельяновъ, Вороновъ, Крампфъ и Васильевъ, хотя ходили къ нему, но между ними не было никакихъ откровенностей и отношенія ихъ ограничивались книгами, которыя они брали другъ у друга.

«Предъявленную мнѣ въ комиссіи прокламацію подъ заглавіемъ «Граждане!» я получилъ отъ г. Васильева передъ праздникомъ Св. Пасхи; г. Васильевъ отдавая мнѣ прокламацію, просилъ меня переписать побольше экземпляровъ и передать ему. Но я, получивши прокламацію, тотчасъ же разорвалъ, но, по настоянію гг. Воронова, Васильева и Емельянова, я объявилъ имъ, что данную мнѣ прокламацію я переписалъ, но въ руки ее не отдамъ, а просилъ ихъ объявить мнѣ: что я долженъ дѣлать съ прокламаціею; тогда Вороновъ и Васильевъ объявили, что я долженъ разбрасывать ихъ по улицъ. Въ самый день Страстной субботы я пришелъ къ Воронову довольно рано и на вопросъ Воронова, почему я пришелъ такъ рано, сказалъ я ему слѣдующее, что, проходя по Почтамтскому мостику, увидѣлъ за мной бѣгущаго будочника и я въ глазахъ его приклеилъ прокламацію, то же было сказано Васильеву и Емельянову. По приходѣ моемъ къ Воронову, пришелъ студентъ Крампфъ. Настояніе Воронова, Емельянова и Васильева состояло въ томъ, чтобы я возвратилъ данную Васильевымъ мнѣ прокламацію имъ обратно, вмѣстѣ съ моими, которыя я списалъ, но какъ у меня ихъ не было, то я не могъ ихъ удозлетьворить, и прибѣгнулъ ко лжи, что будто бы приклеилъ прокламацію у почтамта.

«Но я не разбрасывалъ никогда никакихъ прокламацій и все вышесказанное Воронову, Васильеву и Емельянову было выдуманное. О сообщникахъ Воронова, Васильева и Емельянова по поводу этой прокламаціи я ничего не знаю. Что касается до Крампфа, мнѣ неизвѣстно, зналъ ли онъ объ этой прокламаціи или нѣтъ. А кѣмъ сочинена мнѣ неизвѣстно, а тотъ экземпляръ, который былъ данъ мнѣ для переписки, былъ написанъ рукою Васильева. Съ почетнымъ гражданиномъ Васильевымъ' познакомился въ Думѣ во время лекціи Костомарова чрезъ брата своего Воронова, въ апрѣлѣ или мартѣ мѣсяцѣ 1862 г. Отношенія наши были дальни, я былъ вхожъ въ домъ къ нимъ, и онъ ходилъ ко мнѣ, передавали книги для чтенія. Встрѣчались въ воскресной школѣ.

«Гг. Вороновъ, Емельяновъ и Васильевъ, какъ мнѣ извѣстно по ихъ словамъ, распространяли подъ заглавіемъ «Граждане!» прокламацію, но какъ и гдѣ, я этого не знаю. Сказанное мнѣ Вороновымъ о «Молодой Россіи» заключалось только въ томъ, что вышла «Молодая Россія».

Яковъ Кодратьевичъ Емельяновъ, 17 лѣтъ, показалъ, что предъявленный экземпляръ не былъ написанъ имъ и онъ не подбрасывалъ; объ этомъ экземплярѣ только слышалъ отъ товарищей по университету. Составителей прокламаціи не знаетъ.

Павель Федоровичъ Крампфъ, 19 лѣтъ, показалъ, что тетрадей со стихотвореніями, равно какъ и сочиненій Герцена, не имѣеть; если бы они находились у него, то при повальномъ обыскѣ были бы найдены и представлены комиссіи.

«Записка, найденная въ моихъ бумагахъ, означаетъ краткія замѣтки, кому я давалъ какія книги или номера газеты, гдѣ были помѣщены прокламаціи Гарибальди къ итальянцамъ, также кому я сообщалъ портреты Гарибальди. Шилингъ сынъ помѣщика, гдѣ я давалъ уроки; Николаевъ, Гогоберидзе, Титковъ, Вороновъ, Спасскіе, Войцеховскій и Лебедевъ—студенты; бралъ отъ нихъ книги и лекціи сообщалъ имъ, также давалъ имъ свои книги по исторіи или естественнымъ наукамъ, познакомился съ одними изъ нихъ въ гимназіи, съ другими на публичныхъ лекціяхъ. Выставленная противъ фамилій замѣтка «Письмо къ Герцену», обозначаетъ «Письмо Герцена къ русскому посольству», замѣченное такъ, вѣроятно для краткости; замѣтка «прокламація» обозначаетъ «прокламацію Гарибальди къ итальянцамъ. Слѣдовательно, краткая замѣтка «взять прокламацію» обозначаетъ «взять тотъ номеръ газеты, гдѣ была сообщена прокламація Гарибальди». Замѣтка же «Письмо къ Герцену» означаетъ «Письмо Герцена къ русскому посольству», какъ написано, вѣроятно, по ошибкѣ или разсѣянности. Списокъ запрещенныхъ заграничныхъ изданій Герцена я списалъ съ печатнаго объявленія Трюбнера, не знаю какимъ образомъ ко мнѣ попавшаго. Имѣлъ этотъ списокъ для того, чтобы впослѣдствіи, при занятіи русской исторіей и русской литературой, пользоваться ими, какъ матеріаломъ при занятіи исторіей развитія русскаго общества въ эпоху XIX столѣтія. Цифры въ первой графѣ обозначаютъ цѣну книгъ англійскими монетами, далѣе «цѣна»—обозначаетъ сколько онѣ стоятъ русскими монетами, и, наконецъ сумма—сколько будутъ стоить нѣсколько частей одного экземпляра. Держать эти книги я полагалъ возможнымъ впослѣдствіи или когда онѣ будутъ продаваться открыто, или отъ букинистовъ на толкучемъ рынкѣ. Предъявленный мнѣ списокъ запрещенныхъ сочиненій Герцена писанъ мною, для того, чтобы впослѣдствіи пользоваться этими книгами, какъ матеріаломъ для исторіи развитія русскаго общества въ эпоху XIX столѣтія».

На вопросъ: «Отъ кого вы получали и для чего списали разныя запрещенныя стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Рылѣва и Искан-

дѣла, также и «Михайлову—студенты?»—Крампфъ отвѣтилъ, что «получилъ ихъ въ Кронштадтѣ, отъ лица, ему неизвѣстнаго, списалъ ихъ рѣшительно безъ всякой цѣли; читать никому не давалъ».

На вопросъ: «Откуда и для чего вами выписана статья о государственныхъ доходахъ и расходахъ и по какому поводу помѣщено въ концѣ статьи выраженіе: «Расходы и займы увеличиваются и налоги увеличиваются безъ нужды, но ради грабежа, вотъ гдѣ причина революціи; но человѣку, согласному съ мнѣніемъ Адлерберга, гдѣ же это понятъ?»—отвѣтилъ, что статья списана въ Кронштадтѣ; приписку списалъ оттуда же, откуда и самую статью.

Опредѣленіе прав. сената состоялось 24 января 1863 г.: «1. Въ составленіи воззванія къ Гражданамъ и въ распространеніи его въ числѣ 18-ти экземпляровъ сознался находившійся прежде сего подъ слѣдствіемъ за участіе въ безпорядкахъ, бывшихъ въ здѣшнемъ университетѣ, и содержавшійся нѣкоторое время въ числѣ студентовъ и другихъ лицъ въ Кронштадтской крѣпости, приготавливавшійся къ поступленію въ университетъ, почетный гражданинъ Николай Васильевъ. Причемъ Васильевъ объяснилъ, что онъ воззваніемъ этимъ не желалъ произвести ни бунта, ни смуты, что цѣлью составленія и распространенія онаго былъ единственно лишь фактъ составленія и распространенія, что къ подобнаго рода поступку онъ вовлеченъ былъ какъ чтеніемъ «Колокола», возбуждившимъ въ немъ желаніе откликнуться на герценовскія идеи, такъ и разными непозволительными разговорами, которые онъ безпрестанно слышалъ во время содержанія его въ Кронштадтской крѣпости и о которыхъ до того времени не имѣлъ понятія. Эти объясненія, однако, по соображеніи ихъ съ дѣломъ, по мнѣнію Правительствующаго Сената, не могутъ быть приняты ни въ какое уваженіе, ибо, во 1-хъ, имѣя 18 лѣтъ отъ роду и получивъ нѣкоторое образованіе, Васильевъ не могъ не сознавать той тяжелой отвѣтственности, которой долженъ подвергнуться, въ случаѣ открытія его, составитель и распространитель столь противозаконнаго и злоумышленнаго воззванія, и слѣдовательно не могъ рѣшиться на такой поступокъ только изъ желанія быть прокламаторомъ, или вслѣдствіе чтенія «Колокола» и противозаконныхъ разговоровъ, которыхъ онъ наслушался; во 2-хъ, въ дѣйствіяхъ Васильева видна нѣкоторая обдуманность, ибо онъ самъ говоритъ, что какъ одному невозможно было написать и разбросать порядочное количество листовъ, то онъ предложилъ участвовать въ этомъ своимъ товарищамъ (Волкову, Воронову и Емельянову). Это, какъ видно изъ дѣла, и было имъ исполнено; въ 3-хъ, въ числѣ бумагъ, принадлежащихъ Васильеву и въ сочиненіи которыхъ онъ сознался (бумаги эти не были

распространяемы), находятся такія, которыя по мыслямъ и предположеніямъ, въ нихъ заключающимся, сходны съ воззваніемъ къ Гражданамъ, а одна изъ нихъ: «Что такое Царь» отличается особенно дерзкими и злобными выраженіями о Священной Особѣ Государя Императора и противъ религіи и издоженіемъ самыхъ преступныхъ намѣреній о Царствующемъ Домѣ. Признавая посему Васильева виновнымъ какъ въ написаніи означенныхъ сочиненій, такъ и въ злоумышленномъ составленіи и распространеніи воззванія, содержащаго въ себѣ призывъ народа къ возстанію и Цареубійству и приступая къ опредѣленію слѣдующаго ему за то наказанія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что такого рода злоумышленіе почитается на осн. 276 ст. Улож. дѣйствительнымъ, въ статьѣ 275 предусмотрѣннымъ, преступленіемъ не только въ случаѣ, когда виновный сдѣлаетъ какое-либо покушеніе для приведенія намѣренія своего въ исполненіе, но даже и тогда, когда онъ приступилъ къ приготовленію для сего чрезъ словесное или письменное заявленіе своихъ о томъ мыслей. Вслѣдствіе этого, по точному смыслу 276 и 275 ст. Улож., Васильевъ долженъ быть подвергнутъ опредѣленному въ послѣдней изъ означенныхъ статей закона наказанію, т.-е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни. II. Отставной канцелярскій служитель Николай Волковъ, сознаваясь на допросѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ въ полученіи отъ Васильева воззванія къ Гражданамъ для переписки и распространенія и въ перепискѣ онаго въ числѣ пяти или шести экземпляровъ, изъ коихъ одинъ найденъ былъ въ ставнѣ дома Клеменса, объяснилъ, что самъ онъ однако воззванія этого не распространялъ и переписывая оное никакой цѣли, кромѣ исполненія просьбы Васильева, не имѣлъ. Соображая объясненія Волкова съ требованіями закона, Правительствующій Сенатъ находитъ, что хотя Волковъ, по обстоятельствамъ дѣла, не изобличается въ распространеніи воззванія къ Гражданамъ, но тѣмъ не менѣе онъ виновенъ въ знаніи содержанія этого воззванія, ибо переписывалъ его, и въ недонесеніи о намѣреніяхъ Васильева, въ противность 596 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак. Угол. Хотя же Волковъ и говоритъ, что онъ не ожидалъ никакихъ послѣдствій отъ воззванія и что не донесъ о намѣреніяхъ Васильева потому, что не считалъ это своею обязанностью, а къ тому же боялся потерять свое мѣсто на службѣ, ибо слышалъ, что доноситель долженъ содержаться въ заключеніи, но объясненія эти не могутъ быть признаны уважительными, какъ потому, что поступокъ Васильева принадлежитъ къ дѣламъ такого рода, о которыхъ по силѣ 596 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак. всякаго состоянія люди должны доносить, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгой отвѣтственности,

такъ и потому, что при всей ограниченности Волкова, въ которой Правительствующій Сенатъ могъ вполне убѣдиться изъ письменныхъ его показаній и изъ личныхъ съ нимъ объясненій, нѣтъ однако возможности допустить предположенія, чтобы переписывая воззваніе къ Гражданамъ, Волковъ совершенно не понималъ смысла столь ясно выраженныхъ въ немъ преступныхъ намѣреній и всей ихъ важности. Признавая вслѣдствіе сего Волкова виновнымъ въ принятіи участія въ злоумышленіи Васильева перепискою составленнаго симъ послѣднимъ воззванія и въ недонесеніи объ этомъ злоумышленіи, слѣдуетъ его, Волкова, на основ. 277 ст. Улож., подвергнуть равному съ Васильевымъ наказанію. III. Студентъ С.-Петербургскаго университета Николай Вороновъ и приготовлявшійся къ поступленію въ университетъ сынъ чиновника Яковъ Емельяновъ не сознались и обстоятельства дѣла не изобличаются ни въ участіи съ Васильевымъ въ распространеніи воззванія къ Гражданамъ, ни даже въ знаніи содержанія этого воззванія, но тѣмъ не менѣе: а) показанія Васильева и Волкова, что Вороновъ и Емельяновъ читали воззваніе къ Гражданамъ и изъявили согласіе распространить оное, причемъ каждымъ изъ нихъ было избрано и мѣсто, гдѣ должно было разбрасывать воззваніе; б) подтвержденіе показаній этихъ на очныхъ ставкахъ, данныхъ подсудимымъ въ Слѣдственной Комисіи и въ присутствіи Сената; в) отсутствіе какихъ-либо побудительныхъ со стороны Васильева и Волкова причинъ къ привлеченію Воронова и Емельянова къ отвѣтственности и г) неотрицаніе сими послѣдними нѣкоторыхъ подробностей, при которыхъ, по показанію Васильева и Волкова, сообщено имъ было воззваніе,—навлекають на Воронова и Емельянова сильнѣйшее подозрѣніе какъ въ томъ, что они знали содержаніе воззванія къ Гражданамъ, такъ и въ изъявленіи согласія принять участіе въ распространеніи его. Усматривая затѣмъ изъ показаній Воронова и Емельянова, что они знали о намѣреніи Васильева распространить, какъ они говорятъ, какую-то прокламацію, но не донесли объ этомъ,—Вороновъ потому, что не предполагалъ, чтобы намѣреніе Васильева перешло въ дѣйствіе, а кромѣ того потому, что зная Васильева онъ не предусматривалъ отъ прокламаціи его никакого вреда,—а Емельяновъ оттого, что не зналъ содержанія прокламаціи и что, по мнѣнію его, доносить на товарища все равно, что доносить на брата, Правительствующій Сенатъ находитъ, что хотя и нельзя подвергнуть Воронова и Емельянова наказанію, коему по силѣ 596 ст. 2 кн. XV т. подлежатъ виновные въ недонесеніи о преступленіяхъ государственныхъ, ибо они не изобличаются въ знаніи о содержаніи написаннаго Васильевымъ воззванія, но тѣмъ не менѣе однако нельзя

и не принять въ соображеніе, что въ то самое время, когда распро-
страняемо было воззваніе къ Гражданамъ, спокойствіе столицы было
нарушено безпрестаннымъ появленіемъ всякаго рода возмутитель-
ныхъ прокламацій, имѣвшихъ цѣлью измѣненіе существующаго по-
рядка въ государствѣ, пріоритетъ дѣйствій правительства и даже
подстрекательство къ низверженію онаго, и такимъ образомъ подъ
словомъ «прокламація» нельзя было разумѣть ничего другаго, какъ
призывъ къ достиженію какой-либо изъ вышеозначенныхъ цѣлей, то
слѣдовательно и самое намѣреніе, выраженное Васильевымъ рас-
пространять прокламацію, какая бы она ни была, составляетъ уже
преступленіе, о которомъ, какъ о совершившемся дѣяніи, они, Во-
роновъ и Емельяновъ, должны были по силѣ 138 ст. Улож. доне-
сти. А посему и слѣдуетъ признать объясненія сихъ подсудимыхъ
о причинѣ недонесенія ими о намѣреніи Васильева распространять
прокламацію неуважительными, а ихъ, какъ виновныхъ въ неис-
полненіи требованія 138 ст. Улож. и не старавшихся даже откло-
нить Васильева отъ приведенія намѣренія его въ исполненіе, должно
подвергнуть, по важности дѣла, одному изъ строжайшихъ наказаній,
опредѣленныхъ въ означенной 138 ст. Улож. Вслѣдствіе сихъ со-
ображеній Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1-е, почетнаго
гражданина Николая Васильева, 18 лѣтъ, за злоумышленіе противъ
жизни Государя Императора, выраженное въ составленномъ и рас-
пространенномъ имъ воззваніи къ Гражданамъ и другихъ сочине-
ніяхъ, и отставнаго канцелярскаго служителя Николая Волкова,
20 л., за участіе въ этомъ злоумышленіи перепискою того воз-
званія и недонесеніемъ о преступныхъ намѣреніяхъ Васильева, ли-
шить всѣхъ правъ состоянія и повѣсить. 2-е, студента Николая Во-
ронова, 19 лѣтъ, и приготавливавшагося къ поступленію въ универ-
ситетъ Якова Емельянова, 17 л., оставить въ сильнѣйшемъ подо-
зрѣніи какъ въ знаніи точнаго содержанія составленнаго Василье-
вымъ воззванія къ Гражданамъ, такъ и въ изъявленіи согласія
распространить оное, а за недонесеніе о намѣреніи Васильева рас-
пространять прокламацію лишить нѣкоторыхъ по 54 ст. Улож.
правъ и преимуществъ и заключить въ крѣпость каждаго на два
года, съ послѣдствіями въ 55 ст. Улож. означенными, и 3-е, не
приводя этого рѣшенія въ исполненіе, представить оное, по силѣ
617 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак. Угол., на Высочайшее Его Импера-
торскаго Величества утвержденіе установленнымъ порядкомъ. Ма-
вѣй Карніолинъ-Пинскій. Алексѣй Веневитиновъ. Борисъ Беръ».

Государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ: «утвердить по
настоящему дѣлу заключеніе прав. сената и, вслѣдствіе и на осно-
ваніи приведенныхъ въ опредѣленіи сената узаконеній: 1) Васильева

и Волкова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію черезъ повѣшеніе и 2) Воронова и Емельянова, лишивъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, заключить въ крѣпость каждаго на два года. Но при семьъ госуд. совѣтѣ не могъ не обратить вниманія на то, что, по дѣйствующимъ законамъ, несовершеннолѣтніе преступники подвергаются наказанію значительно уменьшенному противъ того, которое опредѣляется преступникамъ совершеннолѣтнимъ по всѣмъ родамъ преступленій и проступковъ, и что это основное правило нашего уголовного законодательства не имѣетъ и не можетъ имѣть своего примѣненія къ такимъ несовершеннолѣтнимъ преступникамъ, которые оказываются виновными въ дѣянiяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь. Вслѣдствіе сего госуд. совѣтъ положилъ: означенное обстоятельство повергнуть на всемілостивѣйшее Е. И. В. благоусмотрѣніе». 23 марта 1863 г. царь положилъ резолюцію: «Васильева и Волкова, вмѣсто смертной казни, сослать въ каторжную работу на десять лѣтъ. Воронову и Емельянову ограничить содержаніе въ крѣпости однимъ годомъ».

Приведенное мнѣніе госуд. совѣта было опубликовано въ № 32 «Сенатскихъ Вѣдомостей».

II. Дѣло Степуто, Бабишинскаго и др. о фотографическомъ произведеніи прокламацій и пр. ¹⁾

30 октября 1862 г. Спб. оберъ-полицмейстеръ ген.-лейт. Анненковъ сообщилъ выс. учрежденной въ Спб. слѣдственной комиссіи, что до свѣдѣнія его дошло, что въ столицѣ стали появляться фотографическіе рисунки преступнаго содержанія, такія же карточки, недозволенные въ продажѣ, и снимки съ польскихъ прокламацій. Принятыми, по распоряженію его, мѣрами дознано, что распространявшее ихъ фотографическое заведеніе принадлежало студенту медико-хирургической академіи Бонифацію Степуто и находится на Выборгской сторонѣ, въ д. Воронина; что дѣломъ этимъ занимается самъ Степуто, имѣя у себя работника, крестьянскаго мальчика 17 лѣтъ Ивана Павлова, и проживавшій на одной съ нимъ квартирѣ, студентъ той же академіи Иванъ Бабашинскій.

Такъ какъ фотографическое заведеніе Степута давно уже обращало на себя вниманіе полиціи, которая еще въ іюль 1862 г. дѣлала въ ней секретный обыскъ, но въ то время Степуто успѣлъ скрыть слѣды своихъ работъ, то въ заведеніи этомъ 27 октября былъ вновь произведенъ строгій осмотръ, по которому преступная дѣятельность Степута обнаружилась вполне; причемъ найдены

¹⁾ Правительство опубликовало только краткое заключеніе генераль-аудитора.

слѣдующіе предметы, заслуживающіе особаго вниманія: 1) два фотографическіе негатива съ рисунками, которыхъ смыслъ и значеніе относится до Польши: Въ одномъ изъ нихъ она представлена въ видѣ женщины, лежащей на землѣ (а въ отдаленіи противъ нея свѣтлѣющее изображеніе генерала съ надписью «К. А. Т.»—добавлено позже сенатомъ), а въ другомъ— въ видѣ двухъ женщинъ съ цѣпями на рукахъ, стоящихъ на колѣняхъ предъ крестомъ, надломаннымъ въ основаніи (съ гербами литовскимъ и польскимъ— добавлено сенатомъ); 2) фотографическій негативъ одного изъ польскихъ воззваній, переведенный съ печатнаго листа на стекло; 3) фотографическій рисунокъ, изображающій ссыльнаго Михайлова въ тюрьмѣ; 4) такой же рисунокъ, представляющій студентовъ въ крѣпости; 5) такой же рисунокъ, изображающій группу молодыхъ людей въ польскихъ національныхъ костюмахъ, весьма важный для слѣдствія тѣмъ, что онъ изображаетъ друзей и сообщниковъ Степута, и 6) нѣсколько визитныхъ карточекъ (портреты Герцена и Огарева), въ томъ числѣ и самого Степута.

«При допросахъ Степуто сознался во всемъ, съ явнымъ раскаяніемъ. Онъ показалъ, между прочимъ: а) что прокламація была принесена къ нему недѣли три тому назадъ, для отпечатанія посредствомъ фотографіи, юнкеромъ Михайловскаго артиллерійскаго училища Шукстомъ, что подтвердилъ и Иванъ Павловъ; б) что два рисунка съ аллегорическими изображениями были доставлены ему, для такового же отпечатанія, офицеромъ Михайловской артиллерійской академіи Рошковскимъ; в) что группа молодыхъ людей въ польскихъ костюмахъ снята имъ, Степутомъ, по заказу всѣхъ находившихся въ этой группѣ, между коими на первомъ планѣ помѣщены Шукстъ (въ самой серединѣ) и Рошковскій (крайній съ правой стороны); г) что группа студентовъ въ крѣпости снята съ фотографіи, которую передалъ ему студентъ здѣшняго университета Тшастковскій.

«По сдѣланному обыску въ квартирахъ Шукста и Рошковскаго ничего особенно сомнительнаго не оказалось, кромѣ найденныхъ у Шукста разныхъ писемъ на польскомъ языкѣ, которыя отъ него и отобраны; при допросахъ же Шукстъ сознался только въ знакомствѣ съ Степутомъ и Бабашинскимъ, но въ принесеніи къ Степуту прокламаціи для оттиска посредствомъ фотографіи, равно и въ снятіи себя въ группѣ молодыхъ людей въ польскихъ національныхъ костюмахъ не сознался; Рошковскій же, какъ въ знакомствѣ съ Степутомъ, такъ и въ снятіи себя въ означенной группѣ сознался, объяснивъ, что съемка эта происходила дѣйствительно въ фотографіи Степута, въ апрѣлѣ или маѣ сего года, и что сни-

мались съ нимъ въ группѣ товарищи его: бывший юнкеръ, нынѣ подпоручикъ саперъ Чеховичъ, подпоручикъ артиллеріи Рыздзевскій, подпоручикъ Гедройцъ, подпоручикъ Луба, подпоручикъ Неслуховскій, юнкеръ Шукстъ, штабсъ-капитанъ Русецкій, подпоручикъ Маевскій (и еще кто-то, но кто именно, въ настоящее время не припомнить. Всѣ они снимались въ чемаркахъ и конфедераткахъ, и около его сидѣлъ юнкеръ Шукстъ и едва ли не Чеховичъ. За картину эту было заплачено Степуту по 1 руб. сереб. съ чело-вѣка. Что же касается до предъявленныхъ ему двухъ рисунковъ съ аллегорическими изображеніями, то отъ доставки ихъ Степуту отказался».

Спб. воен. ген.-губ. приказалъ передать дѣло въ комиссію.

Степуто и Бабашинскій арестованы при полиціи; фотографическое же заведеніе закрыто.

Переводъ польской прокламаціи, сдѣланный чин. Бернардомъ:

«Поляки! Враги наши не могли насъ одолѣть ни убійствами, ни преслѣдованіями; тысячи жертвъ легли подъ пулями солдатъ, населили сибирскія пустыни и московскіе казематы; а народъ, непоколебимый подъ пулями, приноситъ жертвы, отвергаетъ всѣ лживыя уступки и говоритъ: «одного желаемъ, объ одномъ взываемъ: желаемъ Польши свободной, цѣлостной, независимой; хотимъ, чтобы московское и нѣмецкое правительства не оскверняли священной земли нашей».

«Цѣлая Европа глядитъ на это народное мученичество, на это неслыханное постоянство; сердца народовъ тронулись и народы говорятъ: такъ Польша жила и жить должна, потому что народъ, выстрадавшій то, что онъ выстрадалъ; народъ, котораго столько разъ искушали и который не поддался, этотъ народъ не погибнетъ; и народы волнуются, требуя Польши, а правительства обязаны повиноваться гласу народовъ и обращаются къ царю, чтобы Польшу успокоилъ, потому что иначе и они покоя имѣть не будутъ».

«Итакъ, потребовалась для Европы новая комедія: навязался полякъ, измѣнникъ и палачъ своего отечества, взявшійся разыграть эту комедію, а царь даетъ ему въ пособіе достойнаго сына Николая, своего брата Константина. Они-то даруютъ милости, уступки, реформы, и такимъ образомъ Александръ въ глазахъ Европы пребудетъ либеральнымъ царемъ, реформаторомъ и возобновителемъ. Высшіе классы народа успокоятся титулами и должностями, а для народа—Сибирь и висѣлица. Только тихо, чтобы ни единый стонъ не донесся до ушей Европы, чтобы западная цивилизація не переставала прославлять цивилизацію царя. Эту комедію разыгрываютъ для четвертой доли народа, остальному же коли-

честву не дозволено даже подавать голосъ, и Александръ говорить Европѣ: «Чего же хотите? Польша имѣть реформы, а Литва и Русь—не Польша, а Россія». Царство принимает реформы, а о Руси и Литвѣ и мысли нѣтъ. А между тѣмъ цитадель и Модлинъ переполнены: еженедѣльно воздвигается висѣлица на стѣнахъ цитадели; милостедатель и царскій реформаторъ собственноручно замѣняютъ пули въ веревку, и наша молодежь виситъ на мерзкой веревкѣ, для устрашенія умиловивленнаго и реформированнаго народа, представленнаго въ глазахъ Европы, какъ шайка злодѣевъ, скопище преступниковъ и заговорщиковъ. Ни возрастъ, ни состояніе здоровья не удерживаютъ руки палача; несчастная жертва должна глядѣть на послѣднія судороги своего товарища, а женщинъ, дѣтей и стариковъ, которые своими слезами и молитвами выказываютъ ужасъ и сочувствіе, казаки бьютъ палками, полицейскіе тащатъ въ тюрьму. Утѣшайся народъ—тебѣ даны милости и реформы!

Врагъ бичуетъ и еще насмѣхается; хвастается совершенными казнями; откликъ съ нашей стороны зоветъ преступленіемъ; хочетъ, чтобы мы отказались отъ правъ нашей народности, чтобы мы забыли все наше прошедшее, а еще обращается къ нашимъ сердцамъ, къ нашему благородству, къ нашему прошедшему, которе желалъ бы однимъ взмахомъ истребить до основанія. Поляки! отвѣтите такъ, какъ вамъ повелѣваютъ сердца ваши, ваше прошедшее и ваша обязанность; онѣ вамъ повелѣваютъ: выдержать до конца, неустрашимо стоять на народной позиціи, вести съ врагомъ непримиримую борьбу, непрерывную, безъ (одно слово не разобрано) и безъ уступокъ, пока не изгоните изъ Польши послѣдняго врага.

Центральный Народный Комитетъ».

8 ноября 1862 г. Бонифацій Филипповичъ Степуто показалъ въ слѣдственной комиссіи (предсѣдатель кн. А. Ѳ. Голицынъ, члены Н. Огаревъ, А. Дренякинъ, П. Слѣпцовъ, М. Гедда), что ему 26 лѣтъ, въ Спб. находится съ 1857 г. Въ свободное время въ 1862 г. занимался фотографіей.

Фотографическое заведеніе открыто въ августѣ 1861 г., на имя тит. сов. Николая Покровскаго, съ разрѣшенія оберъ-полицейстера, съ цѣлью поддержанія себя и доставленія себѣ средствъ къ жизни. Заказы были больше на визитныя карточки; портреты рѣже, а копии еще рѣже. Работы производилъ вначалѣ витебскій мѣщ. Матвѣй Правило, а въ послѣднее время крест. мальчикъ Иванъ Павловъ.

Прокламація на польскомъ языкѣ была принесена въ его отсутствіе, и уже была приготовлена къ снятію, когда онъ пришелъ;

Павловъ сказалъ, что она принесена юнкеромъ Шукстомъ, который былъ здѣсь же въ квартирѣ; Шукстъ подтвердилъ это и просилъ сдѣлать одинъ экземпляръ; заказывая, онъ не назвалъ ее по содержанию, подлинникъ же взялъ съ собою; узналъ, что это прокламація только тогда, когда былъ сдѣланъ оттискъ, за три дня до арестованія, о чемъ и хотѣлъ донести правительству.

Съ Шукстомъ былъ знакомъ по заказу визитныхъ карточекъ; поэтому рѣшительно никакихъ не имѣлъ съ нимъ разговоръ о прокламаціи до и во время заказа, а послѣ заказа уже и не видѣлъ его; болѣе четырехъ мѣсяцевъ офицеромъ Рошковскимъ были принесены для заказа двѣ картины, при Правиле; онъ заказалъ снять по одному оттиску, о цѣли снятія не сказалъ. Подлинники же Рошковскій взялъ съ собою.

Группа въ польскихъ костюмахъ была заказана отъ всѣхъ тамъ находящихся, и было сдѣлано по одному экземпляру для каждаго, именно 10, и всѣ они получили. Былъ знакомъ съ нѣкоторыми только по заказу карточекъ. Карточки они заказывали почти всѣ. Костюмы, въ которыхъ они изображены на снимкѣ, нѣкоторые были принесены ими тогда же, при снятіи ихъ одѣли, а нѣкоторые были уже одѣты до прибытія въ фотографію, но кто изъ нихъ пришелъ одѣтымъ, не помнитъ; ушли такъ же, какъ и пришли; но-пришедшіе въ костюмахъ имѣли на себѣ шинели или пальто.

Около года тому назадъ студентъ университета Тшастковскій принесъ фотографическую картину, группу студентовъ, снятую въ Кронштадтѣ, съ нея онъ просилъ снять два оттиска, которые онъ и получилъ. Съ Тшастковскимъ былъ знакомъ еще въ Витебскѣ до выѣзда въ Спб. Снимки Герцена, Огарева и Михайлова не помнитъ, когда и кѣмъ были принесены; лежали же безъ всякой цѣли.

Иванъ Осиповичъ Бабашинскій, 22 лѣтъ, показалъ, что въ Спб. съ августа 1861 г. Съ Степутомъ знакомъ былъ еще въ Витебскѣ, какъ съ товарищемъ по гимназіи. Квотируетъ у него съ сентября 1861 г., никакихъ отношеній къ фотографіи не имѣлъ; никакой прокламаціи на польскомъ языкѣ отъ Шукста не принималъ и до прибытія полиціи ея не видѣлъ. О картинахъ ничего не знаетъ: когда онѣ были сняты и кѣмъ, что онѣ изображаютъ; изъ группы студентовъ въ польскомъ костюмѣ знаетъ только одного Рошковскаго и познакомился съ нимъ, въ то время, когда снимался, а сношеній съ нимъ никакихъ не имѣлъ.

Крестьянскій сынъ Иванъ Павловичъ Павловъ, 17 лѣтъ, показалъ, что занимался постоянно работами въ заведеніяхъ Козловскаго и Степута; къ послѣднему поступилъ 26 іюня помощникомъ; работы его заключались въ снятіи съ приходившихъ лицъ

фотографическихъ карточекъ и копій съ нихъ, и, кромѣ того, во все время своего нахождения у Степута печаталъ картины съ находившихся уже у Степута, стеколь, двухъ женщинъ съ цѣпями на рукахъ и подломаннымъ крестомъ, двѣ мужскихъ и одну женскую фигуру въ группѣ деревьевъ, преступника Михайлова въ тюрьмѣ, женщину съ двумя дѣтьми и предъявленный ему писанный по-польски оттискъ. Во всѣхъ этихъ работахъ принималъ участіе и Бабашиинскій, которое заключалось въ томъ, что въ отсутствіи Степута онъ принималъ заказы, получалъ деньги, если же не было ни Степута, ни Бабашиинскаго, то все это исполнялъ самъ Павловъ. Бабашиинскій лакировалъ карточки и иногда печаталъ ихъ.

Со времени поступленія къ Степуту, видѣлъ, что Шукстъ приходилъ въ фотографію раза четыре или пять; первые разы по случаю заказа картинки, изображающей женщину съ двумя дѣтьми, изъ коихъ одно на рукахъ; одинъ разъ принесъ для снятія печатный листокъ на польскомъ языкѣ, котораго негативъ взять при обыскѣ. Въ этотъ приходъ Шукстъ засталъ въ фотографіи его и Бабашиинскаго, а Степуто пришелъ позже; кого же онъ заставлялъ въ фотографіи въ другіе разы, Бабашиинскаго или Степута, припомнить не можетъ, но помнить, что во всѣ приходы Шукста въ фотографію лично самъ его не видѣлъ. Рошковскій приходилъ къ фотографію чаще Шукста, но сколько именно разъ былъ, опредѣлительно сказать не можетъ. Въ одинъ изъ приходовъ онъ заказалъ копіи съ визитныхъ карточекъ, а потомъ приходилъ нѣсколько разъ за этими карточками; видѣлъ ли Рошковскій негативъ съ листка, утвердить не можетъ.

«Въ началѣ октября, юнкеръ, котораго я фамиліи не знаю, принесъ печатный листокъ; Степуто въ это время дома не было, а находился Бабашиинскій; прочитавъ принесенную бумагу, они оба, т.-е. юнкеръ и Бабашиинскій, пришли ко мнѣ, причеиъ Бабашиинскій сказалъ, чтобы я снялъ съ бумаги на стекло; когда я приступилъ къ работѣ, то въ то время вошелъ Степуто, которому я передалъ приказаніе Бабашиинскаго. Такъ какъ этотъ листъ былъ приклеенъ къ столбу, то Степуто посмотрѣлъ на него и сказалъ мнѣ «сымайте». Послѣ этого, я снялъ на стекло, облилъ купоросомъ и показалъ Степуту, который, посмотрѣвъ на переводъ, сказалъ «хорошо»; послѣ чего я и поставилъ стекло въ шкафъ. Въ то время, когда я обливалъ стекло, то замѣтилъ, что принесенный юнкеромъ листокъ находился у него въ рукахъ, который онъ имъ читалъ. Кто снялъ со столба листокъ, взялъ ли его юнкеръ или кто другой и когда онъ унесъ изъ квартиры, я не знаю, потому что находился въ другой комнатѣ. Послѣ сего Бабашиинскій и Степуто ска-

зали мнѣ однажды, нужно отпечатать на бумагѣ этотъ листокъ, чтобы посмотрѣть хорошо ли выйдетъ, но по неимѣннѣю времени, я все откладывалъ и только недѣли чрезъ двѣ или три. я, по настоянiю Степута и Бабашинскаго перевелъ этотъ оттискъ на бумагу, причемъ по неосторожности разбилъ стекло; отпечатанъ мною былъ только одинъ предъявленный мнѣ экземпляръ. Что было написано въ принесенной юнкеромъ бумагѣ, мнѣ неизвѣстно, потому что я польскаго языка не знаю».

«Картины: три фигуры въ группѣ деревьевъ и двѣ женщины въ цѣпяхъ и Михайлова въ тюрьмѣ, мною были отпечатаны съ находившихся уже у Степута стеколъ, въ тотъ же день, когда переводилъ бумагу, принесенную юнкеромъ; остальные же картины (портреты Герцена, Огарева и Мицкевича въ гробу) я не снималъ и не видѣлъ у Степута.

«Кѣмъ, когда и въ какомъ количествѣ экземпляровъ была снята группа въ польскихъ костюмахъ, я не знаю; изъ числа лицъ, находившихся въ сей группѣ, я знаю только юнкера и Рошковскаго».

Портуней-юнкеръ Михайловскаго артиллерійскаго училища Адольфъ Осиповичъ Шукстъ показалъ, что до того времени пока онъ не снималъ свою фотографію въ юнкерской формѣ, не былъ знакомъ ни съ Степутомъ, ни съ Бабашинск мъ и бывалъ у нихъ только потому, что работа долго продолжалась; другой разъ приходилъ, чтобы сняться группой въ 10 человекъ; кромѣ этихъ заказовъ, никакихъ сношеній не имѣлъ.

«На квартиру директора училища генерала Платова приносили полицейскій офицеръ и чиновникъ печатный листокъ на польскомъ языкѣ, который, какъ будто, я приносилъ къ студенту медико-хирургической академіи Степуту и теперь второй разъ ниже этотъ листокъ. Не знаю, ни кѣмъ составленъ и почему составленъ. Въ фотографическомъ заведеніи никого больше не видалъ, кромѣ Бабашинскаго, Степута и различныхъ прихожанъ. Листокъ этотъ я не приносилъ никогда въ фотографическое заведеніе, а также нигдѣ не видалъ и не читалъ. Общее наше желаніе было сняться группой; надѣялись, что разъѣдемся по войскамъ послѣ окончанія училища; а въ этихъ костюмахъ потому, что намъ понравилось на выставленныхъ портретахъ вездѣ и хотѣли видѣть, идетъ ли этотъ костюмъ намъ къ лицу. Каждый изъ насъ получилъ по одному экземпляру, а больше не знамъ, сколько снято, ибо не видѣлъ и не любопытно было знать; но когда узнали, что нельзя сниматься въ костюмахъ другихъ, кромѣ военныхъ, то каждый изъ насъ порвалъ въ куски. На портретѣ были: Гедройцъ, Неслуховскій и Луба, которые находились тогда въ училищѣ, какъ юнкера

мои товарищи, а остальные: Рошковскій, Маевскій, Русецкій, Чеховичъ и Ридзевскій были мало знакомые мнѣ, но какъ я зналъ товарищей ихъ Гедройца, Неслуховскаго и Лубу, то присоединился къ нимъ въ одну группу прощальную».

Заказъ былъ сдѣланъ всѣми вмѣстѣ и платье достали въ лавкѣ съ готовыми вещами на-прокатъ; лавка теперь уже, кажется, сгорѣла, близъ Гостиного двора.

Прапорщикъ 8 пѣшей артиллерійской бригады Генрихъ Людвиговичъ Рошковскій, 20 лѣтъ, показалъ, что познакомился съ Степутомъ по случаю заказа визитныхъ карточекъ въ февраль 1862 г.; затѣмъ заходилъ къ нему иногда послѣ лекцій въ академии, но сживалъ у него очень недолго, самое большее полчаса. Иногда, по просьбѣ Степута, поправлялъ тушью фотографическіе недостатки портретовъ. Знакомство было самое официальное.

Никакихъ рисунковъ къ Степуту не приносилъ и не знаетъ съ достовѣрностью, кто таковыя давалъ для переснятія, съ какою цѣлью и на какое употребленіе.

«До Святой я встрѣтилъ у Степута студента университета (кажется, Московскаго или Кіевскаго) Тшастковскаго. Студентъ этотъ далъ Степуту аллегорическій рисунокъ и, какъ онъ объяснялъ,—Наполеона перваго (въ тѣни деревъ), обращеннаго лицомъ къ гробовому камню. Знаю, что студентъ этотъ давалъ Степуту и другіе рисунки, но я ихъ не видалъ».

«Группа, въ которой я снимался съ моими товарищами, не имѣетъ единственнаго автора—этотъ необдуманнѣйшій и неумѣстный поступокъ сдѣланъ по общему нашему согласію. Особаго заказчика не было, а каждый самъ за себя платилъ рубль сер. Я взялъ только одинъ экземпляръ. Эта шалость не имѣетъ никакого значенія и сдѣлана безъ всякой цѣли. Не могу назвать это платье польскими костюмами: нѣкоторые изъ насъ были въ венгеркахъ, другіе въ чепкахъ (костюмъ стрѣльцовъ Московскаго государства), иные же были въ «сермѣнжкахъ» (обыкновенное одѣяніе крестьянъ и несостоятельныхъ дворянъ), я же былъ одѣтъ въ штатскомъ сюртукѣ. Правда, что въ настоящее время въ Польшѣ и дворяне (молодежь и несостоятельные) ходятъ въ подобномъ платьѣ. Откуда мои товарищи достали себѣ платье, не знаю».

27 ноября, въ дополненіе къ показанію своему 8 ноября, Степуто подробнѣе объяснилъ свое отношеніе какъ къ Рошковскому, такъ и къ Шуксту. Во время своихъ посѣщеній они оба и ихъ товарищи никогда ни о чемъ политическомъ, а также и о своихъ планахъ и намѣреніяхъ не говорили.

«Въ одно изъ такихъ посѣщеній въ маѣ или юнѣ Рошковскій принесъ картину, какъ онъ называлъ видъ, раскрашенную акварельными красками, представлявшую озеро; на первомъ планѣ этой картины берегъ этого озера съ деревьями, а вдали на горизонтѣ противоположный берегъ озера, кустарники и горы; картина вся была освѣщена солнечнымъ лучемъ; надпись, находившаяся на этой картинѣ, была написана бѣлыми красками и трудно было ее разобрать. Смысла же этой картины я никакого не подозрѣвалъ. Онъ попросилъ сдѣлать одинъ оттискъ. Картина эта нѣсколько времени у меня лежала на столѣ; когда онъ пришелъ черезъ четыре дня за нею, то она не была еще снята; онъ попросилъ, чтобы ее сняли дня черезъ три, хотя на стекло, а на бумагу послѣ, когда будетъ у меня поменьше работы. Черезъ три дня онъ пришелъ, при немъ же ее и сняли на стекло; тутъ же онъ попросилъ снять и другую картину печатную, изображающую святыхъ. Послѣ этого онъ еще разъ приходилъ сниматься, но объ этихъ картинахъ только разъ вспомнилъ и сказалъ, что ему онѣ къ спѣху не нужны, а у меня замедленіе работы происходило по недостатку копирныхъ рамокъ. За три дня до моего арестованія, именно 25 октября, помощникъ мнѣ показалъ отпечатанную прокламацію, и только тогда я узналъ ея содержаніе, и сейчасъ же появилась у меня мысль, что теперь мнѣ дѣлать но не колеблясь, я рѣшился донести правительству; но наступавшій въ субботу экзамень заставилъ меня отложить мое намѣреніе на нѣсколько дней, и въ воскресенье я хотѣлъ сходить къ знакомому моему г. Покровскому посоветоваться съ нимъ, куда нужно будетъ обратиться и какъ. Всѣ эти три дня я находился, какъ въ жару, не зная, что дѣлать, и на экзамень не помнилъ что отвѣчалъ, черезъ что не получилъ даже отмѣтки. Если бы я былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ гг. Рошковскимъ и Шукстомъ и сочувствовалъ бы ихъ идеямъ и ихъ планамъ, то, во 1-хъ, я бы не по одному только оттиску сдѣлалъ съ находившихся у меня нѣсколько мѣсяцевъ негативовъ, и въ продолженіе трехъ недѣль не одну бы прокламацію отпечатывалъ; во 2-хъ, не довѣрилъ бы подобныхъ вещей, которыя дѣлаются въ тайнѣ и со всевозможными осторожностями, помощнику, котораго зналъ только по имени, который къ мнѣ явился безъ всякой рекомендаціи, Богъ вѣсть откуда, который у меня не жилъ, а приходилъ только съ 8 часовъ утра и былъ до 5 часовъ вечера, и работалъ только всего два мѣсяца. А все это произошло оттого, что я съ ними (съ гг. Рошковскимъ и Шукстомъ) никакого не имѣлъ сношенія; но главное и то, что я никогда бы не могъ сойтись съ ними въ идеяхъ и желаніяхъ, потому что я бѣлоруссъ, а

не полякъ, и по сердцу русскій. Въ жизни у меня было одно только—трудъ, и усиленный трудъ проложить себѣ дорогу въ свѣтъ. И пятилѣтнюю свою жизнь въ Петербургъ со столькими бѣдствіями и лишеніями, какъ для меня, такъ и для бѣдной моей матери. я никогда бы не пожертвовалъ за какія-нибудь мечты; но вовлекли меня въ эту отвѣтственность, опугали меня столькими нитями, поставили меня въ бездну, совершенно безъ моей воли, безъ моего согласія—злые люди. Богъ имъ судья!»

Бабашинскій, послѣ упорнаго запираательства во всѣхъ падавшихъ на него обвиненіяхъ, на очной съ Шукстомъ ставкѣ сознался, что принесенное Шукстомъ воззваніе онъ, дѣйствительно, видѣлъ и читалъ; когда они его прочли, Шукстъ сказалъ: «нельзя ли его снять и посмотрѣть, выйдетъ ли что-нибудь»; въ это время и онъ, Бабашинскій, повторилъ то же и просилъ Шукста, чтобы онъ далъ его для пробы, а затѣмъ отдали его фотографу, который и снялъ, однако, въ то время, когда онъ, Бабашинскій, былъ уже въ другой комнатѣ, а потому, куда дѣвался оригиналъ,—не знаетъ. Читалъ ли Степуто воззваніе, придя домой, не видѣлъ и съ нимъ объ ономъ никогда не разговаривалъ. Незадолго до ареста онъ, Бабашинскій, точно напоминалъ Павлову, сдѣлалъ ли онъ хотя одинъ экземпляръ, чтобы посмотрѣть, какъ выйдетъ. Кѣмъ принесены были къ Степуту найденные при обыскѣ и предъявленные ему оттиски съ картинъ, не знаетъ; можегъ, однако, сказать, что изъ этихъ картинъ онъ никому ни одной не давалъ.

По всепод. докладу обстоятельствъ, обнаруженныхъ комиссіею, послѣдовало выс. повелѣніе: студентовъ Бабашинскаго и Степуто, примѣняясь къ 592 ст. XV т. кн. II, предать сужденію прав. сената.

Бабашинскій и Степуто бывъ выребованы въ присутствіе 1 Отдѣленія V д-та сената, дали подписки въ томъ, что при производствѣ слѣдствія пристрастныхъ допросовъ имъ дѣлаемо не было и что прочитанныя имъ въ сенатѣ показанія, ими данныя на допросахъ и очныхъ ставкахъ, они утверждаютъ; но при этомъ Бабашинскій добавилъ, что доносъ на него представлень Павло-ымъ изъ мести; вина же его состоитъ въ одномъ только любопытствѣ и цѣли никакой не было ни со стороны его, ни со стороны Шукста

«Сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства настоящаго дѣла съ законами, прав. сенатъ находитъ, что подсудимые студенты медико-хирургической академіи Бонифацъ Степуто и Иванъ Бабашинскій оказываются, по мѣрѣ участія ихъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, за которыя преданы суду.—не одинаково виновными. Главнѣйшее обвиненіе ихъ заключается въ воспроизведеніи фотографически

крайне возмутительнаго воззванія на польскомъ языкѣ къ полякамъ, въ которомъ, при описаніи въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ настоящаго управленія Царствомъ, поляки призываются къ отдѣленію Польши и къ непримиримой, непрерывной борьбѣ безъ уступокъ, пока не изгонятъ изъ Польши послѣдняго врага. По этому предмету обвиненія болѣе виновнымъ оказывается Иванъ Бабашинскій. Ему принесъ экземпляръ печатнаго воззванія юнкеръ Шукстъ, въ отсутствіе Степута; тогда же Бабашинскій прочелъ воззваніе и отдалъ оное работнику для снятія на бумагу и потомъ напоминать ему о семъ. Въ другомъ видѣ представляется вина по сему обвиненію Бонифація Степута. Хотя онъ видѣлъ листокъ, принесенный Шукстомъ, въ день снятія онаго на стекло; но по показанію его, ничѣмъ не опровергнутому, содержанія напечатаннаго на томъ листкѣ онъ въ то время не зналъ, а узналъ содержаніе лишь за три дня до ареста, когда готовъ былъ снимокъ, и хотѣлъ донести, но не успѣлъ. Такимъ образомъ Бабашинскій виновенъ въ распоряженіи о воспроизведеніи напечатаннаго безъ дозволенія цензуры сочиненія, принадлежащаго къ числу тѣхъ, о коихъ упоминается въ статьяхъ Уложенія о преступленіяхъ государственныхъ, а Степуто въ недонесеніи о семъ. Кромѣ сего въ фотографическомъ заведеніи Степута найдены недозволенные правительствомъ рисунки и карточки. Обращаясь къ опредѣленію подсудимымъ наказанія, прав. сенатъ находитъ, что согласно 164 ст. Ул., по неимѣнію закона, коимъ опредѣлялось бы наказаніе за совершенное ими преступное дѣяніе, надлежитъ примѣнить къ винѣ ихъ 1366 ст. Ул., кою опредѣляются наказанія за преступленія по важности и роду своему наиболѣе съ ихъ виною сходныя, а именно о наказаніи содержателей типографій и литографій за напечатаніе безъ дозволенія цензуры сочиненій, изображеній и т. п., принадлежащихъ къ числу тѣхъ, о коихъ упоминается въ статьяхъ 197, 207, 279, 282, 285, 286 и друг. Ул. о Нак. Имѣя въ виду, что въ этихъ случаяхъ содержатели типографій и литографій, по упомянутой 1366 ст. подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за сочиненіе и распространеніе означеннаго рода сочиненій, изображеній и т. п., прав. сенатъ признаетъ, что воззваніе къ полякамъ, которое переведено было на бумагу по распоряженію Бабашинскаго, должно быть отнесено къ разряду тѣхъ сочиненій, о коихъ упоминается въ ст. 285 Ул., ибо по содержанію своему имѣетъ цѣлью возбудить къ бунту и явному неповиновенію власти верховной. Засимъ, такъ какъ Бабашинскій въ распространеніи означеннаго воззванія не виновенъ, то согласно 2 ч. означенной 285 ст. онъ подлежитъ заключенію въ крѣпости на время отъ 2 хъ до 4-хъ лѣтъ,

съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ по ст. 54 Улож. правъ и преимуществъ, и во вниманіе къ добровольному его сознанию, въ низшей мѣрѣ сего наказанія, а именно заключенію на два года. Переходя къ назначенію наказанія Бонифацію Степуту, правительствующій сенатъ, при отсутствіи обстоятельствъ, которыя опровергали бы показаніе его, что онъ узналъ о содержаніи воззванія лишь за три дня до ареста и имѣлъ намѣреніе донести, но не донесъ по встрѣтившимся препятствіямъ,—признаетъ, что ему слѣдуетъ, на основ. 138 ст. Ул., сдѣлать строгое внушеніе о всякомъ признакѣ преступленія государственнаго доносить немедленно. По симъ соображеніямъ прав. сенатъ опредѣляетъ: 1, студента Бабашина, виновнаго въ полученіи возмутительнаго воззванія къ полякамъ и въ распоряженіи о воспроизведеніи онаго фотографически, заключить въ крѣпость на два года, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ, по ст. 54 Ул., правъ и преимуществъ, а по освобожденіи изъ крѣпости отдать подъ надзоръ мѣстной полиціи на одинъ годъ 2, студенту Степуту, за недонесеніе объ извѣстномъ ему воззваніи, сдѣлать строгое внушеніе, чтобы онъ доносилъ о всякомъ признакѣ преступленія государственнаго немедленно подлежащему начальству. 3, не исполняя сего опредѣленія, согласно 617 ст. XV т. кн. II, представить оное на высочайшее его императорскаго величества благоусмотрѣніе и ожидать утвержденія.

Государственный совѣтъ согласился съ опредѣленіемъ сената; мнѣніе его было высоч. утверждено. Виновность военныхъ, какъ видно, была выдѣлена; всѣ они, кромѣ Шукста, подверглись дисциплинарнымъ взысканіямъ, а дѣло о Шукстѣ было закончено уже генераль-аудиторіатомъ. Послѣдній полагалъ: лишивъ его портупей-юнкерскаго званія, дворянства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на четыре года. 13 іюля 1863 г. царь подтвердилъ этотъ приговоръ, вкратцѣ опубликованный въ № 64 «Сенатскихъ Вѣдомостей».

Съ 1 ноября 1862 по 3 февраля 1863 г. Степуто и Бабашинскій были заключены въ Петропавловской крѣпости; затѣмъ были освобождены на поруки, а въ іюль были вновь заключены, уже во исполненіе приговора, каждый на два года и 8 мѣсяцевъ. Въ августъ ихъ перевели въ Шлиссельбургскую крѣпость вмѣстѣ съ Вороновымъ и Емельяновымъ.

Потаповъ такъ мотивировалъ шефу жандармовъ этотъ переводъ: «Перемѣщеніе Степуто и Бабашина въ Шлиссельбургъ я бы полагалъ необходимымъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) участникъ въ ихъ преступленіи юнкеръ артиллерійской академіи Шукштъ, осужденный военнымъ судомъ, приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и на 4 года въ каторжную работу, а товарищи его жуируютъ здѣсь при гуманно-филантропическомъ управленіи Петропавловской крѣпости;

2) присутствіе въ крѣпости плацъ-адъютанта Пинкорнелли (о его роли будетъ въ другомъ мѣстѣ—*М. Д.*) и, наконецъ,

3) весьма желаю удалить этихъ господъ отъ товарищей ихъ студентовъ *М.-Х.* академіи и забыть объ нихъ на опредѣленный приговоромъ срокъ».

По окончаніи срока заключенія Степуто былъ отпращенъ въ Вологодскую, Бабашиинскій—въ Архангельскую губ. Надзоръ съ нихъ былъ снятъ въ 1873 г., разрѣшеніе на повсемѣстное жительство дано только въ 1878 г. (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 160).

III. Дѣло о распространеніи воззванія «Третье посланіе старца Кондратія».

12 мая 1861 г. пермскій губернаторъ Лашкаревъ послалъ министру вн. дѣлъ рукописный экземпляръ воззванія третьяго „Посланіе старца Кондратія“, донося, что принялъ мѣры къ установленію виновныхъ; одновременно пермскій жандармъ маіоръ Комаровъ донесъ III Отдѣленію, что семинарское начальство, узнавъ отъ семинариста Попова о прокламаціи 11 апрѣля, до 10 мая держало это въ секретѣ, думая ограничиться домашнимъ слѣдствіемъ. 29 мая всѣмъ губернаторамъ было предписано секретнымъ циркуляромъ «имѣть неослабное наблюденіе за появленіемъ этого сочиненія и своевременными негласными мѣрами предупредить распространеніе онаго въ народѣ, равно стараться напасть на слѣдъ самихъ распространителей». 31 мая обо всемъ этомъ было доложено государю въ Москвѣ.

26 мая губернаторъ донесъ, что маіоръ Комаровъ производилъ слѣдствіе въ семинаріи, откуда это воззваніе исходило, но виновные не сознались, почему губернаторъ самъ взялся за склоненіе ихъ къ должной откровенности. Оказалось, что прокламація привезена изъ Слб. наставникомъ духовной семинаріи Алексѣемъ Никифоровичемъ Моригеровскимъ, «нынѣ уволеннымъ»; онъ взялъ ее въ домъ Вельгорски-Матюшкиныхъ, когда, благодаря пріѣзду гр В. А. Соллогуба, долженъ былъ перебираться въ другую комнату; жилъ тамъ около года; онъ организовалъ переписку ея черезъ семинариста Аркадія Топоркова, сдававшего работу за плату своимъ товарищамъ; переписка началась въ февралѣ 1861 г.; два экземпляра посланы въ Шадринскій уѣздъ съ уволеннымъ семина-

ристомъ Христофоромъ Симоновскимъ, два экз.—повезъ въ Красноуфимскій у. студентъ Кіевскаго унив. Петръ Ефименко. Открылось все дѣло, благодаря семинаристу Александру Попову, показавшему, что семинаристы Михаилъ Колесниковъ и Платонъ Рычковъ переписывали для Топоркова, какъ агента Моригеровскаго; Николай Топорковъ тоже писалъ. Вся «зараза» политикой идетъ отъ владѣльца публичной библіотеки Александра Ивановича Иконникова и его пріятеля Воскресенскаго, близкихъ съ Степаномъ Шиловскимъ и Ефименкомъ. Прикосновенны къ дѣлу еще многіе семинаристы, учителя и «находящіеся безъ всякаго занятія молодые люди». Многіе изъ нихъ уже уволены изъ семинаріи, но этимъ дѣло не должно закончиться. Съ другой стороны, губернаторъ полагалъ, что все можно объяснить необдуманнми шагами молодости, и потому надлежало, устраняя судъ, ограничиться административными наказаніями. Онъ предлагалъ министру для доклада государю слѣдующую группировку:

Моригеровскаго отправить на службу въ одну изъ отдаленныхъ губерній, съ учрежденіемъ полицейскаго надзора; Аркадія Топоркова отдать на попеченіе матери и подъ надзоръ на два года; Колесникова и Апполинарія Коріонова выдержать мѣсяцъ подъ арестомъ; Александру Псаломщикову и Рычкову вмѣнить въ наказаніе исключеніе изъ семинаріи съ дурнымъ аттестатомъ; Симоновскаго отдать подъ надзоръ; Николая Топоркова. Ивана Удинцова и Михаила Мальфина выдержать подъ арестомъ 8 дней; Иконникову сдѣлать стро ое внушеніе и поручить губернатору наблюдать за его дѣйствіями и образомъ мыслей и, ежели онъ окажется вреднымъ, то удалить изъ губерніи; Ефименко выслать въ Вост. Сибирь подъ строгій надзоръ полиціи; Шиловскому и Алексѣю Стефановскому сдѣлать строгое внушеніе; Аркадію Славину — внушеніе; Михаила Хомякова, Ипполита Алексѣева, Николая Вишнеускаго, Филарета Хитрова, Евгенія Кыштымова, Феодосія Некрасова, Тимофея Парышева, Ивана Золотова и Николая Боркова отдать подъ надзоръ, вмѣнивъ въ наказаніе увольненіе изъ семинаріи.

17 іюня шефъ жандармовъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что государь согласился съ губернаторомъ, но для Ефименка, вмѣсто В. Сибири, назначилъ одинъ изъ городовъ Архангельской губерніи, а для Моригеровскаго повелѣлъ выбрать городъ, не населенный раскольниками. Министръ выбралъ таковымъ Тотму, куда Моригеровскій и былъ отправленъ, а Ефименко—въ Шенкурскъ (въ 1860 г. онъ былъ высланъ въ Пермь за прикосновенность къ «тайному обществу, составленному въ Харьковѣ»; въ августѣ 1861 г. переведенъ въ Архангельскъ).

Въ январѣ 1862 г. Лашкаревъ донесъ министру, что семинаристъ Михаилъ Афанасьевичъ Констанскій показывалъ своему родственнику сочиненіе «Пора!», полученное отъ бібліотекаря Иконникова Василя Тихомирова; при этомъ арестованы еще Александръ Васильевичъ Богомоловъ и Илья Ефимовичъ Пономаревъ. Приложенное анонимное письмо направляло все вниманіе власти на Иконникова. 28 марта 1862 г. III Отдѣленіе сообщило министру, что командированный въ Казань, по высоч. повелѣнію, флигель-адъютантъ подполковникъ Мезенцовъ пришелъ къ убѣжденію, что «кружокъ людей неблагонамѣренныхъ образовался въ Казани изъ лицъ, прибывшихъ туда изъ Перми. и находится въ связи съ членами подобнаго пермскаго кружка» Мезенцову было приказано разслѣдовать все дѣло основательно, образовавъ подъ своимъ предсѣдательствомъ особую мѣстную слѣдственную комиссію. Оказалось, что въ Перми рядовому гарнизоннаго баталіона Семену Кулышову было сдѣлано предложеніе изготовить литографскій станокъ для отпечатанія 5000 экз. «Что нужно народу?»; онъ принялъ на себя роль солидарнаго съ молодежью и всѣхъ выдалъ. Впрочемъ, я не буду здѣсь передавать подробности новаго создавагося дѣла (архивы мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г № 111 и III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1861 г., дѣло № 148).

Въ февралѣ 1866 г. Моригеровскому было разрѣшено повсемѣстное жительство, кромѣ столицъ, съ сохраненіемъ полицейскаго надзора; въ 1871 г. отъ надзора былъ освобожденъ, но въѣздъ въ столицу разрѣшенъ не былъ. Прочіе были освобождены отъ надзора въ теченіе 1864—74 гг.

Очень любопытно письмо Лашкарева Валугеву отъ 4 марта 1862 г.: «Возвратясь изъ Ирбита 21 февраля, я засталъ въ Перми фл.-ад Мезенцова, который, передавъ мнѣ отобранныя въ Казани три компрометирующихъ письма Иконникова, доказывающихъ участіе его въ извѣстномъ дѣлѣ распространителей «Посланія Кондратія», и ознакомившись съ этимъ дѣломъ и съ изслѣдуемымъ нынѣ особою комиссіею дѣломъ: о заказѣ литографическаго станка, съ цѣлью распространить вредное сочиненіе, выразилъ мнѣ намѣреніе тотчасъ возвратиться въ Казань, центръ его дѣйствій по секретному порученію. Узнавъ сущность его порученія и слѣдя постоянно за *приходящими* въ Пермскую губ. вредными сочиненіями и, по изолированнымъ мѣстнымъ свѣдѣніямъ, не имѣя возможности составить сколько-нибудь положительное указаніе на источникъ и связь между распространителями вредныхъ идей въ разныхъ губерніяхъ, я счелъ необходимымъ, высказавъ г. Мезенцову все извѣстное мнѣ по сему предмету, предложить ему пробыть нѣсколько

дней въ Перми, и доставилъ ему случай видѣть лицъ, могшихъ дать ему желаемыя свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія, въ связи съ собранными г. Мезенцовымъ, получили нѣкоторое значеніе, и ежели за симъ, онъ счелъ цѣль своей поѣздки исполненною, то, съ другой стороны горсть свободномыслящихъ людей въ Перми оказалась имѣющей болѣе важности по связямъ, нежели, по ничтожности ея, можно было полагать; а потому подлежитъ безотлагательному пресѣченію.

«Для правильнаго сужденія нужнымъ считаю бросить взглядъ на этихъ лицъ:

«Свободномыслящіе, недовольные, искатели переменъ, исключенные чиновники, ученики составляютъ принадлежность и эксcrementъ всякаго общества. Въ Перми къ нимъ, какъ вредная закваска, присоединяются присланные подъ надзоръ, составляющіе, безъ преувеличенія, заразу, отравляющую молодые соки свѣжаго края. Въ прошломъ десяткѣ лѣтъ, элементы эти имѣли мало связи и значенія: они занимались ябедами, доносами, которымъ, къ сожалѣнію, одно время вѣрили и потворствовали въ С.-Петербургѣ. Несчастная война, пробужденіе Россіи, чтеніе Искандера и безумцевъ, думавшихъ встревожить народъ въ тотъ святой часъ, когда правительство освобождало его,—имѣли вліянія и на нашъ отдаленный край, хотя слабое и частное. Въ это время случился рядъ неблагопріятныхъ обстоятельство: въ семинаріи явились учителя молодые: Иконниковъ, Воскресенскій, Моригеровскій и др., которые начали проповѣдывать извращенныя понятія, принятія ими въ нашихъ университетахъ и академіяхъ. Ихъ винить нельзя: 20-ти лѣтній юноша чистосердечно вѣритъ внушенному ему съ кафедръ (грѣхъ на неблагонамѣренныхъ преподавателяхъ и невнимательныхъ начальникахъ). Можно ли винить семинарское начальство? Ждали съ нетерпѣніемъ и полнымъ довѣріемъ къ университетамъ и академіямъ молодыхъ профессоровъ для устраненія зла отъ старыхъ рутинистовъ,—и неожиданно попали въ худшее: пока заподозрѣли и убѣдились въ немъ—вредъ былъ сдѣланъ. Тогда стали исключать вредныхъ учителей и зараженныхъ учениковъ, вслѣдствіе чего образовался кружокъ, соединенный общею участью, сохранившій связь въ семинаріи съ разъѣхавшимися по губерніи товарищами. Иконниковъ сталъ центромъ, открылъ бібліотеку для чтенія. Безъ средствъ, люди эти, съ темными понятіями о свободѣ и переворотѣ, имѣли единственную цѣль: вредить семинаріи—лучшихъ учениковъ уговаривали поступить въ университетъ, писали пасквили на ректора и угрожали доносами въ С.П.-бургъ смѣнить его.

«Въ это время является сосланный Европеусъ; голосъ трибуна

нравится молодежи, она группирвется и получает по итическій отѣнокъ. Стали больше читать Искандера, доставлявшагося, по общимъ отзѣвамъ, почетнымъ гражданиномъ Смышляевымъ. Въ юль 1860 прибылъ исключенный студентъ Харьковскаго и Кіевскаго университета Ефименко. Онъ привезъ ультра-революціонныя сочиненія, направленныя противъ царя, дотолѣ въ Перми неизвѣстныя. Онъ адресованъ былъ единомышленниками и помѣстился на квартирѣ съ состоящимъ подъ надзоромъ Годлевскимъ, который былъ въ тѣсной связи съ кружкомъ, извѣстнымъ подъ именемъ библіотеки Иконникова и К°. Онъ одинъ могъ ввести ихъ въ связь съ другими городами (ежели, только связь существуетъ); онъ воодушевилъ безсознательный кружокъ къ дѣйствию, указавъ цѣль: возбудить волненіе ко времени объявленія крестьянамъ свободы. Какъ ни неисполнимы и безсильны подобныя мечты въ Пермской губерніи, — не слѣдовало Европеуса и Ефименко оставлять въ г. Перми. Въ это время (октябрь 1860) прибылъ новый губернаторъ; общество притаилось. Въ январѣ 1861 начались вновь его дѣйствія, но *подъ маскою*. Иконниковъ, при участіи Ягна (предс. судебн. палаты), затѣяли общество грамотности. Не видя общаго къ нему участія, ни благонадежныхъ лицъ и средствъ въ головѣ (вышеизложеннаго я не зналъ и узналъ уже послѣ извѣстной исторіи «Посланія Кондратія») и замѣтивъ въ уставѣ фразу, что «общество состоитъ внѣ всякаго контроля», я предложилъ измѣнить уставъ — тѣмъ дѣло и кончилось. Ефименко былъ удаленъ въ Красноуфимскъ. Затѣмъ Годлевскій предложилъ составить общество на акціяхъ, для снабженія бѣдныхъ съѣстными и др. припасами; собранные, при участіи Ягна, около 200 р. были промотаны Годлевскимъ (ловко эксплуатирующимъ возбуждаемую имъ молодежь), такъ дѣло и рушилось, какъ бдительностью ректора Дророея открыты распространители «Посланія Кондратія». Результатомъ этого была, въ августѣ 1861, высылка Моригеровскаго, Ефименко, отѣздъ Шиловскаго, И. Золотова, Хигрова, Некрасова и прочей очевидно увлеченной молодежи. Все общество, не составивъ — разстроилось. Къ сожалѣнію остались въ Перми два лица, оказавшіяся въ послѣдствіи главными: Годлевскій, участвовавшій подъ именемъ Генриха, а потому не найденный и ускользнувшій отъ отвѣтственности, и Иконниковъ, хоть и сильно компрометированный, но успѣвшій скрыть доказательства, и, сознаюсь, обмануть меня своими, при обвиненіи, увѣреніями, что въ его лѣтахъ, служебномъ положеніи, и какъ отецъ семейства, онъ совершенно чуждъ столь неблагоразумнаго сообщества. Въ это время послѣдовала о немъ высочайшая резолюція: «поручить начальнику губерніи наблюдать

за его дѣйствіями и образомъ мыслей, и, ежели онъ окажется вреднымъ, то удалить изъ губерніи».

«Нынѣ наступило время исполненія сей резолюціи; я не могу дѣйствовать основываясь на слухахъ или подозрѣніяхъ; но имѣя нынѣ въ виду серьезныя обвиненія, я удалю Иконникова, бібліотека его подлежитъ закрытію (хотя она и приносила пользу въ отдаленномъ краю, требующемъ просвѣщенія, но—просвѣщенія *истиннаго*). Въмѣстѣ съ тѣмъ, по дѣлу о заказанномъ, съ вредною цѣлью, литографномъ станкѣ, подлежатъ удаленію изъ Перми и всѣ прочія лица, составлявшія означенную неблагонамѣренную горсть, коей дѣйствія, наконецъ, обнаружилась и будутъ окончательно пресѣчены.

«Изъ вышеизложеннаго ваше выс—во изволите усмотрѣть, что я лично слѣдилъ за упомянутыми лицами, и всѣ ихъ эфемерные проекты своевременно сами собою разрушались, что 2, не должно преувеличивать ихъ значенія, какъ по незрѣлому, ребяческому ихъ характеру, такъ и по бесплодности покушеній возбудить вѣрный и преданный край. Здѣсь можно возбудить народъ за царя, а никакъ не противъ царя, особенно послѣ 19 февр. 1861, упрочившаго самодержавіе въ народѣ; 3, подобныя мечтательныя покушенія могутъ еще возникать, *заносясь* заразительнымъ вліяніемъ и легко прививающимся къ ссыльнымъ и испорченной молодежи; но надо ожидать, что, при бдительномъ надзорѣ, они сами собою будутъ исчезать безъ послѣдствій; но власть и надзоръ не должны быть ослабляемы, особенно при напряженномъ состояніи рабочихъ въ заводахъ (лишающихся Уст. грамотами поголовнаго хлѣба) и раскольниковъ. 4. Замѣчена особенность лицъ упомянутого разряда: стремленіе вездѣ тотчасъ образовать кружокъ единомышленниковъ; если подобное замѣчается и въ прочихъ губерніяхъ, то такихъ лицъ необходимо тотчасъ удалять въ безопасныя мѣста, подъ строгій надзоръ. *но не въ Пермскую губ., идѣ уже оказались эти и другіе вредные элементы*».

Привожу полный и точный текстъ самаго «Посланія».

Посланіе старца Кондратія ¹⁾.

Вы послушайте, добрые люди, что скажетъ вамъ старый чело-
вѣкъ.

Пожилъ я на свѣтѣ много лѣтъ, много худа и добра видѣлъ на своемъ вѣку. Бывали со мной многіе случаи невзгодные: сажали меня въ разныя крѣпости, морили голодомъ, сыростью, гниlostью, холодомъ, не давали слышать слова челоѣческаго, видѣть лица моихъ братьевъ и сестеръ!.. Горько и тяжело бывало сердцу моему... Но благодарю моего Создателя,—былъ Онъ ко мнѣ больно милостивъ, не по грѣхамъ моимъ. Сто восьмой ужъ годъ пошелъ вотъ мнѣ, а я все живу и свѣтомъ Божиимъ наслаждаюсь. Никакія козни, и ссылки, и мученія не могли вырвать мысли мои, которыя устами разумныхъ и благочестивыхъ старцевъ вложилъ Господь въ мою голову, и которыя входятъ туда затѣмъ только, чтобы моими устами были пересказаны братьямъ моимъ для обращенія ихъ къ свѣту истины. И не могу ужъ я отъ Божественнаго призванія ни въ море, ни въ горы укрытися. Сколько разъ по немощи, по страху истязаній тѣла моего, рѣшался я лишитъ себя сна великаго Божіяго благодѣянія, на подкрѣпленіе людямъ созданнаго,—ибо много горя приносилъ онъ мнѣ; но никогда не хватало на то силъ моихъ,—не могъ я закону Творца своего противитися. И вотъ сызмальства лишь смежаетъ сонъ вежды мои, и освободится умъ отъ мірскихъ светъ, или такъ по немощи лишь забудешся, является моимъ духовнымъ очамъ свѣтлый смиренный ликъ Иисуса съ крестомъ на раменахъ своихъ и повелѣваетъ мнѣ итти во слѣдъ Его и напомнитъ людямъ о Его ученіи, о Его страданіяхъ, претерпѣнныхъ Имъ ради людскаго спасенія, ради избавленія ихъ отъ рабства діаволу. Крѣпка мышца Господня, нельзя ей противитися, и я ей не противлюся.

Благочестивые братья и сестры, теперь я на бумагѣ хочу сказать вамъ то, что по мѣрѣ силъ и усердія, вамъ передано мною устно, и не мною только, но многими людьми Богоугодными, посланниками Божиими, Господними пророками, которыхъ общалъ Онъ послать людямъ въ утѣшеніе во дни антихристовы.

Давно людямъ разумнымъ было вѣдомо, что произвела на свѣтъ антихриста сила вражія, что опутываетъ онъ православный народъ своими цѣпями желѣзными ²⁾. Хитерь разумъ челоѣка, да

¹⁾ См первое и второе видѣнія о. Кондратія, изд. Лондонъ.

²⁾ О семъ зри Апок., главъ 12, ст. 12: горе живущимъ на земли и мори яко сниде діаволь къ вамъ, имѣя ярость великую.

видно хитрѣ его лукавый бѣсъ, самъ сатана. Обманываетъ христіанина и въ адѣ его хочетъ утащить властію, видно, царскою да боярскою. Сказано въ Писаніи, что отниметь антихристъ у людей волю ихъ, и сотворять не волю Божию, а сатанинскую. Сказано въ Божественномъ Писаніи: омрачить антихристъ разумъ православныхъ христіанъ, и поилутъ во мракѣ люди, и не увидятъ они желѣзныхъ цѣпей, которая дастъ сатана антихристу, и которыми свяжетъ антихристъ рабовъ своихъ,—и повлечетъ во адѣ души ихъ, и застонаютъ они тамъ и заскрежешутъ зубами своими, да поздно ужъ будетъ имъ до адываться ¹⁾. И сбылось это слово нерадостное, забираетъ сатана чрезъ своего сподручника антихриста—забираетъ православныхъ христіанъ въ полонъ къ себѣ.

Козни антихристовы.

О лъсти 1-й—сѣченія.

И встанетъ, сказано, братъ на брата, отецъ на сына, сынъ на отца, и будутъ сѣченія ²⁾. Вотъ антихристъ—то и сѣчетъ православный народъ на дворянство боярство и чиновничество, на поповство и купечество, на мѣщанство, солдатство и мужиковъ-пахарей... да и не перечесть всего! Я, говорить, имъ права даю. Ему все это на руку. Пусть, де, они другъ другу завидуютъ, зато мы—въ сторонѣ. Пускай они другъ съ другомъ ссорятся, пускай у нихъ ненависть разгорается. Только выдумай кто противъ насъ пойти, такъ сѣсть его его же братъ: мужика и попа—бояринъ, боярина—крестьянинъ. Поляка мы къ Черкесамъ пошлемъ, Грузина и Черкеса—въ землю польскую, а русскаго мужика—Французу на штыкъ... И внушаетъ антихристъ, сила сатанинская, своимъ приверженцамъ боярамъ первостатейнымъ: нельзя ли какъ ему сдѣлать еще како сѣченіе,—хочется ему землю русскую раздробить въ куски... И сидятъ бояре да это дѣло обдумываютъ,—сидятъ они, а глаза у нихъ, словно у лютыхъ звѣрей, кровью налились, а въ души у нихъ сидитъ черный бѣсъ. то на ту, то на другую штуку ее подергиваетъ...

¹⁾ Цѣпи желѣзныя—*лесть* антихриста и всякое его *насиліе*. О семъ зри у Апост Павла, 2-е Солун., глав. 2, ст. 10 и 11-й, тамъ сказано: *его же пришествіе есть по дѣйству сатанину во всякой лъсти неправды въ пошбающъ хв* И сею ради послетъ имъ Богъ дѣйство лъсти, во еже втровати имъ лжи. См. пророч. Іоанна въ Апок., гл. 13, ст. 2—7: и даде ему змій силу свою, и престолъ свой, и область (власть) великую.

²⁾ Филиппис., гл. 3, ст. 2.

И знаютъ бояре, что есть на Руси православные, возлюбившіе Бога паче благъ земныхъ, и власти антихристовой они не кланяются, а любятъ другъ друга, считаютъ себя братьями равными—по примѣру апостольскому. и крѣпко держатся въ церкви, по вѣрѣ своей, чиновположенія стариннаго. И воспользовались этимъ случаемъ слуги антихристовы, и назвали ихъ раскольниками, и убѣждаютъ они весь народъ русскій ненавидѣть людей Божіихъ. И всѣ попы слугъ діавольскихъ послушались и бранятъ мнимыхъ раскольниковъ. И ругается межъ собой православный народъ, ругается, срамится, на чемъ свѣтъ стоитъ Бояре скотиною обзываютъ православныхъ людей, скотиною неразумною (и то сказать, ничего не разумѣютъ православные), а ихъ самихъ величаютъ курятниками. Поповскій родъ прозываютъ породу жеребьиною. Приказные называются крючкодѣями. Мужика ругаетъ солдатъ мужикомъ-вахлакомъ, а солдата мужичекъ—слабостью! И лаются всѣ люди въ утѣшеніе сатанинское. Да не тѣмъ еще у нихъ дѣло кончается. Злоба межъ нихъ до боя кроваваго разгорается, — до боя кроваваго, убійства смертельнаго.—Такъ-то сила вражія отнимаетъ у людей ихъ волюшку, производя у нихъ сѣченія, давая имъ все выгоды, подливая межъ нихъ кипучую смолу, адской неугасимой огонь зависти и ненависти. И плотно скрывается антихристу самъ отъ огня этого и людскаго сомнѣнія этими своими милостями: никто не догадается о его замыслахъ. Это первая лестъ антихриста.

О лести 2-й.

Вторая лестъ его не легче первой лести. Смертно хочется антихристу поскорѣе развратить людей. Приказываетъ онъ поскорѣе обдѣлывать это дѣло своимъ слугамъ—боярамъ, заслуженнымъ у него. И тѣ скоро поворачиваются Придумали они внести развратъ въ семьи подвластныхъ имъ людей. Для этого они размножили холостой народъ. Сатанинское сѣченіе христіанъ на разныя званія, съ правами большими и малыми, зародило межъ нихъ людей развратниковъ Дочь боярина ужъ нейдетъ за попа; дочь поповская и чиновная нейдетъ за человѣка торговаго, аль простого крестьянина. Въ дѣвкахъ она состарѣется, заведетъ, вмѣсто ребяты, собачекъ разныхъ и кошечекъ, измождитъ себя рукоблудіемъ аль предается скотоложеству, а не пойдетъ на ложе съ человѣкомъ честнымъ. Также и молодой парень изсушитъ себя, измождитъ въ конецъ, а, все-таки, не женится... И вотъ неженатый бояринъ рыцетъ по свѣту, чужихъ женъ онъ отыскиваетъ и пріучаетъ ихъ

къ вѣрности. Не меньше боярина офицеръ отличается: онъ шпорами шобрякиваетъ, эполетами повздергиваетъ, развращаетъ онъ всѣхъ дѣвушекъ и всѣхъ молодухекъ. Тащатся за ними и неженатые чиновнички, и солдатики, и тоже антихристу и его вѣрнымъ слугамъ услуживаютъ: отдадутъ они имъ своихъ женъ и дочерей съ уваженіемъ, и сами тоже на чужбинку разсчитываютъ. Лоятъ рыбу тутъ въ мутной водѣ и отшельники, прозывающіеся монахами, навѣкъ себя дѣвству посвятившіе¹⁾. И боятся ужъ всѣ люди православные женитьбы какъ чумы какой. Не хотятъ они жениться ни за какого продонольствія... И прикидывается антихристъ нелюбителемъ разврата, имъ же устроеннаго. Строго на строго запрещаетъ онъ разводы всякіе: хороша жена иль развратница,—хочешь не хочешь—живи ты съ ней вѣки вѣчныя. И этияъ своимъ нечистымъ повелѣніемъ развратъ непомѣрно увеличиваетъ. Прикидывается антихристъ ревнителемъ благочестія и приказываетъ онъ дѣтей, прижитыхъ не по указу его чиновниковъ, попами именуемыхъ, лишить дѣтей правъ и всякаго мірскаго пособія. И вотъ дѣвка иль вдова, видя бѣду неминуемую, не зная чѣмъ прокормить дитя, пускается на всякія пакости: иная удушаетъ своихъ дѣтей, иная еще пуще развратничаетъ, чтобы лишить себя способности быть матерью, а иная такъ прелается дѣлу, съ естествомъ несообразному,—блудитъ она не съ человѣками. Къ тому жъ ведетъ антихристъ нашъ, тратя деньги, въ казну его собранныя, на потѣхи неурядныя, и не давая вспоможенія бѣднымъ людямъ съ семействами. И отдаетъ чиновникъ жену свою или родное дитя богатымъ людямъ на пользование въ надеждѣ великой отъ нихъ получить помощь себѣ. И строго воспретилъ антихристъ устраивать дома роильные и воспитательныя, показывая себя примѣромъ благочестія. И въ законѣ объ этомъ онъ дѣлаетъ постановленія.. И идетъ православный народъ къ антихристу на удочку. И еще больше святымъ антихристъ притворяется. Ѣздитъ онъ по монастырямъ, принимаетъ тамъ отъ монаховъ-езуитовъ благословеніе, даритъ тамъ приклады разные, низко предъ иконами кланяется, и кладетъ на себя оубы священные. Онъ клянется у гроба Сергія назвать сына своего Сер-

¹⁾ О семь смотри пророчество Павла въ 1-мъ посланіи къ Тимофею, гл. 4, ст. 1, 2 и 3 ѱ: «Въ послѣдняя времена отступятъ нѣщии отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчымъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣрїи лже-словесникъ-оженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ жениться, удаляются отъ бгашень, яже Богъ сотвори въ свѣдїе съ благодареніемъ вѣрнымъ, познавшимъ истину». Такъ же во 2-мъ посланіи къ Тимофею, гл. 3, ст. 1—5: «въ послѣднія дни не стануть времена люта: будутъ бо челоуѣцы самолюбцы... вели чавы, горды, напыщенни... образъ имуще благочестія, силы же его отвергшіеся».

гіемъ и въ газетахъ объ этомъ предъ всѣми хвастаетъ. Хочетъ онъ народъ свой омрачить въ конецъ. Для этого, когда женить антихристъ сыновей своихъ или родственниковъ, то требуетъ, чтобъ его невѣстушки и всѣ новыя сродницы отъ прежней вѣры своей отказывались. А что за вѣра въ породѣ антихристовой? И сей часъ они вѣру свою прежнюю, какъ худой башмакъ, отбрасываютъ, и въ шкуркѣ православныхъ къ намъ представляются. А когда нашъ батюшко, отецъ родной (въ отцы онъ ко всѣмъ называется), нашъ русскій царь своихъ дочекъ и сродственницъ выдаетъ за чужеземныхъ жениховъ отъ вѣры православныхъ не велитъ отказываться. Знай, де, насъ,—вотъ какіе мы религіозные! И голая нѣмчура эту обиду не больно обижается.—лишь давалъ бы онъ сотни милліоновъ рублей за своими дочерьми... И въ конецъ сбиваетъ антихристъ съ толку православныхъ своихъ подданныхъ эту своею лестію. Встрѣчаютъ они его съ криками и слезами отъ радости, провожаютъ съ восклицаніями великими и рыданіями отъ горести, что скрѣдось отъ нихъ ясное солнушко. Развращаетъ антихристъ людей своихъ и выдачею законовъ непосильныхъ, нечеловѣческихъ. Стараются онъ увеличить бѣдный народъ, а проповѣдуетъ имъ о честности. Клянется чиновникъ, что онъ будетъ служить вѣрою и правдою, не будетъ собирать взятокъ онъ, а отъ бѣдности онъ скоро соблазняется на взяточки. И всѣ оттого привыкаютъ ко всякимъ оправданіямъ дѣла мерзости и гадости считаются дѣлами обыкновенными, негрѣшными. И вдосталь народъ развращается по плану антихристову.

О лъсти 3-й.

Чтобъ прочнѣй было антихристу сидѣть на мѣстѣ своемъ, привлечь онъ въ свое управленіе духовное сословіе и прибралъ его къ рукамъ своимъ. Всякаго человѣка обойдутъ попы и архіереи и притянутъ ко антихристу. То громкими моленіями въ Церкви за антихриста, то хвалами его управленію и проповѣдываніемъ о его Божественномъ избраніи, помазаніи отъ Бога самого, они исполняютъ все по мысли своего повелителя. О, роде нечестивый и прелюбодѣйный, доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ? Вы погубили народъ израильскій своими ложными, якобы отъ Бога, прореченіями,—вы довели своими ложными толкованіями закона Еврейскій народъ до того, что онъ распялъ Христа, Который всю жизнь свою только и думалъ, что объ истинѣ и о пользѣ этого самого народа.—И всегда и вездѣ вы хлопотали только о себѣ однихъ, о своихъ выгодахъ; дѣлали всякія низости, изъ-за нихъ вы перетолковывали

и искажали всякія ученія, такъ что нѣтъ теперь ни одной книги на свѣтѣ, которая бы не была вами совершенно испорчена. Въ одномъ мѣстѣ вы проповѣдуете, что надо заботиться о пользѣ всякаго человѣка одинаково, что надо слушаться поэтому народа, и что гласъ народа есть гласъ Божій, и тутъ же приплетаете, что вы тоже избранные Богомъ люди, что вы вѣщаете тоже волю Божию,—такъ говорите вы, попы, въ Швейцаріи и Америкѣ. Въ другомъ мѣстѣ вы увѣщаете народъ безъ всякаго разсужденія и прекословія исполнять волю и похотѣнія одного повелителя, уполномоченнаго командира сатанинскаго,—такъ учите вы у Турокъ и у Русскихъ. Въ третьемъ же мѣстѣ, ни Бога не боясь, и не стыдясь людей и своей совѣсти, вы прямо совѣтуете хромать на всѣ стороны,—вы говорите, будто полезно и другъ о другѣ заботиться, пользу народа соблюдать, своего разума слушаться и вашихъ кармановъ не забывать, вѣрить на слово вамъ во всемъ да и антихристово племя почитать и волю его исполнять. Въ одномъ мѣстѣ вы говорите, что, по закону Божию, всѣ люди свободны, поелику всѣ суть сыны Божіи; въ другомъ вы объясняете, что, по закону Божию, одни имѣютъ право быть господами, а другіе должны быть рабами послушными. О, родъ двоедушный, доколѣ терпитъ вась земля, доколѣ не разверзетъ гортани и не поглотитъ все нечистое ваше поколѣніе! Еще ли мало вамъ вашихъ безчестныхъ дѣлъ, что соединились вы съ антихристовымъ племенемъ и въ русской землѣ?... И выдаетъ антихристъ постановленія, будто въ пользу церкви Божіей. Приказываетъ онъ всякаго Еврея аль Магометанина, обращеннаго къ именуемой православной церкви, гдѣ управляютъ попы и архіереи—задушевные друзья его, награждать даже деньгами, а отступника изъ этой фальшивой вѣры его лишаетъ всякихъ правъ и милостей.—И все его управление такъ устроено, что всякое повелѣніе антихриста во мгновение ока исполняется. Посредствомъ цѣпей, которыми связаны русскіе люди, тянуть бояре православный народъ въ какую угодно имъ сторону, прямою дорогою влекутъ его въ геенну огненную. И идетъ народъ, и никого даже не спрашиваетъ, куда и зачѣмъ идетъ, куда толкаетъ его сила невѣдомая,—идетъ православный по указанію боярскому. И запомывалъ православный человѣкъ, что самому ему далъ Господь свободную волюшку и одарилъ его разумомъ; и отрекся народъ отъ своихъ же словъ, что народный гласъ—Божій гласъ, что его самого надо бы слушаться. Но цѣпи адскія крѣпки, а слуги антихристовы—мудры,—не такъ легко православному отъ нихъ высвободиться. Не даромъ поставили они тайную полицію, не даромъ надъ простымъ народомъ въ надсмотрщики они выбрали изъ среды себя и земскую полицію

разныхъ предводителей и исправниковъ. И распоряжается антихристъ чрезъ своихъ правителей, волковъ, въ стадо Божіе ворвавшихся, по всей волѣ своей. И народъ такъ, какъ скотину, ни разума, ни волюшки не имѣющую, то въ ту сторону, то въ другую онъ длиннымъ кнутомъ попугиваетъ. Не даромъ лежитъ пословица, что у царей руки длинныя. Всѣхъ то людей онъ ими захватываетъ: скажетъ министру своему: «то и то...», и ужъ это непременно такъ сдѣлается. Министръ прикажетъ губернаторамъ и директорамъ, директора—разнымъ управляющимъ, а тѣ—своимъ сподручникамъ. И никто изъ нихъ отказать не посмѣетъ отъ всякаго повелѣнія нечистаго. А то сейчасъ властелинъ смѣститъ его—министра самъ, а другаго противника по повелѣнію, именуемому «высочайшимъ», чрезъ меньшихъ министровыхъ сподручниковъ. Для этого заведены у него и палаты всякія, и народъ самъ раздѣляется на сословія высшія и низшія. И его друзья, его пріатели, милостями его всысканные, къ сословіямъ высшимъ причисленные, въ ежевыхъ рукавицахъ держатъ православный народъ, заставляють его дѣлать работы только грязныя да тяжелыя. И назвали они его «черный народъ», стараются они всѣми манерами православныхъ людей, слугъ своихъ, сдѣлать похожими на сатанинскихъ слугъ—черныхъ бѣсовъ.—И не можетъ ужъ народъ дѣлать по правдѣ своей,—дѣлай по неправдѣ антихристовой.—Но антихристъ—сила вражія, производя межъ людей сѣченія, прикрывается раздачею имъ выгодъ безмѣрныхъ: поселяя межъ людей развращеніе,—прикрывается своимъ благочестіемъ, и порабощая ихъ душу и тѣло діаволу,—ссылается на ихъ же собственное счастье; что не будь, де, у него такого крѣпкаго управленія, безпреколовнаго исполненія всякой воли его, то погибъ бы народъ; по тому, де, что вы, православные, какъ дѣти малыя, не понимаете, что хорошо и что худо, сами себѣ зло надѣлаете, станете, пожалуй, вмѣсто хлѣба, сѣно или глину ѣсть, а то, чего добраго, возьмете ножи, свои шеи одному подставите и другъ друга такъ перерѣжете. А нынче вы живете себѣ безъ всякой этакой опасности. Видишь, не важное дѣло, что кругомъ обирають православныхъ на содержаніе не малой семьи антихристовой: вся-го она съ 40 человекъ, и на всякаго выйдетъ не больше, какъ по два милліончика рублей серебряныхъ. Дворянство проживаетъ на счегъ мірскаго труда немалое, не мало тоже содержится на чужой счетъ и губернаторовъ и другихъ разныхъ управителей и чиновниковъ, не мало и духовнаго званія. Но земля русская обильна, и православный народъ на всѣхъ заработаетъ. Войско содержится тоже на народномъ иждивеніи, войско не малое: миліона въ два человекъ; одолѣло оно всѣхъ одними постоями, слу-

чается, и своими разбоями; но оно надобно для порядка. Чтобы ловчѣе доброжелателемъ людей представиться, онъ частенько смѣшаетъ своихъ сподручникъ съ ихъ теплыхъ мѣстъ. Этимъ разъ антихристъ два дѣла дѣлаетъ: своимъ приставникамъ внушаетъ къ себѣ повиненіе и народу дѣлаетъ удовольствіе. Съ этою же цѣлю онъ постоянно выдаетъ все и законы новые. Но не легче отъ того дѣлается народу: еще злѣе становятся приставники, еще поспѣшнѣе они стараются набивать свои карманы на случай бѣды. Ради этого же онъ показываетъ, будто хочетъ разлить свѣтъ ученія въ темномъ царствѣ своемъ, будто помогаетъ открытію училищъ всякихъ. Но никому не позволяетъ онъ открывать такія училища безъ заявленія ему напередъ о своей покорности и безъ разрѣшенія его избранныхъ приставниковъ. И при дозволеніи открыть училище непременно требуетъ, чтобы былъ въ немъ попъ, вѣрный слугитель антихриста, «какбы для обученія Божиему закону. И растлѣняетъ антихристъ такимъ манеромъ разумъ своихъ подданныхъ еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Для того, чтобы вполнѣ показать себя доброжелателемъ своихъ подданныхъ, онъ объявляетъ, что заботится о свободѣ ихъ и хочетъ отпустить крестьянъ на всю волюшку. Освободить ихъ давно бы слѣдовало. Не смѣетъ человѣкъ отнимать у человѣка его волю, Богомъ ему данную. Вотъ антихристъ, отнявшій у людей волю ихъ, хочетъ, якобы по милости своей, имъ подарить ее. Какъ будто воръ, во время погони за нимъ выбросившій вещь, имъ украденную, можетъ хвалиться своимъ подареніемъ. Крестьянамъ антихристъ говоритъ: «мы даемъ вамъ волю, такъ вы знайте и цѣните это», а боярамъ проповѣдуетъ: «мы сверху, т.-е. по начальству, должны это дѣло устроить. а то оно и безъ насъ сдѣлается снизу, т.-е. отъ народа самого». Гдѣ же тутъ доброе его желаніе, когда боится возстанія народнаго?... Оттого антихристъ, лишь заговоритъ кто о волѣ, всегда и ссылалъ въ Сибирь и съкъ плетьюми, оттого-то не всю истину объ этомъ дѣлѣ и въ газетахъ онъ позволяетъ говорить. Не даромъ онъ тайкомъ съ одними боярами о немъ совѣщавался все. Всѣ дѣла антихриста ложь есть, какъ и онъ самъ—начальникъ лжи. Устроилъ дѣло это онъ такъ, что и крестьяне, пожалуй, подумаютъ, что, отдавъ ихъ имущество въ законную собственность боярамъ и пустивъ ихъ на волю съ своею голою душой, онъ сдѣлалъ имъ большое одолженіе, и бояре останутся въ полномъ удовольствіи: вѣдь, крестьяне послѣ этого будутъ столько жъ угнетены. Въ древности, у Евреевъ, купленный рабъ черезъ семь лѣтъ получалъ полную свободу, такъ какъ въ эти года зарабатывалъ цѣну свою. Въ нынѣшнія времена лошадь, со всею своею упряжью, зараба-

тываетъ цѣну ея въ восемь лѣтъ. У самого антихриста всѣ долги, со всѣми процентными наростами, ежегоднымъ взносомъ шести копѣекъ на рубль, уплачиваются въ 30 лѣтъ. А нашъ крестьянскій народъ, безустанно работавшій на бояръ своихъ вѣки вѣчные, содержавшій своимъ трудомъ, своимъ потомъ и кровью антихриста съ его безконечною ордою бояръ, доставлявшій имъ миллионы рублей на удовольствія, нашъ народъ не заработалъ, видно, себѣ ни земли куска, ни огорода, ни домищечка. Даже лживое хвостовство антихриста предъ крестьянами выходитъ обманъ одинъ. Но исправно ведетъ свое дѣло антихристъ. Сбиваетъ онъ съ толку неразумныхъ людей своими попеченіями о благѣ своихъ вѣрноподанныхъ.—Таковы козни антихристовы, такова его третья лествъ его управленіи.

Но не довольствуется антихристъ своими кознями великими. Отнимаетъ онъ у людей ихъ волюшку и другимъ путемъ,—набирая себѣ разныя воинства.

Власть, данная антихристу.

1. О воинствѣ боярскомъ.

Повѣряетъ антихристъ стеречь царство свое только своимъ избраннымъ сподручникамъ. Во главѣ ихъ стоятъ у него бояре: въ хвостѣ его правительства все бояре же. Всему у него бояре—замычка, всѣхъ щелей затычка. Бояре выдумываютъ законы разные, бояре набираютъ антихристу солдатъ и управляютъ ими черезъ людей, принадлежащихъ древнему роду, искони вѣрно служившему челоуѣкоубійцѣ, отцу лжи и зла—діаволу; бояре слѣдятъ за попами и управляютъ всѣми дѣлами ихними; бояре назначаютъ, какой окупъ должна вносить за себя каждая православная душа въ казну антихристову на его потѣхи, на увеселенія адскія, на развратъ и развращеніе частныхъ людей, на покунку покупныхъ людей, на различныя, его силу увеличивающія, надобности. И нельзя ужъ ничего ни купить, ни продать безъ платы за печать антихристову въ казну его. На хлѣбъ и на всякое житейское продовольствіе цѣна оттого непомѣрно увеличилась. Приходится людямъ православнымъ умирать съ голоду,—люди же антихристовы живутъ роскошничаютъ.—И размежевываютъ межъ собой бояре его землю русскую и по участкамъ владѣютъ ей. Забрали они и народъ въ крѣпость себѣ; нѣкоторыми подѣлились съ чиновными людьми,—этимъ они отдали казенныхъ крестьянъ. А прочимъ людямъ русскимъ они ходу не хотятъ давать:

пусть, де, они будутъ вѣчно рабами нашими. И не можетъ антихристъ обойтись безъ этихъ своихъ вѣрныхъ помощниковъ: они руки его. Не могутъ жить и бояре безъ своего владѣтеля,—силы бѣсовской у нихъ нетути: нельзя рукамъ жить безъ тѣла, силою одареннаго. Оттого бояре стоятъ и направо, и налѣво антихриста, и подъ ногами его и называются его одежею—свитою. Согрѣваетъ эта свита и желѣзное тѣло своего повелителя. Таковъ неугасимый огонь адскаго владычества. Между самыми боярами антихристъ, по обычаю своему, тоже дѣлаетъ сѣченія. Бояре первостатейные, соприсчисленные имъ къ свитѣ своей, всѣми дѣлами его орудуютъ и наслаждаются всѣми его благами. Другіе бояре ужъ такъ себѣ: питаются они, яко псы,—крохами отъ богатаго—всякими роскошествами стола господей своихъ. Отъ свиты антихристовой только можно имъ получить мѣстечко хлѣбное и всякое бѣсовское пожалованье и поможу денежную; потому что она распоряжается и деньгами, съдушъ христіанскихъ въ антихристову казну собранными. Это—первое воинство антихриста.

2. О воинствѣ чиновническомъ.

Тою же ясенькою, золотымъ звономъ своимъ людей привлекающею цѣпочкою, которою удерживаетъ намѣстникъ сатанинъ свое вѣрное воинство—первостатейное дворянство—притягиваетъ онъ и другихъ слугъ вѣрныхъ. Онъ судитъ имъ впереди дворянство вѣчное, навѣки нерушимое, и заставляетъ всѣхъ имъ кланяться, какъ кланяется православный народъ ему самому и боярамъ—слугамъ его, какъ кланялися въ древности Навуходносору люди темные. Наказалъ Бѣгъ тогда Навуходносору, люди темные. Наказалъ Богъ тогда Навуходносора, царя Вавилонскаго. Седьмъ лѣтъ ходилъ Вавилонскій царь свиньею грязною, въ калѣ своемъ запачканною. Но не наказываетъ онъ нашего антихриста, называемаго царя русскаго изъ нѣмецкаго рода голштинскаго,—на судъ блюдетъ его. И требуетъ сатанинская сила почитать и кланяться его чиновникамъ настрого,—и составляетъ изъ нихъ новое воинство. А чтобъ не было непокорности въ самомъ войскѣ томъ, дѣлаетъ и въ немъ онъ сѣченія: низшій у него долженъ кланяться вышшему, а этотъ своему вышшему. И всякій высшій—*неотвѣтчикъ* передъ подчиненнымъ ему. Всякаго человѣка маленькаго большой человѣкъ можетъ *лишить* мѣста его, куска хлѣба насущнаго,—и нѣтъ ужъ тутъ никакого суда. И дорожать исхудалые чиновники милостію антихриста,—желудки ихъ тощѣ другимъ путемъ не най-

дутъ себѣ кушанья. И кланяются въ землѣ русской люди всякій своему набольшему, сатанинскому приставнику. И не знаютъ люди, кому кланяются,—ослѣпилъ сатана ихъ разумы. И забыли они заповѣдь творца своего: *Господу Богу твоему поклонишия и тому единому послужиши*. Гибка стала спина православныхъ христіанъ; не тяжело для нихъ кланяться идоламъ, поставленнымъ надъ ними силою сатанинскою.—Такъ составилъ себѣ антихристъ другое войско изъ чиновниковъ.

3. О войскѣ изъ народа.

Но мало антихристу войска боярскаго и чиновническаго. Хочется ему завербовать себѣ слугъ вѣрныхъ и изъ народа самого, чтобъ въ конецъ оцѣпить народъ христіанскій. И повелѣваетъ онъ своимъ приставникамъ набрать ему войско воинственное. И вотъ не жалѣютъ бояре и чиновники животовъ своихъ, подбираютъ ему молодцовъ къ молодцу. Идетъ на русской землѣ рекрутчина. Воютъ жены по своимъ мужьямъ, воютъ сесгры по братьямъ своимъ, воютъ же больше матери по своимъ сыновьямъ. Слышенъ вой и въ городахъ, по широкимъ улицамъ и по деревенскимъ клѣтямъ. Пойдутъ наши дѣтушки, наши братцы и наши мужья на бойницу, и начнется тамъ убиванье великое. И не столько побьютъ ихъ мечемъ злого врага, сколько палочьями, по приказу офицерскому, и прутьями тонкими, которыми бьютъ солдатушекъ, сквозь строй прогоняючи, по приказу генеральскому отъ имени самого антихриста. И на самой войнѣ съ непріателемъ не заразъ ихъ перерѣжутъ, какъ быковъ откормленныхъ, не отрубятъ имъ заразъ головы, а стануть мучить, истязывать на разные лады и манеры. Кому руку ядромъ раздробить и послѣ доведется ее еще отпилить. Кому шею свернетъ на сторону, и весь вѣкъ онъ будетъ трясти головой, страшно ротъ перекосорочивая, и, на посмѣшище ребятамъ, языкъ наизнанку выворачивая. У кого черѣвы вывернетъ на землю, и три аль четыре дня придется ему во всю мочь кричать и о смерти умалчивать! Набираютъ бояре молодцовъ въ солдаты, обрекая ихъ на убиванье великое, на смерть лютую. По семьямъ оставляютъ они больше сиротство, но зато умѣютъ утѣшить бѣдный людъ—православный народъ. Ничего, что у васъ поле осталось непаханное, а хлѣбушекъ не убраннымъ, ничего, если вамъ придется умирать съ голоду, и некому будетъ на смертномъ одрѣ глаза закрыть. За то будете жить вы въ спокойствіи: никакой лзъ васъ не посмѣетъ разинуть рта на награду боярскую, на при-

тѣсненіе чиновничье и на монастырскій развратъ. Будеть чѣмъ нашему батюшкѣ съ вами справиться: ваши же дѣти и братья разстрѣляютъ васъ. Покойно будетъ въ нашемъ царствіи: никакой врагъ не взойдетъ въ него и не отниметъ престола у нашего батюшки, — добраго царя—антихриста. «Солдатушки, вы соколики не жалѣйте животовъ за отчизну свою!» И попы, вслѣдъ за боярами, кричатъ то же самое.

И видитъ народъ неправду всю, только не пойметъ никакъ, откуда она, да боится и воинства антихристова. Знаеть народъ, что отданъ онъ боярамъ на съѣденіе и чиновникамъ на разореніе, да дѣлать-то ему нечего. Больно зорки бояре, приставники антихристовы, и ужъ очень смышлены они: сверху надзирають они надъ войскомъ,—внизу муштруютъ православный народъ.

И возгордился антихристъ своею силою, своимъ могуществомъ, рече «вознесу престолъ мой до облаки, вознесуся превыше небесъ»,—и присвоиваетъ онъ себѣ имя Божіе. И приказываетъ онъ попамъ и боярамъ возглашать народу во всеуслышаніе, что царь, де, нашъ есть Богъ земной. Въ 1-й книгѣ Моисеевой, книгую Бытія именуемой, содержится ¹⁾: «рече Богъ: сотворимъ челоуѣка по образу нашему», и еще въ той же книгѣ упоминается: «се Адамъ бысть, яко единъ отъ насъ...», и опять въ той же книгѣ упоминается, что Господь говорилъ ²⁾: «сошедше смѣсимъ тамо языки ихъ (людей)». Вотъ антихристъ и вздумалъ рѣчь вести по Божьему: «мы,—говоритъ,—объявляемъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ то и то... мы (сатану, должно быть, онъ тутъ подразумѣваетъ,—вмѣстѣ они всѣ дѣла-то дѣлають), мы, дескать, жалуемъ васъ тѣмъ-то и тѣмъ то». Богъ—существо высочайшее, всеблагое и всемилостивое. Поэтому антихристъ велѣлъ и всѣ дѣла его называть по Божьескому: «мы,—говоритъ,—*всемилостивѣйше* пожаловали васъ такъ и такъ»... И всѣ приказы и указы свои поэтому самому въ царствѣ антихристовомъ именуются «высочайшими». И чиновники на бумагахъ имя его такъ надписываютъ: «по именному *высочайшему* повелѣнію разрѣшено то-то и то-то». . И себя антихристъ велитъ чествовать «величествомъ», а своихъ близкихъ слугъ «сіятельствомъ» И сбылось святое пророчество Даниилово ³⁾: «*И сотворитъ, пророчествовалъ онъ объ антихриствѣ,—по волю своей, и цирь возвысится и возвеселитъ надъ всякимъ боюмъ и на Бога боювъ возмалюетъ*

¹⁾ Гл. 1, ст. 26.

²⁾ Быт., гл. 11, ст. 7.

³⁾ Даниила, гл. 11, ст. 36.

тяжкая». И сбылись слова Павла ¹⁾: «И открытается,—сказано имъ,—противника, превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога, якоже спости ему въ церкви Божіей, аки Богу,—показующе себя, яко Божіе есть. И вотъ тайна беззаконія уже дѣется».

Но не бойтесь, братія и сестры, что далъ мнѣ Господь разумѣть объ антихриствѣ: написалъ я вамъ не для того, чтобъ ослабѣли вы духомъ и безъ сопротивленія отдались ему во владѣніе. Не бойтесь. Всегда были на свѣтѣ антихристы, и въ книгѣ, посланіемъ Іоанновымъ называемой, говорится ²⁾: *«и нинѣ антихристи мнози быша»*. Отъ вашихъ дѣлъ, отъ вашего житія, отъ васъ самихъ зависитъ водворить на землѣ царство Божіе. Облекитесь во всеоружіе правды и съ терпѣніемъ водворяйте на землѣ Божіе царствіе.

Всѣ козни антихристовы сами, аки вѣтромъ по поднебесью развѣются, когда собственнымъ разумомъ во все вникать вы станѣте. Поэтому первая моя къ вамъ заповѣдь будетъ такая: *вѣрьте и надѣйтесь только на свой разумъ и не вѣрьте ничему, чіе своимъ разумомъ понять не можете*. Ибо все на свѣтѣ заражено нечистымъ вѣяніемъ духа антихристового, — нѣтъ правды чистой на землѣ, и всѣ книги заражены разными ересями и по большей части все испорчены то писателями недобрыми и неразумными, то злонамѣренными печатниками, то попами разными, разносителями антихристового духа ученія.

Но вы должны начать обновленіе жизни съ исполненія моей второй заповѣди для того, чтобъ вамъ можно было свято выполнять мою заповѣдь первую. Вторая моя вамъ заповѣдь: *обогащайте разумъ свой познаніями чрезъ ученіе и чрезъ повѣрку своихъ мыслей обсужденіемъ ихъ сообща, на міру*, ибо сотни головъ умнѣй одной головы.

Когда вы исполните двѣ первыя мои заповѣди, другимъ словомъ, когда прежь всего положитесь на разумъ свой, а потомъ обогатите его познаніями черезъ ученіе и бесѣды съ людьми разумными,—тогда не страшны будутъ вамъ всѣ козни антихриста, тогда ясно поймете вы, что всѣ дѣла его, какъ и онъ самъ, суть ложь, что черезъ сѣченія людей на высшихъ и низшихъ, чрезъ доставленіе имъ мнимыхъ выгодъ, онъ хочетъ только укрѣпить власть свою и сдѣлать одинаково всѣхъ рабами своими. Всѣ люди одинаково людьми называются, и всѣ они въ равной мѣрѣ, по возможности, должны быть счастливы. И незначѣмъ антихристу

¹⁾ 2 Салун., гл. 2, ст. 7.

²⁾ 1-е посл. Іоанна, гл. 2, ст. 18.

отнимать все у слабыхъ людей и награждать всѣми блаженствами однихъ своихъ вѣрныхъ рабовъ. И напрасно это попы придумали, будто одному довольно одного таланта, а другому надобно десять. Напрасно они выдумали утѣшать бѣдныхъ людей за ихъ муки въ жизни на землѣ награжденіемъ на небѣ. Пусть морочатъ они этимъ ученіемъ, кто не знаетъ, къ чему оно клонится. «Вы, де, люди глупые, пождите себѣ счастья на томъ свѣту, какъ источать черви ваше тѣло исхудалое, а мы съ антихристомъ, боярами и всѣми людьми знатными здѣсь поблаженствуемъ». Не много людей тогда, братья и сестры, поддадутся ихъ сказочкамъ. Тогда вы узнаете, что передъ Богомъ всѣ равны, что нѣтъ у него ни рабовъ, ни господей, нѣтъ Еллиновъ, нѣтъ Іудеевъ или Магометанъ, — что радъ онъ счастию каждаго изъ людей. Поймете вы тогда и лживое благочестіе антихриста, догадаетесь, что и постановленія его о брачномъ принудительномъ супружествѣ установлены попами его и чиновниками, чтобъ распространить межъ людей рабство діавольское. Поймете, что и благочестіе заключается не въ святошничествѣ, а въ добрыхъ дѣлахъ, и не тотъ—добрый человѣкъ, кто прикидывается, будто онъ совсѣмъ о себѣ не заботится, а только чтобъ другіе блаженствовали. Ложь это, мои милые.—не можетъ жить человѣкъ безъ заботы о себѣ. И кто не радѣеть о себѣ, тотъ и о другихъ не сумѣетъ попечись; и худой онъ человѣкъ. Всякой пусть заботится о своемъ счастиі, — и пусть не будетъ вовсе межъ вами несчастныхъ людей, — но не давайте вы никому въ однѣ руки свои заирать богатства безмѣрныхъ, чтобъ никто не пострадалъ отъ слишкомъ большаго его счастья. Если скуплю я землю и хлѣбъ во всей землѣ, то прѣдется всѣмъ или умирать съ голоду, или быть моими рабами смиренными.—Обо всемъ этомъ вы сами догадаетесь, когда исполните мои первыя заповѣди, когда ничему, кромѣ своего разума да мірскаго разсужденія, вѣрить не станете и обогатите себя знаніемъ.

Третья моя заповѣдь: *крѣпко соединяйтесь межъ собою и всякое дѣло доброе дѣлайте общими силами.* Я сказалъ, что надо дѣлать повѣрку мыслямъ своимъ черезъ разсужденіе о нихъ общее, міромъ. Прибавляю вамъ теперь, что міромъ всякое доброе дѣло легче и удобнѣе дѣлается. Если бы не собирались люди вмѣстѣ, до сего дня у нихъ не было бъ ни домовъ большихъ, ни мудреныхъ машинъ, ни даже дешевой булавочки. Скажу еще, что и силенъ міръ, сильнѣй всякаго человѣка одного въ отдѣльности. Предъ міромъ не устоятъ ни царю-антихристу со всѣми его кознями, со всѣми его воинствами, ни господину боярину. Легко переломать сотню прутьевъ по розницѣ, но не сломать тебѣ и восьмидесяти

прутьевъ. въ одномъ пучкѣ связанныхъ. Стало быть, сообща въ всякое дѣло и умнѣй, и лучше обсудите, когда будете вникать въ него общимъ сужденіемъ, и легче и удобнѣе его сдѣлаете. Не даромъ, какъ повѣствуется въ книгѣ, именуемой Евангеліемъ, говорилъ Христосъ: *«идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое ту и Авъ посреде ихъ», тутъ и сила великая.* Соединитесь же межъ собою, мои други! Но старайтесь, чтобъ при этомъ у васъ было всѣмъ одинаково хорошо. Заботьтесь и о томъ, чтобъ не слишкомъ много прогивъ другихъ забирали у васъ силы люди смышленные, чтобъ невидимо не обратили они въ рабовъ своихъ остальныхъ членовъ въ обществѣ. Заботьтесь и о томъ, чтобъ никто не былъ порабошенъ и притѣсненъ и мірскою завистью; ибо бываетъ полезно иногда шайкѣ завистливыхъ и смѣлыхъ крикуновъ погубить трудолюбиваго и зажиточнаго человѣка и воспользоваться его достояніемъ. Но не будетъ пользы тутъ трудолюбивому человѣку этому. Заботьтесь по возможности, чтобы всѣ равно на землѣ пользовались счастіемъ. Старайтесь, чтобъ и скотъ вашъ счастливъ былъ, чтобы всякое созданіе въ радости наслаждалось жизнію. А потому я вамъ совѣтую воздерживаться, по возможности, и отъ пищи мясной.

Если, исполнивши мои первыя двѣ заповѣди, вы исполните и эту третью заповѣдь мою, тогда сбудется пророчество, написанное въ книгѣ, именуемой книгою пророка Исаи ¹⁾: тогда водворится царство Божіе на землѣ, тогда *волцы и аинцы и муть паститися вкупъ, и левъ, яко волъ, снѣсть плевъ, и змія землю, яко хлѣбъ, не повредятъ, ниже погубятъ...*

Тогда вы сумѣете ваши выгоды и счастье согласить съ счастіемъ и выгодами каждаго существа, каждаго Божьяго творенія.

Четвертая моя заповѣдь клонится опять къ тому, чтобъ всякому было одинаково хорошо на свѣтѣ жить, а не кому-либо одному. Заповѣдь эта касается управленія общественнаго. Надобно, чтобы всѣ люди сами управляли дѣлами своими, сами собою управлялись, а не кто-либо одинъ командовалъ всѣми людьми. Вотъ какая моя заповѣдь: *выбирайте изъ среды себя выборныхъ повѣренныхъ людей и имъ на срокъ поручайте заведывать общественными дѣлами вашими, а потомъ сами за ними присматривайте и почаще требуйте отчета съ нихъ.* Если-бъ, въ положенный срокъ, они оказались къ дѣлу непригодными, тогда замѣните ихъ новыми людьми выборными, своими повѣренными. И кто честно будетъ исполнять службу обществу, кто доставитъ ему много

¹⁾ Исаи, гл. 65, ст. 25

добраго и угодить всякому, того, по заслугамъ, щедро награждайте. оплатите ему за хлопоты и труды его. И много найдется тогда людей, желающихъ вступить въ честное служеніе обществу. И ваше царство тогда будетъ прямо царство Божіе, въ которомъ, какъ сказано въ книгѣ, именуемой Евангеліемъ Матвея ¹⁾: *иже аще хоцетъ вящій быти, будетъ вамъ слуга, а иже аще хоцетъ быти первый, будетъ вамъ рабъ.* Такъ дѣло это вы и устройвайте, чтобъ не было у васъ повелителей, и командировъ разныхъ, а были выборные распорядители общества, повѣренные слуги его.

Повторяю вамъ коротко мои заповѣди.

На передъ всего:

1. *Обоизащайте свой разумъ познаніями* чрезъ ученіе и бесѣды съ людьми умными.

Потомъ исполните мою заповѣдь вторую:

2. *Не вѣрьте.*—Кромѣ своего разума, просвѣтленнаго ученіемъ и мірскими бесѣдами, ничему не вѣрьте, ибо много зла принесла міру довѣрчивость и простота глупая.

Третья моя заповѣдь:

3. *Крѣпко соединяйтесь межъ собой ради общаю счастья,* ради счастья каждаго изъ васъ въ отдѣльности.

Четвертая заповѣдь:

4. *Уничтожьте у себя всякихъ повелителей и начальниковъ и замѣните ихъ слугами обществу;* сами распорядитесь дѣлами своего общества чрезъ выборныхъ людей, чрезъ повѣренныхъ слугъ вашего общества.

Время, братія моя и сестры, приспѣло, не косните, свергайте съ себя иго антихристово и боярское. Дѣйствуйте, и благоразумно дѣйствуйте. Обдумывай всякой дѣло свое насчетъ уничтоженія владычества какого-либо одного первостатейнаго боярина или другаго какого знатнаго сподручника антихриста или его самого; попытай, мимоходомъ, о немъ разсужденія умныхъ людей, сочтутъ ли они дѣло твое полезнымъ и хорошимъ; разузнай, будто ненарокомъ, желаютъ ли и они когда-нибудь стоять грудью за него, а тамъ и начинай съ Господомъ. Но никого изъ своихъ совѣтниковъ и людей знаемыхъ прямо ты въ свое дѣло не втягивай, чтобы вмѣстѣ съ собою не навлечь бѣды на чужую голову и чтобъ за несчастія другихъ не отвѣтствовать. Пускай, кто хоцетъ добрымъ человѣкомъ быть, самъ собою, по мысли твоей, дѣло твое дѣлаеть, и, ужъ если случится бѣда, на себя одного жалуется. Да и зачѣмъ вводить людей во искушеніе?—На первыхъ порахъ страхъ настоя-

¹⁾ Матѣ., гл. 20, ст. 26.

щаго антихристова владычества, пожалуй, еще заставить челоуѣка слабого и измѣнить тебѣ. Явно соединяйтесь вы, други мои, только въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ можно соединиться и открыто вмѣстѣ дѣйствовать по самымъ узаконеніямъ антихристовымъ. Всегда надо дѣлать дѣло свое такъ, чтобы никто не могъ уличить тебя въ твоихъ помыслахъ... Всѣ мысли свои и помышленія храни ты въ глубинѣ души и ужъ никогда ни передъ какимъ начальствомъ антихристовымъ не признавайся въ нихъ, тогда только уцѣлѣешь ты. Такъ начинайте, други мои, дѣло поединачкѣ. Помните только, что не слѣдуетъ медлить дѣломъ, особливо, когда оно кѣмъ-нибудь начато. Если ужъ его началъ кто, общими силами (ибо все ужъ не силенъ одинъ челоуѣкъ), тайно оказывайте поддержку ему и вслѣдъ за нимъ себѣ опять въ одиночку начинайте то же дѣло самое, искореняйте понемногу владычество избранныхъ сподручниковъ антихриста, не исполняйте, а, когда можно, то и разрушайте его постановленія, и такъ понемногу добирайтесь до уничтоженія на землѣ всего племени антихристова и всякаго его владычества. При такомъ вашемъ дѣйствіи въ розницу не будутъ знать антихристъ и ошеломленные бояре его, куда имъ кинуться. Когда же увидите, что во всѣхъ мѣстахъ многіе ваше дѣлаютъ, тогда ужъ прямо безъ страха стройте порядокъ Божій на землѣ, и всѣ поголовно принимайтесь за дѣло общее. Не пожалѣйте тогда и животовъ своихъ ради будущаго счастья, если не прямо вашего, то, по крайности, вашихъ дѣтокъ и сродственниковъ.

Вотъ, дорогіе мои, все что было у меня на душѣ, и что хотѣлъ сказать я вамъ. Слезно умоляю васъ, ради васъ самихъ, исполните мои наставленія. Простите, мои други!.. Старецъ Кондратій васъ никогда не забудетъ, не забывайте и вы слова его.

Обширный комментарий настоящаго тома закончу изложеніемъ дѣла М. С. Бейдемана,—челоуѣка извѣстнаго только специалистамъ и совершенно незнакомаго широкому обществу. Прямая связь его съ Герценомъ уста-овлена имъ самимъ,—онъ былъ наборщикомъ Вольной русской типографіи и идейно всецѣло примыкалъ къ взглядамъ знаменитаго публициста; допущенное имъ отклоненіе въ сторону активной революціонной работы среди крестьянства, вѣрнѣе—намѣреніе взять ее на себя, было очевиднымъ слѣдствіемъ вліянія Огарева. Въ литературѣ о Бейдеманѣ есть только нѣсколько строкъ Шелгунова въ неизданныхъ раньше отрывкахъ изъ его дневника («Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда», 380—381). Фигура молодого революціонера подъ конецъ его двадцати-

лѣтняго крѣпостного заключенія, какъ будто, меркнетъ, но кто пробоваль испытать хоть незначительную часть его участи, тотъ пойметъ, насколько Бейдеманъ имѣеть правъ состоять въ числѣ мучениковъ за свободу русскаго народа.

14 декабря 1860 г. начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній Д. Путята препроводилъ шефу жандармовъ дѣло о поручикѣ драгунскаго Военнаго ордена полка Михаилѣ Степановичѣ Бейдеманѣ; предварительно государю было доложено, что, выпущенный въ іюнѣ изъ Константиновскаго военнаго училища, Бейдеманъ все еще въ полкѣ не явился.

Въ іюлѣ мать его, жившая въ Спб., заявила вел. кн. Михаилу Николаевичу, какъ главному начальнику военно-учеб. заведеній, что сынъ ея 15 іюля уѣхалъ и съ тѣхъ поръ не возвращался

Оказалось, что 20 іюля онъ прибылъ въ г. Куопіо, занялъ тамъ у буфетчика гостиницы штатское платье и денегъ и, оставивъ свое военное платье, а также дорожную на г. Кашинъ, отправился на охоту; но въ Куопіо не вернулся, а между Улеборгомъ и Торнео былъ встрѣченъ проѣзжими; онъ говорилъ, что хотѣлъ видѣть казачій отрядъ, расположенный въ Торнео. Поэтому явилось подозрѣніе, что Бейдеманъ отправился въ Швецію. Причины такого поступка неизвѣстны; поведеніе его въ училищѣ было отличное, выпущенъ по 1 разряду; уроженецъ Бессарабскога губ., православный, 20 лѣтъ; поступилъ въ училище изъ Кіевскаго кад. корпуса. Въ маѣ 1861 г. стало извѣстно, что Бейдеманъ пробрался въ Италію и тамъ вступилъ въ ряды гарибальдійцевъ, о чемъ самъ писалъ роднымъ изъ Рима.

Въ іюлѣ 1861 г. прибравшійся въ Россію Бейдеманъ былъ задержанъ въ Улеборгѣ и, по высоч. повелѣнію, препровожденъ въ III Огдѣленіе. 18 августа онъ категорически заявилъ чиновнику Отдѣленія Горянскому, что не покажетъ ничего о причинахъ своего отъѣзда за границу и о дѣйствіяхъ своихъ тамъ «и въ этой рѣшимости умереть». «Употреблены были всѣ, по возможности, доводы, чтобы его успокоить и подѣйствовать на его убѣжденія, но онъ остался непреклоннымъ въ своей рѣшимости».

Гр. Шуваловъ лично убѣждалъ Бейдемана къ проявленію откровенности, но безъ всякаго результата, а потому сталъ сомнѣваться въ его физическомъ здоровьѣ; онъ снесся съ Долгоруковымъ (былъ въ Ливадіи) по телеграфу, получилъ разрѣшеніе заключить упорнаго офицера въ крѣпость и приказаніе, если откровенность не будетъ проявлена и тамъ, удостовѣривъ установленнымъ порядкомъ въ его умственныхъ способностяхъ. 29 августа Бейдеманъ былъ переведенъ въ № 2 совершенно пустаго тогда

Алексѣвскаго рavelина. При обыскѣ тамъ у него были найдены разорванные лоскутки бумаги, которые при составленіи могутъ быть прочитаны, но не въ полной св зи, за отсутствіемъ нѣкоторыхъ; писана она его рукой. Вотъ содержаніе:

Божіею Милостію
 Мы Императоръ Константинъ Первый
 Государь Всероссійскій
 Ц Польскій Великій князь Ф скій
 и проч. и проч.
 емъ чрезъ сіе нашему вѣ
 жителямъ областей Бѣлом
 Остзейской, Бѣлорусской, Мето
 ской, Заднепровской, Новороссійской
 янской, Курской, Московской, Рязанской,
 ожской, Уральской. Астраханской, жи
 пра, Финляндіи, Грузіи и Закавказья
 помощію рѣшились от
 тельской престол у нынѣ
 ствующаго Александра, отецъ котораго Николай, да будетъ
 имя его проклято во вѣки, отнялъ отъ Насъ престоль блаженныя
 памяти Константина Павловича дорогаго родителя на
 м ащаемъ къ нашему кому народу,
 такъ до рнѣвшему надъ проклятою
 и окоя Николая незаконно твою достиг
 шаго обладанія Русскимъ престоломъ и сына его Александра, нынѣ гра
 бящаго народъ и русскую казну, дабы онъ съ помощію Бога
 поднялся на весь окоянный родъ его, истребилъ бы большаго и
 малаго отъ поганаго древа сего и помогъ бы намъ овладѣть нашимъ
 дорогимъ Прародительскимъ престоломъ. Мы выходимъ изъ темницы,
 въ которой заточены были съ самыхъ малыхъ лѣтъ яннымъ
 и пр. мъ Николаемъ дабы объяв шему
 вѣри русскому народу который всег лагался
 здрав мысломъ полную свободу и Га
 крете е имъ беззаконіе и рабство Л вляемъ
 лѣдущее:
 ская земля принадлежитъ нар
 водеровъ помѣщиковъ которыми
 Царями и Императорами въ ущер
 ляетъ на будущее время собственно
 сская душа родившаяся на свѣ
 пользования этою землею

3. Народъ русскій будетъ управляться самъ собою и всякая канцелярская челядь изгоняется на все пространство Россійской Имперіи.

4. Общее управление Россійской Имперіи будетъ дото в остныхъ сѣздахъ общеземскомъ

5. Рекрутчина

6. подчиняется.

Вся русская казна, если Богъ пожелаетъ Намъ вступить на нашъ Прародительскій престолъ, раздѣляется между народомъ обращаемся къ нашему народу дабы онъ вооружился и сталъ поды Наши знамена. Мы сами поведемъ его на завоеваніе его правъ и надѣемся съ помощію Бога и усердіемъ русскаго народа прогнать изъ Им незаконно пріобрѣтшаго на про дитель престолъ Александра. Д сей Манифестъ Царств в

Константинъ.

1861 отъ Рождества Христова.

12 сентября Горянскій былъ посланъ еще разъ допросить Бейдемана. Послѣдній написалъ на слѣдующій день:

«Я просилъ г. коменданта Сп. Петропавловской крѣпости, чтобы мнѣ позволено было письменно изъяснить нѣкоторыя обстоятельства, послужившія причиною моего ареста. Отвѣтомъ на мою просьбу было появленіе чиновника III Отдѣленія, присланнаго начальникомъ его, предложившаго мнѣ изъяснить ему эти обстоятельства; но я отклонилъ это въ томъ убѣжденіи, что изъясненіе ихъ на бумагѣ болше выиграетъ въ по тепенности самаго изложенія.

«Насчетъ причинъ удаленія моего изъ Россіи я отвѣчу тѣмъ же, что отвѣчалъ прежде г. начальнику III Отд., т.-е.—*ни слова*, и это мой послѣдній и рѣшительный отвѣтъ.

«Но насчетъ причинъ, побудившихъ меня возвратиться обратно въ Россію, а родину, я хочу дать нѣсколько объясненій. Причиною этой излишней острокренности было, есть и будетъ не желаніе улучшить свое положеніе въ настоящемъ и будущемъ, не надежда на какое-либо снисхожденіе, а внутренняя потребность высказать всю мѣру моей ненависти и моего презрѣнія къ существующему правительству и къ тому ряду вещей, который господствуетъ и господствовалъ.

«1. Я воротился на родину для того, чтобы *отмстить* за всѣ страданія, которыя она переноситъ и перенесла,—за глубокое,

мерзкое рабство, въ которое погрязли и несчастный русскій народъ, и русское общество, и которое поддерживается развратнымъ, грабящимъ и убивающимъ въ самомъ зародышѣ всѣ благородныя начатки народнаго развитія правительствомъ;— за пролитую и проливаемую кровь бѣдныхъ крестьянъ, кругомъ ограбленныхъ и обворованныхъ гнуснѣйшимъ правительственнымъ произволомъ;— за подлѣйшимъ образомъ пролитую кровь поляковъ; за то возмущающее душу равнодушіе и презрѣніе къ народу, къ его нуждамъ и къ его стремленіямъ, которыя царятъ всюду, начиная съ закоулковъ Зимняго дворца и кончая тѣми притонами грабежа и разврата, которые называются *правительственными установленіями*. Однимъ словомъ, за всѣ тѣ мерзкіе, нелѣпые и дико-произвольные подвиги той разбойничьей шайки, которая начинается несмѣтною толпою рабскаго чиновничества, грабящаго вдоль и поперекъ.

«2. Я хотѣлъ начать дѣло съ вершины этого правительственнаго кабака, въ томъ убѣжденіи, что разрушивъ и уничтоживъ ее, я бы поднялъ коснѣющій въ невѣжествѣ и рабствѣ народъ на завоеваніе своихъ правъ человѣческихъ и гражданскихъ. Я говорю здѣсь о той власти, именуемой *верховною*, за которою скрывается вся мерзость и гнусность самодержавнаго произвола,— той власти, которая за либеральными фразами, въ родѣ *реформа сверху*, скрываетъ явную неспособность къ рѣшительному социальному, гражданскому и политическому перевороту, который, во что бы ни стало, необходимъ для русскаго народа.

«3. Эта власть, первоначальный шагъ которой былъ привѣтствуемъ съ такою радостью, съ такою теплою вѣрою въ огромную реформу, которая бы сняла съ народнаго развитія тѣ цѣпи рабства и гражданскаго позора, которыя постарался набить на него *Незабвенный* деспотъ, не имѣла настолько характера, чтобы посмотреть будущему своей земли прямо въ глаза и рѣшить *освобожденіе крестьянъ* въ не такой пошлой и смѣшной формѣ, въ какой явились пресловутыя *Положенія*. Народъ и общество ждали другого; народъ изъ давно, съ трепетомъ и замираніемъ сердца, ожидаемаго манифеста ничего не понималъ, не потому, чтобы онъ не могъ отдать себѣ отчета въ перемѣнѣ своего положенія, а потому что для него казалось и самое содержаніе и форма его совершенно неудовлетворительными. Изъ этого—общее глухое недовольство, которое не было понято ни *вершиною*, ни цѣлымъ строемъ безобразнаго правительственнаго скопища; а отсюда—кровь, кнутъ, военныя экзекуціи, грабежъ, произволь...

«4. Россія думала, что эта власть воспользуется средствами нелѣпаго самодержавія для того, чтобы произвести переворотъ, въ

которомъ она нуждалась; чаяла, желала его. Послѣ всего того, что сдѣлалось и дѣлается въ настоящее время, всѣ прекрасныя ожиданія и благородныя надежды лопнули, какъ радужный мыльный пузырь. Кругомъ все по-прежнему: тотъ же дикій и бесполезный произволъ деспотизма, страшная неспособность, боязнь, тупость, совершенное отсутствіе серьезнаго пониманія народа и его стремленій; по-прежнему грабятъ, бьютъ и насилуютъ народъ. Однѣ бездарности замѣняются другими, которыя за звѣздами, княжескими, графскими и баронскими титулами, генеральскими эполетами и тому подобнымъ хламомъ скрываютъ отсутствіе убѣжденій, страшный развратъ и сильную страсть нажитья и обезпечить свою жизнь на широкую ногу гнуснымъ и вопіющимъ грабежомъ. Такія личности, какъ Адлербергъ, Панинъ, Муравьевъ, Строгановъ, Долгорукій и подобная имъ сволочь и гниль, которыя должны бы быть заклеены печатью позора и народнаго проклятія, на которыхъ слѣдовало бы покончить съ тѣлеснымъ наказаніемъ и кнутомъ въ Россіи, еще скрываются за спиною ничего не знающаго, ничего не слышащаго, ничего не видящаго и ничего не понимающаго самодержавія и отравляютъ всякое благородное начинаніе въ народѣ и обществѣ.

«5. Уничтоженіемъ *верховой власти*, т.-е. слѣпого и ни на что неспособнаго самодержавія, я хотѣлъ достигнуть до совершеннаго и повсемѣстнаго уничтоженія помѣщичьяго права на землю и всю русскую землю обратить въ народную общую собственность для обще-народнаго пользованія. *Положеніями*, наполненными вопіющими нелѣпостями и преднамѣренными противорѣчіями, разрушается сильная основа будущаго развитія: *полюбовныя соглашенія*,—начало разложенія общиннаго землевладѣнія и будущаго несчастія русскаго народа. Дворовые люди, остающіеся въ рабствѣ и обдѣленные землей,—начало самаго страшнаго пролетаріата и бездомнаго, безхлѣбнаго скитальчества огромной массы въ Россіи. Неужели выгоды проигравшихся и поддерживающихъ рабство, развратныхъ и дико-невѣжественныхъ *дворянъ* важнѣе выгодъ и будущей судьбы цѣлаго русскаго народа? Это понимали и говорили всѣ, начиная съ благородныхъ сотрудниковъ Редакціонной комиссіи, Тверскаго комитета и кончая огромнымъ большинствомъ общества; этому вопросу посвящены были самыя зрѣлыя и обдуманныя статьи русскихъ журналовъ. Даже большинство помѣщиковъ начинало задумываться... Всѣ требовали одновременныхъ и рѣшительныхъ разграниченій и опредѣленій двухъ сторонъ, изъ которыхъ одна еще ратовала за рабство, за розги, за помѣщичій произволъ; другая съ глухою и сдержанною ненавистью ожидала

освобожденія. *Переходное состояніе*, какъ самое неудовлетворительное и безсмысленное, было осуждено всѣми. И что же изъ этого вышло? Появился манифестъ и *Положенія*, которыя своею двусмысленностью взволновали крестьянъ. Они совершенно правы, если рѣшились разомъ сбросить съ себя рабство и помѣщичій произволъ. Развратное и гнусное чиновничество было очень радо погрѣть себѣ руки и само подняло бунтъ. Затѣмъ—кровь, грабежъ, произволъ въ самомъ дикомъ и безграничномъ его видѣ и возмущающія душу мерзости. И это должны были знать и *вершина*, и всѣ тѣ, которые ее окружаютъ. За пролитую народную кровь нужно мстить кровью. Потомство отдастъ проклятію и позору имя того, который могъ ея не проливать и допустилъ своихъ же слугъ изъ передней Зимняго дворца до ужаснаго звѣрства.

«6. А кровь поляковъ? Ее не скроешь ничѣмъ, ни дипломатическими уловками, ни рабскими статьями газетъ. Она пролита, и пролита самымъ звѣрскимъ и подлѣйшимъ образомъ. За одно это дѣло каждый русскій долженъ ненавидѣть и презирать свое подлое правительство, свою несчастную армію, которую обратили въ толпу гнусныхъ убійць. Гдѣ же либеральныя фразы? Гдѣ же кроткая и благородная мысль, которая когда-то высказалась? Вся Европа, исключая, разумѣется, вполне достойныхъ друзей—Австріи и Пруссіи, съ ужасомъ и омерзениемъ отвернулась отъ этой страшной картины задуманнаго гуртоваго убійства. Мученическая нація желчно почувствовала, что *николаевщина* съ ея героями еще не умерла. Да! Передъ этимъ подвигомъ либеральнаго русскаго правительства лопнули всѣ надежды, лопнуло даже то рабское терпѣніе, которое досталось въ удѣлъ русскому народу и обществу... Общество должно, наконецъ, понять, что рабское тупое самодержавіе—абсолютное зло, не допускающее никакихъ относительныхъ понятій. Оно увидѣло и видитъ, что на громкія фразы безграничнаго произвола плохая надежда!

«7. А цензура? А такое милое учрежденіе, какъ III Отдѣленіе, которое вполне характеризуетъ тотъ правительственный порядокъ, который для своего существованія нуждается въ подобныхъ мерзостяхъ? Они цвѣтутъ, процвѣтаютъ и даже готовы вступить въ новый періодъ развитія. А гоненія на воскресныя школы, а чиновничій произволъ, который грозитъ поглотить въ себѣ самые лучшіе слои народной жизни?... А народное образованіе, которое должно довольствоваться тѣми ничтожными крохами, которыя остаются отъ пышныхъ и громадныхъ бюджетовъ придворной администраціи и бесполезныхъ войскъ? А совершенно произвольная, не соотвѣтствующая ни народнымъ, ни государственнымъ потреб

ностямъ раздача арендъ тѣмъ лицамъ, которыя такъ же думаютъ о пользѣ народа и русскаго развитія, какъ и тѣ благородные сыны Германіи, поступающіе въ русскую службу или, гораздо правильнѣе— въ службу русскаго правительства, чтобы набить себѣ карманъ? А раздача народной собственности въ вѣчное и потомственное владѣніе? Не довольно того, что ограбили и грабятъ народъ въ настоящее время, но хотятъ отнять у него то, что имѣло бы огромное вліяніе въ будущемъ. Землю слѣдовало бы приберечь для размножающагося народонаселенія, ее слѣдовало бы раздать тысячи бездомнымъ батракамъ, а не генераламъ и различнымъ тайнымъ и дѣйствительнымъ *советникамъ*, которые и безъ того уже успѣли нагрѣть руки на счетъ того же бѣднаго народа. Ею слѣдовало воспользоваться для того, чтобы нанести разомъ рѣшительный ударъ чиновничеству и грабежу и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставить тысячи семействъ безъ куска хлѣба. Все это такъ просто и понятно, но развѣ такіе государственные *мужи*, какъ Муравьевъ, Адлербергъ и Игнатьевъ и т. п., думаютъ объ этомъ? они грабятъ, и ихъ грабежъ въ тысячу разъ развратнѣе и пагубнѣе для народа, чѣмъ мелкій грабежъ канцелярскихъ воришекъ. Самые благородные и энергическіе дѣятели, желавшіе дѣйствительнаго добра и любящіе Россію и русскій народъ, смѣло вышли на дѣло, но этотъ омутъ всякой низости, подлости и всего того, для чего не приберешь словъ, сразу остановилъ ихъ. Пора, пора и русскому народу и обществу разбить ту цѣпь, которая приковываетъ ихъ къ гнилой колодѣ—полунѣмецкому правительству. Будущее не лучше; не много добра, а вѣрнѣе—много зла принесутъ питомцы такихъ менторовъ, какъ меценатъ николаевщины Строгановъ.

«8. Вотъ причины, которыя побудили меня возвратиться въ Россію—покончить однимъ ударомъ съ тѣмъ гнетомъ деспотизма, самоуправства, рабства и позора, подъ которымъ задыхается русская жизнь и развитіе, который подсѣкаетъ ихъ въ настоящемъ и безпощадно извращаетъ въ самомъ будущемъ. Мнѣ остается только чувство досады и презрѣнія къ самому себѣ за то, что я не исполнилъ того, что задумалъ. Раскаяніе въ чемъ бы то ни было совершенно далеко отъ меня: я всегда буду презирать и ненавидѣть тотъ омутъ разврата, грабежа, застоя и всякихъ гадостей, который губитъ Россію. Я не отказываюсь отъ своихъ намѣреній, потому что въ нихъ я вижу коренной переломъ въ судьбѣ моего отечества къ лучшему. Совершенное уничтоженіе нелѣпаго, все подавляющаго самодержавія и связаннаго съ нимъ правительственнаго, гражданскаго и политическаго строя—начало новой жизни, новаго развитія. Что бы меня ни ожидало въ будущемъ, я всегда

останусь при этомъ убѣжденіи. Все, что здѣсь написано, было давно высказано, съ необыкновеннымъ талантомъ, со всею страстью негодованія, съ любовью къ Россіи и ея будущему, съ великою гражданскою силою людьми, которые погибли и гибнутъ въ духотѣ правительственнаго гнета. Отъ всего здѣсь написаннаго я не отказываюсь. Никакого милосердія не прошу и не намѣренъ просить».

14 сентября коменданту крѣпости было приказано обратить *«особенное вниманіе»* на этого «въ высшей степени вреднаго чело-вѣка», который поразилъ III Отдѣленіе своею прямою, рѣзкостью и упорствомъ. 27 сентября Александръ II приказалъ: «не предавая его покуда военному суду, оставить въ заключеніи въ крѣпости».

Прочитавъ показаніе, 19 сентября Шуваловъ написалъ своему шефу, послѣ того, какъ самъ ѣздилъ къ Бейдеману: «Я вышелъ отъ него убѣжденный въ томъ, что онъ *фанатикъ самую вредную свойства* и быть можетъ не въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей... Онъ сказалъ мнѣ, что обманутый въ своихъ надеждахъ, убѣждаясь съ каждымъ днемъ болѣе, что государь желаетъ лучшаго только на словахъ, онъ, по примѣру Орсини (въ его глазахъ образецъ всего великаго и благороднаго) рѣшилъ вывести свое отечество изъ настоящаго его положенія, нанеся самодержавію въ лицѣ государя смертельный ударъ, и какъ онъ изъясняется, *разомъ покончить самодержавіе*... Обдумывая свои намѣренія, Бейдеманъ пришелъ къ тому заключенію, что настоящая минута самая удобная для коренныхъ реформъ, онъ рѣшился теперь же возвратиться въ Россію для исполненія своего преступнаго замысла, но опасаясь пріѣхать прямо въ Спб., онъ предпочелъ направить путь черезъ Финляндію въ Архангельскую губ., гдѣ бы онъ сблизился съ раскольниками, отъ которыхъ надѣялся получить матеріальныя средства и паспортъ для прибытія сюда и здѣсь, не медля ни минуты, посягнуть на жизнь его величества, что, по его словамъ, «было весьма нетрудно исполнить, такъ какъ по воспитанію своему въ военно-учебномъ заведеніи ему извѣстны всѣ привычки государя» и потому что «не дорожа жизнью, которую онъ посвятилъ на это дѣло», онъ даже не намѣренъ былъ, по нанесеніи удара, бѣжать и укрыться отъ преслѣдованій... Я прибѣгалъ къ разнаго рода уловкамъ, но онъ непреклонно отвѣчалъ одно и то же, что дѣйствуетъ одинъ и что всякое участіе другихъ лицъ уменьшило бы въ его глазахъ ту славу, которую приобрѣлъ въ случаѣ успѣха. Слѣдуетъ полагать, что онъ говоритъ правду; вообще онъ показался мнѣ правдивымъ и когда ему не хочется отвѣчать на вопросъ, то онъ молчитъ упорно. Для достиженія моей цѣли я, подъ видомъ участія, соглашался ему въ облегченіе его судьбы указать даже на мнимыя лица и вымышленныя

общества, но онъ на это не поддавался и продолжалъ завѣрять, что *дѣйствуетъ одинъ* и что этимъ гордится. Бейдеманъ выражалъ мнѣ и мысль, что онъ надѣялся на мщеніе народа, который увидавъ въ немъ убійцу, подосланнаго помѣщиками, сталъ бы повсюду рѣзать дворянъ». Шуваловъ «не смѣлъ» передать своей бесѣды съ арестантомъ вел. кн. Михаилу Николаевичу и спрашивалъ указанія Долгорукова, «какъ дѣйствовать въ отношеніи его высочества». Въ заключеніе подслужился: «я потребовалъ изъ Финляндіи подробныя свѣдѣнія о заарестованіи Бейдемана и о лицахъ, тому способствовавшихъ, въ томъ вниманіи, что Его Величеству быть можетъ благоудно будетъ знать имя того, который, хотя безсознательно, но спасъ Россію отъ этого изверга». Противъ этого мѣста царь написалъ: «хорошо сдѣлалъ, непременно», а по всей его запискѣ—: «о томъ какъ съ нимъ поступить подумаю еще. Всѣ показанія его можно сообщить В. К. Мих. Ник.».

3 октября комендантъ крѣпости сообщилъ Шувалову, что Бейдеманъ желаетъ объявить ему какую-то тайну. 6-го Шуваловъ опять былъ въ рavelинѣ и потомъ написалъ Долгорукову, что Бейдеманъ тяготится незнаніемъ о своей дальнѣйшей участи, ничего новаго не открылъ, но сказалъ, что, по недостатку средствъ, всѣ 14 мѣсяцевъ пробылъ въ Швеціи, въ Италію не ѣздилъ, подложный манифестъ собирався распространить въ Казанской и Пензенской губерніяхъ, гдѣ крестьяне уже сильно волновались. На указаніе Шувалова, что Бейдеману хорошо извѣстно о фактѣ смерти Константина Павловича, онъ замѣтилъ, что «можно прибѣгать ко лжи, противъ лжи, а правительству наше—ложь». (Шуваловъ не разобралъ, что манифестъ былъ составленъ отъ имени апокрифическаго сына Константина Павловича). «На намекъ мой, что подъ влияніемъ чувства фанатизма онъ присваиваетъ себѣ такія дѣла, отъ которыхъ онъ бы несомнѣнно отступился, Бейдеманъ остался непреклоннымъ и отвѣчалъ, что жертвуетъ своею жизнью лишь тотъ человѣкъ, который проникнуть мыслью необходимости того, что онъ задумалъ, и что «цареубійства не дѣлаются изъ любви къ искусству».

Надпись царя: «Окончательное приказаніе дамъ по возвращеніи». Для всякаго, кто понялъ характеръ Александра II, ясно, что трусость не позволяла ему расправиться съ преступникомъ висѣлицей или пулей: онъ, какъ и его жандармы, былъ убѣжденъ, что такой расправой они сами поднимутъ на себя руку пока скрытыхъ соучастниковъ; съ другой стороны, власть была убѣждена, что молодой человѣкъ переживетъ моральную реакцію и выдастъ цѣлую организацію невѣдомаго ей тайнаго общества.

9 октября комендантъ прислалъ Шувалову записку Бейдемана, въ которой тотъ, «вѣря въ его благородство», просилъ не вмѣшивать въ дѣло своихъ родственниковъ, которымъ онъ, будто бы, писалъ изъ-за границы о намѣреніи ѣхать къ Гарибальди и пр.; онъ писалъ объ этомъ изъ Финляндіи, что не даетъ основанія беспокоить третьихъ лицъ.

26 октября 1861 г. Бейдеманъ представилъ коменданту записку для генерала А. Л. Потапова:

«Вы предложили мнѣ изложить въ историческомъ порядкѣ всѣ обстоятельства, которыя сопровождали мое житье-бытье за границею. Пользуясь этимъ случаемъ, я хочу объяснить, кромѣ предложеннаго пункта, все то, что было мною написано г. Шувалову въ первомъ моемъ объясненіи, неудовлетворительномъ въ томъ отношеніи, что оно было написано подъ вліяніемъ желанія высказать мое личное чувство, а я не обставилъ дѣло изложеніемъ тѣхъ фактовъ, которые бы дали болѣе *юридическій* характеръ моимъ объясненіямъ. Причиною этого было недоразумѣніе, выразившееся на первый разъ тѣмъ, что во мнѣ видѣли орудіе чьихъ-то замысловъ, и дѣло приняло другое направленіе. Имѣя совершенное отвращеніе отъ разнаго рода мистификацій, я постараюсь, елико возможно, очертить все дѣло спокойнѣе и отчетливѣе, не отступая, впрочемъ, ни на шагъ отъ всего того, что было высказано мною прежде.

«Во-первыхъ, признаюсь, мнѣ всегда казалась смѣшною жалкая близорукость нашего правительства, которое убѣждено, что всѣ *опасныя* для него идеи навѣваются нашему несчастному православному люду изъ-за моря. Всякая человѣческая мысль, всякое благородное слово негодованія были принимаемы, какъ отголосокъ *тамошнихъ* партій: то демократовъ, то конституціоналистовъ, иногда республиканцевъ, а подчасъ и коммунистовъ. Это жалкое заблужденіе тѣмъ болѣе непростительно, что оно не могло не замѣтить самобытной жизни русскаго общества и народа. Не нужно быть демократомъ, чтобы негодовать на произволъ; даже не подозрѣвая существованія коммунизма, можно презирать грабежъ и неправду! Русское возстаніе — результатъ сознанія собственныхъ силъ, сознанія безобразія и неправоты той обстановки, которою окружено русское развитіе. Народъ встаетъ не для того, чтобы осуществить какую-нибудь теорію, а для того, чтобы отмстить за свое рабство, чтобы завоевать себѣ человѣческія права! Все это я сказалъ не для красоты слога, а для того, чтобы разъяснить свои отношенія къ этому вопросу. Я уже выше сказалъ, что во мнѣ хотѣли видѣть субъекта (выражаясь юридически), *зараженнаю* идеями демократизма, замыселъ котораго былъ результатомъ исключительнаго

господства одной мысли (*idée fixe!*). Во мнѣ видѣли *фанатика*, который, въ *безсознательномъ* стремленіи къ осуществленію своего *идеала*, рѣшился на *цареубійство!!* Оставляя пока въ сторонѣ свои идеалы и желанія, я для прекращенія подобныхъ недоразумѣній, а больше всего для очищенія собственной совѣсти, отстраняю отъ себя эту роль благороднаго самопожертвованія, которая во всякомъ случаѣ заслужила бы мнѣ, если не любовь народа, то полное уваженіе его. Стрѣлять въ кого бы то ни было изъ *любви къ искусству*, изъ одного желанія во что бы то ни стало сдѣлаться *жертвою*, — эта мысль всегда была отъ меня далека, не потому, чтобы во мнѣ не нашлось глубокаго сочувствія ко всякому благородному подвигу, а потому, что подобныя *жертвы*, хотя и оставляютъ слѣдъ, рѣдко достигаютъ своей цѣли. Мнѣ хотѣлось другого. Я видѣлъ въ достиженіи своей цѣли *цареубійства* не торжество демократіи въ Россіи, не осуществленіе своихъ мыслей и идеаловъ, а *начало* того движенія, которое такъ или иначе *разрушило бы* настоящій порядокъ вещей. Я не былъ адептомъ какой бы то ни было политической *секты*, я только желалъ, желаю и буду желать счастья и человѣческихъ условій общественнаго быта своему народу. Еще разъ повторяю, что не нужно вліянія никакихъ партій, а побольше любви къ русскому челоуѣку да каплю здраваго смысла, чтобы, скрѣпя сердце, ударить съ плеча въ безобразное правительственное скопище, которое насъ давитъ, душитъ и грабитъ.

«Изъ всего этого вы видите, что мое дѣло очень просто: никакихъ демократическихъ или скандинавскихъ партій, никакихъ заговоровъ и т. п. Я просто челоуѣкъ, оскорбленный до глубины души наглýmъ произволомъ, возмутительнымъ развратомъ и всѣми мерзостями нашего милаго правительства. Тутъ дѣло не въ Гарибальди и не въ Орсини, которыхъ я отъ души люблю и уважаю, а въ нашихъ доморощенныхъ *кондотъберахъ*, грабящихъ и убивающихъ народъ, въ доказательство своего отеческаго попеченія объ немъ.

«Мнѣ остается теперь отвѣчать на вашъ вопросъ о жизни моей за границею.

«Въ этомъ случаѣ я постараюсь освѣтить ее настолько, насколько это нужно для *юридическаго взгляда* на предметъ. Подробное описаніе моего житья-бытья было бы слишкомъ скучно и утомительно, а главное—не дало бы никакой пищи самой тонкой казуистикѣ.

«Начну съ того, что предположеніе мое объ отправленіи къ Гарибальди не осуществилось, и я даже долженъ былъ остаться въ Швеціи. Отыскивая матеріальныя средства для своего существова-

нiя, я переходилъ изъ одного города въ другой, занимаясь ручною работою. Не надобно забывать, что конецъ прошлаго и начало настоящаго года были *ознаменованы* блистательными подвигами нашего правительства, въ которыхъ оно, казалось, хотѣло превзойти самого себя. Я не буду говорить обо всемъ, что сдѣлано имъ въ это время; замѣчу только самые крупные *сюрпризы*, какъ, на примѣръ, варшавскiй съѣздъ, бессмысленная политика въ отношенiи къ Италiи, которые, конечно, во всякомъ русскомъ, не поврежденномъ въ здоровомъ смыслѣ, должны были возбудить самое желчное негодованiе, и если эти нелѣпныя и вредныя для русскаго народа *выходки* не были встрѣчены полнымъ гласнымъ сопротивленiемъ, если онѣ не вызвали открытаго протеста со стороны общества, то это можно развѣ объяснить только непонятнымъ ослинымъ терпѣнiемъ нашего общества.... Не стану расписывать настоящаго порядка вещей, скажу только, что вся эта мерзость можетъ довести всякаго человѣка до мщенiя и остервененiя... Но пресловутый манифестъ объ освобожденiи крестьянъ да гнусное убiйство несчастныхъ поляковъ заставили меня убѣдиться, что *хорошаю* ожидать нечего, что крестьянская кровь требуетъ отмщенiя, словомъ, что только тогда рухнетъ вся гадость нашей жизни, когда народъ встанетъ на ноги... Средство, которое я избралъ, мнѣ показалось самымъ вѣрнымъ. Остальное вы знаете изъ перваго моего объясненiя, написаннаго г. Шувалову.

«Въ Швециi я не имѣлъ сношенiя ни съ какою политическою партiею, ни съ кѣмъ не велъ переписки,—это говорю для того, чтобы успокоить наше правительство; я даже смѣю увѣрить его, что если бы даже я и хотѣлъ этого, то не имѣлъ въ этомъ случаѣ никакой физической возможности. Всякiе политическiе розыски будутъ напрасны,—тамъ даже не знаютъ моего имени.

«Кончая все это, я еще разъ повторяю, что я—не выраженiе или орудiе какой-нибудь партiи, и если я рѣшился на ударъ, то это не для осуществленiя своихъ идеаловъ, а потому, что видѣлъ необходимость рѣшиться на это. Помочь моей бѣдной родинѣ было единственнымъ и самымъ сильнымъ моимъ желанiемъ.

«На все, что могло бы возбудить ваше недоумѣнiе въ написанномъ, я готовъ дать вамъ личное мое объясненiе.

Михайло Бейделманъ.

«P. S. Городовъ, въ которыхъ я жилъ, не называю,—я полагаю это совершенно лишнимъ; скажу только, что обратный путь въ Россiю я началъ съ юго-западной стороны Швециi и въ Торнео перешелъ русскую границу».

2 ноября государь приказалъ, все-таки, оставить Бейдемана въ равелинѣ впредь до особаго распоряженія.

Характерно указаніе въ черновикѣ всепод. доклада шефа жандармовъ, что все написанное и сказанное Бейдеманомъ доказываетъ раздраженное состояніе его души, свидѣтельствуящее въ нѣкоторой степени ненормальность умственныхъ его способностей. «Состояніе это съ оставленіемъ его въ крѣпостномъ заключеніи едва ли можетъ измѣниться къ лучшему и, вѣроятно, будетъ имѣть слѣдствіемъ умопомѣшательство». Эта откровенность была вычеркнута. Шефъ жандармовъ полагалъ, что «въ видахъ законности, равнымъ образомъ и для предупрежденія нареканія со стороны общества, требующаго во всемъ законнаго и гласнаго направленія дѣлъ и осуждающаго обыкновенно административныя мѣры правительства, хотя бы онѣ были, какъ чаще случается, съ пользою для лицъ, противъ которыхъ мѣры сіи принимаются, желательно было бы, чтобы Бейдеманъ преданъ былъ законному суду, котораго онъ и самъ проситъ. Судъ неминуемо приговоритъ его къ тяжкому наказанію, тѣмъ болѣе, что онъ не показываетъ ни малѣйшаго раскаянія—это также признакъ ненормальнаго состоянія ума; но какъ бы строгъ ни былъ судебный приговоръ, наказаніе, опредѣленное судомъ, ограничивается извѣстнымъ срокомъ, въ продолженіе коего преступникъ побуждается заслужить своимъ добрымъ поведеніемъ облегченіе участи, не лишается надежды въ будущемъ и имѣетъ цѣль жизни; тогда какъ въ заключеніи на неопредѣленный срокъ безнадежность можетъ довести до отчаянія, а въ Бейдеманѣ непременно увеличитъ ожесточеніе. При этомъ представляется вопросъ, сколько времени предполагается содержать Бейдемана въ заключеніи и какъ поступить съ нимъ, если послѣ нѣсколькихъ лѣтъ государю императору угодно будетъ обратить на него свое милосердіе? Бейдеманъ еще очень молодъ; черезъ 10 лѣтъ онъ не достигнетъ еще вполне того возраста, въ который разсудокъ въ состояніи будетъ взять верхъ надъ его заблужденіями и увлеченіями, а между тѣмъ десятилѣтнее заключеніе усилитъ въ немъ еще болѣе раздраженіе и въ такомъ положеніи души онъ не въ состояніи будетъ оцѣнить снисхожденія, какъ это доказалъ теперь Бакунинъ».

Вся эта откровенность такъ и подталкивала Александра II подписать смертную казнь, которую можно было произвести скрытно, безъ всякаго суда, но трусливый царь такъ и не рѣшился на подобный шагъ, до 1866 г. расчитывая на откровенность, хотя бы съ отчаянія, а послѣ каракозовскаго выстрѣла опять остро ощущая страхъ смерти.

5 января 1862 г. Бейдеманъ послалъ еще одно показаніе, въ которомъ новаго, однако, нѣтъ ничего; онъ указывалъ, что пробрался изъ Россіи въ Финляндію именно для приведенія въ лучшее исполненіе своего замысла о цареубійствѣ и никакихъ сообщниковъ при этомъ не имѣлъ.

Тогда же коронный ленсманъ Улеаборгской губ. Іоганнъ Коккъ былъ награжденъ тремястами рублями... Этой дешевой расплатой ограничилась благодарность царя за спокойствіе Россіи...

25 января Потаповъ былъ у Бейдемана, желавшаго видѣть именно его. О результатѣ ихъ свиданія нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Въ іюнѣ Бейдеманъ представилъ коменданту свое сочиненіе «Нѣчто объ Утопіи (Посвящается г-ну Потапову)». Приведу его полностью, исключивъ лишь нѣсколько грубо-неприличныхъ словъ.

«Не все то золото, что блеститъ».

(Русская пословица).

«Въ словарѣ человѣчества есть нѣсколько словъ, судьба которыхъ очень замысловата. Сказанное обыкновенно отдѣльною личностью извѣстной національности, на извѣстной почвѣ, получаетъ то слово право гражданства у всѣхъ народовъ, на различныхъ почвахъ; повторяютъ то слово всегда и вездѣ, говорятъ то слово кстати и некстати. Къ такимъ привилегированнымъ словамъ принадлежитъ, безспорно, и слово «Утопія» (Utopië, Utopia и т. д.). Сказала то слово могучее на англійской почвѣ одна изъ громаднѣйшихъ личностей XVII стол. Тома Моръ (Thomas Morus), раздавленная подъ гнетомъ деспотизма Генриха VIII. Въ своей книгѣ, написанной по тогдашнему обычаю на латинскомъ языкѣ и озаглавленной словомъ Utopia; онъ произносилъ страшное слово осужденія тогдашнему порядку вещей и тогдашнему общественному устройству; могучей рукой рисовалъ онъ и другое общество и другія общественныя отношенія. Заклеймили тѣмъ словомъ всякую честную мысль объ уродливой постройкѣ современнаго общества, всякую благородную мечту о человѣческомъ и нравственномъ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ существованія и объ совершенной умственной свободѣ всѣхъ личностей въ кастическомъ обществѣ. Пошло гулять съ тѣхъ поръ то слово по бѣлому свѣту: шипятъ его шипомъ змѣинымъ и бояре-помѣщики, и сановники съ вельможами и генералы шитые,—больно любятъ они то слово бессмысленное, шипятъ его всѣ ученые тупоумные, шипитъ его всякая тварь подколотная.

«Но дѣйствительно ли все то *утопія*, что мечтается; и все то *суть*, что существуетъ? Дѣйствительно ли былъ *утопистъ* Гракхъ Бабёфъ, который за свои убѣжденія сложилъ голову на эшафотѣ; и дѣйствительно ли *практическіе умы*—та стая пошлыхъ французскихъ экономистовъ, какъ, напр.: Мишель Шевалье, Воловскій и etc., которые уживаются съ такимъ *подло-наилымъ* правительствомъ, какъ правительство Луи-Наполеона? Дѣйствительно ли былъ *утопистъ* Робертъ Оуэнъ, котораго вся жизнь была однимъ подвигомъ, и дѣйствительно ли *нравственные люди* такіе дѣятели, какъ Маколей, Брумъ, Пальмерстонъ и Гладстонъ?? Дѣйствительно ли были *утописты* Стенька Разинъ и Емельянъ Пугачевъ, которые погибли страшною смертью въ рукахъ подло-низкаго (не русскаго) правительства; и дѣйствительно ли *благородные граждане* и *практическіе дѣятели* такая сволочь, какъ Панинъ, Долгорукій, Гагаринъ, Игнатъевъ (анаеема!!!), Муравьевъ ¹⁾, Бутковъ, Строгановъ, Адлербергъ ²⁾ и т. д.?? Дѣйствительно ли *утописты* такія свѣтлыя личности, какъ Огаревъ и Герценъ, и дѣйствительно ли *практическіе дѣятели* такіе умишки, какъ Бабсть ³⁾, Чичеринъ, Безобразовъ и другая московская кислятина??

Съ другой стороны, *что такое нелѣпое самодержавіе, какъ ни величайшая утопія?* (разумѣется, съ точки зрѣнія пользы, какую оно приноситъ обществу, а не съ точки зрѣнія *особъ* первыхъ трехъ классовъ, т.-е. покрытіе грабежа, чиновническаго разбоя, всякой неправды и другой гадости). *Что такое наше чиновничество, какъ не утопія?* (опять-таки съ точки зрѣнія общественной пользы, а не съ точки зрѣнія г. Переверзева, который въ министерствѣ финансовъ доказалъ, какъ дважды два—четыре, что *честность* есть *утопія*; потому самому его сдѣлали сенаторомъ ⁴⁾ для доказательства другой аксіомы: *справедливость и правдивость есть утопія*, что онъ и не замедлитъ доказать). *Что такое весь нынѣшній порядокъ вещей, какъ не утопія?* (опять-таки съ точки зрѣнія пользы русскому народу, а не съ точки зрѣнія такой нѣмецкой ж . . . , какъ Адлербергъ, которому больно мило и грабежъ администраціи, и неправда въ судахъ, и рабство, и безотвѣтственный разбой, и преслѣдованіе всякой свободной русской мысли; больно мило ему и министерство двора и темная театральная дирекція съ

¹⁾ Прошу г-на читателя, т.-е. г-на III Отдѣленіе, увѣдомить меня, когда отправятъ *сею добляню мужа* на покой; я *отъ всего сердца скажу ему анаеему*, какъ говорю это Игнатъеву.

²⁾ Какъ позабыть такого голубчика.

³⁾ Такъ и слышитсл картофельная отрыжка питерскаго сапожника изъ нѣмцевъ, проживающаго на Васильевскомъ острову.

⁴⁾ Доходили эти слухи и до Швеціи.

чиновническимъ характеромъ. По нашему крайнему разумѣнью, его бы давно пора nach Vaterland, пускай бы цѣловался тамъ съ Милой Юганновной).

«На *первыя* вопросы отвѣчаю—*нѣтъ*.

«На *вторые* вопросы отвѣчаю—*да*.

«Теперь нѣсколько словъ къ вамъ, г. Потаповъ. Вы—*утопистъ* потому самому, что вы должны или отказаться отъ здраваго смысла или оставить III Отдѣленіе. Я называю *утопіей* желаніе принести пользу русскому народу, служа въ III Отдѣленіи: здравый смыслъ осуждаетъ всякое тайно-полицейское преслѣдованіе злоупотребленій; слѣд., вамъ остается преслѣдовать *нашею брата*, а это ужъ *тою*, не для меня, не безпокойтесь, я и самъ *зубастъ*, а для юношей неопытныхъ. Хотя вы и не Богъ знаетъ, что преобразовали въ Спб. и въ Москвѣ (объ вашей дѣятельности въ Варшавѣ я въ неизвѣстности), но все-таки, вы показали честное русское намѣреніе дѣйствовать добросовѣстно; а за это большое спасибо. Одно странно въ вашей дѣятельности: это быстрое перескакиваніе съ одного мѣста на другое, изъ одной столицы въ другую; или васъ увлекали роковыя слова: Петербургъ, Москва, Варшава, или что-нибудь другое, только это обстоятельство заставляетъ задумываться насчетъ характера вашихъ реформъ. Вѣдь, вы не сказочный богатырь, г. Потаповъ, а ужъ тотъ богатырь:

Башни за облакъ кидаетъ.

«На всѣхъ парусахъ промчавшись мимо трехъ столицъ, бѣлокаменныхъ, вы бросили якорь въ III Отдѣленіи,—это уже изъ рукъ вонъ! Оставьте пожинать лавры на этомъ поприщѣ всякимъ нѣмецкимъ с... мъ и поѣзжайте въ Москву преобразовывать полицію на *русскій ладъ* (только не на нѣмецкій, т.-е. не на чиновническій). Этимъ вы избавите честное русское имя отъ позора и принесете дѣйствительную пользу русскому народу. Не сомнѣваясь въ вашемъ благородствѣ, я думаю, что вы примете этотъ совѣтъ.

«P. S. Если вы встрѣтите г. Шувалова, то передайте ему отъ меня мое русское спасибо за то, что онъ отказался украшать своимъ присутствіемъ III Отдѣл., чѣмъ онъ избавилъ *еще* одно русское имя отъ срама и вѣчнаго позора.

«*Прилѣчаніе*. Манифестъ *объ освобожденіи крестьянъ* я не причисляю даже къ утопіямъ, это такая х....., что я не нахожу довольно словъ, чтобы выразить его *суть*; вообще онъ подлѣ ниже всякой подлости, скверенъ ниже всякой скверности, мерзокъ ниже всякой мерзости, нелѣпъ ниже всякой нелѣпости и гадокъ ниже всякой гадости!!!!

Михайло Бейдеманъ».

Вслѣдъ за этимъ въ III Отдѣленіе поступила стихотворная повѣсть «Ванюша (Подражаніе древне-русской повѣсти «Горе-Злосчастіе»)» съ эпиграфомъ изъ Огарева:

«Выпьемъ, что-ли, Ваня,
Съ холоду да съ горя;
Говорятъ, что пьянымъ —
По колѣно море».

Въ концѣ читаемъ:

«Эту повѣсть сочинялъ да написалъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года, своимъ землякамъ на радость, а Царю-Государю, да вельможамъ, да сановникамъ, да генераламъ шитымъ, да боярамъ-помѣщикамъ—на удовольствіе, крестьянинъ села *Неробкаю, Михайло Бейдеманъ*; а ужъ тотъ крестьянинъ:

Попался въ лапы къ горю-злосчастному,
Попался въ когти къ горю-горемычному;
Да не боюсь я тебя, горе-злосчастное, окоянное,
Не боюсь тебя, горе-горемычное, распроклятое;
Хоть и нѣтъ у меня въ плечахъ мощи богатырской,
Да горить во мнѣ злобное сердце, крестьянское!»

Приведу наиболѣе существенное, выражающее прямое содержаніе повѣсти, замѣтивъ, что сдѣланныя купюры почти равняются печатаемому,

Восходило красное солнышко
Надъ матушкой Русью православною;
Освѣтило родную изъ края въ край:
Много широкихъ рѣкъ зарумянило да глубокихъ озеръ,
Много нивъ колосистыхъ да зеленыхъ луговъ,
Много широкихъ степей, да дремучихъ лѣсовъ,
Много селъ, деревень, городовъ.
И заиграло, красное, на церквахъ златоглавыхъ.
Весело стало и птицѣ, и звѣрю лѣсному,
Весело рыбѣ рѣчной, и коню степному;
Веселилась всякая тварь, на широкую Русь гляючи,
Заскакала, запрыгала живая, припѣваючи.
Не весело только во большомъ селѣ во *Неробкомъ*,
А изъ того села, изъ большаго—*Неробкаю*—
Выѣзжалъ Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ;
Выѣзжалъ богатырь въ Москву златоглавую
За золотой казной да за краснымъ товаромъ.

Убивалася родная матушка, сына-богатыря провожаючи,
 Бѣлымъ рукавомъ горькія слезы вытираючи;
 Убивался родимый, къ широкой груди сына прижимаючи,
 Крѣпкой рукой ему кудри поглаживаючи.

.....
 «Да берегись, Ванюша, горя-злосчастливаго,
 «Ходить горе и въ день и въ ночь по дорогѣ столбовой,
 «Никуда нельзя отъ горя спрятаться,
 «Нигдѣ отъ горемычнаго не укроешься.
 «Ходитъ горе по кабакамъ большимъ, по придорожнымъ,
 «Нашего брата выглядываетъ да высматриваетъ;
 «Сидитъ горе за большимъ столомъ, за зеленымъ,
 «Бумаги пишетъ хитрая, красной печатью припечатываетъ.
 «Хуже гада земнаго да лютаго звѣря горе-злосчастное».

.....
 Завидѣло горе-злосчастіе тройку могучую,
 Заслышало горе-горемычное дрожь земную;
 Завидна стала горю-злосчастному прыть молодецкая,
 Завидна стала горемычному сила богатырская.
 А сердце у горя проклятаго злое, змѣиное.
 «Исполать тебѣ, Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ,
 «На головѣ у тебя русыя кудри завиваются,
 «У тебя въ плечахъ мощь богатырская,
 «Да въ груди у тебя сердце молодецкое.
 «Могучи кони твои черногривые,
 «Крѣпко слажена у тебя телѣга дубовая;
 «Да доѣду я тебя, горе-злосчастное,
 «Допеку тебя я, горе-горемычное».

.....
 Распрягалъ крестьянскій сынъ тройку могучую.
 Надѣвало на себя мундиръ горе-злосчастное,
 Шпагу чиновную съ боку цѣпляло горе-горемычное,
 Каску съ гербомъ на голову клало горе проклятое;
 Царскихъ солдатиковъ громко сзывало горе окоянное.—
 Входило во постоялый дворъ горе-гореваньице.

.....
 Подходило къ Ванюшѣ-богатырю горе-злосчастное:
 «Ты откель и зачѣмъ пожаловалъ, крестьянскій сынъ,
 «И гдѣ у тебя билетъ правленный, казенной печатью печатанный?»
 Вынималъ Ванюша-богатырь кошелекъ кожаный,
 Брякнулъ молодецъ золотою казною, непочатою,
 Изъ кошелька вынималъ крестьянскій сынъ билетъ правленный,

Бумагу мудреную, казенною печатью печатаную.
 Да зардѣлося у горя проклятаго сердце змѣнное,
 Зардѣлося поганое на золотую казну непочатую,
 На могучихъ коней черногривыхъ, да на телѣгу дубовую,
 Да на рубаху кумачную, да на порты дорогіе, московскіе.
 Громко кликало горе-злосчастное царскихъ солдатиковъ,
 Наказывало имъ горемычное Ванюшу-богатыря окружить,
 Жесткой веревкой ему могучія руки вязати;
 Послушались царскіе солдатики горя проклятаго,
 По рукамъ и ногамъ вязали богатырское тѣло.

Восходило красное солнышко
 Надъ матушкой Русью православною,
 Освѣтило родную изъ края въ край;
 Черезъ окошко рѣшотчатое освѣтило конуру темную,
 А въ той конурѣ темной, на грязной соломѣ
 Лежалъ Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ.
 Болѣло у молодца могучее тѣло богатырское,
 Тяжко билося въ широкой груди сердце молодецкое.

Выводили солдатики Ванюшу-богатыря на широкій дворъ,
 А на томъ дворѣ, на широкомъ, помость стоитъ деревянный,
 Хитро прилажена къ помосту скамейка сосновая;
 Палачъ по тому помосту ходитъ, плетью помахваючи,
 Ванюшу-богатыря, крестьянскаго сына, дожидаячи.
 Привязывали Ванюшу-богатыря къ скамейкѣ сосновой,
 Больно сѣкли ему плетью тѣло богатырское.
 Хоть и есть у Ванюши въ плечахъ мощь богатырская,
 Хоть и есть у молодца въ широкой груди сердце молодецкое.
 Да сковала ему волюшку боязнь черная,
 Черная боязнь, вѣдьма косматая.
 Выходилъ Ванюша-богатырь на большую дорогу,
 Горькую жисть да горе-злосчастное проклинаячи:
 «Ахъ ты горе проклятое, злосчастное,
 «Ужъ до чего ты меня, горе, домыкало,
 «До чего, горе-горемычное, доѣхало».
 Оглянулся, богатырь, а передъ нимъ горе-злосчастное.
 Страшное, горе-горемычное:
 Нѣтъ на горѣ-злосчастномъ ни кожи, ни рожи,
 Хуже старой вѣдьмы, безобразной горе проклятое.
 Сѣрый кафтанъ на горѣ-злосчастномъ весь въ заплахахъ;

Изъ дырвяхъ сапогъ у горя грязные пальцы выходятъ,
 А штаны на горемычномъ солдатскіе, всѣ въ доскутыяхъ;
 На спинѣ у горя съ пескомъ ранецъ собачій.
 А на боку у проклятаго шпага чиновная;
 Въ одномъ карманѣ у горя перо канцелярское,
 А въ другомъ карманѣ у горя чернила казенныя;
 Болтаются на груди у горя двѣ пуговики мундирныя,
 А на одной пуговкѣ виситъ бумага гербовая,
 А на другой виситъ мѣшокъ большой полотняный,
 Денежки въ томъ мѣшкѣ наворованныя да награбленныя;
 Всѣ въ крови руки у горя-злосчастливаго,
 Всѣ въ грязи да въ крови у горя-горемычнаго;
 А въ правой рукѣ у горя плеточка сыромятная,
 А ужъ въ лѣвой рукѣ у горя розочка вербовая;
 Подъ одною мышкою у злосчастливаго книжка конторская,
 Подъ другую у горемычнаго сказка ревизская;
 Полъ-головы у горя гладко выстрижена,
 А другая у проклятаго гладко выбрита;
 Окровавленъ носъ у горя-злосчастливаго,
 Пышиблены всѣ зубы у горя-горемычнаго;
 А на щекахъ и на лбу у горя знаки черные,
 А на спинѣ у проклятаго рубцы синіе.
 Страшно стало Ванюшѣ-богатырю, на горе гляючи,
 Холодная дрожъ пробѣжала по плечамъ богатырскимъ,
 Лютая тоска крѣпко сдавила сердце молодецкое.
 «Ужъ зачѣмъ ты меня, горе-злосчастное, доѣзжаешь.
 «Ужъ зачѣмъ ты меня, горе-горемычное, допекаешь;
 «Отойди отъ меня, горе проклятое».
 Отвѣчаетъ ему горе-злосчастное:
 «Исполать тебѣ, Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ.
 «Оттого я тебя доѣзжаю, что я горе-злосчастное,
 «Оттого я тебя допекаю, что я горе-горемычное;
 «Больно любя мнѣ, горю проклятому, Русь православная,
 «Вдоль и поперекъ широкую искаживаетъ горе окоянное;
 «Больно любя мнѣ сѣрый зипунъ да мужицкія онучи,
 «Больно любя мнѣ бритыя головы да кандалные обручи;
 «Люба мнѣ плетка да фуражка солдатская,
 «Люба мнѣ розга кровавая да рубаха матросская;
 «Тѣшусь я въ волю надъ бритымъ затылкомъ да надъ солдатской
 щекой,
 «Тѣшусь я въ волю надъ мужицкой ж да надъ крестьян-
 ской п ».

Все сходитъ съ рукъ горю проклятому,
 Нѣтъ нигдѣ суда на горе окоянное;
 Только боится горе-злосчастное плеча богатырскаго,
 Больно боится горе-горемычное сердца молодецкаго.
 Всюду входить и почеть горю-злосчастному:
 Во дворцѣ во царскомъ горе цѣлуютъ да обнимаютъ,
 Кренделями сдобными нѣмецкими горе подчиваютъ;
 А бояре-помѣщики, генералы да сановники
 Крѣпко руки жмутъ горю-горемычному;
 Больно мило имъ горе проклятое,
 Больно съ руки имъ горе окоянное.
 А съ окружнымъ горе-злосчастное бражничаютъ,
 А съ становымъ горе-горемычное чайничаютъ,
 А съ чиновнымъ людомъ горе проклятое хлѣбъ-соль водить.
 Сидитъ горе за большимъ столомъ, за зеленымъ,
 Мудренія бумаги сочиняетъ да пописываетъ,
 Да большую печатью казенной припечатываетъ;
 По церквамъ попы тѣ бумаги хитря возглашаютъ,
 А горе съ плеточкой да розочкой указъ выполняетъ;
 Больно бьетъ горе-злосчастное,
 Крѣпко давитъ горе-горемычное.

Восходило красное солнышко
 Надъ матушкой Русью православною,
 Освѣтило родную изъ края въ край:
 Освѣтило красное большую дорогу столбовую,
 А на той дорогѣ большой, на столбовой,
 Стоялъ Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ.

Стоялъ онъ да думалъ думу глубокую:
 «Ужъ ворочусь я во родное село, во *Неробкое*,
 «Поклонюся родному батюшкѣ да родной матушкѣ,
 «Разскажу я всѣмъ про горе-злосчастное,
 «Распишу я всѣмъ горе-горемычное;
 «Пусть вѣдаютъ добрые люди, дѣти крестьянскія,
 «Что за лютый звѣрь горе-злосчастное,
 «Что за змѣя подколодная горе-горемычное.
 «Да вспашу я полосу подъ хлѣбъ, подъ озимый
 «На нашей *мірской* землѣ, на урожайной;
 «Сильно родитъ *мірская* земля изобильная.
 «Да заведу я снова могучую тройку черногривую,

«Крѣпче прежняго слажу телѣгу дубовую,
 «Окую ее желѣзомъ полосчатымъ;
 «Стану золотую казну наживать,
 «Красный товаръ дорогой торговать».

.
 Поднималъ Ванюша-богатырь кудрявую голову,
 Расправлялъ молодець могучія руки богатырскія
 Да и пошелъ по дорогѣ столбовой;
 А отъ его шагу могучаго, богатырскаго,
 Ходнемъ заходила зѣмля подорожная.
 Долго ходилъ Ванюша-богатырь по дорогѣ по столбовой,
 Долго мѣрялъ большую шагами саженными;
 Не по днямъ, а по часамъ росла въ плечахъ мощь богатырская,
 Все сильнѣй да сильнѣй загоралось сердце молодецкое;
 А ужъ тѣмъ огнемъ обожгло черную боязнь, вѣдъму косматую,
 И почувалъ крестьянскій сынъ волюшку вольную.
 Обертывался Ванюша-богатырь на родную сторонку
 Да засвисталъ свистомъ молодецкимъ;
 А отъ того могучаго свиста, богатырскаго,
 Вздрогнула матушка-Русь православная изъ края въ край:
 Много плечъ богатырскихъ порасправилось,
 Много сердець молодецкихъ загорѣлося.
 Доходилъ тотъ свистъ могучій, богатырскій
 До Питера славнаго града, столичнаго.
 Всполошились бояре-помѣщики, генералы да сановники,
 Крѣпко затылки свои почесали, да ж . . . почухали;
 А ужъ нѣмецкій людъ не нѣмецкая дрожь пробрала.
 Здрожали стекла во дворцѣ царскомъ, во Зимнемъ,—
 Возставалъ отъ глубокаго сна Царь-Государь,
 Сонныя очи протиралъ, руками сидѣнье пробовалъ,
 Пробовалъ онъ, на чемъ да какъ сидить,
 Да и крѣпка ли та вещь, что трономъ называется.
 Созывалъ Царь-Государь вельможъ да сановниковъ,
 Генераловъ, что въ звѣздахъ и лентахъ, да бояръ-помѣщиковъ.
 Собиралися они въ палаты царскія,
 Въ высокія палаты, раззолоченныя.
 Говорилъ имъ Царь-Государь таково слово:
 «Вельможи да вы, бояре-помѣщики,
 «Сановники да вы, генералы шитые,
 «Научите меня, какъ съ Ванюшей-богатыремъ управиться,
 «Какъ мнѣ съ нимъ, крестьянскимъ сыномъ, устроиться».
 Отвѣчалъ ему сановникъ, генералъ шитый,

Понавѣшаны на немъ звѣзды и ленты царскія,
 Самъ-то онъ родомъ *графъ* али князь какой,
 Только нѣмецкая душонка у него черная:
 «Соберемъ, Царь-Государь, рати царскія,
 «Въ барабаны громкіе ударимъ, въ мѣдныя трубы зыграемъ,
 «Окружимъ мы Ванюшу-богатыря, крестьянскаго сына,
 «Да закуемъ его въ цѣпи желѣзныя,
 «Чтобъ ему ни плечомъ размахнуть, ни ногой двинуть».
 Ничего Царь-Государь на такія рѣчи не отвѣчаетъ,
 Только глазами похлопываетъ да русыя усы поглаживаетъ,
 А государевъ царскій братъ Константинъ-царевичъ
 Не поддался на такія нѣмецкія рѣчи черныя,
 Говорилъ онъ Царю-Государю таково слово:
 «Не слушай, Царь-Государь, нѣмецкихъ рѣчей, черныхъ,
 «Не шути ты шутики съ Ванюшей-богатыремъ,
 «Больно могучъ и страшенъ крестьянскій сынъ;
 «Не помогутъ тебѣ ни рати большія, ни барабаны громкіе;
 «Охъ, боюсь, кабы Ванюша-молодецъ больно не разсерчалъ
 «Да съ насъ живьемъ шкуръ не посдирывалъ».

Сидѣли за тѣмъ столомъ три дня да три ночи:
 Все выдумывали, какъ Ванюшу-богатыря облапошати,
 Какъ его, крестьянскаго сына, ограбити,
 Да и выдумали хитрую бумагу, мудреную.
 А писалъ ту бумагу сановникъ, писарь царскій,
 Больно любъ тотъ писарь сановникамъ да вельможамъ,
 Любъ онъ генераламъ шитымъ да боярамъ-помѣщикамъ;
 А ужъ больше всего любъ питерскимъ блядамъ, заморскимъ.
 А ужъ къ той бумагѣ горе-злосчастное руку прикладывало,
 Кровавсїею рукой проклятое печатью печатало.

Догоняло Ванюшу-богатыря горе-злосчастное,
 Подходило къ молодцу, горе-горемычное;
 Снимало съ бритой головы картузикъ чиновный горе проклятое.
 Говорило ему горе окоянное таково слово:
 «Исполать тебѣ, Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ,
 «Отъ Царя-Государя послано къ тебѣ горе-злосчастное,
 «Отъ вельможъ да сановниковъ послано къ тебѣ горе-горемычное.
 «Отъ генераловъ шитыхъ да бояровъ-помѣщиковъ горе проклятое.
 «Посылаютъ они тебѣ хитрую бумагу, мудреную»;
 Отвѣчаетъ горю-злосчастному Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ:
 «Не учили меня ни батюшка, ни матушка грамоту читати,

«Не учили меня родные перомъ писати».

Говорить ему горе-горемычное:

«Хитрую бумагу, мудреную, прочитаетъ тебѣ горе-злосчастное, —
«Не въ первой читать мудреня бумага горю проклятому»».

Скверно крякнуло горе-злосчастное,

Съ одной босой ноги на другую перевалилось горе-горемычное;

Стало зычно читать горе проклятое.

Долго читало горе-злосчастное,

Долго слушалъ Ванюша-богатырь горе-горемычное.

Прочитавши ту хитрую бумагу, мудреную,

Скверно крякнуло горе окоянное,

Съ одной босой ноги на другую перевалилось горе проклятое.

Размахнулся тогда Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ,

Развернулся тогда молодець со всего плеча богатырскаго:

Схватилъ онъ горе-злосчастное посередь самой груди

Да и взмахнулъ горе-горемычное на аршинъ отъ земли.

А ужъ отъ той хватки богатырской

Помертвѣло страшное горе-злосчастное,

Новый кафтанъ на горѣ-горемычномъ весь потрескался,

А ниточки канцелярскія на проклятомъ всё полопались;

Полетѣла изъ рукъ горя-злосчастнаго хитрая бумага, мудреная;

Полетѣли съ горя-горемычнаго и картузикъ, и шпага чиновная;

Полетѣли изъ рукъ горя проклятаго и плеточка сыромятная, и
розочка вербовая;

Полетѣли съ горя окояннаго и мѣшокъ полотняный, и бумага гер-
бовая;

Полетѣли съ горя-злосчастнаго и книжка конторская и сказка
ревизская;

Полетѣли съ горемычнаго и перо канцелярское и чернила казенныя.

Посинѣло горе распроклятое.

Тряхнулъ Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ, горе-злосчастное,

Тряхнулъ молодець съ богатырскаго плеча горе-горемычное;

Говорилъ онъ горю проклятому таково слово:

«Не обманешь меня, горе-злосчастное,

«Не отдамъ *мірской земли* боярамъ - помѣщикамъ, горе-горе-
мычное;

«Больно хитра бумага мудреная,

«Да есть у меня сметка здоровая,

«Есть у меня руки, къ великому дѣлу способныя.

«Такъ прочь отъ меня, горе-злосчастное!

«Сгинь, горе окоянное, горемычное!

«Нѣтъ тебѣ со мной житья, горе распроклятое!!

«На головѣ у меня завиваются русыя кудри,
 «У меня въ плечахъ растетъ мощь богатырская
 «Да огнемъ горить сердце молодецкое!»

6 июля кн. Долгоруковъ написалъ относительно этихъ двухъ произведеній: «пріобрѣсти къ дѣлу для соображеній въ случаѣ надобности», а 12-го онъ доложилъ государю двѣ статьи Бейдемана: «Славянофильство, какъ принципъ (Дорогой памяти Алексѣя Степановича Хомякова и Константина Сергѣевича Аксакова)» и «Объ учрежденіи ярмарки въ Довскѣ». Первая изъ нихъ лишена самостоятельности; это—пересказъ того, что говорилось въ литературѣ и, притомъ, преимущественно Герценомъ; мѣстами несвязность общей мысли и отсутствіе элементовъ для вывода показываютъ, что въ то время интеллектъ заключеннаго работалъ не вполнѣ отчетливо. Рукопись первой статьи испещрена на поляхъ и въ текстѣ набросками различныхъ храмовъ, ихъ куполовъ и прочихъ деталей, а также чертежей фортификаціонныхъ построекъ.

3 января 1863 г. Потаповъ испросилъ черезъ Долгорукова высоч. разрѣшеніе посѣтить Бейдемана, по его желанію; 5-го разрѣшеніе было дано, а 11-го Потаповъ написалъ: «Былъ въ рavelинѣ 10 января и лично доложилъ его с—ву».

Очевиднымъ слѣдствіемъ ихъ бесѣды было первое письмо Бейдемана къ государю отъ 12 января.

Привожу его буквально.

«Великій Государь!

«Если я беру на себя смѣлость писать къ Вашему Величеству, то это не съ цѣлью выпросить помилованіе своему поступку,—поступку, до того выступающаго изъ ряда обыкновенныхъ противуправительственныхъ проступковъ и такъ громко говорящаго за самаго себя, чтó, я думаю, всякое стараніе оправдать себя было бы дѣломъ столько же дерзкимъ, сколько недобросовѣстнымъ. Причина тому, съ одной стороны, потребность, понятная въ человѣкѣ въ моемъ положеніи,—раскрыть свою душу, съ другой стороны, то убѣжденіе, чтó рано или поздно Вашему Величеству все будетъ извѣстно. Слѣдовательно, или желаніе совершенно скрыть настоящее дѣло, или двусмысленная полуоткровенность — въ обоихъ случаяхъ является, какъ актъ преступной неспособности стать лицомъ къ лицу съ чистою совѣстью.

«Обстоятельства не могутъ всего оправдывать, и если человѣческая жизнь подвержена уклоненіямъ, то причина ихъ столько же въ обстоятельствахъ, сколько въ доброй волѣ всякаго человѣка.

Если вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ я принужденъ былъ оставить отечество, то обратное возвращеніе въ него съ цѣлью поднять бунтъ было дѣломъ личныхъ моихъ соображеній, актомъ моей доброй воли. Что касается до первыхъ, то признаюсь Вашему Величеству, что полная исповѣдь—свыше моихъ силъ. Это—та сторона моего сердца, которая тяжело и трудно раскрывается; которая слишкомъ лична для того, чтобы совершенно высказаться. Скажу только, что если я не сдѣлался убійцею, то въ этомъ случаѣ обязанъ слѣпому случаю, что моя собственная совѣсть давно уже осудила меня. Но во всемъ этомъ, Ваше Величество, не было ничего противуправительственнаго. Если бы фактъ совершился, я бы отвѣчалъ Вамъ, какъ Верховному Судьѣ, но въ настоящемъ случаѣ я долженъ отвѣчать какъ подданный, возставшій на своего Государя.

«Начну съ причинъ болѣе отдаленныхъ, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ ту или другую связь со всѣмъ послѣдующимъ.—Русская общественная жизнь представляется до сихъ поръ явленіемъ хаоса, безпорядочной борьбы благородныхъ стремленій, съ одной стороны, съ другой—тою грустною возмутительною обстановкою, въ которой пробавляется огромное большинство русскаго народа. Если воспитаніемъ, молодымъ неиспорченнымъ чувствомъ, мы выходимъ половиною нашего существованія изъ этой рамки, то зато другою половиною мы глубоко проникаемся развращеніемъ обиденнаго строя. Причина тому и наше поверхностное воспитаніе и ученіе и взаимная зависимость общественныхъ явленій. Живой темпераментъ, который данъ Богомъ на долю русскаго человѣка, требуетъ въ своихъ стремленіяхъ скорого и полного удовлетворенія, котораго не можетъ дать совершенно инертная жизнь большинства; оттого въ этихъ стремленіяхъ нѣтъ мѣры, нѣтъ законнаго разумнаго основанія.—Государственное устройство нашего отечества, инертное по самой своей природѣ, тѣмъ болѣе неудовлетворительно, что безответственное чиновничество своимъ развращающимъ вліяніемъ на общественную и народную жизнь глубоко возмущало всякое свѣжее чувство, всякое сердце, въ которомъ была хоть капля патріотическаго жара. А, между тѣмъ, правительство вело себя такъ, какъ будто бы этого не замѣчало или не хотѣло замѣтить; большинство правительственныхъ людей даже защищало такой порядокъ вещей, потому что находило въ этомъ свою выгоду. До Бога высоко, а до Царя далеко,—говорило большинство и видѣло въ этомъ необходимость, противъ которой ничего не подѣлаешь. А негодованіе росло и росло, и что удивительнаго, если составлялись заговоры противъ Верховной Власти, въ которой видѣли силу, поддерживающую всю эту мерзость. Законнаго способа къ выраже-

нiю своего народовольства не было, да это было и опасно; оставалось писать доносы, что было противно нравственному чувству. Конечно, во всемъ этомъ нельзя обвинять одно правительство,— виновато тутъ было и общество, которое было слишкомъ равнодушно ко всему, что его окружало, въ которомъ было слишкомъ мало нравственной энергiи для того, чтобы ужиться и допустить это растлѣнiе.—Но возрожденiе общества было невозможно при тѣхъ условiяхъ, въ которыхъ оно жило, и мысль что легче свергнуть правительство, нежели исправить общество — очень естественна.— Вотъ отчего во всѣхъ заговорахъ прошлаго царствованiя, несмотря на всю безукоризненность стремленiй, на всю энергiю и умъ ихъ коноводовъ,—видна какая-то болѣзненная несостоятельность. Вотъ отчего всѣ наши протесты не имѣютъ грозной силы доказательства; они—порывы нетерпѣнiя,—бѣшенаго раздраженiя,—но только порывы.—Въ нашемъ обществѣ не можетъ быть организованныхъ оппозицiй, и именно потому, что самое это общество слишкомъ раздѣльно.—Оппозицiя, сильная энергiею и единодушиемъ, возможна только въ нашемъ народѣ; такую она, дѣйствительно, явилась при Стенькѣ Разинѣ и Ем. Пугачевѣ.

«Всѣмъ этимъ, Ваше Величество, я хочу сказать, что недовольство правительствомъ—естественный результатъ противурѣчiя здравыхъ человѣческихъ понятiй съ тѣмъ, что происходитъ на самомъ дѣлѣ; это недовольство будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока правительство будетъ чуждо тѣхъ мнѣнiй, которыя начинаютъ высказывать возрождающееся общество; пока наше отечество не будетъ имѣть такого государственнаго устройства, при которомъ и правительство, и общество будутъ составлять одно цѣлое, пока Ваше Величество не дастъ представителямъ общества законную мѣру участiя въ правительственныхъ дѣлахъ. Этимъ дѣломъ Ваше Величество положить самую крѣпкую основу для будущаго развитiя нашего отечества и приобрѣтеть себѣ имя Великаго изъ Великихъ.—Но до сихъ поръ это недовольство повсемѣстно,—мы выносимъ его прямо изъ жизни, а потому оно дѣйствительно; сначала неопредѣленное, безъ яснаго сознанiя и настоящей причины этого чувства и средствъ къ разумному его удовлетворенiю, оно впоследствии вырастаетъ въ то болѣзненное чувство отчаянiя, которое порождаетъ заговоры, не имѣющiе никакой опоры, никакой почвы ни въ обществѣ, ни въ самой жизни.—До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, было такъ.

«Если я съ самаго начала сказалъ, что оставилъ отечество вслѣдствiе обстоятельствъ, то и въ этомъ случаѣ я не могу и не долженъ оправдываться передъ Вашимъ Величествомъ,—я только

могу просить Васъ не требовать отъ меня полного признанія въ этомъ дѣлѣ. Прїѣхавъ въ Куопіо, я перемѣнилъ свое платье и пѣшкомъ сталъ пробираться къ Шведской границѣ, которую и перешелъ черезъ четыре недѣли. Очутясь на чужой землѣ, я принялъ твердое намѣреніе отправиться въ Италію къ Гарибальди, во-первыхъ, потому, что это прямо соотвѣтствовало моимъ военнымъ наклонностямъ, а, во-вторыхъ, что въ неаполитанскомъ возстаніи были всѣ задатки для будущаго возстанія турецкихъ славянъ. Не хочу скрыть отъ Вашего Величества и того, что поддержка и сочувствіе нашего правительства къ Бурбонской династіи была одна изъ причинъ искренно желать паденія Франциска II. Поддержка такихъ личностей, какъ Фердинандъ и его сынъ, если не было со стороны Россіи дѣломъ безславнымъ, то, во всякомъ случаѣ, возмутительнымъ. Если принципъ законности хорошъ самъ по себѣ, то ужъ лучше совершенное невмѣшательство, чѣмъ приложеніе его къ такимъ несчастнымъ случаямъ, какъ поддержка Неаполя и Австріи. Если народныя симпатіи и антипатіи не всегда могутъ руководить политикой правительства, то, съ другой стороны, эта политика не должна возмущать чувства народной гордости.—Подъ чужимъ именемъ я успѣлъ черезъ два мѣсяца пройти Швецію и въ концѣ октября былъ уже въ Англіи. Вашему Величеству извѣстно, что въ Лондонѣ есть Русская Типографія, въ которой печатаютъ такія вещи, которыя, къ глубокому сожалѣнію, не могутъ печататься въ нашемъ отечествѣ. Во главѣ этого заграничнаго литературнаго движенія стоятъ двѣ личности, соединяющія громадныя духовныя силы съ самою горячею любовью къ Россіи. Оправдывать Герцена и Огарева передъ лицомъ Вашего Величества было бы, съ моей стороны, дѣломъ слишкомъ смѣлымъ, да наврядъ ли они нуждаются въ оправданіи и защитѣ. Скажу только, положи руку на сердце, что я бы отъ всей души желалъ, чтобы въ нашемъ отечествѣ было бы побольше людей, въ которыхъ было бы столько же любви къ Россіи, столько же безкорыстнаго участія въ ея будущности. Два раза порывался я отправиться изъ Англіи въ Италію и оба раза неудачно. Тогда я сдѣлался наборщикомъ въ Русской Типографіи. Всѣ мои мысли обратились исключительно на то дѣло, которое по волѣ Вашего Величества должно было составить эпоху въ нашей исторіи,— на великое дѣло освобожденія крестьянъ. При этомъ не могу не сознаться Вашему Величеству, что если во всемъ ходѣ крестьянскаго вопроса правительству принадлежала, безспорно, сторона праваго, если оно создавало великую основу будущности русскаго народа, то, съ другой стороны, во всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его рѣшеніе, были

всѣ причины къ энергической оппозиціи со стороны депутатовъ отъ дворянства; было много такихъ уклоненій со стороны самаго правительства, что все это могло заставить лопнуть терпѣніе,—самое вѣрнопоподданническое.—Реформы должно вести рѣшительно, и полумѣры только раздражаютъ. Наконецъ, самый февральскій манифестъ, которымъ Ваше Величество объявляли Россіи великую радость, поселилъ во мнѣ рѣшительное убѣжденіе, что только сильная оппозиція дворянства могла заставить правительство принять реформу государственнаго устройства нашего отечества. Но оппозиція одного дворянства въ настоящее время немыслима,—она не имѣетъ почвы въ народѣ, а потому безсильна; только сильнымъ народнымъ возстаніемъ можно было дать этой оппозиціи и жизнь и силу. И я рѣшился на самый подлый поступокъ для достиженія своей цѣли. Онъ извѣстенъ Вашему Величеству, и я не буду о немъ распространяться ¹⁾, да и силъ не хватаетъ. Въ одномъ могу увѣрить Ваше Величество, что изобрѣтеніе всего плана принадлежитъ исключительно мнѣ, и никто изъ русскихъ, живущихъ въ Лондонѣ, не только не зналъ объ немъ, но и настоящее мѣсто моего отправленія изъ Англій, въ маѣ мѣсяцѣ, осталось неизвѣстнымъ.

«Въ маѣ я пріѣхалъ въ Норвегію, а черезъ Лапландію отправился къ границамъ Финляндіи, которая и перешелъ въ іюль мѣсяцѣ. Начать дѣло я предполагалъ между раскольниками Архангельской губерніи, во-первыхъ, потому, что необозримые лѣса—очень хорошій театръ для партизанскихъ дѣйствій, а, во-вторыхъ, потому что здѣсь, за неимѣніемъ помѣщиковъ, возстаніе переставало быть движеніемъ социальнымъ и получало характеръ возстанія противъ правительства. Я думалъ такъ: самое главное въ этомъ дѣлѣ начало, и если рано или поздно придется сложить голову, то во всякомъ случаѣ можно очень много сдѣлать. Но Вашему Величеству извѣстно, что и самое начало дѣла не удалось; я былъ безславно остановленъ въ Финляндіи. Дѣло рушилось, и я рѣшился лучше стоять до конца, чѣмъ подло оправдываться въ чемъ бы ни было. Мнѣ оставалась одна позорная смерть, и я не задумался замаскировать настоящее дѣло сознаніемъ въ покушеніи на дорогую жизнь Вашего Величества. Все это было не такъ, я долженъ сознаться, но въ моемъ положеніи не было изъ чего выбирать. Скоро тому минетъ полтора года; въ это время много было съ моей стороны напраснаго упрямства, много лишнихъ

¹⁾ Очевидно, рѣчь идетъ о подложномъ манифестѣ отъ имени сына Константина Павловича.

словъ, но, рѣшившись откровенно сознаться Вашему Величеству, я бы почелъ преступленіемъ скрывать что бы то ни было. Сдѣланнаго дѣла не воротить,—я это знаю; знаю также, что позднее раскаяніе совершенно бесполезно. Но лучше поздно, чѣмъ никогда.—Для полноты исповѣди передъ Вашимъ Величествомъ я долженъ сознаться, что находясь въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ польскими эмигрантами въ Англии я вынесъ оттуда полную симпатію къ этому народу и искреннее желаніе самостоятельнаго возрожденія Польши, какъ начала возрожденія западныхъ славянъ.

«Вотъ все, что я могу, положи руку на сердце, сказать Вашему Величеству. Судить въ Вашей волѣ!

Вашего Императорскаго Величества

вѣрнопопдаанный *Михайло Бейдеманъ*».

26 января Долгоруковъ доложилъ это письмо государю, а Потаповъ помѣтилъ на немъ: «къ дѣлу»... и только.

Въ апрѣлѣ Бейдеманъ прислалъ въ III Отдѣленіе «Новую главу основныхъ законовъ. О государственномъ совѣтѣ». Она предоставляетъ послѣднему права значительно уже, чѣмъ намѣчалось тогда въ другихъ проектахъ конституціоннаго характера, хотя бы въ книгѣ кн. П. В. Долгорукова.

Къ этому времени мать Бейдемана умерла (ему удалось переслать своимъ роднымъ письмо, въ которомъ онъ умолялъ ихъ хлопотать объ освобожденіи для избавленія его отъ сумасшествія). Родственникъ его ген. штаба полк. Глиноецкій просилъ генерала П. К. Менькова о посредничествѣ передъ Мезенцовымъ; конечно, ничего сдѣлано не было. Въ ноябрѣ 1864 г. за брата просила сестра Викторія Степановна; шефъ жандармовъ сдѣлалъ на ея запискѣ надпись: «Просительницѣ данъ отвѣтъ неимѣніемъ возможности сказать ей что-либо о ея братѣ. Принять это за правило и на будущее время».

8 июля 1869 г. Бейдеманъ написалъ второе письмо государю:

«Великій Государь!

«Прошло около восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда я, заарестованный въ Финляндіи, какъ безпаспортный бродяга, былъ, наконецъ, привезенъ въ Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, какъ важный политическій преступникъ, имѣвшій самые преступные замыслы противъ Особы Вашего Величества, противъ безопасности гражданъ и противъ спокойствія государства.— На первыхъ порахъ я, дѣйствительно, каждымъ своимъ шагомъ, только подтверждалъ свое первоначальное письменное показаніе, исполненное необыкновенной рѣзкости и непростительной заносчи-

вості въ выраженіяхъ о такихъ предметахъ, которые должны быть дороги и священны для мало-мальски хорошаго подданнаго, а потому и долженъ былъ окончательно поколебать всякое сомнѣніе насчетъ характера и свойствъ своей личности.—Признаюсь Вашему Величеству, что я никакъ не ожидалъ такой снисходительности къ себѣ, послѣ всего того, что было сказано и написано мною въ продолженіе перваго времени моего пребыванія въ Алексѣевскомъ равелинѣ, и какъ я ни былъ глубоко убѣжденъ въ благородствѣ и добротѣ Вашего Величества, я, все-таки, не могъ ожидать такого, поистинѣ, ангельскаго долготерпѣнія съ Вашей стороны; но прошлаго не воротить, и мнѣ остается только всею своею будущею жизнію стараться искупить свои прошлые грѣхи и оказаться достойнымъ того высоко-благороднаго самообладанія, которымъ Ваше Величество отвѣтили на всѣ тѣ вызывающія, недостойныя ни честнаго человѣка, ни честнаго гражданина, выходки, при воспоминаніи о которыхъ я не могу не чувствовать самое глубокое угрызение совѣсти и самое искреннее раскаяніе.—Было бы слишкомъ дерзко съ моей стороны, если бы я постарался хоть чѣмъ-нибудь оправдать или объяснить свое прошлое поведеніе въ отношеніи къ Вашему Величеству,—да этого я и не желаю—это было бы ниже меня и моихъ убѣжденій о человѣческихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ; къ тому же это значило бы поднимать на ноги то прошлое, отъ котораго я не могу не отворачиваться—всѣмъ своимъ существомъ—съ неродованіемъ и презрѣніемъ. Но если нельзя окончательно истребить изъ своей памяти прошлый позоръ, то можно и должно подумать о своемъ будущемъ, которымъ я имѣю возможность, хотя отчасти, загладить это прошлое, а потому я и осмѣливаюсь просить Ваше Величество, чтобы Оно позволило мнѣ посвятить всю свою будущую жизнь на вѣрное и безрасчетное служеніе Вашему Величеству.—на преданную и неизмѣнную дѣятельность въ интересахъ Вашей власти и Вашей славы; и могу увѣрить Ваше Величество, что какъ бы ни сложились обстоятельства въ будущемъ,—я никогда ни заслужу упрека ни въ неблагодарности, ни въ измѣнѣ (своимъ увѣреніямъ и обѣщаніямъ, даннымъ въ такую минуту, когда вся моя будущность вполне зависѣла отъ воли Вашего Величества.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподанный *Михаилъ Бейделманъ*».

Прошло еще десять лѣтъ...

30 января 1879 г. комендантъ крѣпости донесъ А. Р. Дрентельну, что Бейделманъ проситъ прислать къ нему довѣреннаго отъ

III Отдѣленія для объясненія по его дѣлу. «По показанію часовыхъ, въ послѣдніе дни были случаи, когда Бейдеманъ ночью, лежа на постели, рыдалъ». Дрентельнъ поручилъ съѣздить своему товарищу П. А. Черевину; послѣдній былъ въ равелинѣ на другой день, 31 января. Результаты свиданія не видны.

20 іюня 1881 г. директоръ департамента полиціи В. К. Плеве составилъ для министра вн. дѣлъ докладъ Александру III, ничего новаго для насъ не заключающей. Гр. Игнатьевъ помѣтилъ на немъ: «Высочайше повелѣно, если узникъ пожелаетъ, выпустить и свезти въ далекія и малолюдныя мѣста Сибири на жительство». «Въ виду имѣющихся указаній на ненормальное состояніе умственныхъ способностей Бейдемана», Плеве полагалъ, однако, предварительно исполненія высоч. воли помѣстить его на испытаніе въ окружную лѣчебницу Всѣхъ Скорбящихъ г. Казани; Игнатьевъ согласился и помѣтилъ: «но надо принять мѣры, чтобы онъ тамъ не сообщался съ людьми, могущими его эксплоатировать во вредъ правительству». Въ перепискѣ по этому поводу фамилія узника еще и въ 1881 г. вездѣ означена шифромъ. 4 іюля Бейдеманъ былъ сданъ жандармамъ для перевозки въ Казань, куда прибылъ 8-го. Такимъ образомъ царская воля не была исполнена...

Былъ ли Бейдеманъ забытъ въ Казани, что мало вѣроятно, потому что больница напомнила бы о немъ хоть одинъ разъ, а въ дѣлѣ отъ нея нѣтъ ни одного слова, или онъ нашелъ состраданіе къ себѣ со стороны старшаго медицинскаго персонала,—что, по моему, значительно вѣроятнѣе,—рѣшившаго молча укрыть несчастнаго, вмѣсто отправленія въ Сибирь,—но онъ пробылъ въ домѣ для умалишенныхъ до 5 декабря 1887 г. Въ этотъ день испытаніе его кончилось навсегда... (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1860 г., дѣло № 282).

Библиографическій комментарий.

Сокращенія: Наталія Александровна Герценъ, жена = Н. А.—на; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—79 гг. = Жен. изд.; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», СПб., 1906 г. = СПб. изд.; Румянцовскій музей въ Москвѣ = Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ.; «Колоколь» = «Кол.»; «Полярная Звѣзда» = «П. З.»; сборникъ «Колоколь», избранныя статьи А. И. Герцена, составл. Л. Тихомировымъ = Тих.; Пушкинскій домъ при Академіи Наукъ = Пушк. д.).

1531. Напечатано въ 89 л. «Кол.» (1 января 1861 г.).

1532. Напечатано въ 89 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1533. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1534. Тоже.

1535. Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1536. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Послѣ посвященія нарисовано сердце съ двумя крылышками, а въ текстѣ — бутылка и бокаль.

1537. Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.; начало, повидимому, утеряно Тургеневымъ.

1538. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1539. Напечатано въ 90 л. «Кол.» (15 января 1861 г.) и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1540. Напечатано въ 90 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по № 1535; подлинникъ не найденъ.

1541. Напечатано въ 90 л. «Кол.».

1542. Тоже.

1542bis. Тоже; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1543. Напечатано въ 90 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.

1544. Напечатано въ II кн. «Историческаго сборника Вольной русской типографіи въ Лондонѣ», Лондонъ, 1861; принадлежность устанавливается запиской Чернецкаго, хранящейся въ АСГ.

1545. Напечатано неисправно въ VI кн. «Рус. Библиофила» 1914 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Н. В. Соловьева.

1546. Напечатано въ 91 л. «Кол.» (1 февраля 1861 г.) и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1547. Напечатано въ 91 л. «Кол.»

1548. Тоже.

1549. Тоже.

1550. Тоже.

1551. Тоже.

1552. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1553. Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1554. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1555. Тоже.

1556. Напечатано въ 92 л. «Кол.» (15 февраля 1861 г.); принадлежность ясна, благодаря разсказу о скрипачѣ, уже сдѣланному въ № 352; подлинникъ не найденъ.

1557. Напечатано въ 92 л. «Кол.»

1558. Тоже.

1559. Тоже.

1560. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1561. Тоже.

1562. Напечатано въ 93 л. «Кол.» (1 марта 1861 г.) и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1563. Напечатано въ 93 л. «Кол.»

1564. Тоже.

1565. Тоже.

1566. Тоже; принадлежность ясна изъ записки наборщика, хранящейся въ АСГ.

1567. Напечатано въ 93 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается изъ начала статьи и по связи ея съ № 1546; подлинникъ не найденъ.

1567bis. Напечатано въ 93 л. «Кол.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1568. Тоже.

1568bis. Напечатано неисправно и неполно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1569. Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1570. Тоже.

- 1571.** Напечатано въ 94 л. «Кол.» (15 марта 1861 г.), у Тих. и въ VI т. Спб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.
- 1572.** Напечатано въ 94 л. «Кол.», у Тих и въ «Статьяхъ о Польшѣ»: переводъ по-польски помѣщенъ въ «Przegląd Rzeczy Polskich» отъ 6 апрѣля 1861 г.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 2-му изданію «Кол.», гдѣ исправлены нѣкоторыя ошибки.
- 1572bis.** Напечатано въ 94 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по запискѣ Огарева, хранящейся въ АСГ.
- 1573.** Тоже.
- 1573bis.** Напечатано въ 94 л. «Кол.»; принадлежность выяснена на стр. 52; подлинникъ не найденъ.
- 1574.** Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1574bis.** Напечатано въ VI кн. «П. З.» на 1861 г.; принадлежность устанавливается по запискѣ Чернецкаго, хранящейся въ АСГ.
- 1575.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ; хранящимся въ АСГ.
- 1576.** Тоже.
- 1577.** Тоже.
- 1578.** Тоже.
- 1579.** Напечатано въ VI кн. «П. З.» на 1861 г.; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 1580.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1581.** Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1582.** Напечатано неполно и неисправно въ IV кн. «Рус. Мысли» 1906 г.; факсимиле воспроизведено А. А. Ѳоминымъ въ «П. Н. Тургеневъ и его даръ русской науцѣ», Спб., 1913; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки Академіи наукъ.
- 1583.** Напечатано въ 95 л. «Кол.» (1 апрѣля 1861 г.) и неисправно и съ купорами въ VI т. Спб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 2-му изд. «Кол.».
- 1584.** Напечатано въ 95 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ конца подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 2 изд. «Кол.».
- 1585.** Напечатано въ 95 л. «Кол.» и у Тих. Тургеневъ писалъ: «Скажи два слова въ «Колоколѣ» о смерти Шевченка» («Письма», 139). Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 2 изд. «Кол.».
- 1586.** Напечатано въ 95 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 2 изд. «Кол.».
- 1587.** Напечатано въ 95 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Огарева, хранящейся въ АСГ.
- 1588.** Напечатано въ 95 л. «Кол.».
- 1589.** Тоже.
- 1590.** Напечатано въ 95 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по письму Тургенева: «Рекомендую для апр. «Колокола» Муханова; передерни

этого мерзкаго, кровожаднаго и развратнаго старика» («Письма», 140): подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 2 изд. «Кол.».

1591. Напечатано въ 95 л. «Кол.».

1592. Тоже.

1593. Напечатано въ 95 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается сходствомъ съ № 1581 и хлопотами Герцена о праздникѣ; подлинникъ не найденъ.

1594. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1595. Напечатано въ 96 л. «Кол.» (15 апрѣля 1861 г.), у Тих. и въ «Статьяхъ о Польшѣ»; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 2-му изд. «Кол.».

1596. Напечатано въ 96 л. «Кол.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1597. Напечатано въ 96 л. «Кол.».

1597 bis. Тоже.

1598. Тоже.

1599. Тоже.

1600. Напечатано въ 96 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.

1601. Напечатано неполно и небрежно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1602. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1603. Напечатано въ № 4659 «The Daily News» отъ 17 апрѣля 1861 г.: по-итальянски (въ переводѣ съ англійскаго)—въ № 113 «Il Diritto»; подлинникъ не найденъ.

1604. Напечатано въ № 4663 «The Daily News» отъ 22 апрѣля 1861 г.; подлинникъ не найденъ.

1605. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1606. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1607. Напечатано въ 97 л. «Кол.» (1 мая 1861); по-польски въ «Przedkład Rzeczy Polskich» 22 мая 1861 г.; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1608. Напечатано въ 97 л. «Кол.»; по-англійски въ «The Daily News» 22 апрѣля 1861 г.; подлинникъ не найденъ.

1609. Напечатано въ 97 л. «Кол.».

1610. Напечатано въ 97 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ

1611. Тоже.

1612. Напечатано въ 97 л. «Кол.».

1613. Тоже.

1614. Напечатано въ 97 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1615. Напечатано въ 97 л. «Кол.»

1616. Тоже.

- 1617.** Напечатано въ 97 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 1618.** Напечатано въ 97 л. «Кол.».
- 1619.** Напечатано въ 97 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна изъ пользованія письмомъ Тургенева; подлинникъ не найденъ.
- 1620.** Напечатано въ 97 л. «Кол.».
- 1621.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1622.** Напечатано въ 98—99 л. «Кол.» (15 мая 1861); принадлежность ясна изъ пользованія письмами Громеки; подлинникъ не найденъ.
- 1623.** Напечатано въ 98—99 л. «Кол.», у Тих. и въ «Статьяхъ о Польшѣ»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.
- 1624.** Напечатано въ 98—99 л. «Кол.».
- 1625.** Тоже.
- 1626.** Тоже.
- 1627.** Тоже.
- 1628.** Тоже.
- 1629.** Напечатано въ 98—99 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Чернецкаго, хранящейся въ АСГ.
- 1630.** Напечатано въ 98—99 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по использованію письма Громеки; подлинникъ не найденъ.
- 1631.** Напечатано въ 98—99 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 1632.** Напечатано въ «Письмахъ Кавелина и Тургенева къ Герцену», Женева, 1892 г., стр. 44—46; подлинникъ не найденъ.
- 1633.** Напечатано вмѣстѣ съ № 1632; надпись сдѣлана на фотографической карточкѣ, изображающей Герцена и Огарева.
- 1634.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1635.** Напечатано въ 100 л. «Кол.» (1 июня 1861 г.).
- 1636.** Тоже.
- 1637.** Тоже.
- 1638.** Тоже.
- 1639.** Тоже.
- 1640.** Напечатано въ 100 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ помѣтки въ готовомъ номерѣ: «я самъ».
- 1641.** Напечатано въ 100 л. «Кол.».
- 1642.** Напечатано въ 101 л. «Кол.» (15 июня 1861 г.) и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.
- 1643.** Напечатано въ 101 л. «Кол.».
- 1644.** Напечатано въ 101 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 1645.** Напечатано въ 101 л. «Кол.».
- 1646.** Напечатано въ 101 л. «Кол.», по-польски въ «Przegląd Rzeczy Polskich» 3 іюля 1861 г.
- 1647.** Напечатано въ 101 л. «Кол.».
- 1648.** Напечатано въ 101 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна; подлинникъ не найденъ.

1630. Напечатано въ 101 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

1650. Тоже.

1651. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1652. Тоже.

1653. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ.

1654. Тоже.

1655. Напечатано въ 102 л. «Кол.» (1 іюля 1861).

1656. Тоже.

1657. Тоже.

1658. Напечатано въ 102 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1659. Напечатано въ 102 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Чернецкаго, хранящейся въ АСГ.

1660. Тоже.

1661. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1662. Напечатано въ № 24 «Искры» отъ 30 іюня (12 іюля) 1861 г. и неисправно въ IV т. Спб. изд.; подпись «Н. Огурчиковъ»; принадлежность установлена по указанію мнѣ П. А. Ефремова, лично имѣвшаго о томъ свидѣтельство издателя «Искры» В. С. Курочкина; подлинникъ не найденъ.

1663. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 364; подлинники не найдены. Первая надпись сдѣлана на I т. «Былого и думъ», вторая—на одновременно посланной фотографіи Герцена и Огарева.

1664. Напечатано въ 103 л. «Кол.» (15 іюля 1861), у Тих. и въ «Статьяхъ о Польшѣ»; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1665. Напечатано въ 103 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

1666. Напечатано въ 103 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1667. Напечатано въ 103 л. «Кол.».

1668. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1669. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рос. Публичной бібліотекѣ. Адресатъ—одинъ изъ декабристовъ, бывшихъ въ 1838 г. на Кавказѣ, о чемъ можно заключить изъ приписки Огарева. Изъ нихъ въ 1861 г. были въ живыхъ: М. М. Нарышкинъ, Н. И. Лореръ, бар. А. Е. Розенъ, М. А. Назимовъ и С. И. Кривцовъ. Письмо это было вручено Н. В. Гербелю для передачи адресату; повидимому, оно передано не было—находится въ его «альбомѣ».

1669 bis. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1670. Напечатано въ 104 л. «Кол.» (1 августа 1861) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1671. Напечатано въ 104 л. «Кол.»; принадлежность ясна; подлинникъ не найденъ.

1670. Напечатано по-польски въ «Przegląd Rzeczy Polskich» 1 августа 1861 г.; подлинникъ не найденъ.

1673. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1674. Тоже.

1675. Напечатано въ 105 л. «Кол.» (15 августа 1861) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1676. Напечатано въ 105 л. «Кол.» и у Тих.; подпись «И—ръ» подлинникъ не найденъ.

1677. Напечатано въ 105 л. «Кол.».

1678. Тоже.

1679. Тоже.

1680. Напечатано въ 105 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1681. Напечатано мною въ «Быломъ» 1906 г. и въ книгѣ моей «Политическіе процессы etc.», стр. 210—211; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ, въ дѣлѣ о Чернышевскомъ.

1682. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1683. Напечатано неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г., стр. 648. свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1684. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1685. Напечатано въ 106 л. «Кол.».

1686. Тоже.

1687. Тоже.

1688. Тоже.

1689. Тоже.

1690. Тоже.

1691. Напечатано неисправно и неполно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г., стр. 649; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1692. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ; надпись сдѣлана на I т. «Былого и думъ», подъ фотографической карточкой Герцена съ Огаревымъ, наклеенной на оборотѣ титула.

1693. Напечатано въ 107 л. «Кол.» (15 сентября 1861), у Тих. и неисправно и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1694. Напечатано въ 107 л. «Кол.».

1695. Тоже.

1696. Напечатано въ 107 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается указаніемъ въ № 1691; подлинникъ не найденъ.

1697. Напечатано въ I кн. «Рус. Обзорнія» 1898, стр. 500; подлинникъ не найденъ.

1698. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1699. Тоже.

1700. Напечатано въ 108 л. «Кол.» (1 октября 1861).

- 1701.** Напечатано въ 108 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 1702.** Напечатано въ 108 л. «Кол.».
- 1703.** Тоже.
- 1704.** Напечатано въ 108 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.
- 1705.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1706.** Напечатано неисправно и неполно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 1707.** Тоже.
- 1708.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1709.** Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1709 bis.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1710.** Напечатано въ 109 л. «Кол. (15 октября 1861), у Тих. и по-французски отдѣльнымъ листомъ подъ заглавіемъ: «Lettre du redacteur du «Kolokol» à son Excellence l'ambassadeur russe à Londres», въ «Le Nord» и др. изданіяхъ; по-итальянски въ «Perseveranza» 21 октября 1861 г.
- 1711.** Напечатано въ 109 л. «Кол.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.
- 1712.** Напечатано въ 109 л. «Кол.».
- 1713.** Тоже.
- 1714.** Тоже.
- 1715.** Тоже.
- 1716.** Тоже.
- 1717.** Тоже.
- 1718.** Напечатано въ 109 л. «Кол.» и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.
- 1719.** Напечатано въ 109 л. «Кол.».
- 1720.** Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1721.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рос. Публичной библ.
- 1722.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1723.** Напечатано въ моей книгѣ «Очерки освободительнаго движенія etc.», стр. 338; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ, въ дѣлѣ о Мартыановѣ.
- 1724.** Напечатано въ 110 л. «Кол.» (1 ноября 1861) и у Тих.; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.
- «Въ этихъ строкахъ во весь ростъ встаетъ передъ нами настоящій, великій, вѣчный Герценъ,—Герценъ новой демократической Россіи. Подобно древнему Антею, онъ снова обрѣталъ свою мощь и пылъ, какъ только при-

касался къ свѣжей почвѣ новыхъ народныхъ демократическихъ слоевъ» (Ю. Стекловъ, «Борцы за социализмъ», 55).

1735. Напечатано въ 110 л. «Кол.».

1736. Напечатано въ 110 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1737. Напечатано въ 110 л. «Кол.».

1738. Тоже.

1739. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1730. Тоже.

1731. Тоже.

1732. Напечатано въ 111 л. «Кол.» (8 ноября 1861).

1733. Напечатано въ 111 л. «Кол.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1734. Напечатано въ 111 л. «Кол.».

1735. Тоже; принадлежность устанавливается по замѣткѣ Герцена на готовомъ номерѣ—«моя».

1736. Тоже.

1737. Напечатано въ 112 л. «Кол.» (15 ноября 1861) и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1738. Напечатано въ 112 л. «Кол.».

1739. Тоже.

1740. Тоже.

1741. Тоже.

1742. Напечатано въ «Письмахъ Кавелина и Тургенева къ Герцену», стр. 142; подлинникъ не найденъ.

1743. Напечатано въ «The Times» 20 ноября 1861; подлинникъ не найденъ.

1744. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1745. Напечатано въ 113 л. «Кол.» (22 ноября 1861 г.).

1746. Напечатано въ 113 л. «Кол.» и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1747. Напечатано въ 113 л. «Кол.».

1748. Тоже.

1749. Напечатано въ 113 л. «Кол.»; принадлежность ясна потому, что адресъ былъ обращенъ лично къ Герцену; подлинникъ не найденъ.

1700. Напечатано въ 114 л. «Кол.» (1 декабря 1861 г.).

1751. Напечатано въ 114 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.

1752. Напечатано въ 114 л. «Кол.».

1753. Напечатано неисправно въ VIII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1754. Напечатано мною въ «Быломъ» 1906 г. и въ книгѣ «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ», стр. 69—70; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ, въ «дѣлѣ о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами».

1755. Напечатано на стр. 71 моей книги «Очерки освободительнаго движенія» etc.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ, въ «дѣлѣ о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами»; приписка сдѣлана къ письму Огарева.

1756. Напечатано мною въ «Быломъ» 1906 г. и въ книгѣ моей «Очерки освободительнаго движенія etc.», стр. 70; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ, въ «дѣлѣ о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами».

1757. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1758. Напечатано въ 116 л. «Кол.» (15 декабря 1861); подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1759. Напечатано въ 116 л. «Кол.» и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1760. Напечатано въ 116 л. «Кол.».

1761. Тоже.

1762. Тоже.

1763. Напечатано въ 116 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1764. Напечатано въ 116 л. «Кол.».

1765. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

Дополненія:

Къ № 1569. 15 декабря 1850 г. виленскій ген.-губернаторъ писалъ министру вн. дѣлъ, что 10 ноября министръ народ. просвѣщенія увѣдомилъ его, что государь обратилъ вниманіе на предосудительное направленіе изданныхъ въ 1850 г. въ Вильнѣ двухъ брошюръ Эммануила Ястржембчика, одобренныхъ цензоромъ Павловскимъ, вслѣдствіе чего онѣ направлены въ главное управленіе цензуры. Ген.-губ. приказалъ секретному отдѣленію своего управленія рассмотреть брошюры и собрать свѣдѣнія объ авторахъ. Первое изъ сочиненій—«Jordan, Fantazja dramatyczna», Антона Сова; подъ этимъ псевдонимомъ пишетъ Эдуардъ Желиговскій. Первая часть «Фантазіи» одобрена въ 1848 г. цензоромъ Фокомъ, а вторую—авторъ намѣренъ издать въ Варшавѣ или Краковѣ, если не удастся въ Вильнѣ. «Сочиненіе это, написанное звучнымъ и хорошими стихами, исполнено разныхъ темныхъ намековъ и разсужденій, доказывающихъ неблагонамѣренный образъ мыслей автора, давно уже возбудившаго на себя подозрѣніе и состоящаго подъ надзоромъ полиціи. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, озна-

ченное сочиненіе произвело сильное впечатлѣніе на молодежь какъ въ здѣшнихъ губерніяхъ, такъ и въ Варшавѣ; авторъ приобрѣлъ извѣстность, и выраженія его часто приводятся въ другихъ сочиненіяхъ, коимъ «Jordap» служить, повидимому, образцомъ». Второе—периодическое изданіе Ром. Подберезскаго въ видѣ собранія разныхъ сочиненій, подъ заглавіемъ «Pamiętnik naukowo-literacki»; здѣсь нѣсколько статей «въ неблагонамѣренномъ духѣ». Третье—выходящія временами тетради Эммануила Ястржембчика (псевд. Владисл. Полубинскаго) «Broszury Emanuela Jastrzębczyka»; авторъ «довольно явно старается возбудить въ соотечественникахъ своихъ враждебныя чувства къ Россіи». Четвертое—«Człowiek niewidzialny czyli cudowny kapelus», Софіи К. изъ Бржозовки (г-жа де-Штругъ), и пятое сочиненіе—небольшая повѣсть «Noc letnia», написанная Сигизмундомъ Красицкимъ и первоначально изданная въ Лейпцигѣ, а нынѣ въ Берлинѣ у Бера. «Всѣ эти сочиненія, хотя принадлежатъ различнымъ авторамъ, но имѣютъ общій всѣмъ имъ характеръ, такъ что, по сходству мыслей и самому способу ихъ изложенія, не безъ основанія можно предполагать, что сочинители дѣйствовали тутъ не случайно, а по одному и тому же заранѣе условленному плану. Вездѣ въ духѣ религіозной таинственности проявляются намеки на порабоженіе Польши, и авторы, опираясь на соотвѣтствующіе видамъ ихъ тексты изъ св. писанія, стараются возбудить надежду на какую-то предстоящую этому краю лучшую будущность, осуждаютъ упадокъ духа и недостатокъ сочувствія къ общему дѣлу въ своихъ соотечественникахъ и гласомъ пророческимъ требуютъ отъ нихъ терпѣнія, усилій и дѣятельности. Кромѣ сего, обнаруживая общее стремленіе поддерживать духъ польской народности, сочинители проповѣдуютъ о необходимости исправленія нравовъ, о просвѣщеніи крестьянъ и сближеніи съ ними помѣщиковъ; отклоняютъ отъ вступленія въ госуд. службу и во многихъ мѣстахъ излагаютъ мысли и понятія настоящаго коммунизма». Ген.-губ. писалъ, что можно предполагать существованіе тайнаго литературнаго общества, что подтверждается показаніемъ сосланаго на каторгу Антона Величко, который въ ноябрѣ 1847 г. показалъ виленской слѣдст. комиссіи, что въ бытность свою въ Парижѣ слышалъ отъ члена Демократическаго общества Чайковскаго о существованіи на Литвѣ какого-то литературнаго общества съ политической цѣлью, главный пунктъ котораго находится въ Вильнѣ.

«Лѣтняя ночь» пропущена цензурой въ Россію и здѣсь переиздана въ 1500 экз. бухгалтеромъ виленскаго книгопродавца Завадскаго Ольгебрандомъ. Ген.-губ. полагалъ прекратить всѣ эти изданія, воспретить ихъ продажу и произвести строгое разслѣдо-

ваніе, кто именно пропустилъ «Лѣтнюю ночь» и зачѣмъ ее переиздали въ Вильнѣ; цензора же Павловскаго—уволить отъ должности. Что касается авторовъ, то ихъ слѣдовало бы выслать навсегда на жительство въ дальнія губерніи, назначивъ для каждаго изъ четырехъ (Красицкій не упоминается) особую губернію, гдѣ и учредить за ними строжайшій полиц. надзоръ; можетъ быть, придется присоединить къ нимъ и Завадскаго съ Ольгебрандомъ.

30 декабря 1850 г. шефъ жандармовъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что, по его докладу, государь приказалъ: воспретить дальнѣйшее изданіе указанныхъ сочиненій, отобрать у книгопродавцевъ не проданные экз., а авторовъ выслать подъ надзоръ полиціи въ дальнія губерніи, присоединивъ къ нимъ и Завадскаго съ Ольгебрандомъ, если окажутся виновными.

28 января 1851 г. Желиговскій прибылъ въ Петрозаводскъ, 27 января Полубинскій—въ Вологду, Подберезскій—въ Архангельскъ, 17 февраля де-Штругъ—въ Пермь.

Желиговскій просилъ губернатора принять его на службу, что и было разрѣшено. 24 іюля 1851 г. губернаторъ донесъ, что онъ просится въ отпускъ въ Спб. на 4 мѣсяца, по семейнымъ обстоятельствамъ. Начальникъ IV округа корпуса жандармовъ генер. Куцынскій, «принимая участіе въ семейномъ положеніи Желиговскаго и зная обстоятельства, по коимъ онъ заслуживаетъ полного участія, просить ходатайства объ испрошеніи ему отпуска въ Спб., гдѣ ему необходимо быть по дѣламъ фамильнымъ, такъ какъ онъ—единственная подпора многочисленнаго семейства». «Желиговскій, лично извѣстный мнѣ во время проживанія его въ Петрозаводскѣ съ 28 января с. г., по примѣрно скромному поведенію и образу жизни, благонравію и отличному характеру, и снискавшій этими качествами, скромнымъ и благороднымъ образомъ мыслей общее къ себѣ расположеніе и внимательность, дѣйствительно, заслуживаетъ справедливое къ себѣ участіе». При этомъ губернаторъ приложилъ копію записки Желиговскаго, подлинникъ которой представлень послѣднимъ въ февралѣ 1851 г. прежнему олонецкому губернатору, а вторая копія была послана шефу жандармовъ.

Желиговскій, между прочимъ, писалъ: «До сихъ поръ никто еще не требовалъ у меня объясненія и не спрашивалъ меня ни о духѣ, ни о цѣли моего сочиненія, и быть можетъ, что я дѣйствительно ошибаюсь въ моемъ убѣжденіи. Определенное мнѣ наказаніе я принялъ съ полнымъ благоговѣніемъ, такъ какъ всегда съ благоговѣніемъ принималъ я и всякую волю правительства. Но то же самое правительство дозволяетъ каждому вѣрноподданному приносить оправданія свои или даетъ ему средства къ исправленію

себя и заслугъ. Я прибѣгаю къ в. пр — ву съ полною откровенностью и съ исповѣданіемъ правды,—я чуждъ всякой лжи, ибо долженъ дорожить правдою потому, что каждое мое слово, какъ чело-вѣка общественнаго, какъ автора, входитъ въ исторію моей жизни, и потому, что я исполненъ чувства глубочайшаго къ вамъ уваженія.

«По окончаніи курса наукъ въ Дерптскомъ университетѣ со степенью кандидата и отлично хорошимъ поведеніемъ, я возвратился на родину въ Виленскую губ. и тотчасъ опредѣлился въ гражд. службу при вилен. воен. губ. Мирковичѣ. Но, по домашнимъ обстоятельствамъ и по старости моихъ родителей, я не могъ продолжать этой службы долѣе двухъ лѣтъ. Почти постоянно проживая всегда въ г. Вильнѣ. я имѣлъ случай быть свидѣтелемъ безпрестанныхъ арестованій по политическимъ дѣламъ, раздражающихъ, съ одной стороны, правительство противъ жителей тамошняго края, а съ другой,—огорчающихъ сердца семействъ осужденныхъ. Я открылъ эту причину въ томъ, что молодые люди, увлеченные или недостаткомъ здравыхъ понятій, или политическими переворотами на Западѣ, или же подстрекаемые эмиссарами, присылаемыми изъ-за границы, составляли тайныя общества. Я видѣлъ въ этомъ двойное зло для моего края: жители его, видя сочленовъ своихъ, подвергаемыхъ наказанію, или лишаясь ихъ навсегда, не бывъ въ состояніи найти причину этого бѣдствія въ собственномъ своемъ поведеніи, боялись правительства, но не привязывались къ нему, чѣмъ отдалялась вождѣлѣнная минута соединенія взаимною любовью пр—ва съ народомъ. А другое зло, что молодые люди, способные къ самопожертвованію и потому не безъ благородныхъ качествъ, по одному лишь худому направленію своихъ понятій, вмѣсто пользы, были вредными для края, ибо сдѣлались орудіемъ неблагорасположенности пр—ва и юную свою собратью вводили на злой путь. И сверхъ того, возникло и третье еще зло, которое не есть уже никакой тайною—что люди подлые, которыхъ мы вездѣ находимъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ тамошнихъ жителей для честолюбивыхъ видовъ своихъ, дѣлали ложныя представленія, которыя обнаружилъ въ 1841 г. ген. Назимовъ и донесъ о томъ государю императору, вслѣдствіе чего совѣтникъ Анисимовъ и нѣсколько ему подобныхъ, по выс. повелѣнію, подвержены наказанію. Такое положеніе дѣлъ, такой печальный драматъ поразилъ меня сильно.

— «Люди, навлекшіе на себя строгое, но справедливое наказаніе пр—ва, считались мучениками, и это понятіе распространилось до того, что подобное мученичество было уже славою; я могу присо-вокупить о томъ одинъ случай. Одинъ молодой чело-вѣкъ подалъ на себя самъ безымянный доносъ, что онъ есть важный госуд.

преступникъ; обвиненіе это онъ повторилъ неоднократно и, наконецъ, былъ арестованъ. При слѣдствіи открыто, что дѣвица, въ которую онъ былъ влюбленъ, сказала ему, что она не станетъ его любить до сихъ поръ, пока не увидитъ его увѣнчаннымъ пальмою мученичества. Этотъ молодой человѣкъ сужденъ въ солдаты въ Оренбургскій корпусъ. Тѣ были пороки молодого поколѣнія, старое же, необразованное и самолюбивое, роптало и противоборствовало по мѣрѣ возможности благодѣтельнымъ улучшеніямъ крестьянскаго быта, ограничивающимъ ихъ самоуправіе введеніемъ инвентарей и ограниченіемъ выкурки несмѣтнаго количества горячаго вина, такъ вредно дѣйствующаго на здоровье и нравственность крестьянъ.

«Въ такомъ положеніи вещей, когда благоразумныя и благонамѣренныя усилія пр—ва не понимались старыми; когда, съ другой стороны, ни печальные примѣры, ни строгія мѣры, принимаемыя пр—вомъ, не производили ожидаемаго на молодыхъ умахъ впечатлѣнія, нуженъ былъ гласъ! гласъ родной, который бы потрясъ сильно чувствомъ ихъ печальной боли и промолвилъ къ этимъ заблужденнымъ: «Я васъ, собратья, не наказывать, не судить прихожу, но прихожу заплакать надъ вами. Я понимаю васъ! Я страдаю болью матери, отца, жены, брата, сестры и всѣхъ васъ, которые лишаетесь изъ среди родныхъ всего, что дорогое для сердца вашего. Я плачу съ вами, но къ горю вашему я еще одно прибавить долженъ, что всему этому вы сами виноваты, ибо, ослѣпленные самолюбіемъ, не понимаете своего положенія. Вамъ кажется, что вы чудотворцы, что вы сдѣлаете все, что захотите; вы желаете присвоить себѣ власть творца, который владѣетъ исторією точно такъ, какъ и судьбою каждаго, въ особенности человѣка. Но вы не хотите заглянуть въ исторію—и вотъ причина бѣдствія и страданія вашего. Взгляните на жизнь старшаго поколѣнія и найдете ее помраченною, униженною и препятствующею всякому усовершенствованію; взгляните на юныхъ ровесниковъ вашихъ, и жизнь ихъ и стремленіе покажутся вамъ безумными и безосновательными; взгляните какъ много изъ васъ неблагородныхъ, преданныхъ праздности и пустымъ развлеченіямъ, какъ много изъ васъ торгующихъ сердцами своими для улучшенія своего состоянія богатою женитьбою, несмотря на то, что счастье ваше и счастье дѣтей вашихъ зависитъ отъ взаимной любви въ супружествѣ. А старшіе среди васъ угнетаютъ крестьянъ или разпоиваютъ ихъ водкою, убиваютъ ихъ нравственность для личныхъ выгодъ. Будьте правы, благородны и добродѣтельны и вотъ все, что должно быть стараніемъ вашимъ! а остальное оставьте Богу, онъ печется о

жизни каждаго самоничтожнаго творенія, а тѣмъ болѣе о благѣ каждаго края. Да будете такими, какъ Богъ повелѣваетъ, а Богъ сдѣлаетъ все, что для васъ будетъ нужно, ибо онъ можетъ умило-сердиться только надъ тѣми, которые исполняютъ его приказаніи».

«Такимъ голосомъ, по мнѣнію моему, можно было только по-дѣйствовать на умъ и сердце тѣхъ заблужденныхъ, которыхъ строгія мѣры пр—ва, ссылка и заточенія не могли воздержатъ отъ пагубнаго направленія. Дабы сыскать этотъ тонъ пѣсни, нужно было понимать пульсы народной жизни, нужно было дать восчувствовать, что гласъ этотъ происходитъ изъ груди человѣка, любящаго свой край, ибо иначе пѣснь была бы только безмолвнымъ звукомъ и осталась бы безъ дѣйствія, такъ какъ безъ дѣйствія были и продолжительныя постигнувшія этотъ край наказанія.

«Ваше пр—во! вотъ все, что я хотѣлъ сказать и что я дѣйствительно сказалъ въ моемъ сочиненіи, съ дозволенія цензуры напечатанномъ въ г. Вильнѣ въ 1846 и перепечатанномъ въ 1847 году. Это составляетъ исключительно содержаніе его въ отношеніи социальномъ.

«...Во имя чести я высказалъ вамъ буквально всю правду. Въ подтвержденіе словъ моихъ, я на судъ вашъ предаю всю жизнь свою. Проживая въ Вильнѣ во время безпрестанныхъ политическихъ безпокойствъ, я ни въ одномъ заговорѣ не принималъ ни малѣйшаго участія, ибо я самый законный заговорщикъ противу всѣхъ заговоровъ. Многихъ изъ юныхъ соотечественниковъ моихъ я вдохнулъ чувствомъ любви и примиренія для всѣхъ славянъ, какъ собратьевъ нашихъ. Сверхъ того, могу присовокупить дѣйствительный фактъ, о которомъ легко можно удостовѣриться, что со времени изданія моего сочиненія, т.-е. отъ четырехъ лѣтъ, университетская молодежь, которой обыкновенною страстью было склоняться въ тайныя общества, вслѣдствіе развитыхъ мною понятій, никакого не составила заговора. Сочиненіе мое произвело даже вліяніе и на польскую эмиграцію, ибо она, убѣждаясь, что всѣ ея усилія, по случаю приличнаго направленія понятій, будутъ тщетными, перестала тревожить насъ эмиссарами, этою ужасною грозою для края нашего.

«Такая мысль была въ душѣ моей! и все, что я сказалъ, заключаетъ дѣйствительную цѣль и содержаніе моего сочиненія, двоекратно припечатаннаго съ дозволенія цензуры. Но какъ, по распоряженію мѣстнаго начальства, поэма эта, высшимъ слогомъ написанная, переведена была по-канцелярски, на образецъ официальныхъ бумагъ, то потому артистическая его сторона, введеніе на сцену духовъ, мистическіе оттѣнки, свойственные польской поэзіи,

могли пониматься двусмысленно; но какъ принятое авторомъ направление во всемъ соотвѣтствуетъ волѣ и намѣреніямъ пр—ва, то причина невыгодныхъ объ немъ сужденій можетъ лежать въ незрѣлости авторскихъ его способностей или въ недостаткѣ таланта, но никогда въ худыхъ намѣреніяхъ.

«Я остался бы даже вполне довольнымъ полученнымъ наказаніемъ, если бы слова мои, къ произнесенію которыхъ въ другомъ случаѣ не имѣлъ бы никакого права, могли содѣйствовать къ прекращенію недоумѣній и происходящихъ оттого вредныхъ послѣдствій. Наконецъ, я даже готовъ былъ бы пожертвовать авторскимъ поприщемъ моимъ, подвергшимъ меня столь неблагополучнымъ и печальнымъ послѣдствіямъ, и посвятить малая свои способности государственной службѣ и облегченію участи огорченной и разоренной фамилии моей».

Гр. Орловъ нашелъ просьбу Желиговскаго не подлежащей удовлетворенію. Въ іюлѣ 1852 г. онъ повторилъ ее, просясь на 4 мѣсяца, но снова получилъ отказъ. Весной 1853 г. олонекій губернаторъ поддерживалъ ходатайство Желиговскаго о переводѣ его на службу въ Спб., гдѣ тотъ могъ бы и лѣчиться, а въ случаѣ неудобства — въ Оренбургскую губ., для питья кумыса. Мѣстный жандармъ находилъ его «вполнѣ заслуживавшимъ участія». Гр. Орловъ на переводъ въ Оренб. губ. согласился. Въ августѣ 1853 г. воен. министръ кн. Долгоруковъ запросилъ министра вн. дѣлъ, какой польскій литераторъ и кѣмъ направленъ въ Оренбургъ, куда присланъ и унтеръ-офицеръ Трубецкой. Встрѣтившись въ Олонцѣ съ больнымъ Трубецкимъ, Желиговскій отправился дальше въ одномъ съ нимъ экипажѣ. Приказано было узнать, на какомъ основаніи олонеккая власть допустила это, отправивъ Желиговскаго по подорожной и безъ провожатаго. 29 августа кн. Долгоруковъ сообщилъ министру, что государь, узнавъ о переводѣ Желиговскаго въ Оренбургъ, положилъ резолюцію: «Трубецкого отправить на службу гдѣ есть случай къ дѣлу: въ Аральскъ или въ новый фортъ Перовскій, а Желиговскаго перевести въ другое мѣсто, а не въ самый Оренбургъ. Съ допустившихъ безпорядокъ строго взыскать».

Министръ назначилъ Желиговскому Вятскую губернію. Оренбургскій ген.-губ. сообщилъ, что впредь до выздоровленія Желиговскій не можетъ быть направленъ туда, а потому не лучше ли, имѣя въ виду кумысное лѣченіе, перевести его въ Уфу. По докладѣ происшедшаго недоразумѣнія, государь приказалъ оставить дѣло безъ послѣдствій, а на переводъ въ Уфу послѣдовало согласіе. 28 января 1854 г. Желиговскій туда и прибылъ и вступилъ на службу въ канцелярію гражд. губернатора; въ маѣ былъ произве-

день «по степени кандидата дипломатіи» въ кол. секретари. Въ іюль 1855 г. онъ просилъ о дозволеніи проживать въ столицахъ или Варшавѣ. Ген.-губ. В. Перовскій просьбу поддержалъ. Шефъ жандармовъ нашелъ неудобнымъ возбужденіе такого ходатайства, но общалъ «имѣть его въ виду при предполагаемомъ имъ общемъ представленіи о лицахъ, заслуживавшихъ облегченія участи». Затѣмъ Желиговскій былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ Оренбургской губерніи, а въ январѣ 1857 г., въ виду согласія ген.-губ. С.-З. края, былъ возвращенъ на родину (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполнит. 1850 г. № 2134). Такимъ образомъ ясно, что заимствованное мною изъ словаря Ольгебранда свѣдѣніе о 10-лѣтнемъ пребываніи Желиговскаго въ Сибири невѣрно, какъ и многое въ томъ изданіи.

Къ № 1576. 15 октября 1853 г. нѣкій Aristide B. de Schinas обратился изъ Парижа къ ген. Дубельту съ большимъ письмомъ. Изъ послѣдняго видно, что онъ родился въ Одессѣ, отецъ былъ эмигрантомъ; воспитывался во Франціи, будучи уже по отцу греческимъ подданнымъ; въ 1846 г. вернулся въ Россію, не былъ принятъ въ армію въ качествѣ переводчика и въ 1853 г. отправился въ Парижъ учиться пѣнію. Pitzipios зналъ съ дѣтства; онъ потомъ состоялъ проф. греческаго языка въ Ришельевскомъ лицее, затѣмъ поселился въ Афинахъ и былъ редакторомъ журнала «Sauveur» («Спаситель»). Пять лѣтъ назадъ Питчипіо сдѣлался турецкимъ подданнымъ, получилъ званіе бея и достоинство тайнаго совѣтника султана; ему было поручено объѣхать Румелію и др. турецкія провинціи для пріобрѣтенія султану расположенія греческаго населенія. Тогда онъ вошелъ въ сношенія съ папой и іезуитами и началъ сильную пропаганду. Греки его боготворили. Тогда же, безъ вѣдома турецкаго правительства, П. организовалъ Восточное Христіанское общество (La Société Chrétienne Orientale), съ девизомъ «Единство и милосердіе», пользующееся поддержкой Рима. Захвативъ большую часть бумагъ секретной канцеляріи султана и бѣжавъ изъ Константинополя въ Парижъ, мѣсто управленія общества, напечаталъ тамъ «Programme de la Société Chrétienne Orientale», цѣль котораго—соединеніе восточной церкви подъ верховной властью папы. Въ одной Румеліи было до 50,000 членовъ этого общества, столько же въ Италіи, Франціи, Германіи и Англіи. Предлагая свои услуги и дальше играть роль его единомышленника, Шина писалъ, что «готовъ даже, если нужно, жертвовать своею жизнью, такъ какъ чувства его неизмѣнны: въ храмѣ св. Софіи должна быть обѣдня подъ сѣнью россійскаго императорскаго орла; императоръ Николай Великій есть единственный за-

конный наслѣдникъ византійскихъ цезарей и отецъ всѣхъ насъ, православныхъ». Турецкое правительство боится преслѣдовать Питчилию, опасаясь опубликованія захваченныхъ бумагъ. 13 октября Дубельтъ отвѣчалъ на письмо Schinas, что, конечно, его поблагодарятъ за всякое содѣйствіе, но на проектѣ отвѣта есть помѣтка: «Графъ приказалъ оставить, доколѣ онъ еще разъ напишетъ»,—на этомъ дѣло и кончается. Любопытно, что на письмѣ Schinas Дубельтъ помѣтилъ: «Прошу г. Плетнева перевести». Надо думать, что рѣчь шла о П. А. Плетневѣ, пользовавшемся, такимъ образомъ, довѣріемъ III Отдѣленія (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1853 г., дѣло № 35).

Позже Pitzipios издавалъ въ Лондонѣ «La Revue Orientale». На какой почвѣ произошло его знакомство съ Герценомъ, установить не удалось.

1669 bis. Письмо къ Н. А. Герцень.

30 July (1861).

Orsett House, Westbourne terrace.

Мы оба очень благодарны за скорое извѣщеніе. Начинаю съ главнаго: если квартиры не очень дороги, нанимайте крупнѣе съ садикомъ,—ну, въ 4 гиней.

Чтобъ вовсе не было ваннъ морскихъ, не могу думать.

Вчера, пришедши домой, я увидѣлъ, что на желѣзной дорогѣ меня обочли на 10 шил. Я—туда Tass. ¹⁾). Молодой человекъ говоритъ, что знать не знаетъ, а тутъ пришелъ начальникъ, спросилъ,—тотъ сконфузился и прислалъ 10 ш. назадъ. Обѣдъ вчера намъ Tass. приготовилъ такой, что мы встали голодные. Въ силу всего сего и многого другого, онъ отходить 30 августа.

Найдите-ка турчанку въ повара.

Отчего Ольга не писала, а Natalie даже намъ и поклона не послала, объ этомъ спроси Ольгу, т.-е., по обычаю, я ошибся и хотѣлъ сказать—Лизу.

Какъ на Лизу подѣйствовало море?

Еще всѣхъ васъ обнимаю и желаю здоровья и здоровья.

Euer Hochwohlgeboren habe ich die Ehre demütigst zu benachrichtigen, dass nach'm Empfange Ihres wertesten Schreibens—habe ich Ihren Befehl realisirt mit Multiplikation—und Marie 2 Liv.—offerirt ²⁾).

¹⁾ Tassinari.

²⁾ Имѣю честь смиреннѣйшимъ образомъ доложить Вашему Высоко-родію, что, по полученіи Вашего почтеннаго письма, я выполнилъ Вашъ приказъ въ умноженномъ видѣ и предложилъ Маріи два фунта.

1709 bis. Письмо къ Н. П. Огареву.

Newton.
4½ часа.

Сижу на станціи,—о коляскѣ и думать нечего до 7, а въ 8 train Экингтонъ. Ночь была удивительная и опять пахнетъ моремъ. Путешествовать всегда слѣдуетъ ночью. Я спалъ, какъ дома, одинъ въ каретѣ. Не надобно брать экспрессовъ,—тутъ можно было и выходить, и не надобно бѣгать, высунувъ языкъ. Зато куска хлѣба нельзя достать ночью—все заперто.

Дознайся прежде bon à tiger ¹⁾ объ университетѣ. А я отсюда тебѣ сообщаю новость: говорятъ, что Бакунинъ пробрался въ Америку,—это я нашелъ въ послѣднемъ письмѣ.

Въ Турціи все благополучно. Ольга очень на мои глаза по-здоровѣла; завтра ей жгутъ носъ.

Всѣ кланяются Nat. и тебѣ, всѣ разспрашиваютъ о Лизѣ.

Присылай газеты и письма. Завтра буду писать. Прощай и цѣлуй Лизу.

Начала ли, Natalie, ты перемѣщеніе? Если ты хочешь,—внизъ. Непремѣнно надобно... ²⁾ въ маленькую комнату.

Опечатки.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
170	18 сн.	Рущинъ	Рутцинъ
212	10 св.	Vidal	Vidil
240	1 сн.	Агапій	Андрей

Соотвѣтственно съ другой фамиліей, указанной для стр. 212, слѣдуетъ первое примѣчаніе замѣнить слѣдующимъ: Въ юлѣ въ лондонскомъ судѣ разбиралось дѣло о намѣреніи бар. Видиль убить своего сына; ѣдучи рядомъ верхомъ, за городомъ, отецъ вдругъ дважды ударилъ сына по головѣ тяжелой металлической рукоятью большого арапника.

¹⁾ Подпись къ печати.

²⁾ Слово не разобрано.

Цена 20 рублей

✓ 25-

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

ПЕТЕРБУРГ:

1) Фонтанка, 55, кв. 10; 2) Кабинетская ул., 13.

МОСКВА:

Советская пл. (Тверская 24), Книжный Склад Народного Комиссариата по Просвещению.